D 18/347

ДѢЛО
МЯСНИКОВЫХЪ

Стенографическій отчетъ

И. К. МАРКУЗЕ.

ЦѢНА 1 Р. 25 К.

САНКТПЕТЕРВУРГЪ.
1872.

Д
347

ДѢЛО МЯСНИКОВЫХЪ.

ДѢЛО

МЯСНИКОВЫХЪ.

Стенографическій отчетъ

И. К. МАРКУЗЕ.

ЦѢНА 1 Р. 25 К.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія К. В. Трубникова, Литейная, № 42.

1872.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ * ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА

2007043212

ВВЕДЕНІЕ

къ стенографическому отчету по дѣлу братьевъ Мясниковыхъ и Караганова.

Въ нашей судебной практикѣ, съ тѣхъ поръ, какъ введенъ новый гласный судъ, нѣтъ процесса, изобилующаго такимъ множествомъ интересныхъ, какъ для криминалиста, такъ и для всякаго другаго, сторонъ и матеріаловъ, какъ процессъ Мясниковыхъ. Нѣтъ и другаго процесса, занявшаго болѣе общественное мнѣніе, надѣлавшаго столько шуму. Въ самомъ дѣлѣ, изъ нѣдръ стараго суда, въ которыхъ это дѣло, въ теченіи десятка лѣтъ, то двигалось тихо и стройно, то покоилось въ канцелярской тайнѣ, подъ сукномъ присутственныхъ мѣстъ, лишь изрѣдка, какъ бы случайно, давая о себѣ нѣкоторый слухъ, переносимый робкимъ говоромъ, тихимъ ропотомъ по цѣлому краю, — это дѣло, вдругъ, неожиданно, появилось въ свѣтѣ полной гласности. Судъ присяжныхъ разсматриваетъ его и разрѣшаетъ. И смѣло можно сказать, что вердиктъ присяжныхъ, по дѣлу Мясниковыхъ, составляетъ событіе, воспоминаніе о которомъ долго не изгладится въ памяти русскаго общества. Дѣло Мясниковыхъ займетъ мѣсто въ лѣтописяхъ нашей криминалистики.

Съ 17-го по 22-е февраля въ зданіи суда, съ утра до поздняго вечера, толпился народъ. Маленькая присутственная зала 2-го отдѣленія, далеко не могла вмѣстить въ себѣ всѣхъ, желавшихъ собственными глазами увидѣть подсудимыхъ, собственными ушами услышать судебный разборъ.

Предсѣдательствовалъ, при разборѣ этого процесса, *товарищъ председателя окружнаго суда князь Кейкуатовъ*, при *членахъ Сербиновичѣ* и *графѣ Борхъ* и *секретарѣ Лобко*. Обвинялъ молодой, но уже заслуживший извѣстность, *прокуроръ окружнаго суда Кони*. Подсудимыхъ защищали: А. Мясникова—*присяжный повѣренный К. К. Арсеньевъ*; И. Мясникова — *присяжный повѣренный А. И. Языковъ*, а Караганова — *присяжный повѣренный Деппъ*.

Со стороны гражданскихъ истцовъ повѣренными были: *докторъ правъ Лохвицкій* и *присяжный повѣренный Остряковъ*.

Больной, разбитый параличемъ Иванъ Мясниковъ, сидѣлъ не на скамьѣ подсудимыхъ, а въ большомъ мягкомъ креслѣ; его вносили въ залу засѣданія и выносили два человѣка. Подсудимый Карагановъ представлялъ много странностей въ наружности и манерахъ. Густые черные волосы, покрывающіе почти весь его лобъ и большая черная борода, придавали ему угрюмый и дикій видъ.

Засѣданіе суда прошло въ замѣчательномъ порядкѣ; всѣ дѣйствія суда исполнялись съ быстротою и аккуратностью. Только одна свидѣтельница, изъ числа вызванныхъ судомъ свидѣтелей, оказалась вызванною по ошибкѣ, вмѣсто другой, дѣйствительной свидѣтельницы по дѣлу. Вслѣдствіе этой

ошибки обвиненіе лишилось одной свидѣтельницы, которую оно считаетъ, какъ мы слышали, важною.

Отчетъ засѣданія кассаціоннаго департамента правительствующаго сената, куда поступило это дѣло, мною будетъ сообщенъ въ прибавленіи къ настоящему отчету.

Стенографъ **И. К. Маркузе.**

С.-Петербургъ,
6-го апрѣля 1872 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Засѣданіе 17-го февраля.

	стр.
Вопросъ о правѣ участія въ дѣлѣ гражданскихъ истцовъ . .	1
Постановленіе суда по этому вопросу.—О свидѣтеляхъ нелвившихся.	11
Выборъ присяжныхъ и отводъ	13
Обвинительный актъ	14
Ошибка, допущенная въ обвинительномъ актѣ	53
Допросъ подсудимыхъ	54
Предложенные сторонами экспертамъ, по сличенію почерковъ, вопросные пункты	66
Допросъ эксперта—врача Дюкова объ умственномъ состояніи подсудимаго Караганова	68
Вопросъ объ изслѣдованіи умственнаго состоянія подсудимаго Караганова	74
Постановленіе суда по этому вопросу. — Допросъ эксперта—врача Баталина объ умственномъ состояніи подс. Караганова	78
Допросъ Караганова въ отсутствіи другихъ подсудимыхъ . .	79
Свидѣтельница Караганова	81
Свидѣтельница Антонина Махаева	82
Свидѣтель Кунаковскій	88
Свидѣтель Киселевъ	92
Свидѣтель Крюковъ	94
Свидѣтель Жуковъ	95

Свидѣтель Бѣляевъ 98
Свидѣтель Ашкаринъ 100
Показанія Кошелькова и Балашева 102
Свидѣтель Карагановъ 104

II. Засѣданіе 18-го февраля.

Врученіе экспертамъ по сличенію почерковъ вопросныхъ пунктовъ, судомъ постановленныхъ.—Заявленіе г. прокурора . 105
Письмо Караганова 106
Телеграммы А. К. Мясникова и Кошелькова. 107
Телеграммы Булычева, Кошелькова, Мясникова, Цынина. Письма Цынина, Гудкова и Караганова 108
Объясненіе А. Мясникова.—Заявленіе г. Арсеньева.—Письма Карагановыхъ (отца и сына) 110
Письма Караганова, ставропольскаго управляющаго, Кошелькова 111
Телеграммы Жукова, Кошелькова, Мясникова.—Письма и телеграммы Караганова. 112
Заявленіе г. Острякова 113
Заявленія прокурора, г. Арсеньева и г. Лохвицкаго 114
Свидѣтель Ижболдинъ. 115
Заявленіе г. Арсеньева 117
Заявленія прокурора и гг. Языкова, Острякова и Арсеньева . 118
Свидѣтельница Ижболдина.—Свидѣтель Красильниковъ . . . 119
Подсудимый А. Мясниковъ.—Свидѣтель генералъ Ракѣевъ . . 122
Очная ставка свидѣтелей Ракѣева съ Красильниковымъ.—Ходатайство г. Арсеньева и постановленіе суда. Ходатайство прокурора о вызовѣ новаго свидѣтеля. 123
Заявленіе г. Арсеньева.—Постановленіе суда.—Свидѣтель Ермолинскій.—Свидѣтель Ненюковъ 124
Заявленіе г. Лохвицкаго.—Свидѣтель Мыльниковъ.—Заявленіе г. Арсеньева.—Объясненіе предсѣдательствующаго.—Заявленія г. Лохвицкаго и г. Арсеньева.—Свидѣтель полковникъ Ивановъ и его смерть 125
Отвѣты гг. экспертовъ по сличенію почерковъ 127

Заявленія гг. Арсеньева, прокурора, Лохвицкаго и Острякова. 128
Свидѣтель Шевелевъ 129
Очная ставка его съ Ижболдинымъ 138
Заявленія гг. Арсеньева, Лохвицкаго, Языкова, прокурора.—Ходатайство гг. прокурора и Лохвицкаго о вызовѣ свидѣтелей Сысоева и д-ра Красильникова 139
Продолженіе допроса свидѣтеля Шевелева 140
Письмо Шевелева.—Свидѣтель Ижболдинъ. 143
Продолженіе допроса свидѣтеля Шевелева 144
Постановленіе суда по ходатайству защиты и повѣрен. гражданскихъ истцовъ.—Показаніе Исаева 147
Письмо Исаева.—Показаніе Германа. 148

III. Засѣданіе 19-го февраля.

Свидѣтельница Бѣляева 150
Заявленіе г. Лохвицкаго 162
Продолженіе допроса свидѣтельницы Бѣляевой 163
Заявленіе г. Арсеньева 164
Заявленіе г. Лохвицкаго 165
Ходатайство прокурора 166
Возраженіе г. Арсеньева.—Постановленіе суда.—Подсудимый А. Мясниковъ 167
Подсудимый И. Мясниковъ. Очная ставка свидѣтельницы Бѣляевой съ Красильниковымъ 168
Заявленіе прокурора.—Прошенія и жалоба Бѣляевой.—Производство по опекѣ Шишкина.—Письма Шишкина и Рицони.—Письма Бѣляевой и Мясниковыхъ.—Письма Чевакинскаго 169
Заявленіе г. Арсеньева 182
Заявленія прокурора и гг. Арсеньева и Языкова 184
Подсудимый И. Мясниковъ.—Разъясненіе предсѣдателя.—Заявленіе прокурора 185
Свидѣтель Сысоевъ.—Очная ставка его съ свидѣтелемъ Шевелевымъ.—Свидѣтель врачъ Красильниковъ 186

Свидѣтель графъ Апраксинъ.—Свидѣтель графъ Клейнмихель.—Свидѣтель Китаевъ.—Свидѣтель Афонасьевъ.— Свидѣтельница Ремлинникова. 187
Заявленіе прокурора и г. Арсеньева 188
Свидѣтель Штеммеръ.—Свидѣтельница Авдотья Кемпе.—Показаніе Синцовой 189

IV. Засѣданіе 20-го февраля.

Свидѣтельница Дементьева.—Свидѣтель кондукторъ Ивановъ . 190
Свидѣтель д-ръ Тильманъ.—Свид. Гротенъ.—Свид. Молво.—Свидѣтель Клюевъ 191
Письма Мартьяновой 192
Свидѣтельница Терентьева 193
Показаніе Матвѣева 194
Свидѣтель Гонинъ 196
Свидѣтель сенаторъ Веймарнъ.—Свидѣтель Жоховъ 197
Свидѣтель Слѣпцовъ.—Свидѣтель Струбинскій —Свидѣтель Парфенниковъ.—Свидѣтельница Петрова.—Свидѣтель Поликарповъ.—Свидѣтельница Иванова 198
Свидѣтель Яковлевъ.—Свидѣтель Иванъ Денисьевъ 199
Свидѣтель Тепловъ.—Свидѣтель Чевакинскій. 200
Заявленіе г. Острякова.—Бумаги, найденныя при обыскѣ у А. Мясникова и свидѣтеля Чевакинскаго. 201
Свидѣтель Борзаковскій 202
Свидѣтели Герасимовъ, Безсоновъ, Сицилинская, Гавриловъ, Погожевъ, Нефловъ.—Показанія Шимановскаго, Федюхина, Серебрянаго, Столбова, Афонасьева, Зиновьева, Помрачева, Перозіо, Бенардаки и Попова.—Два письма Сицилинскаго. 203
Ходатайство г. Арсеньева, возраженіе г. Лохвицкаго и постановленіе суда 204

V. Засѣданіе 21-го февраля.

Рѣчь г. Кони. 205
Рѣчь д-ра правъ Лохвицкаго 273

Рѣчь присяжнаго повѣреннаго Острякова. 289
Рѣчь присяжнаго повѣреннаго Арсеньева. 295

VI. Засѣданіе 22-го февраля.

Рѣчь присяжнаго повѣреннаго Языкова 366
Рѣчь присяжнаго повѣреннаго Деинъ 395
Послѣднее слово подсудимыхъ.—Вопросные пункты суда . . 404
Заявленія гг. Деинъ и Лохвицкаго 405
Заявленіе г. Арсеньева.—Вердиктъ присяжныхъ.—Постановленіе суда 406

I.

(Засѣданіе 17-го февраля).

Засѣданіе открыто въ 11 1/2 часовъ пополуночи.

Г. Предсѣдательствующій. Въ виду заявленнаго повѣренными гражданскихъ истцовъ по настоящему дѣлу желанія участвовать при разсмотрѣніи дѣла и въ виду того, что повѣренные гражданскихъ истцовъ, если будутъ допущены къ участію, могутъ принять участіе и въ разрѣшеніи вопроса о продолженіи настоящаго засѣданія, суду необходимо прежде всего постановить опредѣленіе относительно допущенія къ участію при разсмотрѣніи дѣла повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ.

Прис. пов. Арсеньевъ. Когда гражданскіе истцы, на предварительномъ слѣдствіи, заявили свое намѣреніе участвовать въ дѣлѣ, они признавали, что вопросъ о правѣ ихъ на это участіе былъ разрѣшенъ уже указомъ сената 1867 года, о неправильномъ прекращеніи дѣла, начатаго Мартьяновою, а также рѣшеніемъ окружнаго суда, состоявшагося по гражданскому дѣлу о завѣщаніи Бѣляева въ 1870 году. Слѣдовательно, я долженъ прежде всего доказать, что этими рѣшеніями присутственныхъ мѣстъ вопросъ о правѣ гг. Ижболдиныхъ и Пѣшехоновой участвовать въ дѣлѣ въ качествѣ гражданскихъ истцовъ не предрѣшенъ. Разсмотрѣнію сената, по свойству принесенной частной жалобы, подлежалъ только одинъ вопросъ о томъ, правильно ли поступила гражданская палата, прекративъ дѣло по иску Мартьяновой вслѣдствіе ея смерти. И только этотъ вопросъ разрѣшенъ былъ сенатомъ въ томъ смыслѣ, что дѣло палатою прекращалось

неправильно. Что же касается до права Ижболдиныхъ и Пѣшехоновой являться въ настоящемъ дѣлѣ въ качествѣ гражданскихъ истцовъ, то вопросъ этотъ не только не былъ разрѣшенъ, но даже и не былъ поставленъ. Что касается до рѣшенія окружнаго суда, то хотя вопросъ о правѣ этихъ лицъ участвовать въ дѣлѣ въ качествѣ истцовъ и разрѣшенъ имъ утвердительно, но эта часть рѣшенія не вошла въ окончательную силу по той простой причинѣ, что оно представляется не окончательнымъ выводомъ окружнаго суда, а только однимъ изъ его соображеній. Между тѣмъ нашею судебною практикою давно признано, что соображенія судебныхъ мѣстъ необязательны и что если они и не были обжалованы, то тѣмъ не менѣе не могутъ считаться вошедшими въ законную силу, потому что въ законную силу могутъ входить только окочательные выводы, окончательное опредѣленіе суда. Поэтому я признаю себя вправѣ поднять вопросъ о томъ, имѣютъ ли право Ижболдины и Пѣшехонова считаться гражданскими истцами. По смыслу нашихъ законовъ и рѣшенія кассаціоннаго департамента по дѣлу о завѣщаніи Княжнина въ 1869 году за № 617, гражданскими истцами въ дѣлахъ о духовныхъ завѣщаніяхъ слѣдуетъ признавать такихъ лицъ, интересы которыхъ зависятъ отъ признанія завѣщанія подложнымъ; слѣдовательно, въ настоящемъ дѣлѣ право Ижболдиныхъ участоввать въ качествѣ гражданскихъ истцовъ зависитъ отъ того, заключается ли ихъ интересъ въ томъ, чтобы завѣщаніе было признано подложнымъ; а для разрѣшенія этого слѣдуетъ обратиться къ вопросу о томъ, можно ли завѣщать права наслѣдства по закону постороннимъ людямъ. На основаніи 1110 ст. X т. ч. 1-й, когда завѣщаніе признано недѣйствительнымъ по причинѣ или подложности или неформальности, право наслѣдства переходитъ къ наслѣдникамъ по закону. Въ настоящемъ дѣлѣ Ижболдины доказываютъ, что завѣщаніе должно быть признано недѣйствительнымъ на томъ основаніи, что оно подложно; но еслибы этотъ вопросъ и могъ быть разрѣшенъ утверди-

тельно, то возникло ли бы вслѣдствіе этого для Ижболдиныхъ право воспользоваться имуществомъ, оставшимся послѣ Бѣляева? По моему мнѣнію не возникаетъ, потому что признаніе духовнаго завѣщанія недѣйствительнымъ даетъ только право просить объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства по закону—а это право можетъ принадлежать только кровнымъ родственникамъ лица, послѣ котораго осталось наслѣдство. Между тѣмъ гг. Ижболдины и Пѣшехонова никакою кровною родственною связью ни съ покойнымъ Бѣляевымъ, ни съ сестрою его Мартьяновою не соединены; они основываютъ свои права въ настоящемъ дѣлѣ только на завѣщаніи, оставленномъ покойною сестрою Бѣляева Мартьяновою, по которому она завѣщала имъ свой искъ о настоящемъ наслѣдствѣ. Слѣдовательно, еслибы завѣщаніе и было признано недѣйствительнымъ, то, какъ лица постороннія, Ижболдины и Пѣшехонова ни въ какомъ случаѣ утверждены въ правахъ наслѣдства быть не могли бы. Этому толкованію, которое я поддерживаю въ настоящее время и которое приводилъ при производствѣ дѣла въ гражданскомъ судѣ, я нашелъ драгоцѣнное подтвержденіе въ наиболѣе авторитетномъ трудѣ по части нашихъ гражданскихъ законовъ въ „Курсѣ гражданскаго права“ Побѣдоносцева, гдѣ высказывается, что пока наслѣдственныя права не были утверждены законнымъ порядкомъ, до тѣхъ поръ не можетъ быть рѣчи о передачѣ этихъ правъ постороннимъ лицамъ посредствомъ духовнаго завѣщанія. Вотъ соображенія, по которымъ я признаю, что Ижболдины и Пѣшехонова никакого интереса въ томъ, чтобы завѣщаніе было признано недѣйствительнымъ, не имѣютъ, а слѣдовательно, не могутъ быть гражданскими истцами. По этому не оспаривая довѣренности, предоставленной г. Бѣляевымъ, я прошу устранить всѣхъ повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ отъ участія въ настоящемъ дѣлѣ, и во всякомъ случаѣ внести въ протоколъ постановленіе суда по этому предмету вмѣстѣ съ тѣми мотивами, которые мною были изложены.

Прокуроръ. Я полагаю, что въ настоящемъ дѣлѣ прежде всего надлежитъ обратиться къ разсмотрѣнію опредѣленія сената, состоявшагося на рѣшеніе гражданской палаты. Этимъ опредѣленіемъ положительно было признано, что рѣшеніемъ своимъ гражданская палата неправильно устранила наслѣдниковъ Мартьяновой отъ веденія дѣла въ качествѣ гражданскихъ истцовъ. Это же опредѣленіе сената было принято въ соображеніе и окружнымъ судомъ, который усматривая, что по смыслу 1104 ст. X т. 1-й ч. наше законодательство допускаетъ наслѣдство во всей полнотѣ и совокупности правъ, призналъ возможнымъ допустить Ижболдиныхъ и Пѣшехонову въ качествѣ гражданскихъ истцовъ. Такимъ образомъ уже гражданскимъ судомъ вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу Ижболдиныхъ. Затѣмъ обращусь къ заявленію защиты о невозможности наслѣдникамъ по завѣщанію Мартьяновой явиться истцами къ наслѣдству, слѣдующему по закону. Извѣстно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда наслѣдники по закону умираютъ, прежде утвержденія ихъ въ правахъ наслѣдства, то имущество становится выморочнымъ. У Мартьяновой наслѣдниковъ не было,—и единственными представителями ея имущественной личности были тѣ, которымъ она передала свои имущественныя права, въ числѣ которыхъ и находилось право на отысканіе по завѣщанію наслѣдства послѣ ея умершаго родственника. Я полагаю, что если Мартьянова имѣла право отыскивать наслѣдство по закону, то конечно она могла передать это право такимъ лицамъ, которыя хотя и не были съ нею въ родственныхъ отношеніяхъ, но были для нея самыми близкими людьми. Въ виду этого, а также въ виду того, что во всякомъ случаѣ гражданскіе истцы въ настоящемъ дѣлѣ заинтересованы въ признаніи завѣщанія подложнымъ, и что опредѣленіе ихъ дальнѣйшихъ правъ есть предметъ дальнѣйшаго разбирательства гражданскаго суда, я полагаю, въ силу опредѣленія окружнаго суда и указа сената, допустить повѣренныхъ Ижболдиныхъ и Пѣшехоновой въ качествѣ гражданскихъ истцовъ.

Г. Остряковъ. Въ дополненіе того, что сказалъ г. прокуроръ, я позволю себѣ прибавить слѣдующее: въ указѣ сената отъ 14 февраля 1867 года именно выражено, что Ижболдинъ имѣетъ право продолжать дѣло, начатое Мартьяновою, въ качествѣ наслѣдника. На это рѣшеніе 4-го департамента сената не было принесено апелляціонной жалобы и оно вошло въ окончательную силу; независимо отъ этого опредѣленія сената составилось рѣшеніе гражданскаго окружнаго суда, который призналъ что Ижболдины, какъ наслѣдники Мартьяновой, родной сестры Бѣляева, имѣютъ право продолжать искъ по завѣщанію. Замѣчаніе сдѣланное защитникомъ А. Мясникова, едва ли имѣетъ основаніе. Онъ говоритъ, что право Ижболдиныхъ было приведено не въ заключеніи, а въ мотивахъ суда, которые, на основаніи извѣстныхъ рѣшеній кассаціоннаго департамента, не входятъ въ окончательную силу. Я полагаю, что здѣсь болѣе, чѣмъ мотивы. Окружной судъ, разсмотрѣвши дѣло это по существу, задался предварительнымъ вопросомъ о томъ, имѣютъ ли право Ижболдины участвовать въ этомъ дѣлѣ въ качествѣ гражданскихъ истцовъ и разрѣшилъ этотъ вопросъ утвердительно; если бы онъ подвергалъ этотъ вопросъ какому-либо сомнѣнію, то само собою разумѣется, не было бы ни малѣйшаго основанія къ разсмотрѣнію дѣла по существу. Обращаясь къ тому, что будто Ижболдины сами по себѣ не имѣютъ права участія въ этомъ дѣлѣ, я долженъ замѣтить слѣдующее: Мартьянова—родная сестра покойнаго завѣщателя; объ этомъ никто не споритъ—доказательства этому представляются въ дѣлѣ, производившемся въ 1-мъ департаментѣ гражданской палаты и находящемся здѣсь при производствѣ метрическомъ свидѣтельствѣ; что Мартьянова по духовному завѣщанію всѣ права свои уступила Ижболдинымъ — объ этомъ также никто не споритъ. Весь вопросъ въ томъ, имѣла ли она право передать эти права? По нашему мнѣнію она имѣла на это полное право; наслѣдство, какъ по завѣщанію, такъ и по закону, открывается смертью владѣльца; послѣ

смерти Бѣляева, уже въ силу самаго закона, она получила права на наслѣдство, которыя ей принадлежатъ. Въ Высочайшемъ мнѣніи государственнаго совѣта категорически и ясно выраженъ тотъ принципъ, что наслѣдство возникаетъ въ минуту смерти владѣльца имущества и въ судебномъ утвержденіи наслѣдниковъ надобности не предстоитъ, а совершенно зависитъ отъ произвола наслѣдниковъ представлять или не представлять въ судебномъ мѣстѣ свои права. Права эти пріобрѣтаются уже силою факта, а не рѣшеніемъ судебнаго мѣста. Въ заключеніе я долженъ сказать, что Ижболдины признаны уже гражданскими истцами самымъ и опредѣленіемъ судебной палаты, утвердившей обвинительный актъ, при которомъ въ числѣ разныхъ лицъ, вызываемыхъ къ слѣдствію, вызываются Ижболдины въ качествѣ гражданскихъ истцовъ. За такимъ разрѣшеніемъ судебной палаты разсмотрѣніе настоящаго вопроса не должно имѣть мѣста въ судѣ.

Г. Іохвицкій. Къ сказанному моимъ сотоварищемъ я имѣю честь прибавить слѣдующее: Защитникъ А. Мясникова не отрицаетъ нисколько законности довѣренности, а отрицаетъ только самое право Ижболдиныхъ быть въ настоящемъ дѣлѣ гражданскими истцами; но такъ какъ право Ижболдиныхъ быть въ настоящемъ дѣлѣ гражданскими истцами признано окружнымъ судомъ и объ этомъ признаніи защита своевременно была извѣщена и своевременно не подала ни жалобы, ни протеста, ни объясненія, то я полагаю, что за подобнымъ упущеніемъ настоящее заявленіе защиты не подлежитъ разсмотрѣнію суда.

Г. Арсеньевъ. Что касается до указа правительствующаго сената, который приводится основаніемъ права гражданскихъ истцовъ въ настоящемъ дѣлѣ, то въ этомъ указѣ сената сказано, что вообще иски и тяжбы могутъ быть предметомъ передачи; но сенатъ не разсматривалъ вопроса о томъ, имѣютъ ли въ настоящемъ случаѣ Ижболдины право, по самому свойству дѣла, продолжать тяжбу, начатую Мартьяновой; что вообще тяжбы могутъ переходить по на-

слѣдству, это не подлежитъ сомнѣнію, но изъ этого правила есть исключенія, на которыя я и указалъ. Затѣмъ рѣшеніе окружнаго суда не можетъ быть приводимо въ основаніе, потому что въ этомъ рѣшеніи есть только одна часть, которая могла войти въ законную силу, — именно та часть, въ которой окружной судъ постановилъ въ искѣ Ижболдиныхъ и Пѣшехоновой отказать. Вотъ эта часть вошла для отвѣтчицы Вѣлявой въ законную силу. Что же касается до всѣхъ соображеній, на основаніи которыхъ судъ пришелъ къ извѣстному заключенію, то они войти въ законную силу не могли въ виду основнаго права, признаннаго нашею судебною практикою, что въ законную силу входитъ только окончательное рѣшеніе суда. Затѣмъ относительно опредѣленія судебной палаты, я замѣчу только, что такое косвенное признаніе за Ижболдинымъ и Пѣшехоновой права гражданскихъ истцовъ, конечно, не разрѣшаетъ вопроса окончательно, тѣмъ болѣе, что въ виду судебной палаты не было тѣхъ соображеній, которыя представлены въ настоящее время. Затѣмъ другой противникъ мой говоритъ, что окружной судъ въ настоящее время уже допустилъ этихъ лицъ къ участію въ дѣлѣ въ качествѣ гражданскихъ истцовъ, что защитѣ былъ сообщенъ списокъ свидѣтелей, въ которомъ Ижболдины стоятъ въ качествѣ гражданскихъ истцовъ, и что защита не представила возраженій. Я полагаю, что мы не могли представить нашихъ возраженій раньше потому, что случай этотъ по закону не отнесенъ къ тѣмъ, въ которыхъ допускается подача отдѣльныхъ частныхъ жалобъ или заявленій и что первый моментъ, когда мы получаемъ право заявить о томъ, что Ижболдины лица вовсе посторонніе, есть именно настоящій моментъ. Относительно заявленія г. прокурора, я замѣчу, что оно исходитъ изъ ошибочнаго фактическаго предположенія, что послѣ смерти Мартьяновой не осталось наслѣдниковъ по закону, тогда какъ у нея осталась родная сестра Ремянникова, которая является также въ числѣ свидѣтелей. Затѣмъ, указывая на то, что Ижболдины не имѣютъ инте-

реса въ настоящемъ дѣлѣ, я основываюсь на томъ простомъ соображеніи, которое никѣмъ не было опровергнуто, что всякій разъ, когда возникаетъ вопросъ о недѣйствительности завѣщанія, послѣ рѣшенія этого вопроса въ смыслѣ недѣйствительности, слѣдуетъ непремѣнное признаніе наслѣдниковъ по закону, и только одни наслѣдники по закону, т. е. кровные родственники, могутъ воспользоваться послѣдствіями признанія завѣщанія недѣйствительнымъ.

Г. Языковъ. Присоединяясь во всемъ къ моему товарищу по защитѣ, я добавлю только, что указаніе на состоявшееся постановленіе окружнаго суда и признанія правъ гражданскихъ истцовъ, по моему мнѣнію, толкуется совершенно неправильно, такъ какъ не указано въ законѣ, чтобы въ этомъ случаѣ подавались отдѣльныя жалобы или заявленія. Сверхъ того, я обращу вниманіе ваше на то, что постановленіе это состоялось безъ предварительнаго объясненія сторонъ и затѣмъ первая возможность заявить свои соображенія является только въ настоящемъ засѣданіи и защита пользуется этимъ правомъ, не пропустивъ никакихъ сроковъ, которые, впрочемъ, въ законѣ вовсе и не указаны.

Г. Остряковъ. Заявленіе защитника А. Мясникова, что будто не состоялось никакого рѣшенія окружнаго суда относительно правъ Ижболдиныхъ, по моему мнѣнію, не согласно съ обстоятельствами дѣла. Я опять имѣю честь повторить, что рѣшеніе окружнаго суда состояло изъ двухъ частей: первый вопросъ, возбужденный окружнымъ судомъ, состоялъ въ томъ, имѣютъ ли Ижболдины право участвовать въ дѣлѣ; вопросъ этотъ былъ возбужденъ вслѣдствіе тѣхъ соображеній, которыя въ настоящее время заявляются защитникомъ А. Мясникова, и только разрѣшивъ этотъ вопросъ утвердительно, судъ перешелъ къ разсмотрѣнію дѣла по существу; только заручившись разрѣшеніемъ перваго вопроса судъ счелъ возможнымъ приступить къ дальнѣйшему разсмотрѣнію дѣла по существу. Это рѣшеніе суда можно считать вошедшимъ въ законную силу, потому что повѣреннымъ г.

Бѣляевой, а въ настоящее время повѣреннымъ А. Мясникова, не было принесено ни апелляціонной жалобы, ни объясненія на апелляціонную жалобу моего довѣрителя.

Г. Хохвицкій. Если признать правильнымъ заявленіе защитника А. Мясникова, то въ такомъ случаѣ значитъ окружной судъ разрѣшитъ одинъ изъ важнѣйшихъ, тонкихъ вопросовъ, именно о томъ, что право наслѣдства не можетъ быть завѣщано. Уже это одно показываетъ, что въ настоящее время не можетъ быть ни коимъ образомъ разрѣшено утвердительно заявленіе защитника; нужно замѣтить, что и при старомъ порядкѣ судопроизводства у насъ постоянно допускались жалобы на завѣщанія тѣхъ лицъ, которыя считали, что по закону они имѣютъ право на наслѣдство, и при этомъ вовсе не требовалось доказательства, что именно этимъ лицамъ должно принадлежать наслѣдство; достаточно только было одного того, что они состоятъ въ какомъ нибудь родствѣ, т. е. имѣютъ возможность на какія нибудь права. Если такъ допускалось и при старой судебной практикѣ, то какимъ же образомъ можетъ быть отвергнуто право Ижболдиныхъ въ качествѣ повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ въ настоящее время, когда для допущенія въ дѣлѣ гражданской стороны достаточно, чтобы она имѣла какой бы то ни было интересъ въ рѣшеніи дѣла въ ту или другую сторону?

Прокуроръ. Относительно возраженія, сдѣланнаго мнѣ защитникомъ А. Мясникова, что послѣ Мартьяновой осталась наслѣдница сестра ея Ремянникова, я долженъ замѣтить, что здѣсь съ практической стороны—такъ какъ защита ставитъ вопросъ именно на эту почву — Ремянникова вовсе не являлась наслѣдницей, такъ какъ она не подвергала сомнѣнію того завѣщанія, при признаніи котораго подложнымъ только и могли явиться права наслѣдниковъ.

Г. Арсеньевъ. Замѣчаніе г. прокурора относилось къ моменту составленія завѣщанія Мартьяновою; впрочемъ, Ремянникова могла и въ настоящее время заявить свои права. Я забылъ упомянуть, что опредѣленіе сената состоялось въ ча-

стномъ порядкѣ, а всѣ частныя опредѣленія въ законную силу не входятъ, и при измѣнившемся положеніи дѣла или представленіи новыхъ соображеній могутъ быть измѣняемы при рѣшеніи дѣла по существу. Что касается до рѣшенія окружнаго суда, то противная сторона говоритъ, между прочимъ, что оно могло быть обжаловано въ апелляціи или объясненіи на апелляцію, но съ этимъ согласиться нельзя, потому что вообще жаловаться можно только на окончательное рѣшеніе суда, а не на его соображенія и непринесеніе жалобы не имѣетъ права опровергать соображенія суда первой степени передъ апелляціонною инстанціей. Затѣмъ по поводу замѣчанія, что окружному суду предстоитъ рѣшать тонкій юридическій вопросъ гражданскаго судопроизводства, я долженъ возразить, что законъ признаетъ за уголовнымъ судомъ право рѣшенія всѣхъ гражданскихъ вопросовъ на столько, на сколько они касаются уголовнаго дѣла; что какъ бы вопросъ этотъ ни былъ разрѣшенъ, во всякомъ случаѣ послѣднее слово о немъ скажетъ все же *уголовный* кассаціонный департаментъ. Наконецъ, мой противникъ признаетъ, что для того, чтобы кто нибудь могъ быть признанъ гражданскимъ истцомъ въ дѣлѣ, необходимо, чтобы онъ имѣлъ интересъ въ исходѣ этого дѣла; но я уже представилъ свои соображенія по этому вопросу и повторяю, что никакого интереса Ижболдины и Пѣшехонова въ настоящее время въ дѣлѣ не имѣютъ, потому что никакое рѣшеніе дѣла не можетъ доставить имъ по закону права на имущество, оставшееся послѣ Бѣляева, лица имъ совершенно постороннаго.

Г. Остряковъ. Я считаю необходимымъ указать еще на то, что при предварительномъ слѣдствіи уже возбуждался вопросъ по этому предмету. Судебный слѣдователь спрашивалъ какъ Александра, такъ и Ивана Мясниковыхъ, допускаютъ ли повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ участвовать въ этомъ дѣлѣ, на что они заявили, что не встрѣчаютъ никакихъ препятствій.

Г. Арсеньевъ. Я предоставляю суду рѣшить вопросъ о томъ,

насколько подсудимые, незнакомые съ способомъ веденія дѣла, могли возразить противъ допущенія гражданскихъ истцовъ къ участію въ предварительномъ слѣдствіи.

Судъ, принимая во вниманіе 1) что какъ 1,010 ст. 1 ч. X т. опредѣляетъ завѣщаніе распоряженіемъ владѣльца о его имуществѣ, то само собою разумѣется, что подъ имуществомъ законъ понимаетъ въ этой статьѣ совокупность всѣхъ правъ, принадлежащихъ извѣстному лицу какъ на вещи и предметы, находящіеся у него въ дѣйствительномъ обладаніи, такъ и на тѣ права, осуществленіе которыхъ зависитъ отъ самого завѣщателя; 2) что по смыслу 1,104 ст. 1 ч. X т. къ числу правъ переходящихъ по наслѣдству, принадлежитъ и право извѣстнаго лица на предъявленіе того или другаго иска, возникающаго изъ отношеній этого лица къ другимъ; 3) что поэтому Мартьянова имѣла кой какое право передать по завѣщанію избраннымъ ею лицамъ принадлежавшее ей по закону право спора противъ завѣщанія Козьмы Бѣляева; 4) что означеннымъ завѣщаніемъ Мартьянова передавала Ижбалдинымъ не право на предъявленіе извѣстнаго иска, а право продолжать судебнымъ порядкомъ уже возбужденный ею самою споръ противъ завѣщанія и право воспользоваться тѣми выгодами, которыя могутъ возникнуть изъ этого процесса, и 5) что такимъ образомъ Ижбалдины и Пѣшехонова прямо заинтересованы въ исходѣ настоящаго дѣла — постановилъ: признать, руководствуясь рѣшеніемъ угол. кас. деп. прав. сената за 1869 годъ № 617-й, Ижбалдиныхъ и Пѣшехонову имѣющими право въ лицѣ повѣренныхъ ихъ, участвовать въ настоящемъ дѣлѣ въ качествѣ гражданскихъ истцовъ.

Затѣмъ съ согласія сторонъ судъ допустилъ къ участію въ дѣлѣ въ качествѣ повѣреннаго гражданскихъ истцовъ, надворнаго совѣтника Василія Бѣляева.

Послѣ этого доложены были имена явившихся и неявившихся свидѣтелей.

Прокуроръ проситъ о продолженіи засѣданія въ отсутствіе неявившихся свидѣтелей, прося о прочтеніи показаній

неявившихся свидѣтелей. Что касается до свидѣтеля Шевелева, продолжаетъ г. прокуроръ, то онъ содержится въ Петропавловской крѣпости и, какъ видно изъ донесенія, не явился по болѣзни, которая ему помѣшаетъ выѣзжать въ теченіи одного или двухъ дней. На этомъ основаніи я позволю себѣ просить судъ о разрѣшеніи, на сдѣланіе мною надлежащихъ распоряженій, о доставленіи этого свидѣтеля въ судъ въ теченіи засѣданія, которое вѣроятно продолжится нѣсколько дней.

Докторъ правъ Лохвицкій. Такъ какъ изъ бумаги, поданной свидѣтельницей Махаевой видно, что она не безусловно больна и не можетъ явиться въ судъ, а только слаба и не можетъ выдержать продолжительное присутствіе въ судѣ, а между тѣмъ, такъ какъ свидѣтельница эта чрезвычайно важна для повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ, то я покорнѣйше прошу судъ сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы она была вызвана къ тому дню и часу засѣданія, къ которому судъ найдетъ нужнымъ допросить эту свидѣтельницу. Что касается до свидѣтеля Шевелева, то, въ виду важности его показанія, я присоединяюсь къ заявленію, сдѣланному обвинительною властью.

Прис. пов. Остряковъ. Если судъ сочтетъ возможнымъ продолжать засѣданіе безъ вызова Махаевой и Шевелева, то я покорнѣйше прошу прочесть показанія ихъ.

Прис. пов. Арсеньевъ. Въ числѣ неявившихся свидѣтелей для защиты особенно важенъ свидѣтель Исаевъ. Такъ какъ въ виду суда нѣтъ причинъ неявки этого свидѣтеля, то я просилъ бы судъ или о посылкѣ свидѣтелю Исаеву новой повѣстки, или о томъ, чтобы, въ случаѣ надобности, подвергнуть этого свидѣтеля приводу.

Затѣмъ относительно прочихъ свидѣтелей я ничего не имѣю сказать

Прис. пов. Языковъ. Я присоединяюсь къ заявленію моего товарища по защитѣ.

Прокуроръ. Если судомъ будетъ уважена просьба защиты

о приводѣ свидѣтеля Исаева, то я съ своей стороны просилъ бы обратить эту мѣру и относительно свидѣтеля Штеммера, не представившаго также причинъ неявки.

Окружной судъ постановилъ признать законными причины неявки свидѣтелей, за исключеніемъ свидѣтелей Штеммера и Исаева и затѣмъ судебное слѣдствіе по настоящему дѣлу продолжать; свидѣтеля Штеммера подвергнуть за неявку денежному штрафу въ 25 р. а свидѣтеля Исаева за то же въ 5 р., и затѣмъ въ виду заявленій прокурора и защиты подвергнуть этихъ свидѣтелей приводу. Кромѣ того разрѣшить прокурору сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы доставленъ былъ въ засѣданіе суда свидѣтель Шевелевъ. Что касается до свидѣтельницы Махаевой, то послать къ ней черезъ судебнаго пристава повѣстку о явкѣ въ судъ на завтрашній день въ 11 часовъ утра.

Прис. пов. Языковъ. Я имѣю честь заявить суду, что по закону отводъ присяжныхъ засѣдателей предоставленъ только прокурорскому надзору и защитѣ. На основаніи статьи 742-й уст. угол. суд. гражданскіе истцы могутъ участвовать въ дѣлѣ для того, чтобы объяснять и доказывать всѣ дѣйствія и обстоятельства, отъ признанія которыхъ и опредѣленія зависятъ ихъ требованія. Но затѣмъ на основаніи 654 и 656 ст. уст. угол. суд. прокуроръ и защитники имѣютъ право отвода присяжныхъ засѣдателей. Но въ этихъ статьяхъ ни слова не говорится о правѣ отвода или о томъ количествѣ присяжныхъ засѣдателей, которыхъ отводить можетъ гражданскій истецъ. Поэтому я не признаю права за повѣренными гражданскихъ истцовъ негласнаго отвода, безъ объясненія причинъ, посредствомъ вычеркиванія на спискѣ именъ присяжныхъ засѣдателей. Если судъ со мной не согласится, то покорнѣйше прошу внести настоящее мое заявленіе въ протоколъ.

Докт. пр. Лохвицкій. Я соглашаюсь съ защитой въ томъ смыслѣ, что по закону предоставлено каждой сторонѣ отвести только по 6-ти присяжныхъ засѣдателей. Слѣдовательно прокуроръ или гражданскій истецъ не имѣютъ права отвести

болѣе этого числа, такъ какъ они составляютъ одну сторону. Но затѣмъ, какъ законъ, такъ и кассаціонный сенатъ въ своемъ рѣшеніи по дѣлу Пряшишникова и К° опредѣляютъ ясно, что гражданскій истецъ имѣетъ право участвовать во всѣхъ тѣхъ дѣйствіяхъ, о которыхъ упоминаетъ законъ. И если слѣдовательоо прокуроръ не воспользовался всей полнотой предоставленнаго ему права отвода, то гражданская сторона имѣетъ право отвести остальныхъ до числа 6-ти, т. е. и въ этомъ случаѣ, какъ во всѣхъ другихъ, гражданская сторона есть союзникъ нераздѣльный прокуратуры.

Такъ какъ прокуроръ отвелъ 6 присяжныхъ засѣдателей то повѣренный гражданскихъ истцовъ отказывается отъ поддержанія своего заявленія.

Судъ приступилъ къ выбору 12 присяжныхъ и двухъ запасныхъ засѣдателей; въ составъ присяжныхъ вошли: колл. сов. Ильинскій; надворн. сов. Бетхеръ; статскій сов. Хлѣбниковъ (профессоръ); кол. ассес. Макаровъ; надв. сов. Кобелевъ; купецъ Васильевъ; титул. сов. Стрѣльцовъ: купецъ Тимофѣевъ; кол. сов. Спасскій, купецъ Семеновъ; титул. сов. Серебкяковъ. Запасными засѣдателями состояли: кол. ассес. Широковъ и губерн. секр. Щербаковъ. Присяжные въ старшины выбрали надворн. сов. Бетхера.

Когда присяжныя заняли свои мѣста и въ залѣ возстановился порядокъ и тишина, *секретарь Лобко* приступилъ къ чтенію обвинительнаго акта. Чтеніе его длилось, съ перерывомъ, два часа. Обвинительный актъ слѣдующаго содержанія:

„Обвинительный актъ, коимъ предполагается предать суду с.-петербургскаго окружнаго суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, отставнаго ротмистра Александра Константинова *Мясникова*, 39 лѣтъ, отставнаго надворнаго совѣтника Ивана Константинова *Мясникова*, 38 лѣтъ, и с.-петербургскаго мѣщанина Амфилогія Александрова *Караганова*, 37 лѣтъ, изъ коихъ Александръ Мясниковъ и Амфилогій Караганов содержатся подъ стражею при полицейскихъ домахъ: первый—Коломенской части, второй — Адмиралтейской части;

а Иванъ Мясниковъ находится подъ домашнимъ арестомъ въ собственномъ домѣ, по Знаменской улицѣ, въ 3 участкѣ Литейной части.

„24 сентября 1858 года, въ С.-Петербургѣ, въ 4 кварталѣ, нынѣ 3-й участокъ Литейной части, на углу Знаменской и Спасской улицъ, въ домѣ № 34, умеръ фридрихсгамскій первостатейный купецъ Кузьма Васильевъ Бѣляевъ, отъ рака въ мочевомъ пузырѣ, какъ видно изъ показанія пользовавшаго его врача Тильмана.

„Изъ многочисленныхъ письменныхъ свѣдѣній, имѣющихся при дѣлѣ, оказывается, что Козьма Бѣляевъ, завѣдуя дѣлами племянниковъ своей жены, Александра и Ивана Константиновыхъ Мясниковыхъ, а также ихъ сестеръ, участвовалъ въ нѣкоторыхъ изъ сихъ дѣлъ на правахъ компаньона, и, кромѣ того, владѣя значительнымъ капиталомъ, имѣлъ свои собственныя разнообразныя коммерческія предпріятія, занимаясь откупами, рыбными ловлями, лѣсною торговлею и другими торговыми предпріятіями. Не задолго до смерти Бѣляева, опредѣленіемъ сената отъ 12 апрѣля 1858 года, за нимъ были утверждены, въ арендное содержаніе на 12 лѣтъ, рыболовныя воды въ Астраханской губерніи, изъ платежа въ казну 72,000 р. ежегодно.

„Эти рыбные промыслы, перешедшіе послѣ смерти Бѣляева къ братьямъ Александру и Ивану Мясниковымъ, были уступлены ими коллежскому секретарю Трощинскому за 899,000 рублей.

„Спрошенныя о состояніи Бѣляева лица, знавшіе покойнаго и имѣвшіе съ нимъ разныя дѣла: биржевые маклера Максимъ Гротенъ и Аксель Гизико, потомственные почетные граждане Николай Перозіо и Германъ Молво, показали, что въ 1858 году Бѣляевъ намѣревался купить, въ компаніи съ купцами Жадимеровскимъ и Клементомъ, у заводчика Берда, принадлежащіе сему послѣднему извѣстные въ С.-Петербургѣ заводы и Гутуевскій островъ за 2.300,000 р., при чемъ, какъ видно изъ подробнаго о семъ проекта условія, на до-

лю Бѣляева приходилось уплатить изъ покупной суммы болѣе $1^1/_2$ мильона. Въ томъ же 1858 году Бѣляевъ входилъ въ переговоры о покупкѣ литейнаго завода герцога лейхтенбергскаго, обязываясь внести за одного себя 200,000 р., принималъ участіе въ учрежденіи въ С.-Петербургѣ новаго газоваго общества, причемъ передалъ Молво на расходы по этому дѣлу около 5,000 р. и обязался внести за себя залогу 400,000 р., но за своею смертію не успѣлъ этого сдѣлать. Вообще изъ показаній Молво и Перозіо оказывается, что Бѣляевъ, между знавшими его лицами, слылъ за человѣка богатаго и отзывы были о немъ, какъ о мильонерѣ.

„На другой день послѣ смерти Козьмы Бѣляева, т. е. 25 сентября 1858 г., старшій помощникъ надзирателя 4 квартала Литейной части, Рошковскій, прибылъ въ квартиру покойнаго для приведенія въ извѣстность и сохраненія оставшагося послѣ него имущества. Изъ составленнаго по сему случаю акта видно, что послѣ Бѣляева нашлись наличными деньгами 350 руб., старой серебряной монеты 25 штукъ и разнаго рода бумаги, которыя, впредь до составленія имъ описи, были опечатаны полицейскою печатью. О томъ, что послѣ Бѣляева осталось духовное завѣщаніе, въ семъ актѣ не упоминается и опись имущества, какъ видно изъ дѣла, составлена не была.

„Составлявшій и писавшій этотъ актъ бывшій помощникъ надзирателя, коллежскій ассесоръ Францъ Рошковскій, при слѣдствіи показалъ, что опечатанія и описи имущества по смерти Бѣляева онъ не производилъ и полагаетъ, что этотъ актъ написанъ имъ по порученію надзирателя въ конторѣ квартала и не въ присутствіи подписавшихъ актъ свидѣтелей, такъ какъ еслибы онъ дѣйствительно составлялъ этотъ актъ въ квартирѣ Бѣляева, то увѣренъ, что запомнилъ бы обстановку и расположеніе комнатъ.„

„Бывшій надзиратель 4 квартала Литейной части, надворный совѣтникъ Павелъ Соколовъ, показалъ, что онъ не помнитъ, чтобы поручалъ Рошковскому въ конторѣ квартала

составлять актъ объ опечатаніи имущества Бѣляева; самъ онъ, Соколовъ, для опечатанія имущества въ квартирѣ Бѣляева не былъ и, сколько припоминаетъ, въ то время былъ боленъ, такъ что въ январѣ 1859 года вышелъ въ отставку.

„6 октября 1853 года вдова Козьмы Бѣляева, умершаго бездѣтнымъ, Екатерина Васильева Бѣляева, урожденная дворянка Попова, представила въ 1-й департаментъ с.-петербургской гражданской палаты, для засвидѣтельствованія, домашнее духовное завѣщаніе отъ 10 мая 1858 года, писанное коллежскимъ ассесоромъ Макаромъ Афиногеновымъ Целебровскимъ, подписанное завѣщателемъ только двумя словами: „Козьма Бѣляевъ“, свидѣтелями: протоіереемъ Василіемъ Яковлевымъ Сицилинскимъ и медикомъ, коллежскимъ ассесоромъ Федоромъ Ивановымъ Отто.

„По сему завѣщанію, написанному на одной страницѣ листа бумаги обыкновеннаго формата, покойный Бѣляевъ все движимое и недвижимое имѣніе его, въ чемъ бы оно ни состояло и гдѣ бы оно ни оказалось, денежный капиталъ, какой будетъ къ тому времени на лицо, въ дѣлахъ и оборотахъ или въ долгахъ на другихъ, и всѣ его коммерческія предпріятія съ казною и частными лицами, предоставилъ въ неприкосновенную собственность своей жены, Екатерины Васильевой Бѣляевой, обязавъ ее сдѣлать выдачи: родной сестрѣ покойнаго, вдовѣ Аннѣ Васильевой Ремянниковой — 4,000 руб., вдовѣ Аннѣ Никифоровой Арефьевой — 2,000 руб. и конторщику Бѣляева Николаю Дмитріеву Шмелеву—3,000 руб.

„По засвидѣтельствованіи сего завѣщанія, 6 ноября 1858 года, гражданскою палатою, Екатерина Васильева Бѣляева, по условію, совершенному нотаріальнымъ порядкомъ, 22 декабря того же года, все доставшееся ей наслѣдство, вмѣстѣ съ двумя принадлежащими ей винокуренными заводами комаровскимъ, въ Рязанской губерніи, и чурановскимъ, въ Вятской губерніи, и тихвинскою лѣсною дачею, уступила поручику

Александру и коллежскому регистратору Ивану Константиновымъ Мясниковымъ за 392,653 руб. 30 к. съ тѣмъ, что въ уплату сей суммы она приметъ сохранную росписку, выданную ея покойнымъ мужемъ 21 мая 1858 года Александру и Ивану Мясниковымъ на 272,653 руб. 30 к. и затѣмъ Мясниковы обязались выплатить ей 120,000 руб., ежегодно по 12,000 руб. Въ условіи семъ упомянуты тѣ торговыя предпріятія, принадлежавшія ея покойному мужу, право на которыя она передала Мясниковымъ, обязалась на уступленныя имъ недвижимыя имѣнія выдать закономъ установленныя купчія крѣпости, и предоставила имъ въ собственность всѣ иски по обязательствамъ съ умершаго несостоятельнаго должника Николая Мясникова, какъ выданныя на имя покойнаго ея мужа, такъ и скупленныя разными лицами, по его порученію.

„12 сентября 1859 года, племянникъ Козьмы Бѣляева, сынъ его родной сестры Надежды Васильевой, казанскій мѣщанинъ Иванъ Николаевъ Мартьяновъ, узнавъ о смерти дяди и прибывъ въ С.-Петербургъ, подалъ бывшему с.-петербургскому военному генералъ-губернатору прошеніе, въ которомъ, излагая обстоятельства, сопровождавшія смерть Бѣляева и появленіе духовнаго завѣщанія отъ 10 мая 1858 года, а также послѣдовавшее расхищеніе имущества Бѣляева, заявилъ, что означенное завѣщаніе и сохранная росписка, выданная будто бы Бѣляевымъ на 272,653 руб. 30 к., составлены подложно.

„Прошеніе Мартьянова было передано на разсмотрѣніе 2 департамента с.-петербургской управы благочинія, опредѣленіемъ котораго ходатайство его объ изслѣдованіи дѣла было оставлено безъ послѣдствій съ предоставленіемъ ему права обратиться съ заявленіемъ спора о подлогѣ завѣщанія, въ гражданскую палату.

„Вскорѣ по объявленіи Мартьянову сего опредѣленія, онъ 18 декабря 1859 года поступилъ въ градскую больницу, гдѣ того же числа и умеръ отъ холеры.

„Послѣ смерти Мартьянова, мать его, сарапульская мѣщанка, Надежда Васильева Мартьянова, въ 1861 году предъявила въ с.-петербургскую гражданскую палату споръ противъ завѣщанія Бѣляева, но также до окончанія дѣла умерла въ томъ же 1861 году, оставивъ духовное завѣщаніе, по которому право иска о недѣйствительности духовнаго завѣщанія Бѣляева предоставила купцу Ивану Алексѣеву и женѣ его Аннѣ Николаевой Ижболдинымъ и купчихѣ Зоѣ Николаевой Пѣшехоновой.

„По прошеніямъ наслѣдниковъ Мартьяновой, въ с.-петербургской гражданской палатѣ до 1868 года производилось дѣло по спору противъ духовнаго завѣщанія Козьмы Бѣляева. До окончанія сего дѣла въ гражданскомъ порядкѣ Иванъ и Анна Ижболдины, 2 іюля 1868 года, подали прокурору с.-петербургскаго окружнаго суда жалобу о возбужденіи уголовнаго преслѣдованія противъ братьевъ капитана Александра и коллежскаго ассесора Ивана Мясниковыхъ, и мѣщанина Амфилогія Александрова Караганова, по обвиненію ихъ въ составленіи подложнаго духовнаго завѣщанія отъ имени Козьмы Бѣляева. Произведеннымъ по сей жалобѣ предварительнымъ слѣдствіемъ обнаружено слѣдующее: Царскосельскій 2-й гильдіи купецъ Иванъ Алексѣевъ Ижболдинъ, въ подтвержденіе поданной имъ жалобы, на допросѣ у судебнаго слѣдователя, показалъ, что во время смерти Козьмы Бѣляева онъ находился въ городѣ Сарапулѣ. Прибывъ въ Петербургъ въ 1859 году, или даже позже, съ довѣренностію мѣщанки Мартьяновой для отысканія слѣдовавшаго ей, по смерти Бѣляева, наслѣдства и для оспариванія духовнаго завѣщанія, онъ обратился къ своему хорошему знакомому, бывшему управляющему дѣлами Мясниковыхъ, Федору Карлову Кемпе, который и объяснилъ ему, что духовное завѣщаніе Бѣляева фальшиво, что подписано за Бѣляева въ конторѣ Мясниковыхъ конторщикомъ, мѣщаниномъ Амфилогіемъ Карагановымъ и что Александръ Мясниковъ просилъ Кемпе подписаться на завѣщаніи свидѣтелемъ, но онъ отъ подписи отказался подъ

тѣмъ предлогомъ, что въ день составленія завѣщанія, 10 мая 1858 года, онъ не былъ въ С.-Петербургѣ. Кемпе также говорилъ ему, что Карагановъ учился подписываться отъ имени Бѣляева. Кромѣ сего, Кемпе говорилъ, что однажды, послѣ смерти Бѣляева, Иванъ Мясниковъ принесъ въ контору сохранную росписку отъ имени Бѣляева на простой бумагѣ на сумму 300,000 р. Кемпе, посмотрѣвъ росписку, замѣтилъ Мясникову, что слѣдовало бы написать ее на гербовой бумагѣ. На другой день Иванъ Мясниковъ показалъ Кемпе сохранную росписку на ту же сумму и на гербовой бумагѣ. Почетный гражданинъ Александръ Федоровъ Красильниковъ разсказывалъ, что Александръ Мясниковъ просилъ его подписаться свидѣтелемъ на завѣщаніи Бѣляева, и что завѣщаніе подписалъ за Бѣляева двоюродный братъ Красильникова, Амфилогій Карагановъ. Управлявшій дѣлами Мясниковыхъ, Александръ Федоровъ Матвѣевъ, говорилъ при немъ, что завѣщаніе подписано отъ имени Бѣляева Амфилогіемъ Карагановымъ и что Карагановъ учился дѣлать подписи Бѣляева. Имѣя подобныя свѣдѣнія о подлогѣ завѣщанія Бѣляева, Ижболдинъ, однажды, въ присутствіи свидѣтелей, уличалъ Караганова въ томъ, что онъ подписалъ духовное завѣщаніе за Бѣляева и сдѣлалъ фальшивыя бланки Бѣляева на двухъ банковыхъ билетахъ, но Карагановъ противъ этого ничего не возражалъ. Кромѣ вышеизложеннаго, Ижболдинъ слышалъ о фальшивомъ завѣщаніи еще отъ купца Федора Красильникова и конторщика Мясникова, Дьяконова.

„По полученіи этихъ свѣдѣній, Ижболдинъ обращался къ вдовѣ Бѣляева, Екатеринѣ Васильевой, съ предложеніемъ мировой, но она отослала его къ Александру Мясникову, сказавъ, что ее самое племянники обобрали. Купецъ Иванъ Чонинъ разсказывалъ, что на похоронахъ Бѣляева, Екатерина Васильева Бѣляева и Целебровскій, переписчикъ духовнаго завѣщанія, говорили, что покойный Бѣляевъ завѣщанія не оставилъ.

„Жена 2-й гильдіи купца Анна Васильева Ижболдина по-

казала, что о подложномъ духовномъ завѣщаніи отъ имени Бѣляева она лично слышала отъ чиновника Матвѣева, камерднера Бѣляева Василія Китаева, и отъ столярнаго мастера Штеммера. Матвѣевъ и Штеммеръ передавали ей, что Екатерина Васильева Бѣляева, на похоронномъ обѣдѣ, при всѣхъ говорила, что покойный мужъ ея завѣщанія не оставилъ.

„Отставной коллежскій секретарь Николай Семеновъ Германъ, бывшій повѣренный Ижболдиныхъ, показалъ, что однажды зимою въ 1864 или 1865 году, онъ зашелъ въ трактиръ вмѣстѣ съ Амфилогіемъ Карагановымъ. Карагановъ, сознаваясь, что подписался на завѣщаніи за Бѣляева, объяснялъ, что Александръ Мясниковъ заставилъ его написать на одной бумагѣ „Козьма Бѣляевъ“, говоря, что это такъ нужно, и что онъ, Карагановъ, исполнилъ это требованіе, не читавъ бумаги и не зная, что онъ подписываетъ духовное завѣщаніе.

„Кронштадтскій мѣщанинъ Василій Михайловъ Китаевъ, бывшій камердинеръ покойнаго Бѣляева, показалъ, что послѣ смерти Бѣляева духовное завѣщаніе не было найдено и всѣ думали, что его нѣтъ, о чемъ онъ слышалъ также отъ управляющаго Мясниковыхъ, Федора Кемпе. Докторъ Отто тотчасъ послѣ похоронъ Бѣляева, на вопросъ его, Китаева, о завѣщаніи отвѣтилъ, что онъ подписывалъ много бумагъ, но духовнаго завѣщанія не подписывалъ. Сестра Бѣляева, Анна Васильева Ремянникова, также говорила ему, что Бѣляевъ завѣщанія не оставилъ, и онъ видѣлъ, какъ Ремянникова, въ день смерти Бѣляева, просила Александра Мясникова, кланяясь ему въ ноги, не оставить ее безъ вниманія, на что Мясниковъ отвѣтилъ, чтобы она не безпокоилась, что онъ все устроитъ. Чрезъ нѣсколько времени разнесся слухъ, что завѣщаніе открыто и что его привезъ къ Бѣляевой Александръ Мясниковъ, о чемъ онъ слышалъ отъ Ремянниковой. Въ день смерти Бѣляева, послѣдовавшей утромъ, около 11 часовъ, въ квартиру его приходилъ квартальный надзиратель

съ помощникомъ, но Александръ Мясниковъ, выйдя въ переднюю, сказалъ надзирателю, что сегодня нельзя, потому что Екатерина Васильевна очень разстроена, а что можно опечатать на другой день. Дѣйствительно, на другой день были запечатаны въ кабинетѣ: пустая конторка и шкафы, этажерка съ бѣльемъ, шкафъ съ платьемъ, картины и жирандоли, но двери кабинета не были опечатаны. Тотчасъ послѣ смерти Бѣляева, Китаевъ, по требованію Александра Мясникова, вынулъ изъ подъ подушки ключи покойнаго и передалъ ихъ Мясникову, который отперъ всѣ шкафы въ кабинетѣ, и онъ, Китаевъ, видѣлъ, какъ Мясниковъ вынималъ брилліанты и золотыя вещи и переносилъ ихъ къ барынѣ въ спальню; въ это же время Александръ и Иванъ Мясниковы дали чиновнику Матвѣеву, изъ 2-й комнаты кабинета Бѣляева, портфель, но съ чѣмъ — не знаетъ. Въ 9 часовъ вечера Александръ Мясниковъ увезъ къ себѣ въ домъ всѣ дѣловыя бумаги, находившіяся въ кабинетѣ покойнаго. Бумаги, въ числѣ которыхъ находились книги, были частію связаны веревками въ связки, частію были завязаны въ простыни. Находился ли при этомъ Иванъ Мясниковъ, онъ не помнитъ. Бѣляевъ прекратилъ свои занятія только за день до смерти и умеръ скоропостижно. Протоіерей Сицилинскій бывалъ только для службы, но въ гости не приходилъ. Целебровскій ходилъ иногда къ Бѣляеву съ дѣлами, но недѣли за двѣ до смерти покойный пересталъ его принимать. Въ день смерти Бѣляева, вдова его сказала Целебровскому, что онъ ей не нуженъ, но потомъ, спустя около 9 дней, принимала его раза 3 или 4, и въ тоже время къ ней каждый день приходилъ Амфилогій Карагановъ.

„Показанія Василія Китаева объ увозѣ Александромъ и Иваномъ Мясниковыми изъ кабинета Козьмы Бѣляева бумагъ и книгъ подтверждаются показаніями находившихся въ то время въ услуженіи у Бѣляева мѣщанъ: Александра Петрова, Михаила Афонасьева, Прокофія Зиновьева и горничной Бѣляевой — Елены Афонасьевой.

„Вдова поручика Антонина Павлова Махаева,—что за недѣлю до смерти Козьмы Бѣляева она почти постоянно была въ его домѣ и затѣмъ послѣ его смерти оставалась еще дней десять. Въ день смерти Бѣляева, вечеромъ, часу въ десятомъ, она видѣла, какъ Александръ Мясниковъ выносилъ изъ кабинета узлы съ вещами покойнаго, а Екатерина Бѣляева при этомъ переносила изъ кабинета въ свою спальню разныя бездѣлушки. При этомъ она совѣтовала Бѣляевой не довѣряться Мясниковымъ и не подписывать бумагъ не читая ихъ, и что слѣдовало бы опечатать имущество, какъ это обыкновенно дѣлается, на что Бѣляева ей отвѣчала, что она вполнѣ довѣряетъ своимъ племянникамъ. Былъ ли въ это время Иванъ Мясниковъ — она не помнитъ, но что больше всего распоряжался Александръ Мясниковъ, который всѣ узлы приказывалъ нести въ свою карету, что повторялось раза три или четыре въ теченіе часа времени. Въ числѣ увезенныхъ Мясниковымъ бумагъ было и залоговое свидѣтельство на имѣніе ея, Махаевой, которое хранилось у Бѣляева. Это свидѣтельство она получила обратно отъ Александра Мясникова. Недѣли черезъ двѣ послѣ смерти Бѣляева, Екатерина Васильевна сказала ей: „Напрасно я тогда васъ не послушалась; я раскаяваюсь въ томъ, что подписала бумагу“, но про какую бумагу говорила Бѣляева, она не помнитъ. О духовномъ завѣщаніи она, Махаева, ничего не слыхала и о появленіи его она узнала спустя мѣсяца два послѣ смерти Бѣляева. Какъ велико было состояніе Козьмы Бѣляева, она не знаетъ; но что онъ былъ очень богатъ, то извѣстно было всѣмъ, кто его зналъ.

„Дочь поручика Евгенія Петрова Махаева показала, что бывшая воспитанница Бѣляева Александра Кропачева, по мужу Нагорная, говорила ей, что видѣла духовное завѣщаніе Козьмы Бѣляева, въ которомъ, между прочимъ, было отказано въ пользу ея матери, Антонины Махаевой.

„Мѣщанка Анна Васильева Ремянникова, родная сестра Козьмы Бѣляева, жившая вмѣстѣ съ нимъ и нынѣ прожи-

вающая въ домѣ его вдовы, показала, что о духовномъ завѣщаніи она узнала въ первый разъ по прошествіи 40 дней послѣ смерти ея брата, именно въ то время, когда вдова покойнаго выдала ей слѣдуемыя по завѣщанію 4,000 руб. До этого времени она о завѣщаніи ни отъ кого не слыхала. Въ день смерти Бѣляева, когда обмывали тѣло покойнаго, она видѣла, что выносили изъ кабинета бумаги, но кто выносилъ, не помнитъ. Целебровскій былъ адвокатомъ, но у Бѣляева не бывалъ и она въ домѣ его никогда не видала. Бѣляевъ писалъ много и всегда самъ.

„Вдова фридрихсгамскаго первостатейнаго купца, изъ дворянъ, Екатерина Васильева Бѣляева, показала, что покойный мужъ ея за нѣсколько дней до смерти передалъ ей наединѣ сложенную бумагу, сказавъ: „возьми эту бумагу“. Бумагу она отнесла къ себѣ въ спальню и тамъ, развернувъ, увидѣла, что это духовное завѣщаніе, но не могла его дочитать, потому что была совершенно убита горемъ, и спрятала ее; только около 40-го дня послѣ смерти мужа прочла бумагу и выдала довѣренность Александру Мясникову, чтобы засвидѣтельствовать завѣщаніе. Послѣ смерти мужа, кажется еще до засвидѣтельствованія духовнаго завѣщанія и до истеченія шести недѣль, племянники ея Александръ и Иванъ Мясниковы предложили ей росписаться поручительницею на сохранной росписке ея мужа въ 272,000 руб. Вся ли росписка была писана ея мужемъ, или только имъ подписана, не помнитъ. Впослѣдствіи, кажется въ декабрѣ 1858 года, желая раздѣлаться съ Мясниковыми по росписке и не желая заниматься дѣлами, она передала имъ, по контракту, все имущество, доставшееся ей по завѣщанію мужа, количество котораго, по ихъ общимъ разсчетамъ, простиралось до 392,000 руб.; и она продала все за эту сумму, такъ какъ это была ея воля. По какому случаю Мясниковы отдавали мужу на сохраненіе большую сумму денегъ, ей неизвѣстно, и объ этой сохранной росписке мужъ ея, при жизни, ничего ей не говорилъ. Послѣ подписанія ею договора съ Мясниковыми, 22-го

декабря 1858 года, сохранная росписка была уничтожена, но кѣмъ именно—не помнитъ. Въ день смерти ея мужа Мясниковы взяли изъ ея кабинета только свои дѣла и бумаги, которыя лежали тамъ отдѣльно. На допросѣ же въ 1871 году, Екатерина Бѣляева, подтверждая изложенное показаніе, въ разъясненіе его присовокупила, что на данную ей мужемъ бумагу она только взглянула, но вовсе не начинала читать ея, и потому, что въ ней было написано, она въ то время не знала и только увидѣла, что это духовное завѣщаніе. Куда именно спрятала она эту бумагу не помнитъ, но полагаетъ, что всего вѣроятнѣе она положила ее туда же, гдѣ лежали ея счеты и другія бумаги, т. е. въ спальню, на окно. Также она не можетъ утверждать, что дѣла и бумаги Мясниковыхъ лежали отдѣльно въ кабинетѣ ея мужа и не помнитъ, давала ли она позволеніе Мясниковымъ, въ день смерти мужа, взять ихъ бумаги изъ кабинета и обращались ли они къ ней за позволеніемъ, такъ какъ она въ этотъ день была очень разстроена и съ нею дѣлались обмороки. По предъявленіи Бѣляевой духовнаго завѣщанія ея мужа, она на допросѣ въ 1871 году объяснила, что то ли это завѣщаніе, которое ей было вручено ея мужемъ, она положительно утверждать не можетъ, ибо какъ при полученіи отъ мужа, такъ и при передачѣ завѣщанія Александру Мясникову, для засвидѣтельствованія, она завѣщанія не читала и въ него не всматривалась. Что мужъ ея не имѣлъ большихъ дѣлъ и капиталовъ, доказательствомъ того служитъ, что за уплатою Мясниковымъ по росписке 272,000 руб. она не только ничего не получила, но еще должна была изъ своего собственнаго имущества приплатить часть для погашенія долговъ покойнаго. Дѣлъ и капиталовъ мужа она при жизни его не знала; уступила же Мясниковымъ всѣ его предпріятія и свои два собственные завода: чураковскій и комаровскій и лѣсную дачу въ Тихвинскомъ уѣздѣ за 392,000 рублей, полагаясь на слова Мясниковыхъ, что уступаемое имъ болѣе не стоитъ, такъ какъ она имъ вѣрила, какъ своимъ собственнымъ дѣтямъ.

„Изъ имѣющагося при настоящемъ дѣлѣ производства с.-петербургской казенной палаты, о взысканіи пошлинъ по духовному завѣщанію Козьмы Бѣляева, усматривается, что вдова покойнаго, Екатерина Васильева Бѣляева, въ отзывѣ, поданномъ ею въ казенную палату 4 мая 1865 года, между прочимъ, объяснила, что она ни при жизни ея мужа, ни по смерти его не входила ни въ какія личныя сношенія и распоряженія по разнообразнымъ, многосложнымъ предметамъ его дѣйствій и коммерческимъ оборотамъ, такъ какъ всѣ, безъ исключенія, документы, акты, книги, пакеты, счеты, дѣла и всякаго рода переписка, словомъ—все находившееся въ разныхъ помѣщеніяхъ его дѣловаго кабинета, было взято Мясниковыми и свезено въ ихъ собственный домъ, по Надеждинской улицѣ. Относительно сохранной росписки на 272,000 рублей, Екатерина Бѣляева, въ этомъ же отзывѣ объяснила, что были эти деньги принимаемы ея мужемъ отъ Мясниковыхъ на сохраненіе или взаймы—она утвердительно сказать не можетъ, ибо ничего подобнаго отъ мужа своего не слыхала, что и самый документъ, не имѣвшій обязательной силы ни по формѣ ни въ юридическомъ отношеніи, остался въ рукахъ Александра Мясникова. Что же касается уступки по договору 22 декабря 1858 года достоянія ея мужа за 392,653 рубля, то эта уступка была основана на безусловномъ убѣжденіи въ добросовѣстности и чести Мясниковыхъ.

„Въ томъ же 1865 году Екатерина Бѣляева въ прошеніи, поданномъ ею 20 февраля въ 1-й департаментъ управы благочинія, между прочимъ, объяснила, что Мясниковы, по договору 22 декабря 1858 г., владѣютъ болѣе 6 лѣтъ всѣми коммерческими дѣлами, заводами и имѣніями, извлекая изъ всего этого безпрепятственно огромные доходы.

„При обыскѣ, произведенномъ 20 февраля 1871 года въ домѣ Екатерины Бѣляевой, между прочимъ, найдены слѣдующія бумаги:

„а) черновое вѣрющее письмо отъ имени Бѣляевой отъ сентября 1858 года на имя Александра Мясникова. Въ этомъ

письмѣ Бѣляева, не упоминая о духовномъ завѣщаніи, уполномочиваетъ Мясникова замѣнять мужа и ее во всѣхъ дѣлахъ и случаяхъ, касающихся покойнаго мужа ея и наслѣдства послѣ него;

„б) черновое письмо на имя Ивана и Александра Мясниковыхъ, въ которомъ Бѣляева укоряетъ ихъ въ томъ, что они поступили съ нею несправедливо, и упоминая, что ими взяты всѣ безъ исключенія документы, оставшіеся послѣ ея мужа, угрожаетъ Мясниковымъ подать просьбу Государю, съ намѣреніемъ возобновить предъ Нимъ все прошедшее;

„в) черновое письмо въ трехъ экземплярахъ одинаковаго содержанія на имя Александра и Ивана Мясниковыхъ. Въ этомъ письмѣ Бѣляева упрекаетъ Мясниковыхъ, что «они за поступки съ нею отдадутъ отчетъ Богу». Далѣе пишетъ, что «теперь спала съ ея глазъ завѣса, скрывавшая нечистыя дѣла воспользовавшихся тогдашнимъ ея горемъ»; упоминаетъ, что «она не можетъ совершить купчей крѣпости, такъ какъ имъ, кажется, слишкомъ хорошо извѣстно, что они сами, собственными своими руками, всѣ находившіяся въ конторкѣ покойнаго ея мужа бумаги забрали себѣ домой». Далѣе также угрожаетъ Мясниковымъ подать Государю прошеніе съ изложеніемъ подробностей отъ начала смерти ея мужа, выражаясь: «вы пріобрѣли отъ меня рѣшительно все, а заплатили невѣдомой для меня какой-то сохранной росписки»;

„г) разсчетъ, писанный рукою Екатерины Бѣляевой, въ которомъ перечисляются, съ означеніемъ цѣны, уступленныя ею Мясниковымъ имѣнія и коммерческія предпріятія, съ присовокупленіемъ счета тѣхъ суммъ, которыя ей слѣдуетъ получить. Изъ сего разсчета оказывается, что Бѣляевой слѣдовало получить всего болѣе 700,000 рублей. На оборотѣ этого же листа находится черновая росписка Александра и Ивана Мясниковыхъ отъ января 1859 года въ томъ, что они обязуются уплатить Бѣляевой 20,000 рублей, по окончаніи винокуреній на чураковскомъ и комаровскомъ винокуренныхъ заводахъ и за участіе ея мужа въ откупахъ въ Став-

ропольской губерніи 20,000 рублей, а всего 40,000 рублей.

„Екатерина Бѣляева, по поводу найденныхъ у ней, при обыскѣ, бумагъ, объяснила, что кѣмъ написаны черновыя письма на имя братьевъ Мясниковыхъ, ей не извѣстно: такихъ писемъ она сама не писала и писать никому не поручала, и какимъ образомъ у нея оказались эти письма, она объяснить не можетъ. Относительно разсчета, писаннаго ея рукою, Бѣляева объяснила, что когда и съ какою цѣлію она писала этотъ разсчетъ — не помнитъ, и объяснить по сему предмету ничего не можетъ. Черновая росписка въ 40,000 р. и довѣренность ея на имя Александра Мясникова — кѣмъ писаны не знаетъ, а предполагаетъ, что можетъ быть Шмелевымъ, бывшимъ конторщикомъ ея мужа.

„Потомственный почетный гражданинъ Александръ Федоровъ Красильниковъ, бывшій компаньонъ Бѣляева по откупамъ, показалъ, что въ день похоронъ Козьмы Бѣляева, пріятель покойнаго, надворный совѣтникъ Степанъ Дмитріевъ Воронинъ, нынѣ умершій, говорилъ съ удивленіемъ, что Бѣляевъ, такой аккуратный человѣкъ, а не оставилъ духовнаго завѣщанія, что онъ спрашивалъ объ этомъ вдову покойнаго и она также сказала, что завѣщанія нѣтъ. Конторщикъ Бѣляева, Шмелевъ, женатый на его воспитанницѣ, также говорилъ Красильникову, что Бѣляевъ завѣщанія не оставилъ. Послѣ похоронъ, дня черезъ три или четыре, онъ, Красильниковъ, зашелъ къ Екатеринѣ Бѣляевой, чтобы поговорить съ нею по общимъ его дѣламъ съ ея мужемъ. При этомъ Бѣляева говорила, что хотя Козьма Васильевичъ и предполагалъ составить духовное завѣщаніе, но духовнаго завѣщанія, однакоже, нѣтъ. Это самое она повторила и при вторичномъ свиданіи. Черезъ день или два послѣ сего, онъ обратился къ Александру Мясникову, также для переговоровъ по дѣламъ, и въ это время Мясниковъ, между прочимъ, обратился къ нему съ просьбою подписаться свидѣтелемъ, какъ онъ выразился, «только для формы», на двухъ бумагахъ. Одна изъ

нихъ составляла домашнее условіе между покойнымъ Бѣляевымъ и Мясниковыми объ уступкѣ имъ, со стороны Бѣляева, всѣхъ его откуповъ за триста тысячъ. Написана она была отъ 13 или 15 мая 1858 года, рукою, кажется, Целебровскаго, а подписана просто „К. Бѣляевъ“. Увидѣвъ въ этомъ условіи, что Бѣляевъ уступалъ будто бы Мясниковымъ участіе свое, между прочимъ, и въ откупахъ по Олонецкой губерніи, въ которыхъ они были компаньонами, и найдя подпись Бѣляева сомнительною, онъ отказался отъ подписи на условіи. Другая бумага представляла собою сохранную росписку на взятыя, будто бы, Бѣляевымъ отъ Александра Мясникова деньги, въ количествѣ 276 или 286 тысячъ рублей золотомъ. Чьею рукою была написана эта росписка, онъ хорошо не замѣтилъ, но, кажется, что также рукою Целебровскаго и подписана была также словами „К. Бѣляевъ“. Эта росписка была отъ мая 1858 года, но отъ какого именно числа, не помнитъ. Когда онъ отказался отъ подписи условія и росписки, Мясниковъ сконфузился, а сидѣвшій тутъ же Целебровскій обратился къ нему, Красильникову, съ упрекомъ, что онъ „уже этого не можетъ сдѣлать для Александра Константиновича“. По возвращеніи, въ февралѣ 1869 года, изъ Олонецкой губерніи, онъ услышалъ, что послѣ Бѣляева осталось завѣщаніе, и въ это время купецъ Левъ Фаменскій, домашній человѣкъ Бѣляевыхъ, говорилъ ему, что завѣщаніе привезли Бѣляевой Мясниковы. Федоръ Кемпе въ то же время говорилъ ему, что въ духовномъ завѣщаніи за Бѣляева подписался двоюродный братъ Красильникова, Амфилогій Карагановъ, и что Александръ Мясниковъ просилъ Кемпе подписаться подъ этимъ завѣщаніемъ свидѣтелемъ, и что въ этомъ его убѣждалъ также Целебровскій. Послѣ смерти Бѣляева къ Красильникову сталъ часто ходить Амфилогій Карагановъ и однажды, едва ли не въ самый день похоронъ, возвратясь домой вечеромъ, засталъ его въ своемъ кабинетѣ. Карагановъ на листѣ бумаги все писалъ: „К. Бѣляевъ“, „Козьма Бѣляевъ“, и такимъ образомъ былъ исписанъ весь листъ. Красиль-

никовъ, на предложенный ему Карагановымъ вопросъ: „не правда ли, похоже?“ отвѣтилъ, что похоже, послѣ чего Карагановъ разорвалъ листъ и бросилъ. Карагановъ разсказывалъ, что ему даны Александромъ Мясниковымъ паи въ дѣлахъ, спрашивалъ, какія акціи выгоднѣе пріобрѣсть, и вообще задумывалъ какія-то коммерческія предпріятія. Все это удивило Красильникова, потому что онъ зналъ, что Карагановъ не имѣлъ никакихъ средствъ и получалъ жалованья только 50 р. въ мѣсяцъ. Въ маѣ 1859 г. онъ вновь встрѣтилъ въ С.-Петербургѣ Караганова, который былъ очень хорошо одѣтъ. Въ разговорѣ онъ, между прочимъ, сказалъ Караганову, что о немъ носятся нехорошіе слухи. Карагановъ смутился, и, несмотря на приглашеніе какъ нибудь зайдти къ нему, Красильникову, у него не былъ. Вскорѣ онъ узналъ, что Карагановъ женился на оперной пѣвицѣ Обольяниновой, и послѣ свадьбы уѣхалъ съ женою на комаровскій винокуренный заводъ управляющимъ, а затѣмъ переѣхалъ въ Казань и открылъ тамъ собственную хлѣбную торговлю. Въ концѣ 1859 года Красильниковъ былъ у Бѣляевой по разнымъ дѣламъ, и при этомъ Бѣляева объяснила, что она не ожидала отъ Мясниковыхъ такой штуки, какую они съ нею сдѣлали, а именно, что привезли ей духовное завѣщаніе и уговорили ее, что они по своимъ связямъ все могутъ сдѣлать, никто въ это дѣло не вступится, а что иначе ей ничего не достанется, все разберутъ наслѣдники, и что она на все это согласилась, потому что была въ безсознательномъ состояніи. Кромѣ сего Бѣляева говорила, что никакой сохранной росписки она не знаетъ и ее видѣла только мелькомъ, что Александръ Мясниковъ ее изъ рукъ не выпускалъ и показавши ей, росписку эту изорвалъ. Затѣмъ въ 1866 году онъ опять былъ у Бѣляевой и она жаловалась на Мясниковыхъ, что составленнымъ ими духовнымъ завѣщаніемъ они ввели ее въ хлопоты и непріятности. Въ этотъ же день онъ видѣлся съ повѣреннымъ Бѣляевой, Чевакинскимъ, который просилъ его передать Ижболдину, что если онъ дастъ подписку въ томъ,

что не будетъ преслѣдовать Бѣляеву за духовное завѣщаніе, то она сама представитъ таковое въ гражданскую палату съ заявленіемъ, что она временемъ убѣдилась, что это завѣщаніе, привезенное къ ней Мясниковыми, подложное. Лѣтомъ 1865 года къ нему заѣхалъ Амфилогій Карагановъ и жаловался на Мясниковыхъ, что они обѣщали ему много: паи въ Кириловѣ, и въ Бѣлозерскѣ, и на Кавказѣ, но все это осталось только обѣщаніемъ, и что Мясниковъ взялъ съ него честное слово не видѣться съ Красильниковымъ, изъ боязни, чтобы онъ, Карагановъ, не проговорился. Когда онъ спросилъ Караганова, насчетъ чего Мясниковъ опасается, чтобы онъ не проговорился, то Карагановъ отвѣтилъ: да насчетъ того, что мы сфабриковали духовное завѣщаніе. Вообще онъ замѣчалъ, что Карагановъ очень безпокоился, чтобы его не привлекли къ отвѣтственности по этому дѣлу. Чиновникъ Александръ Матвѣевъ разсказывалъ Красильникову, что въ день смерти Бѣляева, за нимъ прислалъ Александръ Мясниковъ и далъ ему, Матвѣеву, изъ дома Бѣляева большой пакетъ съ банковыми билетами, съ тѣмъ, чтобы онъ, Матвѣевъ, отнесъ пакетъ въ домъ Мясникова и положилъ въ его спальнѣ подъ подушку. По предъявленіи Красильникову, при слѣдствіи, духовнаго завѣщанія, отъ 10 мая 1858 г., онъ отозвался, что подпись на ономъ: „Козьма Бѣляевъ“ — не похожа на настоящую подпись Бѣляева. Покойный всегда подписывался: „Фридрихсгамскій первостатейный купецъ Козьма Васильевъ Бѣляевъ“, и писалъ такъ своеобразно, что трудно было подписаться подъ его руку. На завѣщаніи слово „Козьма“ очень похоже на почеркъ Караганова, слово же „Бѣляевъ“ написано лучше и очень похоже на тѣ подписи, которыя ему показывалъ Карагановъ на листѣ. Бѣляевъ, подписывая бумаги, имѣлъ обыкновеніе за подписью, на той же линіи, поодаль, ставить точку. Вообще Бѣляевъ имѣлъ обыкновеніе, всѣ серьезныя бумаги, даже отзывы въ кварталъ, писать собственноручно отъ начала до конца, и бумаги сочинялъ всегда самъ, потому что былъ хорошимъ юристомъ. Вслѣдствіе этого, Кра-

сильниковъ полагаетъ, что Бѣляевъ не поручилъ бы Целебровскому написать духовное завѣщаніе и притомъ написалъ бы его не такъ, какъ завѣщаніе отъ 10 мая 1858 года: Бѣляевъ былъ человѣкъ акуратный и въ завѣщаніи распорядился бы своими дѣлами какъ слѣдуетъ. Бѣляевъ, какъ ему извѣстно, велъ собственноручно три книги: меморіалъ, кассовую книгу и главную книгу, а въ конторахъ у него велись отдѣльныя книги по двойной бухгалтеріи, по каждому предпріятію отдѣльно. Кромѣ того, у Бѣляева постоянно лежалъ листъ бумаги, на которомъ онъ все записывалъ на память. По предъявленіи Красильникову представленной Мясниковымъ къ дѣлу, писанной рукою Бѣляева, тетради, Красильниковъ отозвался, что это не есть тотъ меморіалъ, который былъ веденъ Бѣляевымъ, а памятная тетрадь. Сдѣланную въ этой тетради отмѣтку отъ 21 мая о росписке Александру и Ивану Мясниковымъ въ 272,000 р. онъ признаетъ написанною не рукою Бѣляева. По содержимымъ имъ, Красильниковымъ, откупамъ въ Олонецкой губерніи вмѣстѣ съ покойнымъ Бѣляевымъ, слѣдующій на часть Бѣляева капиталъ, около 70,000 руб., былъ имъ возвращенъ, по довѣренности Екатерины Бѣляевой, Александру Мясникову, вмѣстѣ съ отчетами.

„Отставной надворный совѣтникъ Александръ Федоровъ Матвѣевъ показалъ, что на похоронномъ обѣдѣ въ домѣ Бѣляева вдова покойнаго, Екатерина Васильева, при немъ, обращаясь къ протоіерею Сицилинскому, говорила съ плачемъ, что нѣтъ духовнаго завѣщанія. Недѣли черезъ двѣ, Бѣляева, однажды, за обѣдомъ, при немъ и при Шевелевѣ и Кемпе, говорила, что духовное завѣщаніе нашлось. Вскорѣ послѣ этого Александръ Мясниковъ отдалъ ему завѣщаніе, чтобы отвезти его къ секретарю гражданской палаты Носенко. Въ день смерти Бѣляева, Александръ Мясниковъ прислалъ за нимъ, чтобы онъ пріѣхалъ въ домъ покойнаго, и тамъ Мясниковъ далъ ему обыкновенный листовой пакетъ, незапечатанный, въ которомъ находились бумаги, и просилъ отвезти пакетъ въ

домъ его, Мясникова, что имъ и было исполнено. Послѣ смерти Бѣляева былъ говоръ, что Александръ Мясниковъ просилъ Шевелева и Кемпе подписаться на завѣщаніи свидѣтелями, но отъ кого онъ это слышалъ—не помнитъ. По предъявленіи Матвѣеву духовнаго завѣщанія, онъ объявилъ, что подпись „Козьма Бѣляевъ“ на этомъ завѣщаніи, какъ ему кажется, не похожа на настоящія подписи Бѣляева, которыя онъ видалъ часто, такъ какъ былъ съ покойнымъ въ близкихъ отношеніяхъ.

„Жена рядоваго Авдотья Емельянова Терентьева показала, что Александръ Федоровъ Матвѣевъ постоянно разсказывалъ, что духовное завѣщаніе Бѣляева фальшивое и что подписывалъ его за Бѣляева Амфилогій Карагановъ въ его присутствіи. Кромѣ этого Матвѣевъ разсказывалъ, что въ день смерти Бѣляева Александръ Мясниковъ, вмѣстѣ съ нимъ, Матвѣевымъ, ночью перевезъ изъ кабинета Бѣляева въ домъ Мясникова одного золота триста тысячъ, которыя Матвѣевъ и считалъ съ Мясниковымъ. Всѣ эти разсказы Матвѣевъ поторялъ до самой своей смерти. Кромѣ сего, Матвѣевъ разсказывалъ, что въ 1867 г. его стращалъ какой-то офицеръ, говоря, что если онъ будетъ показывать противъ Мясникова, то его лишатъ пенсіи и чрезъ III отдѣленіе вышлютъ изъ С.-Петербурга; вслѣдствіе чего Матвѣевъ говорилъ при ней, Терентьевой, что если Мясниковы меня стращаютъ, „такъ я зарѣжу ихъ на-судѣ“.

„Изъ дѣла видно, что надворный совѣтникъ Матвѣевъ былъ допрошенъ судебнымъ слѣдователемъ 8 іюля 1868 г. При дальнѣйшемъ производствѣ слѣдствія, въ виду новыхъ обстоятельствъ дѣла, требовавшихъ разъясненій, Матвѣевъ не могъ быть допрошенъ, за смертію его, послѣдовавшей въ Маріинской больницѣ, куда онъ былъ доставленъ 25 августа 1868 года, и умеръ въ теченіи сутокъ.

„Столярный мастеръ Федоръ Ивановъ Штеммеръ, управлявшій мебельнымъ магазиномъ Бѣляева, показалъ, что послѣ похороннаго обѣда, Екатерина Васильева Бѣляева, при немъ,

родственникѣ его Кемпе, купцѣ Каменскомъ, Целебровскомъ и Воронинѣ, нѣсколько разъ говорила, что завѣщанія нѣтъ, и уже впослѣдствіи, недѣль черезъ 5 или 6, онъ узналъ отъ конторщика Бѣляева Николая Шмелева, что завѣщаніе нашлось и что до этого Шмелевъ все время говорилъ, что завѣщанія нѣтъ. На другой или на третій день послѣ смерти Бѣляева онъ, Штеммеръ, пріѣхавъ къ его дому, встрѣтилъ у подъѣзда Александра Мясникова, который перевозилъ къ себѣ, въ двухъ или трехъ каретахъ, какія-то бумаги. Шмелевъ сказалъ ему, что Мясниковъ перевозилъ къ себѣ дѣла изъ кабинета. Въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ онъ нѣсколько разъ слышалъ отъ Матвѣева, что завѣщаніе Бѣляева фальшиво и что подписано оно Карагановымъ, при соучастіи Целебровскаго. Также Матвѣевъ разсказывалъ, что въ день смерти Бѣляева, Александръ Мясниковъ вручилъ ему портфель съ секретными документами и золотую монету въ мѣшечкахъ, которую онъ считалъ вмѣстѣ съ Мясниковымъ и которой оказалось болѣе трехъ сотъ тысячъ. По предъявленіи Штеммеру духовнаго завѣщанія, отъ 10 мая 1858 года, онъ объявилъ, что подпись Бѣляева находитъ сдѣланною не его рукою.

„Лугскій 2 гильдіи купецъ Иванъ Кириловъ Гонинъ, также управлявшій мебельнымъ магазиномъ Бѣляева, показалъ, что на похоронахъ Бѣляева онъ, Шмелевъ, Кемпе и Каменскій спрашивали повѣреннаго Бѣляева, Целебровскаго, не оставилъ ли покойный завѣщанія, на что Целебровскій отвѣтилъ, что завѣщанія нѣтъ. Во время поминокъ, на 20-й или 40-й день, они спрашивали опять о томъ же Целебровскаго и онъ опять отвѣтилъ, что завѣщанія нѣтъ. Хотя подпись на предъявленномъ ему завѣщаніи отъ 10 мая 1858 года очень похожа на почеркъ покойнаго Бѣляева, но сдѣлана ли она его рукою, онъ, Гонинъ, удостовѣрить не можетъ. Отъ Бѣляева онъ получалъ много писемъ и всѣ они были собственноручныя, и Бѣляевъ не лѣнился писать собственноручно по дѣламъ. Переписывали для него бумаги конторщикъ Шмелевъ и

писаря. Мѣсяцъ или два спустя послѣ смерти Бѣляева, Карагановъ приглашалъ его вступить съ нимъ въ компанію по дѣламъ и говорилъ, что онъ можетъ располагать десятью тысячами, или даже болѣе, но предположеніе это не осуществилось, потому что не случилось подходящаго дѣла. Зная, что Карагановъ занималъ должность конторщика и получалъ жалованья рублей 50 въ мѣсяцъ, онъ, Гопинъ, обратился къ нему съ вопросомъ, по поводу такого появленія значительнаго капитала. На это Карагановъ сказалъ: „это я знаю, это мое дѣло“, и въ то же время говорилъ, что онъ сдѣлалъ Мясниковымъ такую услугу, которую они не должны забыть. Онъ бралъ также у Караганова залоги билетами въ тысячу рублей или полторы. Въ іюнѣ 1861 г. Александръ Мясниковъ поручилъ ему, Гопину, заѣхать въ Сарапуль, отыскать тамъ сестру покойнаго Бѣляева, Надежду Васильевну Мартьянову, и предложить ей уничтожить довѣренность, выданную ею купцу Ижболдину по дѣлу о духовномъ завѣщаніи Бѣляева и условіе, заключенное ею съ Ижболдинымъ. За уничтоженіе довѣренности и условія, Мясниковъ уполномочивалъ его предложить Мартьяновой отъ двадцати до двадцати-пяти тысячъ рублей съ тѣмъ, чтобы Мартьянова отказалась отъ домогательствъ къ наслѣдству послѣ Бѣляева. По возвращеніи изъ Сарапула, онъ отдалъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ Александру Мясникову, отъ котораго получилъ на расходы по этому дѣлу 200 рублей и затѣмъ еще 100 рублей, которые и отослалъ въ Казань мѣщанину Столбову, принимавшему участіе въ этихъ переговорахъ. Вскорѣ послѣ этого Александръ Мясниковъ поручилъ ему, переговорить съ Ижболдинымъ объ окончаніи дѣла миромъ. Послѣ свиданія Мясникова съ Ижболдинымъ, Мясниковъ сказалъ ему, что Ижболдинъ много хочетъ, но что онъ готовъ дать пять или десять тысячъ, чтобы развязаться съ этимъ дѣломъ. Въ 1868 году, когда уже производилось слѣдствіе о завѣщаніи Бѣляева, Александръ Мясниковъ также просилъ его переговорить съ Ижболдинымъ. чтобы кончить дѣло миромъ. Ижболдинъ же-

лалъ получить пятьсотъ тысячъ, вслѣдствіе чего Мясниковъ сказалъ, что онъ много хочетъ.

„Показаніе Гонина о поѣздкѣ его въ Сарапуль, для переговоровъ съ Мартьяновою о заключеніи мировой, подтверждается показаніемъ мѣщанина Никандра Дѣдюхина.

„Мѣщанинъ Петръ Николаевъ Клюевъ, бывшій писецъ въ конторѣ Бѣляева, показалъ, что о существованіи духовнаго завѣщанія онъ узналъ черезъ нѣсколько недѣль послѣ смерти Бѣляева, хотя все это время и слышалъ отъ Шмелева, что завѣщаніе ищутъ. На четвертый день послѣ смерти Бѣляева, Шмелевъ передавалъ ему, что Екатерина Васильевна Бѣляева высказывала жалобу, что Мясниковы ее ограбили и что изъ кабинета Бѣляева вывезли различныя бумаги, причемъ высказала предположеніе, что между этими бумагами было и духовное завѣщаніе. При этомъ Шмелевъ, какъ бы про себя, сказалъ, что Мясниковы затѣваютъ какое-то ужасное дѣло, а дня черезъ два сказалъ, что это именно подлогъ завѣщанія. Когда же Шмелевъ узналъ, что и ему отказано въ завѣщаніи, то сталъ уклоняться отъ разговоровъ и пересталъ говорить о завѣщаніи.

„Младшій разъѣздной чиновникъ по управленію перевозки почтъ по желѣзнымъ дорогамъ, Викентій Тимофеевъ Парфененковъ, показалъ, что повѣренный Бѣляевой, Чевакинскій, у него въ квартирѣ говорилъ, со словъ Бѣляевой, что завѣщаніе фальшиво, въ чемъ онъ самъ убѣдился, сличая подписи. Надворный совѣтникъ Матвѣевъ нѣсколько разъ ему говорилъ, что духовное завѣщаніе фальшиво и составлено въ конторѣ Мясниковыхъ. Матвѣевъ также разсказывалъ, что въ день смерти Бѣляева, онъ съ другими служащими у Мясниковыхъ, вывозилъ изъ кабинета Бѣляева какъ всѣ торговыя книги и документы, такъ и банковые билеты; и все это перевозилось въ каретахъ въ домъ Мясниковыхъ. При этомъ Матвѣевъ прибавлялъ, что если Мясниковы его задѣнутъ, то онъ найдетъ чѣмъ заставить ихъ идти въ Сибирь, такъ какъ, кромѣ его и Шмелева, никто такъ хорошо не знаетъ всѣхъ обстоя-

тельствъ дѣла. Отъ Матвѣева онъ также слышалъ, что Мясниковъ выдалъ замужъ за Карагапова свою любовницу съ приданымъ въ 20,000 рублей, которое дано было братьями Мясниковыми, за удачное устройство Карагановымъ какихъ-то ихъ дѣлъ.

„Коллежскій асссссоръ Ефимъ Ѳедоровъ Герасимовъ показалъ, что повѣренный Бѣляевой, Чевакинскій, разсказывалъ ему, что Мясниковы, послѣ смерти Бѣляева, завладѣли всѣмъ его имуществомъ и, чтобы, скрыть это, составили духовное завѣщаніе, которое вынули изъ-подъ конторки или какой-то щели, что подпись Бѣляева сличали со множествомъ его писемъ и бумагъ, но сходства не нашли. Онъ, Герасимовъ, слышалъ также отъ повѣреннаго Бѣляевой, Погожева, что сохранная росписка, отъ имени Бѣляева въ 272,000 р. подложная, что Александръ Мясниковъ, заключивъ съ Бѣляевою договоръ, уничтожилъ росписку.

„Коллежскій ассессоръ Константинъ Игнатьевъ Шимановскій показалъ, что Чевакинскій говорилъ ему, что слышалъ отъ самой Бѣляевой, что Мясниковы, послѣ смерти ея мужа, ночью обобрали его кабинетъ и вывезли изъ него книги, дѣла, деньги, однимъ словомъ—все, что въ немъ находилось, и затѣмъ, когда въ присутствіи полиціи, были перебраны по листамъ оставшіяся бумаги, то въ нихъ ничего похожаго на завѣщаніе Бѣляева не нашлось. Потомъ, недѣли черезъ двѣ, Александръ Мясниковъ пріѣхалъ въ домъ Бѣляевой, прошелъ въ кабинетъ и оттуда вынесъ духовное завѣщаніе Бѣляева, найденное имъ, будто бы, въ опечатанномъ ящикѣ стола, и завѣщаніе это съ восторгомъ передалъ Бѣляевой. Чевакинскій говорилъ, что это завѣщаніе фальшивое, въ чемъ онъ убѣдился чрезъ сличеніе почерка, и тѣмъ, что оно подписано только словами «Козьма Бѣляевъ», тогда какъ покойный всегда писалъ бумаги самъ по 40 писемъ въ день; что во время написанія завѣщанія, Бѣляевъ вовсе не былъ боленъ и ѣздилъ на какіе-то торги въ сенатъ; что Мясниковы предъявили Бѣляевой какую-то фальшивую сохранную росписку,

писанную заднимъ числомъ, которую показали ей только издали, и принудили Бѣляеву подписать какой-то контрактъ о передачѣ Мясниковымъ всего имущества Бѣляева, и что если завѣщаніе будетъ представлено къ дѣлу, то Мясниковы пойдутъ въ Сибирь. При этомъ Чевакинскій говорилъ, что онъ можетъ избавить Мясниковыхъ отъ бѣды тѣмъ, что возьметъ завѣщаніе отъ Бѣляевой къ себѣ, и если Мясниковы согласятся, то онъ убѣдитъ Бѣляеву сжечь завѣщаніе, а самъ объявитъ, что оно потеряно, и что тогда невозможно будетъ узнать о его фальшивости, но что за всѣ эти дѣйствія онъ дешево съ Мясниковыхъ не возьметъ. Въ январѣ 1868 года Чевакинскій, при встрѣчѣ съ нимъ, объявилъ, что онъ, Шимановскій, выставленъ свидѣтелемъ по дѣлу о духовномъ завѣщаніи Бѣляева и просилъ его быть съ нимъ за одно, говоря, что дѣло это грязное и что онъ уже изжѣнилъ свое мнѣніе.

„Коллежскій ассессоръ Иванъ Михайловъ Чевакинскій, повѣренный Екатерины Васильевой Бѣляевой, показалъ, что Бѣляева при немъ никогда не говорила, что подпись на духовномъ завѣщаніи ея мужа не похожа на его почеркъ, и если бы она это сказала, то онъ, Чевакинскій, просилъ бы губернское правленіе освидѣтельствовать ее, какъ сумасшедшую. Самъ же онъ въ подлинности завѣщанія не сомнѣвался. О томъ, что завѣщаніе фальшивое, онъ слышалъ только отъ Ижболдина и его повѣреннаго Германа, и если онъ говорилъ всѣмъ и вездѣ о фальшивости завѣщанія, то передавалъ только слышанное отъ этихъ лицъ. Онъ, дѣйствительно, говорилъ, что въ подписи Бѣляева, на завѣщаніи, нѣтъ точки, которую онъ видѣлъ въ бывшихъ у него въ это время бумагахъ рядомъ съ подписью Бѣляева, но не много выше, но впослѣдствіи онъ нашелъ подписи Бѣляева и безъ точки. Если бы, на основаніи отсутствія точки, можно было признать подпись Бѣляева недѣйствительною, то онъ, Чевакинскій, имѣлъ всю возможность эту точку поставить. Съ Красильниковымъ онъ никогда не говорилъ о томъ, какъ бы выпутать

Бѣляеву изъ дѣла о духовномъ завѣщаніи. Герасимовъ и Шимановскій приходили къ нему неоднократно, и онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на лицъ, желавшихъ что-нибудь сорвать, а потому отдѣлывался отъ нихъ фразами, которыя припомнить не можетъ, но никто изъ нихъ не просилъ о примиреніи Мясниковыхъ съ Ижболдинымъ.

„Коллежскій совѣтникъ Степанъ Павловъ Борзаковскій показалъ, что Александръ Мясниковъ неоднократно предлагалъ ему, какъ повѣренному Ижболдиныхъ, уговорить Ижболдина, прекратить миромъ дѣло о духовномъ завѣщаніи Бѣляева, при чемъ предлагалъ сначала отъ 6 до 8 тысячъ, но Ижболдинъ на эту сумму не согласился, почему переговоры ничѣмъ не кончились. Впослѣдствіи онъ былъ приглашенъ Александромъ Мясниковымъ, чрезъ коллежскаго совѣтника Коптева, для возобновленія переговоровъ о мировой сдѣлкѣ. Коптевъ при Мясниковѣ далъ ему, Борзаковскому, понять, что Ижболдину, пожалуй, можно было бы дать тысячъ сто или полтораста, лишь бы онъ взялъ на себя и прекращеніе слѣдствія; на другой же день Коптевъ передалъ ему, что Мясниковъ не дастъ по этому предмету никакого отвѣта.

„Коллежскій совѣтникъ Петръ Яковлевъ Коптевъ показалъ, что о веденіи переговоровъ о мировой сдѣлкѣ съ Ижболдинымъ онъ порученія отъ Мясникова не имѣлъ. Въ разговорахъ же своихъ объ этомъ дѣлѣ съ Мясниковымъ онъ совѣтовалъ ему изъ великодушія подарить что-либо родственникамъ Бѣляева, которые, начавши дѣло, можетъ быть увлекались имъ ошибочно и израсходовались, вслѣдствіе чего еще болѣе обѣднѣли. Борзаковскій и Мясниковъ у него никогда вмѣстѣ не бывали.

„Купецъ Иванъ Сергѣевъ Денисьевъ, служившій до 1856 года у Бѣляева по откупамъ, показалъ, что количества состоянія Бѣляева онъ опредѣлить не можетъ, но всѣ считали его человѣкомъ богатымъ, потому что онъ былъ компаньономъ во всѣхъ откупахъ Мясниковыхъ, а въ 1857 и 1858 годахъ онъ держалъ обще съ Красильниковымъ откупъ по Олонец-

кой губерніи. Бѣляевъ былъ человѣкъ дѣятельный и аккуратный, который собственною рукою не только писалъ письма, но и надписывалъ конверты.

„Крестьянинъ Иванъ Михайловъ Дьяконовъ показалъ, что съ 1846 года по 1852, онъ служилъ у Бѣляева управляющимъ и ревизоромъ по откупамъ, а въ 1858 году поступилъ на службу въ контору Мясниковыхъ. Бѣляевъ дѣловыя бумаги всегда писалъ самъ, и хотя у него бывало по 30 управляющихъ, но онъ съ ними переписывался всегда самъ. Иногда случалось отъ Бѣляева получить бумаги, писанныя не его собственною рукою, а только имъ подписанныя. Бѣляевъ подписывалъ предписанія большею частію полнымъ титуломъ «первостатейный фридрихсгамскій купецъ Козьма Бѣляевъ», простыя же письма подписывалъ просто «К. Бѣляевъ». Письма поважнѣе всегда писалъ собственноручно. По предъявленіи Дьяконову духовнаго завѣщанія отъ 10 мая, онъ отозвался, что подпись кажется похожею на почеркъ Бѣляева, хотя, повидимому, сдѣлана больною рукою и стальнымъ перомъ, тогда какъ по почерку Бѣляева и ровному его письму, онъ полагаетъ, что Бѣляевъ всегда писалъ простымъ перомъ. Въ апрѣлѣ или маѣ 1858 года, Бѣляевъ былъ здоровъ и въ іюнѣ, какъ онъ слышалъ, ѣздилъ на торги въ сенатъ.

„Крестьянинъ Андрей Ивановъ Купаковскій, подъ присягою, показалъ, что 22 ноября 1870 года, на содержимомъ имъ постояломъ дворѣ въ селѣ Подгорномъ, въ Задонскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи, мѣщанинъ Амфилогій Карагановъ, проживавшій на арендуемомъ Мясниковымъ винокуренномъ заводѣ, въ качествѣ ревизора, между прочимъ говорилъ, что «я своему хозяину Мясникову пользу принесъ, мильонъ рублей у купца отбилъ, всѣ деньги обобралъ. Обдѣлали такъ, что не оставили ему и на извощика на тотъ свѣтъ проѣхать. За это изъ всѣхъ денегъ Мясниковъ далъ мнѣ только 2,000 руб.» Это показаніе Купаковскаго, также подъ присягою, подтвердилъ безсрочно отпускной рядовой Илья Никитинъ Киселевъ, бывшій въ это время на постояломъ дворѣ, съ

присовокупленіемъ, что Карагановъ говорилъ, что онъ «отъ фридрихсгамскаго купца, лысаго, беззубаго старика, служившаго лакеемъ у Мясникова и неправильно нажившаго отъ него деньги и каменный домъ; отобралъ все хозяину своему, Мясникову, и за то. что отбилъ мильонъ рублей для Мясникова, получилъ отъ него только 2,000 р.»

„Купецъ Тимофей Никифоворовъ Крюковъ показалъ, что однажды Ижболдинъ при немъ, Красильниковѣ и Карагановѣ завелъ разговоръ о духовномъ завѣщаніи Бѣляева, и, указывая на Караганова, сказалъ, что этотъ человѣкъ подписалъ за Бѣляева завѣщаніе. На эти слова Ижболдина, Карагановъ никакого возраженія не сдѣлалъ.

„Купецъ Петръ Герасимовъ Жуковъ, управляющій винокуренным заводомъ Мясникова, въ селѣ Подгорномъ, показалъ, что Амфилогій Карагановъ, въ продолженіе двухъ лѣтъ до его арестованія по сему дѣлу, числился на заводѣ какъ бы ревизоромъ, и все это время велъ себя болѣе чѣмъ странно, позволяя себѣ такіе поступки, которые давали полное право думать, что онъ находится въ непормальномъ состояніи. Карагановъ часто позволялъ себѣ бить стекла въ конторѣ и прочихъ службахъ, нерѣдко позволялъ себѣ, по ночамъ и между жилыми строеніями, стрѣлять изъ ружья; во время праздниковъ устраивалъ съ мужиками борьбу и, въ случаѣ неудачи, билъ къ кабакѣ посуду и тому подобное. Вообще всѣ поступки Караганова были хорошо извѣстны главному управляющему Мясниковыхъ, Кошелькову, живущему также въ селѣ Подгорномъ.

„Изъ найденныхъ при обыскѣ у купца Кошелькова, въ значительномъ числѣ, писемъ разныхъ лицъ, служащихъ на заводахъ и складахъ Мясниковыхъ, видно, что эти лица неоднократно доносили Кошелькову о неблаговидныхъ поступкахъ Караганова и вообще о его дурномъ поведеніи.

„Мѣщанинъ Алексѣй Степановъ Бѣляевъ, состоящій для разныхъ порученій на подгорномъ винокуренномъ заводѣ и кассиръ сего завода, крестьянинъ Степанъ Ашкиринъ, под-

твердили, что Карагановъ года полтора числится на заводѣ въ должности главнаго ревизора, почти ничемъ не занимается и командировокъ ему никакихъ не даютъ; Мясниковъ держитъ Карагапова, выдавая по 1,000 р. въ годъ, съ добавленіемъ ежемѣсячнаго отпуска водки. Вслѣдствіе праздности, Карагановъ предается пьянству, часто производитъ буйство и все ему остается безнаказаннымъ. Къ сему Алексѣй Бѣляевъ присовокупилъ, что Карагановъ перемѣнился въ поведеніи послѣ допроса его въ Ставрополѣ, въ 1868 году, по дѣлу о фальшивомъ составленіи завѣщанія купца Бѣляева; прежде же онъ велъ себя весьма прилично, и онъ, Бѣляевъ, зная его болѣе 20 лѣтъ, не замѣчалъ его въ предосудительныхъ поступкахъ.

„Жена царскосельскаго мѣщанина Наталья Павлова Карагапова, урожденная Обольянинова показала, что Александра Мясникова она знаетъ лѣтъ 15 и была съ нимъ въ связи года четыре. Въ день смерти купца Бѣляева, Александръ Мясниковъ былъ у ней утромъ въ ея квартирѣ, по Баскову переулку, и лишь только его лакей доложилъ ему, что Бѣляевъ сильно заболѣлъ, Мясниковъ ушелъ отъ нея, сказавъ, что придетъ къ ней вечеромъ. Часовъ въ 8 или 9 вечера, Мясниковъ принесъ къ ней довольно большой пакетъ разныхъ бумагъ, между которыми было много бумагъ, сколько припоминаетъ, зеленаго цвѣта. Всѣ эти бумаги Мясниковъ спряталъ въ ящикѣ ея туалета и ключъ взялъ съ собой. На другой день послѣ похоронъ Бѣляева, Мясниковъ взялъ къ себѣ оставленныя у нея въ туалетѣ бумаги. Нѣсколько дней спустя, какъ то вечеромъ, Мясниковъ привезъ къ ней какой-то узелъ въ желтомъ фуляровомъ платкѣ и просилъ его спрятать. Предполагая, что это грязное бѣлье изъ бани, она бросила его подъ кровать. Дня черезъ два Мясниковъ спросилъ ее, куда она положила его деньги? На вопросъ же ея— какія деньги? онъ отвѣтилъ, что тѣ, которыя были въ данномъ ей узлѣ, и узнавъ отъ нея, что она бросила узелъ подъ кровать, сказалъ ей: какъ можно быть такою неосторожною,

вѣдь въ немъ 150,000 рублей. Послѣ этого, доставъ изъ подъ кровати узелъ, онъ развязалъ его и сталъ считать оказавшіеся въ немъ кредитные билеты, перевязанные веревочками въ отдѣльные пакеты. Денегъ оказалось очень много, но было ли тамъ 150,000 р., она не знаетъ. Пересчитавъ деньги и взявъ ихъ съ собою, Мясниковъ тотчасъ же уѣхалъ, выразивъ при этомъ удивленіе къ ея честности. Въ этотъ же промежутокъ времени она какъ то разъ видѣла, что къ подъѣзду квартиры Мясникова подъѣхали ломовые извощики съ сундуками большаго размѣра и понесли ихъ къ Мясникову. Когда она спрашивала потомъ Мясникова объ этихъ сундукахъ, онъ ей отвѣтилъ, что въ нихъ привезли его дѣла, бывшія у покойнаго Бѣляева. Послѣ ея свадьбы съ прикащикомъ Мясникова, Карагановымъ, она тотчасъ уѣхала, по настоянію мужа, въ Козьмодемьянскъ, гдѣ жилъ его отецъ. Наканунѣ свадьбы она получила отъ Александра Мясникова 10,000 р., которые тотчасъ послѣ свадьбы отдала своему мужу. Мясниковъ уговаривалъ ее выйдти замужъ за Карагапова, какъ она полагаетъ, потому что хотѣлъ отъ нея избавиться, видимо не желая, чтобы она жила въ С.-Петербургѣ. Избавиться отъ нея онъ желалъ, потому что въ послѣднее время они постоянно ссорились и во время ссоръ она часто упрекала Мясникова, что онъ, вмѣстѣ съ докторомъ Отто, отравилъ Бѣляева и составилъ отъ имени Бѣляева духовное завѣщаніе. На всѣ ея упреки съ этой стороны, Мясниковъ обыкновенно смѣялся, но смѣхъ его былъ не патуральный. О томъ, что Мясниковъ составилъ подложное завѣщаніе, она въ первый разъ слышала отъ доктора Отто, который ее лечилъ, и однажды разсказалъ, что въ городѣ разнесся слухъ, что будто бы онъ, Отто, отравилъ Бѣляева, а Мясниковъ составилъ подложное завѣщаніе. О составленіи Мясниковымъ завѣщанія она также слышала отъ чиновника Матвѣева. Первое время послѣ свадьбы, она жила съ мужемъ у его отца. Мужъ ея въ продолженіи года ни чѣмъ не занимался и какое было у него состояніе, она не знаетъ, хотя первые три года онъ жилъ при-

лично и постоянно имѣлъ, повидимому, деньги. Сначала онъ завелъ свою хлѣбную торговлю въ Казани, а потомъ винную торговлю; но въ этихъ предпріятіяхъ онъ потерпѣлъ неудачи и, кажется, потерялъ какъ свой капиталъ, такъ и полученные ею отъ Мясникова 10,000 р. Сколько извѣстно изъ словъ мужа, Мясниковъ далъ ему до свадьбы только двѣ тысячи рублей, между тѣмъ какъ обѣщалъ давать ему ежегодно изъ кириловскихъ паевъ по двѣ съ половиною тысячи въ годъ, но этого не исполнилъ. Хотя ей мужъ и не говорилъ, за что Мясниковъ обѣщалъ ему кириловскіе пап, но она часто попрекала его тѣмъ, что эти пап обѣщаны за услугу, оказанную имъ въ темныхъ дѣлахъ Мясникова. Вообще мужъ ея о своихъ дѣлахъ ей ничего не говорилъ, а совѣтовался наединѣ съ своимъ отцомъ; а ее онъ какъ будто боялся и видимо подозрѣвалъ какъ ее, такъ и другихъ въ томъ, что его хотятъ отравить или убить. Такъ онъ ходилъ постоянно съ револьверомъ въ карманѣ; велѣлъ, однажды, доктору анализировать пудру, найденную имъ у ея горничной, предполагая, что это отрава и, вообще, остерегался всѣхъ и каждаго. Доктора Отто она знала съ 1857 года. Въ то время онъ былъ человѣкъ очень бѣдный. Послѣ же смерти Бѣляева она слышала въ Казани, что онъ вдругъ сильно разбогатѣлъ, въ чемъ убѣдилась и лично, увидѣвъ его потомъ въ Петербургѣ. Живя въ Казани, она часто слышала разговоръ о завѣщаніи Бѣляева между мужемъ и его отцомъ, при чемъ ея мужъ при ней сознавалъ себя виновнымъ и говорилъ бывало: „Ахъ, Боже мой, что я сдѣлалъ“, но прямо онъ не высказывался.

„Вдова штабсъ-ротмистра Ульяна Макарова Дементьева вполнѣ подтвердила показаніе Караганової о привозѣ къ ней Мясниковымъ, на другой день похоронъ Бѣляева, узла съ 150,000 р., и присовокупила, что Караганова съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхала изъ Казани и до послѣдняго времени, много разъ получала деньги отъ Александра Мясникова, но сколько именно не знаетъ, но никогда не получала менѣе 100 рублей. Въ разговорѣ съ нею, по поводу этихъ полученій, Караганова

говорила, что Мясниковъ даетъ ей деньги за то, что она хранитъ его тайну о фальшивой духовной Бѣляева, но подробностей не говорила. Однажды Караганова при ней послала Мясникову письмо, писанное подъ диктовку ея знакомымъ Ивановымъ, въ которомъ выразилась такъ: „Я къ вамъ не милостыни хожу просить, а вы вспомните на счетъ духовной". Отвѣта на это письмо, сколько ей извѣстно, получено не было, но чрезъ нѣкоторое время Караганова дала ей 25 р., сказавъ, что это изъ денегъ Мясникова.

„Показаніе Дементьевой объ отправленіи Карагановою къ Мясникову письма съ напоминаніемъ о духовномъ завѣщаніи подтвердилъ писавшій это письмо кондукторъ варшавскаго инженернаго управленія Иванъ Ивановъ.

„Мѣщанинъ Александръ Даниловъ Карагановъ показалъ, что въ 1862 году онъ слышалъ отъ Ивана Ижболдина и Александра Красильникова, что духовное завѣщаніе Бѣляева подложно и что участникомъ въ подлогѣ подозрѣваютъ его сына Амфилогія Караганова. Вслѣдствіе этихъ слуховъ и замѣтя нѣкоторую перемѣну въ своемъ сынѣ, видя его иногда задумчивымъ, разсѣяннымъ и что его какъ будто что-то тревожитъ, онъ спрашивалъ сына нѣсколько разъ, не виновенъ ли онъ въ составленіи духовнаго завѣщанія Бѣляева, но Амфилогій никогда на это опредѣленно не отвѣчалъ, даже просилъ его не говорить съ нимъ объ этомъ, высказывая, что, отвѣтивъ на его вопросъ правду, онъ боится его огорчить; и только однажды, очень неохотно и съ волненіемъ, сказалъ, что онъ подписалъ бланкъ отъ имени Бѣляева, который его просили подписать, но кто просилъ, для чего и, вообще, подробности не высказалъ, и, просилъ его объ этомъ не спрашивать.

„С.-петербургскій мѣщанинъ Амфилогій Александровъ Карагановъ объяснилъ, что въ день смерти купца Бѣляева Александръ Константиновичъ Мясниковъ, придя къ нему, или позвавъ его къ себѣ,—съ точностію не упомнитъ,—заявилъ сперва о смерти Бѣляева, и затѣмъ, выразивъ сожалѣніе о

томъ, что не успѣлъ покончить съ Бѣляевымъ разсчетовъ и взять свой капиталъ, упросилъ его, не объясняя для какой цѣли, подписать имя и фамилію Бѣляева на листѣ бумаги большаго формата. Не предполагая въ требуемомъ отъ него дѣйствіи ничего предосудительнаго, онъ исполнилъ желаніе Мясникова, причемъ старался, по возможности, поддѣлать свой почеркъ подъ почеркъ руки Бѣляева. Такъ какъ сначала поддѣлаться подъ почеркъ Бѣляева ему не удалось, то онъ испортилъ нѣсколько листовъ, и, наконецъ, найдя послѣднюю пробу, то-есть подпись Бѣляева, довольно сходную съ настоящею его подписью, онъ отдалъ тотъ бланкъ Александру Мясникову. По предъявленіи слѣдователемъ Карагапову духовнаго завѣщанія отъ 10 мая 1858 года, Карагановъ объяснилъ, что текстъ на предъявленномъ ему завѣщаніи писанъ, повидимому, рукою Целебровскаго; подпись же на этомъ завѣщаніи „Козьма Бѣляевъ“ весьма возможно, что сдѣлана имъ, но навѣрное этого сказать не можетъ. Предполагаетъ же, что эта подпись сдѣлана имъ потому, что когда онъ отдалъ Мясникову подложный бланкъ, то подпись Бѣляева на бланкѣ пришлась какъ разъ въ томъ же мѣстѣ, какъ на предъявленномъ ему завѣщаніи, и, сколько упомнитъ, подложный бланкъ Бѣляева онъ сдѣлалъ у себя въ комнатѣ стальнымъ перомъ. Какъ скоро послѣ смерти Бѣляева появилось духовное завѣщаніе, онъ не помнитъ, но, приблизительно, можетъ сказать, что черезъ нѣсколько дней, о чемъ онъ узналъ изъ разговоровъ служащихъ у Бѣляева или у Мясникова. За услугу, оказанную имъ Мясникову въ подписаніи бланка отъ имени Бѣляева, онъ ничего не получилъ. Послѣ смерти Бѣляева онъ оставался служить у Мясниковыхъ въ продолженіи 10 мѣсяцевъ, а потомъ, лѣтомъ 1859 года, отошелъ отъ него и уѣхалъ въ Казанскую губернію, гдѣ открылъ свою собственную торговлю хлѣбомъ, отчасти на свои денежныя средства, отчасти же на кредитъ отъ разныхъ лицъ и отчасти на деньги его жены. Оставляя у Мясниковыхъ службу, ему было дано въ награду 10

паевъ въ кириловскомъ откупѣ, за каковые паи онъ получилъ двѣ тысячи рублей. Затѣмъ, поступивъ въ 1865 г. вторично на службу къ Мясниковымъ, онъ продолжалъ таковую до послѣдняго времени, получая по должности главнаго ревизора 1,000 р. въ годъ. О сохранной роспискѣ, выданной Бѣляевымъ Александру и Ивану Мясниковымъ на 272,000 р., онъ въ первый разъ слышитъ и никогда и ни отъ кого не слыхалъ, чтобы Бѣляевъ бралъ деньги у Мясникова на сохраненіе.

„Отставной ротмистръ Александръ Константиновъ Мясниковъ, занимавшій до 1871 года должность адъютанта начальника III отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, не признавая себя виновнымъ въ составленіи подложнаго духовнаго завѣщанія отъ имени купца Козьмы Бѣляева, на допросѣ, въ 1868 году, объяснилъ, что Мясниковы еще не дошли до того, чтобы дѣлать подлоги для полученія 272,000 р. Бѣляевъ былъ не болѣе, какъ ихъ управляющій и опекунъ надъ малолѣтнимъ ихъ племянникомъ. Подписываться на завѣщаніи и сохранной роспискѣ ни Кемпе, ни Шевелева, ни Красильникова онъ не просилъ. Бѣляевъ при жизни своей нѣсколько разъ говорилъ, что все оставитъ женѣ своей. Послѣ смерти Бѣляева онъ, съ дозволенія Екатерины Васильевой Бѣляевой, поспѣшилъ взять изъ кабинета покойнаго свои бумаги и книги, которыя ему были очень нужны, потому что у него дѣла были по всей Россіи и онъ еще мало былъ знакомъ съ ними. Кабинетъ покойнаго былъ опечатанъ на другой день смерти. О существованіи завѣщанія онъ узналъ отъ Бѣляевой послѣ смерти ея мужа и увидѣлъ его тогда, когда она отдала ему завѣщаніе для представленія въ гражданскую палату. Бѣляева подписалась поручительницею на сохранной роспискѣ уже послѣ смерти ея мужа, кажется, до подписанія условія о передачѣ имъ дѣлъ покойнаго Бѣляева; но одинъ ли онъ, или вмѣстѣ съ братомъ Иваномъ просили подписаться Бѣляеву поручительницею на роспискѣ — не помнитъ; сдѣлано же это было для

того, чтобы имъ быть болѣе обезпеченными. Когда онъ получилъ отъ Бѣляева послѣдній отчетъ—не помнитъ; полный разсчетъ съ Бѣляевымъ былъ у него передъ выдачею ему сохранной росписки. Была ли эта росписка вся писана Бѣляевымъ или только имъ подписана—не помнитъ; выдана же она была Бѣляевымъ по ихъ разсчетамъ и сумма ея была переведена на золото и на серебро. Для окончанія дѣла о завѣщаніи миромъ съ Мартьяновымъ, на мѣсто его родины онъ никого не посылалъ. При допросѣ въ 1871 году Александръ Мясниковъ объяснилъ, что къ служившему у него конторщикомъ, Амфилогію Карагапову, онъ въ день смерти Бѣляева не обращался съ просьбою, поддѣлать на листѣ бумаги бланкъ Козьмы Бѣлясва. Почему Карагаповъ на него ложно показываетъ, ему неизвѣстно; но просить его о бланкѣ отъ имени Бѣляева, для составленія духовнаго завѣщанія, онъ не могъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, составлять завѣщанія отъ имени Бѣляева въ пользу его жены, для него не было никакой цѣли, ибо все имущество Бѣляева, какъ видно изъ собственноручно писаннаго имъ балапса въ сентябрѣ 1857 года, простиралось, за вычетомъ долга, всего около 65,000 р. и даже менѣе, а во-вторыхъ, онъ никогда не рѣшился бы просить своего конторщика поддѣлать чужой бланкъ, потому что могъ рисковать, что имъ же будетъ поддѣланъ бланкъ и отъ его имени, и такимъ образомъ онъ лишится всего состоянія. Съ Натальею Павловою Караганової, урожденною Обольяниновою, онъ находился въ связи года два или три. Перевозилъ ли онъ къ ней послѣ смерти Бѣляева большой пакетъ съ бумагами и узелъ съ 150,000 р., не помнитъ. Бумаги, взятыя имъ изъ кабинета Бѣляева послѣ его смерти, были разобраны имъ, его братомъ Иваномъ, и, кажется, Целебровскимъ. Съ Обольяниновой онъ никакихъ разговоровъ о духовномъ завѣщаніи Бѣляева никогда не имѣлъ. Давалъ ли онъ Обольяниновой, по случаю ея свадьбы, деньги, и сколько именно, хорошо не помнитъ. Послѣ выхода замужъ, Караганова неоднократно просила у него де-

нежной помощи, и онъ ей помогалъ небольшими суммами, но опасаться Карагановой ему не было ни малѣйшей причины, такъ какъ она ничего противъ него показать не можетъ.

„Отставной надворный совѣтникъ Иванъ Константиновъ Мясниковъ, занимавшій до 1871 года должность почетнаго смотрителя с.-петербургскаго Вознесенскаго училища, не признавая себя виновнымъ въ составленіи подложнаго завѣщанія отъ имени Бѣляева, объяснилъ, что въ составленіи сего завѣщанія въ пользу Бѣляевой, ему не было никакого интереса; сохранная росписка Бѣляева въ 272.000 р., при совершеніи договора 22 декабря 1858 г., была передана Бѣляевой и она уничтожена. Въ 1858 году онъ уѣзжалъ въ Астрахань принимать рыбные промыслы; въ это время здоровье Бѣляева было плохо, а между тѣмъ онъ былъ долженъ ему и его брату Александру по счетамъ 272.000 р. Боясь, что Бѣляевъ скоро умретъ, онъ, Иванъ Мясниковъ, просилъ его выдать сохранную росписку, о чемъ, уѣзжая изъ С.-Петербурга, во избѣжаніе недоразумѣній, впослѣдствіи предупреждалъ и Бѣляеву, говоря, что у нихъ есть отъ ея мужа сохранная росписка. Послѣ смерти Бѣляева Александръ Мясниковъ, съ дозволенія жены покойнаго, отобралъ въ кабинетѣ Бѣляева бумаги по ихъ дѣламъ и перевезъ къ себѣ въ контору. Бѣляевъ своихъ собственныхъ дѣлъ имѣлъ много, а больше имѣлъ пай въ ихъ дѣлахъ. По возвращеніи изъ Астрахани, онъ нѣсколько разъ просилъ Бѣляеву напомнить мужу о сохранной роспискѣ, чѣмъ она была недовольна. О существованіи духовнаго завѣщанія онъ узналъ послѣ смерти Бѣляева, но какъ скоро и при какихъ обстоятельствахъ, не помнитъ, такъ какъ онъ на это не обращалъ никакого вниманія. При совершеніи съ Бѣляевою маклерскаго условія, сохранная росписка была отдана Бѣляевой и ею уничтожена. Относительно стоимости рыбныхъ промысловъ, онъ въ настоящее время, не видясь съ братомъ и не имѣя подъ рукою свѣдѣній, точно объяснить не можетъ. Знаетъ, что на третью часть Бѣляева было имъ внесено 8,000 р. залога.

По переходѣ этихъ промысловъ отъ Бѣляевой, по сдѣлкѣ 22 декабря 1858 года, въ собственность его и брата, промыслы были уступлены ими Трощинскому, но чрезъ сколько времени и за какую сумму — не помнитъ. Какіе откупа, въ какихъ городахъ и сколько паевъ имѣлъ Бѣляевъ въ 1857 — 1859 гг., онъ не помнитъ, и свѣдѣнія объ этомъ должны быть у его брата. Мебельный магазинъ, доставшійся имъ отъ Бѣляевой, былъ ими проданъ за 270,000 руб. или около того. Сколько стоили прочія коммерческія предпріятія Бѣляева, перешедшія въ ихъ собственность, по договору 22 декабря 1858 г., онъ съ точностью не знаетъ.

„При сличеніи, 18 марта 1871 г., почерка подписи „Козьма Бѣляевъ", на духовномъ завѣщаніи 10 мая 1858 года, съ несомнѣнными подписями Бѣляева, эксперты, въ числѣ пяти человѣкъ, объявили, что оспариваемая подпись на духовномъ завѣщаніи: „Козьма Бѣляевъ"—сходства съ его несомнѣннымъ почеркомъ не имѣетъ, какъ по характеру, такъ и по стилю буквъ, равно какъ по связи ихъ. Кромѣ того, росчеркъ въ подписяхъ Бѣляева совершенно свободный, на духовномъ же завѣщаніи этотъ росчеркъ не представляетъ и подобія несомнѣннаго росчерка, а выраженъ дурно скопированною чертою. Вообще подпись на духовномъ завѣщаніи: „Козьма Бѣляевъ" представляетъ весьма плохое подражаніе несомнѣннымъ подписямъ Бѣляева. Почеркъ самаго текста духовнаго завѣщанія одинъ и тотъ же, но первая половина текста писана сжато, а вторая разгонисто и послѣднія двѣ строчки снова сжаты такъ, что можно придти къ заключенію, что текстъ завѣщанія пригонялся къ подписи. Цвѣтъ чернилъ, коими писанъ текстъ завѣщанія, подпись отъ имени Бѣляева и подписи свидѣтелей Сицилинскаго и Отто, различенъ въ каждомъ изъ четырехъ почерковъ. По сличеніи подписи „Козьма Бѣляевъ" на духовномъ завѣщаніи, съ почеркомъ обвиняемаго мѣщанина Амфилогія Караганова и съ сдѣланными имъ пробными подписями словъ: „Козьма Бѣляевъ", эксперты объявили, что подпись на духовномъ завѣщаніи съ

несомнѣннымъ обыкновеннымъ почеркомъ Караганова на первый взглядъ сходства не имѣетъ; сходство это замѣчается только въ пробныхъ подписяхъ. Самъ по себѣ почеркъ Караганова, въ разное время представляется различнымъ и замѣчается, что Карагановъ можетъ измѣнять его по своему желанію. Въ обыкновенномъ почеркѣ Караганова, въ манерѣ письма нѣкоторыхъ отдѣльныхъ буквъ, напримѣръ *р, л, к, я*, замѣчается сходство съ манерою изображенія ихъ Бѣляевымъ, такъ что по изученіи почерка Караганова, эксперты полагаютъ, что онъ поддѣлался подъ руку Бѣляева; но нельзя положительно утверждать, или отрицать, что подпись на завѣщаніи „Козьма Бѣляевъ“ сдѣлана именно Карагановымъ, потому что подпись на завѣщаніи писана не смѣлою рукою, а нарисована.

„Переписчикъ духовнаго завѣщанія Козьмы Бѣляева, отъ 10 мая 1858 года, коллежскій ассесоръ Макаръ Целебровскій, и подписавшіе завѣщаніе въ качествѣ свидѣтелей, протоіерей Василій Сицилинскій и медикъ, надворный совѣтникъ Федоръ Отто, какъ видно изъ дѣла, умерли: Целебровскій въ лечебницѣ душевныхъ болѣзней, куда онъ поступилъ 25 апрѣля 1860 года и умеръ 21 мая того же года; Сицилинскій умеръ 23 апрѣля 1867 года, и Отто, заболѣвъ холерою 13 іюля 1866 года, умеръ на другой день.

„Упоминаемые въ вышеизложенныхъ показаніяхъ купцы Федоръ Кемпе и Левъ Каменскій, надворный совѣтникъ Степанъ Воронинъ, поручикъ Николай Шевелевъ и бывшая воспитанница Бѣляева Александра Пагорная, урожденная Кропачева не могли быть допрошены — первые трое за смертію, а послѣдніе двое за неразысканіемъ ихъ.

„Во время производства въ с.-петербургскомъ окружномъ судѣ, въ гражданскомъ порядкѣ, дѣла по спору, предъявленному противъ дѣйствительности завѣщанія купца Козьмы Бѣляева, капитанъ Александръ Мясниковъ, согласно требованію суда, основанному на ходатайствѣ истцовъ, 5-го февраля 1870 года представилъ суду: 1) подлинный дневникъ веденный Бѣляе-

вымъ, гдѣ въ ст. 70-й, отъ 21-го мая значится: „росписка Александру и Ивану Константиновичамъ Мясниковымъ въ 272,000 рублей“, и 2) клочекъ бумаги, на которомъ карандашемъ рукою Бѣляева написано слѣдующее: 2. „Ей же, женѣ моей, передаю я, по кончинѣ моей, всѣ права мои по обязательствамъ и контрактамъ съ казною и частными людьми, и безъ оныхъ, а равно полученіе съ должниковъ моихъ по актамъ, роспискамъ и по другимъ разсчетамъ денегъ и уплату состоящихъ на мнѣ одолженій, если таковыя окажутся“.

„Во время же производства предварительнаго слѣдствія, при обыскѣ, произведенномъ 11-го февраля 1871 года въ квартирѣ Александра Константинова Мясникова, въ числѣ разныхъ бумагъ и книгъ, поименованныхъ въ составленномъ о семъ протоколѣ, былъ найденъ клочекъ бумаги съ слѣдующими словами, написанными карандашомъ, по объясненію Мясникова, рукою покойнаго Козьмы Бѣляева: „что сіе завѣщаніе составлено дѣйствительно фр. перв. куп. К. В. Бѣл.“

„Изъ найденныхъ при томъ же обыскѣ разныхъ счетовъ и отчетовъ, писанныхъ рукою покойнаго Бѣляева, между прочимъ, видно, что по краткому отчету, составленному Бѣляевымъ, ему слѣдовало уплатить Мясниковымъ по 1 сентября 1857 года 150,000 р. $2^3/_4$ коп. и затѣмъ, по поступленіи къ нему 255,808 руб. $77^1/_4$ к. и по снятіи съ его счета 278,061 р. 84 к., выданныхъ имъ Мясниковымъ, или вообще подлежащихъ снятію съ его счета, за произведенными на ихъ счетъ расходами, оказывается, что Бѣляеву на 14 мая 1858 года слѣдовало получить 22,253 р. 12 коп.

„При сличеніи 18 марта 1871 г. почерка слѣдующихъ строчекъ въ дневникѣ Бѣляева, представленномъ къ дѣлу Александромъ Мясниковымъ: „21. Росписка Александру и Ивану Конст. Мясниковымъ въ 272 р.“ „Капиталы и расходы уравнены общимъ вкладомъ отъ 3 лицъ, т. е. гг. Мясниковыхъ и отъ меня“ и „21. Иванъ Конст. на рыбныя ловли въ числѣ 50 т. складочн. капит. съ моей части 16,666 р. 66 коп.“, эксперты объявили, что строчки имѣютъ между собою

сходство и писаны одною рукою, одними чернилами и стальнымъ перомъ, и имѣютъ сходство съ тѣмъ почеркомъ, которымъ писанъ текстъ дневниковъ; но положительно утверждать, чтобы этотъ почеркъ былъ писанъ несомнѣннымъ почеркомъ Бѣляева, эксперты не могутъ. Остальная строчка изъ сличаемыхъ дневниковъ, именно: „18. В. П. Буркину отказъ отъ его товарищества". „7 и 8 числа выдано, но съ рыбнаго дѣла роздано Бенардаки 8,800, Буркину 8,000, Якунчикову 8,000, Немокову 8,000, Конееву и Тюльпину 8,000 и Лебедеву 4,000—124,000 руб.", имѣетъ сходство съ почеркомъ, коимъ писанъ текстъ дневниковъ, но представленное, какъ показываетъ разсмотрѣніе въ лупу, обведенными по написанному и притомъ въ обоихъ дневникахъ, въ вышеозначенныхъ строчкахъ одними и тѣми же чернилами только слова: „7 и 8 числа выдано, но съ рыбнаго дѣла"— не обведены.

„Вслѣдствіе сего, отставной ротмистръ Александръ Константиновъ Мясниковъ, 39 лѣтъ, отставной надворный совѣтникъ Иванъ Константиновъ Мясниковъ, 38 лѣтъ, и с.-петербургскій мѣщанинъ Амфилогій Александровъ Карагановъ, 37 лѣтъ, обвиняются въ томъ, что въ концѣ сентября или въ началѣ октября 1858 года, по предварительному между собою уговору, подложно составили домашнее духовное завѣщаніе, отъ 10 мая 1858 года, отъ имени фридрихсгамскаго первостатейнаго купца Козьмы Васильева Бѣляева, т. е. совершили преступленіе, предусмотрѣнное 1091 ст. улож. о нак., изд. 1866 г.

„Вслѣдствіе сего, вышепоименованныхъ Александра и Ивана Константиновыхъ Мясниковыхъ и Амфилогія Александрова Караганова предполагается предать суду с.-петербургскаго окружнаго суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

По прочтеніи обвинительнаго акта, *прис. пов. Языковъ* дѣлаетъ заявленіе, въ которомъ онъ указываетъ на ошибку, вкравшуюся въ обвинительный актъ.

Предс. оставляетъ это заявленіе безъ послѣдствій, въ виду

того, что обв. актъ подлежитъ провѣркѣ на судебномъ слѣдствіи, и затѣмъ обращается къ подсудимымъ съ слѣдующими вопросами: Подсудимый Александръ Мясниковъ, вы обвиняетесь въ томъ, что въ сентябрѣ 1858 г., по предварительному уговору съ Иваномъ Мясниковымъ и съ Амфилогіемъ Карагановымъ, составили подложное духовное завѣщаніе, отъ 10 мая того же года, отъ имени умершаго въ сентябрѣ того же года фридрихсгамскаго первостатейнаго купца Козьмы Васильевича Бѣляева. Признаете ли вы себя виновнымъ?

Подс. А. Мясниковъ. Нѣтъ, не признаю.

Предс. Подс. Иванъ Мясниковъ, вы обвиняетесь въ томъ же преступленіи. Признаете ли вы себя виновнымъ?

Подс. Ив. Мясниковъ. Нѣтъ, не признаю.

Предс. Подсудимый Карагановъ, вы обвиняетесь въ томъ, что вслѣдствіе подговора васъ братьями А. и И. Мясниковыми, вы подписались за Бѣляева на духовномъ завѣщаніи, составленномъ подложно отъ его имени. Признаете ли вы себя виновнымъ?

Подс. Кар. Я желалъ бы сдѣлать отзывъ.

Предс. Вы теперь можете объяснить все, что желаете.

Подс. Кар. Вслѣдствіе неоднократныхъ несчастныхъ случаевъ, пожаровъ и другихъ, я потерялъ много здраваго смысла, много здоровья, а главное много здраваго смысла.... (Подс. говоритъ тихимъ голосомъ и сильно жестикулируетъ руками).

Предс. Я васъ не о томъ спрашиваю, а о томъ, признаете ли вы себя виновнымъ въ томъ, что подписали духовное завѣщаніе, подложно составленное отъ имени умершаго купца Бѣляева?

Подс. Кар. Виноватъ, я подписалъ. *(Движеніе).*

Предс. Разскажите, какимъ образомъ вы подписывали духовное завѣщаніе?

Подс. Кар. (отвѣчаетъ такъ тихо, что ничего не слышно).

Предс. Подс. Карагановъ, выйдите на средину залы. *(Подсудимаго выводятъ на средину залы).* Теперь разскажите,

только говорите погромче. Можете ли вы сами разсказать, или желаете, чтобы вамъ предлагаемы были вопросы?

Подс. Кар. Я постараюсь разсказать: какъ скончался Бѣляевъ, онъ, значитъ какъ померъ, я слышалъ, что онъ былъ передъ тѣмъ боленъ и мнѣ неизвѣстно, составилъ онъ духовное завѣщаніе, или нѣтъ. А вотъ та бумага, которую мнѣ показывалъ слѣдователь,—такъ я, значитъ, долженъ начать съ того, о чемъ спрашивалъ слѣдователь.

Предс. Я васъ спрашиваю не о томъ, какое показаніе отъ васъ отбиралъ слѣдователь, а не можете ли вы разсказать о томъ обстоятельствѣ, какъ вы подписали бумагу подписью Бѣляева?

Подс. Кар. А!—я теперь знаю. Вы спрашиваете о томъ, при какихъ обстоятельствахъ, а это было вотъ какъ. Я узналъ, что померъ Бѣляевъ.—*В.* Гдѣ вы въ это время служили?—*О.* У Мясниковыхъ.—*В.* Чѣмъ вы служили у нихъ?—*О.* Служилъ я-съ конторщикомъ-съ, или, просто, исполнялъ въ одно и тоже время и прочія дѣла и порученія: купить разную провизію, или тамъ прочее, что нужно было, или же исполнялъ всякія порученія, тоже, по такимъ дѣламъ ихъ не мало бываетъ....

Предс. Ну, объ этомъ достаточно будетъ. Вы теперь обратитесь къ существу дѣла. Какимъ образомъ пошли переговоры о томъ, чтобы вы подписали какую нибудь бумагу?

Подс. Кар. Я нѣкоторыя частности припоминаю такія, которыя могутъ для меня имѣть значеніе. Если позволите....

Прис. пов. Деттъ. Такъ какъ вызваны судомъ эксперты, доктора Дюковъ и Баталинъ, то для того чтобы эти эксперты могли дать болѣе точное опредѣленіе умственнаго состоянія Караганова, впослѣдствіи, когда имъ будутъ предложены вопросы, то я покорнѣйше просилъ бы допустить ихъ къ присутствію, при допросѣ подсудимаго Караганова.

Подс. Кар. (опять начинаетъ что-то говорить).

Предс. Позвольте подсудимый.—Стороны ничего не имѣютъ

возразить, противъ заявленія защитника подсудимаго Карагановa?

Стороны ничего не возразили.

Предс. дѣлаетъ распоряженіе о вводѣ въ залу засѣданія гг. экспертовъ.

Подс Кар. продолжаетъ говорить, но такъ тихо, что за стенографскими столами ничего не слышно).

Предс. Да, но все это не относится къ тому, о чемъ я васъ спрашиваю. Какъ вы покупали известку и другія обстоятельства, не имѣютъ отношенія къ тому, какъ вы подписали имя Бѣляева?

Подс. Кар. Я прошу васъ меня спрашивать. Много время прошло-съ, я молодъ былъ-съ, а потомъ несчастія, пожары, братъ мой пропалъ....

Предс. Такъ вы сказали, что служили у Мясниковыхъ?—*О.* Да-съ.—*В.* Вы слышали, что Бѣляевъ умеръ? — *О.* Да, услыхалъ-съ. — *В.* Отъ кого вы услыхали это, отъ Мясниковыхъ?—*О.* Да-съ, отъ Мясниковыхъ-съ.—*В.* Отъ котораго, отъ Ивана, или отъ Александра Мясникова?—*О.* Не помню.... трудно сказать. — *В.* Затѣмъ Мясниковы приходили ли къ вамъ черезъ нѣсколько времени и просили ли подписать какую-нибудь бумагу, подъ руку Бѣляева?—*О.* Я помню.... помню, припоминаю....

Д-ръ правъ Лохвицкій. Я прошу позволенія сдѣлать одно заявленіе. По просьбѣ защитника подсудимаго Карагановa, допущены къ присутствію при допросѣ этого подсудимаго гг. эксперты. Они допущены для произведенія экспертизы. Между тѣмъ они не были приведены къ присягѣ. Такъ какъ для меня это обстоятельство не имѣетъ никакого значенія, но можетъ имѣть значеніе впослѣдствіи, то я прошу судъ, обратить вниманіе на это обстоятельство.

Предс. Судъ, принимая во вниманіе, что эксперты-медики, Дюковъ и Батлинъ, вызваны обвинительною властью для того, чтобы впослѣдствіи дать свои объясненія, что въ настоящее время они никакихъ объясненій не даютъ и что

впослѣдствіи они будутъ приведены къ присягѣ, постановилъ: оставить заявленіе повѣреннаго гражданскаго истца безъ послѣдствій. *(Къ подс. Карпанову)*. И такъ, приходилъ ли къ вамъ кто-нибудь изъ Мясниковыхъ, съ предложеніемъ подписать подъ руку Бѣляева какую-нибудь бумагу? — *О*. Вотъ теперь припоминаю..... хорошо не могу вспомнить.... Такъ, или, кажется, такъ было: ко мнѣ ли пришли, или меня потребовали туда. Я кажется пошелъ было къ Бѣляеву, но не дошелъ къ нему. Меня кто-то встрѣтилъ и говоритъ, чтобы я пошелъ домой.—*В*. Такъ вы и возвратились къ себѣ домой?—*О*. Да-съ.—*В*. Когда же къ вамъ обратились Мясниковы съ просьбой, подписать бумагу? — *О*. Я былъ молодъ; мнѣ 26 лѣтъ было. Извините, я это сдѣлалъ. — *В*. Такъ вы скажите, какимъ образомъ вы это сдѣлали? — *О*. Мнѣ совѣстно, читайте мой отзывъ.—*В*. Этого нельзя. Вы сами должны сказать.—*О*. Это, дѣйствительно, я сдѣлалъ.—*В*. Кто васъ объ этомъ просилъ?—*О*. Самъ Александръ Мясниковъ.—*В*. Почему онъ объ этомъ просилъ? — *О*. Говорили, что все должно пойти въ руки другихъ, что всѣ дѣла пойдутъ плохо, они потеряютъ много.... — *В*. Такъ А. Мясниковъ просилъ васъ подписать эту бумагу, потому что Бѣляевъ не оставилъ завѣщанія. Это вамъ было извѣстно? — *О*. Нѣтъ, чтобы не было завѣщанія, мнѣ не было извѣстно. — *В*. А онъ говорилъ вамъ, что подпись нужна для того, чтобы имѣніе недосталось наслѣдникамъ Бѣляева? — *О*. Этого, ей-богу, незнаю. — *В*. Такъ онъ вамъ говорилъ, для чего ему нужна подпись, или не говорилъ? —*О*. Да-съ, я объясняю, что онъ говорилъ, что Бѣляевъ не оставилъ никакого завѣщанія, а я былъ такъ глупъ и такъ слабъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ убитъ несчастіями и запуганъ, такъ что сдѣлалъ. Несчастій въ моей жизни было много. Многія, собственно, по моей глупости, а потомъ пожары—и братъ пропалъ у меня, такъ что все это....— *В*. Такъ вотъ вы отвѣчайте на мой вопросъ: А. Мясниковъ просилъ васъ сдѣлать подпись? — *О*. Да-съ. — *В*. Вы учились дѣлать подпись Бѣляева? — *О*. Нисколь-

ко-съ.—*В.* Такъ вы уже знали его подпись?—*О.* Нисколько не зналъ.—*В.* Такъ вы сперва пробовали дѣлать его подпись? — *О.* Кажется пробовалъ, вѣроятно.... не помню. — *В.* Вы помните какой листъ подписали? — *О.* Ей-Богу забылъ; припомнить трудно.—*В.* Вы помните, какъ вы подписывали, только имя и отчество Бѣляева, или и званіе его, или только имя и фамилію?—*О.* Не помню.—*В.* Не помните ли вы, куда вы поставили подпись: въ началѣ страницы или въ концѣ ея? На первой или какой-нибудь другой страницѣ листа?—*О.* Это совершенно забылъ. Вѣдь бываютъ же такія обстоятельства въ жизни, что человѣкъ совершенно не знаетъ ничего. Все можно забыть....—*В.* Вы получили отъ Мясниковыхъ какое-нибудь вознагражденіе? *(Подс. Кар. продолжаетъ что-то говорить).* Карагановъ, не угодно ли вамъ выслушивать мои вопросы и на нихъ мнѣ отвѣчать. *(Кар. продолжаетъ говорить. Предс. возвышаетъ голосъ).* Карагановъ, вы получили что-нибудь отъ Мясниковыхъ за эту подпись? — *О.* Ничего-съ. То есть, послѣ смерти Бѣляева, онъ мнѣ далъ паи.—*В.* Послѣ смерти Бѣляева вы скоро отошли отъ Мясниковыхъ? — *О.* Въ іюнѣ, или іюлѣ 1859 года, не помню въ точности. — *В.* Въ это время вы женились, или нѣтъ?—*О.* Нѣтъ, я женился послѣ.—*В.* Ну да, я говорю, что въ промежуткѣ времени, между смертью Бѣляева и отъѣздомъ изъ Петербурга, вы женились?—*О.* Да, я женился.—*В.* Кто вамъ сваталъ невѣсту? — *О.* Нѣтъ, мнѣ ее не сватали; я самъ на ней женился. — *В.* Вы знали, въ какихъ отношеніяхъ она состояла съ Мясниковымъ, или нѣтъ? — *О.* Да-съ, я зналъ. — *В.* Мясниковъ далъ ей приданое? — *О.* Разумѣется, далъ. — *В.* Вы не знаете, сколько онъ ей далъ приданаго?—*О.* Въ настоящее время не помню; кажется большую сумму; у ней было тысячъ около десяти, изъ числа которыхъ конечно много пошло на расходы, такъ что наличныхъ тысячъ 8. — *В.* Послѣ этого вы отправились въ Казань и тамъ завели собственную торговлю? Вы тамъ жили у вашего отца? — *О.* Нѣтъ, я жилъ въ Казани одинъ. —

В. Затѣмъ, изъ Казани, когда вы уѣхали? — *О.* Въ 1864 году. — *В.* И въ 1865 году вы опять поступили на службу къ Мясниковымъ? — *О.* Да, въ 1865 году. — *В.* Куда вы сперва поступили, на заводъ? — *О.* Я сперва поѣхалъ на Кавказъ, т. е. не на Кавказъ, а въ Ставрополь.—*В.* Чѣмъ вы занимались въ Ставрополѣ? — *О.* Я занимался раскладкой.... *(не слышно).*—*В.* Изъ Ставрополя вы куда переѣхали, въ Петербургъ или въ Воронежъ?—*О.* Нѣтъ, изъ Ставрополя я переѣхалъ въ Ростовъ. — *В.* Все это время, вы состояли на службѣ у Мясниковыхъ?—*О.* Да-съ.—*В.* Вплоть до тѣхъ поръ, пока васъ заарестовали?—*О.* Арестовали? — *В.* Ну да, вы не отходили отъ Мясниковыхъ до того времени, пока васъ не арестовали по этому дѣлу? — *О.* Нѣтъ, не отходилъ.—*В.* Въ послѣднее время вы жили на винокуренномъ заводѣ въ Задонскомъ уѣздѣ? — *О.* Да, въ Задонскомъ уѣздѣ. — *В.* Ревизоромъ, или чѣмъ вы тамъ служили?—*О.* Да, ревизоромъ.—*В.* Но вы занимались тамъ чѣмъ нибудь, или ни чѣмъ не занимались?—*О.* Какъ же, я занимался. — *В.* Сколько вы получали жалованья? — *О.* 1000 рублей. — *В.* Вы были знакомы съ А. Красильниковымъ?—*О.* Знаю, онъ мой родственникъ.—*В.* Вы не имѣли съ нимъ какихъ-нибудь разговоровъ, относительно подлинности завѣщанія Бѣляева? — *О.* Нѣтъ, не имѣлъ. — *В.* Вы ему не объясняли, не сознавались? — *О.* Разговоры были; онъ со мной говорилъ о томъ, что ему извѣстно это обстоятельство.—*В.* Но вы ему не говорили, что Мясниковы просили васъ, не ходить къ нему, опасаясь, что вы сознаетесь? — *О.* Не помню.—*В.* Вы не помните, или этого не было? — *О.* Я не помню; память моя такъ разстроена. Я прошу васъ прочитать мое объясненіе. — *В.* Да, но вѣдь я могу читать, а присяжные не могутъ. Вы объясните все то, что помните и что хотите объяснить.

Подс. Кар. Вы потрудитесь спрашивать меня, потому что это лучше, легче отвѣчать. — *Предс.* Вы съ отцомъ вашимъ имѣли разговоры о духовномъ завѣщаніи? — *О.* Нѣтъ. —

В. Это навѣрное помните, или забыли? — *О.* Забылъ. — *В.* Такимъ образомъ вы въ настоящее время помните только слѣдующее: что послѣ смерти Бѣляева, А. Мясниковъ просилъ васъ, поддѣлать подпись Бѣляева, что ему нужно было для того, чтобы состояніе Бѣляева не перешло къ его прямымъ наслѣдникамъ?... — *О.* Да, да, и просилъ или приказывалъ—этого не помню, это ужь давно было. Смерть Бѣляева на меня такъ подѣйствовала; Бѣляевъ всѣмъ правилъ, все на немъ держалось. — *В.* Вы кого считали хозяиномъ, Мясниковыхъ или Бѣляева?—*О.* Разумѣется, Мясниковыхъ.— *В.* Но дѣлами кто заправлялъ, Мясниковы или Бѣляевъ?— *О.* Дѣлами заправлялъ.... дѣлами заправляли Мясниковы.— *В.* Вы сами говорили, что дѣлами всѣми Бѣляевъ заправлялъ! — *О.* Да, да, Бѣляевъ. — *В.* Вы знали, стало быть, что эта подпись будетъ употреблена для духовнаго завѣщанія?—. *О.* То есть, видите ли, мнѣ этого не объясняли.... я еще до смерти Бѣляева много имѣлъ несчастій, а потомъ меня раззоряли пожары. Богъ меня наказываетъ.... Братъ мой пропалъ.... Богъ, Богъ меня наказываетъ.—*В.* Такъ вы думали, что это васъ Богъ наказываетъ за то, что вы подписали духовное завѣщаніе? *(Кар. что-то продолжаетъ говорить).* Да это какое же имѣетъ отношеніе къ тому, что вы написали подпись Бѣляева? — *О.* А отношеніе то, что поправлено было....—*В.* Ну вотъ вы и отвѣчайте на этотъ вопросъ; я никакъ не могу дождаться отвѣта. Когда вы подписали „Козьма Бѣляевъ“, знали ли вы, что дѣлаете эту подпись для того, чтобы впослѣдствіи на томъ мѣстѣ, на которомъ вы сдѣлали подпись, было написано духовное завѣщаніе?—*О.* А!—этого я не зналъ.—*В.* Такъ зачѣмъ же Мясниковъ просилъ васъ сдѣлать эту подпись? — *О.* Для своихъ надобностей. — *В.* Но онъ вамъ объяснялъ, для какихъ надобностей?—*О.* Для духовнаго завѣщанія.—*В.* Это онъ вамъ говорилъ? — *О.* Нѣтъ, не говорилъ, только....— *В.* Значитъ вы объ этомъ догадывались?—*О.* Да, да, вотъ именно, я догадывался.

Предс. Г. секретарь, отыщите духовное завѣщаніе, находящееся въ числѣ вещественныхъ доказательствъ.

Секретарь Лобко подаетъ предсѣдательствующему духовное завѣщаніе.

Предс. передаетъ духовное завѣщаніе подсудимому Караганову.

Подс. Кар. (разсмотрѣвъ завѣщаніе). Мнѣ начинаетъ помниться... только, мнѣ до такой степени неловко... до такой степени неловко... — *В.* Отчего вамъ неловко? Потому что вы находитесь при Мясниковыхъ, которымъ вы такъ много обязаны?

Подсудимый Карагановъ что-то толкуетъ, что̀ не слышно. Предсѣдательствующій ему замѣчаетъ, что все это не относится къ дѣлу и спрашиваетъ его, сдѣлалъ ли онъ подпись на этомъ духовномъ завѣщаніи?—*О.* Не ручаюсь, не знаю.—*В.* Не похожа ли эта подпись на ту, которую вы сдѣлали?—*О.* Похожа. — *В.* На томъ ли самомъ мѣстѣ вы сдѣлали подпись, гдѣ находится подпись Бѣляева?—*О.* Не помню.

Предс. предлагаетъ подсудимому сѣсть на скамью подсудимыхъ.

Прокуроръ проситъ предсѣдательствующаго предложить подсудимому Караганову вопросъ, не получалъ ли онъ, послѣ совершенія имъ подписи, отъ Мясниковыхъ, кромѣ жалованья, безденежно, водки и въ какомъ количествѣ?

Присяжн. пов. Арсеньевъ проситъ предс. предложить подсудимому Караганову слѣдующіе вопросы: 1) имѣлъ ли онъ, дѣлая подпись Бѣляева, передъ собою настоящую подпись Бѣляева; 2) занимался ли онъ весною 1857 г. у Бѣляева, повѣркою счетовъ для Мясниковыхъ; 3) говорилъ ли онъ кому нибудь о томъ, что онъ сдѣлалъ подпись Бѣляева и 4) когда онъ служилъ у Красильникова, сколько получалъ жалованья и почему отъ него отошелъ?

Д-ръ правъ Лохвицкій проситъ у суда дозволенія предложить Караганову одинъ вопросъ въ отсутствіи подсуди-

мыхъ, обоихъ братьевъ Мясниковыхъ и, предложить Караганову, сдѣлать на листѣ бумаги, подпись Бѣляева.

Прокуроръ просилъ, предложить Караганову написанное имъ въ видѣ завѣщанія письмо къ его отцу и спросить, онъ ли написалъ это письмо и въ какомъ году.

Предс, Подсудимый Карагановъ, служа у Мясниковыхъ, въ послѣднее время, на заводѣ въ Задонскѣ, вы сверхъ жалованья получали ли вино?—*О*. Получалъ, многіе получали.—*В*. Когда вы сдѣлали, на листѣ бумаги, подпись Бѣляева. имѣли ли вы передъ собою настоящую его подпись, или вы сдѣлали эту подпись на память?—*О*. Что-то было, но что—не знаю, не припомню. — *В*. Производили ли вы, по приказанію Мясниковыхъ, передъ смертью Бѣляева, учетъ его книгамъ? — *О*. Я не занимался у Бѣляева, учета не производилъ.

Прис. пов. Арсеньевъ. Подсудимый говоритъ, что не занимался у Бѣляева, но этотъ разсчетъ онъ дѣлалъ не по порученію Бѣляева, а по порученію Мясниковыхъ.

Предс. Вы по порученію Мясниковыхъ не учитывали книги Бѣляева?—*О*. Я не Бѣляева повѣрялъ, а тѣхъ, кто находились подъ наблюденіемъ у Мясниковыхъ. — *В*. Говорили ли вы когда нибудь Красильникову о духовномъ завѣщаніи?—*О*. Прошу покорнѣйше доказательства того, что я говорилъ. Такимъ образомъ я слышалъ, что есть этакое преданіе, такъ сказать пословица, а что доказательства.... если потребуется, то я имѣю доказательства.

Предс. Какія доказательства?

Подс. Караг. Вѣрныя.

Предс. Да я не объ этомъ васъ спрашиваю, а о слѣдующемъ: забыли ли вы, или не говорили ли вы, когда нибудь Александру Красильникову о томъ, что вы подписались за Бѣляева по просьбѣ Мясникова?—*О*. Красильникову?—*В*. Красильникову или кому нибудь другому? — *О*. Никому не говорилъ.

Предс. Г. судебный приставъ, предъявите эту бумагу

сторонамъ. *(Сторонамъ предъявляется листъ бумаги съ подписью Бѣляева).* Подсудимый Карагановъ, посмотрите на этотъ листъ. Сдѣлали вы эту подпись, когда, на предварительномъ слѣдствіи, судебный слѣдователь вамъ предложилъ, сдѣлать на пробу подпись Бѣляева?

Подс. Каран. (разсмотрѣвъ подпись). Да-да-да-съ, это я сдѣлалъ. Ваше высокоблагородіе, если вы посволите говорить...

Предс. Что же вы еще хотите сказать?

Подс. Каран. Я прошу позволить мнѣ говорить.

Предс. Вы имѣете право сказать все, что вы желаете, если оно относится къ дѣлу. О чемъ вы желаете говорить?

Подс. Каран. Это о томъ, что я служилъ у Мясниковыхъ.

Предс. Вы уже объ этомъ обстоятельствѣ говорили.

Подс. Каран. Вотъ обстоятельство какого рода, что я по золотому промыслу служилъ, и найдены были ошибки разныя. Однимъ словомъ, я былъ бѣденъ, пришлось почти по міру ходить.

Предс. Но это не относится вовсе къ дѣлу. Въ настоящее время рѣчь идетъ объ обстоятельствахъ, къ дѣлу относящихся. Впослѣдствіи вамъ будетъ предоставлено слово; тогда вы будете имѣть возможность, говорить о своемъ положеніи, о тѣхъ причинахъ, которыя васъ побудили къ совершенію преступленія.

Подс. Каран. Сдѣлайте одолженіе, спросите, о чемъ желаете.

Защ. Каран. прис. повѣр. Деттъ. Я хотѣлъ бы обратить вниманіе гг. присяжныхъ на то, что подсудимый Карагановъ не сознался въ томъ, что онъ именно сдѣлалъ ту подпись, которая имѣется на духовномъ завѣщаніи. Онъ сказалъ, что не знаетъ, не ручается, что онъ эту подпись сдѣлалъ; она похожа на его подпись, но чтобы она была та самая, которую онъ сдѣлалъ по просьбѣ Мясникова—этого онъ не удостовѣряетъ.

Предс. Гг. присяжные засѣдатели слышали, что показалъ подсудимый Карагановъ.

Г. Деп. Я хотѣлъ обратить вниманіе гг. присяжныхъ засѣдателей на это обстоятельство потому, что оно, въ настоящемъ дѣлѣ, имѣетъ слишкомъ важное значеніе.

Прокуроръ просилъ о предъявленіи сторонамъ и присяжнымъ о прочтеніи письма Караганова къ его отцу отъ 14 декабря 1870 г. и приложенную къ этому письму бумагу. По предъявленіи этихъ бумагъ онѣ были прочтены. Въ письмѣ Карагановъ проситъ отца сохранить бумагу, къ письму приложенную, такъ какъ она впослѣдствіи можетъ быть полезна. Бумага же эта содержала духовное завѣщаніе Караганова. Онъ въ немъ завѣщаетъ своей матери, на случай смерти, свое платье и различныя хозяйственныя принадлежности, и говоритъ, что онъ съ самаго дѣтства былъ вѣренъ своимъ хозяевамъ, ревностно исполнялъ долгъ службы, взятокъ не бралъ, ничьего здоровья никакими ядами не портилъ, къ разнымъ низкимъ средствамъ не прибѣгалъ, а старался дѣйствовать прямо и открыто, не торговалъ женщинами, ни родными, ни чужими, никого не обижалъ напрасно, въ прочихъ же грѣхахъ и проступкахъ своихъ, вынужденныхъ обстоятельствами жизни и извѣстныхъ отцу, приноситъ истинное раскаяніе.

Предс. Подсудимый Карагановъ, вы слышали содержаніе этого письма и духовнаго завѣщанія?

Подс. Караг. Слышалъ.—*В.* Вы это писали?—*О.* Да.—*В.* Вашему отцу?—*О.* Да, вспоминаю, что писалъ къ отцу.—*В.* Не желаете ли вы объяснить, о комъ вы говорите, выражаясь, что вы въ своей жизни ничьего здоровья никакими ядами не портили? О комъ вы это говорите?—*О.* О себѣ.—*В.* Какіе же вы видѣли примѣры, чтобы другіе портили чужія жизни какими нибудь ядами?—*О.* Изъ разсказовъ я видѣлъ.—*В.* Какіе вы слышали разсказы?—*О.* Разные; вотъ, въ особенности, французскіе и англійскіе.—*В.* Значитъ, вы это изъ романовъ взяли?—*О.* Да. *(Смѣхъ).* — *В.* Вы въ своемъ завѣщаніи говорите, что не торговали женщинами. Вы

видѣли, что другіе это дѣлали, или вы это также вычитали?—*О.* Какъ же этого не видѣть? — *В.* Вы здѣсь никого не подозрѣвали?—*О.* Никого, кромѣ себя. — *В.* Вы пишете далѣе, что приносите раскаяніе за нѣкоторые, извѣстные отцу, проступки и дѣянія, совершенные вами по службѣ. Вы сдѣлали подпись Бѣляева. Это дѣяніе вы считаете совершеннымъ по службѣ?—*О.* Прошу извинить, я дѣлалъ ошибки, я былъ несчастливъ... — *В.* А вы въ этомъ завѣщаніи своемъ, говоря о проступкахъ и дѣяніяхъ, совершенныхъ вами по службѣ, подъ этими выраженіями не подразумѣвали того, что подписали бумагу? — *О.* Да-съ.

Предс. снова предлагаетъ Караганову этотъ вопросъ, стараясь держаться при этомъ болѣе точныхъ и ясныхъ выраженій и требуя положительнаго, на этотъ вопросъ, отвѣта.

Подс. Каран. А! этого нѣтъ-съ... а впрочемъ, Богъ знаетъ, я не могу сказать утвердительно.

Прокуроръ Кони. Я просилъ бы гг. присяжныхъ засѣдателей обратить вниманіе на то, что прочитанное сейчасъ письмо и завѣщаніе Караганова написано имъ 14 декабря 1870 г. и что затѣмъ слѣдствіе, къ которому онъ былъ привлеченъ по этому дѣлу и допросъ его, на которомъ онъ сознался, начались только 23 декабря, т. е. послѣ этого письма.

На вопросъ *защитника И. Мясникова, г. Языкова*, подсудимый Карагановъ объяснилъ, что пожары, о которыхъ онъ заявлялъ нѣсколько разъ, его постигли ранѣе смерти Бѣляева.

Г. Языковъ просилъ присяжныхъ засѣдателей удержать это обстоятельство у себя въ памяти.

Пов. гр. истца г. Лохвицкій. Я просилъ бы судъ предложить подсудимому Караганову нѣсколько вопросовъ въ отсутствіи подсудимыхъ Мясниковыхъ.

Защитникъ И. Мясникова прис. пов. Языковъ. Я прошу это предложеніе вопросовъ Караганову въ отсутствіи другихъ подсудимыхъ, отложить до назначенія какого нибудь

перерыва, когда И. К. Мясниковъ будетъ имѣть возможность, послѣ удаленія его изъ залы засѣданія, отдохнуть нѣсколько времени до возвращенія въ залу засѣданія.

Судъ уважилъ эту просьбу защитника, послѣ чего въ залу засѣданія были введены 16 вызванныхъ къ суду экспертовъ, для сличенія почерковъ. Послѣ того, какъ стороны сдѣлали указанія на документы, которые слѣдовало экспертамъ разсмотрѣть при сличеніи подписи Бѣляева, на духовномъ завѣщаніи съ несомнѣнными его подписями, стороны приступили къ предложенію экспертамъ вопросовъ, на которые эксперты, по ихъ мнѣнію, должны были давать свои отвѣты.

Прокуроръ предложилъ слѣдующіе вопросы: 1) Писана-ли рукою сажаго Бѣляева подпись „Козьма Бѣляевъ“ на завѣщаніи, и соотвѣтствуетъ ли почеркъ этой подписи, общему характеру его почерка? 2) Если эта подпись не написана Бѣляевымъ, то какова эта поддѣлка подъ его почеркъ, по своимъ достоинствамъ и свойствамъ? — т. е. искусна или неискусна эта поддѣлка — пояснилъ г. прокуроръ; 3) Если эта подпись подлинна, то соотвѣтствуетъ ли она почерку Караганова, и могла ли быть сдѣлана Карагановымъ? 4) Если она не соотвѣтствуетъ обыкновенному почерку Караганова, то по свойству этого почерка и по тѣмъ пріемамъ, которые въ немъ замѣчаются, имѣетъ ли возможность Карагановъ поддѣлать подпись Бѣляева такимъ образомъ, какъ она сдѣлана на завѣщаніи и, наконецъ 5), писана ли послѣдняя страница первой половины послѣдняго листа расходной книги Бѣляева и та страница дневника его, на которой говорится о сохранной роспискѣ въ 272,000 р., рукою Бѣляева, или нѣтъ?

Пов. гр. ист. Г. Лохвицкій, предложилъ еще слѣдующія вопросы: 1) подпись на завѣщаніи „Козьма Бѣляевъ“, писана стальнымъ или гусинымъ перомъ? 2) подпись Бѣляева на документахъ несомнѣнныхъ, которые даны экспертамъ, писаны ли стальнымъ или гусинымъ перомъ? 3) имѣетъ ли текстъ завѣщанія такой характеръ, что мѣстами онъ разгонисто написанъ, а мѣстами сжато, и не видно ли изъ этого,

что переписчику завѣщанія необходимо было. подгонять текстъ завѣщанія къ подписи?

Защ. А. Мясникова прис. пов Арсеньевъ. Редакція вопросовъ, которые предлагаетъ г. прокуроръ, соотвѣтствуетъ редакціи тѣхъ вопросовъ, которые предлагаются на обсужденіе присяжныхъ засѣдателей, но никакъ не той, которая предлагается экспертамъ. Писана ли подпись рукою Бѣляева—на этотъ вопросъ могутъ отвѣчать только прис. засѣдатели. Эксперты же, по моему мнѣнію, могутъ разрѣшить только вопросъ о сходствѣ или несходствѣ подписи; они могутъ сказать только, похожа она, или не похожа и, затѣмъ, изложить свое мнѣніе, почему они думаютъ. что существуетъ или не существуетъ сходство. Затѣмъ, что касается до 3-го вопроса, предложеннаго г. прокуроромъ, то мнѣ кажется, что этотъ и 4-й вопросъ имъ предложенный. удобнѣе было бы соединить вмѣстѣ и выразить въ слѣдующей формѣ: представляется ли сходство, между подписью „Козьма Бѣляевъ“ и почеркомъ Караганова, какъ вообще на всѣхъ представленныхъ бумагахъ, такъ и на тѣхъ пробныхъ подписяхъ, которыя онъ дѣлалъ во время предварительнаго слѣдствія. Что касается до 3-го вопроса, предложеннаго г. повѣреннымъ гражд. истцовъ, то я противъ постановки его не возражаю, но мнѣ кажется, что это такой вопросъ, который можетъ быть разрѣшенъ, какъ экспертами, такъ и всякимъ изъ присяжныхъ засѣдателей, а равно и судомъ. Мнѣ кажется, что этотъ вопросъ, хотя и имѣющій нѣкоторое значеніе но не особенно важное, можетъ быть разрѣшенъ гг. прис. засѣдателями при предъявленіи имъ вещественныхъ доказательствъ, но что едва ли есть необходимость, поставить этотъ вопросъ на разрѣшеніе гг. экспертовъ.

Защ. П. Мясникова прис. пов. Языковъ. Относительно этого вопроса я прибавлю только, что, какъ мнѣ кажется, по этому вопросу мнѣніе свое могутъ составить какъ эксперты такъ, въ равной степени, и всякое другое лицо, такъ какъ, ни въ какомъ случаѣ, нельзя отвѣчать, на этотъ вопросъ, сколько нибудь положительно.

Прокуроръ поддерживалъ редакцію имъ предложенныхъ вопросовъ, полагая что они менѣе всего стѣснятъ экспертовъ и кромѣ того находилъ, что 3-й вопросъ, предложенный повѣреннымъ гр. истцовъ не можетъ подлежать рѣшенію экспертовъ, такъ какъ этотъ вопросъ юридическій, и что эксперты могутъ только разрѣшить вопросъ: болѣе разгонисто, или менѣе разгонисто написанъ текстъ завѣщанія въ разныхъ мѣстахъ.

Пов. гр. истц. Лохвицкій замѣтилъ на это, что онъ въ этомъ смыслѣ и предлагаетъ вопросъ свой и затѣмъ, поддерживалъ редакцію предложенныхъ г. прокуроромъ вопросовъ на томъ основаніи, что необходимо, чтобы эксперты давали точные отвѣты, и что, между тѣмъ, эти отвѣты никогда не могутъ стѣснить присяжныхъ засѣдателей въ ихъ рѣшеніи.

Г. Арсеньевъ высказалъ прежнее свое мнѣніе, относительно редакціи вопросовъ, предложенныхъ г. прокуроромъ.

Г. Лохвицкій просилъ еще о постановкѣ слѣдующаго вопроса: чернила которыми писаны слова „Козьма Бѣляевъ" тѣ ли самые, которыми писано было завѣщаніе.

Судъ удалился, для обсужденія постановки вопросовъ и, по возвращеніи въ залу засѣданія. предсѣдатель прочелъ постановленные судомъ вопросы, которые, однако, гг. экспертамъ переданы не были, такъ какъ они, по позднему времени, просили судъ о дозволеніи, произвести экспертизу на слѣдующій день. Гг. эксперты находили что экспертизу легче и точнѣе можно произвести при дневномъ свѣтѣ, чемъ при свѣчахъ.

Вопросы суда нами сообщаются ниже.

Послѣ того какъ отпущены были гг. эксперты по сличенію почерковъ, судъ приступилъ къ допросу врачей Дюкова и Баталина.

Экспертъ докторъ Дюковъ. (психіатръ). Ко мнѣ былъ представленъ, для освидѣтельствованія ужственнаго состоянія, подсудимый Амфилогій Карагановъ. Разспросивъ его о проп-

лой жизни, о всѣхъ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя могли бы давать поводъ, думать о разстройствѣ его умственныхъ способностей, прочитавъ тѣ части дѣла, которыя относятся къ Карагановy, для того что бы получить объ немъ понятіе, я пришелъ къ тому убѣжденію, что Карагановъ находится въ состояніи разстройства нервовъ. Между тѣмъ изслѣдованіе, которому я могъ подвергнуть Караганова, было такъ поверхностно, по незначительности времени, которое я имѣлъ на это изслѣдованіе, что я не могъ дать прямаго, положительнаго объ немъ заключенія. По этому я считалъ нужнымъ, спросить объ немъ мнѣнія врача, у котораго онъ находился нѣсколько времени подъ наблюденіемъ, доктора Баталина, и послѣдній сообщилъ, что онъ въ Карагановѣ не замѣтилъ особыхъ явленій, которыя могли бы въ немъ указать на разстройство умственныхъ способностей; докторъ Баталинъ, какъ и я, замѣтилъ, что Карагановъ на разнаго рода вопросы, давалъ не всегда опредѣленныя объясненія, нѣкоторые вопросы перепутывалъ, и относительно другихъ ссылался какъ бы на запамятованіе. Но это обстоятельство я не могъ причислить къ такимъ важнымъ явленіямъ, которые могли бы давать поводъ къ заключенію, о разстройствѣ его умственныхъ способностей. Въ настоящее время, слушая его показанія и отвѣты, которые имъ даны были на вопросы г. предсѣдателя, я тоже вижу, что способъ дачи показаній у него нѣсколько странный и заключается въ томъ, что онъ нѣкоторые вопросы недослушиваетъ, что даетъ отвѣты медленно, къ тому не всегда опредѣленно, что нѣкоторые изъ его отвѣтовъ не относятся прямо къ вопросу, ему заданному, или что къ прямому отвѣту онъ примѣшиваетъ вещи, не имѣющія отношенія къ дѣлу; что затѣмъ, онъ какъ бы старается дополнить свои отвѣты нѣкоторыми движеніями рукъ. Всѣ эти странности можно объяснить такъ, что онъ или мало развитъ, или не внимателенъ, или плохо слышитъ, или, что хорошо слышитъ и внимателенъ—но онъ не хочетъ отвѣчать. Но, во всякомъ случаѣ, я не думаю, чтобы всѣ этистранности могли послужить поводомъ

къ предположенію, о растройствѣ умственныхъ его способностей.

Прокуроръ Кони. Свойство показаній Караганова, которые вы подмѣтили,—то что онъ однѣ обстоятельства припоминаетъ а о другихъ отзывается запамятованіемъ, что онъ вдругъ забудется и говоритъ, не обращая вниманія ни на какіе вопросы, что онъ иногда отвѣчаетъ безсвязно—нельзя ли это отнести къ тому, что онъ въ прежнее время предавался неумѣренному употребленію спиртныхъ напитковъ, и что, вслѣдствіе этого, у него въ настоящее время проявляется то ослабленіе умственныхъ способностей, которое, тѣмъ не менѣе, не лишаетъ его полнаго разсудка.

Докторъ Дюковъ. Вліяніе спирта, вообще, на память, можетъ быть довольно значительное; но примѣняясь къ г. Караганову оказывается, что онъ натура крѣпкая; что хотя у него, кажется, и были припадки бѣлой горячки, но припадки эти были незначительные; онъ нѣсколько разъ, какъ видно изъ дѣла, покушался на самоубійство, бросился однажды въ мельничное колесо; все это указываетъ на то, что у него была бѣлая горячка, но что, тѣмъ не менѣе, натура его такъ крѣпка, что можетъ вынести вліяніе спирта, безъ особенно дурныхъ послѣдствій. Съ другой стороны, разсматривая нѣкоторыя его дѣйствія, я подмѣчаю въ немъ распорядительность относительно вещей, которыя онъ долженъ помнить и т. д. Что касается до запамятованія имъ многихъ обстоятельствъ, то это скорѣе всего можетъ быть объяснено тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ велъ жизнь праздную, серьознымъ дѣломъ не занимался — и при этомъ выпивалъ; кромѣ того онъ много путешествовалъ. Все это въ немъ могло создать разсѣянность, невнимательность и нѣкоторую запутанность въ воспоминаніяхъ.

Прокуроръ Кони. Я имѣю вамъ предложить еще одинъ вопросъ, который можетъ быть оригиналенъ по своей формѣ, но имѣетъ, мнѣ кажется, прямое отношеніе къ дѣлу. Если бы отнестись къ Караганову съ предвзятою мыслью, что онъ чело-

вѣкъ умственно разстроенный, если стараться подмѣчать въ его словахъ, въ его дѣйствіяхъ, какую нибудь idée fixe, какую нибудь мысль, которая его подавляетъ, то чтобы въ немъ подмѣтили, какая мысль въ немъ преобладаетъ, какая нота звучитъ во всѣхъ его словахъ и дѣйствіяхъ?

Докторъ Дюковъ. Я имѣлъ подъ своимъ наблюденіемъ болѣе 2,000 сумасшедшихъ, и ни въ одномъ субъектѣ не замѣтилъ того, что замѣтилъ въ немъ. Я считаю излишнимъ пускаться въ подробныя разъясненія всѣхъ проявленій сумасшествія, но во всякомъ случаѣ я замѣчу, что сумасшествіе есть опредѣленная картина, которая составляется изъ извѣстныхъ группъ припадковъ. Такимъ образомъ, извѣстная опредѣленная группа припадковъ, составляетъ извѣстнаго рода умопомѣшательство. Если затѣмъ предъ вами больной, который страдаетъ мрачнымъ помѣшательствомъ, и если этотъ больной—какой нибудь крестьянинъ—вдругъ начнетъ говорить, что онъ генералъ, то услышавъ это только одинъ разъ, я прямо скажу, что онъ притворяется, потому что форма мрачнаго помѣшательства никогда не допуститъ въ немъ такой фантазіи. То, что теперь можно замѣтить у г. Караганова, можно подвести подъ разныя формы умопомѣшательства, но нѣтъ здѣсь той группы явленій, которая бы могла указать на то, что онъ страдаетъ какою либо формой помѣшательства.

Пов. граж. ист. докт. пр. Лохвицкій. Не замѣтили ли вы, что онъ находится подъ вліяніемъ какого то страха?

Докторъ Дюковъ. Это замѣтно. Онъ какъ то стѣсняется, женируется—что, какъ то, не отвѣчаетъ его натурѣ. По замѣчанію доктора Баталина, Карагановъ относительно его, сначала, держался также, но потомъ когда, съ нимъ сошелся, и когда они оставались вдвоемъ, то Карагановъ совершенно измѣнялся, разговаривалъ, держался съ нимъ за панибрата, игралъ на скрипкѣ и проч. Но только что къ нему относятся критически, только что его хотятъ разспросить, онъ тотчасъ становится скучнымъ, отвѣчаетъ разсѣянно и проч.

Тоже самое происходило всегда, въ присутствіи другихъ лицъ.

Г. Лохвицкій. Не замѣтили ли вы изъ письма и замѣчанія Караганова, что онъ находится въ состояніи человѣка, который считаетъ себя преступникомъ, у котораго на душѣ есть что-то подавляющее, гнетущее, не дающее ему покоя.

Докторъ Дюковъ. Это собственно вопросъ до меня не относящійся. Изъ духовнаго его завѣщанія видно, что онъ въ чемъ-то кается, но вѣдь нужно сказать, что духовныя завѣщанія, подобныя этому, въ томъ сословіи, къ которому принадлежитъ Карагановъ. явленіе почти обыденное.

Защ. Кар. прис. пов. Деппъ. Какъ вы объясните тотъ фактъ. что Карагановъ постоянно возвращается къ извѣстному предмету, отвѣчаетъ на вопросы совершенно посторонними заявленіями; вдругъ начинаетъ говорить о пожарахъ, о несчастіяхъ, которыя его постоянно преслѣдуютъ? Мнѣ кажется, что это явные признаки, которые выражаютъ отсутствіе въ немъ полнаго разума.

Докторъ Дюковъ. Я этого не вижу. Такъ какъ отвѣчалъ Карагановъ, и я вамъ могу отвѣчать.

Г Деппъ. Такъ вы относите это къ притворству. Вы говорите, что можетъ быть такъ, можетъ быть иначе. Но не можете ли вы мнѣ дать положительный отвѣтъ?

Докторъ Дюковъ. Мнѣ кажется, я высказался достаточно положительно. Если же вы въ тѣхъ явленіяхъ, въ которыхъ я ничего не подмѣтилъ видите указаніе на помѣшательство, то, мнѣ кажется, экспертиза совершенно излишня.

Г. Деппъ обратилъ вниманіе суда на то что докторъ Дюковъ основываетъ свое мнѣніе на прочтенныхъ имъ, въ дѣлѣ, документахъ, на такихъ обстоятельствахъ, которыя, отчасти. онъ перезабылъ, и просилъ судъ оставить гг. Дюкова и Баталина въ залѣ засѣданія, на все время производства судебнаго слѣдствія, для того, чтобы они, по тщательномъ разсмотрѣніи всего дѣла, могли дать болѣе точное заключеніе,

объ умственномъ состоянiи Караганова, о причинахъ и продолженiи его болѣзни.

Защ. И. Мясникова прис. пов. Языковъ. Что касается до личнаго наблюденiя за Карагановымъ въ настоящее время, то изъ тѣхъ отвѣтовъ, которые онъ давалъ, можете ли вы придти къ положительному заключенiю относительно того, есть ли это простое запамятованiе, или такое, которое происходитъ отъ мозговаго разстройства?

Г. Дюковъ. Опредѣлительно этого сказать не могу.

Г. Языковъ. Можетъ ли, вслѣдствiе злоупотребленiя спиртныхъ напитковъ, послѣдствiемъ котораго явится бѣлая горячка, ослабѣть у человѣка память?

Г. Дюковъ. Можетъ, но однако онъ долженъ помнить всѣ обстоятельства, до опьяненiя происходившiя.

Г. Языковъ. Но вообще злоупотребленiе спиртныхъ напитковъ, можетъ же вліять на ослабленiе умственныхъ способностей?

Г. Дюковъ. Можетъ.

Г. Языковъ. Можно ли не вполнѣ владѣть памятью не будучи сумасшедшимъ?

Г. Дюковъ. Да.

Защ. А. Мясникова г. Арсеньевъ. Какъ вы полагаете можно ли изъ отвѣтовъ подс. Караганова заключить, что онъ притворяется?

Г. Дюковъ. Можетъ быть онъ не слышалъ вопросовъ, очень можетъ быть, что онъ разсѣянъ. Относительно притворства я ничего не знаю.

Г. Арсеньевъ. Не видите ли вы во всемъ поведенiи Караганова указанiя, на не вполнѣ нормальное состоянiе умственныхъ способностей?

Г. Дюковъ. Надо признавать, что онъ не въ нормальномъ состоянiи, но надо сказать, что это одно почти ничего не значитъ. Для того, чтобы признавать его помѣшаннымъ, надобно найти форму умопомѣшательства, которымъ онъ страдаетъ,—а форма эта не существуетъ.

Г. Арсеньевъ. Случалось ли вамъ, въ вашей практикѣ, что вамъ приходилось узнавать состояніе субъекта полгода и болѣе для того, чтобы придти къ точному заключенію о формѣ его помѣшательства?

Г. Дюковъ. Очень не рѣдко. У меня однажды былъ субъектъ, котораго я долженъ былъ изслѣдовать въ теченіе 2½ лѣтъ.

Г. Арсеньевъ. Какіе физическіе признаки соотвѣтствуютъ признанію человѣка помѣшаннымъ?

Г. Дюковъ. Вялость въ движеніяхъ, нежеланіе исполнять тѣ обязанности, которыя лежатъ на человѣкѣ, полная апатія, дыханіе болѣе или менѣе замедленное, пульсъ скорый, кишечный каналъ вялый.

Г. Арсеньевъ. Къ числу этихъ признаковъ не относится ли также стремленіе остановиться на томъ несчастіи, которое можетъ быть постигло того человѣка?

Г. Дюковъ. Да.

Г. Арсеньевъ. Не замѣчали ли вы нѣкоторыхъ изъ этихъ признаковъ въ Карагановѣ?

Г. Дюковъ. Нѣтъ.

Прокуроръ Кони послѣ допроса эксперта д-ра Дюкова заявилъ, что онъ считаетъ дальнѣйшее его присутствіе на судѣ излишнимъ. Экспертъ вызванъ обвиненіемъ для того, чтобы опредѣлить, что Карагановъ на предварительномъ слѣдствіи далъ показаніе не въ умственномъ разстройствѣ. Наблюденія его совершенно были достаточны для заключенія отъ него требуемаго.

Вопросъ же о состояніи умственныхъ способностей Караганова въ теченіе всей его жизни, продолжаетъ г. прокуроръ, выходитъ изъ тѣхъ предѣловъ, которые себѣ поставило обвиненіе, изходатайствовавъ вызовъ г. эксперта.

Г. Деттъ, находя объясненія его кліента сомнительными въ смыслѣ умственнаго разстройства, просилъ судъ, имѣя въ виду, что вызванные г. прокуроромъ эксперты на лицо, оставить ихъ въ залѣ засѣданія для того, чтобы они во

все время засѣданія наблюдали за Карагановымъ, и затѣмъ дали основательное заключеніе о его умственномъ состояніи. Г. защитникъ при этомъ опирался на 692 ст. уст. уг. суд., на основаніи которой, судъ; по замѣчанію сторонъ можетъ назначить повое освидѣтельствованіе чрезъ указанныхъ сторонами свѣдущихъ людей съ тѣмъ, чтобы они производили свои дѣйствія въ засѣданіи суда.

Г. Языковъ. По поводу только что сдѣланнаго заявленія, я имѣю сказать слѣдующее: я очень хорошо понимаю всю тяжесть той отвѣтственности, которая лежитъ на всѣхъ насъ, относительно возбужденнаго защитникомъ Караганова вопроса,— иначе и быть не можетъ. Если этотъ вопросъ считать праздпымъ, не идущимъ къ дѣлу, то почему же обвинительною властью вызваны къ настоящему засѣданію эксперты? Почему они вызывались и на предварительномъ слѣдствіи? И почему Карагановъ, если тутъ нѣтъ никакого вопроса, держался подъ наблюденіемъ врачей? Если въ силу неправильнаго показанія этого человѣка, могутъ пострадать другіе люди, если состояніе этого человѣка таково, что оно на всѣхъ насъ налагаетъ прямую обязанность удостовѣриться всѣми силами, не находится ли онъ въ состояніи невмѣняемости, то я чувствую и думаю, что судъ не можетъ не уважить заявленіе товарища моего по защитѣ. Я же съ своей стороны, имѣя въ виду трудности испытанія умалишенныхъ, прошу судъ объ отложеніи засѣданія по настоящему дѣлу и производствѣ тщательнаго испытанія надъ подс. Карагановымъ.

Г. Арсеньевъ. Какъ ни тяжела для моего клієнта дальнѣйшая отсрочка засѣданія, но, тѣмъ не менѣе, я тоже нахожусь вынужденнымъ просить объ его отложеніи. Я думаю, что къ этому не можетъ быть формальныхъ препятствій. Г. прокуроръ заявилъ, что эксперты были вызваны по его ходатайству. По если бы они вовсе не были вызваны, если-бы мы приступили къ слѣдствію безъ выслущанія экспертовъ, то, я полагаю, что или кто-нибудь изъ сторонъ, или самъ судъ возбудилъ бы вопросъ, о необходимости экспертовъ. Эта не-

обходимость сама собою истекаетъ изъ того, какъ себя Карагановъ держалъ и что онъ говорилъ въ вашемъ присутствіи. Затѣмъ, въ настоящее время, мы имѣемъ полное право ходатайствовать объ отсрочкѣ засѣданія для того, чтобы Карагановъ былъ формально освидѣтельствованъ. Единственный психіатръ выслушанный нами, врачь Дюковъ, утверждаетъ, что мнѣніе свое онъ составилъ не на основаніи собственныхъ наблюденій, а лишь на сообщеніяхъ г. Баталина, полицейскаго врача, неимѣющаго спеціальныхъ знаній по психіатріи. Между тѣмъ вопросъ объ умственномъ разстройствѣ не можетъ быть разрѣшенъ правильно, безъ долговременнаго наблюденія спеціалистомъ, за нравственнымъ состояніемъ человѣка.

Въ заключеніе г. защитникъ проситъ объ отложеніи засѣданія или, на тотъ случай, если ходатайство это не будетъ уважено, объ оставленіи г. Дюкова въ залѣ засѣданія, на все время производства судебнаго слѣдствія.

Г. Лохвицкій заявилъ, что именно вызовъ экспертовъ обвинительною властью, а не защитою, доказываетъ, что въ экспертизѣ вовсе нѣтъ необходимости. Если же, на предварительномъ слѣдствіи, Карагановъ былъ подвергнутъ врачебному наблюденію, вслѣдствіе странностей въ его поведеніи, то съ другой стороны спеціалистъ наблюдавшій за Карагановымъ въ настоящее время, далъ свое заключеніе объ умственномъ его состояніи, и, судъ могъ, въ настоящее время, убѣдиться въ томъ, что Карагановъ находится въ здравомъ разсудкѣ, и что, по этому, нѣтъ необходимости въ произведеніи экспертизы.

Прокуроръ, основываясь на разъясненіи Касс. Д-та сената по одному дѣлу, находилъ, что откладывать засѣданіе, для освидѣтельствованія подсудимаго, можно было бы только тогда, еслибы преданіе суду подсудимаго состоялось, безъ возбужденія вопроса объ умственномъ состояніи его. Онъ не находитъ также нужнымъ присутствіе экспертовъ, въ виду того, что все засѣданіе суда будетъ направлено къ частностямъ, которыя съ вопросомъ объ умственномъ состояніи

Караганова ничего общаго не имѣютъ, и въ виду того, еще, что съ обстоятельствами, относящимися къ этому вопросу, эксперты познакомились изъ дѣла. Затѣмъ г. прокуроръ ходатайствовалъ о прочтеніи свидѣтельства, выданнаго гг. Дюковымъ и Баталинымъ объ освидѣтельствованіи умственныхъ способностей Караганова.

Г. Языковъ возразилъ, что безпрестанное напоминаніе прокуроромъ и повѣреннымъ гражданскихъ истцовъ о томъ, что Карагановъ уже былъ освидѣтельствованъ на предварительномъ слѣдствіи, лишено всякаго основанія, такъ какъ освидѣтельствованъ онъ былъ не врачемъ-спеціалистомъ по душевнымъ болѣзнямъ. Защитникъ повторяетъ, что еслибы на предварительномъ слѣдствіи не родилось сомнѣніе въ умственномъ состояніи Караганова, то не было бы возбуждено и вопроса о его освидѣтельствованіи. Г. Языковъ оканчиваетъ свое заявленіе восклицаніемъ, что изслѣдованія умственныхъ способностей Караганова требуютъ истина и правосудіе.

Г. Дети добавилъ къ этому, что полицейскій врачъ Баталинъ, который наблюдалъ за Карагановымъ, именно, нашелъ, что его для постояннаго наблюденія въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, слѣдуетъ отослать въ отдѣленіе для умалишенныхъ, гдѣ, какъ онъ выразился въ своемъ свидѣтельствѣ, за нимъ будетъ наблюдать врачъ-спеціалистъ. Въ виду этого свидѣтельства Баталина, г. защитникъ считаетъ собственное его наблюденіе, лишеннымъ всякаго значенія.

Д-ръ Дюковъ. По поводу ходатайства гг. защитниковъ объ оставленіи меня въ залѣ засѣданія для производства дальнѣйшаго наблюденія, я имѣю сказать слѣдующее: Такъ какъ я уже далъ свое заключеніе объ умственномъ состояніи подсудимаго Караганова, то я, съ своей стороны, дальнѣйшее свое пребываніе здѣсь считаю совершенно излишнимъ, тѣмъ болѣе, что меня могутъ, нѣкоторымъ образомъ, заподозрить въ пристрастіи, въ предвзятой идеѣ. Поэтому я, во всякомъ случаѣ, покорнѣйше прошу меня отстранить; другаго

мнѣнія я не дамъ, какъ то, которое уже мною изложено, и быть можетъ, лишь найду, что для дачи заключенія потребуется дальнѣйшее наблюденіе.

- *Г. Лохвицкій.* Я покорнѣйше прошу судъ спросить врача Баталина, который еще не далъ своего заключенія.

Предс. прочелъ постановленіе суда слѣдующаго содержанія: Принимая во вниманіе 1) что, при производствѣ предварительнаго слѣдствія, вопросъ объ освидѣтельствованіи Караганова не возбуждался, что затѣмъ въ порядкѣ 353 ст. и послѣдующихъ уст. уг. суд., въ настоящемъ случаѣ, этотъ вопросъ возбужденъ быть не можетъ; 2) что тѣ эксперты, которые вызваны со стороны обвинительной власти, вызваны съ цѣлью удостовѣрить о тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ подсудимый Карагановъ давалъ свои показанія на предварительномъ слѣдствіи; 3) что если защита находила необходимымъ, возбудить вопросъ относительно умопомѣшательства подсудимаго Караганова, то была обязана и имѣла полное право заявить объ этомъ до открытія засѣданія, но объ этомъ заявленія не сдѣлала и, наконецъ 4) что судъ не усматриваетъ законныя основанія, для возбужденія въ настоящее время вопроса объ умственномъ разстройствѣ подсудимаго Караганова: судъ полагаетъ необходимымъ: допросить врача Баталина, предоставить сторонамъ подвергать допросу эксперта Дюкова и гг. экспертовъ. затѣмъ, освободить и въ залѣ засѣданія не оставлять

Затѣмъ допрошенъ былъ врачь Баталинъ.

Полицейскій врачъ Баталинъ. Карагановъ находился подъ моимъ наблюденіемъ, и, съ самаго начала, я не имѣлъ поводовъ къ заключенію, объ умственномъ его разстройствѣ, потому, что когда я съ нимъ оставался наединѣ, то онъ мнѣ постоянно отвѣчалъ, на вопросы мои, положительно и точно. Впослѣдствіи мы съ нимъ, мало по малу, познакомились и были съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ; такъ что онъ всегда, когда я приходилъ къ нему, со мною смѣялся, весело разговаривалъ и игралъ на скрипкѣ. Но когда я приглашалъ со мною дру-

гое лицо, то Караганов измѣнялся, поднималъ глаза къ верху, повторялъ вопросы нѣсколько разъ, отвѣчалъ какъ то не точно. Подобная вещь меня заинтересовала, я его спрашивалъ, почему онъ это дѣлаетъ? Тогда онъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ чувствуетъ себя не такъ здоровымъ, и указывалъ на то, что въ прежнее время довольно много и часто выпивалъ, и что, кромѣ того, сильно грустилъ, потому что содержался въ части. При дальнѣйшихъ моихъ наблюденіяхъ я видѣлъ, что всѣ отправленія Караганова были правильны, спитъ онъ ночью хорошо, никогда не просыпается, ведетъ себя тихо, не буянитъ, только изрѣдка проситъ выпить Хотя онъ дѣлалъ иногда такіе поступки, на основаніи которыхъ можо было подозрѣвать, что онъ былъ пьянъ, я все таки не видѣлъ никакихъ основаній, заключить объ умственномъ его разстройствѣ. Тѣмъ не менѣе я, для отстраненія всякихъ сомнѣній, написалъ на свидѣтельствѣ, что считаю нужнымъ, чтобы онъ былъ подверженъ наблюденію врача спеціалиста. Затѣмъ, когда я былъ вызванъ къ судебному слѣдователю, то тамъ за нимъ наблюдали доктора Дюковъ и Шульцъ—оба спеціалисты.

Оба эти доктора пришли къ заключенію, что онъ умственно не разстроенъ, и мнѣ Караганов отвѣты, на предл агаемые вопросы, давалъ хорошо, но въ моемъ отсутствіи онъ конфузился и давалъ отвѣты неудовлетворительные.

Засѣданіе прервано въ 5 часовъ вечера.

Въ 7 часовъ оно снова было открыто.

Въ залу засѣданія вводятъ одного подсудимаго Караганова.

Предс. Г. пов. гр. истцовъ, почему вы считаете, необходимымъ допросить подсудимаго Караганова въ отсутствіи подсудимыхъ Масниковыхъ.

Пов. гр. истц. Лохвицкій. Я замѣтилъ, что присутствіе подсудимыхъ Мясниковыхъ,какъ бы стѣснятъ подсудимаго Караганова въ его показаніяхъ. Вопросъ, который я желалъ бы ему предложить, заключается въ слѣдующемъ: говорилъ ли

Карагановъ нѣкоторымъ лицамъ, послѣ своего признанія судебному слѣдователю въ томъ, что имъ сдѣлана была, по приказанію Мясниковыхъ, на бѣломъ листѣ, подпись Бѣляева, слѣдующіе слова: а все таки я знаю, что я пропаду а они (т. е. Мясниковы) уйдутъ.—Вотъ у него какое было чувство сознанія ихъ силы и превосходства!

Предс. Подсудимый Карагановъ! Послѣ того, когда судебный слѣдователь допрашивалъ васъ, и когда вы ему объяснили, что сдѣлали подпись на листѣ бумаги, говорили вы кому нибудь эти слова: „все таки я знаю, что я пропаду и они уйдутъ".

Подс. Кар. (*Послѣ того, какъ предс. ему предлагалъ этотъ вопросъ нѣсколько разъ*). Нѣтъ, не говорилъ.

Г. Лохвицкій. Можетъ быть онъ припомнитъ эти слова если вспомнитъ, кто его посѣщалъ послѣ допроса у слѣдователя.

Предс. Васъ кто нибудь посѣщалъ въ тюрьмѣ?

Подс. Кар. Я очень много страдалъ, погорѣлъ, брата потерялъ и больной былъ нѣсколько разъ...

Предс. А этихъ словъ вы не говорили?—*О.* Нѣтъ. Послѣ этого въ залу засѣданія введены были Мясниковы.

Предс. передаетъ имъ вопросъ Лохвитскаго и отвѣтъ Карагапова.

Затѣмъ прочтенъ былъ протоколъ освидѣтельствованія Караганова въ состояніи его умственныхъ способностей.

Предс. Подсудимый Карагановъ, имѣете вы что нибудь сказать, относительно прочитаннаго акта.

Подс. Кар. (*вскакиваетъ*) Я—съ? Имѣю-съ.

Предс. Что вы имѣете сказать?

Подс Кар.. (*что то бормочетъ*).

Предс. Вы, кажется, опять говорите о томъ, что у васъ братъ пропалъ. Говорите громче, васъ неслышно, и говорите только объ обстоятельствахъ, относящихся къ дѣлу.

Подс. Кар. Я еще нѣсколько разъ страдалъ. Потомъ

различныя тяжести служебныя, и потомъ, случайное знакомство съ сумасшедшимъ, я имѣлъ несчастіе быть съ нимъ знакомъ.

Предс. Какимъ образомъ?

Подс. Кар. Такъ сказать, случайно

Предс. Я вамъ, подсудимый, повторяю послѣдній разъ, что вы можете объяснить все то, что относится къ дѣлу и не вводить того, что не относится къ дѣлу. Вы очень хорошо знаете, что должны отвѣтить на предлагаемые вамъ вопросы.

Подс. Кар. (Что-то бормочетъ).

Предс. Садитесь.

Подс. Кар. Хорошо—извольте.

Предс., съ согласія сторонъ, разрѣшаетъ гг. экспертамъ удалиться.

Затѣмъ была введена часть вызванныхъ по этому дѣлу *свидѣтелей*, другая часть уже заранѣе была отпущена домой до слѣдующаго дня.

Въ числѣ введенныхъ *свидѣтелей* находится жена Карагапова. Она желаетъ воспользоваться своимъ правомъ не давать показанія.

Пов. гр. истц. Лохницкій. Хотя г-жа Караганова и пользуется, въ настоящее время, своимъ законнымъ правомъ, не давать показанія, такъ какъ она жена подсудимаго, но въ виду того, что она этимъ своимъ правомъ не воспользовалась на предварительномъ слѣдствіи, такъ какъ на предварительномъ слѣдствіи она давала показаніе, которое послужило однимъ изъ основаній преданія подсудимыхъ суду, то я считаю, что показаніе, данное ею на предварительномъ слѣдствіи, должно быть прочтено на судѣ.

Г. Языковъ. Заявленіе г. пов. гр. истц., я полагаю, неимѣетъ ни малѣйшаго основанія ни въ законѣ ни въ практикѣ. Но во всякомъ случаѣ я считаю это заявленіе преждевременнымъ, такъ какъ о предметѣ затронутомъ г. повѣреннымъ гражданскихъ истцовъ будетъ рѣчь въ то время, когда будетъ предложенъ вопросъ о чтеніи показаній, данныхъ на предварительномъ слѣдствіи.

Свидѣтельница Караганова была освобождена отъ дачи показанія.

Затѣмъ всѣ *свидѣтели*, за исключеніемъ супруговъ Ижболдиныхъ, были приведены къ присягѣ. Начался допросъ *свидѣтельницы Антонины Махаевой*.

Предсѣдательствующій. Вы чувствуете себя не совсѣмъ здоровою. Не угодно ли вамъ садиться. (*Свидѣтельница Антонина Махаева усаживается передъ столомъ вещ. доказательствъ*). Что вамъ извѣстно о духовномъ завѣщаніи, оказавшемся послѣ смерти Бѣляева?

Свидѣт. Я ничего такъ не могу.... прошу предлагать мнѣ вопросы.

Прокуроръ. Вы находились въ домѣ Бѣляева?... — *Отвѣтъ*. Я гостила у нихъ. — *Вопросъ*. Вы гостили тамъ въ тотъ день, когда умеръ Бѣляевъ? — *О*. Была тамъ. — *В*. Долго послѣ его смерти вы еще оставались въ квартирѣ его? — *О*. Дней 10.—*В*. При васъ были разговоры о завѣщаніи?— *О*. Нѣтъ. — *В*. Что, Катерина Васильевна была печальна, убита, вслѣдствіе смерти ея мужа?—*О*. Да. — *В*. Но такъ, вообще, по хозяйству, или о чемъ-нибудь у васъ были съ нею разговоры? — *О*. Нѣтъ, ни о чемъ. — *В*. Не говорила она о томъ, какія у нея средства остались, чѣмъ будетъ жить, вообще о денежныхъ дѣлахъ своихъ?—*О*. О денежныхъ дѣлахъ она положительно никогда со мной не говорила. — *В*. Любила она своего мужа? — *О*. Онъ былъ примѣрный мужъ. — *В*. Но она съ вами о покойникѣ ничего не говорила?—*О*. Ничего.—*В*. О чемъ же вы говорили?—*О*. Я старалась ее утѣшать.—*В*. А о завѣщаніи съ нею ничего не говорили; она не упоминала о завѣщаніи?—*О*. Нѣтъ.—*В*. Что произошло въ квартирѣ Бѣляева тотчасъ послѣ его смерти? Не помните ли? — (*Свидѣтельница молчитъ*). — *В*. Вы Александра Мясникова видѣли тамъ?— *О*. Тогда не видѣла.. Я Александра Мясникова только на панихидѣ видѣла. — *В*. Что вы дѣлали; вы все дома сидѣли? — *О*. Я выходила; я трауръ покупала....—*В*. Вы тотчасъ послѣ смерти Бѣляева

входили въ его кабинетъ?—*О.* Нѣтъ не входила.—*В.* А не видѣли вы, чтобы А. Мясниковъ бралъ изъ кабинета Бѣляева какія-то бумаги?—*О.* Это я видѣла.—*В.* Когда вы это видѣли?—*О.* Это было ночью.—*В.* И вы сами это видѣли?—*О.* Я тутъ была, около покойника. — *В.* Откуда вынесены были бумаги?—*О.* Изъ кабинета.—*В.* Какъ ихъ несли, мимо васъ?—*О.* Если я не ошибаюсь, кабинетъ Бѣляева состоялъ изъ двухъ комнатъ; изъ нихъ ходъ былъ прямо на парадную лѣстницу.—*В.* Такъ они несли бумаги такъ, что вы могли видѣть?—*О.* Нѣтъ, я только знала объ этомъ.—*В.* Откуда вы знали объ этомъ? — *О.* Катерина Васильевна мнѣ говорила.—*В.* Что же, сама она объ этомъ что говорила? — *О.* Она увѣрена была въ Александра Константиновича. — *В.* А вы увѣрены были также? — *О.* Я не знаю; я только, какъ на опытѣ была научена, какъ я сама испытала и была научена, когда умеръ мой мужъ, такъ и ей совѣтывала. — *В.* Т. е., что вы совѣтывали?—*О.* Чтобы все опечатали.—*В.* Куда же они дѣли узлы?—*О.* Я этого незнаю; я только слышала, что взяли; сама я невидѣла, я находилась въ залѣ.— *В.* Да, но позвольте. Вы слышали, что вещи вывезли, и если вы при этомъ предупреждали Катерину Васильевну, такъ вы, конечно, знали, куда увезли? — *О.* Я видѣла, что нѣкоторыя вещи изъ кабинета въ спальню переносили, и слышала, что вещи вывозили изъ квартиры; по этому, когда Катерина Васильевна проходила по залу, я ей и сказала: нужно опечатать; какъ учили меня послѣ смерти моего мужа, такъ я и васъ учу. — *В.* Позвольте, неторопитесь. Свидѣтельство на судѣ, дѣло важное Тутъ нужно каждое слово обдумать, прежде нежели говорить. Вы сказали, что видѣли, что Мясниковы вынесли вещи изъ кабинета Бѣляева? — *О.* Сама я невидѣла. Я небыла въ кабинетѣ. — *В.* Такъ вы слышали объ этомъ?— *О.* Слышала.— *В.* Отъ кого?— *О.* Мимо меня ходили.... брали салфетку, для завязыванія вещей въ узелъ.— *В.* Кто бралъ?—*О.* Ключница.—*В.* Да почему же вы знали, что салфетку брали для того, чтобы завязать въ узелъ вещи

и ихъ вынести?—*О.* Я непомню.—*Б.* Да, но вы же знали.... Вы, по видимому, считаете для себя опаснымъ отвѣчать на этотъ вопросъ, какъ будто бы васъ кто-нибудь обвиняетъ въ участіи въ этомъ преступленіи. Никто не станетъ обвинять васъ въ томъ, что вы видѣли, какъ вынесли узлы. Вы видѣли какъ вынесли узлы? — *О.* Я небыла въ кабинетѣ.— *В.* Вы слышали, что вынесли вещи?—*О.* Да.—*В.* Отъ кого?—*О.* Я сидѣла рядомъ въ залѣ, слышала шорохъ....—*В.* Хорошо; значитъ, если я спрошу васъ, знали ли вы, что вещи вывезли...?—*О.* Это я знала.—*В.* По этому вы и говорили Бѣляевой, чтобы лучше опечатать вещи?—*О.* Да, потому что она была потеряна. — *В.* Но вы только потому объ этомъ знали, что слышали шорохъ. Или небыло-ли у васъ другихъ основаній для того, чтобы заключить объ этомъ обстоятельствѣ. Не были ли увезены какія-либо изъ вашихъ вещей? — *О.* Да, да, моихъ было у Бѣляева нѣсколько бумагъ, которыя я потомъ съ трудомъ достала. За мѣсяцъ до смерти своей, Бѣляевъ взялъ у меня свидѣтельство.... у меня было 15 душъ... и онъ взялъ мое свидѣтельство для того, чтобы, по откупамъ, представить залогъ, съ тѣмъ, чтобы мнѣ въ годъ давать $^{0}/_{0}$,—тамъ извѣстный. Послѣ смерти его мнѣ вскорѣ понадобилась эта бумага; другой, кто-то, хотѣлъ у меня взять свидѣтельство для залога по откупамъ; тогда она мнѣ понадобилась и я спросила Катерину Васильевну, а она все посылаетъ меня къ Александру Мясникову, и къ Целебровскому; я разъ 50 была у того и другаго, мѣсяца два бѣгала, покуда выдали. Я съ большимъ трудомъ и съ непріятностями получила назадъ свою бумагу; а тогда уже срокъ былъ пропущенъ и у меня ее не взяли больше. Вотъ по этому случаю я и знаю, что бумаги взялъ Мясниковъ; бумаги были у Мясникова.—*В.* Скоро послѣ смерти Бѣляева вы увидѣли Катерину Бѣляеву? — *О.* Мѣсяца черезъ полтора, и она сказала мнѣ тогда: жалѣю, что васъ не послушала.—*В.* Почему жалѣла она, этого она не объяснила? — *О.* Нѣтъ, этого не объяснила.—*В.* Скажите, она въ то время уже была владѣ-

тельница всего имущества, оставленнаго Бѣляевымъ? — *О.* Нѣтъ, въ то время ей еще говорили, что не было никакой духовной. — *В.* Когда она сдѣлалась владѣтельницей? — *О.* Я ее послѣ невидала. А тогда, на обѣдѣ, когда я ее видѣла, такъ всѣмъ было сказано, что духовной нѣтъ.—*В.* Кто это „всѣмъ“?—*О.* Да гостямъ всѣмъ, что были на поминкахъ, чрезъ 6 недѣль послѣ смерти.—*В.* Вѣрно ли, что черезъ 6 недѣль? Вы припомните хорошенько: здѣсь цифры важны?—*О.* Да, это вѣрно: на обѣдѣ сказали. — *В.* Отъ кого вы слышали, что духовнаго завѣщанія нѣтъ? — *О.* Я слышала объ этомъ отъ Отто и Каменскаго.—*В.* Они съ вами были дружны?—*О.* Отто былъ докторъ; онъ меня лечилъ. А Каменскій былъ пріятель моего мужа, былъ съ нимъ очень дружент.— *В.* Покойный Бѣляевъ богатый былъ человѣкъ?—*О.* Да.

Г. Лохвицкій. Вы были часто въ спальнѣ Катерины Васильевны Бѣляевой; что, у нея тамъ лежали бумаги? — *О.* Я была часто — но не видала бумагъ никакихъ. — *В.* Такъ что у нея, вѣроятно, были комоды и конторки, куда она клала свои бумаги? — *О.* Какъ же нѣтъ?! Были. — *В.* А такъ, чтобы бумаги кучами лежали.... на окнахъ, напримѣръ? — *О.* Нѣтъ, этого не замѣчала.—*В.* Какія отношенія существовали между Бѣляевымъ и Мясниковыми въ послѣдніе дни жизни Бѣляева? — *О.* Да они дружно жили. Мясниковы постоянно у него были и утромъ и вечеромъ. — *В.* У кого были, у Катерины Васильевны или у самого Бѣляева?—*О.* Я ихъ видѣла за общимъ столомъ, за чаемъ, за обѣдомъ. — *В.* Разговоровъ о деньгахъ у нихъ не было?—*О.* Нѣтъ, за общимъ столомъ не было.—*В.* Катерина Васильевна была съ вами откровенна?— *О.* Нѣтъ. Она какъ богатая женщина, я какъ бѣдная — какія же откровенности. Съ начала, въ Вятской губерніи мы жили дружно, когда Бѣляевы тамъ жили и когда мой мужъ тамъ служилъ.—*В.* Что послѣ смерти мужа, она много плакала, ни съ кѣмъ неговорила? — *О.* Нѣтъ; она мало разговаривала, она была очень грустна.—*В.* А послѣ похоронъ,—

ну, напр., черезъ 3 дня, она занималась своими дѣлами, хозяйствомъ?...—*О.* Нѣтъ, хозяйствомъ вѣдь Анна Васильевна занималась. Она отдавала только приказанія.... — *В.* Ну да, она давала приказанія?—*О.* Да.

Г. Остряковъ. Когда вы Бѣляева знали въ Вятской губерніи, онъ былъ богатъ? — *О.* Да, онъ жилъ роскошно. Мужъ мой завѣдывалъ тамошними его дѣлами.—*В.* Когда на похоронахъ собрались гости, Катерина Васильевна вовсе не выходила изъ спальни, или выходила она? — *О.* Нѣтъ, большая часть гостей ходили къ ней въ спальню.

Г. Арсеньевъ. Кто ходилъ въ спальню, не помните ли, свидѣтельница? — *О.* Нѣтъ. — *В.* Вы не помните ли того обстоятельства, не ходили ли служившіе, или кто-либо изъ служившихъ въ конторѣ Мясниковыхъ, въ спальню Катерины Васильевны? — *О.* Во время обѣда никто не ходилъ. — *В.* А послѣ обѣда? — *О.* Не помню.— *В.* Вы слышали что-нибудь о томъ, что было какое-нибудь завѣщаніе найдено?—*О.* Да, довольно долго послѣ смерти Бѣляева, помню, начали говорить.—*В.* Кто объ этомъ вамъ говорилъ? отъ кого вы объ этомъ слышали? Отъ г-жи Горбачевой вы ничего не слышали?—*О.* Г-жа Горбачева говорила, что видѣла завѣщаніе.—*В.* Когда она видѣла это завѣщаніе: послѣ смерти Бѣляева?—*О.* Да, послѣ.—*В.* Г-жа Горбачева была воспитанница Бѣлявой?—*О.* Да. — *В.* Вы, кажется, говорили, что г-жа Бѣляева была съ вами неоткровенна?—*О.* Да, и прежде и послѣ смерти Бѣляева.

Г. Языковъ. Горбачева вамъ говорила, свидѣтельница, что Бѣляевъ вамъ оставляетъ нѣкоторую сумму въ наслѣдство? — *О.* Да, я надѣялась на это, потому что Бѣляевъ былъ крестный отецъ моего сына, и онъ всегда мнѣ говорилъ, что меня не оставитъ. — *В.* А эта дѣвица — Горбачева, она была пріятельница вашей дочки? — *О.* Да.—*В.* Ваша дочь воспитывалась въ николаевскомъ институтѣ? — *О.* Да.—*В.* Въ настоящее время ее уже нѣтъ? —

О. Нѣтъ, *эта* дочь жива *).—*В.* Вотъ, вы говорите, что въ ночь, когда умеръ Бѣляевъ, Мясниковы увозили его бумаги. Скажите же пожалуйста, одинъ ли изъ нихъ, Александръ, или Иванъ, или оба вмѣстѣ увозили бумаги — или, однимъ словомъ, разскажите, какъ было дѣло это?—*О.* Они постоянно, мнѣ кажется, вмѣстѣ.—*В.* Нѣтъ, рѣчь идетъ не о постоянномъ, а о томъ, какъ въ этотъ именно разъ дѣло происходило.... Не помните ли, выносились и какъ выносились мѣшки съ золотомъ и съ драгоцѣнностями? — *О.* Нѣтъ, я этого не видала.

Предсѣдательствующій. Свидѣтельница! Не припомните ли того обстоятельства, что г-жа Бѣляева, когда говорила о томъ, что жалѣетъ, что не приняла вашъ совѣтъ — не говорила ли она тогда же, что раскаявается въ томъ, что подписала какую-то бумагу?—*О.* Да, это она, мнѣ кажется, говорила. — *В.* Это она говорила, но какую именно бумагу подписала, она не сказала?—*О.* Нѣтъ, не объяснила.

По окончаніи спроса этой свидѣтельницы, она съ согласія сторонъ была отпущена домой.

Предсѣдательствующій. Подсудимые: Александръ и Иванъ Мясниковы, не желаете ли вы объяснить чего-либо, относительно выслушаннаго вами только-что показанія?

Подсудимые Мясниковы отвѣчаютъ отрицательно.

Предс. До васъ, подс. Карагановъ, это показаніе не относится.

Подс. Кар. (встаетъ). Я желаю объяснить.

Предс. Что вы хотите сказать?

Подс. Кар. начинаетъ что-то бормотать, усиленно размахивая руками и клапяясь въ сторону г. предсѣдательствующаго.

Предс. Садитесь.

---

*) У свидѣтельницы, не такъ давно, одна изъ дочерей, случайно, отравилась.

(Введенъ свид. крестьян. Андрей Ивановъ Кунаковскій).

Предс. Что вамъ извѣстно относительно разговоровъ и разсказовъ Карагановa.

Свидѣт. Кунаковскій. Жилъ у насъ на постояломъ неизвѣстно кто, какой человѣкъ, звали его Викторомъ Иванычемъ; такъ съ нимъ все Карагановъ знакомство велъ, другъ у дружки бывали. Вотъ одинъ разъ пришелъ Карагановъ къ намъ вечеромъ, да незнаю, что и какъ, началъ шумѣть, потомъ говоритъ, что: ты что, говоритъ, Викторъ Иванычъ, ты меня не знаешь. Я вотъ какой человѣкъ, я честный человѣкъ, я своему хозяину Мясникову милліонъ рублей денегъ предоставилъ, у купца отбилъ.

Предс. Дальше вы не припожните, что было?—*О.* Дальше ничего не припомню.

Прокуроръ. А Викторъ Иванычъ у васъ тамъ жилъ? — *О.* Жилъ.—*В.* А что онъ дѣлалъ?—*О.* Ничего не дѣлалъ.—*В.* А Карагановъ къ вамъ похаживалъ? — *О.* Ходилъ. — *В.* Когда онъ говорилъ, что вотъ хозяину своему милліонъ денегъ предоставилъ—былъ онъ выпивши?—*О.* Нѣтъ, незамѣтилъ, чтобы.—*В.* Онъ назвалъ, кто былъ его хозяинъ?—*О.* Назвалъ, что Мясникову предоставилъ.—*В.* А какъ купца-то звали, не слыхали? — *О.* Сказалъ.... *(называетъ какое-то непонятное слово).*—*В.* Какъ? что вы говорите? какъ его звали?—*О.* *(Повтореніе того же слова).* А можетъ быть впако, не могу знать, вѣдь я человѣкъ не грамотный. *(Смѣхъ).* — *В.* А что, не говорилъ онъ, что купцу этому и на извощика не оставилъ, чтобы на тотъ свѣтъ поѣхать?—*О.* Не знаю.—*В.* Забыля или не слыхали?—*О.* Не слыхалъ.—*В.* Ну, что же, какую онъ награду за это получилъ? — *О.* 2,000 р., сказывалъ, ему за это хозяинъ далъ.—*В.* Ну, что же, онъ жаловался, что мало далъ, или говорилъ, что довольно?—*О.* Больше ничего не слыхалъ.

Г. Языковъ. Вы содержите постоялый дворъ?—*О.* Нѣтъ, братъ содержитъ, мы у брата живемъ въ работникахъ; за-

шелъ въ постоялый дворъ, въ горницу по случаю—и слышалъ.—*В.* Кто съ кѣмъ говорилъ?—*О.* Карагановъ съ Викторомъ Иванычемъ. — *В.* А вы фамилію Виктора Иваныча непомните?—*О.* Почему я знаю фамилію! — *В.* Долго онъ у васъ жилъ?—*О.* Мѣсяца 2. — *В.* Чѣмъ онъ занимался? — *О.* Этого не знаемъ.—*В.* Въ деревнѣ если кто живетъ, да еще такъ долго, мѣсяца два, такъ сейчасъ вѣдь видно, что онъ дѣлаетъ, чѣмъ занимается. Что, онъ на заводъ ѣздилъ?—*О.* Не видалъ.—*В.* Подгорѣцкій заводъ далекъ отъ вашего постоялаго двора?—*О.* Нѣтъ, тутъ рядомъ. — *В.* Слѣдовательно, вы всѣхъ служащихъ на заводѣ конечно знаете, потому что всѣ, болѣе или менѣе, вѣдь захаживали къ вамъ?—*О.* Нѣтъ, всѣхъ гдѣ знать.—*В.* Не звали ли проѣзжаго Викторомъ Ивановичемъ Кононовымъ? — *О.* Этого не слыхалъ. — *В.* А Пастухова вы знали? — *О.* Зналъ. — *В.* А Пастуховъ не пріѣзжалъ ли къ Виктору Иванычу?—*О.* Пріѣзжалъ.—*В.* Вотъ, долго ли спустя, послѣ этой исторіи, о которой вы сейчасъ дали показаніе, пріѣхалъ Пастуховъ? — *О.* Которая исторія?—*В.* Да вотъ, вѣдь вы разсказываете, что Карагановъ что-то говорилъ—ну, такъ послѣ этого долго ли, какъ пріѣхалъ Пастуховъ къ Виктору Иванычу? — *О.* А это было до рождества, а пріѣзжалъ онъ на другой день рождества. — *В.* Кто еще былъ на ту пору на постояломъ дворѣ, когда говорилъ Карагановъ? — *О.* Больше никого не было.—*В.* Такъ вы положительно утверждаете, что Карагановъ тогда совсѣмъ не былъ пьянъ?—*О.* Я этого не видалъ.—*В.* Въ постояломъ дворѣ вѣдь у васъ одна только комната?—*О.* Зачѣмъ,—нѣтъ, у насъ 3 комнаты.—*В.* Какимъ образомъ они зашли на постоялый дворъ: чтобы съѣсть чего-нибудь, выпить, закусить? — *О.* Такъ вѣдь слышъ, что я говорю, что къ Виктору Иванычу хаживалъ тотъ — Карагановъ. — *В.* Такъ онъ у Виктора Иваныча въ комнатѣ сидѣлъ, а вы въ другой?—*О.* А и я здѣсь тоже былъ.

Г. Арсеньевъ. Вы слышали, какъ онъ назвалъ своего хозяина, которому деньги предоставилъ? какъ по вашимъ сло-

вамъ, Карагановъ говорилъ? — *О.* Называлъ его Мясниковымъ.—*В.* Что же, въ то время большой у нихъ шумъ былъ и громкій разговоръ?—*О.* Громкій.—*В.* Вы припомните, вы прежде показывали, что сильный у нихъ шумъ былъ, что за шумомъ вы не могли разобрать, какъ хозяинъ назывался?—*О.* Нѣтъ, его такъ Мясниковымъ и называлъ.—*В.* А фамилію этого Виктора Ивановича вы у судебнаго слѣдователя. помните, называли; вы показывали тогда, что его звали Кононовымъ?—*О.* А Богъ его знаетъ—вѣдь мы забыли, вѣдь мы не грамотные. *(Смѣхъ).*—*В.* Вы часто видѣли Виктора Иваныча?—*О.* Вѣдь я, слышъ, только пріѣзжалъ къ брату. я въ работникахъ былъ.—*В.* Викторъ Иванычъ съ Карагановымъ, случалось, вышивали вмѣстѣ?—*О.* Не знаю, вѣдь я на постояломъ не жилъ.—*В.* То, что вы слышали, по вашимъ словамъ вы никому не разсказывали, до тѣхъ поръ, покуда слѣдователь васъ объ этомъ не спрашивалъ? — *О.* Никому, никому не разсказывалъ.

Г. Языковъ. Этотъ разговоръ Караганова, о которомъ вы показываете былъ наканунѣ рождества?—*О.* Да, такъ думаю, а Богъ ихъ знаетъ — вѣдь мы неграмотные. — *В.* Но вѣдь для этого не нужно быть грамотнымъ; вѣдь вы время умѣете считать. Вы не помните, забыли? Когда у васъ кто-нибудь пріѣзжаетъ, кто подаетъ обѣдъ тамъ, закуску?—*О.* У насъ просто есть стряпуха. — *В.* Что же, тогда стряпуха была при этомъ? — *О.* Нѣтъ, ушедши была.—*В.* А братъ вашъ не былъ тогда дома? — *О.* Братъ въ отлучкѣ въ ту пору былъ.

Г. Депп. А былъ ли при этомъ кто-нибудь другой? Солдатъ приходилъ? — *О.* Солдатъ былъ.—*В.* Какой былъ солдатъ?—*(Молчаніе).* Что же онъ дѣлалъ?—*О.* Солдатъ сидѣлъ съ нами.

Прокуроръ. Вы говорите, что разговоръ этотъ былъ наканунѣ рождества. Можетъ быть онъ былъ просто наканунѣ большаго праздника?—*О.* Да кто ихъ знаетъ. Вѣдь это давно было. — *В.* Да вѣдь я и спрашиваю: вѣрно-ли вы помните?

Можетъ быть разговоръ этотъ происходилъ не подъ рождество, а подъ Срѣтеніе? — *О.* Да я вѣдь не завѣряю, что подъ рождество. Забылъ.

Г. Арсеньевъ. Конечно, вамъ трудно, свидѣтель, припомнить, какой это именно былъ день, и объ этомъ васъ никто, конечно, не спроситъ. Но былъ-ли этотъ разговоръ за день, или за мѣсяцъ передъ рождествомъ. Рождество бываетъ зимою, стояла-ли зима на дворѣ, или не совсѣмъ еще было холодно?— *О.* Нѣтъ, кажется, что за три дня до рождества.—*В.* Вотъ видите-ли, вы говорили прежде, что этотъ разговоръ происходилъ на другой день послѣ праздника Введенія Богородицы. Вы знаете въ какое время праздникъ этотъ бываетъ?—*О.* Введеніе — да, знаю. — *В.* А вы не знаете, когда разговоръ происходилъ?— *О.* Нѣтъ этого не знаю.

Предс. Вы по мѣсяцамъ время незнаете опредѣлить? — напр. Ноябрь, Декабрь...? — *О.* Нѣтъ, этого не знаю. — *В.* Такъ что вы, на память, все по праздникамъ считаете.— *О.* Да.—*В.* Ну а въ то время, когда васъ спрашивалъ судебный слѣдователь, у васъ еще на памяти было, когда происходилъ разговоръ? — *О.* Тогда еще было. А теперь уже больно давно.

Предс. Карагановъ, желаете объяснить что-нибудь?

Подс. Кар. (*быстро вскакиваетъ*). Нѣтъ, знаете, извините Ваше превосходительство, это все чушь, что онъ говоритъ. Я себя всегда велъ скромно, выпивши бывалъ можетъ быть, только я, съ тѣхъ поръ какъ были несчастія... братъ пропалъ...

Предс. Но вы это все уже говорили.

Подс. Кар. (*сильно жестикулируя*). Да-съ. Они вотъ... извините пожалуйста... (*наклоняется къ уху своего защитника; происходитъ шептаніе*).

Предс. Что такое? Что вы тамъ шепчете?

Г. Депъ. Обвинительный актъ проситъ, хочетъ его прочитать, чтобы вспомнить...

Предс. Что вы тамъ опять нашли? Вы должны, Карагановъ, отвѣчать на то, о чемъ васъ спрашиваютъ.

Подс. Кар. Извините пожалуйста. Я не могу, я нездоровъ...

Предс. Если вы не желаете отвѣчать, такъ для этого у васъ защитникъ есть; а вы отвѣчаете постоянно то, что къ дѣлу не относится. Я васъ спрашиваю, что вы имѣете объяснить, относительно показанія только-что вами выслушаннаго?

Подс. Кар. (смотритъ уныло, схватываетъ себя за голову и что-то бормочетъ).

Предс. Карагановъ, стало быть вы ничего не желаете объяснить?

Подс. Кар. (*встрепенувшись*). Нѣтъ-съ, желаю, только я не могу такъ, потому что я сдѣлался слабымъ, ей-Богу. Я-съ былъ выпивши, пришелъ къ нему, говорю я пьянъ, вздоръ, говоритъ... не до такой степени, правда я былъ .. я часто говорилъ, это правда... и не въ первый разъ .. просто вздоръ все, не въ первый разъ, нѣтъ-съ. Вотъ только про г. Мясникова, о милліонахъ, я не говорилъ въ это время.

Предс. Такъ вы о милліонахъ не говорили ничего?

Подс. Кар. (Что то бормочетъ).

Предс. (*строго*). Я васъ прошу, Карагановъ, быть внимательнымъ къ вопросамъ и отвѣчать мнѣ прямо.

Подс. Кар. Я говорилъ, можетъ быть... я говорилъ, что въ мою службу у Мясниковыхъ сохранились милліоны, это я говорилъ, да-съ.

Предс. А не по поводу денегъ Бѣляевскихъ, которыя перешли къ Мясниковымъ чрезъ подлогъ духовнаго завѣщанія?

Подс. Кар. Нѣтъ-съ.

Затѣмъ допрашивался *свид. безсрочно-отпускной рядовой Илья Никитинъ Киселевъ*.

Свид. Киселевъ. Позвольте мое показаніе прочитать; я можетъ быть не все помню.

Предс. Разскажите, что помните.

Свид. Только я вхожу въ постоялый дворъ, какъ я

тамъ жилъ; умаялся я очинно, легъ вздремнуть. Только вдругъ слышу шумъ отъ громкаго голоса. Только я проснулся, вскочилъ и смотрю: Карагановъ разговариваетъ съ Викторомъ Иванычемъ. Только Карагановъ всталъ и говоритъ: Неужто ты мнѣ не вѣришь, неужто я тебѣ не правду говорю, что я милліонъ передалъ хозяину, а мнѣ хозяинъ всего 2.000 р. далъ на память.

Прокуроръ. Вы когда пришли, такъ тамъ ихъ не было?—*О.* Нѣтъ, пришелъ я и легъ, а ужъ когда они пришли не помню, только проснулся, Карагановъ стоитъ и тутъ предъ нимъ Викторъ Ивановичъ, Кононовъ по фамиліи.—*В.* Ну, вы проснулись отъ шума?—*О.* Да, точно такъ, потому Викторъ Ивановичъ не шумѣлъ, а говорилъ громко Карагановъ: неужто ты мнѣ не вѣришь... будь я анафема, будь я проклятъ, если это неправда.—*В.* Такъ, по вашему, какъ онъ говорилъ: хвасталъ?—*О.* Да ужъ этого не знаю, только на ногахъ онъ твердъ былъ и языкомъ говорилъ хорошо.—*В.* Онъ называлъ фамилью?—*О.* Онъ называлъ, говорилъ, что купецъ лысый, беззубый, говоритъ, я ему на тотъ свѣтъ на извощика не оставилъ, а мнѣ его послѣ жалко было.

Предс. Г. защитникъ Караганова, извольте предлагать вопросы.

Подс. Кар. Тоже-самое-съ.

Предс. Я не къ вамъ обращаюсь, а къ вашему защитнику.

Г. Деп. отказывается отъ предложенія свидѣтелю вопросовъ.

Г. Языковъ. Вы не помните опредѣленнѣе, какъ онъ называлъ того старика?—*О.* Не знаю, какимъ манеромъ знать?—*В.* Кто тогда на постояломъ дворѣ былъ еще, кромѣ васъ?—*О.* Этотъ парень, Андрей, да Викторъ Ивановичъ.—*В.* А кто это: Викторъ Ивановичъ?—*О.* Не могу знать; онъ говорилъ, что прикащикомъ служилъ у Мясникова. — *В.* Вы у Мясникова служите лѣспичнымъ? — *О.* Да. — *В.* Сколько времени?—*О.* Около двухъ лѣтъ.—*В.* Такъ что вы всѣхъ ра-

бочихъ на Подгорѣцкомъ заводѣ знаете?— *О.* Знаю.—*В.* Вотъ этотъ Кононовъ, сколько времени жилъ на постояломъ дворѣ?—*О.* Мѣсяца полтора жилъ.—*В.* Что же онъ дѣлалъ все это время? — *О.* Больше ничего, только, когда Караганановъ къ нему придетъ, а когда онъ къ Караганову пойдетъ —*В.* Что же они выпивали вмѣстѣ? — *О.* Ну, этаго я не знаю.—*В.* По деревнѣ на вечеринки ходили?—*О.* Не знаю. —*В.* Что, на постояломъ дворѣ, сколько комнатъ?—*О.* Три комнаты: кухня, большая горница и маленькая горница.— *В.* Вы въ какой комнатѣ жили? — *О.* Я жилъ въ большой комнатѣ. — *В.* А Кононовъ въ какой жилъ? — *О.* Тоже въ большой.—*В.* И Кунаковскій?—*О.* И Кунаковскій.—*В.* Васъ, когда позвали къ судебному слѣдователю, черезъ день или черезъ два послѣ этого?—*О.* Насъ къ слѣдователю вызвали на первый день Рождества, послѣ разговора недѣли черезъ три.

По окончаніи спроса этаго свидѣтеля, онъ заявилъ желаніе получить дорожныя издержки, что и было внесено въ протоколъ.

Свидѣт. купецъ Тимофѣй Крюковъ. Карагановъ и Пжболдинъ служили вмѣстѣ въ Москвѣ; однажды я встрѣтилъ Караганова и Пжболдина, и между прочимъ Пжболдинъ заговорилъ о духовномъ завѣщаніи Бѣляева и говоритъ: скрывать тутъ уже болѣе нечего: духовное завѣщаніе подписалъ Карагановъ.

Прок. Карагановъ при этомъ былъ?—*О.* Какже былъ.— *В.* Что-же Карагановъ на это отвѣчалъ?—*О.* Ничего не отвѣтилъ.—*В.* Ну а въ какомъ онъ былъ расположеніи духа?— *О.* Онъ вообще въ дурномъ былъ расположеніи. — *В.* Но, все-таки онъ не сталъ спорить съ Пжболдинымъ?—*О.* Нѣтъ.

Г. Арсеньевъ. Онъ послѣ этого остался вмѣстѣ съ вами? — *О.* Мы потомъ долго еще оставались вмѣстѣ, Карагановъ, Пжболдинъ и я. — *В.* И послѣ замѣчанія Пжболдина Карагановъ опять съ вами сталъ разговаривать? — *О.* Онъ говорилъ.

Г. Языковъ. Вы за тѣмъ, разговаривали о другихъ пред-

метахъ?—*О.* О другихъ.—*В.* Карагановъ и Ижболдинъ служили въ то время у Красильникова?—*О.* Да.

Подс. Кар. (*вскакиваетъ*)—я желаю спросить, хорошо-ли я служилъ?

Предс. Вы знаете, свидѣтель, какъ служилъ Карагановъ?—*О.* Я этого не знаю.

Подс. Кар. Нѣтъ, вы знаете. (*Вкрадчиво и кланяясь свидѣтелю*). Сдѣлайте милость скажите.

Предс. Вамъ не нужно просить; свидѣтель обязанъ отвѣчать на относящіеся къ дѣлу вопросы, и если онъ говоритъ, что не знаетъ, то дальнѣйшее ваше настаиваніе излишне.

Свид. купецъ Петръ Жуковъ. Я знаю, что Карагановъ былъ страннаго поведенія; онъ велъ себя какъ-то безпорядочно: выбивалъ стекла въ жилыхъ строеніяхъ. Это онъ дѣлалъ больше по ночамъ. Наконецъ онъ позволялъ себѣ стрѣльбу, почью, между жилыми помѣщеніями, между соломой, на что крестьяне и принесли жалобу. Затѣмъ онъ позволялъ себѣ бѣгать.... т. е. однажды онъ въ мельницѣ прошелъ внизъ, гдѣ колесо, и еслибы его мельникъ не вытащилъ, то онъ бы тамъ совсѣмъ пропалъ, теперь бы не существовалъ.

Прокуроръ. Любилъ онъ выпить? — *О.* Много пилъ. — *В.* Онъ у васъ въ качествѣ чего состоялъ?—*О.* Именовался ревизоромъ.—*В.* По чьему распоряженію онъ былъ посланъ къ вамъ?—*О.* По распоряженію Мясниковыхъ.—*В.* Что же, вы не писали въ контору Мясниковыхъ о его поведеніи?—*О.* Нѣтъ, мы этого не дѣлали; онъ человѣкъ какой-то близкій къ Мясниковымъ былъ, чуть ли не ихъ родственникъ. —*В.* Онъ платилъ за водку, которую у васъ бралъ?—*О.* Мы нѣкоторымъ выдавали водку даромъ.—*В.* Не бралъ онъ чистаго спирту, будто бы на пробу? — *О.* Нѣтъ, этого не было, но въ подвалы онъ заходилъ не разъ, и попробуетъ не изъ одной бочки, только, напр., окна билъ онъ даже въ совершенно трезвомъ состояніи.—*В.* Отчего вы не докладывали о его поведеніи хозяину, не знали ли вы, что за это потеряете службу?—*О.* Онъ самъ хвасталъ, и грозилъ одно-

го смѣнить, а другому обѣщалъ угодить. Кто какъ: не понравится ему или понравится.

Г. Лохвицкій. Карагановъ служилъ у васъ на заводѣ года полтора; что, заводъ во все время былъ въ ходу? — *О.* Заводъ во все время былъ въ ходу, останавливался только на четыре мѣсяца, какъ обыковенно каждый годъ.

Г. Языковъ.. Вы говорите, что заводъ остановился на 4 мѣсяца? — *О.* Да, это нормальная остановка; онъ каждый годъ стоялъ.

Прокуроръ. Скажите, въ то время, когда заводъ не курилъ, Карагановъ, какъ ревизоръ, не нуженъ былъ? — *О.* Да, онъ пожалуй и вообще не нуженъ былъ; онъ исполнялъ распоряженія Мясниковыхъ, да только онъ скорѣе путалъ. Почему его держали, я не знаю.

Г. Языковъ. Вамъ извѣстны тѣ нѣкоторыя отношенія, которыя были между Карагановымъ и Мясниковыми? — *О.* Я слышалъ, будто онъ имъ родственникъ. — *В.* Вы не слыхали ли что либо про Кононова? — *О.* Кононовъ пріѣхалъ въ село Подгорное въ качествѣ прикащика. — *В.* Долго онъ прожилъ на постояломъ дворѣ? — *О.* Мѣсяца два жилъ. — *В.* Что же, онъ сказался прикащикомъ? — *О.* Сказался прикащикомъ, но исключительно велъ знакомство съ Карагановымъ. — *В.* И свелъ съ нимъ дружбу? — *О.* Самую искреннюю, такъ, что если Карагановъ не ходилъ къ нему, такъ онъ былъ у Караганова; Карагановъ говорилъ, что пріѣхалъ прикащикъ уполномоченный отъ Мясниковыхъ и подъ этимъ предлогомъ онъ просилъ водки, въ чемъ я позволилъ себѣ не отказать ему. — *В.* Пастуховъ, подъ какимъ видомъ пріѣхалъ? — *О.* Какъ арендаторъ; онъ хотѣлъ снять на аренду заводъ; онъ у меня былъ часъ времени, не больше. — *В.* Не думаете-ли вы, что Карагановъ получилъ какую нибудь инструкцію насчетъ наблюденія за заводомъ? — *О.* Положительно никакой. Даже мнѣ сдѣланъ былъ вопросъ Александромъ Константиновичемъ Мясниковымъ, когда Карагановъ пріѣхалъ съ Кавказа, можно ли ему повѣрить въ долгъ; и я ему тогда

сказалъ, что считаю Караганова за человѣка ненадежнаго.—*В.* Карагановъ уѣзжалъ съ завода, когда служилъ у васъ?—*О.* Нѣсколько разъ; онъ полтора мѣсяца жилъ въ Воронежѣ; но точно также зарекомендовалъ себя какъ у насъ, своими дебошами.—*В.* Вмѣстѣ съ заарестованіемъ его въ Подгорномъ заводѣ не исчезъ ли и Викторъ Ивановичъ Кононовъ?—*О.* Да, исчезъ.—*В.* И больше не являлся?—*О.* Нѣтъ, не являлся.

Г. Арсеньевъ. Когда вы имѣли съ Мясниковымъ разговоръ, вы не знаете, не хотѣлъ ли Масниковъ дать мѣсто Караганову и не было ли тогда разговора о Кавказѣ?—*О.* Нѣтъ, не было.—*В.* Вы не слышали намѣреніе Мясникова завести новый заводъ? Вы не помните, когда разговоръ этотъ происходилъ? Это было задолго до арестованія Караганова, лѣтомъ?—*О.* Мнѣ кажется, лѣтомъ, но не помню положительно.—*В.* Не были ли вы вызваны Мясниковымъ въ Воронежъ?—*О.* Да.—*В.* И Карагановъ поѣхалъ съ вами вмѣстѣ?—*О.* Нѣтъ, онъ поѣхалъ раньше. — *В.* Когда Карагановъ выѣзжалъ въ Воронежъ, вы ему не препятствовали?—*О.* Онъ зависѣлъ не отъ меня, а отъ Кошелькова.—*В.* По чьему распоряженію ему выдаваемо было прибавочное жалованье?—*О.* Я не помню прибавочнаго; онъ при мнѣ всегда состоялъ на 1,000 рубляхъ жалованья.

Г. Деппъ. Поступки, о которыхъ вы говорите, что ихъ совершалъ Карагановъ, совершалъ онъ ихъ послѣднее время въ продолженіе всего времени пребыванія на вашемъ заводѣ?—*О.* Въ теченіе всего времени.—*В.* Который изъ этихъ поступковъ былъ послѣдній и въ какое время приблизительно?—*О.* Я стыжусь доложить о послѣднемъ поступкѣ его; онъ впрочемъ, выраженъ въ моемъ показаніи. — *Г. Деппъ.* Я думаю, что изложеніе этого поступка не представитъ ничего затруднительнаго.—*Свидѣтель.* Онъ забылъ всякое приличіе—ничѣмъ не покрытый ходилъ по улицѣ въ теченіе дня; это извѣстно всѣмъ и каждому.

Г. Лохвицкій. Это лѣтомъ было или зимою?—*О.* Это

было осенью и было довольно свѣжо. Я поторопился затворить ставни своихъ оконъ, чтобы его не видѣть.—*В.* Полагаете ли вы, что онъ это сдѣлалъ въ пьяномъ видѣ?—*О.* Я долженъ сказать, что не могъ опредѣлить, въ какомъ состояніи онъ это сдѣлалъ. Онъ постоянно дѣлалъ подобныя штуки, но при этомъ никогда не дозволялъ себѣ оскорбить кого-нибудь лично.

Г. Арсеньевъ. Вы не знаете были такіе промежутки, когда, онъ не дебошировалъ? — *О.* Иногда онъ былъ въ меланхоліи, ночью сидитъ и всю ночь пѣсни поетъ.—*В.* Почему вы видите въ этомъ меланхолію? — *О.* Да все заунывныя пѣсни поетъ.

Г. Языковъ. Не припомните ли вы случая, что когда онъ былъ вызванъ къ судебному слѣдователю, онъ вдругъ запѣлъ?—*О.* То есть онъ все имѣлъ привычку пѣть себѣ подъ носъ, а однажды, при осмотрѣ бумагъ у судебнаго слѣдователя, онъ вдругъ обратился къ нему и говоритъ: у меня воздуху мало, я хочу окно выбить.—И если бы его не удержали, то онъ выбилъ бы окно.

Въ заключеніе, свидѣтель показалъ, что не служитъ болѣе у Мясниковыхъ; отказался самъ.

Предс. Подсудимый Карагановъ, имѣете ли вы что нибудь сказать?

Подс. Кар. быстро встаетъ и что то бормочетъ.

Предс. Карагановъ! я васъ прошу говорить какъ слѣдуетъ; я очень хорошо вижу, что вы можете отвѣчать правильно.

Подс. Карат. Я разбилъ неосторожно стекло и никто меня не удержалъ, его показаніе не справедливо и преувеличино; я посуду не разбивалъ а только стекло разбилъ

Свид. мѣщ. Алексѣй Степановъ Бѣляевъ. Мнѣ извѣстно про Караганова, что онъ велъ разгульную жизнь. *(На вопросы прокурора).* Карагановъ получалъ 1,000 р., жалованья, свидѣтель — только 300 руб. Въ послѣднее время

только. Карагановъ сталъ вести безпорядочную и разгульную жизнь. Свидѣтель его зналъ лѣтъ 20. Прежде онъ былъ человѣкъ хорошій; отчего съ нимъ произошла перемѣна — не знаетъ, до 1858 года онъ былъ добропорядочный человѣкъ. Свидѣтель слышалъ, что онъ былъ въ то время отправленъ на Кавказъ, въ Ставрополь, и что въ Ставрополѣ Караганова допрашивали по поводу подложнаго духовнаго завѣщанія, не знаетъ.

Прокуроръ заявилъ что между этимъ показаніемъ свидѣтеля и даннымъ при слѣдствіи, существуетъ противорѣчіе въ томъ отношеніи, что на предварительномъ слѣдствіи онъ показывалъ, что перемѣна въ поведеніи Караганова произошла послѣ допроса его въ Ставрополѣ.

Г. Остряковъ. Когда васъ спрашивалъ судебный слѣдователь, вы подписали свое показаніе?

Предс. Я просилъ бы васъ этотъ вопросъ устранить, потому, что онъ будетъ разъясненъ прочтеніемъ показанія свидѣтеля Бѣлаева.

На вопросъ г. Арсеньева, свидѣтель показалъ, что видѣлъ Караганова со времени отъѣзда его на Кавказъ очень рѣдко, а что бы онъ пьянствовалъ не замѣтилъ; свидѣтель— отдаленный родственникъ умершаго Бѣляева, былъ у него на похоронахъ и на похоронномъ обѣдѣ. Обѣдъ происходилъ въ двухъ комнатахъ; Екатерина Васильевна во время обѣда выходила къ гостямъ но ничего не говорила, и вообще, на обѣдѣ о духовномъ завѣщаніи рѣчи не было. Ему показали завѣщаніе во время слѣдствія; онъ находилъ подпись сходною съ подписью Бѣляева.

Прсдс, читаетъ показаніе Бѣляевой данное имъ 26 Декабря 1870 года, въ которомъ свидѣтель между прочимъ показалъ что Карагановъ перемѣнился въ своемъ поведеніи послѣ производства надъ нимъ въ Ставрополѣ слѣдствія, о фальшивомъ духовномъ завѣщаніи Бѣляева.

Показаніе это подписано свидѣтелемъ.

Свидѣтель. Я этого не говорилъ.

Предс. Вѣдь вамъ давали читать это показаніе, или оно вамъ не было читано?—*О.* Было.—*В.* Почему вы тогда не объяснили судебному слѣдователю то, что вы теперь сказали.... вы не можете отвѣчать? — *О.* Не могу.

Г. Остряковъ. Вы говорите, свидѣтель, что нашли подпись на завѣщаніи сходною съ подписью Бѣляева. Не замѣтили ли вы, однако, какой нибудь разницы? — *О.* Не замѣчалъ.

Г. Остряковъ. Это показаніе также противорѣчитъ нѣсколько показанію, данному свидѣтелемъ на предварительномъ слѣдствіи, гдѣ онъ говоритъ, что подпись на завѣщаніи сдѣлана какъ будто болѣзненною рукою.

Предс. Вы замѣчали, что подпись та сдѣлана какъ будто болѣзненною рукою?—*О.* Нѣтъ, не замѣчалъ.

Предс. Карагановъ, не желаете ли объяснить что либо?

Подс. Кар. Нѣтъ, только извините, чтобы обидѣть... никогда не было.

Предс. Свидѣтель про васъ и не показывалъ, чтобы вы обижали...

Подс. Кар. Я тамъ велъ себя тихо и скромно, очень тихо-съ, а не то что—какъ онъ выражается.

Свидѣтель Аникринъ показалъ *(на вопросы прокурора)*, что служилъ на Подгорецкомъ заводѣ, гдѣ былъ ревизоромъ подсудимый Карагановъ. Подсудимый вино покупалъ и такъ бралъ, и покупалъ и бралъ много. Свидѣтель подсуднмаго зналъ давно; въ то время онъ велъ себя хорошо, но затѣмъ, въ теченіи двухъ лѣтъ, измѣнился совершенно. На заводѣ никто не смѣлъ на него жаловаться, его всѣ боялись, потому что онъ женился на одной особѣ, которая прежде жила съ Мясниковымъ. Съ женою онъ не жилъ. (*На вопросы г. Языкова*). На него крестьяне жало-

вались за то, что онъ стрѣлялъ въ деревнѣ; разсказывали, что онъ одинъ пляшетъ ночью въ комнатѣ; вообще онъ выказывалъ много странностей и, между прочимъ, раздѣвшись, въ халатѣ или безъ халата, ходилъ по деревнѣ, вступая иногда въ единоборство съ мужиками. Въ 1869 году Карагановъ былъ очень озабоченъ исчезновеніемъ его брата. Братъ его уѣхалъ въ Астрахань и затѣмъ не давалъ болѣе о себѣ знать. Подсудимый года два или три былъ сильно огорченъ пропажею брата, постоянно о братѣ говорилъ и нѣсколько разъ писалъ въ Астрахань. Когда мельникъ его вытащилъ изъ колеса, то онъ говорилъ, что онъ видѣлъ подъ колесомъ своего брата. (*На вопросы г. Деппа*). Виктора Ивановича Кононова зналъ; онъ былъ прикащикомъ; онъ говорилъ, что хочетъ снять заводъ и что поджидалъ хозяина. Съ Караганoвымъ онъ постоянно кутилъ и участвовалъ въ хороводахъ, а съ арестомъ Караганова уѣхалъ. (*Свидѣтель заявляетъ просьбу о вознагражденіи дорожныхъ издержекъ. Просьба заносится въ протоколъ*).

Прокуроръ, для заключенія допроса о Караганoвѣ, просилъ о прочтеніи показаній Кошелькова и Балашева и просилъ разрѣшенія суда сослаться на документы, письма и телеграммы касательно Караганова.

Г. Арсеньевъ. Я просилъ бы судъ отложить эту повѣрку письменныхъ доказательствъ до того времени, когда будетъ приступлено вообще къ разсмотрѣнію вещественныхъ доказательствъ. Если же окружной судъ признаетъ необходимымъ произвести повѣрку письменныхъ доказательствъ въ отношеніи къ Караганову за выслушаніемъ свидѣтельскихъ показаній, касающихся Караганова, то, во всякомъ случаѣ, покорнѣйше прошу отложить эту повѣрку до завтрашняго засѣданія, такъ какъ изложеніе писемъ Караганова, имѣющихъ къ нему отношеніе, требуетъ нѣсколько большей свѣжести и бодрости, нежели та, которую мы имѣемъ по прошествіи цѣлаго дня засѣданія. По этому я прошу лишь о прочтеніи

показаній свидѣтелей Кошелькова и Балашева, показанія, которыхъ можно скорѣе всего отнести къ группѣ выслушанныхъ нами свидѣтельскихъ показаній. Изложеніе же документовъ прошу отложить до другаго засѣданія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣю честь еще представить суду шесть писемъ къ Карагапову и другимъ.

Г. Языковъ. Я присоединяюсь къ заявленію моего товарища по защитѣ, относительно того, что едва ли въ сегодняшнемъ засѣданіи возможно будетъ преодолѣть изложеніе письменныхъ доказательствъ, такъ какъ ссылка на одно письмо непремѣнно вызоветъ ссылку на другое, а эти письма, въ совокупности, составятъ чуть ли не цѣлый томъ. Затѣмъ, не признаетъ ли судъ возможнымъ принять и отъ меня документы, которые я имѣю представить.

Г. Лохвицкій. Нельзя ли ограничиться тѣмъ, чтобы гг. защитники указывали лишь на то, какія мѣста въ документахъ особенно важны для прочтенія ихъ; а затѣмъ, чтобы судъ предоставилъ имъ право ссылаться на тѣ документы; потому что, по моему мнѣнію, все это читать будетъ излишне.

Предс. Защита такъ и излагала свои требованія. Судъ, на основаніи 626 ст., постановилъ: допустить къ прочтенію показанія Кошелькова и Балашева, а что касается до предъявленія вещественныхъ доказательствъ, то, въ виду скораго закрытія засѣданія, оно откладывается до завтрашняго засѣданія.

Затѣмъ были прочтены показанія Кошелькова и Балашева, извѣстныя изъ обв. акта.

Предс. Подсудимый Карагановъ, что вы имѣете сказать по поводу прочтеннаго сейчасъ показанія?

Подс. Кар. (*быстро вскакиваетъ*). Чего-съ? — *В.* Что вы имѣете сказать относительно прочитаннаго сейчасъ показанія Кошелькова?

Подс. Кар. Можно писать?

Предс. Зачѣмъ вамъ писать, вы можете говорить. Здѣсь никакое писаніе не допускается.

Подс. Кар. Нельзя-съ?

Предс. Нѣтъ нельзя; вы можете объяснить на словахъ.

Подс. Кар. (стоитъ какъ бы въ забытьи).

Предс. Такъ что же вы желаете объяснить, Карагановъ?

Подс. Кар. Я жилъ скромно....

Предс. Вы это уже говорили, что вы жили скромно.

Подс. Кар. Да.

Предс. Больше ничего не имѣете сказать?

Подс. Кар. Не могу припомнить; позвольте подождать не много, подумать.

Г. Арсеньевъ. Показаніе Балашева весьма длинно, и относится къ показаніямъ лицъ такихъ, которыя ничего не помнятъ. Поэтому обращаю вниманіе гг. присяжныхъ засѣдателей на слѣдующіе пункты этого показанія. Во-первыхъ, онъ говоритъ, что когда видѣлъ Караганова въ Петербургѣ, то Карагановъ состоялъ къ Мясникову въ отношеніяхъ служащаго къ хозяину. Во-вторыхъ, онъ говоритъ, что во время его пребыванія въ Задонскѣ, ему ничего не говорили о составленіи духовнаго завѣщанія, пока не былъ задержанъ Карагановъ. Переходя къ другимъ предметамъ, онъ показываетъ, что Шевелевъ увезъ билеты и былъ затѣмъ пойманъ; затѣмъ онъ говоритъ, что въ 1858 году Бѣляевъ былъ боленъ и слабъ. Вотъ 4 пункта, на которые я указываю въ настоящее время.

Прокуроръ. Я имѣю честь обратить вниманіе на то, что одинъ изъ пунктовъ этого показанія, кажется пунктъ 6-й, заключается въ томъ, что въ маѣ мѣсяцѣ 1858 года Бѣляевъ былъ боленъ, но къ просителямъ выходилъ.

Г. Арсеньевъ. Я еще покорнѣйше прошу припомнить слѣдующую фразу въ показаніи Балашева: „Я никогда не выска-

зывалъ сожалѣнія о томъ, что меня не вызывали въ свидѣтели о производящемся въ Задонскѣ слѣдствіи".

Призванный затѣмъ въ залу засѣданія свидѣтель, мѣщанинъ Александръ Даниловъ Караганов, братъ подсудимаго Караганова, просилъ его уволить отъ дачи показанія.

Засѣданіе было прервано до слѣдующаго дня, причемъ сдѣлано было распоряженіе объ оставленіи присяжныхъ на ночь въ зданіи суда.

II.

(Засѣданіе 18-го февраля).

По открытіи засѣданія, въ 10 1/2 ч. утра, экспертамъ, для сличенія почерковъ, въ числѣ 16 человѣкъ, были вручены слѣдующіе вопросные пункты:

„1) Имѣетъ ли подпись „Козьма Бѣляевъ“ на духовномъ завѣщаніи, сходство съ несомнѣнными подписями Бѣляева на другихъ бумагахъ?

„2) Замѣчается ли сходство между подписью на завѣщаніи „Козьма Бѣляевъ“ и подписями Караганова?

„3) Представляютъ ли послѣднія статьи первой половины послѣдняго листа расходной книги сходство съ почеркомъ Бѣляева, коимъ написаны прочія части этой книги?

„4) Представляетъ ли та строчка дневника, въ которой говорится о сохранной росписке въ 272,000 р. сходство съ почеркомъ Бѣляева?

„5) Писанъ ли текстъ духовнаго завѣщанія во всѣхъ частяхъ одинаковымъ, по растяжимости, почеркомъ и одинаковыми съ подписями чернилами?“

Для обсужденія этихъ вопросовъ, эксперты, выслушавъ указанія предсѣдателя, на какіе предметы слѣдуетъ имъ обращать вниманіе, съ документами, по которымъ они должны были произвести сличеніе, удалились въ особую комнату. Затѣмъ судъ приступилъ къ выслушанію заявленій сторонъ о бумагахъ, найденныхъ при обыскѣ.

Прокуроръ. Гг. присяжные засѣдатели, изъ дѣла видно — и защита, конечно, не станетъ отрицать этого, — что Карагановъ привлеченъ къ слѣдствію по дѣлу о подлогѣ завѣща-

нія впервые въ 1868 г. Такъ какъ его не было въ Петербургѣ, то вопросные пункты были посланы въ Ставрополь, гдѣ онъ и былъ допрошенъ 20 августа 1868 г. Затѣмъ документы, которые я буду имѣть честь передъ вами изложить, распадаются на такіе, которые относятся къ личности Караганова до привлеченія его къ настоящему слѣдствію, къ жизни его на заводѣ, какъ въ Ставрополѣ, такъ и въ Задонскомъ уѣздѣ, Воронежской губ., и къ отношеніямъ его къ женѣ, на сколько они видны изъ разсчетовъ, писемъ и документовъ, находящихся при дѣлѣ. Прежде всего считаю нужнымъ указать на письмо, написанное Карагановымъ его брату Аполлону, который, какъ видно изъ дѣла, пропалъ безъ вѣсти въ Астрахани. Въ этомъ письмѣ, отъ 4 февраля 1860 года, заключаются нѣкоторыя указанія, которыя характеризуютъ взгляды Караганова на жизнь и его тогдашнія правила. Въ письмѣ этомъ сказано, между прочимъ, слѣдующее:

„Въ дѣлахъ.... веди себя умненько, осторожно и старайся не ударить лицомъ въ грязь. О начальствѣ мнѣнія никакого не высказывай. Мнѣнія эти: камни, которыми будутъ въ тебя бросать. Держи камень за пазухой, бесѣдуя со врагомъ. Въ письмахъ будь остороженъ и скрытенъ. Помни пословицу: „бумажки лоскутокъ далеко поведетъ...“ Отъ угощеній съ товарищами отказывайся, говоря: „охотно бы, съ удовольствіемъ, въ другой разъ, а теперь никакъ нельзя“. Отговорки свои сочиняй съ толкомъ и осторожно, чтобы кого нибудь не обидѣть. Вина не пей: въ немъ корень всякихъ неудовольствій. Языкъ держи за зубами, со всѣми будь вѣжливъ и услужливъ“, и т. д.

Въ письмѣ отъ 24 января 1867 года, изъ Ставрополя, Карагановъ проситъ отца похлопотать о томъ, чтобы Мясниковъ выкупилъ принадлежащія Караганову и заложенныя въ ломбардѣ вещи. Затѣмъ считаю нужнымъ указать на разсчетъ, переданный Амфилогіемъ Карагановымъ своему отцу, гдѣ перечисляются вещи, принадлежащія его женѣ и ему, всего на сумму 13,000 р., оставленныя отцу для продажи.

При обыскѣ въ селѣ Подгорномъ, гдѣ жилъ на заводѣ Карагановъ въ 1868 г. у управляющаго Кошелькова, отобранъ цѣлый рядъ писемъ, телеграммъ и росписокъ, относящихся къ Караганову. Считаю нужнымъ указать на слѣдующія изъ нихъ: Письмо управляющаго Добрынина къ Кошелькову, отъ 28 августа 1866 г., въ которомъ говорится, между прочимъ, слѣдующее:

„Г. Карагановъ сообщилъ мнѣ, что Александръ Константиновичъ назначилъ его на Кавказъ только на время и не на службу, поэтому я предоставилъ ему полное право сдѣлать ревизію всѣхъ складовъ, и покорнѣйше прошу васъ, сообщить мнѣ, зачѣмъ онъ присланъ — для ревизіи, или на постоянную службу".

Письмо Кошелькова, отъ 24 іюня 1867 г., съ Александровскаго винокуреннаго завода, къ А. К. Мясникову, въ которомъ говорится:

„Прибывшему вчера сюда на заводъ, безъ письма и предписанія, Караганову поручено имѣть мѣстный надзоръ по заводу впредь до полученія отъ васъ о немъ распоряженія, до усмотрѣнія надобности, куда его для ревизіи отправить".

Въ связи съ этимъ находятся: телеграмма А. К. Мясникова Кошелькову, въ которой сказано: „Карагановъ.... пусть обождетъ"; телеграмма Кошелькова А. К. Мясникову, отправленная въ 1867 г., слѣдующаго содержанія: „Карагановъ просится съѣздить на родину, въ Козьмодемьянскъ". Затѣмъ считаю нужнымъ указать на слѣдующую черновую телеграмму Кошелькова: „Ростовъ Донской.... Добрынину. Желаю видѣть васъ въ Ставрополѣ. Поспѣшите. Буде Карагановъ въ Ростовѣ или Новочеркаскѣ, распорядитесь немедленно его убѣдить, тамъ ждать моего обратнаго проѣзда изъ Ставрополя, о чемъ пусть мнѣ телеграфируютъ...." 12 октября 1868 г., Карагановъ изъ Ростова телеграфируетъ Кошелькову: „Могу ли, согласно разрѣшенію, воспользоваться отпускомъ?" На телеграмму эту Кошельковъ отвѣчаетъ: „Мнѣ очень вы нужны: обождите въ Ростовѣ моего пріѣзда". Телеграмма

эта относится къ высказанному еще прежде желанію Караганова, ѣхать на родину, къ отцу, которое до конца 1868 г. не удовлетворялось. Есть основаніе предполагать, что съ этимъ въ связи находится слѣдующая телеграмма Булычева къ Кошелькову, вызванная, вѣроятно, безпокойствомъ Караганова о здоровьѣ своего отца: „Александръ Даниловичъ Карагановъ совершенно здоровъ, о чемъ Ростовъ уже телеграфировалъ". Телеграмма эта была отвѣтомъ на запросъ Кошелькова. 28 октября 1867 г. Кошельковъ телеграфируетъ Мясникову: „Высказано все. Нужно быть спокойнымъ въ преданности Караганова. Ростовъ". 29 октября 1868 г. Мясниковъ телеграфируетъ Кошелькову изъ Петербурга: „Просьбу Караганова исполню. Козьмодемьянскъ. По теперь рано; пусть обождетъ немного".

Затѣмъ рядъ телеграммъ, которыя я считаю излишнимъ читать, и думаю, что защита признаетъ, что они, дѣйствительно, находятся въ дѣлѣ. Изъ телеграммъ этихъ видно, что Карагановъ напоминаетъ постоянно Кошелькову о выдачѣ ему жалованья, онъ проситъ прогоновъ, квартирныхъ денегъ, которыя ему обѣщаны. 11 февраля 1869 г. Цынинъ телеграфируетъ Кошелькову, что жалованье Караганову будетъ выдано. 18 марта 1869 г. тотъ же Цынинъ телеграфируетъ Кошелькову, что Карагановъ живетъ въ Новочеркаскѣ. Затѣмъ я считаю нужнымъ прочесть нѣкоторыя мѣста изъ писемъ Цынина, Гудкова и Караганова. Въ письмѣ Цынина къ управляющему складами, въ Новочеркаскѣ, Кошелькову, между прочимъ, говорится: „Карагановъ обращается постоянно съ требованіями о выдачѣ ему денегъ, на что не имѣя ни отъ кого разрѣшенія, я и завѣдующій складами Корягинъ, не могли вполнѣ исполнять его настоятельныхъ требованій, чѣмъ и навлекли на себя непріятныя отношенія и угрозы; по видя веденныя имъ съ вами переговоры, хотя не зная оклада и текущаго съ нимъ разсчета, все-таки были вынуждены выдать ему разновременно: въ декабрѣ по настоящее число—45 р. А какъ нынѣ, полученной отъ васъ депе-

шей, вы поручаете Караганову остаться въ Ростовѣ, наблюдать отправку спирта, то различныя требованія его могутъ значительно усилиться, и съ нимъ ладить будетъ трудно.

„Г. Карагановъ въ Ростовѣ пользуется весьма незавиднымъ положеніемъ и, при постоянномъ разгулѣ, въ наблюденіи за дѣломъ отправки, едва ли принесетъ какую-либо пользу". 17-го апрѣля 1869 г., Гудковъ пишетъ изъ Воронежа Кошелькову, что Карагановъ прибылъ въ Воронежъ 17 апрѣля, въ первомъ часу. 27-го мая тотъ же Гудковъ пишетъ: „Амфилогій Александровичъ уѣхалъ по желѣзной дорогѣ; куда— доложить не могу. *Денегъ потребовалъ такимъ образомъ, что я не рѣшился отказать*, избѣгая непріятностей и шуму".

Затѣмъ г. прокуроръ указалъ на слѣдующія письма Караганова: отъ 27 ноября 1868 г., къ управляющему складами въ Новочеркаскѣ, въ которомъ Карагановъ проситъ довести до свѣдѣнія Александра Константиновича о его, Караганова, мѣстѣ нахожденія; отъ 4-го апрѣля 1868 г., къ А. К. Мясникову, въ которомъ Карагановъ настойчиво проситъ выдать ему квартирныя и разъѣздныя деньги; отъ 14-го октября, въ которомъ Карагановъ пишетъ къ Красильникову: „Покорнѣйше васъ прошу, если можете, увѣдомите меня, когда вы будете здѣсь, въ Ростовѣ, и какую именно надобность вы изволите имѣть во мнѣ. Семейныя обстоятельства мои требуютъ непремѣнно видѣться съ родными, и потому я просилъ бы васъ устроить такъ, чтобы я могъ побывать у нихъ". Наконецъ, въ письмѣ, отъ 23-го мая 1869 г., Карагановъ говоритъ: „Неподалеку отъ Воронежа живутъ родственники мои и мать. Не видавшись съ ними болѣе двухъ лѣтъ, я желаю побывать тамъ. Путь по желѣзной дорогѣ, и я надѣюсь возвратиться очень скоро. О поѣздкѣ этой я упоминаю въ письмѣ къ Александру Константиновичу".

Сгруппировавъ всѣ эти письма и телеграммы, по ихъ значенію и содержанію, г. прокуроръ въ заключеніе указываетъ на нѣкоторыя письма, изъ которыхъ видно, что поведеніе

Караганова на заводѣ, въ Задонскомъ уѣздѣ, въ послѣднее время было таково, что его считали человѣкомъ опаснымъ, буйнымъ, пьянымъ и даже больнымъ умственно.

Подс. А. Мясниковъ объяснилъ, что телеграммы, касающіяся здоровья отца Караганова (Александра Даниловича), ему совершенно неизвѣстны.

Присяж. повтр. Арсеньевъ. Вамъ уже извѣстно, гг. присяжные засѣдатели, что Карагановъ отошелъ отъ Мясникова въ 1860 году и поѣхалъ въ Казань. Затѣмъ, 12 марта 1863 г., онъ проситъ А. К. Мясникова вновь принять его на службу. Письмо, заключающее эту просьбу, писано въ почтительномъ тонѣ. (*Г. защитникъ прочелъ его*). На это письмо послѣдовалъ отвѣтъ Мясникова, въ которомъ онъ отказываетъ Караганову. Затѣмъ, въ 1866 г. Карагановъ снова поступаетъ на службу къ А. К. Мясникову, и первый признакъ служебной дѣятельности его — письмо изъ Ставрополя, писанное въ августѣ 1866 г. 10-го октября 1866 г., т. е. вскорѣ послѣ поступленія на службу къ Мясникову, Карагановъ пишетъ къ отцу. Письмо начинается жалобою Караганова, что отецъ ему рѣдко пишетъ; далѣе, между прочимъ, говорится: „во всякомъ случаѣ, спѣшу просить извиненія въ неизвѣстныхъ мнѣ самому проступкахъ передъ вами.... прошу не оставлять совѣтами по старому". 22-го января 1869 г., когда въ первый разъ производилось предварительное слѣдствіе, отецъ Караганова пишетъ къ нему: „Конечно, я нисколько не радъ извѣстію о дѣлѣ по Бѣляевскому наслѣдству, по которому такъ безвинно считаютъ тебя лицемъ, принимавшимъ участіе. Прошу обо всемъ и обо всемъ писать". Въ 1866 г. Карагановъ является на службѣ въ Ставрополѣ. 1-го октября 1866 г. онъ уже изъ Москвы пишетъ отцу, что хотѣлъ бы пріѣхать въ Петербургъ, но боится попрековъ и выговоровъ за пріѣздъ безъ разрѣшенія. Затѣмъ, онъ отправляется въ Новочеркаскъ, на заводъ, гдѣ управляющій поручаетъ ему мѣстный надзоръ, хотя не имѣетъ на это распоряженія Мясникова. Затѣмъ, Карагановъ опять на Кавка-

зѣ, откуда пишетъ дѣловыя письма. Письма эти за 1867, 1868 и 1869 года, показываютъ, что онъ имѣлъ непосредственныя спошенія съ Мясниковымъ; но они носятъ чисто дѣловой характеръ, ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ писемъ служащихъ къ хозяевамъ. Желаніе быть переведеннымъ въ Козьмодемьянскъ у Караганова является ранѣе; оно выражено въ письмѣ отъ 23-го августа 1867 г. Видно также, что никто не понуждалъ Караганова не ѣхать. Въ письмѣ 17-го октября 1866 г. онъ совѣтуется съ отцемъ — ѣхать, или не ѣхать въ Ставрополь; слѣдовательно, отъ него зависѣлъ выборъ. Изъ писемъ видно, что онъ заботится о дѣлахъ хозяина. Такъ въ январѣ 1867 г. онъ пишетъ письмо къ А. К. Мясникову, о возможности устроить винокуренный заводъ. Затѣмъ возникаетъ дѣло о завѣщаніи. Странность въ образѣ дѣйствій Караганова уже существуетъ въ это время. Въ мартѣ 1868 г., управляющій Ставропольскимъ заводомъ Мясникова пишетъ Кошелькову: „Здоровье Караганова не цвѣтущее, припадки сильной меланхоліи, и (какъ выражено весьма характеристически) „въ головѣ не все дома". Затѣмъ, 6-го іюня 1868 г., Кошельковъ пишетъ изъ Владикавказа письмо Мясникову: „Карагановъ занимается неудовлетворительно; за дѣло ваше съ нимъ поговорилъ крупно. Если онъ сознаетъ взысканіе несправедливымъ, то, значитъ, не съ здоровою головою". Это письмо написано за мѣсяцъ до начатія предварительнаго слѣдствія въ Петербургѣ. 4-го апрѣля 1868 г. Карагановъ пишетъ изъ Ставрополя письмо, въ которомъ, во вниманіе къ 14-ти-лѣтней службѣ и разъѣздамъ, проситъ о прибавкѣ содержанія. Наконецъ, начинается предварительное слѣдствіе по настоящему дѣлу. Карагановъ допрошенъ 20-го августа. Еще ранѣе 8 августа онъ пишетъ письмо, въ которомъ говоритъ, что требованіе къ судебному слѣдователю ввело его въ недоумѣніе, потому что ни у него, ни у отца нѣтъ никакихъ тяжебныхъ дѣлъ. Затѣмъ Карагановъ уѣзжаетъ изъ Ставрополя. Телеграммы, которыя отчасти были прочитаны г. прокуроромъ,

показываютъ, что отъѣздъ Караганова былъ неожиданностью для его начальника, Кошелькова, который не зналъ, куда онъ поѣхалъ. Есть телеграмма Жукова, отъ 22-го октября, которая показываетъ, что ожидали пріѣзда Караганова на заводъ. Изъ телеграммъ, относящихся къ этому періоду времени, замѣчательна одна, телеграмма отъ 27-го октября 1868 г., отъ Кошелькова къ Мясникову, которая заключаетъ въ себѣ слова: „Высказано все; надобно быть спокойнымъ въ преданности".

„Я обращу ваше вниманіе на то, что телеграмма эта заключается изъ двухъ частей. 1-я часть: „Высказано все. Надо быть спокойнымъ въ преданности". 2-я часть: „Карагановъ въ Ростовѣ, просится въ отпускъ въ Козмодемьянскъ". Связь между 1-й и 2-й частью телеграммы остается доказать. Телеграмма послана изъ Ставрополя, между тѣмъ, какъ Карагановъ былъ въ Ростовѣ, слѣдовательно, рѣчь о преданности могла относится къ другому лицу. Есть далѣе депеша, отъ 7-го ноября, чтобы Карагановъ дожидался Кошелькова въ Ростовѣ; слѣдовательно, въ промежутокъ времени между двумя телеграммами, отъ 11 октября и 7 ноября, когда послѣдовала телеграмма 27-го октября, не слѣдили за Карагановымъ. Есть отвѣтъ отъ 29-го октября отъ Мясникова, въ которомъ сказано, что Карагановъ можетъ позже ѣхать въ Козмодемьянскъ, но теперь еще нѣтъ. Затѣмъ, какимъ образомъ Карагановъ велъ себя въ Ростовѣ, какія буйства совершалъ тамъ — извѣстно изъ письма Цыпина. Изъ Ростова Карагановъ, впрочемъ, пишетъ въ это время письма и дѣловыя бумаги; онъ недоумѣваетъ, почему Кошельковъ задерживаетъ его въ Ростовѣ, затѣмъ изъ письма отъ 14 ноября 1868 г. къ А. К. Мясникову видно, что Карагановъ задержанъ Кошельковымъ въ Ростовѣ для объясненій по дѣламъ службы. Потомъ, въ ноябрѣ и декабрѣ 1868 г. Карагановъ, отчасти въ телеграммахъ, отчасти въ письмахъ, сообщаетъ свѣдѣнія о дѣлахъ и цѣнахъ. Къ декабрю 1868 года относится депеша Кошелькова къ Мясникову, въ которой сказано,

что Караганову было поручено вести переговоры съ какимъ-то казакомъ; изъ этого видно, что онъ занимался дѣлами. 27 ноября 1868 года Карагановъ пишетъ Кошелькову, что наблюдаетъ за транспортомъ. 1-го января 1869 года онъ пишетъ почтительное письмо къ А. К. Мясникову, представленное мною вчера. Затѣмъ, 29 марта 1869 года, предъ отъѣздомъ на заводъ, посылаетъ опять дѣловую телеграмму, въ которой говоритъ о цѣнахъ, транспортѣ и еще о своихъ занятіяхъ. Въ апрѣлѣ онъ ѣдетъ въ Воронежъ, потомъ на заводъ, верстъ за 100 отъ Воронежа, въ октябрѣ пишетъ изъ Воронежа; слѣдовательно, онъ съ завода отлучился.

Указавъ затѣмъ еще на нѣсколько писемъ и телеграммъ, изъ которыхъ г. защитникъ почерпаетъ тѣ же свѣдѣнія о характерѣ отношеній Караганова къ Мясниковымъ, онъ продолжаетъ: „Имѣющаяся въ дѣлѣ переписка бросаетъ свѣтъ и на отношенія Караганова къ женѣ. Отецъ совѣтуетъ ему относиться къ женѣ съ благоразумною умѣренностью и давать ей денегъ. Самъ Карагановъ постоянно заботится, чтобъ не оставить жену безъ средствъ, проситъ, чтобы ей выдавали деньги, безпокоится о томъ, получила ли ихъ жена, предъ самымъ арестованіемъ подтверждаетъ свое прежнее распоряженіе, чтобы жена получала отъ него 25 р. въ мѣсяцъ. Въ заключеніе считаю нужнымъ замѣтить, противъ заявленія г. прокурора, что требованія жалованья относятся ко времени, когда Карагановъ жилъ въ Ростовѣ и кутилъ, квартирныя и разъѣздныя деньги ему отпускались не въ то время, когда онъ жилъ на подгорномъ заводѣ, но когда былъ въ разъѣздахъ.

Повѣр. гражд. истц. прис. пов. Остряковъ, объяснилъ, что 24-го октября 1867 года и 8-го февраля 1868 года, Кошельковъ, между прочимъ, обратилъ вниманіе на нѣкоторые странные поступки Караганова, изъ которыхъ г. Арсеньевъ выводитъ, какъ будто, заключеніе о нѣкоторомъ ненормальномъ состояніи Караганова, но самъ при этомъ замѣчаетъ, что Карагановъ въ это время

пишетъ дѣловыя письма хозяину, и представилъ такое письмо изъ Ростова, т. е. изъ мѣста, гдѣ совершались дикіе поступки Караганова. Но изъ письма 1-го января 1869 года видно, между прочимъ, что для наблюденія за транспортомъ отправленъ ревизоръ Цынинъ, хотя эту обязанность охотно принималъ на себя Карагановъ. Этотъ Цынинъ въ письмѣ отъ 24 февраля 1869 года очень рѣзко отзывается о Карагановѣ, говоря, что опасается какого-нибудь криминальнаго отъ него поступка, что Карагановъ не просто больной человѣкъ, но озлобленный и съ большимъ запасомъ физической силы.

Прокуроръ просилъ присяжныхъ засѣдателей припомнить, что изъ прочитаннаго 17-го февраля показанія Кошелькова видно, что онъ съ глазу на глазъ, по желанію Мясникова, поговорилъ съ Карагановымъ о допросѣ, сдѣланномъ ему. Затѣмъ послѣднее письмо Караганова отъ 23 апрѣля 1870 г. не только дѣловое и почтительное, но весьма серьезное, дѣльное, написано прекраснымъ языкомъ. Еще въ дѣлѣ есть росписка, изъ которой видно, что въ 1855 году Карагановъ, когда ѣхалъ въ городъ Нижній-Ломовъ, получилъ 25 р. отъ своего двоюроднаго брата Красильникова, и кусокъ сукна и за это обязывается заплатить 50 руб.

Г. Арсеньевъ отвѣчалъ, что заявленіе повѣреннаго гражданскаго истца основано на ошибкѣ; онъ, г. Арсеньевъ, не говорилъ о письмѣ Цынина, не говорилъ о періодѣ времени, къ которому оно относится, указывалъ только на письма ревизора Добрынина въ августѣ 1868 года и Кошелькова въ іюнѣ 1868 года.

Повѣр. гражд. истц. д-ръ пр. Лохвицкій заявилъ, что странности, которыя позволялъ себѣ Карагановъ въ Ростовѣ, не показываютъ умственнаго разстройства; такъ, напримѣръ, Карагановъ пришелъ въ театръ и далъ свою палку въ залогъ, потому что не имѣлъ денегъ. Выходя, онъ сказалъ капельдинеру: „отдай палку“, и капельдинеръ отдалъ ему палку, потому что впустилъ его помимо кассы.

Затѣмъ было приступлено къ допросу свидѣтелей.

Купецъ Ижболдинъ. Когда Надежда Васильевна Мартьянова получила извѣстіе, что ея родной братъ, Козьма Васильевичъ Бѣляевъ и сынъ Иванъ Николаевичъ скоропостижно померли въ С.-Петербургѣ, выдала мнѣ довѣренность и я отправился въ Петербургъ за полученіемъ ея наслѣдства. Прибывъ въ Петербургъ, я обратился къ моему очень хорошему знакомому, Федору Карловичу Кемпе и показалъ ему довѣренность. Онъ прочитавъ, сказалъ: „Боже мой! все дѣлалось при мнѣ. Духовное завѣщаніе фальшивое, сохранная росписка также фальшивая. Я говорю вамъ, что гг. Мясниковы заплатятъ за это много. Вы приходите ко мнѣ утромъ". Я на другой день отправился къ нему; потомъ онъ былъ у меня. Впослѣдствіи я узналъ, что и его просили подписывать завѣщаніе. Послѣ этого я обратился къ другому знакомому—Гонину. Онъ сказалъ положительно: „духовное завѣщаніе фальшивое"; вслѣдствіе этого я отправился прямо къ Екатеринѣ Васильевнѣ Бѣляевой. Она встрѣтила меня очень ласково; мы переговорили; она напоила меня кофе. Долго очень мы съ нею говорили и она объяснила мнѣ: „меня племянники ограбили. Обратитесь вы къ Александру Константиновичу". Въ тотъ же день я отправился къ А. К. Мясникову. Прихожу къ нему. У него былъ комиссіонеръ его Евреиновъ. Я объяснилъ Александру Константиновичу, что имѣю довѣренность отъ Надежды Васильевны Мартьяновой; но онъ не прочиталъ ее, не обратилъ вниманія и сказалъ: „поговорите съ Евреиновымъ". Тотъ увелъ меня въ другую комнату. Я ему объяснилъ, что, на сколько мнѣ извѣстно, завѣщаніе подложно. Онъ маленько сконфузился. Послѣ того я, наконецъ, подалъ въ гражданскую палату просьбу. Когда дѣло началось, первымъ долгомъ Александръ Константиновичъ посылаетъ за мною Гонина. Гонинъ мнѣ говоритъ: „не хотите ли покончить мировою?" — Съ величайшимъ удовольствіемъ, когда угодно, хотите сейчасъ?—„Нѣтъ, теперь неудобно; если угодно, завтра". На другой день утромъ я

вмѣстѣ съ Гонинымъ отправился къ Александру Константиновичу. Онъ меня вѣжливо принялъ, посадилъ. Потолковали. Онъ спрашиваетъ меня: „хотите ли покончить миромъ?“—Съ величайшимъ удовольствіемъ!—„Сколько возьмете за это дѣло?“—Если угодно, Александръ Константиновичъ, 100,000 я возьму. — „Помилуйте, какъ можно! я полагалъ 5,000 — 10,000, это дѣло другаго рода“.—Я сказалъ: какъ же это можно! у Козьмы Васильевича остался не одинъ милліонъ капитала; какъ же это возможно, чтобы я взялъ такіе пустяки?—Онъ началъ меня уговаривать: „Если угодно, дамъ мѣсто на золотыхъ пріискахъ, 2,000 руб. жалованья“. — Я говорю на это: Александръ Константиновичъ, это дѣло другое. Мы сперва покончимъ это дѣло, потомъ можно будетъ поступить къ вамъ. Тѣмъ кончилось. На другой день является тотъ же Гонинъ и говоритъ: „если угодно вамъ взять 30,000 р.—Александръ Константиновичъ согласенъ, съ тѣмъ, чтобы вы въ 24 часа уѣхали изъ Петербурга“.—Я сказалъ, что не согласенъ. Если угодно — 100,000. Такъ и не сошлись. Послѣ того я былъ у священника Сицилинскаго болѣе десяти разъ. Помню какъ сейчасъ, Сицилинскій сказалъ: — „Я съѣзжу къ Александру Константиновичу, надѣюсь его увидѣть, дня черезъ два или три, дамъ отвѣтъ“. Повидавшись съ Мясниковымъ, Сицилинскій, между прочимъ, сказалъ мнѣ, что онъ, сколько не убѣждалъ Александра Константиновича, не могъ уговорить его, но что еще надѣется. „Съѣзжу еще къ Екатеринѣ Васильевнѣ. Я вполнѣ убѣжденъ, что она кончитъ съ вами дѣло“. Однако на другой или на третій день, пріѣзжаетъ онъ ко мнѣ и говоритъ: „нѣтъ, ничего не могу сдѣлать“. Тѣмъ и кончилось.

(На вопросы прокурора). Я изъ фактовъ узналъ положительно, что духовное завѣщаніе фальшивое, поэтому и обратился къ священнику и сказалъ прямо: завѣщаніе писано послѣ смерти Козьмы Васильевича. Онъ мнѣ ничего не отвѣчалъ, обѣщалъ содѣйствовать. Я хотѣлъ покончить дѣло миромъ и думалъ, что и для него лучше, чтобы дѣло пре-

кратилось. Столоначальникъ гражданской палаты Гавриловъ спрашивалъ меня: — „не хотите ли покончить это дѣло миромъ? У меня сегодня будутъ Гонинъ и Вильбасовъ“. Но въ то время дѣло въ палатѣ уже очень хорошо пошло. Вслѣдствіе этого я положительно не изъявилъ желанія мириться, и повелъ дѣло дальше. Когда велись переговоры о мировой, я просилъ сначала 100,000, а впослѣдствіи 500,000, потому что тогда факты уже положительно начали разъясняться. Сначала былъ у меня повѣреннымъ Юргенсъ, потомъ Борзаковскій, затѣмъ Сысоевъ, Германъ. Я встрѣтился съ Карагановымъ, и прямо сказалъ, что завѣщаніе фальшивое. Онъ промолчалъ. Я впослѣдствіи узналъ отъ его двоюроднаго брата Красильникова, что Карагановъ подписалъ завѣщаніе.

(На вопросы защитника А. Мясникова). Кемпе мнѣ разсказывалъ, что Иванъ Константиновичъ показывалъ ему сохранную росписку на 272,000 руб., на простой бумагѣ, и что онъ, Кемпе, замѣтилъ Мясникову:—„помилуйте, пожалѣли листа гербовой бумаги; Целебровскій бы написалъ“. Кемпе положительно мнѣ сказалъ, что эта самая росписка фальшивая. Онъ также, не помню почему, но положительно сказалъ, что Карагановъ подписалъ завѣщаніе—потому что онъ самый близкій человѣкъ, и что были докторъ и священникъ; что докторъ Отто прекрасный человѣкъ, но такую глупость сдѣлалъ, подписался подъ фальшивымъ духовнымъ завѣщаніемъ. При этомъ разговорѣ была мать Кемпе; можетъ быть она и выходила изъ комнаты. Теперь не могу припомнить, сколько, по этому дѣлу, у меня было повѣренныхъ—десять человѣкъ, если не больше.

Подсудимый А. К. Мясниковъ объяснилъ, что Ижболдинъ одинъ разъ явился съ просьбою окончить дѣло миромъ, но онъ, Мясниковъ, никакого отвѣта не далъ и никакихъ разговоровъ объ окончаніи дѣла не имѣлъ.

Присяжный повѣренный Арсеньевъ заявилъ, что въ показаніи Ижболдина на предварительномъ слѣдствіи, въ пер-

воначальномъ показаніи, нѣтъ ничего о переговорахъ съ Мясниковымъ.

Прокуроръ. Прошу обратить вниманіе на то, что Ижболдинъ пріѣхалъ въ Петербургъ изъ глухой провинціи, пріѣхалъ съ полною надеждою, покончить дѣло миромъ; что онъ человѣкъ торговый, не занимавшійся тяжебными дѣлами и что у него, по собственному показанію, было до десяти повѣренныхъ.

Предс. подтвердилъ заявленіе прис. повѣр. Арсеньева. Затѣмъ было прочитано духовное завѣщаніе Надежды Мартьяновой.

Прис. повѣр. Языковъ просилъ прис. засѣдателей, обратить вниманіе на-тѣ слова завѣщанія, которыми искъ переданъ въ полную собственность гражданскаго истца, и на заключительныя слова завѣщанія, на основаніи которыхъ завѣщаніе никакой отмѣнѣ подлежать не можетъ, и наконецъ на то, что это завѣщаніе писано 24 сентября 1861 года. Когда, затѣмъ, было прочитано условіе, заключенное въ 1860 году между Ижболдинымъ и Баревскимъ, г. *Языковъ* заявилъ, что по смыслу этого условія, Ижболдинъ получилъ 2,000 р. сполна, что по этому документу собственникомъ половины наслѣдства является нѣкто Баревскій и что въ 1860 году цѣнность наслѣдства Бѣляева опредѣлялась въ 2,000 руб. и даже въ этомъ договорѣ указывалось на послѣдствія, которыя могли быть, еслибы наслѣдство не простиралось на двѣ тысячи рублей.

Повѣр. гражд. истц. Остряковъ заявилъ, что это условіе вскорѣ послѣ его заключенія, было уничтожено со всѣми послѣдствіями.

Г. Арсеньевъ, указалъ на два письма Мартьяновой къ Ижболдину. Въ первомъ изъ нихъ Мартьянова говоритъ о недостаткѣ денегъ, и проситъ о присылкѣ ихъ. Приписка къ этому письму выражаетъ обѣщаніе, безъ совѣта ничего не дѣлать. Во второмъ письмѣ заключается просьба, чтобы ду-

ховное завѣщаніе было написано самимъ Ижболдинымъ и прислано вмѣстѣ съ деньгами.

Свидѣтельница Ижболдина, жена свидѣтеля *(давала показанія весьма тихимъ голосомъ и невнятно)*, объяснила, что лично слышала о фальшивости завѣщанія отъ купца Красильникова, Штеммера, вдовы Бѣляева, чиновника Матвѣева и бывшаго камердинера Бѣляева, Китаева. Красильниковъ говорилъ также о подложности сохранной росписки.

Свид. купецъ Красильниковъ. Въ 1858 г. я видѣлъ Бѣляева въ послѣдній разъ 24 августа, и того же числа уѣхалъ въ Воронежъ. Возвратясь оттуда, 23 или 24 сентября, я опять заѣхалъ къ Бѣляеву и не былъ принятъ, а черезъ 2 или 3 часа получилъ записку отъ Караганова о томъ, что Козьма Васильевичъ скончался. Когда были похороны и проводили тѣло, Воронинъ сказалъ: „Странное дѣло, что покойникъ не оставилъ завѣщанія“. Возвратясь съ похоронъ, я видѣлъ старшаго конторщика Шмелева, который былъ женатъ на воспитанницѣ Бѣляева; онъ мнѣ сказалъ: „вотъ, женили, а имѣнія не отказали, духовнаго завѣщанія не осталось“. Я былъ съ Бѣляевымъ участникомъ въ откупахъ, въ Олонецкой губерніи. Для того, чтобы мое имѣніе не пропало, я поѣхалъ къ Екатеринѣ Васильевнѣ, спросить, какъ поступить? — Бенардаки хотятъ принять откупъ. Она говоритъ: „что же мнѣ дѣлать? ничего сама не знаю“.—Я спрашиваю: что завѣщаніе есть? — Отвѣчаетъ: „нѣтъ“. Затѣмъ, дня черезъ два или три, я былъ у г. Мясникова. Долго мы говорили о смерти Козьмы Васильевича, и, наконецъ, онъ меня просилъ подписаться подъ двумя бумагами, говоря: „Александръ Федоровичъ, потрудитесь подписать. Одна бумага условіе, въ которомъ сказано, что Козьма Васильевъ Бѣляевъ перечисляетъ намъ всѣ откупа, въ томъ числѣ Олонецкій, и что деньги получилъ сполна...“ (Я вижу, что бумага эта подписана: Козьма Бѣляевъ). „Другая бумага — сохранная росписка въ 278,000“ (или 276,000 тоже подписана: Козьма Бѣляевъ). Росписка была на имя Александра и Ивана Мясни-

ковыхъ; при этомъ находился свидѣтель, коллежскій ассесоръ Макаръ Целебровскій. Отъ подписи я отказался, потому что хорошо зналъ Бѣляева, зналъ и его привычки. Обо всемъ этомъ я сообщилъ полковнику Ракѣеву. 6 февраля 1859 г. пріѣхалъ Каменскій и разсказалъ мнѣ, что сдѣлалъ съ Екатериною Васильевною Мясниковъ — не далъ даже сохранной росписки, только показалъ; она же отдала ему не только наслѣдство Козьмы Васильевича, но и свое имѣніе. Я разсказалъ ему, что Александръ Константиновичъ и Целебровскій просили меня подписать завѣщаніе и что подпись есть на духовномъ завѣщаніи. Затѣмъ, я отправился къ Мезенцову на квартиру и ему сообщилъ обо всемъ. Онъ мнѣ приказалъ явиться черезъ три дня. Когда я явился, онъ сказалъ, что докладывалъ шефу жандармовъ. Потомъ я отправился прямо къ Бѣляевой. Она меня отправила къ А. Мясникову, съ которымъ я разошелся по олонецкимъ откупамъ и доставилъ ему слѣдовавшія деньги. Затѣмъ, въ 1859 г., въ концѣ, я былъ опять у Бѣляевой и разсказалъ ей то, что мнѣ говорилъ Каменскій. Она подтвердила слова Каменскаго. Въ 1859 г., въ іюнѣ, я былъ на дачѣ у Бѣляевой. Матвѣевъ, домашній человѣкъ Мясникова, былъ тамъ же, и говорилъ, что завѣщаніе подписалъ Карагановъ. Такъ какъ Карагановъ мнѣ родственникъ и прежде часто ходилъ ко мнѣ, то я пошелъ къ нему, чтобы узнать, правда ли то, что я слышалъ, но мнѣ сообщили, что Карагановъ женился и уѣхалъ. Матвѣевъ, между прочимъ, разсказалъ о смерти К. В. Бѣляева, что въ день его смерти А. К. Мясниковъ отдалъ ему пакетъ, чтобы Матвѣевъ положилъ его въ спальню подъ подушку. Карагановъ я не видалъ до 1865 г. Въ 1865 г., въ іюнѣ, я встрѣтился съ нимъ на дачѣ, что меня очень удивило. Пошли вмѣстѣ гулять, разговорились, и я спросилъ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ?—„Надо мнѣ мѣсто пріискать“.—Ступай къ А. Мясникову,—дадутъ мѣсто.—„Чтобы ни было, къ Мясникову не пойду, печальнаго съ нимъ уже много сдѣлалъ“. Я сталъ его спрашивать, говорю ему: Мы съ тобою родственники,

вдругъ ты пересталъ ко мнѣ ходить, женился и уѣхалъ, ничего не сказавши. — Онъ сказалъ на это: „Александръ Константиновичъ запретилъ къ вамъ ходить, боялся, чтобы я не проговорился". — Да что же такое? — „Да вы все знаете". — Въ чемъ же дѣло? — „Мы сфабриковали духовное завѣщаніе". Въ томъ же 1865 г., онъ опредѣлился ко мнѣ на службу. Въ концѣ 1865 г. онъ чего-то безпрерывно боялся; разъ я пригласилъ Ижболдина и его обѣдать. Онъ былъ грустенъ. Я его спросилъ: что съ тобой? — Онъ отвѣчалъ: „это все насчетъ проклятаго духовнаго завѣщанія. Знаете что, Александръ Федоровичъ, переговорите съ Иваномъ Александровичемъ (Ижболдинымъ), я бы ему сообщилъ свѣдѣнія; Мясниковы съ нимъ покончатъ миромъ. Лишь бы меня не путали, потому что я, рѣшительно, не причемъ. Я разскажу ему все, но чтобы была для меня гарантія, чтобы мнѣ не попасться".—Я сказалъ: потрудитесь сами передать. Карагановъ долго послѣ того у меня служилъ, а впослѣдствіи уѣхалъ и поступилъ, какъ я слышалъ, опять къ Мясникову.

(На вопросы прокурора). Бѣляевъ большею частью бумаги писалъ своею рукою и, кромѣ того, во всѣхъ дѣловыхъ бумагахъ онъ подписывался: „фридрихсгамскій первостатейный купецъ Козьма Васильевъ Бѣляевъ", и такъ какъ я служилъ у него 14 лѣтъ, потомъ былъ компаньономъ, то помню у него такую особенность: ни одной бумаги онъ не подписывалъ безъ того, чтобы точку не поставить. Даже содержаніе завѣщанія показываетъ, что его писалъ человѣкъ, совершенно незнакомый съ откупными дѣлами.

(На вопросы защитниковъ). Состояніе Бѣляева могло простираться до 3 милліоновъ. Кандидатъ правъ Серебряный, въ моемъ присутствіи, предлагалъ Ижболдину, кажется, 12 или 15,000, чтобы покончить это дѣло, — онъ говорилъ: „иначе можете ничего не получить, скорѣй берите деньги".

(На вопросы повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ). У Бѣляева, въ каждой конторѣ, было свое счетоводство, въ Петербургѣ была главная контора; большую часть главныхъ

счетовъ составлялъ самъ Бѣляевъ. Годовые балансы сводилъ самъ. У него въ распоряженіи было иногда конторъ до 40.

(На вопросы прокурора). Послѣ смерти Бѣляева, на 2-й или 3-й день, я пріѣхалъ домой въ 9 часовъ, засталъ Караганова у себя въ кабинетѣ. Онъ писалъ на листѣ бумаги: „Козьма Бѣляевъ“ съ росчеркомъ; такихъ подписей было нѣсколько; нѣкоторыя буквы очень сходны; когда онъ пишетъ прямо, почеркъ его похожъ на Бѣляевскій. Въ 1868 г., на Пасхѣ, я поѣхалъ къ Е. В. Бѣляевой; между прочимъ, въ разговорахъ она жаловалась на Мясниковыхъ, говоря: „обокрали, подвели!“

(На вопросы защитниковъ). Въ 1859 году Бѣляева просила меня съѣздить къ Чевакинскому, который мнѣ сказалъ: „вы знакомы съ Ижболдинымъ; нельзя ли устроить, чтобы дѣйствовать вмѣстѣ. Мясниковы, вмѣсто благодарности, начали съ Бѣляевой процессъ. Если Ижболдинъ дастъ обязательство въ томъ, что не будетъ привлекать къ дѣлу Екатерину Васильевну, она представитъ завѣщаніе и скажетъ, что время убѣдило ее въ недѣйствительности подписей на завѣщаніи“.

Подс. А. Мясниковъ (на вопросы предсѣдателя). Послѣ смерти Бѣляева, я имѣлъ повѣреннымъ Бильбасова по одному дѣлу, которое производилось въ сенатѣ. Дѣло о наслѣдствѣ послѣ Бѣляева велъ тогда Серебряный. Бильбасовъ не былъ повѣреннымъ по этому дѣлу.

Свид. генералъ Ракѣевъ показалъ, что однажды явился къ нему господинъ, котораго фамилію онъ забылъ, и сказалъ, что пріѣхалъ розыскать наслѣдство, оставшееся послѣ Бѣляева, но узналъ, что, будто бы, составили подложное духовное завѣщаніе, и просилъ, чтобы свидѣтель доложилъ объ этомъ шефу жандармовъ. По докладѣ объ этомъ, кн. Долгоруковъ сказалъ, что это не наше дѣло. Если есть какія нибудь основанія оспаривать подлинность завѣщанія, пускай обращаются куда слѣдуетъ по закону. *(На вопросы за-*

щитниковъ). Красильниковъ бывалъ по другимъ дѣламъ, сказалъ только, что знаетъ объ этомъ дѣлѣ по слухамъ. Онъ никогда не говорилъ, чтобы Мясниковъ предлагалъ ему, по смерти Бѣляева, подписать какую нибудь бумагу.

Была дана очная ставка свид. Ракѣеву съ свид. Красильниковымъ.

Свид. Ракѣевъ заявилъ, что не можетъ отвергать, что у Красильникова больше не было никакихъ дѣлъ въ III отдѣленіи, кромѣ сообщенія свѣдѣній, полученныхъ имъ отъ Кемпе и Каменскаго. Красильникова свид. Ракѣевъ по фамиліи зналъ гораздо прежде.

Вслѣдствіе просьбы *защитника А. Мясникова* о разъясненіи обстоятельства, о подложномъ составленіи Карагановымъ бланковъ, отъ имени Бѣляева, *судъ*, принимая въ соображеніе, что Карагановъ преданъ суду по обвиненію въ подложномъ составленіи завѣщанія, а не по другимъ обвиненіямъ, нашелъ, что это обстоятельство не относится къ дѣлу.

Прокуроръ. Въ числѣ доказательствъ, служащихъ для разъясненія дѣла, могутъ быть весьма полезны свидѣтельскія показанія лицъ, которыя не были розысканы, или о которыхъ не было своевременно извѣстно. Показанія такого рода лицъ, должны быть разсматриваемы за новыя доказательства. Судебная практика допускала случаи допроса свидѣтелей, на которыхъ указывали стороны лишь во время судебнаго слѣдствія (дѣло Цаплина въ московскомъ окружн. судѣ и дѣло Карицкаго и Дмитріевой въ рязанскомъ судѣ). До свѣдѣнія моего дошло, что въ Петербургѣ есть свидѣтель, находящійся въ настоящее время въ зданіи суда, оберъ-секретарь 1-го департамента сената Жоховъ, которому извѣстны нѣкоторыя обстоятельства, могущія послужить къ разъясненію отношеній Сицилинскаго къ Мясникову, такъ какъ его родная сестра замужемъ за сыномъ Сицилинскаго. Эти родственныя отношенія г. Жохова не могутъ давать повода заподозрить его въ пристрастіи; показаніе же его относится къ такимъ обстоятельствамъ, которыя едва ли требуютъ под-

готовки со стороны защиты. Вслѣдствіе этого я просилъ бы допросить этого свидѣтеля, и, если судъ допуститъ его, то допросить немедленно, такъ какъ Жоховъ, по своимъ служебнымъ обязанностямъ, не можетъ долго оставаться въ судѣ.

Прис. пов. Арсеньевъ заявилъ, что немедленный допросъ Жохова былъ бы не согласенъ съ 577 ст. уст. уголовн. судопр.

Судъ постановилъ: по доставленіи свѣдѣній, относительно имени, отчества и фамиліи свидѣтеля, указаннаго прокуроромъ, сообщить эти свѣдѣнія противной сторонѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлать распоряженіе, относительно приглашенія свидѣтеля въ засѣданіе.

Свид. Ермолинскій показалъ, что зналъ доктора Отто около трехъ лѣтъ, какъ человѣка самаго честнаго. Зная, что Отто подписался свидѣтелемъ на завѣщаніи, Ермолинскій спрашивалъ его по поводу слуховъ о подложности завѣщанія. Отто съ отвращеніемъ сказалъ, что это клевета, ложь, что подлога не было. Чиновникъ Матвѣевъ пилъ сильно. Кемпе промоталъ или растратилъ какія-то деньги, вслѣдствіе чего между нимъ и Мясниковыми были какія-то разсчеты, которые окончились, кажется, непріятно для Кемпе. Отто не говорилъ, что подписалъ завѣщаніе при жизни Бѣляева. Свидѣтель познакомился съ Отто въ домѣ у Мясниковыхъ.

Подс. А. Мясниковъ заявилъ, что Кемпе былъ уволенъ за растрату; его не преслѣдовали по этому дѣлу.

Свид. Ненюковъ показалъ, что Бѣляевъ былъ сначала прикащикомъ у Н. Ф. Мясникова, потомъ участникомъ въ его дѣлахъ. Мясниковы получили отъ дѣда $3^1/_2$ милліона. Ненюковъ не слышалъ о завѣщаніи Бѣляева, во время похоронаго обѣда, затѣмъ въ теченіи 6 недѣль бывалъ у вдовы его, и ничего не слышалъ отъ нея о завѣщаніи. Свидѣтель часто бывалъ у покойнаго Бѣляева. За 2 или за 3 года до смерти, Бѣляевъ говорилъ ему, что потерпѣлъ большіе убытки по содержанію псковскаго откупа и по лѣсной торговлѣ

и раззорился. Въ послѣднее время Бѣляевъ занималъ у Непюкова по 2 и по 3 тысячи рублей. У Бѣляева было не болѣе 100,000 капитала.

Г. Лохвицкій заявилъ, что на предварительномъ слѣдствіи Непюковъ показывалъ, что на похоронахъ Бѣляева встрѣтился съ Ворониным̀ъ, съ которым̀ъ говорилъ, что послѣ смерти Бѣляева, вѣроятно, остался большой капиталъ.

Свид. Мыльниковъ показалъ, что онъ слышалъ отъ своего кума Кемпе, что завѣщаніе можетъ быть недѣйствительно, потому что Мясниковъ показывалъ ему сохранную роспись на 300,000, Онъ сомнѣвался въ подлинности завѣщанія еще потому, что оно не было тотчасъ послѣ смерти Бѣляева предъявлено.

Прис. повѣр. Арсеньевъ заявилъ, что въ прежнемъ показаніи Мыльникова ничего не говорится о сохранной роспискѣ, но, по словамъ Мыльникова, Кемпе основывалъ свое сомнѣніе на томъ, что ничего не слышалъ о завѣщаніи отъ самаго Бѣляева, и что другимъ наслѣдникамъ ничего не оставлено.

Предс. объяснилъ присяжнымъ засѣдателямъ, что на предварительномъ слѣдствіи Мыльниковъ показывалъ, что когда Кемпе сообщалъ ему о своемъ сомнѣніи въ подлинности завѣщанія, тогда основывался, между прочимъ, на томъ, что другимъ наслѣдникамъ ничего не оставлено.

Г. Лохвицкій замѣтилъ, что г. Арсеньевъ дѣлаетъ свои заявленія по печатной книжкѣ, о которой другимъ сторонамъ неизвѣстно, и просилъ разъяснить, что это за матеріалъ.

Г. Арсеньевъ объяснилъ, что эта книжка заключаетъ въ себѣ перепечатанные протоколы предварительнаго слѣдствія и въ продажу не поступала. *Судъ* нашелъ, что защита можетъ употреблять для провѣрки свидѣтельскихъ показаній тѣ средства, которыя сочтетъ удобными.

Затѣмъ приступлено было къ допросу *свид. полковника Федора Иванова*. Свидѣтель этотъ, послѣ того, какъ сталъ давать объясненія, по вопросамъ предс. и защиты, вдругъ

почувствовалъ себя дурно и со словами: „извините, не могу“, упалъ на полъ. По освидѣтельствованіи его немедленно явившимся медикомъ, онъ оказался мертвымъ. Онъ умеръ, повидимому, отъ апоплексическаго удара, что и было подтверждено результатами вскрытія его тѣла, произведеннаго, по требованію прокурорскаго надзора, 20 февраля. Грустное это событіе произвело потрясающее впечатлѣніе не только на очевидцевъ, но и на все общество. Показаніе, данное этимъ свидѣтелемъ, заключается въ слѣдующемъ:

Въ 1858 году г. Ивановъ старался окончить разсчеты между нимъ и купцомъ Красильниковымъ, который объявилъ ему, что долженъ получить съ Мясникова большой капиталъ. На вопросъ: почему?—Красильниковъ отвѣчалъ, что отъ него лично зависитъ сослать Мясникова въ Сибирь, и затѣмъ разсказалъ о подлогѣ завѣщанія, причемъ хвалился своими связями съ полиціею, прибавляя, что нѣтъ ни одного дѣла, которое онъ, Красильниковъ, могъ бы проиграть. Затѣмъ онъ говорилъ, что многіе свидѣтели по дѣлу о завѣщаніи умерли, но это не мѣшаетъ ему представить сколько угодно свидѣтелей. Въ 1868 г. Ивановъ окончилъ всякія отношенія къ Красильникову, который потомъ былъ несостоякельнымъ. Ивановъ участвовалъ въ конкурсѣ, какъ кредиторъ. Предсѣдатель конкурса сказалъ Иванову: „Я вамъ совѣтую оставить его (Красильникова) въ покоѣ, вести дѣло съ Мясниковыми«. Въ конкурсѣ прямо заявлялось, что Красильниковъ ничего не можетъ заплатить, и что онъ заплатитъ изъ дѣла Мясникова. Конкурсъ кончился тѣмъ, что 10,000 заплатили кураторы. По большинству голосовъ было заключено, признать Красильникова злостнымъ банкротомъ. На рѣшеніе коммерческаго суда, состоявшееся по этому дѣлу, Иванову пришлось принести апелляціонную жалобу сенату. Ижболдинъ пріѣзжалъ къ нему на квартиру отъ Красильникова, и просилъ его, Иванова, потерпѣть, пока Красильниковъ заплатитъ изъ дѣла Мясниковыхъ. Ивану извѣстно, что у Мясникова на Красильниковѣ числились дома, но большая часть долговъ на Красильнико-

вѣ конкурсомъ была отвергнута; между прочимъ, было постановлено, что Мясниковъ долженъ Красильникову.

(Перерывъ засѣданія). По возвбновленіи засѣданія, въ 7 ч. вечера, гг. эксперты для сличенія почерковъ, возвратясь въ залу суда, прочли слѣдующіе, постановленные ими на вопросные пункты суда,вышеприведенные, отвѣты: *На 1-й вопр.* При первомъ взглядѣ на эту подпись, мы нашли, что сходство есть; но при внимательномъ разсмотрѣніи, эта подпись является сомнительною по слѣдующимъ основаніямъ: а) почеркъ руки Бѣляева на духовномъ завѣщаніи, при сравненіи его съ несомнѣнными документами, представляется крупнѣе; b) подпись на завѣщаніи подписана не свободною рукою и грубѣе; с) разсматривая буквы отдѣльно, мы нашли, что буквы писаны съ перерывомъ, наприм.: *к, а, з, ъ, ш, б, ъ, и, я, е*; d) буква *ъ* по своей формѣ совершенно отличается отъ той же буквы на всѣхъ несомнѣнныхъ подписяхъ Бѣляева. *На 2-й вопр.* Сходства между почеркомъ Караганова на письмахъ и подписью на духовномъ завѣщаніи нѣтъ; что же касается до подписей, сдѣланныхъ Караганосымъ у судебнаго слѣдователя, то можно предположить, что онъ способенъ подписать подъ руку купца Бѣляева. *На 3-й вопр.* Сходство есть, потому что писаны одной рукой. Хотя послѣднія 2 строки представляютъ разницу, но эта разница объясняется тѣмъ, что двѣ названныя строчки писаны другимъ перомъ и толще, а послѣднія тоньше, и другими чернилами. *На 4-й вопр.* Первыя 17 строкъ писаны сжато; затѣмъ, со втораго пункта, до слова „Целебровскій“, писано разгонисто, остальныя же слова и подпись „Такова моя воля“, писаны сжато, но не такъ, какъ начало.

Въ дополненіе къ прочитаннымъ отвѣтамъ, эксперты на вопросы прокурора добавили, что хотя въ подписи на завѣщаніи каждая черточка написана отдѣльно, такъ что видна рисовка, и притомъ не смѣлою рукою, тѣмъ не менѣе поддѣлка должна быть признана очень искусною. Относительно буквы *ъ* въ словѣ „Козьма“ эксперты объяснили, что Бѣ-

ляевъ писалъ ее сверху внизъ, а назавѣщаніи она написана снизу вверхъ. Присяжные просили дозволенія разсмотрѣть подписи черезъ лупу, къ чему стороны не встрѣтили препятствій.

Г. Арсеньевъ просилъ предъявить присяжнымъ нѣкоторыя подписи Бѣляева въ дѣлѣ дворянской опеки за 1855 годъ, гдѣ встрѣчаются подписи съ буквою ъ на концѣ и съ такимъ же росчеркомъ, какъ на завѣщаніи, а также имѣется нѣсколько подписей безъ точки.

Прокуроръ замѣтилъ, что эксперты не указывали на росчеркъ и на присутствіе точки какъ на характеристическіе признаки подписи Бѣляева, что въ дѣлѣ дѣйствительно встрѣчаются подписи, указанныя защитою, приводящія къ тому выводу, что признакъ этотъ далеко не существенный, а потому полагалъ излишнимъ предъявленіе сторонамъ указанныхъ документовъ.

Гг. Лохвицкій и Остряковъ, соглашаясь съ мнѣніемъ защитника А. Мясникова относительно росчерка Бѣляева, заявили, что документы съ отсутствіемъ точки въ подписи Бѣляева составляютъ чрезвычайно малое число въ сравненіи съ другими, на которыхъ поставлена точка, но такъ какъ вопросъ этотъ не играетъ большой роли, то они находятъ безполезнымъ его дальнѣйшее разъясненіе.

Прис. повтр. Арсеньевъ обратилъ вниманіе присяжныхъ на то. что кромѣ экспертизы, произведенной на судѣ, по настоящему дѣлу были четыре экспертизы: первая изъ нихъ нашла, что подпись на завѣщаніи совершенно подходитъ къ предъявленнымъ настоящимъ подписямъ Бѣляева и отличается только тѣмъ, что на завѣщаніи она нѣсколько крупнѣе. Нѣкоторые изъ экспертовъ при этомъ признали, что сходство большое, но назвать его совершеннымъ сходствомъ они не могутъ, потому что подъ этимъ послѣднимъ выраженіемъ разумѣется тожество, возможное только при снятіи подписи черезъ стекло. Результатъ второй экспертизы былъ тотъ, что подпись на завѣщаніи не имѣетъ сходства съ подписью Бѣ-

ляева, какъ по сравнительному разстоянію между буквами, такъ и по характеру нѣкоторыхъ изъ нихъ. Третья экспертиза признала что во многтхъ буквахъ сходство полное, въ другихъ же сомнительное — по той причинѣ, что очертаніе этихъ буквъ самимъ Бѣляевымъ въ различныхъ подписяхъ представляется различнымъ. Послѣдняя экспертиза при предварительномъ слѣдствіи пришла къ тому результату, что ирдпись на завѣщаніи съ несомнѣннымъ почеркомъ Бѣляева, сходства не имѣетъ, какъ по характеру и стилю буквъ, такъ и по связи нхъ между собою; что она представляетъ собою весьма плохое подражаніе. Экспертиза же, произведенная на судѣ, признала подпись очень искусною поддѣлкою.

Прокуроръ къ сказанному защитникомъ добавилъ, что первая экспертиза, признавая подпись сходною по характеру и отличающеюся тѣмъ, что она написана крупнѣе, нашла, что она сдѣлана нетвердою рукою; вторая экспертиза нашла подпись не схожею по способу писанія буквы ъ, приписку въ концѣ— сдѣланною впослѣдствіи, и пришла къ тому заключенію, что подпись должна была быть написана твердою рукою, а не слабою, на что̀ указываетъ другая подпись въ дневникѣ, сдѣланная въ тотъ же самый день, въ который подписано завѣщаніе.

Г. Лохвицкій замѣтилъ, что дѣйствительно, при производствѣ дѣла въ гражданскомъ и уголовномъ порядкѣ, были произведены четыре экспертизы; но, не говоря уже о томъ, что настоящее заключеніе дано экспертами подъ присягой, а прежнія лишь съ предвареніемъ о присягѣ, существенное отличіе нынѣшней экспертизы отъ прежнихъ заключается въ томъ, что тамъ было не болѣе какъ по пяти экспертовъ, а въ настоящее время ихъ участвовало 15.

Вслѣдъ затѣмъ судъ приступилъ къ слушанію слѣдующаго интереснаго и поразившаго всѣхъ неожиданностію показанія. Вводится *свидѣтель Шевелевъ (брюнетъ, средняго роста, съ длинными волосами и такою же бородою, ходитъ прихрамывая и опирается на палку)*.

Предс. Какъ васъ зовутъ? — *Отвѣтъ.* Николай Александровичъ Шевелевъ. — *Вопросъ.* Ваше званіе? — *О.* Подпоручикъ.—*В.* Ваши лѣта?—*О.* 41 годъ.—*В.* Какого вы вѣроисповѣданія?—*О.* Православнаго. — *В.* Подъ судомъ вы не были?—*О.* Теперь былъ подъ судомъ въ Парижѣ, за участіе въ коммунѣ; меня 4 мѣсяца выдержали въ Мазасѣ. — *В.* Не состоите ли вы въ родственныхъ отношеніяхъ къ подсудимымъ Мясниковымъ или Караганову?—*О.* Въ родственныхъ?— *В.* Или какихъ-нибудь особенныхъ отношеніяхъ? —*О.* Я не понимаю. Что вы понимаете подъ особыми отношеніями? — *В.* Не состоите ли вы съ ними въ тяжбѣ, или въ качествѣ повѣреннаго?—*О.* Нѣтъ. (*Свидѣтель приводится къ присягѣ*).

Предс. Не угодно ли вамъ положить палку, которую вы держите въ рукахъ.

Свид. Я раненъ въ ногу, мнѣ трудно стоять.

Предс. Не угодно ли вамъ сѣсть. (*Свидѣтель усаживается на кресло, стоящее у стола вещественныхъ доказательствъ*). Вы дадите свое показаніе по дѣлу о подложномъ духовномъ завѣщаніи Бѣляева и должны показать одну только правду, ничего кромѣ правды и помнить при этомъ, что сверхъ той нравственной отвѣтственности....

Свид. Позвольте васъ просить говорить погромче; я глухъ, я мало слышу. (Предс. повторяетъ формулу и приглашаетъ свидѣтеля къ изложенію извѣстныхъ ему обстоятельствъ настоящаго дѣла).

Свид. Я вамъ скажу слѣдующее,—но при этомъ долженъ обратиться нѣсколько назадъ, потому что это дѣло тѣсно связано съ арестомъ моимъ, случившимся въ 1866 году. Въ 1866 году я былъ привезенъ сюда жандармами изъ Царства Польскаго прямо въ III отдѣленіе, гдѣ я находился нѣкоторое время. Въ III отдѣленіи, въ припадкѣ контузіи, заболѣлъ; я былъ въ госпиталѣ. Потомъ, какъ и всѣ прикосновенные къ тому дѣлу были распредѣлены по частямъ города, точно также и я. Я попалъ въ Спасскую часть. Обстоятельства мои

въ то время сложились такимъ образомъ, что я не могъ оставаться въ Россіи,—я долженъ былъ уѣхать за границу. У меня не было средствъ, не было денегъ.... Находясь въ такомъ критическомъ положеніи—молитвами тутъ трудно было достать помощь,—я былъ въ положеніи человѣка, которому или нужно повѣситься, или нужно уйдти за границу. Чтобы уѣхать за границу, какъ вамъ извѣстно, нужны деньги. Денегъ не было.... семейство.... въ это время меня выручаетъ слѣдующее обстоятельство. Приходитъ одинъ господинъ ко мнѣ въ Спасскую часть и объясняетъ мнѣ: такъ какъ вы были управляющимъ у Мясниковыхъ въ то время, когда умеръ Бѣляевъ, то если вы покажете то-то и то-то, то мы вамъ дадимъ средства для исчезновенія изъ Россіи. Сказано — сдѣлано. Меня привезли къ Сысоеву. Я написалъ подъ диктовку его письмо и снялъ копію съ письма Сысоева, и, такимъ образомъ, я 1 декабря изъ квартиры Ижболдиныхъ уѣхалъ за границу. Кромѣ этого средства къ исчезновенію, Ижболдины обязались, при полученіи наслѣдства отъ Мясниковыхъ, выплатить мнѣ 2,000 р. Этотъ актъ гласитъ такимъ образомъ: „1866 года апрѣля такого-то дня. Мы, нижеподписавшіеся Александръ Ивановъ Ижболдинъ и Анна Николаевна Ижболдина, за сообщенныя вашимъ мужемъ Николаемъ Александровичемъ Шевелевымъ свѣдѣнія, о фальшивомъ духовномъ завѣщаніи Бѣляева, обязуемся изъ полученнаго наслѣдства заплатить вамъ 2,000 руб.“ Кромѣ этого акта, который находится въ настоящее время за границею и который можетъ быть представленъ въ судъ (я дамъ, если угодно, адресъ),—вся эта бумага написана рукою Ижболдина,—я знаю о существованіи у Ижболдина другихъ двухъ подобныхъ актовъ. Другой актъ находится у Матвѣева, а третій у повѣреннаго Ижболдиныхъ, Сысоева. Не знаю на какую сумму они составлены. Вотъ все, что я знаю по этому дѣлу.

Прокуроръ. Г. свидѣтель, это вы разсказываете собственно о вашихъ отношеніяхъ къ Ижболдинымъ. Что же вы написали въ письмѣ, о которомъ идетъ рѣчь?

Свид. Я написалъ.... я былъ приведенъ въ квартиру Сысоева и снялъ копію съ письма, которое мнѣ дали.

Прокуроръ. Что же, вамъ ничего больше по дѣлу Мясниковыхъ неизвѣстно?

Свид. Положительно ничего. Я былъ управляющимъ у Мясниковыхъ и былъ въ самыхъ скверныхъ съ ними отношеніяхъ. Они на меня сдѣлали самый неблаговидный допосъ. Это правда. Но никакихъ другихъ отношеній между нами не было.—*В.* Вы Караганова и Кемпе знаете? — *О.* Знаю. — *В.* Оставилъ покойный Бѣляевъ духовное завѣщаніе? — *О.* Вѣроятно оставилъ, потому что онъ былъ человѣкъ очень практичный. — *В.* Да, но вы знаете, что онъ оставилъ? — *О.* Были разговоры, онъ говорилъ, что нужно сдѣлать духовное завѣщаніе.—*В.* Онъ съ вами объ этомъ говорилъ?— *О.* Нѣтъ, я слышалъ отъ другихъ.—*В.* Вы до какого времени служили у Мясниковыхъ?—*О.* До апрѣля 1859 года.— *В.* Въ это время вы знали, что существуетъ завѣщаніе Бѣляева или нѣтъ? — *О.* Я зналъ, что существуетъ, я даже видѣлъ.... я отъ Целебровскаго, наконецъ, зналъ и зналъ отъ Отто.—*В.* Какъ скоро послѣ смерти Бѣляева было открыто завѣщаніе? — *О.* Этого я совершенно не знаю.—*В.* Вы въ Парижѣ судились за какое преступленіе?—*О.* Я въ Парижѣ судился по дѣламъ коммуны.—*В.* По какимъ это дѣламъ? — *О.* Меня обвиняли въ томъ, что я служилъ въ „Corps des enfants de Paris“. Но вы должны знать, что я былъ арестованъ коммуною и приговоренъ къ разстрѣлянію и избѣгнулъ этой смерти вслѣдствіе... объ этомъ есть акты въ слѣдственномъ производствѣ въ Версали.—*В.* Вы знали Матвѣева? -*О.* Зналъ.—*В.* Какъ вы его знали?—*О.* Я зналъ его, какъ человѣка бывшаго у Мясниковыхъ, котораго Мясниковы такъ держали. — *В.* Почему вы знаете, что у Ижболдина имѣются еще подобные тому акты, какой получили вы? — *О.* Потому, что онъ мнѣ.... потому что я навѣрное знаю.— *В.* Нѣтъ, почему вы знаете? Вы увѣряете, что знаете, такъ потрудитесь объяснить.—*О.* Я не помню. — *В.* Вы находи-

лись подъ судомъ вслѣдствіе обвиненія, взведеннаго на васъ Мясниковыми. Въ чемъ они васъ обвиняли? — *О.* Обвиняли меня въ томъ, что я будто бы сдѣлалъ захватъ суммъ, имъ принадлежащихъ. Но это было не справедливо. Это были облигаціи общества желѣзныхъ дорогъ. Я въ то время хотѣлъ жениться и хотѣлъ предъявить ихъ невѣстѣ; но я никакого захвата не сдѣлалъ; я не мѣнялъ этихъ билетовъ. Это были, однимъ словомъ, личности между двумя управляющими—старшимъ и младшимъ.—*В.* Отчего вамъ билеты нужны были для предъявленія невѣстѣ? Чтобы казаться богаче, чѣмъ вы были?—*О.* По этому.... мнѣ такъ нужно было.—*В.* Но вѣдь облигаціи не принадлежали вамъ?—*О.* Мнѣ не принадлежали; но я по данной мнѣ довѣренности могъ ими распоряжаться, какъ мнѣ угодно было, могъ все взять. Слѣдовательно, тутъ никакого не можетъ быть спора и уголовнаго дѣла. — *В.* Вы въ настоящее время не состоите подъ судомъ по какому-нибудь дѣлу. — *О.* (*въ волненіи*) Я.... я не знаю..., можетъ быть и состою подъ судомъ. Я сижу въ крѣпости. Меня привезли сюда. Можетъ быть я и подъ судомъ.—*В.* Въ Одессѣ есть объ васъ дѣло?—*О.* Въ Одессѣ есть дѣло, которое Мясниковы возбудили противъ меня. — *В.* Вы служили въ Одессѣ?—*О.* Служилъ.—*В.* Подъ своимъ именемъ?—*О.* Нѣтъ, подъ чужимъ. Я обвинялся, какъ человѣкъ, поступившій на службу подъ чужимъ именемъ и обвинялся еще въ томъ, что будто бы знакомъ былъ съ Нечаевымъ и будто былъ его пріятелемъ, когда это вовсе не правда. Я знакомъ, дѣйствительно, съ нимъ, но вовсе не его пріятель? — *В.* Вы были на похоронномъ обѣдѣ у Бѣляевой? — *О.* Былъ. — *В.* Происходили ли тамъ какіе-нибудь разговоры между Бѣляевой и окружающими ее лицами? — *О.* Ничего я не помню. — *В.* То есть вы именно этого обстоятельства не помните? — *О.* То есть я положительно не знаю, говорилъ ли я съ madame Бѣляевою.... я положительно.... съ нею не говорилъ даже.—*В.* Вамъ Целебровскій не говорилъ о завѣщаніи?—*О.* Да, что оно существуетъ. —

В. Вы сами съ нимъ разговаривали? — *О.* Какъ самъ? — *В.* По какому случаю онъ съ вами разговаривалъ?—*О.* Какъ... какъ знакомый.—*В.* Вы не управляли кириловскими откупами?—*О.* Управлялъ.—*В.* Паи этихъ откуповъ кому принадлежали?—*О.* По формальнымъ свѣдѣніямъ они принадлежали Мясниковымъ. — *В.* А по неформальнымъ—кому? — *О.* Объ этомъ Мясниковы знаютъ. — *В.* Но вы, какъ управляющій, вы также знаете? — *О.* Прекрасно: но я отдавалъ отчетъ однимъ Мясниковымъ.—*В* Такъ что вамъ объ этомъ неизвѣстно? — *О.* Да, я слышалъ тамъ, что нѣсколько паевъ подарены были Караганову, но на сколько, положительно не знаю, объ этомъ официальнаго ничего нѣтъ.—*В.* Да, но мы васъ спрашиваемъ не о тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя официально извѣстны, а о томъ, что вы сами знаете.—*О.* Г. прокуроръ, когда нѣтъ официальныхъ данныхъ, какимъ же образомъ я могу сказать что-нибудь.

Прокуроръ. Г. свидѣтель, для этого вы дали присягу, чтобы все говорить, что вы знаете.

Свид. (въ волненіи). Прекрасно, я присягалъ, но какія я представлю доказательства въ подтвержденіе моихъ словъ? На все нужны факты!

Прокуроръ. Ваше показаніе подлежитъ оцѣнкѣ суда, а вы должны сказать, что знаете.

Свид. Я знаю не совсѣмъ точно, по слухамъ, что будто бы паи принадлежали Караганову; но положительно этого утверждать не могу.

В. Скажите: вы доктора Отто знали? — *О.* Зналъ. — *В.* Хорошій былъ человѣкъ? — *О.* Носились слухи, что онъ, будто бы, человѣкъ былъ не такъ хорошій. — *В.* Чѣмъ мотивировались эти слухи? — *О.* Говорили о какихъ-то связяхъ съ женщинами, слишкомъ старше его. *(Въ публикѣ смѣхъ).*—*В.* Ну, что же далѣе?—*О.* И это я считалъ тогда, болѣе или менѣе, неприличнымъ.—*В.* То есть, именно то, что онъ состоялъ въ связяхъ съ женщинами старше его—или что либо другое?—*О.* Старше его, да... Видите ли, онъ былъ

очень недуренъ собою... говорятъ, что будто бы... вы очень хорошо понимаете, что я хочу сказать. (*Движеніе*).—*В.* Вы думаете, что Целебровскій былъ богатъ? — *О.* Я не думаю. Если бы онъ былъ богатъ, то не служилъ бы у Мясниковыхъ? — *В.* Были ли у него средства какія нибудь? — *О.* Не знаю.—*В.* Онъ служилъ у Мясниковыхъ, вы говорите? Въ какой должности онъ состоялъ? — *О.* Онъ являлся къ нимъ; былъ повѣренный по дѣламъ ихъ, ходатаемъ — въ родѣ этого.—*В.* Вы называете это службою у Мясниковыхъ? Занимался онъ у кого-либо другаго, или только у Мясниковыхъ?—*О.* Положительно не могу сказать; можетъ быть и занимался.

Г. Лохвицкій. Вы сказали, что въ 1866 году вы были въ такомъ положеніи, что вамъ нужны были деньги, или вы должны были повѣситься, и что для того, чтобы получить деньги, вы согласились подписать ложное показаніе? — *О.* Да. — *В.* Теперешнее ваше положеніе лучше того положенія, въ какомъ вы были въ 1866 году?—*О.* Видите ли... я надѣялся тогда, что мои средства улучшатся, что мои труды заграницею принесутъ мнѣ пользу... то-есть, я понимаю, что вы хотите сказать; но я теперь такъ долго сижу въ крѣпости и такъ далеко, за столькими замками, за столькими часовыми, что этотъ намекъ вашъ не имѣетъ смысла.

Предс. Я просилъ бы васъ, свидѣтель, разъяснить: о какомъ намекѣ вы говорите.

Свид. Шевелевъ. То-есть, они намекнули на то, что я увлекаюсь быть можетъ... то-есть, они заключаютъ, что если я написалъ такимъ образомъ прежде фальшиво... Да, еще больше! Противъ этого я долженъ объяснить, что если бы я и желалъ воспользоваться этими двумя тысячами, о которыхъ я говорилъ прежде... дѣло было такимъ образомъ. Въ Женеву приходитъ требованіе о допросѣ меня. Я адресуюсь къ адвокату и спрашиваю, какимъ образомъ мнѣ поступить? Дѣло вотъ какое: у меня требуютъ показанія по какимъ-то обстоятельствамъ, которыя совершенно неправильны; мнѣ, во

что бы то ни стало, нужно отказаться отъ дачи этого показанія. Мнѣ говорятъ: нельзя. Вы должны будете отвѣчать, иначе, по нашимъ законамъ, вы подлежите выдачѣ, потому что это не политическое дѣло. И вотъ я долженъ былъ исчезнуть изъ Женевы, и уѣхалъ въ Пештъ, и работалъ въ тамошнихъ журналахъ. Труды мои извѣстны. Я работалъ именно въ то время, когда въ Женевѣ получены были отсюда требованія.

Прокуроръ. Свидѣтель, вы говорите, что въ 1866 г. находились въ положеніи безвыходномъ, имѣя необходимость бѣжать заграницу, и тамъ вы занимались, какъ вы заявляете, трудами, которые извѣстны. Вы рѣшились воспользоваться предложеніемъ Ижболдиныхъ и написать показаніе, которое вы, въ настоящее время, признаете завѣдомо ложнымъ. Это письмо, конечно, — вы не станете отрицать этого, — да это видно и изъ самыхъ вашихъ словъ,—содержало въ себѣ обвиненіе нѣсколькихъ лицъ въ томъ, что они составили подложное духовное завѣщаніе. За это вы получили средства, чтобы уѣхать заграницу. Такимъ образомъ, вы рѣшились взвести на нѣсколькихъ лицъ ложное обвиненіе, которое потомъ вы опровергнуть не могли, такъ какъ вы уѣзжали заграницу и знали, что исчезнете съ горизонта. Вы взводите ложное обвиненіе на невинныхъ людей, для того, чтобы составить себѣ возможность получить болѣе удобное положеніе.

Свид. Шевелевъ. Т. е. не удобное, а для того, чтобы мнѣ можно было исчезнуть.

Прокуроръ. Такъ вы все это признаете?—*О.* Да, я это признаю.

Г. Арсеньевъ. Гдѣ вы написали ваше письмо? — *О.* Ижболдинъ меня повелъ къ Сысоеву и Сысоевъ мнѣ диктовалъ.— *В.* И это письмо и условіе писано не въ апрѣлѣ? — *О.* Въ апрѣлѣ я ихъ и не видѣлъ, и это условіе на 2,000 р. составлено какъ бы въ апрѣлѣ, когда, между тѣмъ, есть факты, что я не могъ ихъ въ апрѣлѣ видѣть, и прежде ноября я ихъ никогда не видѣлъ и не зналъ.

Г. Лохвицкій. Я имѣю къ вамъ еще одинъ вопросъ: кто́ тутъ былъ двигатель — Сысоевъ или Ижболдины? — *О.* Это чисто компанія.—*В.* Вы не могли различить?—*О.* Я думаю, что это у нихъ общее дѣло.

Прокуроръ. Вотъ вы приводите теперь собственный свой выводъ, что тутъ была компанія... Но вотъ еще одинъ вопросъ, относительно васъ самихъ: если вы считали возможнымъ для того, чтобы поставить себя въ положеніе болѣе удобное, для того, чтобы вырваться изъ тяжелаго положенія, взвести на нѣсколькихъ людей ложное обвиненіе, то считаете ли вы также возможнымъ и оправдывать этихъ людей, тоже подъ вліяніемъ такой же цѣли? — *О.* Я уже на это вамъ отвѣтилъ, что хотя сдѣлалъ это дѣло, но не желалъ воспользоваться дальнѣйшимъ его ходомъ заграницею. Я вѣдь, какъ свидѣтель, здѣсь могъ бы подтвердить то, что изложено въ письмѣ, для того, чтобы получить 2,000 р.; но этого я не сдѣлалъ. Слѣдовательно, подобный вопросъ, мнѣ кажется...—*В.* Но вашъ отвѣтъ приводитъ меня къ другому вопросу: не извѣстно ли вамъ, что вы, какъ эмигрантъ, какъ человѣкъ, обвинявшійся въ государственномъ преступленіи, не имѣли права взыскивать въ Россіи деньги съ Ижболдина? — *О.* Я это знаю. Поэтому Ижболдины дали мнѣ обязательство на имя моей жены. — *В.* Но давая свое показаніе, вы знали о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя могутъ постигнуть Мясниковыхъ? — *О.* Да, я и говорю: цѣль оправдывала у меня нѣкоторымъ образомъ средства.—*В.* Такъ что, слѣдовательно, вы на половину только сдѣлали то дѣло, за которое вы взялись; вы взвели ложное обвиненіе и затѣмъ, относительно Ижболдина, не сдержали слова? — *О.* Какимъ образомъ мнѣ держать слово? Я только списалъ копію; я только и обязанъ былъ это сдѣлать.

Г. Языковъ. Потрудитесь сказать: вы давно доставлены въ Россію?—*О.* Я только-что сюда доставленъ. 4-го февраля меня вывезли изъ Парижа.—*В.* Видѣли ли вы кого нибудь, кромѣ тѣхъ лицъ, которыя васъ привезли и охра-

няютъ? — *О.* Однимъ словомъ, я прежде сидѣлъ уже, я уже нѣсколько разъ сижу въ крѣпости. Но въ настоящее время до такой степени со мною строго поступаютъ, что даже смотритель, за которымъ я посылалъ для того, чтобы меня обстричь, и тотъ ко мнѣ не приходитъ. Я запечатанъ въ Петропавловской крѣпости!—*В.* И вы находитесь подъ спеціальнымъ надзоромъ? — *О.* Больше чѣмъ подъ спеціальнымъ. Я герметически закупоренъ! *(Смѣхъ, движеніе).*

Предс. Вы знаете свидѣтеля Ижболдина въ лицо? — *О.* Какъ же.—*В.* Можете ли вы узнать его въ настоящее время? — *О.* Непремѣнно.

Прокуроръ. Я просилъ бы предъявить свидѣтелю Ижболдина — въ числѣ нѣсколькихъ другихъ лицъ. *(Свидѣтелю предъявляются нѣсколько лицъ. Онъ тотчасъ же указываетъ на Ижболдина).*

Предс. Свидѣтель Ижболдинъ, вы слышали показаніе Шевелева. Что вы на это скажете?

Свид. Ижболдинъ. Я въ настоящее время ничего не могу сказать.—*В.* Вы знаете, о какомъ обстоятельствѣ идетъ рѣчь? — *О.* Объ этомъ спросить надобно Сысоева. Мнѣ кажется, тамъ дѣло шло о какихъ-то билетахъ жены Шевелева.—*В.* Вы представили обязательство это къ дѣлу?—*О.* Не могу сказать, кажется, что представлено.

Г Арсеньевъ. Я прошу предъявить Шевелеву письмо его, имѣющееся въ дѣлѣ и спросить — то ли это самое, которое онъ написалъ у Сысоева; и затѣмъ, такъ какъ въ виду показанія Шевелева это письмо представляется вещественнымъ доказательствомъ въ высшей степени важнымъ, то я покорнѣйше прошу прочесть это письмо.

Г. Лохвицкій. Я покорнѣйше прошу судъ, объяснить гг. присяжнымъ засѣдателямъ слѣдующее: что это письмо нисколько не вошло въ обвинительный актъ, что оно осталось въ дѣлахъ предварительнаго слѣдствія и не имѣло ни малѣйшаго вліянія на преданіе суду обвиняемыхъ.

Г. Арсеньевъ. Если такое объясненіе судомъ будетъ сдѣ-

лано, то я покорнѣйше прошу присовокупить, что г. Шевелеву въ Швейцарію были посланы производившими слѣдствіе вопросные пункты и что, наконецъ, онъ, со стороны обвиненія, былъ вызванъ къ судебному засѣданію.

Г. Языковъ. Я прошу предъявить это письмо гг. присяжнымъ засѣдателямъ. А вслѣдъ затѣмъ прочесть другое письмо, которое имѣетъ непосредственное съ этимъ письмомъ отношеніе, именно письмо Исаева.

Г. Арсеньевъ. Я покорнѣйше прошу, вслѣдъ за письмомъ Исаева, прочесть и показаніе Исаева, и не только показаніе, данное имъ на предварительномъ слѣдствіи, но и показаніе, данное имъ въ гражданскомъ судѣ, на томъ основаніи, что въ гражданскомъ судѣ показаніе имъ дано было подъ присягою.

Прокуроръ проситъ чтеніе письма Исаева отложить до чтенія показанія Исаева, которое будетъ читаться впослѣдствіи.

Г. Арсеньевъ. Порядокъ и ходъ засѣданія, конечно, зависитъ отъ васъ, г. предсѣдатель, но мнѣ кажется, что вы держались до сихъ поръ той системы, чтобы обстоятельства, которыя связаны между собою, были группированы и въ непрерывномъ порядкѣ представлены на разсмотрѣніе присяжныхъ засѣдателей; но такъ какъ письмо Исаева и его показаніе имѣютъ самую тѣсную связь съ письмомъ Шевелева и настоящимъ его показаніемъ, то я покорнѣйше прошу, прочесть ихъ по выслушаніи показанія и прочтенія письма Шевелева.

Г. Лохвицкій проситъ судъ вызвать г. Сысоева, на котораго указываетъ свидѣтель Шевелевъ и мѣстожительство котораго не трудно отыскать, такъ какъ онъ присяжный стряпчій при с.-петербургскомъ коммерческомъ судѣ.

Предс. предлагаетъ г, Лохвицкому представить къ завтрашнему засѣданію г. Сысоева.

Г. Лохвицкій соглашается на это и проситъ сдѣлать

распоряженіе о доставленіи г. Шевелева въ судъ къ завтрашнему засѣданію.

Свид. Шевелевъ заявляетъ, что онъ боленъ, въ настоящее время лечится и опасается, что завтра, быть можетъ, не будетъ достаточно здоровъ, чтобы явиться въ засѣданіе.

Судъ постановилъ, предоставить повѣренному гражд. истца, представить къ завтрашнему засѣданію свидѣтеля Сысоева и предложить прокурору сдѣлать распоряженіе о доставленіи Шевелева въ судъ къ завтрашнему засѣданію.

Прокуроръ. Свидѣтель Шевелевъ, потрудитесь разсказать, какимъ образомъ вы воспользовались свободою, вслѣдствіе помощи Ижболдина?—*О*. Посредствомъ желѣзной дороги. — *В*. Вы уѣхали отъ Ижболдина?—*О*. Я съ Ижболдинымъ постоянно видѣлся. Онъ приходилъ въ часть, я къ нему ѣздилъ.—*В*. Васъ отпускали одного?—*О*. Да.—*В*. Вамъ довѣряли?—*О*. То-есть, какъ довѣряли? Я просто выходилъ и тотчасъ опять являлся.—*В*. Такъ что вы пользовались относительною свободою?—*О*. Да.—*В*. Вы отъ Ижболдиныхъ отправились на желѣзную дорогу, и затѣмъ уѣхали?—*О*. Да.—*В*. Ижболдины васъ провожали?—*О*. Нѣтъ.—*В*. Вы не могли сами уѣхать прямо изъ части? Зачѣмъ вы сперва отправились къ Ижболдинымъ?—*О*. Я ихъ вовсе въ томъ не обвиняю, что они мнѣ содѣйствовали къ побѣгу, но такъ какъ жена моя была у Ижболдиныхъ, то я заѣхалъ къ нимъ. — *В*. Такъ въ чемъ же состояло содѣйствіе Ижболдиныхъ, о которомъ вы говорили? — *О*. У меня не было копѣйки денегъ. — *В*. Да вы развѣ отъ Ижболдиныхъ деньги получили?—*О*. И Сысоевъ мнѣ далъ 50 р., и Ижболдинъ... я съ ними разсчитался. — *В*. Когда вы съ ними разсчитались?—*О*. Въ августѣ мѣсяцѣ, когда я пріѣхалъ изъ заграницы. — *В*. Вы получили деньги отъ Ижболдина просто такъ, или вы объяснили о своемъ намѣреніи бѣжать?—*О*. *(послѣ нѣкотораго молчанія)*. Очень натурально, что онъ зналъ объ этомъ, онъ зналъ, что я нахожусь въ такомъ положеніи, что мнѣ нужно ѣхать. – *В*. Вы говорили ему, что вамъ нужны

деньги для того, чтобы убѣжать отъ коммиссіи графа Муравьева?—*О.* Да.—*В.* И онъ вамъ далъ на это деньги?—*О.* Да.—*В.* Это было въ какое время апрѣля 1866 года?—*О.* Это было въ ноябрѣ мѣсяцѣ.—*В.* Въ какомъ мѣстѣ вы съ желѣзной дороги удалились за границу?— *О.* Я уѣхалъ черезъ Вержболово. — *В.* Какой у васъ былъ паспортъ? — *О.* Паспортъ у меня былъ; я досталъ паспортъ. Я остановился въ Ковнѣ, тамъ я имѣлъ знакомаго еврея; онъ мнѣ далъ паспортъ за 10 руб., и я уѣхалъ за границу.

Г. Лохвицкій. Вы говорите, Шевелевъ, что деньги, которыя Сысоевъ и Ижболдинъ вамъ дали, вы имъ возвратили, значитъ, эти деньги вы получили взаймы, а не какъ плату за подпись письма?—*О.* Да, но я вмѣстѣ съ этимъ требовалъ обратно свое письмо, но они мнѣ не возвратили. Я съ тѣмъ имъ отдалъ деньги, чтобы они возвратили мнѣ мое письмо.—*В.* А условіе вы имъ предлагали отдать?—*О.* Непремѣнно! Очень натурально, потому что это условіе въ настоящее время не имѣетъ никакого значенія; какъ будто оно не мое, а на имя моей жены. Я хотѣлъ отдать его, хотѣлъ идти къ моей женѣ, но тутъ случилось такимъ образомъ, что я опять скоропостижно долженъ былъ уѣхать изъ Петербурга, потому что я встрѣтилъ на улицѣ одного человѣка, который меня узналъ. Я тогда ночью пробрался на дачу къ моей женѣ—она жила на Выборгской гдѣ-то — простился съ нею и уѣхалъ на извощикѣ до Колпина; тамъ прождалъ до утра, и съ первымъ же утреннимъ поѣздомъ исчезъ, потому что боялся, что это лицо, которое меня встрѣтило на улицѣ, меня оговоритъ.

Г. Лохвицкій. Когда вы писали то письмо, то было ли единственнымъ вознагражденіемъ то условіе на 2,000 р., и затѣмъ деньги вы взяли взаймы, или считали обязанностью и помимо возвращенія вамъ письма, отдать имъ эти деньги?

Свидѣтель. Вы, г. повѣренный, ставите неточно вопросъ, я васъ не понимаю. Вы столько говорите, что мнѣ нельзя соображать. *(Смѣхъ).* Вы, пожалуйста, по точнѣе.

Г. Лохвицкій. Что было наградою за ваше письмо: одно условіе, или и выдача наличными деньгами?—*О.* Я вамъ сто разъ говорилъ, что за это письмо я долженъ былъ исчезнуть за границу и, слѣдовательно, какъ вы поймете?... безъ денегъ нельзя за границу... вы согласны?

Прокуроръ. Вы, когда писали письмо, знали для чего?—*О.* Да-съ. Видите ли какая штука: Сысоевъ написалъ письмо и сказалъ, что онъ долженъ имѣть право, это письмо представить на судебное разбирательство; но меня при этомъ увѣрялъ, что они кончатъ дѣло съ Мясниковыми миромъ.—Понимаете ли? Онъ говорилъ мнѣ, что Мясниковы уже предлагаютъ 50,000 р., и что они не соглашаются, и говоритъ, что это письмо для устройства мировой сдѣлки необходимо. Я въ такомъ былъ положеніи, что я долженъ былъ это сдѣлать—или умереть.—*В.* Это было единственное средство къ вашему спасенію?—*О.* Единственное средство, положимъ, что нечестное—я долженъ буду за это отвѣчать; но иногда цѣль оправдываетъ средства. — *В.* Когда вы пріѣхали въ Петербургъ и хотѣли взять обратно свое письмо, то вы разсчитывали на то, что оно еще у Ижболдиныхъ? Развѣ вы думали, что обязавшись заплатить 2,000 руб. и рискуя быть укрывателемъ преступника, обвинявшагося въ государственномъ преступленіи, Ижболдины не воспользуются даннымъ вами письмомъ?—*О.* Я не знаю, но они говорили, что письмо это то—у Сысоева, то—подождите, мы вамъ его доставимъ. Они просили не ходить къ Сысоеву, потому что Сысоевъ очень трусливый человѣкъ, что онъ можетъ сконфузиться моимъ прибытіемъ, что они возьмутъ у него и отдадутъ мнѣ.—*В.* И вы имъ повѣрили?—*О.* Я бы все-таки дождался, если бы мнѣ не нужно было скоропостижно уѣхать изъ Петербурга. — *В.* А деньги вы имъ отдали? — *О.* Да, отдалъ. — *В.* Какъ вы объясните то, что одинъ разъ вамъ до крайности нужны деньги и вы для полученія ихъ совершаете нечестное дѣло, а другой разъ вы скоропостижно должны уѣхать изъ Петербурга—и отдаете деньги?—*О.* Я запла-

тилъ. Какъ вамъ угодно; нѣтъ росписки, нѣтъ документа — но я заплатилъ.

Въ виду того, что въ завтрашнемъ засѣданіи, быть можетъ, не приметъ участія свидѣтель Шевелевъ по болѣзни, *судъ* постановилъ: предъявить Шевелеву письмо его и прочесть.

Читается письмо Шевелева. Въ письмѣ этомъ Шевелевъ говоритъ, что получивъ отъ Ижболдина письмо, онъ спѣшитъ отвѣтить и подѣлиться тѣми данными, которыя ему извѣстны по дѣлу о фальшивомъ духовномъ завѣщаніи Козьмы Васильевича Бѣляева. Духовнаго завѣщанія имъ оставлено вовсе не было, и это подтверждается словами Екатерины Васильевны Бѣляевой, которая на похоронномъ обѣдѣ подошла къ кружку, въ которомъ находились: Красильниковъ, Целебровскій, Матвѣевъ, Кемпе и другіе, и въ числѣ ихъ и онъ, Шевелевъ. Продолжая разсказъ въ такомъ же направленіи, Шевелевъ, между прочимъ, говоритъ, что Александръ Мясниковъ просилъ его подписаться на духовномъ завѣщаніи, отъ чего онъ отказывался, говоря, что въ то время, отъ котораго составлено завѣщаніе, его не было въ Петербургѣ. Далѣе онъ свидѣтельствуетъ о захватѣ Мясниковымъ денегъ и бумагъ, принадлежавшихъ Бѣляеву. Заключаетъ онъ сообщеніемъ, что Карагановъ, за подпись на завѣщаніи, получилъ паи на откупа въ Херсонѣ и Николаевѣ.

Предс. Свидѣтель Ижболдинъ, это письмо къ вамъ было написано?—*О.* Это было вмѣстѣ съ Сысоевымъ. — *В.* Когда оно было написано вмѣстѣ съ Сысоевымъ?—*О.* Не могу доложить теперь. — *В.* Оно на ваше имя написано? — *О.* На мое. — *В.* При какихъ обстоятельствахъ? — *О.* Онъ, когда содержался въ Спасской части, то на свободѣ вездѣ ходилъ, словомъ сказать—человѣкъ свободный. Я не зналъ, что онъ сидѣлъ, и объ немъ мнѣ сначала сказалъ докторъ Красильниковъ, что вотъ Шевелевъ здѣсь есть, который разсказалъ все, что происходило по духовному завѣщанію. Я съ нимъ познакомился и онъ разсказалъ мнѣ и написалъ самъ пись-

мо.—*В.* Вы просили его, чтобы онъ написалъ это письмо?—*О.* Я просилъ, а онъ самъ изложилъ. — *В.* И получивши уже письмо, вы пришли къ нему въ часть, или раньше вы къ нему ходили? — *О.* Этого я не помню. Я думаю, лучше всего Павелъ Ивановичъ Сысоевъ и Павелъ Антиповичъ Потѣхинъ скажутъ; и Потѣхинъ зналъ объ этой исторіи.—*В.* Вы ему дали условіе за это письмо?—*О.* Нѣтъ.

На вопросы г. Арсеньева, свид. Ижболдинъ заявилъ, что не помнитъ, когда и гдѣ Шевелевъ написалъ письмо, и не помнитъ даже и года, и что полагаетъ, что можетъ быть ошибкою написано въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, кажется, — онъ въ ноябрѣ былъ въ части у Шевелева.

Предс. Вы, г. Шевелевъ, утверждаете, что написали это письмо? — *О.* Я написалъ это письмо въ квартирѣ Павла Ивановича; это было вечеромъ, подавали закуску, предложили выпить рюмку водки и потомъ предложили сдѣлать копію съ письма, которое было готово, рукою Сысоева написано. — *В.* Вы съ докторомъ Красильниковымъ имѣли какіе-нибудь разговоры, сходные съ содержаніемъ письма? — *О.* Можетъ быть. — *В.* Онъ объ этомъ духовномъ завѣщаніи говорилъ съ вами.—*О.* Нѣтъ.

Г. Языковъ. Вы Матвѣева знали?—*О.* Зналъ. — *В.* Что это былъ за человѣкъ, пьющій? — *О.* Сильно пьющій. — *В.* Такъ что случалось, что за обѣдомъ у Мясникова онъ напивался до того, что падалъ подъ столъ?—*О.* Случалось.—*В.* Не былъ ли онъ нахлѣбникомъ у Мясниковыхъ?—*О.* Да, я слышалъ, что онъ былъ еще при покойномъ отцѣ Мясниковыхъ въ качествѣ приживалки и что перешелъ къ наслѣдникамъ, вмѣстѣ съ домомъ и съ мебелью. *(Смѣхъ).*

Г. Арсеньевъ. А на словахъ вы разсказывали Ижболдинымъ тѣ свѣдѣнія, которыя сообщены въ письмѣ? — *О.* Я встрѣчалъ у Ижболдиныхъ Матвѣева. Я говорю—онъ говоритъ; но я имѣю привычку больше молчать.

Прокуроръ. У Матвѣева такое же было условіе, какъ у васъ отъ Ижболдиныхъ? — *О.* Да, Матвѣевъ мнѣ говорилъ,

что онъ имѣетъ условіе. Это было въ октябрѣ или ноябрѣ.— *В.* Передъ знакомствомъ, или послѣ знакомства вашего съ Ижболдинымъ?—*О.* Во время знакомства. — *В.* Вы сколько времени были знакомы? — *О.* Я былъ знакомъ съ Ижболдинымъ мѣсяцъ. — *В.* А написали вы письмо передъ самымъ отъѣздомъ? — *О.* Да. Я рѣшился на кризисъ. Я былъ все въ ожидательномъ положеніи,—я ожидалъ денегъ отъ родныхъ. 28 или 29 октября я написалъ у Сысоева письмо.

Г. Арсеньевъ. Въ апрѣлѣ вы не содержались?—*О.* Нѣтъ, я пріѣхалъ сюда.... За что я былъ арестованъ? Я былъ таможеннымъ чиновникомъ и уволенъ былъ въ отпускъ, но, по обстоятельствамъ, не дождавшись отпуска, поѣхалъ безъ него въ Петербургъ. Въ Петербургѣ меня заарестовали по обвиненію въ томъ, что я будто бы участвовалъ по дѣлу Каракозова. Я въ апрѣлѣ 3 числа пріѣхалъ, остановился въ гостинницѣ Сомова, на углу Знаменской и Невскаго, гдѣ останавливался 20 лѣтъ сряду. Вы помните, какъ прошелъ апрѣль мѣсяцъ, какъ шумно, какіе дѣлались овацiи. Слѣдовательно, было ли время, когда писать подобное письмо.—*В.* Вы содержались въ Спасской части?—*О.* Я содержался сперва въ III отдѣленіи, а потомъ въ Спасской части.

Прокуроръ. Вы говорите, что въ апрѣлѣ у васъ не было времени писать письмо — дѣлались овацiи. Какое отношеніе вы имѣли къ этимъ овацiямъ, которое вамъ не позволяло въ это время заниматься другимъ дѣломъ. Чѣмъ эти овацiи вамъ мѣшали? — *О.* Я былъ отвлекаемъ: смотры были, парады, наконецъ, у дворца стоялъ, ходилъ всюду со своей женой. — *В.* Значитъ участвуя въ овацiяхъ, вы не имѣли времени писать подобнаго письма? — *О.* Натурально, для того, чтобы составить это письмо, мнѣ хорошо нужно было познакомиться съ лицами, для которыхъ писалось письмо. — *В.* Вы говорите, что получили отъ Ижболдина деньги наканунѣ бѣгства. Вы не боялись, что Ижболдинъ, для того, чтобы сложить съ себя отвѣтственность въ томъ, что способствовалъ вашему бѣгству, на васъ донесетъ? — *О.* Это

нельзя было сдѣлать на томъ основаніи, что онъ не зналъ того момента, когда я сдѣлаю побѣгъ. Наконецъ, я не поѣхалъ чрезъ Варшаву; я поѣхалъ чрезъ Москву и потомъ въ дилижансѣ до Ростова. — *В.* Вы скажите, по этому тракту идетъ вольная почта? — *О.* Не знаю. Я взялъ почтовое мѣсто въ почтовомъ отдѣленіи, на Мясницкой, въ Москвѣ. — *В.* У васъ вида не требовали? — *О.* Но вѣрятно я имѣлъ видъ, у меня ихъ всегда много было. — *В.* Но вы сказали, что вы взяли въ тотъ разъ паспортъ у евреевъ? — *О.* А это для того, чтобы за границу попасть; мнѣ нуженъ былъ паспортъ заграничный. — *В.* Но вы не могли съ вашимъ видомъ проѣхать за границу? — *О.* Да, можно было сдѣлать, можно было и совершенно безъ паспорта, но только въ болѣе теплую погоду, потому что приходится выждать случай перехода за границу незамѣченнымъ. — *В.* Вы не могли на свой видъ получить заграничный паспортъ? — *О.* Этого нельзя было никакъ сдѣлать, потому что послѣ каракозовскихъ исторій III отдѣленіе чрезвычайно строго стало слѣдить за уѣзжающими за границу. — *В.* Однако, въ Петербургѣ, гдѣ именно есть III отдѣленіе, вы были совершенно свободны, могли ходить по гостямъ и возвращаться только обѣдать домой?.. — *О.* Потому что я не былъ въ III отдѣленіи, я былъ въ Спасской части. — *В.* Слѣдовательно, находились подъ стражею и могли ходить по трактирамъ, могли, наконецъ, бѣжать, а въ Ковнѣ почему вы непремѣнно попались бы? — *О.* Я не понимаю васъ. — *В.* Вы говорите, что были совершенно свободны, могли ходить по трактирамъ?... — *О.* Почему вы непремѣнно дѣлаете удареніе на трактиры? Вы не думаете ли, что я трактирный господинъ? Я вовсе и не ходилъ по трактирамъ. Можно сказать о человѣкѣ что угодно, но для чего третировать?... — *В.* Почему, однако, вы думаете, что въ Ковнѣ или Гроднѣ васъ бы сейчасъ арестовали, когда въ Петербургѣ вы были такъ свободны, несмотря на арестъ? — *О.* Я предполагалъ, что такъ, потому что въ то время за уѣзжающими за границу смотрѣли чрезвычайно строго. Наконецъ,

меня бы тамъ спросили, зачѣмъ вы пріѣхали, гдѣ вы живете? Я бы сказалъ, что въ Костромѣ или въ Москвѣ. Но зачѣмъ же вы не тамъ взяли заграничный паспортъ, зачѣмъ пріѣхали сюда? А какъ мнѣ было отвѣчать на это?

Г. Языковъ. По поводу этого свидѣтельскаго показанія я желалъ бы сдѣлать слѣдующее заявленіе. Я просилъ бы гг. присяжныхъ засѣдателей вспомнить тотъ порядокъ, который существуетъ въ провинціи при выдачѣ заграничныхъ паспортовъ. Въ провинціи заграничные паспорты выдаетъ губернаторъ, и выдаетъ только тогда, когда ему представятъ свидѣтельство отъ мѣстной полиціи въ томъ, что препятствія къ выѣзду за границу нѣтъ. Такимъ образомъ, человѣку, который не живетъ постоянно въ извѣстномъ городѣ, получить заграничный паспортъ трудно, даже при обыкновенномъ порядкѣ вещей, тѣмъ болѣе при экстраординарныхъ обстоятельствахъ.

Затѣмъ свидѣтель Шевелевъ былъ удаленъ изъ залы засѣданія.

Г. Арсеньевъ просилъ судъ собрать справки о томъ, когда Шевелевъ сидѣлъ въ Спасской части, что, по его мнѣнію чрезвычайно важно было узнать въ виду показанія Шевелева, что имъ въ апрѣлѣ письмо написано быть не могло.

Г. Прокуроръ обѣщалъ собрать эти справки.

Повѣренные гражданскаго истца и защита просили о вызовѣ въ судъ присяжнаго стряпчаго с.-петербургскаго коммерческаго суда Павла Ивановича Сысоева и доктора Красильникова, на которыхъ ссылались Шевелевъ и Ижболдинъ.

Судъ постановилъ ходатайство это уважить.

Затѣмъ читано было показаніе Исаева, нынѣ умершаго, бывшаго приставомъ исполнительныхъ дѣлъ до введенія новой судебной реформы, когда онъ оставленъ былъ за штатомъ. Въ показаніи своемъ онъ излагаетъ, что имѣя, нужду въ деньгахъ, онъ обратился къ чиновнику Герману, который обѣщалъ достать ему деньги отъ Ижболдина, причемъ про-

силъ его написать къ Ижболдину письмо, въ которомъ изложить, что къ нему, Исаеву, обращался Александръ Мясниковъ съ просьбою, подписаться на завѣщаніи свидѣтелемъ. Германъ обѣщалъ показать это письмо Ижболдину и такимъ образомъ достать отъ Ижболдина денегъ. Исаевъ написалъ подобное письмо, хотя ни Бѣляева, ни Мясникова никогда не зналъ и съ ними никакихъ дѣлъ не имѣлъ. Германъ взялъ письмо, но ни денегъ ему не далъ, ни письма не возвращалъ. Исаевъ Германа въ своемъ показаніи, между прочимъ, называетъ извѣстнымъ пьяницей, рѣдко бывавшимъ трезвымъ.

Вслѣдъ за этимъ показаніемъ читались и письмо Исаева. и затѣмъ показаніе коллежскаго секретаря Николая Семеновича Германа (также нынѣ умершаго), бывшаго повѣреннымъ Ижболдина, слѣдующаго содержанія: отъ роду мнѣ 51 годъ, вѣры я православной, подъ судомъ не былъ, проживаю Нарвской части, 2-го участка, по Рижскому проспекту, въ домѣ Сусловой, № 38-й, имѣю отъ купца Ивана Алексѣева Ижболдина и жены его, а также купеческой жены Зои Пошехоновой, довѣренность на веденіе гражданскаго иска противъ купчихи Бѣляевой, объ оставшемся послѣ смерти мужа ея имуществѣ, но довѣренности этой не предъявилъ, на веденіе же уголовнаго дѣла уполномочія отъ нихъ не получалъ и являюсь, въ настоящемъ дѣлѣ, докащикомъ. Въ 1863 году. въ сентябрѣ мѣсяцѣ, я сдѣлалъ шефу жандармовъ, въ первый разъ, доносъ о фальшивости духовнаго завѣщанія купца Козьмы Бѣляева и составленной отъ его имени сохранной росписки. Затѣмъ я обращался, съ объясненіями по этому дѣлу, неоднократно къ с.-петербургскому военному генералъ-губернатору, министру внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и финансовъ, и въ с.-петербургскую казенную палату, и наконецъ, со всеподданнѣйшею просьбою къ Государю Императору. Послѣ разбирательства этого дѣла въ коммиссіи прошеній, мнѣ было объявлено, чтобы я обратился въ повыя судебныя учрежденія, вслѣдствіе чего я подалъ заявленіе прокурору с.-петербургскаго окружнаго суда, гдѣ подробно изложены всѣ об-

стоятельства дѣла и указаны доказательства. Какъ свидѣтель, я могу показать, что купеческій сынъ Амфилогій Александровъ Карагановъ, однажды, зимою, въ 1864 или 1865 г., въ то въ время, когда было уже въ разгарѣ дѣло о духовномъ завѣщаніи Бѣляева, пойдя со мною изъ квартиры Красильникова въ трактиръ, на Измайловскомъ проспектѣ, во второмъ или третьемъ домѣ отъ Измайловскаго моста, сознавался мнѣ, что подписался на завѣщаніи отъ имени Козьмы Бѣляева. Причемъ онъ объяснилъ, что А. Мясниковъ заставилъ его написать на одной бумагѣ: „Козьма Бѣляевъ“, сказавъ, что это такъ нужно, и что онъ, Карагановъ, исполнилъ это требованіе, не читавъ бумаги и не зная, что онъ подписываетъ духовное завѣщаніе; а что, напротивъ того, Карагановъ подписалъ завѣщаніе завѣдомо, я слышалъ отъ свидѣтелей: Александра и Федора Красильниковыхъ, Матвѣева, Штеммера, Китаева, Дьяконова и другихъ, указанныхъ мною въ заявленіи прокурору окружнаго суда. Предъявленныя мнѣ два письма отъ Кронштадтскаго мѣщанина Василія Михайловича Китаева и надворнаго совѣтника Николая Павлова Исаева, получены мною отъ нихъ по городской почтѣ и переданы Ижболдину. Лица эти лично подтверждали мнѣ обстоятельства, изложенныя въ письмахъ. Болѣе, въ качествѣ свидѣтеля, ничего показать по этому дѣлу не имѣю.

Г. Языковъ замѣтилъ, что до 1868 года всѣ протоколы предварительнаго слѣдствія по дѣлу о фальшивомъ духовномъ завѣщаніи Бѣляева, подписаны Германомъ, участвовавшимъ такимъ образомъ при производствѣ дѣла, въ качествѣ повѣреннаго отъ Ижболдиныхъ.

Засѣданіе было прервано и отложено до слѣдующаго утра.

III.

(Засѣданіе 19-го февраля).

По открытіи засѣданія, къ допросу была вызвана *Екатерина Васильевна Бѣляева.*

Свидѣтельница Бѣляева. Мужъ мой незадолго передъ своей смертью почувствовалъ себя нехорошо и, позвавъ меня къ себѣ, вынулъ изъ конторки бумагу, подалъ ее мнѣ въ руки и сказалъ: „возьми, спрячь эту бумагу". Я, развернувъ ее, увидѣла, что это духовное завѣщаніе, посмотрѣла его начало и конецъ и увидѣла подпись мужа и свидѣтелей: Сицилинскаго и д-ра Отто. Послѣ того, какъ мой мужъ умеръ, дней 40 спустя, я вспомнила, что у меня было завѣщаніе и просила своего племянника А. Мясникова, передать завѣщаніе въ гражданскую палату для засвидѣтельствованія; получивъ его обратно, посмотрѣла и увидѣла, что это то самое завѣщаніе, которое теперь называютъ подложнымъ.

Прокуроръ (свидѣтельницѣ). За сколько времени до смерти, мужъ передалъ вамъ бумагу?—*О.* Не помню.—*В.* Когда вамъ мужъ сказалъ: „спрячь эту бумагу", что же вы съ нею сдѣлали?—*О.* Я спрятала ее, кажется,—въ столъ.—*В.* Когда именно вы припомнили, что положили завѣщаніе въ столъ?—*О.* Когда было нужно засвидѣтельствовать его въ гражданской палатѣ.—*В.* Васъ спрашивалъ кто нибудь о томъ, осталось ли завѣщаніе?—*О.* Нѣтъ, я въ 40-й день сама вспомнила.—*В.* А до 40 дня вы не вспоминали?—*О.* Я не помню, въ какой именно день я вспомнила, около 40 дня; гдѣ оно лежитъ, я вспомнила не вдругъ, а прежде поискала.—*В.* Завѣщаніе хранилось въ запертомъ столѣ?—*О.* Да,

столъ и спальня были заперты, такъ что посторонній не могъ войти.—*В.* Развернувъ завѣщаніе вы просмотрѣли начало и конецъ. Что же было написано въ началѣ?—*О.* Какъ обыкновенно пишется: „Во имя Отца и Сына". Потомъ я увидѣла, что все оставляется на мое имя, и больше ничего не читала.—*В.* Почему же вы узнали, что все оставляется вамъ, когда вы прочитали только начало и конецъ? Развѣ въ началѣ говорилось объ этомъ?—*О.* Я просто пробѣжала, замѣтила нѣкоторыя слова и убѣдилась, что завѣщаніе на мое имя.—*В.* Какъ вы объясняете то обстоятельство, что вы поинтересовались прочесть подписи, а содержаніе завѣщанія только пробѣжали?—*О.* Мнѣ казалось любопытно, кто подписался на завѣщаніи.—*В.* А вамъ не было любопытно знать, что собственно написано въ завѣщаніи?—*О.* Нѣтъ.—*В.* Почему же вамъ казалось любопытно знать кто подписался на завѣщаніи?—*О.* Не знаю, какъ сказать...—*В.* На какомъ листѣ бумаги было написано завѣщаніе?—*О.* На большомъ листѣ простой бумаги.—*В.* Текстъ чьею рукою былъ написанъ? —*О.* Не рукою мужа, но не знаю чьею.—*В.* А потомъ вы не имѣли случая узнать, кто переписывалъ завѣщаніе?—*О.* Нѣтъ, до сихъ поръ не знаю.—*В.* У вашего мужа были родственники?—*О.* Одна сестра, которая жила со мною.—*В.* А больше не было?—*О.* Еще была сестра, которая жила въ Сарапулѣ.—*В.* Васъ не интересовало узнать, сколько вашъ мужъ оставилъ своимъ сестрамъ, по завѣщанію?—*О.* Я потомъ узнала, когда подавала завѣщаніе къ засвидѣтельствованію.—*В.* Вы сами подавали?—*О.* Нѣтъ, не сама, а просила А. Мясникова, и когда передавала, то видѣла, что назначена выдача Ремянниковой.—*В.* Мужъ вашъ любилъ Ремянникову?—*О.* Да.—*В.* Васъ не удивило, что онъ оставилъ ей такъ мало?—*О.* Его состояніе не позволяло ему оставить болѣе.—*В.* Но онъ могъ оставить ей большую часть изъ своего состоянія?—*О.* Ужъ это была его воля.—*В.* Но какъ вы думали: могъ онъ это сдѣлать, или нѣтъ?—*О.* Не думаю. Я никогда не предполагала, чтобы онъ оставилъ боль-

шую часть роднымъ.—*В.* Почему же?—*О.* Конечно, онъ могъ это сдѣлать...—*В.* Онъ любилъ своихъ родныхъ?—*О.* Да.—*В.* Такъ, что вы допускаете, что онъ могъ имъ оставить 40—50,000?—*О* Да, могъ.—*В.* Въ теченіе того времени, которое прошло до передачи завѣщанія, васъ не интересовало узнать, сколько именно нужно будетъ отдать роднымъ и сколько вамъ останется?—*О.* Нѣтъ, я этимъ не интересовалась: у меня были свои заводы и дома.—*В.* Получивъ отъ мужа бумагу, вы не говорили съ нимъ о завѣщаніи?—*О.* Нѣтъ, онъ все былъ боленъ.—*В.* И мужъ, передавая завѣщаніе, не говорилъ вамъ, какое состояніе онъ оставляетъ?—*О.* Нѣтъ, но я знала, что осталось послѣ мужа очень мало.—*В.* Вы знали, какія предпріятія и капиталы были у вашего мужа?—*О.* Лѣсная дача, мебельный магазинъ, рыбныя ловли, машина для промывки песковъ.—*В.* Вы знали, сколько паевъ въ рыбныхъ ловляхъ принадлежало вашему мужу?—*О.* Нѣтъ, не знала.—*В.* Знали, сколько у него было залоговъ по откупамъ?—*О.* Нѣтъ, тоже не знала и теперь не могу объяснить, потому что забыла, но когда разсчитывалась съ племянниками, тогда знала сколько было всего. Я тогда надѣялась на одного благороднаго человѣка, который сдѣлалъ всѣ разсчеты и далъ мнѣ совѣтъ.—*В.* Кто этотъ благородный человѣкъ?—*О.* Богуславскій.—*В.* По какимъ даннымъ онъ разсчитывалъ?—*О.* Бумаги были, по которымъ онъ могъ сдѣлать разсчетъ.—*В.* Куда же они дѣлись потомъ?—*О.* Вѣроятно были уничтожены, когда дѣло кончилось. Когда я передала дѣла племянникамъ, бумаги мнѣ болѣе не были нужны; сама я не въ состояніи была распоряжаться дѣлами, я просила, чтобы взяли отъ меня дѣла и бумаги, они и взяли.—*В.* Вы передали имъ бумаги по дѣламъ?—*О.* Разсчетъ, что чего стоитъ.—*В.* А бумаги, изъ которыхъ этотъ разсчетъ былъ выведенъ, у васъ остались, или же Мясниковы взяли?—*О.* Я право не помню; 14 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ.—*В.* Полиція была у васъ послѣ смерти мужа, описывала имущество?—*О.* Не помню.—*В.* Гдѣ

хранились драгоцѣнныя вещи вашего мужа?—*О.* У него въ кабинетѣ, въ конторкѣ.—*В.* Вы ихъ тамъ и нашли?—*О.* Да.—*В.* Сами нашли?—*О.* Не помню, передалъ ли мнѣ кто, или сама нашла.—*В.* Вашъ мужъ былъ долженъ Мясниковымъ?—*О.* Да.—*В.* Откуда вы это знаете?—*О.* Когда онъ былъ боленъ, то однажды, я зайдя къ нему въ кабинетъ, услышала, что онъ съ Мясниковыми разсчитывается. Я замѣтила, что мужъ мой въ тотъ день очень дурно себя чувствовалъ, и говорю Мясниковымъ: „что вы дѣлаете! оставьте пожалуйста; онъ честный человѣкъ, онъ вѣроятно исполнитъ то, что слѣдуетъ“, и они ушли.—*В.* Когда это было? Во время болѣзни вашего мужа?—*О.* Да, кажется весною; не помню, въ какомъ мѣсяцѣ.—*В.* Потомъ вашъ мужъ выздоровѣлъ?—*О.* Нѣтъ, все время былъ боленъ.—*В.* Что же, Мясниковы еще разъ приходили говорить объ этомъ?—*О.* Конечно. Мужъ мой занимался ихъ дѣлами, и они послѣ разговора о разсчетахъ, приходили къ нему каждый день.—*В.* Оба приходили?—*О.* Да, оба.—*В.* Такъ вы о росписке знали только изъ разговоровъ вашего мужа съ Мясниковыми? Самъ онъ вамъ ничего не говорилъ?—*О.* Нѣтъ.—*В.* Почему же вашъ мужъ обѣщался дать Мясниковымъ росписку? Развѣ они ему не довѣряли?—*О.* Я ничего не знаю; они ему очень довѣряли,—по болѣзни, вѣроятно.—*В.* Когда вашъ мужъ передавалъ завѣщаніе, онъ ничего не говорилъ о росписке?—Нѣтъ, ничего.—*В.* Вы говорите, что капиталъ вашего мужа былъ небольшой?—*О.* Да.—Около васъ былъ благородный человѣкъ, Богуславскій, который давалъ вамъ совѣты. Онъ вамъ не говорилъ, что если на какомъ нибудь имуществѣ, которое завѣщано, есть долги, то тотъ, кто принимаетъ это имущество, долженъ и долги платить?—*О.* Вѣроятно онъ объяснялъ мнѣ это, но теперь я ничего не могу сказать... не помню.—*В.* Вы говорили Богуславскому о существованіи росписки?—*О.* Не помню.—*В.* Вы знали раньше, что долгъ Мясниковымъ превышаетъ имущество мужа вашего?—*О.* Да, я разсчитывала, что недостанетъ, но съ удовольствіемъ хо-

тѣла дополнить своимъ имуществомъ.—*В.* Доходы съ вашихъ заводовъ, поступали къ вамъ въ руки?—*О.* Нѣтъ, къ мужу.—*В.* Вашъ мужъ зналъ, сколько у него имущества?—*О.* Да, конечно, зналъ.—*В.* Онъ васъ любилъ?—*О.* Да, онъ былъ примѣрный мужъ.—*В.* Такъ что оберегалъ, ограждалъ васъ отъ непріятностей?—*О.* Да.—*В.* Какъ же вы это объясните: вашъ мужъ зналъ, что у него капитала менѣе, чѣмъ на 300,000, и что онъ долженъ Мясникову 300,000, а между тѣмъ, онъ завѣщалъ вамъ имущество. Вѣдь это значило заставить васъ платить изъ собственнаго кармана?—*О.* Да, кто же могъ заплатить?... Онъ зналъ. что я съ удовольствіемъ заплачу

Г. Лохвицкій. Я прошу, г. предсѣдатель, сдѣлать распоряженіе, чтобы показаніе г-жи Бѣляевой записывалось въ протоколъ, въ виду того, что впослѣдствіи можетъ быть возбужденъ вопросъ о лжесвидѣтельствѣ г-жи Бѣляевой.

Предс. Судъ, принимая во вниманіе, что возбужденіе вопроса о лжесвидѣтельствѣ, зависитъ отъ прокурора и не входитъ въ кругъ обязанностей повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ, оставляетъ заявленіе это безъ послѣдствій.

Г. Лохвицкій (свидѣтельницѣ). До того времени, какъ вашъ мужъ вручилъ вамъ завѣщаніе, видѣли ли вы когда-нибудь завѣщаніе?

Свид. Бѣляева. Нѣтъ. — *В.* О формѣ завѣщанія вамъ никто никогда не говорилъ?—*О.* Нѣтъ. — *В.* Передъ тѣмъ, какъ отдать завѣщаніе А. Мясникову, для засвидѣтельствованія, вы прочитали его?— *О.* Да. — *В.* А. Мясниковъ прочиталъ его при васъ? — *О.* Не помню. — *В.* Вы дали ему довѣренность на засвидѣтельствованіе завѣщанія? — *О.* Не помню.—*В.* Позвольте, г-жа свидѣтельница, вѣдь это вещь довольно важная; вамъ должно быть извѣстно, что для того, чтобы написать довѣренность, надо было поѣхать къ маклеру, или же надо было, чтобы вамъ привезли книгу изъ гражданской палаты: словомъ, формальности при этомъ сложныя,

и ихъ довольно трудно забыть. Привозили ли къ вамъ книгу росписаться, или вы сами ѣздили?—*О.* Не помню.—*В.* Получивъ отъ вашего мужа бумагу, вы развернули и посмотрѣли ее?—*О.* Вы, кажется, слышали, что я отвѣчала.

Г. Лохвицкій. Свидѣтельница, быть можетъ я и слышалъ, но повторите: повтореніе тутъ будетъ не лишнее.—*О.* Я просмотрѣла начало и конецъ.

На дальнѣйшіе распросы, свидѣтельница отвѣчаетъ въ томъ же тонѣ: „незнаю", „непомню", „конечно".

Г. Лохвицкій. Вы считали росписку показанную вамъ Мясниковыми, юридически правильною, т. е. такою, по которой съ васъ непремѣнно взыщутъ деньги?—*О.* Я знала, что надо расплатиться съ Мясниковыми.—*В.* Такъ что вы считали себя нравственно обязанною платить?—*О.* Да.—*В.* Вы получили обратно сохранную росписку, когда передали все состояніе своего мужа и часть своего, на уплату по этой росписки?—*О.* Не помню, вѣдь расчетъ былъ конченъ между нами.

В. Изъ вашихъ словъ выходитъ, что вы не считали росписки въ 272,000 р. юридически сильною, но считали себя нравственно обязанною отдать въ уплату по ней свое состояніе. Положимъ, это черта прекрасная. Но, какже, росписки-то вы не взяли?—*О.* Быть можетъ я взяла да не помню.—*В.* Вамъ не приходило въ голову, что она можетъ быть передана другому лицу, что по ней могутъ снова взыскивать?—*О.* Нѣтъ, не приходило.—*В.* Такъ что вамъ никогда ни Богуславскій, ни другіе, которые вели ваши дѣла, не говорили, что если ужъ вы сдѣлали такое доброе, великодушное дѣло—заплатили по необязательной росписки, и притомъ милліонерамъ—такъ, по крайней мѣрѣ, надо было взять росписку обратно? Вы бы всѣмъ и показывали послѣ: „вотъ, что я сдѣлала для памяти мужа".—*О.* Я не находила этого нужнымъ.—*В.* Ну хотя бы для своей безопасности?—*О.* Также не находила нужнымъ.—*В* Такъ что вы и по настоящее время не знаете, какая судьба этой росписки: цѣла ли она, или нѣтъ?—*О.* Не знаю.

Прокуроръ. Скажите, вы ѣздили въ 1868 году въ Ревель? — *О.* Нѣтъ, я въ Москву ѣздила. — *В.* Разскажите, какъ происходило это путешествіе?—*О.* Я каждый годъ ѣзжу въ Москву и къ Сергію. Въ эту поѣздку я отправилась провожать невѣстку;—она поѣхала въ Ревель;—а потомъ я поѣхала на Николаевскую желѣзную дорогу, откуда поѣхала къ Сергію. По возвращеніи домой, мнѣ заявили, что будто меня во время моего отсутствія спрашивалъ кто-то изъ сыскной полиціи. Я сейчасъ велѣла дать знать, что я пріѣхала. — *В.* А въ домѣ у васъ знали, куда вы поѣхали? — *О.* Я на короткое время уѣхала и говорила, что ѣду въ Москву. — *В.* Вы были опекуншею малолѣтняго Шишкина? — *О.* Да, была недолго. — *В.* Вы по собственному желанію оставили это опекунство? — *О.* Да... не совсѣмъ.—*В.* То есть не по собственному желанію?—*О.* Да, не знаю почему, опека устранила меня. — *В.* Изъ кого состояла опека? — *О.* Изъ д-ра Отто и Ив. Мясникова. — *В.* Шишкинъ перешелъ отъ васъ къ Мясниковымъ?—*О.* Да, я взяла гувернера, который оказался такимъ нехорошимъ, что соблазнилъ мальчика уйти отъ меня. Онъ говорилъ ему, что бабушка строгая, очень наблюдаетъ за тобою, а дяди молодые люди, у нихъ веселѣе. Мальчикъ былъ рѣзвый, ему хотѣлось болѣе свободы, и онъ пожелалъ быть у дядей.—*В.* Почему вы знаете, что гувернеръ уговаривалъ его перейти къ дядямъ?—*О.* Это оказалось потомъ. — *В.* Вы не видали ли писемъ его къ Шишкину? — *О.* Нѣтъ, не видала, но больше некому было соблазнить мальчика. — *В.* Какая же была его цѣль? — *О.* Надѣялся пользоваться отъ него деньгами. — *В.* Сколько лѣтъ было вашему внуку?—*О.* 14 лѣтъ.—*В.* Какія же деньги были у 14-ти лѣтняго мальчика?—*О* Ему все таки давали для расходовъ рублей 20 въ мѣсяцъ. — *В.* Вы давали ему? — *О.* Нѣтъ Мясниковы, а я ничего не давала. — *В.* У васъ дѣла не было о томъ, что Шишкина увели отъ васъ?— *О.* Нѣтъ, онъ самъ ушелъ, а не увели. Право не помню, было ли какое дѣло; я по начальству никому не жаловалась.

В. Вы знали Чевакинскаго? — *О.* Да, онъ занимался у меня дѣлами; я спрашивала его совѣтовъ по разнымъ мелочнымъ распоряженіямъ по дому. — *В.* Кто такой Чевакинскій?—*О.* Онъ членъ дворянской опеки.—*В.* Какія же могутъ быть мелкія распоряженія по дому, по которымъ нужно было бы спрашивать совѣта члена дворянской опеки?—*О.* Онъ производилъ счетъ расходамъ за Шишкина и велъ дѣло, которое у меня было съ племянниками. Они обязались мнѣ уплатить 120,000 р., внося каждый годъ по 12,000, — и вдругъ остановились. Я просила тогда Чевакинскаго ходатайствовать въ судѣ, чтобы Мясниковы эти деньги уплатили. Дѣло это., кажется, кончилось тѣмъ, что Мясниковы пришли и просили не продолжать его. — *В.* Чевакинскій былъ самъ членомъ опеки надъ Шишкинымъ?—*О.* Да.—*В.* Вы не помните, находилъ ли онъ правильными дѣйствія И. Мясникова, по распоряженію капиталомъ Шишкина?—*О.* Это до меня не касается, я не знаю.—*В* Вамъ никогда не приходилось писать къ Мясниковымъ писемъ, въ которыхъ вы говорили, что откросте всѣ ихъ дѣйствія?—*О.* Нѣтъ никогда не писала.

В. Вы Целебровскаго знали?—*О.* Онъ занимался у моего мужа. — *В.* По дѣлу о завѣщаніи онъ никакой роли не игралъ?—*О.* Не знаю.—*В.* Вашъ мужъ не обращался къ услугамъ Целебровскаго? —*О.* Быть можетъ.

Г. Языковъ. Свидѣтельница, вы показали сейчасъ на вопросъ прокурора, что поручали иногда Чевакинскому всякаго рода дѣла?—*О.* Да.—*В.* У васъ есть домъ, есть жильцы, съ которыми пишутся контракты. Вѣдь вы сами писать контрактовъ не умѣете, слѣдовательно Чевакинскому, который служитъ и понимаетъ дѣла, вы собственно такого рода порученія по дому и давали?—*О.* Да.—*В.* Васъ часто спрашивали на предварительномъ слѣдствіи?—*О.* Не помню, сколько разъ.—*В.* Но васъ вызывали нѣсколько разъ, допрашивали и передопрашивали по одному и тому же вопросу?—*О.* Да.—*В.* Кабинетъ вашего мужа состоялъ изъ скольких комнатъ?—*О.* Изъ двухъ. — *В.* Что, у него въ кабинетѣ много было

денегъ, золота?—*О.* Нѣтъ, не было ни денегъ, ни золота.—*В.* Были ли у него золотые промыслы?—*О.* Нѣтъ, онъ болѣе занимался дѣлами племянниковъ.—*В.* Задолго ли до смерти вашего мужа скончался П. Ф. Мясниковъ? — *О.* За три или четыре года.—*В.* Все состояніе Ивана Федоровича осталось на рукахъ вашего мужа, т. е. его заботами и попеченіями продолжались дѣла?—*О.* Да, онъ занимался его дѣлами; племянниковъ (Мясниковыхъ) не было въ то время въ Петербургѣ. — *В.* Слѣдовательно мужъ вашъ получалъ много золота, принадлежавшаго Мясниковымъ?—*О.* Да, вѣроятно получалъ, если завѣдывалъ ихъ дѣлами.

Г. Арсеньевъ. Когда вашъ мужъ началъ хворать, задолго до смерти?—*О.* Года за два. Его болѣзнь была мучительная; боли бывали періодическія и постоянно усиливавшіяся. — *В.* Кто его лечилъ?—*О.* Докторъ Тильманъ.—*В.* А передъ тѣмъ домашнимъ докторомъ былъ Отто?—*О.* Да, и Отто лечилъ мужа.—*В.* Протоіерея Сицилинскаго вы знали?—*О.* Да, хорошо; онъ былъ нашъ духовникъ.—*В.* Не дѣлалъ ли вашъ мужъ пожертвованій на Преображенскую церковь?—*О.* Да.—*В.* Вы помните тотъ день, когда былъ похоронный обѣдъ?—*О.* Я никого не видала; ко мнѣ въ спальню никто не приходилъ изъ гостей.—*В.* А на обѣдѣ въ 40-й день вы были?—*О.* Нѣтъ. — *В.* Говорили ли вы съ кѣмъ нибудь о завѣщаніи?—*О.* Нѣтъ, ни съ кѣмъ.

Г. Языковъ. Знали-ли вы Матвѣева?—*О.* Да, онъ у Ивана Федоровича проживалъ изъ милости. Онъ былъ человѣкъ очень пьющій; никакихъ дѣлъ ему нельзя было поручить.—*В.* Красильникова вы знаете?—*О.* Онъ служилъ у насъ въ конторѣ, прислуживалъ, носилъ письма, бумаги, трубки чистилъ; ему было тогда лѣтъ 15.

Предс. Вы помните въ тотъ день, когда умеръ вашъ мужъ, Мясниковы просили у васъ позволенія, идти въ кабинетъ и взять дѣловыя бумаги? — *О.* Я ничего не помню. Вѣроятно они взяли съ моего позволенія; они вывезли только свои бумаги.—*В.* А не извѣстно-ли вамъ, что въ бумагахъ, кото-

рыя они вывезли, находилось залоговое свидѣтельство Махаевой, которое она передала вашему мужу?—*О.* Это я слышала послѣ. — *В.* Вы какъ-же полагаете, бумаги Мясниковыхъ были отдѣльно положены отъ бумагъ вашего мужа?—*О.* Да, отдѣльно.—*В.* Вы говорите, что всѣми дѣлами Мясниковыхъ завѣдывалъ вашъ мужъ. Участвовалъ-ли онъ самъ въ этихъ дѣлахъ или нѣтъ?—*О.* Не знаю.—*В.* Напримѣръ, въ астраханскихъ рыбныхъ ловляхъ? — *О* Да, онъ имѣлъ участіе — *В.* Стало быть бумаги его по Мясниковскимъ дѣламъ, которыми онъ завѣдывалъ, относились одинаково и къ его собственнымъ дѣламъ? — *О.* Мнѣ помнится, что ихъ бумаги лежали особо.—*В.* Вы видѣли, какъ Мясниковы брали ихъ?—*О.* Нѣтъ; я не входила въ кабинетъ. — *В.* Почему-же вы знаете, что они взяли только свои бумаги?—*О.* Потому, что имъ только свои и нужны были.—*В.* Какимъ образомъ попало къ нимъ то свидѣтельство, которое было впослѣдствіи передано Махаевой? — *О.* По свидѣтельству этому она незадолго взяла проценты за годъ. Бумага эта лежала на столѣ, не спрятанною: люди могли свалить ее или она могла попасть въ книгу.

Прок. Вы не знаете, гдѣ лежали бумаги вашего мужа?—*О.* На полу.— *В.* Въ какой комнатѣ?—*О.* Больше во второй комнатѣ кабинета.— *В.* И такъ, значитъ, бумаги бывали и въ первой комнатѣ, если вы говорите, что больше во второй?—*О.* Нѣтъ, всѣ лежали во второй. — *В.* Вы не знаете, какъ велика была часть вашего мужа въ рыбныхъ ловляхъ?—*О.* Очень небольшая: я, приходя въ кабинетъ, слышала, какъ онъ говорилъ съ племянникомъ, что это очень невыгодное дѣло. — *В.* А почему вы знали, что онъ имѣлъ въ этомъ предпріятіи мало паевъ? — *О.* У нихъ объ этомъ былъ разговоръ.—*В.* Зачѣмъ же была надобность объяснять, вѣдь они это знали? — *О.* Когда я спрашивала то мужъ мнѣ отвѣчалъ, что его самая маленькая часть. Это я положительно помню.

Г. Лохвицкій. Не говорилъ ли вамъ Красильниковъ объ

олонецкихъ откупахъ? Не пріѣзжалъ ли онъ къ вамъ послѣ смерти мужа?—*О.* Да, пріѣзжалъ, но не говорилъ объ олонецкихъ откупахъ.—*В.* Не посылали ли вы его, быть можетъ, къ Мясниковымъ, потому что вы всѣ разсчеты покончили и онъ долженъ былъ имѣть дѣло съ ними?—*О.* Нѣтъ... можетъ быть... не помню.

Г. Языковъ. Былъ ли у васъ Красильниковъ вообще?—*О.* Да, я помню, что онъ приходилъ, просилъ у меня снять портретъ мужа на память; я болѣе ничего не помню.—*В.* Вообще смѣлъ ли Красильниковъ съ вами много говорить о разсчетахъ?—*О.* Конечно—нѣтъ.

Предс. Почему вы на вопросъ защитника сказали, что Красильниковъ не смѣлъ бы говорить съ вами о разсчетахъ? Почему вы считаете себя въ такомъ высокомъ, сравнительно со свидѣтелемъ Красильниковымъ, положеніи, что онъ даже не осмѣлился бы говорить съ вами?—*О.* Не то, чтобы высокомъ, а я думаю, что онъ понимаетъ, что совсѣмъ не кстати обращаться ко мнѣ.—*В.* Но къ кому же онъ долженъ былъ обратиться? Вѣдь онъ зналъ, что все состояніе мужа перешло къ вамъ; къ тому же, имущество, о которомъ идетъ рѣчь, отчасти принадлежало и Красильникову; онъ не зналъ, есть ли у васъ управляющій, и только вы могли указать ему на то лицо, къ которому слѣдовало обратиться.—*О.* Не помню, можетъ быть это такъ и было, я никогда съ нимъ ни о какихъ дѣлахъ не говорила, слѣдовательно, я думаю, что онъ не могъ и обратиться ко мнѣ.

Г. Лохвицкій. Я бы хотѣлъ спросить, свидѣтельницу относительно положенія Красильникова, такъ какъ защита желаетъ выставить, что онъ не смѣлъ даже подойти къ г-жѣ Бѣляевой. Вы говорили, что онъ служилъ сначала въ конторѣ и при этомъ прибавили, что его употребляли на посылки, заставляли трубки чистить? — *О.* Всѣхъ мальчиковъ на это употребляли.—*В.* Что же это означало: или его лакейское положеніе въ домѣ, или же откупщицкую привычку, третировать всѣхъ служащихъ такимъ образомъ? — *О.* Это

какъ вамъ угодно понимать. — *В.* Вашъ мужъ былъ уже почтенный человѣкъ; но говорилъ ли ему И. Ф. Мясниковъ такимъ образомъ: „Козьма, поди,—Козьма, принеси“, не смотря на то, что у него было уже свое состояніе и свои откупа? — *О.* Когда онъ былъ молодымъ человѣкомъ, быть можетъ и говорили, но впослѣдствіи Иванъ Федоровичъ обращался съ нимъ, какъ съ сыномъ, съ большимъ уваженіемъ.

Предс Судъ, принимая во вниманіе, что въ показаніи, данномъ Бѣляевою на судебномъ слѣдствіи, заключается противорѣчіе съ тѣми показаніями, которыя даны были ею на предварительномъ слѣдствіи, постановилъ: прочесть эти показанія.

Затѣмъ были прочитаны показанія Бѣляевой, данныя сю на предварительномъ слѣдствіи, приводить которыхъ я не стану, потому что, на послѣдующемъ, за чтеніемъ этихъ показаній, допросѣ свидѣтельницы Бѣляевой, противорѣчія въ ея показаніяхъ достаточно полно выясняются.

Предс. (къ Бьляевой). Такимъ образомъ, свидѣтельница, оказывается, что вы были спрошены на предварительномъ слѣдствіи три раза. Вы сказали, на вопросъ г. прокурора, что вы не помните, спрашивалъ ли васъ слѣдователь; теперь, когда ваши показанія были всѣ прочитаны, вспомнили ли вы, что вы имъ давали?

Свид. Бьляева. Да, я давала.

Предс. Затѣмъ, объясните слѣдующія обстоятельства: вы здѣсь, на судѣ, показывали, что когда мужъ вашъ принесъ духовное завѣщаніе, вы просмотрѣли начало и конецъ завѣщанія и спрятали его, а потомъ передали А. Мясникову для засвидѣтельствованія. Въ первый разъ, когда васъ спрашивали по этому дѣлу, вы сказали, что завѣщанія не прочитывали, потому что были слишкомъ разстроены.

Свид. Бьляева. Да, не дочитала.

Предс. Во второй разъ вы говорили, что только взглянули на завѣщаніе и положили его, вѣроятно, въ спальнѣ

на окно. Какимъ же образомъ согласить эти объясненія? которое изъ нихъ соотвѣтствуетъ истинѣ?

Свид. Бѣляева. То, что я сегодня объяснила. Я быть можетъ, не такъ вѣрно говорила у г. Геракова, потому, что была совершенно растроена; ко мнѣ ежеминутно звонилась сыскная полиція, разспрашивала, что въ домѣ дѣлается, подкупала моихъ людей; отъ этого нервы мои были ужасно разстроены —*В.* Когда это было?—*О.* Это было въ 1871 году, когда я давала показаніе въ качествѣ обвиняемой. — *В.* А въ 1868 году вы были также разстроены? — *О.* Ошибку сдѣлать не мудрено. — *В* Теперь, относительно бумагъ — лежали ли онѣ отдѣльно или вмѣстѣ? — *О.* Я не могу утвердительно сказать, лежали ли онѣ отдѣльно. — *В.* Вы, между прочимъ, сказали сегодня, что давали позволеніе взять бумаги. Такъ это было? —*О.* Не помню. — *В.* И такъ, вы подтверждаете показаніе, данное сегодня?—*О.* Да.

Прокуроръ. Кто приходилъ къ вамъ узнавать, что въ домѣ дѣлается? чиновники сыскной полиціи? — *О.* Кажется, ужѣ не знаю, кто именно. Даже нѣкоторыхъ людей моихъ подкупали. — *В.* Кто же подкупалъ? — *О.* Я слышала, что со стороны Ижболдиныхъ люди говорили, что онъ засылалъ подкупать ихъ, чтобы они показывали противъ меня.—*В.* Откуда же вы это узнали? — *О.* Человѣкъ мой говорилъ мнѣ, что Ижболдинъ зазвалъ его въ трактиръ, или въ какое-то другое мѣсто, и обѣщалъ дать денегъ, если онъ согласится быть на сторонѣ Ижболдина. Но онъ былъ честный человѣкъ—не согласился; онъ объявилъ объ этомъ мнѣ, и всѣмъ другимъ разсказывалъ.—*В.* Когда слѣдователь вызывалъ васъ къ допросу, почему вы ему не сказали этого?—*О.* Я никакихъ мѣръ не принимала; я только удивлялась и такъ была напугана, что не знала, что дѣлать.—*В.* Вамъ слѣдователь предъявлялъ всѣ показанія?—*О.* Да.—*В.* И Ижболдина?—*О.* Нѣтъ. — *В.* Какъ же вы дали росписку въ томъ, что получили всѣ протоколы? —*О.* Нѣтъ, не всѣ.

Г. Лохвицкій. Я желалъ бы сдѣлать заявленіе гг. при-

сяжнымъ, что во время предварительнаго слѣдствія Бѣляева давала показаніе, только-что прочтенное, въ качествѣ обвиняемой; въ настоящее время она является свидѣтельницею.

Предс. Это видно изъ прочтеннаго протокола.

Г. Лохвицкій. Вы изволите помнить, гг. присяжные, что, когда я спрашивалъ г-жу Бѣляеву, давала ли она довѣренность А. Мясникову на засвидѣтельствованіе завѣщанія, она отвѣчала „не помню"; между тѣмъ на предварительномъ слѣдствіи она показала, какъ мы слышали, что она выдала довѣренность Мясникову, но въ палату сама не ѣздила. Такимъ образомъ выходитъ, что г-жа Бѣляева на предварительномъ слѣдствіи, когда она была въ взволнованномъ состояніи, помнила, а въ настоящее время, когда....

Предс. Г. повѣренный гражданскаго истца, я прошу васъ не дѣлать выводовъ.

Г. Лохвицкій. Я просилъ бы еще гг. присяжныхъ, обратить вниманіе на то, что г-жа Бѣляева, на вопросы, какъ обвиненія, такъ и мои, отзывается запамятованіемъ, — быть можетъ это случайно, — но я полагаю, что у ней память очень хороша, потому что на вопросы защиты она отвѣчаетъ очень обстоятельственно. — Г-жа Бѣляева, вамъ А. Мясниковъ, когда вручалъ сохранную росписку, говорилъ ли, что это домовая росписка, а не сохранная? — *О.* Не помню. — *В.* Опять не помните! — Вы читали ее, знали, что это сохранная росписка? — *О.* Да. — *В.* Стало быть она обозначала, что мужъ вашъ принялъ на сохраненіе 272,000 р.? — *О.* Да — *В* Прекрасно; почему же вамъ, прежде всего, не пришло въ голову посмотрѣть, гдѣ хранится эта сумма, принятая на сохраненіе, наконецъ, спросить Мясниковыхъ: да, можетъ быть, вы же и взяли эти деньги въ кабинетѣ, когда вывозили бумаги? Какъ же вы не сдѣлали этого вопроса?—*О* Надо думать, что деньги были употреблены мужемъ, израсходованы на дѣла —*В.* Вы вѣдь только хотѣли, ради памяти мужа, заплатить по роспискѣ; но развѣ вы вообще хотѣли дарить племянникамъ эти деньги?—*О.* Нѣтъ,

не дарить. — *В.* Такъ почему же вы не поискали въ шкафахъ?—*О.* Вѣрно искали.

Прокуроръ. Вы говорите, что у мужа вашего капиталъ былъ небольшой; развѣ человѣкъ съ небольшимъ капиталомъ, имѣющій мало дѣлъ, могъ истратить въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ болѣе 200,000 р. такую большую сумму—на свои дѣла?—*О.* Не знаю.—*В.* Или, можетъ быть, онъ истратилъ эту сумму не по однимъ своимъ дѣламъ? — *О.* Ничего не знаю.—*В.* Какъ же вы объясните себѣ израсходованіе этихъ денегъ? — *О.* Что же я могу сказать? Я знаю, что ихъ не оказалось? — *В.* Вы, стало быть, повѣрили Мясниковымъ?—*О.* Да.—*В.* А еслибы Мясниковы пришли и сказали, что мужъ вашъ, за два мѣсяца до смерти, взялъ у нихъ милліонъ, вы бы милліонъ и отдали, вы бы не остановились на мысли: да гдѣ же этотъ милліонъ? Вы бы и тогда повѣрили?—*О.* Можетъ быть повѣрила бы. Я знаю, что Мясниковы никогда не поступили бы такъ со мною; я была въ нихъ вполнѣ увѣрена.

Г. Лохвицкій. Свидѣтельница, вскорѣ ли послѣ смерти вашего мужа, были наложены печати на его кабинетъ? — *О.* Ничего не знаю.—*В.* Но вообще были ли онѣ наложены?—*О.* Не помню. — *В.* Вы не помните, не приходилъ ли кто-нибудь и не сламывалъ ли печатей?—*О.* Да, приходилъ полицейскій и сломалъ. — *В.* Но, позвольте, ужъ если печати сламывали, такъ стало быть, онѣ были наложены?—*О.* Да, вѣрно были.—*В.* Вы поручились на сохранной росписке и заключили условіе съ Мясниковыми—по передачѣ завѣщанія, или послѣ?—*О.* Не помню —*В.* Во всякомъ случаѣ, до снятія печатей?—*О.* Ничего не помню.

Г. Арсеньевъ. Повѣренный гражданскаго истца обратилъ вниманіе на то, что на большую часть вопросовъ его и г. прокурора свидѣтельница отзывается запамятованіемъ, а между тѣмъ, на вопросы, защиты, она отвѣчаетъ. Я позволю себѣ по этому поводу напомнить, во-первыхъ, *сколько* вопросовъ было предложено г. прокуроромъ и повѣреннымъ гражданскихъ истцовъ и *сколько* защитою, и, во-вторыхъ, защита

касалась такого рода обстоятельствъ, какъ напр. знала ли она Отто и Целебровскаго, была ли она на похоронномъ обѣдѣ, какая была болѣзнь мужа ея, однимъ словомъ—вопросы защиты касались обстоятельствъ, которыя легко припомнить. Противная же сторона спрашивала свидѣтельницу: куда она положила завѣщаніе—въ ящикъ, въ столъ, и т. п. Затѣмъ, обращаясь къ суду, я не могу не выразить своего протеста противъ способа допроса, употребляемаго представителемъ прокурорскаго надзора; а такъ какъ единственная форма протеста есть записаніе въ протоколъ, то я просилъ бы занести въ протоколъ нѣкоторые вопросы, предложенные г. прокуроромъ свидѣтельницѣ. Я понимаю, что можно спрашивать свидѣтеля о всѣхъ фактахъ, которые онъ видѣлъ и слышалъ, или не видѣлъ и не слышалъ, но я не думаю, чтобы законъ давалъ сторонамъ право, спрашивать о томъ, что свидѣтель сдѣлалъ бы, еслибы была такая-то и такая-то обстановка, что онъ думалъ бы, еслибы ему сказали то-то. Такой способъ допроса, по моему мнѣнію, противорѣчитъ требованію закона. Поэтому, не обращаясь къ другимъ вопросамъ, я покорнѣйше прошу записать въ протоколъ послѣдній вопросъ, предложенный г. прокуроромъ свидѣтельницѣ, а именно: „если бы г-жѣ Бѣляевой была представлена росписка на милліонъ рублей, чтобы она тогда сдѣлала?“ Я прошу записать это въ протоколъ, присовокупивъ, что такого рода вопросъ не единственный, а что подобныхъ было сдѣлано много со стороны обвинительной власти.

Г. Лохвицкій. По поводу заявленія защитника А. Мясникова, что вопросы защиты касались весьма простыхъ вещей, а вопросы противной стороны относились къ такимъ сложнымъ предметамъ, которые легко забыть, я позволю себѣ обратить вниманіе на слѣдующее: я полагаю, напротивъ, что если человѣка спрашиваютъ черезъ нѣсколько лѣтъ, былъ ли онъ тогда то знакомъ съ извѣстнымъ лицемъ, то тутъ запамятованіе, дѣйствительно, возможно. Наши же вопросы касались, напр. обстоятельства о томъ, когда была сдѣлана

надпись на сохранной росписке въ 272,000 р., до или послѣ извѣстнаго обстоятельства? Этотъ вопросъ касается такого предмета, который всякій бы вспомнилъ.

Предс. Въ виду заявленія защитника А. Мясникова и принимая во вниманіе, что ст. 722 уст. угол. суд. воспрещаетъ сторонамъ дѣлать только такіе вопросы, которые клонятся къ тому, чтобы уличить свидѣтеля, въ какомъ-нибудь преступленіи, что, затѣмъ, стороны имѣютъ полное право предлагать всякіе вопросы, могущіе служить къ тому, чтобы указать противорѣчія или несообразности, встрѣчающіяся въ показаніи свидѣтеля, что тѣ вопросы, которые предлагались прокуроромъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ 722 ст., и были предложены въ тѣхъ видахъ, чтобы разъяснить недоразумѣнія, которыя прокуроръ усматривалъ въ показаніи свидѣтельницы, судъ, въ такомъ порядкѣ предложенія вопросовъ, не находитъ, съ своей стороны, никакого нарушенія закона. Что же касается до заявленія защиты, относительно занесенія вопроса г. прокурора въ протоколъ, то судъ, уваживъ ходатайство защиты, постановляетъ: занести означенный вопросъ въ протоколъ.

Въ виду сдѣланнаго заявленія, по поводу способа предложенія вопросовъ, я считаю нужнымъ обратиться съ замѣчаніемъ къ защитнику Ивана Мясникова. Я не желалъ васъ останавливать, при предложеніи вами вопросовъ свидѣтельницѣ Бѣляевой; но такъ какъ, въ настоящее время, вопросъ этотъ возбужденъ вашимъ товарищемъ по защитѣ, то я долгомъ считаю указать вамъ тотъ предѣлъ, въ которомъ должны быть предлагаемы вопросы Ваши вопросы были предложены въ такой формѣ, что они заключали въ себѣ и желаемые отвѣты. Такой способъ предложенія вопросовъ допускаемъ быть не можетъ.

Затѣмъ *стороны* заявили, что болѣе не имѣютъ предлагать вопросовъ свид. Бѣляевой Она заняла мѣсто на скамьѣ свидѣтелей.

Прокур. обратился къ суду съ просьбою, дозволить ему

сдѣлать ссылки на документы изъ производства управы благочинія, на жалобу Бѣляевой, поданную въ управу по поводу устраненія ея отъ опеки Шишкина, на прошеніе Шишкина, на письма написанныя извѣстнымъ лицемъ на имя Мясниковыхъ, на письма Чевакинскаго къ Мясниковымъ, доктора Отто и на вещественныя доказательства, отобранныя у Чевакинскаго и Бѣляевой.

Г. Арсеньевъ находилъ, что документы, касающіеся опеки надъ Шишкинымъ, не подлежатъ прочтенію на томъ основаніи, что они не имѣютъ никакого отношенія къ настоящему дѣлу, а только могутъ способствовать къ его усложненію.

На это *прокуроръ* возразилъ, что документы эти имѣютъ значеніе для разъясненія отношеній, существовавшихъ между Мясниковыми и Бѣляевою, послѣ разсчета по смерти мужа, и такъ какъ пріобщены къ слѣдственному производству въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, то должны быть признаны подлежащими прочтенію.

Предс., по этому вопросу, объявилъ слѣдующее постановленіе суда: принимая во вниманіе, что всѣ тѣ документы, о которыхъ заявлено г. прокуроромъ, пріобщены къ дѣлу въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, и находя съ своей стороны, что ссылка на эти документы относится къ существу разсматриваемаго дѣла, судъ постановилъ: удовлетворить ходатайство прокурорской власти.

Подс. А. Мясниковъ (спрошенный предс.). Бумаги, которыя взяты мною изъ кабинета, относятся къ содержанію откуповъ, рыбныхъ промысловъ, дворянской опекѣ. Я не помню, присутствовала ли Бѣляева при взятіи бумагъ. Я взялъ ихъ на томъ основаніи, что когда нашими дѣлами управлялъ покойный дядя, онъ же былъ, между прочимъ, и нашимъ опекуномъ.

Предс. Можете ли вы объяснить, какъ попало въ ваши бумаги свидѣтельство Махаевой?

Подс. А. Мясниковъ. Получивши довѣренность отъ Бѣ-

лѣвой, я бралъ еще много бумагъ, и положительно сказать не могу, когда оно у меня очутилось: тогда ли, когда я бумаги бралъ первый разъ, или потомъ.

Предс. (по просьбѣ г. Лохвицкаго). Когда Бѣляева отдавала вамъ завѣщаніе, прочитали вы его?

Подс. А. Мясниковъ. Когда везъ въ гражданскую палату, вѣроятно прочелъ.—*В.* А въ то время когда оно вамъ было передано?—*О.* Очень трудно отвѣтить на этотъ вопросъ: съ тѣхъ поръ прошло 14 лѣтъ.

Предс. Подс. Иванъ Мясниковъ, говорили ли вы Бѣляевой, при жизни ея мужа, о томъ, что онъ выдалъ вамъ сохранную росписку?

Подс. Иванъ Мясниковъ. Я взялъ сохранную росписку вслѣдствіе того, что уѣзжая въ Астрахань, принимать рыбныя ловли, я видѣлъ Бѣляева больнымъ, а у насъ были съ нимъ разсчеты. Въ существованіи этой росписки не можетъ быть сомнѣнія, она подтверждается всѣми счетами, всѣми документами. Бѣляевой я говорилъ, что у меня есть росписка; она участвовала въ нашихъ разсчетахъ, часто входила въ кабинетъ, и послѣднее время, когда Бѣляевъ былъ боленъ, просила меньше безпокоить его. Когда я уѣзжалъ, я говорилъ, что есть росписка.

По предъявленіи затѣмъ, *свид. Бѣляевой* духовнаго завѣщанія, она признала его за то самое, которое получила отъ мужа.

Предс. Почему вы такъ утвердительно говорите?

Свид. Бѣляева. Подпись мужа и все—такъ какъ было.

И вотъ *свид. Бѣляевой* была дана очная ставка съ *свид. Красильниковымъ.*

Предс. (Красильникову). Говорила ли вамъ г-жа Бѣляева, что духовнаго завѣщанія нѣтъ?

Свид. Красильниковъ. Да, говорила.

Свид. Бѣляева. Никогда этого не было! Это ложь, чистая ложь!

Предс. Вы пріѣзжали къ г-жѣ Бѣляевой, послѣ смерти К. В. Бѣляева, по дѣламъ?

Свид. Красильниковъ. Да, мнѣ иначе нельзя было поступить; я не могъ произвольно распоряжаться по откупу, я долженъ былъ отвѣчать за все.

Г. Языковъ. Не получивъ отъ г-жи Бѣляевой никакого удовлетворительнаго отвѣта, вы поѣхали въ Олонецкую губернію, и тамъ продолжали управлять, на основаніи довѣренности Бѣляева?

Свид. Красильниковъ. Да, я былъ гласнымъ компаньономъ въ 50-ти паяхъ.

Г. Языковъ. Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же вы приходили къ г-жѣ Бѣляевой. Вы объяснили сейчасъ, что не могли продолжать управленія откупами.

Свид. Красильниковъ. Управлять и передавать—большая разница; для передачи откупа съ недвижимымъ имуществомъ, надо было заключить купчую крѣпость. Въ то время наступилъ срокъ передачи откуповъ, а такъ какъ, за преждевременную передачу, даютъ гораздо больше, то я и торопился устроить это, и потому обращался къ Бѣляевой. Не получивъ отъ нея довѣренности, я рискнулъ только передать откупа въ двухъ городахъ, въ Лодейномъ-Полѣ и Каргополѣ. Другіе же пять городовъ я передать боялся.

Г. Языковъ. Вы дѣйствовали на основаніи довѣренности Бѣляева?

Свидѣтель. Да, я заключилъ домашнее условіе; у меня была довѣренность на управленіе откупами.

(Засѣданіе было прервано на два часа).

(По возобновленіи засѣданія). Прокуроръ. Гг. присяжные засѣдатели! имѣю честь представить вамъ рядъ документовъ, которые распадаются на три главныя группы. Изъ нихъ первая относится до тѣхъ дѣлъ, которыя Бѣляева имѣла съ Мясниковыми, независимо отъ опеки Шишкина; въ связи съ нею находится вторая, именно дѣла по опекѣ Шишкина, и третья группа заключаетъ въ себѣ рядъ доку-

ментовъ, которые указываютъ путемъ какихъ сдѣлокъ, какимъ образомъ эти обѣ категоріи дѣлъ были закончены и окончены. Къ первой категоріи относится дѣло петербургской казенной палаты, о взысканіи пошлинъ съ завѣщанія Бѣляева. По этому дѣлу было, между прочимъ, въ казенную палату подано прошеніе Бѣляевой. *(Прокуроръ читаетъ это прошеніе).* За этимъ документомъ слѣдуетъ производство управы благочинія, по жалобѣ Бѣляевой на Мясниковыхъ, за неплатежъ слѣдующихъ ей, по договору съ ними въ 1858 году, денегъ, и затѣмъ за то, что они не совершили купчей на лѣсную дачу, къ чему она ихъ понуждала, но отъ чего они уклонялись. Въ видахъ истины, я долженъ заявить, что управа признала этотъ искъ со стороны Бѣляевой неосновательнымъ и признала, что она не имѣетъ достаточнаго основанія указывать, что Мясниковы уклоняются отъ совершенія купчей, такъ какъ дѣйствія по совершенію купчей лежали на ея обязанности; но въ этомъ производствѣ есть указаніе въ прошеніи Бѣляевой, въ которомъ сказано, что Мясниковы, по договору 22-го декабря 1858 г., владѣя болѣе 6 лѣтъ коммерческими дѣлами завѣщателя и имѣніемъ его, извлекаютъ безпрепятственно изъ всего этого огромные доходы. Оба производства относятся къ 1865 г., и въ обоихъ есть указанія, что Мясниковы имѣютъ въ безотчетномъ распоряженіи все имѣніе покойнаго Бѣляева, простирающееся до такихъ размѣровъ, что оно приноситъ огромные доходы. Затѣмъ ко второй категоріи относится производство по опекѣ Шишкина. Это производство было начато съ рапорта или жалобы опекуши Бѣляевой въ дворянскую опеку, въ которой видно, что дворянская опека, въ виду несогласій, возникшихъ между нею и опекунами Мясниковыми, пригласила ее въ свое присутствіе для примиренія съ Мясниковыми. При этомъ Бѣляева объясняетъ, что Шишкину, изъ-за котораго возникли раздоры, она къ Мясниковымъ ходить не препятствовала, и далѣе въ своемъ прошеніи говоритъ: „что сама къ Мясниковымъ Шишкина возить не могла, ибо, какъ Ивану, такъ и Александру Мясниковымъ дала слово,

что до сдержанія даннаго ими честнаго слова и до исполненія ими клятвы, моя нога не будетъ въ ихъ домѣ. Когда его сіятельство желалъ знать причину того, чтобы и въ этомъ дѣлѣ своимъ участіемъ прекратить всякія неудовольствія, тогда я, въ присутствіи всѣхъ прочихъ чиновъ, съ согласія г. Мясникова, объяснила, что гг. Мясниковы, во время, когда я была убита смертью моего мужа, принесли мнѣ условіе, записанное ужс въ маклерской книгѣ, по которому слѣдовавшій мнѣ за уступку имѣнія капиталъ 130.000 р., обязались тѣмъ контрактомъ выплатить мнѣ въ теченіе 10 лѣтъ и безъ процентовъ. Найдя такое условіе для меня обиднымъ и ихъ компрометирующимъ, я не желала его подписывать. Тогда они уговорили меня какъ уже записанное въ книгѣ подписать, а что они выдадутъ мнѣ, особо отъ сего, росписку, уплатить этотъ же капиталъ въ теченіе 3 лѣтъ, но когда на самомъ дѣлѣ и выдали, то черезъ нѣсколько времени просили росписку имъ возвратить, съ тѣмъ, что черезъ полгода отдадутъ весь капиталъ, и, когда я въ этомъ усомнилась, они подтвердили свое обѣщаніе божбою. Я какъ роднымъ племянникамъ и крестникамъ своимъ, повѣрила, и зная, что они мнѣ близкіе, припомнятъ мои попеченія о нихъ и сдержатъ свое слово, росписку возвратила, но за всѣмъ тѣмъ и понынѣ капитала не уплатили.

„На это г. Мясниковъ не возражалъ, а обѣщалъ всему присутствію дворянской опеки о примиреніи со мною“.

Жалоба эта была подана въ опеку 19-го мая 1864 года. 26 мая того же года въ опеку было подано прошеніе несовершеннолѣтняго сына умершаго полковника Шишкина, который въ этомъ прошеніи говоритъ слѣдующее: „Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ себя помнить, всегда находился въ домѣ моей бабушки Екатерины Васильевны Бѣляевой, всегда пользовался ея попеченіями, ласками и заботами, а потому и всегда смотрѣлъ на нее какъ на родную мать мою, которую она мнѣ и замѣнила во всемъ; покойный же отецъ мой, котораго я помню, передалъ меня ей и никому болѣе меня не поручалъ,

а потому желаніе и воля моей бабушки мнѣ священны и по гробъ мой останусь ей преданнымъ и благодарнымъ, какъ сынъ къ матери. Нынѣ, когда я, благодаря, собственно, однимъ ея попеченіямъ, достигнулъ 14-ти лѣтняго возраста, въ которомъ мнѣ предоставлено закономъ просить все мнѣ необходимое, вынужденнымъ нашелся просить дворянскую опеку, назначить мнѣ въ попечители г-на Родіонова, съ тѣмъ чтобы онъ облегчилъ заботы моей бабушки по воспитанію моему и по дѣламъ моимъ и ходатайствовалъ въ дворянской опекѣ обо всемъ мнѣ необходимомъ, защищалъ мою личность и мое имущество. Нынѣ я узналъ, что опекуны мои, дядя мой Иванъ Константиновичъ Мясниковъ и посторонній человѣкъ, докторъ г. Отто, навлекаютъ неудовольствіе моей бабушки, обвиняютъ ее въ моемъ воспитаніи, поставляя на видъ, что я въ моемъ возрастѣ нахожусь только во 2-мъ классѣ гимназіи, желаютъ, чтобы я былъ отданъ въ пансіонъ полнымъ пансіонеромъ, для приготовленія меня въ Лицей, отказываютъ ей въ выдачѣ, требуемаго ею на мое воспитаніе, содержанія и прочаго для меня необходимаго, настаиваютъ объ увольненіи моей бабушки отъ званія опекунши и, кромѣ того, обвиняютъ ее, что будто бы она не пускаетъ меня къ моимъ дядямъ и отчуждаетъ меня отъ нихъ, мнѣ кровныхъ; а изъ дядей моихъ Иванъ Константиновичъ еще желаетъ меня взять къ себѣ. Съ душевнымъ прискорбіемъ узнавъ обо всемъ этомъ, я не могу оставаться равнодушнымъ, а потому имѣю честь объяснить, что образованіемъ моимъ распоряжалась не бабушка, а дяди мои, и въ гимназію отданъ по ихъ желанію, гдѣ и нахожусь два года; мое же лучшее и постоянное желаніе, достойнымъ образомъ окончить курсъ наукъ; я объявилъ своей бабушкѣ, что желаю готовиться къ военной службѣ и прошу ее приготовить меня къ поступленію не въ Лицей, какъ настаиваютъ мои опекуны, противно моему призванію, а въ одно изъ военно-учебныхъ заведеній. Бабушка моя на столько добра, что не въ состояніи мнѣ запретить ходить къ моимъ дядямъ, а я самъ къ нимъ не ходилъ, потому что никогда не пользовался ихъ

расположеніемъ и любовью, жить же кромѣ какъ у бабушки, ни у кого другаго не желаю. тѣмъ еще болѣе, что я отданъ къ ней моимъ отцемъ, а воля отца, мое лучше, достояніе, для меня священна, и надѣюсь, что никто не вправѣ, эту священную для меня волю, измѣнить. (Такъ какъ моимъ отцемъ я порученъ никому другому какъ бабушкѣ)".

Въ виду этого, Шишкинъ просилъ, чтобы было опредѣлено, другихъ опекуновъ устранить отъ опеки и всѣ притязанія ихъ къ его бабушкѣ считать покончеными. Въ такомъ положеніи находилось дѣло въ маѣ 1864 г 15-го ноября 1864 г. къ уѣздному предводителю дворянства, графу Апраксину, отъ Бѣляевой поступило прошеніе слѣдующаго содержанія:

„Вчера внукъ мой Иванъ Шишкинъ, отправившись въ пансіонъ Келлера, болѣе ко мнѣ не возвращался. Я, въ изступленіи отъ страха, бросилась во всѣ части города розыскивать его и, не сыскавъ его нигдѣ и пріѣхавши домой, не знаю, что со мною и было, потерявъ всякое сознаніе, а теперь лежу въ постели отъ испуга и изнеможенія. Сегодня утромъ мнѣ подали письмо отъ опекуна, Ивана Мясникова, полученное вчера вечеромъ, которымъ увѣдомляетъ меня, что племянникъ его, а мой внукъ Иванъ Шишкинъ, вчера остался у него, но кто его взялъ изъ пансіона до классовъ, о томъ въ письмѣ своемъ умалчиваетъ, а прилагаетъ мнѣ письмо его, писанное, какъ видно, подъ диктовку, въ которомъ, ни въ чемъ не обвиняя меня, говоритъ, что воспитаніе его требуетъ болѣе серьезнаго направленія, чего онъ у меня имѣть не можетъ, тогда какъ всѣ средства къ его воспитанію, всегда мною были ему предоставлены, и онъ это самъ сознавалъ и никогда не желалъ оставить меня. Опекунъ Иванъ Мясниковъ и его братъ, всѣми мѣрами домогались вырвать отъ меня моего внука, врученнаго мнѣ покойнымъ отцемъ его, и для этой цѣли, не взирая, что я имъ тетка и крестная мать, рѣшились оклеветать меня предъ дворянскою опекою и гражданскою палатою и, не довольствуясь симъ, какъ изволите видѣть, рѣшились похитить и его самого и тѣмъ нанести мнѣ ударъ, который

я едва ли въ состояніи пережить, что̀ они очень хорошо знаютъ, будучи увѣрены въ моей привязанности къ мальчику, котораго съ пеленокъ нянчила и берегла, какъ глазъ свой. Опекунъ Мясниковъ, похитивъ отъ меня внука тайно, какъ видно, заставилъ его написать мнѣ письмо; но дѣйствительно ли оное писано имъ и дѣйствительно ли онъ самъ желалъ оставить мой домъ, не предупредивши меня объ этомъ, подлежитъ крайнему сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что на-дняхъ еще дяди его звали къ себѣ обѣдать, и онъ со слезами меня умаливалъ, позволить ему не ходить. Я страшусь за внука моего, что такой поступокъ съ нимъ не можетъ не подѣйствовать на него, какъ на мальчика слабаго сложенія, отъ чего онъ легко можетъ впасть въ болѣзнь, и я, которая до сего времени лелѣяла его какъ сына моего, могу безвозвратно его потерять. Умоляю, ваше сіятельство, войдите въ положеніе малолѣтняго, поспѣшите, по праву предводителя дворянства, предупредить плачевные результаты незаконнаго и тайнаго его увоза отъ меня; а потому имѣю честь покорнѣйше просить, призвавъ его, Шишкина, къ особѣ вашей и убѣдившись въ противныхъ письму его чувствахъ, мнѣ его передать чрезъ попечителя, тѣмъ болѣе, что въ передачѣ его Ивану Мясникову, дворянскою опекою отказано, а если, на самомъ дѣлѣ, малолѣтній мною недоволенъ и желалъ перейти къ нему, Мясникову, то этотъ послѣдній обязанъ былъ не тайно его увезти и склонить у себя остаться, а обратиться о томъ къ вашему сіятельству, какъ уѣздному предводителю дворянства, которому высшею властью предоставлено разбирательство жалобъ дворянъ. а тѣмъ болѣе малолѣтнихъ. Я надѣюсь, ваше сіятельство, что не оставите моей просьбы безъ вниманія и не возьмете на свой страхъ всѣхъ дурныхъ послѣдствій, могущихъ произойти отъ самовольнаго поступка Мясникова, который ничѣмъ оправдаться не можетъ".

Вслѣдствіе этого Бѣлясева проситъ предводителя дворянства войти въ разсмотрѣніе дѣла и оградить какъ ее, такъ и интересы малолѣтняго Шишкина и разъяснить, подъ вліяніемъ чьихъ вну-

шеній Шишкинъ оставилъ ея домъ. Къ этому прошенію приложено ею слѣдующее письмо, полученное въ тотъ день отъ Ивана Мясникова:

„Милостивая государыня

„Екатерина Васильевна!

„Племянникъ мой Ваня Шишкинъ, котораго я и опекунъ, остался у меня, а какія тому причины, то для ясности прилагаю въ подлинникѣ его собственноручное письмо, адресованное на ваше имя.

„Вашъ покорный слуга,

„опекунъ Шишкина

„*И. Мясниковъ*".

1864 года, ноября 16 дня.

Въ приложенномъ письмѣ сказано слѣдующее:

„Милая, дорогая бабушка!

„Не могу не сознаться, что любовь моя къ роднымъ дядямъ моимъ, которые родные братья моей покойной матери, никогда не остывала во мнѣ, а тѣмъ болѣе, что все то, что я слыхалъ отъ васъ дурнаго о нихъ, нахожу несправедливымъ; но, бывъ такъ молодъ, я долженъ былъ покоряться судьбѣ. Всѣ препятствія, которыя мнѣ дѣлались къ отчужденію меня отъ родныхъ моихъ дядей Мясниковыхъ, доводятъ меня до того, что я не могу у васъ жить болѣе и прошу не сердиться на меня за это. Я перешелъ къ роднымъ моимъ дядямъ, изъ которыхъ одинъ изъ нихъ и мой опекунъ. Мое воспитаніе требуетъ болѣе серьезнаго направленія, чего я у васъ не могу имѣть. Попечитель же мой, г. полковникъ Родіоновъ, хотя и выбранъ мною, но не по убѣжденіямъ моимъ а другихъ лицъ, и мнѣ очень стыдно, что я сдѣлалъ это, такъ какъ онъ человѣкъ мнѣ вовсе былъ незнакомый и неизвѣстный, тогда какъ у меня есть самые близкіе родственники братья Мясниковы, которыхъ я люблю, уважаю и вполнѣ на нихъ полагаюсь, какъ на роднаго сво-

его отца, а потому считаю для себя священною обязанностью просить опеку о перемѣнѣ и самого попечителя, замѣняя его роднымъ моимъ дядею Александромъ Мясниковымъ. Простите меня, что я такъ пишу; но это сердце мое говоритъ; вы сами видите, что это непреложная истина. Я васъ люблю и буду любить васъ, моихъ кровныхъ родственниковъ Мясниковыхъ, и если по сіе время и былъ удаленъ отъ нихъ, то это причина зависѣла не отъ меня, а отъ васъ.

„Простите меня и не браните. Хоть горько мнѣ это писать, но что же дѣлать!

„Благодарю васъ, дорогая бабушка, за всѣ ваши попеченія, которыя вы бабушка, имѣли обо мнѣ по сіе время, которыхъ я вѣкъ не забуду. Посѣщать я васъ буду постоянно, но только не сердитесь, что жить я у васъ не могу.

„Цалую ваши ручки и прошу васъ опять не сердиться на меня.

„Истинно любящій“ и т. д.

Такимъ образомъ вы изволите усмотрѣть, что дѣло по опекѣ Шишкина началось съ прошенія Бѣляевой, поданнаго въ началѣ мая, о неправильныхъ дѣйствіяхъ Ивана Мясникова и заключавшаго въ себѣ просьбу, о назначеніи новыхъ соопекуновъ и объ устраненіи ея, Бѣляевой, въ виду того, что ей постоянно наносятъ оскорбленія. Это прошеніе подкрѣплялось письмомъ Шишкина, въ которомъ онъ требовалъ, чтобы его оставили у бабушки и объявлялъ, что не желаетъ жить у Мясниковыхъ. Въ ноябрѣ это дѣло принимаетъ другой оборотъ: малолѣтній Шишкинъ былъ уведенъ отъ Бѣляевой и прислалъ ей письмо, которое я прочелъ. Послѣдствіемъ этого было разбирательство, происходившее по требованію петербургскаго генералъ-губернатора, вслѣдствіе свѣдѣній, полученныхъ имъ отъ предводителя дворянства. Разбирательство это было произведено самимъ предводителемъ дворянства, причемъ въ настоящемъ производствѣ имѣется, относящееся собственно къ этому вопросу, слѣдующее представленіе, или

письмо Бѣляевой предводителю дворянства графу Апраксину:

„Милостивый государь
Графъ Иванъ Александровичъ!

„Не позволяя себѣ оставить въ мнѣніи вашемъ какое-либо недоразумѣніе о причинахъ побѣга отъ меня внука моего Ивана Шишкина, считаю необходимымъ представить у сего, вашему сіятельству, при копіи, найденныя мною въ комнатѣ Шишкина собственноручныя записки къ нему гувернера его Рицціони, изъ которыхъ изволите усмотрѣть, какимъ унизительнымъ, безчестнымъ способомъ постепенно развиваемо было въ немъ чувство нерасположенія и неблагодарности ко мнѣ, а изъ прилагаемаго же у сего безъимяннаго письма, адресованнаго ко мнѣ тѣмъ же Рицціони, видно о предосудительномъ предложеніи, сдѣланномъ ему со стороны гг. Мясниковыхъ.

„За симъ мнѣ остается только покорнѣйше просить ваше сіятельство, обратить вниманіе на нравственность лицъ, коимъ ввѣрены благосостояніе и вся участь малолѣтняго Шишкина.

„Съ глубочайшимъ и т. д.

„Е. Бѣляева".

Апрѣля 1865 года.

Приложенное письмо неизвѣстно кѣмъ писано, но, какъ сейчасъ увидите изъ дѣла, повидимому, принадлежитъ Рицціони. Содержаніе его слѣдующее:

„Екатерина Васильевна!

„Какой-то вамъ очень извѣстный господинъ былъ недавно у г. Рицціони, (имѣвшаго честь быть гувернеромъ при вашемъ племянникѣ), и живущій на Петербургской сторонѣ, Большая-Зеленина улица, близъ Крестовскаго моста, домъ Каминцевой, № 22, а въ городѣ—на Итальянской, близъ Маріинской больницы, домъ Козьмина, кварт. № 8.

„Этотъ господинъ со стороны господъ Мясниковыхъ принесъ какую-то бумагу, въ которой, въ длинномъ разсказѣ, сказано было, будто Екатерина Васильевна даетъ воспитанію Ивана Шишкина самое дурное направленіе, и просилъ господина Рицціони, бывшаго у него гувернеромъ около 4-хъ лѣтъ, подписать ее.

„Эта бумага должна была служить доказательствомъ дурнаго будто бы направленія воспитанія Ивана Шишкина и клонить судъ къ рѣшенію, отнять его отъ Екатерины Васильевны Бѣляевой.

„Господинъ Рицціони отвѣчалъ ему, что онъ, имѣвши время и честь въ теченіе 4-хъ лѣтъ узнать твердость характера и строжайшія правила Екатерины Васильевны, ему подписать эту бумагу невозможно, ибо это было бы ложно: ибо г. Рицціони, который изъ всѣхъ тогда окружающихъ Екатерину Васильевну былъ ей болѣе преданъ, чѣмъ она, Екатерина Васильевна, изволила воображать, и готовъ доказать передъ судомъ и передъ всѣми то, что правда.

„Надъ этимъ извѣстный вамъ господинъ извинился и оставилъ г. Рицціони".

Іюня 29-го дня 1864 г.

Къ этому приложены пять записокъ на клочкахъ бумаги, написанныхъ по французски и по нѣмецки рукою Рицціони, которыя были найдены Бѣляевою въ комнатѣ Шишкина. Я буду имѣть честь представить вамъ переводы съ нихъ, удостовѣренные, при производствѣ дѣла, въ канцеляріи генералъ-губернатора. Записки адресованы къ Шишкину. Въ первой изъ нихъ сказано:

„Когда она вамъ скажетъ: Богъ тебя накажетъ, то отвѣ-„чайте: васъ Богъ накажетъ, а не меня. Я ничего дурнаго „не дѣлаю, а вы, не проходитъ часа, чтобы кого-нибудь вы „не обидѣли напрасно, только по вашей глупости".

Изъ остальныхъ записокъ прокуроръ привелъ слѣдующія выдержки:

„Если она васъ разсердитъ, то назовите ее канальей, му-

„жичкой, дочерью крѣпостнаго, тогда какъ я дворянинъ по „отцу и смѣюсь надъ вами".

„Она васъ будетъ удерживать, плакать, разыграетъ сцену; „но подумайте, что это изъ-за денегъ: если-бы вы были бѣд- „ны, то она выгнала бы васъ сама. И такъ, будьте безъ „жалости, потому что она хочетъ разбогатѣть на вашъ счетъ. „Она дурно говоритъ про дядей, чтобы удобнѣе самой воро- "вать. Подумайте, что̀ вы перенесли во время своего пребы- „ванія въ ея собачьемъ домѣ, и у васъ достанетъ смѣлости, „оставить ее, говоря: „Довольно я перенесъ отъ васъ. Богъ „васъ благослови, а чортъ побери дикарку этакую! А, вы „хотѣли со мной обходиться какъ съ ребенкомъ! Я покажу „вамъ, что я уже не дитя, и что вы имѣете дѣло съ И. „Шишкинымъ".

„Не бойтесь ничего, ни окружающихъ, ни условій, потому „что всѣ ее ненавидятъ и льстятъ ей; она окружена нищи- „ми старухами, которыя ненавидятъ ее за скупость, прода- „вать старыя бутылки".

Въ связи съ этими письмами находится письмо Рицпони на имя петербургскаго предводителя дворянства, въ которомъ Рицпони объяснилъ, что малолѣтній Шишкинъ уведенъ изъ дома Бѣляевой имъ, Рицпони, къ чему его убѣдили Мясни- ковы, за условленную плату, которой, впрочемъ, онъ не по- лучилъ, и, чтобы склонить малолѣтняго на переходъ, онъ, въ теченіе шести недѣль, боролся съ бездною препятствій, а что дѣйствительно малолѣтній былъ имъ возбужденъ противъ бабки, то это подтверждается его записками, найденными въ комнатѣ Шишкина. Затѣмъ въ письмѣ разсказывается, что Мясниковъ, не смотря, на обѣщаніе быть чрезвычайно благодарнымъ Рицпони, благодарности не оказалъ. Это Рицпони крайне удивило; но, не смотря на всѣ его стрем- ленія, какимъ-либо образомъ напомнить Мясникову о дан- номъ словѣ, Мясниковъ его не сдержалъ, „да еще, вѣ- роятно — изъ благодарности — говоритъ Рицпони — отка- залъ мнѣ отъ мѣста, лишивъ меня такимъ образомъ жало-

ванья, единственнаго способа къ существованію; а я—отецъ семейства". Письмо подписано: „А. Рицпони, учитель иностранныхъ языковъ и музыки".

Въ связи съ этими письмами слѣдуетъ рапортъ предводителя дворянства Петербургскаго уѣзда генералъ-губернатору отъ 5-го декабря, въ которомъ сказано, что ссылка опекуновъ на журналъ дворянской опеки, состоявшійся безъ справки изъ дѣла, не можетъ оправдывать ихъ дѣйствій, причемъ указано на безпорядки по опекѣ. Наконецъ, въ связи со всѣми прочитанными документами, находится предложеніе петербургскаго уѣзднаго стряпчаго дворянской опекѣ; изъ этой бумаги я прочту 1 пунктъ, какъ относящійся къ предмету настоящаго дѣла:

„По опекунству надъ малолѣтнимъ Иваномъ Шишкинымъ, опекунъ, титулярный совѣтникъ Иванъ Мясниковъ, въ прошеніи, поданномъ 3-го декабря 1864 года въ Санктпетербургскую дворянскую опеку, объяснилъ, что соопекунша его, вдова купца Екатерина Бѣляева, постоянно ему во всемъ противодѣйствуетъ, вслѣдствіе того, что она, какъ сама выразилась и извѣстно дворянской опекѣ; находится съ нимъ, Мясниковымъ, въ непримиримой враждѣ. Отъ сего возникаютъ различныя дѣла, которыя состояли въ разсмотрѣніи дворянской опеки и могутъ впредь поступить на разсмотрѣніе оной. Между тѣмъ, одинъ изъ членовъ дворянской опеки, г. Чевакинскій, находится съ г-жею Бѣляевою въ тѣсной дружбѣ и постоянно руководитъ ее въ ея дѣлахъ. При такомъ расположеніи къ враждебной ему сторонѣ, онъ, Мясниковъ, не можетъ ожидать для себя безпристрастія отъ г. Чевакинскаго, котораго вслѣдствіе сего просилъ устранить отъ всякаго участія по дѣлу объ опекунствѣ надъ малолѣтнимъ Иваномъ Шишкинымъ".

Въ дополненіе къ прочитаннымъ документамъ, имѣю честь объяснить, что Чевакинскій дѣйствительно представилъ въ дворянскую опеку обширный рапортъ, въ которомъ, изложивъ происходившіе въ опекѣ упущенія, растраты, недочеты, полагалъ дѣло объ опекѣ Шишкина прекратить. Въ 1865 году,

въ концѣ, состоялось примиреніе между Мясниковыми и Бѣляевою, которая была отстранена отъ опеки. Къ объясненію этого примиренія, какъ мнѣ кажется, могутъ служить нѣкоторые документы, которые находятся въ вещественныхъ доказательствахъ, отобранныхъ у Бѣляевой при обыскѣ. Сюда относятся слѣдующіе документы: черновое обязательство Мясниковыхъ заплатить Бѣляевой 20,000 руб., никѣмъ не подписанное и, очевидно, имѣющее значеніе лишь проекта. Въ немъ содержится писанный Бѣляевою разсчетъ съ имущества, оставшагося послѣ ея мужа, суммою до 700,000 р. Кромѣ того у Бѣляевой найдена черновая записка, неизвѣстно кѣмъ написанная, имѣющая видъ сдѣлки о примиреніи, съ опредѣленіемъ размѣровъ и сроковъ уплаты за это примиреніе. Далѣе у Бѣляевой найдены были два письма, содержанія близко сходнаго съ этимъ, но съ болѣе рѣзкими выраженіями, содержаніе которыхъ изложено въ обвинительномъ актѣ. Письмо это находится въ трехъ экземплярахъ. Изъ нихъ два переписаны весьма четкимъ и краснвымъ почеркомъ. Одинъ составляетъ черновую. Въ концѣ его женскою рукою — если судъ разрѣшитъ, то, можетъ быть, объяснится чьею—прописанъ весь разсчетъ убытковъ, понесенныхъ Бѣляевою отъ размѣна 35,000 руб. акціями. Вы слышали, гг. присяжные засѣдатели, изъ тѣхъ документовъ, которые я прочелъ до сихъ поръ, что до конца 1866 года Бѣляева находилась въ отношеніяхъ крайне враждебныхъ къ Мясниковымъ. Повѣреннымъ ея былъ Чевакинскій, порицавшій дѣйствія Мясниковыхъ, и только въ 1866 году состоялось, повидимому, примиреніе; по крайней мѣрѣ, въ началѣ 1868 года мы имѣемъ письма Чевакинскаго къ А. К. Мясникову, гдѣ прибавлено, въ каждомъ почти письмѣ, слѣдующее: „Преданный вамъ Чевакинскій“. Изъ этихъ писемъ, въ которыхъ говорится о дѣлахъ Мясникова, видно, что Чевакинскій ходатайствуетъ по дѣламъ его и прибавляетъ почти въ каждомъ письмѣ: „Пишу къ вамъ у Катерины Васильевны“; „пишу отъ Катерины Васильевны“; „преданный; вамъ“ „готовый къ услугамъ“. Очевидно,

эти письма указываютъ на нѣкоторую близость Чевакинскаго къ Мясниковымъ послѣ 1868 года, при чемъ онъ ведетъ ихъ дѣла. Затѣмъ, гг. присяжные засѣдатели, въ дополненіе ко всему тому, что я сказалъ, имѣю честь еще указать вамъ на письмо доктора Отто, адресованное къ Е. В. Бѣляевой, въ которомъ говорится, что Отто долженъ былъ послать извѣстную Бѣляевой бумагу, чтобы избѣжать слуховъ объ отравленіи.... Я долженъ еще заявить, что можетъ быть, въ связи съ этими бумагами находится заявленіе И. Мясникова и Отто въ январѣ 1864 года, что Бѣляева не можетъ быть опекуншею и ее слѣдуетъ устранить. Таковы документы, на которые я имѣю честь просить васъ, гг. присяжные засѣдатели, обратить вниманіе. Изъ нихъ вы изволите усмотрѣть, что они тимѣютъ существенную связь съ настоящимъ дѣломъ, указываютъ на то, что въ 1864 году отношенія между Бѣляевою и Мясниковыми измѣнились, вслѣдствіе общей привязанности ихъ, общей родственной связи съ малолѣтнимъ Шишкинымъ, какъ они становились все болѣе и болѣе натянутыми подъ вліяніемъ тѣхъ внушеній, которыя дѣлались Шишкину, какъ чрезъ посредство самой Бѣляевой, которая, по словамъ нѣкоторыхъ лицъ, внушала ему ненависть къ Мясниковымъ, такъ и подъ руководствомъ Риццони. Затѣмъ состоялось примиреніе, на которое указываетъ разсчетъ мировой, прочитанный мною, и, наконецъ, условіе въ которомъ изложено требованіе Бѣляевой къ Мясниковымъ; затѣмъ повѣренный Бѣляевой, членъ дворянской опеки Чевакинскій, дѣйствовавшій, повидимому, противъ Мясниковыхъ, съ 1867 г. переходитъ на ихъ сторону и пишетъ къ А. Мясникову письма отъ имени Бѣляевой.

Прис. повѣр. Арсеньевъ. Я просилъ бы васъ, гг. присяжные засѣдатели, обратить вниманіе на то, что несогласія между Бѣляевою и Мясниковыми начались, какъ видно изъ объясненія прокурора, въ 1864 году, когда возникъ вопросъ объ опекѣ надъ Шишкинымъ, а въ январѣ 1865 года, началось производство управы благочинія по вопросу объ ис-

полненіи Мясниковыми условія 22-го декабря 1858 года. Затѣмъ, прошу обратить вниманіе, что прошеніе въ казенную палату, съ котораго г. прокуроръ началъ свое объясненіе, подано въ 1865 году, т. е. черезъ годъ послѣ начатія дѣла объ опекѣ и болѣе шести мѣсяцевъ послѣ дѣла объ условіи. Затѣмъ не буду ничего говорить о томъ, что было изложено г. прокуроромъ, такъ какъ остаюсь при убѣжденіи, что это никакого отношенія къ дѣлу не имѣетъ, и это убѣжденіе въ свое время будетъ мной выяснено; но прошу обратить вниманіе, что французскія записки, которыхъ переводъ былъ прочитанъ, не исходятъ отъ братьевъ Мясниковыхъ. Затѣмъ я желалъ бы знать, какое значеніе г. прокуроръ придаетъ окончанію дѣлъ въ 1866 году? Судебныя дѣла между Бѣляевой и Мясниковыми производились до 1868 года и окончены не мировою, а рѣшеніемъ гражданскаго департамента с.-петербургской судебной палаты. Если въ глазахъ г. прокурора вопросъ объ окончаніи дѣла въ 1866 или 1868 г. имѣетъ важность, то я просилъ бы къ завтрашнему дню истребовать изъ гражданской палаты дѣло 1868 г., которое показало бы, что въ 1868 году споръ между Мясниковыми и Бѣляевою еще не былъ оконченъ. Если этотъ фактъ будетъ признанъ за доказанный, то, очевидно, та записка, въ которой изложены условія мировой, не имѣетъ значенія, потому что она, очевидно, написана до 1866 года, и въ ней говорится: въ 1866 году уплатить столько-то; между тѣмъ, мы знаемъ содержаніе условія 22-го декабря о выдачѣ Бѣляевой въ продолженіе 10 лѣтъ по 12,000 руб. въ годъ; слѣдовательно, записка выражаетъ такое предположеніе, которое не осуществилось.

Прокуроръ. Я готовъ согласиться, что есть рѣшеніе палаты, котораго я не имѣлъ въ виду, такъ какъ оно не приложено къ дѣлу, но просилъ бы указать на число, когда состоялось рѣшеніе.

Г. Арсеньевъ. 20-го февраля 1868 года.

Прокуроръ. Въ такомъ случаѣ прошу обратить вниманіе, что первое слѣдствіе началось въ іюлѣ 1868 г.

Г. Арсеньевъ. Въ предупрежденіе недоразумѣній, считаю нужнымъ сказать, что рѣшеніе 20-го февраля относится только къ взаимнымъ пререканіямъ Мясниковыхъ съ Бѣляевой, по условію 22-го декабря 1858 года.

Г. Языковъ. Я просилъ бы разъяснить, куда перешло дѣло дворянской опеки по спору объ опекѣ надъ Шишкинымъ, потому что споръ объ опекѣ конченъ рѣшеніемъ гражданской палаты, признавшей дѣйствія опекуновъ вполнѣ правильными.

Прокуроръ. Хотя по документамъ, находящимся при дѣлѣ, этого не видно, но вслѣдствіе глубокаго довѣрія, которое я имѣю къ гг. защитникамъ, считаю нужнымъ сказать, что достаточно одного ихъ заявленія, чтобы признать и допустить, что дѣло было рѣшено именно такимъ образомъ, какъ заявляется.

Г. Языковъ. Сверхъ того, я просилъ бы обратить вниманіе, что то производство, въ которомъ содержится заявленіе Бѣляевой, чтобы Мясниковы заплатили ей невѣдомою сохранною росписью, составляетъ часть одного производства, которое заключается въ томъ, что казенная палата взыскивала съ Бѣляевой недостававшія пошлины по завѣщанію, въ виду того, что по завѣщанію объявлена сумма менѣе стоимости переданнаго имѣнія. Вслѣдствіе этого, прошеніе Бѣляевой было направлено къ тому, чтобы доказать предъ казеннымъ мѣстомъ, что уплаченныя пошлины соотвѣтствовали переданному имѣнію. Затѣмъ по поводу прошенія, которое 26-го мая 1864 года подано Шишкинымъ, о назначеніи опеки, я покорнѣйше прошу вспомнить юридическія фразы и тонъ этого прошенія и сопоставить ихъ съ возрастомъ Шишкина, которому было тогда только 14 лѣтъ. Затѣмъ прошу припомнить, что всѣ письма, которыя были прочитаны здѣсь въ переводахъ съ французскаго и нѣмецкаго языковъ, подписаны нѣкіимъ Рицціони, который, по собственному его сознанію въ

письмѣ, прочитанномъ намъ, уволенъ отъ должности Мясниковымъ. Затѣмъ, вообще, относительно этихъ прошеній, которыя были прочитаны, я прошу припомнить тонъ и самыя фразы этихъ прошеній. Это будетъ имѣть значеніе впослѣдствіи.

Г. Арсеньевъ. Я забылъ еще сказать, что хотя черновыя письма обращены, повидимому, къ Мясникову съ разными упреками, но по показанію Бѣляевой, она никогда подобныхъ писемъ не писала; что они найдены не у Мясникова, которому адресованы, а у Бѣляевой. Происхожденіе ихъ будетъ объяснено однимъ изъ свидѣтелей.

Подс. И. Мясниковъ объяснилъ, что дѣло объ опекѣ Шишкина, изъ дворянской опеки, перешло въ гражданскую палату. По рѣшенію палаты, всѣ его счеты по опекѣ признаны правильными, причемъ палата нашла, что онъ увеличилъ капиталъ Шишкина на 100,000 руб., не бралъ опекунскаго вознагражденія и не ставилъ въ счеты никакихъ расходовъ на содержаніе Шишкина.

Предс. разъяснилъ присяжнымъ засѣдателямъ, что всѣ изложенныя прокуроромъ бумаги, относящіяся къ опекѣ, могутъ и должны имѣть значеніе только для разъясненія тогдашнихъ отношеній Бѣляевой къ Мясниковымъ. Что касается того, какимъ образомъ Иванъ Мясниковъ управлялъ дѣлами Шишкина, этотъ вопросъ совершенно къ настоящему дѣлу не относится. Поэтому тѣ указанія, которыя заключаются въ имѣющемся производствѣ, что Мясниковъ управлялъ дѣлами нехорошо, не могутъ и не должны имѣть никакого значенія при разсмотрѣніи вопроса о завѣщаніи.

Прокуроръ просилъ обратить вниманіе на то, что онъ указывалъ на упомянутые документы, какъ на разъясняющіе отношеніе Бѣляевой къ Мясниковымъ, и наоборотъ. Эти указанія были направлены къ тому, чтобы показать, какія обвиненія дѣлалъ Чевакинскій; но самъ прокуроръ не придаетъ имъ никакого значенія и готовъ удостовѣрить, что, какъ видно изъ производства дворянской опеки, дѣйствительно опе-

ка Мясниковыхъ надъ Шишкинымъ была признана совершенно правильною.

Послѣ перерыва, въ 2 часа, снова открыто было засѣданіе и къ допросу вызванъ *свид. прис. стряпчій П. И. Сысоевъ*. Онъ отвергаетъ показаніе Шевелева. Шевелевъ лично подтвердилъ ему письмо, выданное имъ Ижболдину и разсказывалъ ему, свидѣтелю, еще больше всякихъ исторій о Мясниковыхъ, объ убійствахъ, отравленіяхъ и проч., разсказывалъ притомъ съ такими подробностями, такъ картинно, что казался болѣе чѣмъ очевидцемъ въ происшествіяхъ, о которыхъ онъ разсказывалъ.

Сдѣлана была очная ставка свидѣтелю Сысоеву съ свид. Шевелевымъ.

Оба остались при своихъ показаніяхъ.

Затѣмъ *свид. Сысоевъ* заявилъ, что на прошлой недѣлѣ онъ слышалъ отъ присяжнаго стряпчаго Конради, что на-дняхъ родственникъ послѣдняго привезъ изъ Франціи какого-то Шевелева, выданнаго русскому правительству въ качествѣ политическаго преступника. Шевелевъ всю дорогу разсказывалъ своему спутнику о дѣлѣ Мясниковыхъ и говорилъ, что желаетъ, наконецъ, сбросить съ себя это ярмо и сказать суду всю правду о злоупотребленіяхъ, которыя творились по этому дѣлу.

Свид. Шевелевъ. Я это и исполнилъ! *(Движеніе)*.

Свид. Красильниковъ, молодой врачъ, братъ купца Красильникова, показалъ, что познакомился съ Шевелевымъ въ Спасской части, гдѣ былъ частнымъ врачемъ. Шевелевъ, узнавъ его фамилію и родство съ Александромъ Федоровичемъ, сталъ разсказывать, что ему извѣстно о подложномъ составленіи завѣщанія Бѣляева. Свидѣтель, будучи знакомъ съ Ижболдинымъ, передалъ ему; что есть господинъ, который великолѣпно знаетъ объ этомъ дѣлѣ, и потомъ познакомилъ Ижболдина съ Шевелевымъ.

Свид. Шевелевъ заявилъ, что не имѣлъ съ Красильниковымъ такихъ разговоровъ.

Свид. графъ Апраксинъ, вызванный по ходатайству повѣр. гражд. истц., заявилъ, что лично ему ничего о дѣлѣ неизвѣстно, но что Чевакинскій говорилъ ему о слухѣ, что затѣваютъ процессъ противъ завѣщанія Бѣляева.

Свид. графъ Клейнмихель, будучи ктитромъ къ Преображенскомъ соборѣ, впродолженіи 7 лѣтъ, зналъ священника Сицилинскаго, какъ человѣка высокой нравственности, добраго, но строгаго въ отношеніяхъ къ своимъ подчиненнымъ. Ему было, когда онъ умеръ, болѣе 80 лѣтъ.

Свид. Китаевъ, камердинеръ Бѣляева, и *Петровъ*, лакей Бѣляева, служащій до сихъ поръ у Бѣляевой, подтвердили данныя ими на предв. слѣдствіи и извѣстныя изъ обв. акта показанія. Послѣдній говорилъ, что его не подкупали ни со стороны сыскной полиціи, ни со стороны Ижболдина, что подтверждалъ и на очной ставкѣ съ Бѣляевой, но спрошенный о томъ, не имѣлъ ли разговоровъ съ Ижболдинымъ, показалъ, что однажды былъ въ гостяхъ у Китаева, гдѣ встрѣтился съ Ижболдинымъ. Они порядочно подпили, и тогда Китаевъ сказалъ ему, Петрову: „Одно слово — и 1,000 руб.“ Объ этомъ онъ, Петровъ, и разсказывалъ Бѣляевой.

Свид. Афонасьевъ (служившій также у Бѣляева). Слышалъ, что Мясниковы увозили бумаги изъ кабинета Бѣляева. Когда обмывали тѣло, кабинетъ былъ кругомъ запертъ. Кабинетъ былъ запечатанъ послѣ смерти Бѣляева; но туда ходили. Въ 1858 г. Бѣляевъ, кажется, не былъ на дачѣ. О состояніи Бѣляева въ маѣ мѣсяцѣ—не припомнитъ. Въ день смерти Бѣляевъ былъ не совсѣмъ плохъ, самъ ходилъ.

Г. Арсеньевъ заявилъ, что Афонасьевъ на предварительномъ слѣдствіи показывалъ: въ маѣ Бѣляевъ былъ шибко плохъ и даже на дачу не переѣхалъ; недѣль черезъ 6 послѣ его смерти, въ дворнѣ разнесся слухъ, что была духовная, но перемѣнена.

Свид. Ремянникова (сестра Бѣляева). Въ день смерти Бѣляева она не знала, что̀ ей оставлено по завѣщанію. Она

была такъ огорчена, что не могла разсмотрѣть, выносили ли бумаги. Она просила Мясниковыхъ не оставлять ее, такъ какъ она здѣсь, какъ въ лѣсу, но въ ноги имъ не кланялась. Съ такою же просьбою Ремянникова обратилась къ Бѣляевой, которая обѣщала никогда ее не оставить. Она, отъ огорченія, сдѣлалась очень больна; тогда Бѣляева, утѣшая ее, сказала, что, вѣроятно, завѣщаніе найдется и она что нибудь получитъ. Бѣляевъ былъ очень недоволенъ своимъ племянникомъ Мартьяновымъ, который промоталъ 30,000 его денегъ. Свою сестру, Надежду Мартьянову, Бѣляевъ также не допускалъ къ себѣ. Передъ смертью Бѣляевъ говорилъ, что постарается устроить все и написать духовную. О смерти Бѣляева Ремянникова написала Мартьянову и сестрѣ Надеждѣ.

Прокуроръ заявилъ, что на предварительномъ слѣдствіи Ремянникова показала, что на той же недѣлѣ, когда умеръ Бѣляевъ, Каменскій и Шевелевъ говорили ей, что она не останется безъ куска хлѣба, если останется съ невѣсткою — то же подтвердила невѣстка (Бѣляева)—и что оставлено завѣщаніе; о томъ же, сколько ей оставлено, узнала черезъ шесть недѣль послѣ смерти Бѣляева.

Г. Арсеньевъ заявилъ, что, во второмъ показаніи, данномъ на предварительномъ слѣдствіи, Ремянникова измѣнила свое показаніе такимъ образомъ, что въ первый разъ о завѣщаніи брата, послѣ его смерти, услышала отъ вдовы, когда она выдала ей 4,000 р.; до того, въ теченіе первыхъ 40-ка дней, послѣ смерти Бѣляева, какъ вдова его, такъ Каменскій и Шевелевъ, утѣшая ее, Ремянникову, говорили, что она не останется безъ куска хлѣба, но сколько оставлено — не сказали.

Затѣмъ *свид. Ремянникова* показала, что Петровъ разсказывалъ ей, что его подпоили, причемъ Ижболдинъ подговаривалъ его показывать противъ Мясниковыхъ; но Петровъ не захотѣлъ ломать души. Тогда Ижболдинъ началъ ему

угрожать, даже началъ лѣзть съ кулаками, а Петровъ сказалъ: „смотри, у меня у самаго кулаки крѣпки!“

Свид. Штеммеръ. Онъ завѣдывалъ мебельнымъ магазиномъ Бѣляева и отошелъ по своей волѣ. Онъ слышалъ отъ Матвѣева, что духовное завѣщаніе фальшивое, подписано Карагановымъ, съ участіемъ Целебровскаго. Въ день похоронъ Бѣляева, его вдова сказала, что не было завѣщанія, при Воронинѣ, Кемпе—двоюродномъ братѣ Штеммера, Каменскомъ и при немъ, Штеммерѣ. Въ день смерти Бѣляева, или на другой день, Штеммеръ, когда пришелъ къ дому Мясниковыхъ, видѣлъ двѣ или три кареты у подъѣзда.

По предъявленіи Штеммеру, согласно просьбѣ *г. Арсеньева,* письма, въ которомъ онъ просилъ мѣста у Мясникова, Штеммеръ сперва отказался отъ этого письма, потомъ призналъ, что это письмо, по его просьбѣ, написано однимъ чиновникомъ.

Авдотья Кемпе показала, что ея племянникъ Штеммеръ, съ Ижболдинымъ, пріѣзжали къ ней и сказали, что потребуютъ ее въ свидѣтельницы; но она отказалась. Ея сынъ, служившій у Мясниковыхъ, не говорилъ ей о завѣщаніи Бѣляева.

Было прочитано показаніе крестьянки *Синцовой* о томъ, что она жила въ той квартирѣ, гдѣ нанималъ уголъ Штеммеръ, который постоянно бывалъ въ нетрезвомъ видѣ и часто разсказывалъ о дѣлѣ Мясниковыхъ. Услышавъ отъ нея, что она знаетъ фамилію Бѣляева, Штеммеръ сейчасъ узналъ ея имя и фамилію. Послѣ того приходилъ и спрашивалъ о ней какой-то господинъ, чтобы выставить ее свидѣтельницею.

Засѣданіе прервано въ 11 часовъ вечера и отложено до слѣдующаго утра.

IV.

(Засѣданіе 20-го февраля).

По открытіи засѣданія, судъ продолжалъ допросъ свидѣтелей.

Свид. Ульяна Дементьева. Жила у Натальи Карагановой, урожденной Обольяниновой, можетъ быть, лѣтъ 15 — съ перерывами. Разсказываетъ извѣстныя изъ обв. акта обстоятельства. Свид. не видала, чтобы Мясниковъ привезъ къ Карагановой узелъ, а только Караганова сказала ей утромъ, что „Мясниковъ принесъ какой-то узелъ съ деньгами. Жалко, что мы не вынули денегъ, не знали, что тамъ деньги". Караганова, послѣ пріѣзда изъ Казани, ничѣмъ не занималась, но одѣвалась хорошо и выѣзжала, а о своемъ мужѣ ничего не говорила. Карагановъ былъ не долго женихомъ, мѣсяца два или три.

Подс. Мясниковъ заявилъ, что онъ не привозилъ къ Карагановой узла съ деньгами. Онъ не сталъ бы кидать такъ денегъ. Онъ пріѣхалъ къ Карагановой по поводу ея письма, на 2-й день послѣ смерти Бѣляева. Она просила его иногда о помощи, и онъ давалъ ей небольшія деньги.

Г. Лохвицкій просилъ напомнить Мясникову показаніе, данное имъ на предварительномъ слѣдствіи.

Предс. сказалъ, что г. Лохвицкому долженъ быть извѣстенъ законъ, что объ этихъ показаніяхъ не можетъ быть рѣчи на судѣ.

Свид. кондукторъ Ивановъ. Жилъ у Карагановой и по ея порученію переписалъ письмо къ Мясникову, о которомъ говорится въ обв. актѣ, такъ какъ она очень дурно пишетъ.

Въ письмѣ было, между прочимъ, сказано: „помните, что я знаю о составленіи фальшиваго духовнаго завѣщанія купца Бѣляева".

Г. Арсеньевъ. На предварительномъ слѣдствіи Ивановъ показалъ, что въ письмѣ было сказано: „я должна васъ просить, какъ нищая, не знаю, забываете ли вы о завѣщаніи".

Свид. Ивановъ объяснилъ, что онъ былъ спрошенъ въ Варшавѣ на польскомъ языкѣ, которымъ не вполнѣ владѣетъ, но что онъ показывалъ прежде, какъ теперь.

Свид. д-ръ Тильманъ. Былъ, врачемъ у покойнаго Бѣляева съ 27-го іюля по 24-е сентября 1858 г. Бѣляевъ имѣлъ рака въ мочевомъ пузырѣ и испытывалъ сильныя страданія во время пароксизма болѣзни. Въ послѣднее время онъ не могъ даже лежать, и сидѣлъ большею частью за столомъ. Въ день смерти онъ былъ безъ памяти, а до того—въ хорошей памяти. У него ноги распухли, но онъ, можетъ быть, былъ въ состояніи сдѣлать нѣсколько шаговъ. Въ іюлѣ свид. уже убѣдился, что болѣзнь Бѣляева неизлечима. Мѣсяца за 4 или за 5 до смерти, Бѣляевъ испытывалъ большія страданія Эти припадки могли продолжаться четверть часа и полъ-часа. Въ послѣдлее время они случались часто.

Свид. Гротенъ. Знакомъ съ Мясниковыми. На похоронахъ Бѣляева спросилъ Мясникова: есть ли завѣщаніе? Мясниковъ сказалъ: нѣтъ—или не нашли—навѣрное не помнитъ, а черезъ нѣсколько дней сказалъ, что завѣщаніе найдено, что оно составлено въ порядкѣ и что онъ назначенъ наслѣдникомъ. Гротенъ зналъ Бѣляева за человѣка довольно богатаго; у него было, по крайней мѣрѣ, 500,000 руб.

Свид. Молво. Имѣлъ дѣла съ Бѣляевымъ лѣтъ 14 или 15. Излагаетъ объ обстоятельствахъ, упомянутыхъ въ обв. актѣ. Бѣляевъ имѣлъ хорошую репутацію и пользовался хорошимъ кредитомъ.

Свид. Клюевъ (бывшій конторщикъ Бѣляева). Въ 1-й день послѣ смерти Бѣляева, вечеромъ, слышалъ, что завѣ-

щанія послѣ него не осталось; завѣщаніе потомъ нашли, о чемъ сказали ему Ремянникова и Шмелевъ. Онъ писалъ Мартьяновой 2 письма, приглашая ее пріѣхать. Бѣлѣева была на похоронномъ обѣдѣ. Въ конторѣ находились расходныя книги и нѣсколько книгъ по откупамъ.

По требованію защиты, указавшей на противорѣчивость этого показанія съ 3-мя данными свид. на предварительномъ слѣдствіи, эти показанія были прочтены.

Свид. Клюевъ сказалъ, что разнорѣчія произошли отъ забывчивости и невнимательности.

Затѣмъ были прочитаны два письма Мартьяновой слѣдующаго содержанія:

1) „Милостивая государыня, Екатерина Васильевна!

„Во-первыхъ, желаю вамъ отъ Бога всѣхъ благъ, сожалѣю о потерѣ братца Кузьмы Васильевича, а также и сестры Анны Васильевны и сына моего Ивана Николаевича. Теперь осталась я одинокая, безъ брата и безъ сына, на которыхъ была надежда. Хоть вы и не увѣдомили меня о потерѣ столь драгоцѣнныхъ моихъ родныхъ, но я освѣдомилась объ этомъ случайно и потому за нужное считаю послать отъ себя повѣреннаго, для полученія имѣнія, въ числѣ котораго есть родовое отъ дяденьки нашего, Ивана Никифоровича, и которымъ воспользовался братецъ Кузьма Васильевичъ. Я бы не прибѣгла къ этому, если бы вы не забыли меня и извѣстили о волѣ братца своевременно и исполнили его волю. Милая моя Екатерина Васильевна, мужъ мой померъ четвертый годъ. Прошу васъ, какъ родную, не допускать до дальнихъ хлопотъ, раздѣлаться подушевно. Доброжелательница ваша Надежда Васильева Мартьянова. Если будете писать въ Сарапуль, то пишите въ домъ купца Ижболдина, Алексѣя Иванова, на чугунный заводъ. 28-го іюля 1860 года. Сарапуль".

„Любезные мои, Иванъ Алексѣевичъ и Анна Николаевна! Желаю вамъ добраго здоровья и въ дѣлахъ счастья Письма ваши получили 30-го августа. Пишете, что я осердилась, я

уже не смѣю писать, что будто я васъ разстраиваю, такъ ругаютъ, не дай Богъ. Гаврило Даниловичъ пріѣхалъ домой 1-го сентября, за банкомъ долго прожилъ, 4,000 серебромъ получилъ, Истръ съ Казанскимъ взялъ ему, чтобы полторы тысячи; еще домой не пріѣхалъ, и мы начинаемъ дѣлиться; товаръ сегодня переписываютъ весь, а дома уже послѣ Бугульминска; теперь не успѣютъ. Не знаю, гдѣ Богъ велитъ, въ которомъ домѣ останемся. Еще не на чего глядя, да уже много грѣха. А Надежда Васильевна все нездорова. При васъ, Аннушка, она была лучше, теперь хуже. Я ужасно боюсь, какъ бы не умерла: болѣзнь опасная, въ родѣ чахотки, задохла харкотина, кашель ужасный. Какъ бы нибудь поскорѣе, пожалуйста. Мясниковы здѣсь имѣютъ переписку, знаютъ, что здоровьемъ плоха, нарочно будутъ оттягать дальше, чтобы умерла. А ты пишешь, что тебя посылаютъ; но Надежду Васильевну не жди: она не поѣдетъ, куда хворую везти, только хуже надѣлаешь; я ей не велю даже на улицу выходить. Доброжелательница и сестра ваша, Зоя Пошехонова".

2) „Милые мои, Иванъ Алексѣевичъ и Анна Николаевна! Благодарю за письмо. Получила 31-го августа. Вы боитесь, чтобы не увезли меня въ Петербургъ. Почто я поѣду съ чужими, когда я не поѣхала съ тобою. Ты не ѣзди — не поѣду, да и нельзя. Теперь очень вы боитесь, чтобы я не помирилась. Я безъ вашего совѣта не сдѣлаю; только пошлите денегъ мнѣ: нѣтъ у меня. Все дорогое: восемь гривенъ масло скоромное, рыба 10 коп. серебромъ самый послѣдній сортъ, Николай денегъ взялъ въ банкѣ. Ольга Ивановна кланяется. Желаю всѣхъ благъ. Остаюсь жива-здорова, Надежда Мартьянова. Сентября 9-го числа 1861 года".

Свид. Авдотья Терентьева. Жила въ услуженіи у Ижболдиныхъ; Матвѣевъ ходилъ къ нимъ и постоянно говорилъ о подложности завѣщанія отъ имени Бѣляева и о томъ, что Мясниковы увезли изъ квартиры Бѣляева мѣшки съ 300,000 золотыхъ. По словамъ Матвѣева, завѣщаніе подписалъ за

Бѣляева Карагановъ. Кромѣ того; Матвѣевъ разсказывалъ, что его стращалъ какой-то офицеръ, что если онъ будетъ показывать противъ Мясниковыхъ, то его лишатъ дворянства и черезъ III отдѣленіе вышлютъ изъ Петербурга. Вслѣдствіе этого Матвѣевъ говорилъ, что если Мясниковы его стращаютъ, то онъ ихъ зарѣжетъ на судѣ. Терещьева не видала Матвѣева пьянымъ.

Было прочитано показаніе Матвѣева слѣдующаго содержанія:

„Отъ роду мнѣ 59-й годъ, вѣры я православной, подъ судомъ не былъ; проживаю Коломенской части, 1-го участка, по Крюковскому каналу, въ домѣ Погребова; занятій никакихъ не имѣю; страдаю въ настоящее время головною болью; недавно вышелъ изъ Куракинской больницы, что близъ Александровской Мануфактуры; съ купцомъ Иваномъ Алексѣевичемъ и женою его Анною Николаевною Ижболдиными, съ Александромъ и Иваномъ Мясниковыми родства и свойства и никакихъ особыхъ отношеній не имѣю, кромѣ того, что я управляю домомъ Александра Мясникова, въ Большой Морской. Покойнаго Козьму Васильевича Бѣляева я зналъ и былъ на его похоронахъ. На который день по смерти Бѣляева были его похороны—не помню. Послѣ похоронаго обѣда, молодежь, въ числѣ ея Шевелевъ, Целебровскій, Ермолинскій и другіе, которыхъ не припомню, собрались въ маленькую комнату курить папиросы. Пришелъ протоіерей Сицилинскій и говорилъ: „какъ вамъ, господа не стыдно курить табакъ, когда недавно была служба и курился ладонъ?„ Въ это время вошла въ эту комнату вдова, Екатерина Васильевна Бѣляева, и съ плачемъ и рыданіемъ, обращаясь къ Сицилинскому, сказала: „нѣтъ духовнаго завѣщанія„. Я понялъ слова эти такъ, что Бѣляева, удостовѣрившись въ кабинетѣ покойнаго, что нѣтъ завѣщанія, хотѣла узнать объ этомъ отъ Сицилинскаго, духовнаго отца всего семейства Бѣляева. Сицилинскій на это никакого отвѣта не далъ и ушелъ въ другія комнаты. Александръ Мясниковъ при мнѣ Шевелеву и

Кемпе завѣщанія не показывалъ, а однажды только за обѣдомъ, около двухъ недѣль послѣ похоронъ Бѣляева, при мнѣ и при нихъ говорилъ, что духовное завѣщаніе Бѣляева нашлось. Былъ говоръ, что Александръ Мясниковъ просилъ Шевелева и Кемпе, подписаться на завѣщаніи свидѣтелями; но это было не при мнѣ, и отъ кого я это слышалъ—не помню, только не отъ нихъ самихъ. Впослѣдствіи Александръ Мясниковъ отдалъ мнѣ духовное завѣщаніе, чтобы отвезти его къ секретарю гражданской палаты Носенко. Тогда я завѣщанія не разсматривалъ, не интересовался этимъ. Предъявленное мнѣ нынѣ завѣщаніе Бѣляева отъ 10-го мая 1859 года—то самое, которое я отвозилъ къ Носенко; оно было подписано свидѣтелями. Подпись „Козьма Бѣляевъ„ на этомъ завѣщаніи, какъ мнѣ кажется, не похожа на настоящія подписи Бѣляева, которыя я видалъ часто, такъ какъ былъ очень близкимъ человѣкомъ и даже другомъ Александра Мясникова. Въ письменномъ свѣдѣніи, данномъ мною Павлу Ивановичу Сысоеву 20-го декабря 1867 года и нынѣ мнѣ предъявленномъ, сказано, что Александръ Мясниковъ говорилъ что то тихо съ Кемпе и Шевелевымъ. Разговоръ этотъ вѣроятно былъ о духовномъ завѣщаніи, такъ какъ они только тѣмъ и были заняты, чтобы духовное завѣщаніе было утверждено. Было ли это прежде, или послѣ того, какъ я отвезъ завѣщаніе Носенко—не припомню, а должно быть послѣ. Повторяю, духовное завѣщаніе Бѣляева я увидѣлъ въ первый разъ, какъ Александръ Мясниковъ вручилъ мнѣ его для того, чтобы отвезти къ Носенко. Въ день смерти Бѣляева Александръ Мясниковъ послалъ за мною, чтобъ я пріѣхалъ въ домъ покойнаго. Я пріѣхалъ туда, и Александръ Мясниковъ далъ мнѣ обыкновенный листовой пакетъ, не запечатанный, въ которомъ находились бумаги, и просилъ отвезти этотъ пакетъ въ его домъ, а затѣмъ явиться въ домъ Бѣляева на панихиду. Исполнивъ его порученіе, отдавъ пакетъ камердинеру его Далатову, съ тѣмъ чтобы онъ положилъ его на письменный столъ, я возвратился въ домъ Бѣляева. Болѣе никакихъ

бумагъ при мнѣ Александръ Мясниковъ изъ дома Бѣляева не бралъ. Въ слѣдующую затѣмъ ночь и послѣ Александръ Мясниковъ считать деньги меня не заставлялъ, и я ихъ не считалъ. О сохранной росписке я ничего не знаю; а былъ говоръ, что Кемпе и Шевелевъ знаютъ о ней, но отъ кого я это слышалъ — не помню. При мнѣ Александръ Мясниковъ не спрашивалъ Кемпе и Шевелева, узнаютъ ли они на завѣщаніи подпись Бѣляева. Книгъ я изъ дома Бѣляева не перевозилъ и не видалъ, чтобы перевозилъ ихъ Александръ Мясниковъ. Почему въ письменномъ свѣдѣніи, данномъ мною Сысоеву, написано иначе чѣмъ я теперь показываю—не знаю. Шевелевъ служитъ въ Харьковской губерніи акцизнымъ чиновникомъ„.

Свид. купецъ Гошинъ. На похоронахъ Бѣляева онъ, Шмелевъ, Кемпе и Каменскій спрашивали повѣреннаго Бѣляева, Целебровскаго, не оставилъ ли покойный завѣщанія, на что Целебровскій отвѣчалъ, что завѣщанія нѣтъ. Во время поминокъ, на 20 или 40 день, они спрашивали опять о томъ же Целебровскаго, и онъ опять отвѣтилъ, что завѣщанія нѣтъ. Отъ Бѣляева онъ получилъ много писемъ и всѣ онѣ были собственноручныя; Бѣляевъ не лѣнился писать собственноручно по дѣламъ. Переписывалъ для него бумаги конторщикъ Шмелевъ и писаря. Мѣсяцъ или два спустя послѣ смерти Бѣляева, Карагановъ приглашалъ его вступить съ нимъ въ компанію по дѣламъ и говорилъ, что онъ можетъ располагать десятью тысячами, или даже болѣе. Зная, что Карагановъ занималъ должность конторщика и получалъ жалованья рублей 50 въ мѣсяцъ, свид. обратился къ нему съ вопросомъ, по поводу появленія такого значительнаго капитала. На это Карагановъ сказалъ: „Это я знаю, это мое дѣло“, и въ это же время говорилъ, что онъ сдѣлалъ Мясниковымъ такую услугу, которую они не должны забыть. Свид. бралъ у Караганова залоги билетами въ тысячу руб, или полторы. Въ іюнѣ 1861 г. Александръ Мясниковъ поручилъ ему, Гошину, заѣхать въ Сарапулъ, отыскать, тамъ сестру покойнаго

Бѣляева, Надежду Васильевну Мартьянову, и предложить ей уничтожить довѣренность, выданную ею купцу Ижболдину, по дѣлу о духовномъ завѣщаніи Бѣляева, и условіе, заключенное ею съ Ижболдинымъ. За уничтоженіе довѣренности и условія, Мясниковъ уполномочилъ его предложить Мартьяновой отъ 20 до 25 тыс. руб. съ тѣмъ, чтобы Мартьянова отказалась отъ домогательства къ наслѣдству послѣ Бѣляева. По возвращенію изъ Сарапуля онъ отдалъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ Алекс. Мясникову, отъ котораго получилъ на расходы по этому дѣлу 200 рублей, и затѣмъ еще 100 руб., которые и послалъ въ Казань мѣщанину Столбову, принимавшему участіе въ этихъ переговорахъ. Вскорѣ послѣ этого Алекс. Мясниковъ поручилъ ему переговорить съ Ижболдинымъ, объ окончаніи дѣла миромъ. Послѣ свиданія Мясникова съ Ижболдинымъ, Мясниковъ сказалъ, что Ижболдинъ много хочетъ, но что онъ готовъ дать 5 или 10 тыс., чтобы развязаться съ этимъ дѣломъ. Въ 1868 г., когда уже производилось слѣдствіе о завѣщаніи Бѣляева, Алекс. Мясниковъ также просилъ его переговорить съ Ижболдинымъ, чтобы кончить дѣло миромъ. Ижболдинъ желалъ получить 500,000., вслѣдствіе чего Мясниковъ сказалъ, что онъ много хочетъ.

Свид. имѣлъ тяжбу съ Ижболдинымъ.

Подс. А. Мясниковъ заявилъ, что не поручалъ Гонину мирить его съ Мартьяновою.

Свид. сенаторъ Веймарнъ показалъ, что въ молодости, находясь на службѣ въ Вятской губерніи, зналъ Бѣляева, который тогда управлялъ откупомъ Мясникова въ городѣ Ярапскѣ. Въ то время Бѣляевъ былъ недостаточнымъ человѣкомъ, потомъ вошелъ въ откупа и слылъ за человѣка богатаго.

Свид. Жоховъ. Не только Сицилинскій пользовался расположеніемъ Мясникова, но и сынъ его, когда пріѣзжалъ въ Петербургъ и нуждался въ деньгахъ, говорилъ, что пойдетъ къ Мясникову и возьметъ у него. Онъ получалъ отъ 25 до

100 р. въ одинъ разъ. Дочь и невѣстка Сицилинскаго тоже получали пособіе отъ одного изъ Мясниковыхъ.

Свид. Сытцовъ зналъ въ 1858 году д-ра Отто за честнѣйшаго человѣка, который обладалъ тонкимъ умомъ и остроуміемъ и былъ очень добръ.

Свид. Струбинскій и свидѣтельница Шнельсъ также отозвались объ Отто съ отличнѣйшей стороны.

Свид. Парфенниковъ слышалъ отъ Чевакинскаго, что онъ признаетъ завѣщаніе фальшивымъ и то же слышалъ отъ г-жи Бѣляевой. Чевакинскій при свид. говорилъ о томъ же съ Германомъ, подарилъ ему свою камышевую палку и сказалъ: „симъ побѣждай!“ Свид. познакомился съ Матвѣевымъ, который между прочимъ подтвердилъ, что завѣщаніе написано въ домѣ Мясниковыхъ, но кѣмъ подписано не говорилъ; кромѣ того Матвѣевъ разсказывалъ, что какой-то офицеръ, угощая его въ трактирѣ, стращалъ, что если онъ будетъ показывать противъ Мясниковыхъ, то его вышлютъ изъ Петербурга. Мясниковъ далъ Караганову на сгадьбу приданаго 20,000 р.

Свид. Наталья Петрова, служившая кухаркою у Бѣляева, показала, что не можетъ припомнить, были ли между дворнею слухи о подложности завѣщанія.

І'. Языковъ заявилъ, что на предварительномъ слѣдствіи она подтвердила, что между дворнею подобныхъ разговоровъ не было.

Свид. Ананій Поликартовъ, служившій у Бѣляева дворникомъ, показалъ, что не слышалъ разговоровъ о завѣщаніи, о выносѣ бумагъ также не слышалъ. Онъ жилъ на другомъ дворѣ, обѣдалъ вмѣстѣ съ другою прислугою.

Свид. Антонина Иванова (бывшая воспитанница Бѣляева). Слышала отъ покойнаго Бѣляева, разъ за столомъ, по случаю смерти 1-й жены Громова, безъ завѣщательныхъ распоряженій, такія слова: „у меня съ женой моей Катень„кой, сдѣлано такъ, что въ случаѣ моей смерти все, что я „имѣю принадлежитъ ей, а въ случаѣ ея смерти имѣю отъ

„ня духовную, по которой все, что имѣетъ Катенька, пере-„ходитъ ко мнѣ". Этотъ разговоръ, кажется, происходилъ до выхода свид. замужъ, въ сентябрѣ 1857 г. Бѣляева на эти слова мужа ничего не возразила. Свид. никакой тѣни неудовольствія не видала между Бѣляевыми, впродолженіи 7 лѣтъ. Свид. поняла слова Бѣляева такъ, что было завѣщаніе, но не знаетъ у кого.

Г. Лохвицкій просилъ обратить вниманіе, что Бѣляева показала, что не слышала отъ мужа о завѣщаніи.

Подс. А. Мясниковъ объяснилъ, что постоянно слышалъ отъ Бѣляева, что онъ намѣренъ оставить все свое состояніе женѣ, а если жена умретъ прежде, то ея имѣніе достанется ему.

Спрошенная по этому поводу, *Бѣляева* объяснила, что мужъ высказалъ тогда намѣреніе, оставить ей все состояніе.

Свид Иванъ Яковлевъ жилъ въ услуженіи у Бѣляева и А. Мясникова. Призванный къ судебному слѣдователю по поводу завѣщанія, онъ высказалъ только свое мнѣніе, что ему кажется страннымъ, что въ завѣщаніи отъ имени Бѣляева назначена часть постороннему человѣку, Шмелеву, между тѣмъ, какъ здѣсь есть двоюродный братъ Бѣляева въ бѣдности, который безъ сапогъ ходилъ.

Г. Языковъ напомнилъ прис. засѣд., что упомянутый свидѣтелемъ родственникъ Бѣляева давалъ показаніе вчера.

Свид. Иванъ Денисьевъ. Бѣляева зналъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, потому что занимался, въ качествѣ повѣреннаго, его дѣлами по разнымъ откупамъ, содержимымъ И. Ф. Мясниковымъ, которыми распоряжался Бѣляевъ, въ качествѣ главнаго коммиссіонера. Съ 1856 года Денисьевъ занимался дѣлами Красильникова, вмѣстѣ съ которымъ Бѣляевъ взялъ олонецкій откупъ въ 1857 и 1858 годахъ. Относительно духовнаго завѣщанія ничего ни отъ кого не слыхалъ. Бѣляевъ былъ человѣкъ акуратный, дѣловой. Свид. въ продолженіи почти 10 лѣтъ, видѣлъ частныя письма и даже подписи на конвертахъ, сдѣланныя Бѣляевымъ собственноручно.

*Свид. Теплов*ъ зналъ Бѣляева въ 1826 году человѣкомъ весьма бѣднымъ; потомъ И. Ф. Мясниковъ сталъ давать ему разныя порученія. Однажды Бѣляевъ говорилъ Теплову, что Мясниковъ съ нимъ очень круто обошелся и выразилъ намѣреніе, оставить его, причемъ выразился такъ: „я обдѣлалъ свои маленькія дѣлишки и его громадныя дѣла". И. Ф. Мясниковъ, дѣйствительно, имѣлъ состояніе, которое казалось неистощимымъ; онъ давалъ въ долгъ по 100 и 200 тыс. руб. по личному довѣрію, безъ формальностей; послѣ смерти его, свид. съ удивленіемъ прочиталъ, что онъ оставилъ $4^1/_2$ милл. У Бѣляева, было 300 или 400 т. р.—самое большое. Онъ былъ человѣкъ не скупой, жилъ хорошо. Свид. слышалъ, что Бѣляевъ занималъ по 5 и по 3 тыс. руб. Вѣроятно онъ обѣднѣлъ; нѣкоторыя его дѣла, въ послѣднее время, шли не хорошо, именно лѣсной торгъ, мебельный магазинъ, какое-то общество вольной покупки и продажи, которое было закрыто правительствомъ. Свид. въ качествѣ повѣреннаго, имѣлъ съ Мясниковыми тяжбу, которая теперь прекратилась. Онъ слышалъ отъ Каншина, Воронина и Бенардаки, что Бѣляевъ никогда не былъ богатъ и не былъ откупщикомъ, — можетъ быть по ихъ понятіямъ, прибавилъ свидѣтель.

Свид. Тепловъ, Зыряновъ и Спасскій (послѣдніе два священники) знали Сицилинскаго, какъ честнаго, благороднаго и добраго человѣка, однако онъ былъ строгій начальникъ; онъ былъ благочиннымъ.

Въ виду такихъ единогласныхъ отзывовъ о Сицилинскомъ и желая ускорить дѣло, защитники отказались отъ допроса 3 свидѣтелей.

Свид. Чевакинскій былъ повѣреннымъ Бѣляевой съ 1864 года, завѣщаніе Бѣляева было у него въ рукахъ до представленія въ гражданскую палату. Ижболдинъ явился къ нему для объясненій, что онъ можетъ доказать подложность завѣщанія отъ имени Бѣляева, при чемъ разсказывалъ о Мясниковыхъ страшныя вещи и предлагалъ, чтобы Бѣляева перешла на его сторону, за что обѣщалъ ей вознагражденіе.

Сообразивъ его объясненія, свид. пришелъ къ заключенію, что нѣтъ никакихъ доказательствъ о подложности завѣщанія и отказался передать Бѣляевой это предложеніе. Послѣ того, Ижболдинъ, между прочимъ, разсказывалъ, будто бы Карагановъ подписалъ завѣщаніе и затѣмъ одинъ изъ Мясниковыхъ показывалъ кому-то это завѣщаніе и тотъ сказалъ: похоже-то похоже, но за чѣмъ пожалѣли рублеваго листа? Будто бы вслѣдствіе этого, завѣщаніе было переписано, а прежній экземпляръ находится въ рукахъ Ижболдина.

На вопросъ свидѣтеля, сознался ли Карагановъ въ подписаніи завѣщанія Бѣляева, Ижболдинъ сказалъ, что нѣтъ, но мы съ Краспльниковымъ хотимъ его уговорить сознаться, что онъ подписалъ чистый листъ. Въ первый разъ свид., услышавъ разсказъ Ижболдина о разныхъ ужасахъ, изъявилъ готовность ему помочь, но отказался отъ 20% съ дѣла, предложенныхъ Ижболдинымъ, и потребовалъ отъ него только обязательство, что онъ не будетъ ни обвинять Бѣляеву, ни имѣть къ ней гражд. претензій.

Свид. хотѣлъ устранить изъ дѣла Бѣляеву, потому что иначе нельзя было одновременно быть ея повѣреннымъ и повѣреннымъ Ижболдина, противъ Мясниковыхъ. Свидѣтель сносился съ Мясниковыми отъ имени Бѣляевой, думая окончить дѣло миромъ. Свид. допускаетъ, что, можетъ быть, что-нибудь писалъ для Мясниковыхъ, по ихъ дѣламъ и что, прежде, онъ писалъ нѣкоторыя жалобы на И. Мясникова.

Г. Лохвицкій указалъ на то, что свид. Чевакинскій, на предвар. слѣдствіи, о томъ, что Ижболдинъ говорилъ ему, что уговоритъ Караганова сознаться—показалъ лишь послѣ того, какъ слѣдователь получилъ сознаніе Караганова.

Г. Остряковъ попросилъ позволенія, прочесть нѣсколько бумагъ, найденныхъ при обыскѣ А. Мясникова и Чевакинскаго. Въ 1-й запискѣ, неизвѣстною рукой писанной и найденной у Чевакинскаго, выражено, что нужно подать генералъ-губернатору прошеніе, въ которомъ, со всею откровенностью, изложить, почему произошла вражда между Мясниковыми и Бѣ-

лѣвою, и, что Бѣляева видѣла на себѣ ужасный обманъ со стороны Мясниковыхъ и т. д. Изъ двухъ писемъ, найденныхъ у Мясникова и писанныхъ, повидимому, рукою Чевакинскаго видно, что онъ обѣщалъ взять изъ гражд. палаты и доставить Мясникову всѣ бумаги, по дѣлу о завѣщаніи и самое завѣщаніе.

По предъявленіи этихъ бумагъ Чевакинскому, онъ сказалъ, что онѣ писаны не его рукою.

Подс. А. Мясниковъ, (на вопросъ предс.), замѣтилъ, что не помнитъ были ли такія письма.

Свид. Борзаковскій о завѣщаніи ничего не знаетъ, но съ 1861 по 1870 г. имѣлъ три раза переговоры съ А. Мясниковымъ, относительно окончанія дѣла о завѣщаніи мировою сдѣлкою. 1-й разъ въ 1861 году, онъ былъ съ Ижболдинымъ у Мясникова, переговоры были продолжительны и ничѣмъ не окончились; обѣ стороны не могли согласиться въ цифрѣ вознагражденія. Въ 1862 году лѣтомъ, Борзаковскій былъ приглашенъ Бильбасовымъ къ нему на дачу. Оттуда, вмѣстѣ съ Бильбасовымъ, отправился къ А. К. Мясникову на дачу его. Мясниковъ, въ разговорѣ, выразился такъ, что пожалуй дастъ 30 тыс. за прекращеніе Ижболдинымъ дѣла. Ижболдинъ нашелъ эту сумму слишкомъ ничтожною. Когда было назначено, въ 1868 году, слѣдствіе, Борзаковскій былъ приглашенъ въ III отд., и введенъ въ особую комнату, гдѣ находились Мясниковъ и г. Коптевъ. Мясниковъ сказалъ: хотя считаетъ себя правымъ, но во избѣжаніе скандала, все таки желаетъ покончить это дѣло миромъ, и спросилъ, за какую сумму Ижболдинъ можетъ покончить дѣло? Борзаковскій не могъ опредѣлить, но Коптевъ намекнулъ, что пожалуй можно дать 100,000. Борзаковскій объяснилъ, что прекращеніе слѣдствія не зависитъ отъ Ижболдина, но гражд. искъ, пожалуй, можно окончить. Послѣ этого разговора Борзаковскій былъ приглашенъ въ кабинетъ Мезенцова, который спрашивалъ его объ этомъ дѣлѣ, и выслушавъ его объясненія, сказалъ: Мясниковъ можетъ быть

и правъ, но во всякомъ случаѣ дѣло грязное и скверное, которое онъ долженъ окончить и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. На другой день Борзаковскій опять явился въ III отд., чтобы дать Мясникову отвѣтъ о размѣрѣ вознагражденія и получить отъ него окончательный отвѣтъ. Тогда А. Мясниковъ сказалъ, что не согласенъ на мировую. Борзаковскій служилъ совѣтникомъ въ управѣ благочинія; онъ принялъ на себя веденіе этого дѣла за 15,000 руб.

Подс. А. Мясниковъ объяснилъ, что Борзаковскій иногда заходилъ въ III отдѣленіе, къ Коптеву, по разнымъ другимъ дѣламъ, и встрѣтившись нечаянно съ нимъ, подсудимымъ, предлагалъ ему, какъ въ 1868, такъ и въ 1870 году, помириться, но онъ, Мясниковъ, сказалъ, что не хочетъ входить въ переговоры о мировой. Коптевъ былъ знакомъ съ Мезенцовымъ и каждый день бывалъ въ III отдѣленіи. Подсудимый въ это время былъ адъютантомъ Мезенцова и каждый день съ 9 час. утра находился въ III отд до 1—2 ч. дня, а домой ранѣе не возвращался, какъ въ 5 или 6 часовъ вечера.

Допрошены были затѣмъ свидѣтели: *Герасимовъ, Безсоновъ*, вдова протоіерея *Сицилинская, Гавриловъ, Погожевъ, Неплюевъ Сицилинская* показала, между прочимъ, что мужъ ей говорилъ, что Бѣляевъ завѣщаніе оставилъ, но чтобы онъ на завѣщаніи подписался, того не говорилъ. Прочихъ показаній этихъ свид., какъ и прочитанныя затѣмъ показанія, данныя на предварительномъ слѣдствіи, не приведу, такъ какъ суть ихъ, частію, уже разъяснено было показаніями приведенныхъ свидѣтелей, частію, разъясняется достаточно въ рѣчахъ сторонъ, ниже послѣдующихъ. Читались показанія слѣдующихъ лицъ: *Шимчковскаго, Федюхина, Серебрянаго, Столбова, Афонасьева, Зиновьева, Помрачева, Перозіо, Бенардаки и Попова (брата Бѣляевой).*

Наконецъ были прочитаны два письма Сицинскаго къ Бѣляеву: 1) по поводу обѣщанія Бѣляева пожертвовать ризы, и 2), въ которомъ проситъ пожертвовать что нибудь въ Ко-

рецкую обитель, въ Костромской губерніи. Первое письмо, отъ 28-го января 1854 году, подписано: „Покорнѣйшій слуга и богомолецъ"; второе, 1858 года: „Истинно вами облагодѣтельствованный Сицилинскій". По окончаніи допроса свидѣтелей, *сторонамъ* было предоставлено право, ссылаться на имѣющіеся въ дѣлѣ документы для опредѣленія состоянія Бѣляева, причемъ нѣкоторые изъ этихъ документовъ были прочитаны.

Г. Арсеньевъ обратился къ суду съ просьбою, чтобы присяжнымъ засѣдателямъ были предъявлены дневникъ Бѣляева и счеты, на которые сторонамъ будутъ сдѣланы ссылки во время преній. По поводу этого заявленія *г. Лохвицкій* возразилъ, что настоящее дѣло имѣетъ своимъ предметомъ не счеты, а подлогъ духовнаго завѣщанія, и что предъявленіе какихъ-либо счетовъ онъ считаетъ нарушеніемъ уставовъ, такъ какъ, по закону, судебное слѣдствіе должно быть словесное и никакіе письменные документы не могутъ быть даваемы присяжнымъ во время преній.

Судъ, принимая во вниманіе, что по закону документы не передаются присяжнымъ засѣдателямъ только въ ихъ совѣщательную комнату, а не въ то время, когда происходятъ пренія, что относительно предъявленія вещественныхъ доказательствъ въ законѣ нѣтъ никакого указанія, а напротивъ того, оно разрѣшено кассаціоннымъ департаментомъ сената, и такъ какъ настоящіе счеты и дневникъ пріобщены къ дѣлу въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, нашелъ заявленіе защитника вполнѣ правильнымъ и подлежащимъ, со стороны суда, удовлетворенію.

Вечернее засѣданіе было посвящено вопросу о состояніи Бѣляева. Результаты этой части засѣданія читатели найдутъ въ заключительныхъ преніяхъ, почему я и не приведу здѣсь подробностей разъясненій сторонъ, по поводу предъявленій присяжнымъ различныхъ документовъ.

Засѣданіе это было закрыто въ 12 ч. ночи.

V.

(Засѣданіе 21-го февраля).

Тотчасъ по открытіи засѣданія, слово было дано прокурору.

Прокуроръ Кони. Гг. присяжные засѣдатели! Вамъ предстоитъ произнести приговоръ по дѣлу, которое, по трудности, сложности и важности, превышаетъ всѣ дѣла, разбиравшіяся до сихъ поръ въ стѣнахъ этого суда. Трудности эти состоятъ, прежде всего, въ томъ, что преступленіе, о которомъ идетъ рѣчь, совершено уже давно, очень давно — 14 лѣтъ тому назадъ. Затѣмъ въ большей части преступленій передъ вами является потерпѣвшее лицо. Такого рода лицо необходимо должно явиться на помощь правосудію въ томъ преступленіи, въ которомъ существуютъ какіе-либо разсчеты коммерческіе, такъ какъ оно одно можетъ объяснить ихъ обстоятельно и полно; здѣсь же такого лица нѣтъ, т. е. нѣтъ самаго Вѣляева, а преступленіе совершено противъ его имущества. Наконецъ, все дѣло въ самомъ ходѣ, своемъ представляется до того необычнымъ, до того неправильнымъ, что уже это одно способно затемнить въ немъ многое и многое. Тутъ соединилось все: и давность совершенія преступленія, и неумѣлость мелкихъ ходатаевъ, которые вели дѣло сначала, искажали и путали его, и, наконецъ, самое главное и непреодолимое препятствіе — смерть, которая въ теченіе десяти лѣтъ, прошедшихъ до начатія слѣдствія, похитила весьма важныхъ свидѣтелей.

Вы знаете ходъ дѣла и тѣ обстоятельства, которыми сопровождалось его возникновеніе. Въ 1858 г., въ Петербургѣ,

умеръ первостатейный фридрихсгамскій купецъ К. В. Бѣляевъ, слывшій за человѣка очень богатаго, и оставилъ послѣ себя духовное завѣщаніе. Этимъ духовнымъ завѣщаніемъ онъ отказывалъ все имущество свое въ пользу вдовы; вдова представила завѣщаніе въ гражданскую палату и была утверждена въ правахъ наслѣдства. Но затѣмъ, черезъ годъ, возникло сомнѣніе въ подлинности завѣщанія.

Одинъ изъ наслѣдниковъ покойнаго Бѣляева, мѣщанинъ Мартьяновъ, прибылъ изъ Сарапуля въ Петербургъ и началъ вести это дѣло, но вскорѣ умеръ. За дѣло взялась тогда мать его, которая точно также умерла въ непродолжительномъ времени, и движеніе дѣла такимъ образомъ почти остановилось. Наконецъ, явился въ Петербургъ мѣщанинъ Пжболдинъ, наслѣдникъ Мартьяновой, и принялся за дѣло, которое затѣмъ тянулось очень медленно: проволочка старыхъ судовъ оказалась на немъ весьма ярко, и, послѣ долгихъ колебаній, только въ 1868 г. возбуждено было, впервые, слѣдствіе. Но въ какомъ положеніи застало это слѣдствіе самое дѣло? Ни свидѣтелей, подписавшихся на завѣщаніи, ни переписчика Целебровскаго, ни ближайшихъ къ Бѣляеву людей— Кемпе и Каменскаго — не было уже въ живыхъ. Въ такомъ положеніи дѣло перешло къ слѣдователю и окончилось ничѣмъ, оставивъ послѣ себя, уже какъ уголовное слѣдствіе, однако, одну заслугу, состоящую въ томъ, что имъ была прервана давность, которою могло покрыться преступленіе. Только впослѣдствіи случай, о которомъ я буду говорить, далъ возможность возбудить дѣло вновь, и вотъ въ настоящее время оно подлежитъ вашему разсмотрѣнію. Вамъ, гг. присяжные, предстоитъ пристально вглядѣться въ отдаленное прошлое, сквозь массу томовъ и документовъ, находящихся передъ вами, сквозь цѣлый ворохъ именъ и чиселъ; вамъ придется всмотрѣться въ ту даль, на которой написанъ 1858 годъ; вамъ предстоитъ безпристрастнымъ взглядомъ окинуть ту обстановку, которая окружала возникновеніе завѣщанія Бѣляева, и затѣмъ произнести вашъ приговоръ. Неустанное

вниманіе, съ которымъ вы постоянно относились къ дѣлу въ теченіе всѣхъ пяти дней производства судебнаго слѣдствія, служитъ ручательствомъ того, что вы будете помнить и уже усвоили себѣ его обстоятельства. Вѣроятно, у васъ составилось уже извѣстное убѣжденіе, сложившееся подъ вліяніемъ всѣхъ впечатлѣній, почерпнутыхъ здѣсь, на судѣ. Поэтому усиленно убѣждать васъ въ виновности или невиновности подсудимыхъ, настойчиво излагать передъ вами свое мнѣніе, я считаю излишнимъ, и гораздо болѣе удобнымъ нахожу развить передъ вами ходъ соображеній, которыми руководствовалась обвинительная власть, приводя обвиняемыхъ передъ васъ и нынѣ ихъ обвиняя. Прежде чѣмъ начать эти соображенія, я не могу скрыть, что въ дѣлѣ этомъ являются нѣкоторые посторонніе элементы, такъ сказать, болѣзненные, ненормальные наросты, которые какъ обвиненію, такъ и защитѣ одинаково мѣшаютъ разсматривать дѣло въ его надлежащей простотѣ. Обстоятельства эти могутъ быть направлены преимущественно противъ обвиненія, а потому, прежде всего, я и считаю нужнымъ раздѣлаться съ ними, выгородить ихъ изъ дѣла и затѣмъ, разсчитавъ, на сколько возможно, свой путь, продолжать обвиненіе.

Первое изъ обстоятельствъ этихъ заключается въ томъ, что по этому дѣлу, помимо судебной власти и на ряду съ этой властью, которая сначала бездѣйствовала, является цѣлый рядъ дѣйствій частныхъ лицъ; на ряду съ мѣрами, предпринятыми для изслѣдованія дѣла оффиціальнымъ путемъ, существуетъ цѣлый рядъ дѣйствій Ижболдина и его повѣренныхъ, которые едва ли служатъ въ пользу этому дѣлу. Для характеристики этихъ дѣйствій, я беру только одно дѣйствительно характеристическое, оригинальное показаніе, по поводу котораго считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ. Вы видѣли свидѣтеля Ижболдина, который является и гражданскимъ истцомъ. Свидѣтель этотъ показалъ, что онъ сарапульскій мѣщанинъ, бывшій въ Петербургѣ на весьма короткое время и прибывшій сюда снова уже послѣ того, какъ

прошелъ слухъ о завѣщаніи. Въ Петербургѣ онъ былъ человѣкомъ новымъ, неотесаннымъ провинціаломъ, пріѣхавшимъ въ то время, когда еще на нашемъ общественномъ горизонтѣ не было того солнца, которое называется судебными уставами, когда въ судахъ царствовали старинные порядки, когда канцелярская тайна давала возможность разнымъ мелкимъ ходатаямъ, темнымъ, неизвѣстнымъ личностямъ, дѣйствовать не въ интересахъ правосудія, а въ своихъ собственныхъ, личныхъ интересахъ. Въ такое-то время пріѣхалъ въ Петербургъ провинціалъ, разсчитывавшій получить большое наслѣдство, самъ хорошо не понимавшій, въ какомъ положеніи находится его дѣло, не понимающій этого даже теперь и неумѣющій объяснить передъ вами многихъ, весьма важныхъ, обстоятельствъ. На этого-то человѣка набросилась цѣлая ватага мелкихъ ходатаевъ. Ижболдинъ перечислилъ нѣсколько именъ неизвѣстныхъ мелкихъ ходатаевъ, во главѣ которыхъ стоитъ Германъ, завершивъ перечисленіе это указаніемъ на какого-то еврея, котораго онъ даже и имени не знаетъ. Эти-то ходатаи, видѣвшіе въ Ижболдинѣ богатаго наслѣдника, и принялись его обдѣлывать, взяли его въ руки и стали его стричь, въ надеждѣ получить впослѣдствіи за труды свои золотое руно, котораго хватитъ на всѣхъ. Эти новые аргонавты испортили дѣло въ самомъ началѣ: они стали дѣйствовать помимо судебной власти, и притомъ крайне неловко, и, вслѣдствіе ихъ неумѣлыхъ дѣйствій, явились передъ вами показанія цѣлой массы свидѣтелей, ничего не объясняя и бросая, вмѣстѣ съ тѣмъ, на все нѣкоторый, далеко непривлекательный, колоритъ.

Изъ этой массы ненужныхъ свидѣтелей, прежде всего особенно рѣзко выдается показаніе свидѣтеля Шевелева. Свидѣтель этотъ ясно разсказываетъ передъ нами, что написалъ письмо, въ которомъ ложно обвинялъ Мясниковыхъ въ составленіи фальшиваго завѣщанія отъ имени Бѣляева, что, находясь въ Спасской части привлеченнымъ по дѣлу Каракозова, и будучи въ положеніи безвыходномъ, онъ рѣшился

переписать письмо это за деньги, данныя ему для бѣгства за границу. Здѣсь онъ отрицалъ правильность объясненій, помѣщенныхъ въ его письмѣ, и разсказалъ подробную исторію о томъ, какъ письмо это составилось. Съ перваго взгляда показаніе это имѣетъ, повидимому, довольно важное значеніе, тѣмъ болѣе, что дано въ чрезвычайно послѣдовательномъ и красивомъ, изящномъ даже, разсказѣ, выдѣлявшемъ показаніе Шевелева изъ показаній почти всѣхъ остальныхъ свидѣтелей. Но если вглядѣться пристальнѣе въ показаніе это, если посмотрѣть на личность Шевелева, то становится яснымъ, что въ показаніи его, точно также, какъ и въ показаніяхъ другихъ свидѣтелей, относящихся къ этой категоріи, нѣтъ указаній, что Ижболдинъ подкупалъ свидѣтелей, хотя нельзя отрицать, что въ свидѣтельствахъ этихъ есть указаніе, что Ижболдинъ платилъ деньги свидѣтелямъ, чтобы они согласились показывать то, что̀ знаютъ. Вы помните показаніе Шевелева: онъ разсказалъ передъ вами свою исторію, и по ней мы имѣемъ возможность познакомиться съ его личностью. Это мелкій откупной прикащикъ, служащій потомъ въ конторѣ Мясниковыхъ, женихъ невѣсты. которой, съ цѣлью весьма понятной, онъ предъявляетъ облигаціи, ему не принадлежащія, за что и преслѣдуется Мясниковыми, какъ за присвоеніе ихъ собственности; затѣмъ, привлеченный къ дѣлу Каракозова, но, очевидно, на столько мало виновный въ немъ, что, не смотря на тогдашнія строгости, содержится въ части и гуляетъ цѣлые дни на свободѣ; бѣглецъ за границу, живущій въ Пештѣ и издающій брошюры, будто бы извѣстныя всей Европѣ; затѣмъ, членъ коммуны, доблестный защитникъ Парижа и правдивый свидѣтель по настоящему дѣлу!... Очевидно, тутъ являются такіе переходы и крайности, которые трудно совмѣстить: человѣкъ борется за самыя крайнія идеи, идущія въ разрѣзъ съ общественнымъ строемъ, для торжества этихъ идей жертвуетъ жизнью на баррикадахъ Парижа, даже раненъ при этомъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, считаетъ возможнымъ, подъ предлогомъ, что для него цѣль

оправдываетъ средства, написать ложное письмо, чтобъ получить за это небольшія деньги, причемъ выраженіе: „цѣль оправдываетъ средства“ онъ понимаетъ самымъ узкимъ образомъ. Это не та возвышенная общая, широкая цѣль, для которой, по извѣстному безнравственному правилу, всякое средство можетъ быть возможнымъ, а цѣль низкая, лично ему принадлежащая и не имѣющая ничего общаго съ благомъ другихъ. Цѣль, на которой написано „150 рублей“ — такая цѣль оправдывала для Шевелева средство, могущее погубить человѣка. Очевидно, что этотъ „провинціальный секретарь“, служившій по откупамъ въ Россіи и по коммунѣ во Франціи, не очень разборчивъ на средства и не очень далеко ходитъ, выбирая свои цѣли.

Что же онъ показывалъ? Онъ говорилъ, что былъ призванъ Ижболдинымъ и подъ диктовку Сысоева, или, лучше сказать, съ письма, написаннаго Сысоевымъ, переписалъ свое письмо, потому что былъ тогда въ безвыходномъ положеніи. Ему оставалось или повѣситься, или бѣжать, говоритъ онъ, и такимъ образомъ дѣлаетъ намекъ на то, что онъ былъ такимъ опаснымъ политическимъ преступникомъ, что ему не предстояло другаго исхода, какъ смерть отъ своей руки или отъ руки правосудія; но вы видѣли, гг. присяжные, что этотъ опасный преступникъ, во время ареста своего въ части, отпускался гулять на свободѣ, бывалъ въ трактирахъ и въ гостяхъ. Это ли опасный политическій преступникъ? это ли человѣкъ, которому, для спасенія своей жизни, не остается иныхъ средствъ, какъ написать ложное письмо? Затѣмъ Шевелевъ объясняетъ, что письмо это написалъ на основаніи разсказовъ Сысоева. Но откуда же могъ Сысоевъ знать тѣ обстоятельства, на которыя указываетъ Шевелевъ? Откуда, наконецъ, Ижболдинъ могъ знать, что Шевелеву извѣстно что-либо по дѣлу о завѣщаніи?... Изъ показаній доктора Красильникова, вызваннаго въ засѣданіе неожиданно, видно, что Шевелевъ дѣйствительно разсказывалъ кое-что объ этомъ дѣлѣ, о чемъ и было сообщено Ижболдину. Что же такое

онъ разсказывалъ? Было ли письмо правдиво? Я полагаю, что нѣтъ; я не имѣю основаній думать, что оно было правдиво; я думаю, что это была ложь. Хотя въ немъ, быть можетъ, и были кое-какія указанія, но по источнику своему оно было ложь, сходная съ правдою, и явилось какъ средство къ тому, чтобы выманить нѣсколько рублей. Такое письмо должно и можетъ быть, неминуемо, отрицаемо самимъ авторомъ, особенно, если онъ станетъ имѣть въ виду ту же цѣль, какъ и при его написаніи. Я не хочу этимъ сказать, что Шевелевъ ждетъ себѣ какой нибудь награды отъ противной стороны, но думаю, что Шевелевъ въ 1866 году, видя и зная, что возникаетъ дѣло Ижболдина противъ Мясниковыхъ, не находясь болѣе у Мясниковыхъ, преслѣдуемый ими за присвоеніе себѣ облигацій, имъ принадлежавшихъ, находилъ для себя удобнымъ и возможнымъ, наговоривъ разныхъ вещей Ижболдину про Мясниковыхъ, согласиться изложить ихъ письменно по просьбѣ Ижболдина и получить за то деньги. Онъ смѣялся надъ простотою Ижболдина также, какъ будетъ смѣяться надъ нами, если мы примемъ на вѣру его показаніе, данное здѣсь. Теперь Шевелевъ уже не имѣетъ отношеній къ Мясниковымъ; преслѣдованіе противъ него прекратилось; жизнь его была такъ полна событій, что прошедшее изгладилось изъ памяти. И вотъ его вызываютъ на судъ. Что же ему дѣлать? Подтвердить, признать самое письмо? Но, во-первыхъ, письмо это само по себѣ дѣло некрасивое, а во-вторыхъ, это значитъ сыграть роль простаго свидѣтеля — и больше ничего: это не будетъ имѣть никакой оригинальности, ничего достойнаго громкаго прошедшаго г. Шевелева. Притомъ, если Мясниковыхъ обвинятъ, то, вѣроятно, въ дѣлѣ и кромѣ его письма есть данныя; если же этихъ данныхъ нѣтъ, то, на основаніи одного этого письма, ихъ никогда не обвинятъ, а оправдаютъ. Поэтому лучше отрицать письмо, и тогда, въ случаѣ оправданія, впослѣдствіи, когда онъ обратится къ нимъ, среди бурныхъ обстоятельствъ своей жизни, онъ можетъ сказать: „я показывалъ за васъ; я далъ

показаніе, которое васъ оправдывало, не забудьте же меня". Вотъ на что могъ разсчитывать Шевелевъ. Главный же источникъ его настоящаго показанія тотъ, что Шевелевъ, прежде всего, желаетъ рисоваться: въ его движеніяхъ, голосѣ, манерахъ, въ походкѣ, развѣ не звучитъ постоянно это желаніе? Не ясно ли, что это живое участіе въ коммунѣ, изданіе имъ брошюръ, извѣстныхъ всей Европѣ — не болѣе, какъ фраза, какъ желаніе драпироваться въ мантію политическаго преступника, что тутъ нѣтъ ничего вѣрнаго, что все это хвастовство и принятая на себя личина? Хорошъ въ самомъ дѣлѣ заговорщикъ, политическій дѣятель, котораго даже суровый и строгій графъ Муравьевъ считалъ возможнымъ содержать въ части и отпускать погулять одного по городу! Если мы отбросимъ эту миническую сторону его разсказовъ, если взглянемъ поближе на этого общественнаго дѣятеля, то увидимъ, что, несмотря на замѣчательный умъ и сценическое достоинство, съ которымъ онъ разъигрываетъ свою роль здѣсь, на судѣ, среди этой роли, среди его сценически-краснваго разсказа, изрѣдка прорываются ноты, присущія тому русскому типу, который такъ геніально очерченъ однимъ изъ величайшихъ русскихъ писателей, типу похитителя губернаторской дочки и „давненько не бравшаго въ руки шашекъ" человѣка. И если мы, спокойно и не увлекаясь солидно-величавымъ видомъ и тономъ Шевелева, разберемъ его показаніе и откинемъ изъ него всѣ прикрасы, то останется только то, что онъ, за деньги, написалъ Ижболдину о томъ, что ему, по его словамъ, было извѣстно по дѣлу Мясниковыхъ, и написалъ, по его дальнѣйшимъ словамъ, неправду. Что же это за явленіе? Да явленіе, въ сущности, очень обыкновенное. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ частный обвинительный въ процессѣ, такое явленіе должно встрѣчаться безпрерывно. Я думаю, что въ Англіи и въ Америкѣ большая часть свидѣтелей въ процессахъ, въ которыхъ не заинтересовано правительство, пріобрѣтаются сторонами такимъ именно образомъ. Это не значитъ, однако, чтобъ ихъ подкупали на лживыя

показанія: покупается собственно ихъ трудъ, ихъ время, т. е. то время, которое проводится ими въ судѣ; платится имъ за то, чтобъ они не отказались идти въ судъ для дачи показаній о томъ, что они знаютъ полезнаго для той или другой стороны. То же самое и здѣсь.

Затѣмъ, есть другой свидѣтель — Исаевъ. Его показаніе было прочитано и, быть можетъ, забыто уже вами. Но, въ интересахъ истины, считаю нужнымъ напомнить это показаніе. Къ нему обращался Германъ, просилъ написать письмо, и онъ написалъ. Письмо это, по его показанію, совершенно неправильно; онъ показываетъ, что лживо, по просьбѣ Германа, написалъ, будто бы къ нему пріѣзжалъ какой-то офицеръ и подговаривалъ показывать противъ Мясниковыхъ. По поводу этого показанія, я замѣчу только одно: Исаевъ говоритъ, что зналъ Германа давно, что это былъ пьяный человѣкъ, ходилъ постоянно по кабакамъ и припутывалъ къ дѣлу Мясниковыхъ всѣхъ кабатчиковъ. Изъ дѣла видно, что Исаевъ былъ слѣдственнымъ приставомъ и только послѣ введенія судебной реформы былъ оставленъ за штатомъ. Такого рода слѣдственный приставъ есть судебный слѣдователь по прежнимъ порядкамъ; онъ долженъ знать законы. Что же это за слѣдователь, который пишетъ Герману такого рода письмо? Развѣ онъ не знаетъ, какой отвѣтственности подвергается онъ за это? И что это, наконецъ, за отношенія между Германомъ и Исаевымъ, позволяющія придти къ нему пьяному человѣку, врущему всякій вздоръ кабатчикамъ, и предлагать написать ложный доносъ, для представленія по начальству? Я не думаю, чтобы Исаевъ могъ это сдѣлать такъ, какъ онъ это разсказываетъ. Остается предположить, что и онъ поступилъ также, какъ Шевелевъ.

Наконецъ есть еще свидѣтель въ пользу обвиненія, въ показаніяхъ котораго звучитъ, какъ будто, какая-то неправда: это Китаевъ, старый слуга Бѣляева, подробно и обстоятельно говорившій здѣсь о своемъ господинѣ. Мы слышали, что здѣсь свидѣтель Петровъ показалъ, совершенно неожиданно и крайне

отрывочно, что онъ былъ какъ-то у Китаева, былъ тамъ Ижболдинъ. Петрова, по его словамъ, не уговаривали показывать на Мясниковыхъ; но онъ разсказывалъ Ремянниковой, что Китаевъ ему сказалъ: „вотъ одно слово—и тысяча рублей". Но онъ, Петровъ, по словамъ Ремянниковой, не согласился „ломать души", и тогда Ижболдинъ полѣзъ было въ драку, но Петровъ ему отвѣчалъ: „Смотри, у меня самого кулаки здоровые!" Очевидно, этотъ разсказъ содержитъ въ себѣ воспоминаніе о разсказахъ пьяныхъ людей, въ которыхъ, конечно, среди всякой безсвязной болтовни, говорилось и о дѣлѣ Бѣляева, о которомъ тогда говорилось повсюду! Не скрою, однако, эти три свидѣтеля могли бросить нѣкоторую тѣнь на правдивость нѣкоторыхъ свидѣтельскихъ показаній. Для того чтобы не стѣсняться этими соображеніями, я полагаю выкинуть изъ дѣла показанія почти всѣхъ свидѣтелей, взять только необходимыхъ, относительно которыхъ нѣтъ подозрѣній а Шевелева, Китаева. Петрова, наконецъ Исаева и Красильникова, можно оставить за штатомъ, также какъ былъ оставленъ за штатомъ самъ Исаевъ, можно оставить и цѣлую массу другихъ лицъ, въ томъ числѣ свидѣтелей, которые показывали о томъ, что Отто прекрасный человѣкъ, а Сицилинскій почти святой. Я ничего не имѣю возразить противъ этого и нахожу, что они оба были достойнѣйшіе и честнѣйшіе, главное—добрѣйшіе люди. Со стороны Отто, свидѣтели, такъ много хваливше его, могутъ находить только одинъ дурной поступокъ: подписавшись свидѣтелемъ на завѣщаніи Бѣляева, онъ тѣмъ самымъ вынудилъ ихъ оторваться отъ дѣла и просидѣть въ судѣ четыре дня, съ тѣмъ чтобы они сказали, что онъ хорошій человѣкъ. Да кто же утверждалъ противное! Точно такъ же о Сицилинскомъ, вѣрю, что онъ человѣкъ святой, дожившій до глубокой старости, не совершивъ дурнаго поступка, чрезвычайно добрый, благодѣтельный, къ подчиненнымъ строгій, радѣвшій о благолѣпіи храма. И такъ самая большая масса свидѣтелей устраняется. Да и вообще въ нихъ нѣтъ особой нужды. Обыкновенно во всякомъ родѣ пре-

ступленій самымъ лучшимъ средствомъ изслѣдованія служатъ живые свидѣтели; но это дѣло необычно во всемъ, необычно и въ этомъ отношеніи: въ немъ лучшимъ средствомъ изслѣдованія служатъ свидѣтели мертвые, бумажные: самое завѣщаніе, нѣкоторые документы, разнобразная экспертиза. Если изъ документовъ мы будемъ имѣть возможность вывести какія-либо данныя, что преступленіе совершилось и если нѣкоторые изъ свидѣтелей это скрѣпятъ своими словами, то пожалуй можно признать, что они говорятъ правду; не скрѣпятъ—можно ихъ отбросить.

Предметъ дѣла, о которомъ идетъ рѣчь—подлогъ завѣщанія. Безспорно, первый вопросъ, возникающій при изслѣдованіи такого дѣла: подложно ли самое завѣщаніе? второй вопросъ—какимъ образомъ создалось подложное завѣщаніе? и третій—кто виновенъ въ этомъ преступленіи? Сообразно съ этими вопросами я раздробляю свое обвиненіе на три части.

Приступаю къ первой: подложно ли завѣщаніе? Когда приходится разрѣшать вопросъ о томъ подложно ли завѣщаніе, то естественно должно обратиться къ личности завѣщателя. О Бѣляевѣ мы имѣемъ много разнообразныхъ свѣдѣній. Въ настоящее время мы знаемъ, что Бѣляевъ съ малолѣтства служилъ у старика Мясникова, богатаго откупщика; Бѣляевъ у него былъ сначала мальчикомъ, потомъ прикащикомъ, потомъ велъ его дѣла и наконецъ сдѣлался самъ капиталистомъ. Мы знаемъ изъ массы свидѣтельскихъ показаній и документовъ, находящихся въ дѣлѣ, которые конечно не будутъ оспорены, что въ 1839 г. Бѣляева выписалъ Мясниковъ изъ Яранска, и онъ сдѣлался ближайшимъ повѣреннымъ Мясникова, участвовалъ съ нимъ въ 1840 г. въ откупахъ, управлялъ его дѣлами. Онъ близкій къ нему человѣкъ не только фактически, но и по родству, такъ какъ женился на его родственницѣ. Правда изъ показанія Бенардаки, можно было усмотрѣть, что Мясниковъ обращался съ покойнымъ Бѣляевымъ нѣсколько, какъ будто, пренебрежительно: „Кузьма сдѣлай то-то, Кузьма сходи туда!“ говаривалъ онъ ему. Крестьянинъ Купаков-

скій, жившій съ Карагановымъ на заводѣ, сказалъ, что Карагановъ хвалился, что лысаго, беззубаго лакея Мясникова отдѣлалъ, отбилъ у него все состояніе своимъ господамъ, такъ что не оставилъ ему на извощика на тотъ свѣтъ проѣхать. Вѣроятно, скажутъ намъ, было же основаніе, по которому Карагановъ считалъ возможнымъ называть его лакеемъ. Да онъ дѣйствительно былъ слуга Мясникова, но какого рода слуга? Это былъ слуга того драгоцѣннаго типа, который существуетъ, или существовалъ, по крайней мѣрѣ, долго на Руси, но который начинаетъ изчезать; сначала мальчикъ, потомъ прикащикъ, постоянно учавствовавшій въ дѣлахъ хозяина, сроднившійся съ нимъ, потомъ входящій такъ въ его интересы, что трудно опредѣлить, гдѣ начинается одинъ и гдѣ кончается другой; близкій, довѣренный человѣкъ, опекунъ, пестунъ его дѣтей, оберегающій ихъ интересы, заботящійся о всякой мелочи для этихъ дѣтей, завѣдывающій ихъ дѣлами, называющій одного изъ нихъ Сашею, другаго Ваничкой, первый извѣстившій Ваню о смерти его дѣда и послѣдній, закрывшій этому дѣду глаза—вотъ какого рода этотъ слуга? Есть-ли это простой слуга? Да слуга въ томъ смыслѣ, что вѣрою и правдою служитъ своему хозяину, но слуга—старый другъ и резонеръ, неподкупный и настойчивый, вѣрный вассалъ своего господина и съ вѣрноподданническою преданностію охраняющій интересы его потомковъ. Мы знаемъ, что подобныя личности, какъ Бѣляевъ, появлялись часто въ купеческомъ быту, къ чести этого быта. Въ то время, когда дѣти разбогатѣвшихъ трудомъ купцовъ лѣзли въ „господа“, поступали въ военную или гражданскую службу, старались сдѣлаться дворянами—рядомъ съ ихъ отцами являлись люди, которые продолжали ихъ дѣло. Въ то время, когда дѣти постепенно разоряясь, изъ богатыхъ купцовъ становились обѣднѣвшими, возникали состоянія лицъ, прежде служившихъ прикащиками ихъ отцамъ — лицъ, которыя остались вѣрными своему званію, тѣмъ интересамъ, которымъ служили съ малолѣтства и они и ихъ хозяева. Такимъ именно лицомъ долженъ былъ

быть Бѣляевъ. Въ 1855 году умеръ И. Ф. Мясниковъ, оставивъ очень большое состояніе Бѣляевъ остался полнымъ распорядителемъ его имѣнія, явился опекуномъ его дѣтей. Сколько у него самого въ то время было состоянія—мы не знаемъ; знаемъ, однако, что еще въ 1850 году онъ участвовалъ въ трехъ откупахъ: пензенскомъ, бугурусланскомъ, верхнеуральскомъ и въ каждомъ имѣлъ по 10-ти паевъ. Что эти откупа были большіе — видно изъ того, что въ нихъ участвовали такія громкія откупныя имена, какъ Воронинъ, Бенардаки, Королевъ и Каншинъ. Затѣмъ, въ 1851 — 1855 годахъ Бѣляевъ былъ участникомъ по Харьковской губерніи и только въ 1855 году передалъ свои 14 паевъ другому лицу, вслѣдствіе того, что между нимъ и другимъ изъ соткупщиковъ, Семыкинымъ, возникли недоразумѣнія. Такимъ образомъ смерть И. Ф. Мясникова застала его человѣкомъ имѣвшимъ хорошія средства. Свидѣтель Тепловъ здѣсь признавалъ, что Бѣляевъ имѣлъ 400,000 р., хотя, по словамъ того же свидѣтеля, онъ и не былъ большимъ капиталистомъ, сравнительно съ И. Ф. Мясниковымъ. Затѣмъ Бѣляевъ постоянно расширялъ свои предпріятія и продолжалъ свои дѣла. Мы не имѣемъ возможности слѣдить за тѣмъ, какія были негласныя операціи Бѣляева по откупамъ. Полагаю, что, пытаясь сдѣлать это, мы станемъ на почву тѣмъ болѣе опасную, что мы не найдемъ на ней никакого прочнаго устоя. Защита, однако, становилась вчера на эту почву и говорила, что Бѣляевъ имѣлъ самую ничтожную часть въ откупахъ, такъ какъ негласно они почти цѣликомъ принадлежали Мясниковымъ. Нельзя, однако, принять этотъ выводъ, какъ окончательный. Здѣсь было заявлено напр., что участіе Бѣляева въ откупахъ херсонскомъ и николаевскомъ составляло только $^1/_5$ двадцати пяти паевъ, которые хотя оффиціально принадлежали Бѣляеву, но въ сущности составляли собственность Мясниковыхъ. Это заявленіе основано на томъ, что въ записной книжкѣ Бѣляева находятся указанія на выдачу, изъ этихъ откуповъ, Мясниковымъ, а также въ разсчетахъ есть указанія, что онъ

считалъ себя обязаннымъ отсчитываться по этимъ откупамъ передъ Мясниковыми. Не спорю, можетъ быть такъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ укажу на то, что по тѣмъ же отчетамъ, онъ получалъ доходы съ золотыхъ пріисковъ, въ которыхъ оффиціально не участвовалъ, получалъ съ Земли Войска Донского, гдѣ откупъ держалъ Мясниковъ. Если допустить, что Мясниковы участвовали не оффиціально въ его откупахъ, то онъ точно также участвовалъ неоффиціально въ ихъ откупныхъ дѣлахъ. Въ какой мѣрѣ участіе это существовало съ обѣихъ сторонъ — трудно опредѣлить, потому намъ остается обратиться къ оффиціальнымъ даннымъ о состояніи Бѣляева, такъ какъ эти данныя не могутъ быть уже опровергаемы никакими ссылками на частныя цифры, почерпнутыя изъ дневниковъ и какихъ-нибудь клочковъ бумаги. Изъ отношенія оберъ-прокурора 1-го департамента сената видно, что Бѣляевъ при наступленіи 1858 года является откупщикомъ полнымъ по Олонецкой губерніи, причемъ въ самой малой части участвуетъ Красильниковъ. Затѣмъ онъ имѣетъ откупъ въ Сольвычегодскѣ и Устюгѣ и наконецъ въ 1858 году имъ взята Ставропольская губернія. Съ первыхъ четырехъ откуповъ онъ долженъ былъ получать, какъ мною вчера вычислено, до 100,000 руб. годоваго дохода. Я вывелъ эту цифру изъ того, что откупъ въ Устюгѣ, одинъ изъ маленькихъ, переданъ имъ купцу Топчіеву въ 1858 г., за 4 мѣсяца до конца откупа въ 1859 году, т. е. съ 1-го сентября 1858 г. по январь 1859 г., причемъ Топчіевъ, принявъ всѣ расходы по платежу акциза на себя, заплатилъ Бѣляеву 20,000 руб.; слѣдовательно эти 20,000 составляли доходъ за 4 мѣсяца и самый откупъ приносилъ, по меньшей мѣрѣ, 50,000 руб. Не думаю, чтобы соображеніе о томъ, что въ послѣдніе мѣсяцы года каждый откупщикъ увеличивалъ плату за вино, имѣло вліяніе на измѣненіе этой цифры. Затѣмъ онъ участвовалъ оффиціально въ 25-ти паяхъ въ херсонско-николаевскомъ откупѣ. Залогу имъ было внесено 112,500 руб., и намъ извѣстно изъ отчетовъ по этому откупу, что за пер-

вую половину 1857 года онъ получилъ прибыли 19,550 руб., слѣдовательно, въ годъ онъ долженъ былъ получить около 40,000 р. дохода. Намъ говорятъ, что Бѣляевъ былъ только номинальный откупщикъ и участвовалъ только въ пяти паяхъ, остальные же 20 паевъ негласно принадлежали Мясниковымъ. Пусть такъ; но изъ отчета Бѣляева Мясниковымъ, съ 1-го сентября 1857 г. по 14-е мая 1858 года, показаны поступившими въ пользу Бѣляева съ Мясниковыми, съ откуповъ въ Войскѣ Донскомъ, 37 тыс. руб. сер. Этимъ негласнымъ участіемъ въ Мясниковскихъ откупахъ онъ конечно, отчасти, уравновѣшивалъ ихъ участіе въ своихъ откупахъ. Поэтому допустимъ, по Херсону, цифру дохода для Бѣляева въ 40 тыс.—она будетъ, во всякомъ случаѣ, меньше дохода въ 8 тыс. съ прибавленіемъ къ нему донской прибыли. Затѣмъ слѣдуетъ олонецкій откупъ съ залогомъ въ 54 тыс. и оборотнымъ капиталомъ въ 70 тыс. Этотъ откупъ, цѣликомъ, принадлежалъ Бѣляеву, такъ какъ негласное участіе Красильникова было самое незначительное. Что же могъ принести такой откупъ цѣлой области? Конечно, при самомъ неблагопріятномъ разсчетѣ, не менѣе 50 тыс. руб. сер. Наконецъ, былъ полный откупъ въ Сольвычегодскѣ, съ залогомъ въ 2,400 и съ платежемъ 31 тыс. руб. акцизнаго взноса. Кромѣ того 1858 годъ застаетъ Бѣляева въ разгарѣ дѣятельности по разнымъ другимъ предпріятіямъ. Такъ, онъ хотѣлъ пріобрѣсть заводъ Берда съ Гутуевскимъ островомъ за 2,300,000 р., въ компаніи съ Жадимировскимъ и Клементомъ. Мы читали здѣсь объ этомъ собственноручный проектъ Бѣляева. Тамъ есть 14-й пунктъ, по которому онъ намѣревается участвовать въ этой покупкѣ въ $^2/_3$, а всѣ остальные участники въ $^1/_3$ долѣ; кромѣ того онъ обязывается немедленно внести задатку 500 тыс. р. с. и остальныя 1,800,000 въ теченіе года. Признаюсь, что дѣйствительно эта сумма даже при большихъ оборотахъ Бѣляева, нѣсколько велика и не могу допустить мысли, чтобы онъ сразу, по одному предпріятію, могъ внести 340 тыс. задатка; я готовъ допустить,

что въ этомъ предпріятіи участвовали негласно, конфиденціально, отчасти и Мясниковы, ставшіе за именемъ Бѣляева. Во всякомъ случаѣ живое и непосредственное участіе Бѣляева въ этомъ предпріятіи, не подлежитъ сомнѣнію. Онъ же, Бѣляевъ, является и однимъ изъ учредителей общества столичнаго освѣщенія; онъ желалъ, какъ видно изъ показанія Молво, взять много акцій на себя, хотѣлъ внести задатку около 400 тыс. р. с. сразу, и по этому предпріятію выдалъ Молво впередъ 5 тыс. Наконецъ, въ 1858 г., онъ вступаетъ еще въ два предпріятія: одно — ставропольскій откупъ, по которому вноситъ 106 тыс. руб. залога, изъ него возвращаетъ часть Красильщикова и дополняетъ новыми залогами, такъ что остается залога 71,000 руб., въ числѣ которыхъ 51,000 билетами комерческаго банка. Это былъ громадный откупъ на 2,205,000 руб. акцизной платы. Затѣмъ, прочитаннымъ вчера доношеніемъ Бѣляева въ сенатъ онъ отказался отъ откупа въ Ставропольской губерніи, передавая его Мясникову и Бенардаки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, просилъ выдать другіе залоги, имъ представленные, по принадлежности, а свой собственный залогъ, 71,000 р., оставлялъ безъ истребованія. Онъ не просилъ перечислить ихъ на себя и, слѣдовательно предоставилъ ими пользоваться, по ставропольскому откупу, Мясниковымъ. Затѣмъ, въ апрѣлѣ 1858 г., онъ заключилъ съ казною договоръ о взятіи на арендное содержаніе Самосдѣльско-Образцовскихъ рыбныхъ промысловъ въ Каспійскомъ морѣ, въ Астраханской губерніи. Этотъ договоръ содержитъ въ себѣ слѣдующія указанія на состояніе Бѣляева: Образцово-Самосдѣльскія рыбныя ловли были отдаваемы казною съ торговъ, причемъ сумма, предложенная однимъ изъ послѣднихъ торговавшихся, Коняевымъ, составляла 71,500 р. въ годъ арендной платы. На торгахъ участвовали лица съ громкими именами: Ненюковъ, Воронинъ, Бенардаки и нѣкоторые другіе. На этихъ торгахъ верхъ одержалъ Бѣляевъ; онъ предложилъ 72,000 р. годовой арендной платы и рыбныя ловли остались за нимъ. Говоритъ, согласно съ защитою, что онѣ

потомъ приносили убытокъ, я не могу, не имѣя въ дѣлѣ на это прямыхъ указаній, но готовъ согласиться, что убытки могли быть, такъ какъ въ нѣкоторыхъ отчетахъ за первое время значится, что площадь водъ, отведенныхъ подъ ловли, оказалась менѣе, чѣмъ предполагалось при торгахъ. Изъ этого возникла цѣлая переписка коммисіи рыбныхъ ловель. Коммисія, и впослѣдствіи сенатъ, признали, что количество воды, отведенной подъ рыбную ловлю, не было менѣе того, которое слѣдовало отвести. Положимъ, что ловли могли приносить первое время убытокъ; во всякомъ случаѣ достаточно, что Бѣляевъ долженъ былъ внести залогъ, и внесъ принадлежащій ему капиталъ въ 24,000 р.; кромѣ залоговъ онъ долженъ былъ раздать отступнаго 124,000 р., между прочимъ одному Бенардаки, какъ видно изъ записной книги Бѣляева, 80,000 р. Затѣмъ, принявъ ловли во владѣніе, онъ очевидно хотѣлъ, чтобы онѣ были въ общемъ владѣніи съ Мясниковыми, ибо имъ было подано объявленіе въ коммисію рыбныхъ ловель, что онъ принимаетъ обоихъ Мясниковыхъ, на равныхъ правахъ, для участія въ содержаніи ловель. Въ дневникѣ есть указаніе, что онъ внесъ въ складочный капиталъ въ 50,000—16,666 руб. на свою долю. Это указываетъ, что онъ, дѣйствительно, хотѣлъ участвовать только въ $^1/_3$ части, но только хотѣлъ, оффиціально же ничего по этому сдѣлано не было, такъ какъ въ донесеніи въ коммисію рыбныхъ ловель Бѣляевъ объясняетъ, что договоръ о принятіи имъ для участія въ этомъ дѣлѣ Мясниковыхъ, будетъ имъ представленъ вслѣдъ за симъ. Договоръ былъ необходимъ; безъ него никакая сдѣлка не могла считаться существующею. На это указываетъ § 27 кондицій на аренду ловель, кондицій, заключенныхъ между казною и Бѣлявымъ. Въ этомъ § значится, что Бѣляеву дозволяется принимать участниковъ въ содержаніи ловель, но съ тѣмъ, чтобы договоръ объ участіи былъ представленъ коммисіи. Такого договора, между Бѣляевымъ и Мясниковыми, не было, однако, заключено и на него нѣтъ никакихъ указаній. Бѣляевъ умеръ, не успѣвъ

оставить договора. Эти ловли, по словамъ защиты, могли быть убыточны, но мы знаемъ, что Мясниковы, въ 1861 г. пріобрѣли отъ Трощинскаго имѣніе, въ Качарлыкѣ, Кіевской губерніи, за 1.300,000 руб., заплативъ въ число этой суммы ловлями, которыя они цѣнили въ 889 тыс. На это есть указаніе въ дѣлѣ о ловляхъ. Когда эта купля состоялась, Трощинскій продалъ ловли Бутовичу, который нашелъ, что ловли принимать неудобно, такъ какъ оказалось, что Мясниковы не заплатили, не имѣя, можетъ быть, въ это время достаточно наличныхъ средствъ, арендную плату за двѣ послѣднія трети 1860 г. Эти двѣ трети составляли 48 тыс. руб. Этотъ невзносъ арендной платы, послужилъ поводомъ къ тому, что коммисія рыбныхъ ловель сочла условіе, заключенное казною съ Бѣляевымъ и Мясниковыми, нарушеннымъ, такъ какъ въ немъ значится, что арендная плата должна быть вносима за $^1/_3$ года впередъ. Коммисія вошла съ представленіемъ о наложеніи запрещенія на имѣніе Мясниковыхъ, въ обезпеченіе правильности поступленія доходовъ казны, въ теченіе слѣдующаго десятилѣтія. Это представленіе было уважено и на все имѣніе Мясниковыхъ было наложено запрещеніе, въ размѣрѣ 604 тыс. Такъ цѣнила казна въ то время рыбныя ловли, или тѣ доходы, которые слѣдовало получать отъ нихъ Мясниковымъ; но если таковы должны быть доходы рыбныхъ ловель и если онѣ передаются впослѣдствіи за болѣе высокую сумму, то мы не имѣемъ основанія предполагать, чтобы совокупность этихъ доходовъ превышала стоимость. Затѣмъ мы знаемъ, что когда Бутовичъ отказался принять рыбныя ловли по довѣренности Трощинскаго, то возникло дѣло между Бутовичемъ и Трощинскимъ. Дѣло окончилось миромъ и рыбныя ловли были переданы Бутовичемъ за 1.300,000 рублей, слѣдовательно онѣ во всякомъ случаѣ стоили не менѣе 800 или 600 тысячъ, но если даже допустить 600,000, то мы увидимъ, что барыши были взяты громадные. Вотъ тѣ предпріятія, которыми Бѣляевъ нанѣренъ былъ заняться въ теченіе конца 1858 и 1859 г., но 1858 годъ засталъ его,

кромѣ того, въ слѣдующихъ коммерческихъ оборотахъ и дѣлахъ: у него была лѣсная торговля; сколько приносила она, мы не знаемъ, но знаемъ, что по день смерти Бѣляева по этой лѣсной торговлѣ заготовлено было 290,000 деревъ; затѣмъ мы знаемъ, что по разсчету, сдѣланному Карагановымъ для Мясникова, эта торговля дала Бѣляеву въ 1858 г. 5,000 дохода. Затѣмъ былъ магазинъ. Неизвѣстно, сколько онъ приносилъ дохода, но цѣнность его можетъ быть опредѣлена. Въ день смерти Бѣляева онъ стоилъ 32,000 руб.; въ мартѣ мѣсяцѣ 1859 г., когда онъ перешелъ во владѣніе Мясниковыхъ, цѣнность его простиралась до 25,200 руб. и мебели на 5,000 р., т. е. всего на 30,000. Наконецъ, Бѣляевъ имѣлъ золотопромывательную машину. Какого рода участіе Бѣляева было въ этомъ предпріятіи, я затрудняюсь опредѣлить; я могу только сказать, что онъ заплатилъ на устройство ея, за право участія въ пользованіи ею, 8.000 руб. Наконецъ, Бѣляевъ управлялъ заводами своей жены и всѣ доходы поступали къ нему. Заводовъ было два: чураковскій и комаровскій и мельница, при которой находился принадлежавшій Караганову кожевенный заводъ. Относительно чураковскаго завода мы знаемъ, что доходъ съ него, въ теченіе года, въ 1857—1858 годъ, былъ 21,900 р., затѣмъ самый капиталъ завода съ залогомъ составлялъ 102,500 руб. Что касается до комаровскаго завода, то онъ давалъ въ теченіи года 42,500 руб., а имущество этого завода состояло изъ 61,900 р. и залога въ 41.000 р., т. е. слишкомъ 102.000. Слѣдовательно оба завода стоили 204,000 р. Если даже предположить, что они стоили 200,000, то вотъ имущество, находившееся въ рукахъ Бѣляева, которымъ онъ завѣдывалъ безотчетно и изъ котораго извлекалъ 60,000 дохода.

Сводя все сказанное вмѣстѣ, дѣлая самыя выгодныя предположенія и разсчеты, приходимъ къ тому выводу, что Бѣляевъ имѣлъ все-таки, по крайней мѣрѣ, отъ 200 до 150,000 годоваго дохода. Если допустить ограниченіе въ откупахъ, на которые защита указывала; если допустить, что участіе Бѣ-

ляева было ничтожно въ нѣкоторыхъ откупахъ и очень незначительно въ золотыхъ пріискахъ, то и тогда окажется, что доходы его не могутъ быть менѣе 150,000 въ годъ. При такомъ доходѣ можно опредѣлить, приблизительно, дѣйствительный капиталъ Бѣляева. Я не стану указывать точной цифры капитала, да и не могу, въ настоящее время, съ точностію опредѣлить его; я не стану доказывать, подобно гражданскимъ истцамъ, что тутъ были милліоны, равнымъ образомъ не стану и утверждать, что состоянія никакого не было, ибо 20,000, приводимыя защитою, не составляютъ состоянія. Состояніе Бѣляева было, конечно, весьма круглое, скопленное большимъ трудомъ, возраставшее весьма медленно, при посредствѣ удачнаго помѣщенія его въ разныя предпріятія. Оно простиралось до 600,000 или 700,000 и приносило доходу до 150,000. Заключеніе это вывожу я изъ слѣдующихъ фактовъ: сама Бѣляева говоритъ, что у мужа ея было 700,000 капитала; затѣмъ, изъ разсчета, сдѣланнаго имуществу Бѣляева имъ самимъ, на клочкѣ бумаги, къ 16-му сентября 1857 г., выходитъ, что оно простиралось до 400,000, въ томъ числѣ наличныхъ денегъ 120,000, но при этомъ не упомянутъ капиталъ, который находился въ залогахъ по откупамъ и составлялъ, по ставропольскому откупу, 50,000 и до 40,000 по откупамъ олонецкому и вологодскому. Затѣмъ, при перечисленіи капитала, къ нему не причисляется тотъ, который вложенъ былъ на нѣкоторыя негласныя предпріятія, напримѣръ, паи въ откупѣ войска донскаго, въ золотыхъ пріискахъ, между тѣмъ, какъ съ того и другаго предпріятія получались извѣстные доходы. Это видно изъ отчета 14-го мая 1859 г., гдѣ значится 36,000 за войско донское и около 30,000 за золотые пріиски, слѣдующіе на долю Бѣляева за время съ 1-го сентября. И такъ, я полагаю, что можно взять среднюю цифру между 400,000 и 700,000, и опредѣлить капиталъ Бѣляева отъ 550,000 до 600,000 руб. Да, впрочемъ, точный размѣръ суммы капитала для насъ и не важенъ. Вопросъ объ этомъ подле-

житъ суду, который опредѣлилъ, сколько именно приходилось на долю Бѣляева, сколько было у него документальныхъ капиталовъ и что должны были получить его наслѣдники. Намъ важно знать только, что у Бѣляева былъ довольно большой капиталъ по настоящему времени, когда уже болѣе нѣтъ тѣхъ громадныхъ, баснословныхъ капиталовъ, которые скоплялись прежде въ однихъ рукахъ, благодаря откупамъ. Такого рода капиталъ, какъ 600,000 р., приносящій, при выгодномъ помѣщеніи его, процентовъ на 150,000 р., возьмемъ даже на 120,000 и даже 100,000 р., не могъ считаться маленькимъ, а такимъ капиталомъ Бѣляевъ положительно владѣлъ.

Чтобы уже не возвращаться болѣе къ вопросу о средствахъ Бѣляева, я коснусь теперь же и той стороны вопроса, которая собственно не относится къ предмету настоящей моей рѣчи, а къ тому мѣсту ея, гдѣ буду говорить о сохранной росписке. Въ подтвержденіе состоянія Бѣляева мы имѣемъ два рода документовъ: одни оффиціальные, представленные оберъ-прокуроромъ сената, другіе, не имѣющіе юридическаго характера документовъ вообще. Документы втораго рода состоятъ въ дневникѣ Бѣляева, исходящей книгѣ, гдѣ разными чернилами, а иногда карандашомъ, записаны разные расходы: выдача отступныхъ денегъ, покупка формы и обмундировка А. Мясникова, выдача жалованья и т. д., нѣкоторые расходы по воспоминаніямъ Бѣляева, какъ напр.: „выдано тому-то въ Москвѣ 3 руб., *давно уже*". Очевидно. эта записная книжка не имѣетъ никакого документальнаго характера, поэтому и говорить о ней можно весьма разнообразно и, главное, весьма неопредѣленно. Наиболѣе яснымъ характеромъ между этими документами отличаются: сводъ капиталовъ и доходовъ, писанный рукою Бѣляева. По этому разсчету Бѣляевъ по дѣламъ Мясниковыхъ получилъ къ 1-му сентября 1857 г. дохода 2.273,775 руб. Изъ этой суммы было израсходовано 622,098 р., отдано Мясниковымъ 601,931 руб., въ дѣлахъ осталось 786,122 руб., а за Бѣляевымъ

осталось 263,631 р. Далѣе, его же рукою, писанъ краткій отчетъ съ 1-го сентября по 14-е мая 1858 г., принятый Мясниковыми, въ которомъ значится, что ему слѣдовало уплатить Мясниковымъ къ 1-му сентября 150,000 руб., къ этому поступило 105,000 руб., итого къ 14-му мая 255,000 р. ему слѣдовало уплатить. Затѣмъ идетъ расходъ суммъ „со счета моего", причемъ выведено слѣдующее: слѣдуетъ списать 278,000 руб., такъ что за Мясниковыми осталось 22,000 руб., что внизу и написано рукою Бѣляева. Если сравнить первый и второй отчеты, то между ними окажется непримиримая разница и пробѣлъ, который не знаю, можетъ ли быть объясненъ надлежащимъ образомъ въ настоящемъ засѣданіи. Пробѣлъ этотъ заключается въ томъ, что въ концѣ перваго отчета сказано, что къ 1-му сентября Бѣляевъ долженъ заплатить 263,000 р., а въ началѣ втораго значится что за нимъ 150,000 руб. Очевидно, что тутъ вычтены изъ 263,000 руб. расходы, которые намъ неизвѣстны. Но я допускаю, что здѣсь произошла ошибка, и буду брать первый большой отчетъ Бѣляева, гдѣ значится за нимъ 263,631 р., затѣмъ поступило къ нему въ періодъ времени отъ 1-го сентября по 14-е мая 105,808 руб., итого 369,439 руб., которые онъ долженъ былъ заплатить. Истрачено изъ нихъ 278,061 р., итого, слѣдовательно, за Бѣляевымъ къ 14-му мая остается 91,378 р. Вотъ выводъ изъ перваго разсчета и на немъ мы остановимся. Въ такомъ положеніи были долговыя дѣла Бѣляева къ 14-му мая; но затѣмъ, въ концѣ разсчетной книги написано, что расходы и капиталы по рыбнымъ ловлямъ уравнены общимъ вкладомъ поровну. Передъ этимъ указано на то, что 7-го и 8-го числа выдано 124.000 отступныхъ. Отчетъ, только-что мною читанный, доведенъ до 14-го мая, слѣдовательно, въ немъ должно было быть упомянуто, что деньги эти возвращены Бѣляеву Мясниковыми; но таковой суммы въ отчетѣ нѣтъ. Если они участвовали въ дѣлѣ на равныхъ правахъ, то расходъ по отступному въ 84,000. причитавшійся на долю Мясниковыхъ и не внесенный

въ отчетъ, долженъ быть внесенъ со счета Бѣляева къ 14-му мая. И такъ, къ 14-му мая Бѣляевъ долженъ былъ Мясниковымъ 91,000, за исключеніемъ 84,000. Кромѣ того онъ передалъ имъ ставропольскій откупъ, оставивъ тамъ залогъ въ 50,000, да залогу имъ внесено по рыбнымъ ловлямъ 24,000. Изъ всѣхъ этихъ разсчетовъ выходитъ, что Мясниковы были должны Бѣляеву 84,000 и если даже не принимать въ разсчетъ залоговъ, то они имѣли съ Бѣляева только 77,000 руб. долгу.

Вотъ, гг. присяжные, тѣ выводы, которые, кажется мнѣ, было возможно сдѣлать изъ тѣхъ многочисленныхъ и сложныхъ документовъ, которые мы предъявляли вамъ вчера. Обращаюсь къ личности Бѣляева. Свидѣтели объяснили намъ, да и въ дѣлѣ есть указанія на то, что за человѣкъ былъ Бѣляевъ. Мы знаемъ, что это былъ, во-1-хъ, человѣкъ въ высшей степени аккуратный, который самъ, будучи человѣкомъ богатымъ и имѣя конторщика, велъ исходящія книги, писалъ почти всѣ бумаги собственноручно, даже объявленія въ кварталъ. Въ числѣ вещественныхъ доказательствъ вы найдете цѣлую пачку писемъ, объявленій, доношеній, писанныхъ собственною его рукою. Занимался онъ, какъ вы слышали отъ Китаева, цѣлые дни, оставляя занятія только для обѣда, затѣмъ отдыхалъ часъ и снова принимался за дѣло. Это былъ человѣкъ, трудомъ составившій себѣ состояніе и видѣвшій въ этомъ трудѣ задачу своей жизни. Затѣмъ мы знаемъ, что это человѣкъ былъ добрый, богомольный, дѣлавшій вклады въ монастыри и на церкви, на что указываетъ, между прочимъ, записанный въ дневникъ расходъ на Евангеліе въ 1,000 р., купленное пополамъ съ Мясниковыми. Привычку писать самому всѣ бумаги свои, онъ распространялъ до того, что подписывая бумаги, писанныя не имъ самимъ, всегда подписывался своимъ полнымъ титуломъ, и хотя есть въ дѣлѣ нѣсколько документовъ, на которыя будетъ ссылаться защита, гдѣ онъ подписывался просто „К. Бѣляевъ“, но это такіе документы, гдѣ въ началѣ титулъ его уже

обозначенъ. Редакція подобныхъ документовъ такого рода: „въ такую-то опеку, фридрихсгамскаго первостатейнаго купца Козьмы Бѣляева и т. д.“ Каждый такой документъ написанъ собственноручно; понятно, что два раза обозначать свое званіе ему было не для чего; но въ документахъ, написанныхъ не въ такой формѣ, или не его рукою, вездѣ находится его полная подпись. Наконецъ, по отношенію къ семейнымъ дѣламъ, мы знаемъ, что Бѣляевъ очень любилъ свою жену: между ними существовала самая нѣжная привязанность, какъ мы видѣли изъ письма его на дачу, передъ смертью, исполненнаго самыхъ нѣжныхъ выраженій; онъ постоянно говорилъ, что желалъ обезпечить жену и неоднократно говорилъ, что онъ это сдѣлаетъ. Сдѣлалъ ли онъ это въ дѣйствительности — мы увидимъ далѣе. Что этого не было до весны 1858 г.—это намъ несомнѣнно ясно доказала выставленная обвиняемымъ свидѣтельница Иванова: она разсказала, что Бѣляевъ при ней говорилъ, что вотъ умерла жена Громова и не оставила духовнаго завѣщанія, что онъ, Бѣляевъ, такъ не поступитъ, что у него и жены его сдѣлано такъ, что онъ оставитъ завѣщаніе на ея имя, а она, жена его, оставитъ завѣщаніе на его имя. Когда это говорилось? Послѣ смерти Громовой. Когда умерла Громова? Громова умерла, говоритъ свидѣтельница, когда я была въ дѣвушкахъ, а это было въ 1857 году. Да. А завѣщаніе, о которомъ идетъ рѣчь, написано 10-го мая 1858 г. Вотъ такой-то человѣкъ аккуратный, имѣющій весьма большія дѣла и обороты, участвующій во многихъ предпріятіяхъ, тѣсно связанный узами родства и воспоминаніемъ о службѣ у своего прежняго благодѣтеля съ Мясниковыми, наконецъ, привыкшій къ нимъ, этотъ человѣкъ сталъ чувствовать себя дурно въ 1858 г. Онъ не оставилъ Мясниковыхъ до самой смерти, довелъ до конца привязанность, созданную годами, хотя послѣднее время она омрачилась нѣкотораго рода неудовольствіями, какъ видно изъ письма Ив. Мясникова, гдѣ онъ говоритъ, что согласенъ съ разсчетомъ, сдѣланнымъ Бѣляевымъ, по которому

приходилось на каждаго брата по 2,000 руб.; но, вѣроятно, разсчеты окончились ничѣмъ, такъ что не повліяли на отношенія Мясниковыхъ къ Бѣляеву: они у него постоянно бывали, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Китаевъ. Вотъ эта-то стародавняя привязанность была причиною того, что дѣла Мясниковыхъ и Бѣляева были такъ неразрывно, тѣсно связаны, что распутать ихъ было весьма трудно; поэтому весьма естественно было со стороны Бѣляева желать не оставить жену свою безъ завѣщанія. Его не обижали, имъ дорожили, его уважали; но со вдовой имъ придется разсчитываться, и, казалось бы, завѣщаніе составить необходимо. Дѣйствительно, оно составлено, вы его видѣли, вы читали его здѣсь, оно подписано просто „К. Бѣляевъ“. Весьма почтенные люди засвидѣтельствовали его и, слѣдовательно, весь вопросъ исчерпывается и мы собрались напрасно. Но, однако, тутъ являются различныя сомнѣнія. Завѣщаніе правильно въ смыслѣ права гражданскаго, но уголовное право идетъ гораздо далѣе: оно разсматриваетъ документъ не только съ его формальной стороны, не только по существу, но оно разсматриваетъ всю обстановку, при которой документъ произошелъ, оно изслѣдуетъ тѣ обстоятельства, которыя способствовали его происхожденію, однимъ словомъ, уголовное правосудіе обращаетъ вниманіе на обстоятельства рожденія документа и иногда можетъ придти къ тому заключенію, что документъ, совершенно правильный въ гражданскомъ смыслѣ, есть документъ незаконнорожденный. Относительно этого происхожденія документа, я намѣренъ представить вамъ мои соображенія.

Перехожу къ разсмотрѣнію самаго духовнаго завѣщанія. Конечно тутъ возникаютъ прежде всего слѣдующіе главные вопросы: во-первыхъ, какъ и когда оно открыто; во-вторыхъ, каково его содержаніе; кѣмъ оно подписано и при какой обстановкѣ, и каковы тѣ обстоятельства, которыя сопровождали открытіе документа?

(Перерывъ засѣданія на 5 минутъ).

Послѣ перерыва, прокуроръ снова беретъ слово, и продолжаетъ свою рѣчь слѣдующимъ образомъ:

Я сказалъ, что при разборѣ завѣщанія прежде всего возникаетъ вопросъ о томъ, когда и какъ оно найдено. Мы знаемъ отчасти обстоятельства его нахожденія; намъ ихъ разсказала г-жа Бѣляева. Я не стану повторять подробностей ея допроса, тѣмъ болѣе, что онъ тянулся очень долго, и вы, вѣроятно, вполнѣ удержали его въ памяти, равно какъ и то, что на вопросы мои г-жа Бѣляева отвѣчала съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ, на вопросы же тѣхъ лицъ, которыхъ она считала особенно вредными для себя, т. е. на вопросы повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ, она отвѣчала крайне лаконически, „да“ и „нѣтъ“, съ очевиднымъ раздраженіемъ. Въ виду этого отсутствія хладнокровія, въ виду того, что она отзывалась запамятованіемъ очень многихъ существенныхъ обстоятельствъ, не помнила, напримѣръ, когда ей была вручена сохранная росписка, забыла, что И. Мясниковъ уѣхалъ 24-го мая на Кавказъ, и говорила, что онъ бывалъ у ея мужа въ это время каждодневно, и въ то же время помнила такія мелочи, какъ-то, что запонки и золотыя вещи ея мужа остались въ цѣлости—въ виду этого страннаго свойства ея памяти, удерживающей мелочи и забывающей крупные факты, я считаю возможнымъ обратиться къ тѣмъ показаніямъ, которыя были здѣсь прочтены. Этихъ показаній ею было дано четыре: два при предварительномъ слѣдствіи въ 1868 году и два въ 1870 году. Въ 1868 году она была свидѣтельницею, въ 1870 — обвиняемою. Она заявила здѣсь, какъ она была напугана привлеченіемъ ея къ дѣлу въ качествѣ обвиняемой. Я совершенно вѣрю ей и потому не хочу ссылаться на это ея показаніе; но когда она была свидѣтельницею въ дѣлѣ, она не могла быть испуганною, и на это-то показаніе я хочу ссылаться. Между прочимъ, я считаю нужнымъ сказать, что причину, побудившую ее къ разнымъ, по ея словамъ, неправильнымъ показаніямъ у слѣдователя, я не могу себѣ уяснить хорошенько. Она показала здѣсь, что ее ужасно вол-

новало, безпокоило то, что цѣлый день съ парадnаго крыльца звонили, безпокоили ее, а когда она спрашивала, кто приходилъ, то получала отъ прислуги отвѣтъ, что какіе-то полицейскіе или сыскные чиновники приходили узнать, что̀ дѣлается въ домѣ. Мнѣ кажется, что это одно изъ обстоятельствъ, о которомъ г-жа Бѣляева не все помнитъ; тутъ было что нибудь другое, потому что, хотя сыскная полиція дѣйствовала въ этомъ дѣлѣ—я этого не отрицаю, это было необходимо—но она дѣйствовала очень искусно, и я не думаю, чтобы агенты петербургской сыскной полиціи, первой въ Россіи, настолько уже не знали своихъ обязанностей, чтобы приходили днемъ звонить съ парадnаго крыльца и спрашивать, что̀ дѣлается въ домѣ. Но каковы бы ни были причины ея волненія, я буду основываться на показаніи ея, даннomъ въ качествѣ свидѣтельницы, такъ какъ тогда еще волненія не существовало, да и память была свѣжѣе. Изъ этого показанія можно вывести слѣдующее: незадолго до смерти, мужъ ея призываетъ ее къ себѣ въ кабинетъ и вручаетъ ей сложенную бумагу, сказавъ: „возьми, спрячь!“ Удрученная горемъ, она ушла къ себѣ въ комнату; тамъ, развернувъ бумагу, увидѣла, что это было завѣщаніе и положила въ столъ. Сначала она не помнила, куда положила, но потомъ, на сороковой день, вспомнила, что бумага у нея въ столѣ и ее оттуда вынула. Какая же это была бумага? спрашиваемъ мы.—Духовное завѣщаніе.—Почему?—Да потому, что я его читала.—Въ чемъ оно состояло? — Когда я раскрыла, я пробѣжала начало и конецъ.—Что же тамъ написано?—Отказано все въ мою пользу. Въ завѣщаніи же, которое вамъ предъявлялось, гг. присяжные, вы вѣроятно замѣтили, что отказъ находится посрединѣ, а не въ началѣ и не въ концѣ. Что же вы смотрѣли? говорю я.—Да подписи смотрѣла.—Вслѣдствіе чего?—Любопытно было посмотрѣть. — Ну, а въ завѣщаніи не было ли еще какихъ-нибудь выдачъ?—Я не помню, я только пробѣжала его и изъ общаго смысла поняла, что все оставлено.—Что же затѣмъ: говорилъ ли вамъ покойный

о завѣщаніи, не говорили ли вы кому нибудь?—Нѣтъ.—Когда вы вспомнили о завѣщаніи? — На 40-й день. — Вотъ это-то обстоятельство, т. е. передачу завѣщанія, мы и разберемъ сначала. Мы знаемъ, что лѣтомъ 1858 года Бѣляевъ жилъ въ Петербургѣ; у него были торги въ Сенатѣ, куда онъ ѣздилъ въ началѣ августа; кромѣ того, онъ страдалъ, ему было тяжело ѣздить въ Ораніенбаумъ, гдѣ жила на дачѣ его жена, и вотъ онъ призываетъ ее и вручаетъ бумагу, по ея словамъ духовное завѣщаніе, и говоритъ: „возьми и спрячь". Спрашивается, для чего онъ это дѣлаетъ? Развѣ онъ находилъ, что хранясь у него эта духовная не будетъ въ такой сохранности? Предположимъ, что онъ это находилъ; въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же онъ не сказалъ, что это духовное завѣщаніе? Вѣдь это была женщина убитая горемъ до того, что забыла про существованіе завѣщанія, и Бѣляевъ, конечно, видя жену свою въ такомъ положеніи, не могъ предполагать, что она сейчасъ начнетъ любопытствовать, кто подписался на завѣщаніи. Вотъ этой-то убитой горемъ женщинѣ онъ даетъ бумагу, не объяснивъ, что это такое. Если онъ считалъ возможнымъ такъ передать эту бумагу, то лучше было запечатать ее въ конвертѣ своею печатью—это было бы вѣрнѣе. Наконецъ, собственно для чего онъ даетъ завѣщаніе спрятать своей женѣ? Для того, чтобы лично выразить ей свою послѣднюю волю? Но, гг. присяжные. вы знаете, вы слышали изъ писемъ, что это былъ человѣкъ нѣжный, онъ даже Мясниковыхъ называлъ уменьшительными именами. Неужели же этотъ человѣкъ, видя свою жену убитую горемъ, станетъ еще болѣе разстраивать ея сердце тѣмъ, что будетъ вручать ей завѣщаніе? Вы знаете, какая это щекотливая вещь, какое значеніе имѣетъ составленіе и врученіе завѣщанія, особенно въ купеческомъ быту. Но если онъ вручалъ его не для объявленія своей воли, а лишь для сохраненія, то развѣ не могъ онъ сохранить его иначе. Вѣдь есть извѣстныя присутственныя мѣста, гдѣ завѣщаніе могло находиться внѣ всякой опасности. Намъ скажутъ, можетъ быть,

что Бѣляевъ не хотѣлъ объявлять своего капитала, такъ какъ составить завѣщаніе крѣпостнымъ порядкомъ значило объявить, въ какомъ положеніи его дѣла. Но, гг. присяжные, вы помните, что по содержанію завѣщанія не видно вовсе, въ чемъ состояли его предпріятія и капиталы. Положимъ, однако, что онъ дѣйствительно не хотѣлъ дѣлать никакой оффиціальности, не хотѣлъ сохранять завѣщанія у себя и находилъ нужнымъ передать его на сохраненіе женѣ; въ такомъ случаѣ, почему онъ хранилъ его у себя цѣлое лѣто, когда жена жила на дачѣ, когда онъ чувствовалъ себя очень больнымъ, могъ думать о быстрой смерти? Почему онъ не боялся держать завѣщаніе въ это время и сталъ бояться тогда, когда жена его переѣхала съ дачи, когда онъ зналъ, что жена около него, что она охранитъ его тѣло отъ того поруганія надъ мертвымъ, которому подвергаетъ богатаго человѣка толпа чуждыхъ и корыстныхъ лицъ, сбѣжавшихся розыскивать его наслѣдство? Затѣмъ дальнѣйшій разсказъ Бѣляевой. Она приноситъ завѣщаніе къ себѣ въ комнату, развертываетъ его и смотритъ съ любопытствомъ на подписи свидѣтелей. Странное любопытство! Почему она не поинтересовалась узнать, какъ мужъ ея раздѣлался съ окружающими лицами? Это гораздо важнѣе; вѣдь у него были родственники, ждавшіе, что имъ будетъ что-либо отказано; но ей любопытно смотрѣть только на подписи, значитъ ей ничего не говорили свидѣтели, значитъ Бѣляевъ просилъ ихъ сохранить въ тайнѣ то, что они подписались на завѣщаніи. Для чего онъ могъ это сдѣлать? Для того, чтобы не огорчать бѣдную вдову. Но въ такомъ случаѣ, для чего же онъ самъ ей вручалъ это завѣщаніе? Для того, чтобы сохранить его? Но развѣ такъ сохраняютъ завѣщаніе? Затѣмъ мы видимъ, что предъ фамиліею каждаго свидѣтеля идетъ длинный періодъ, что „завѣщаніе подписано“ и т. д., такъ что подписи свидѣтелей составляютъ ровно половину текста всего завѣщанія. Она говоритъ, что видѣла, что на завѣщаніи за именемъ Бѣляева было написано: „Сицилинскій и Отто“, но какимъ образомъ

среди указанныхъ казенныхъ словъ, казенныхъ фразъ, она усмотрѣла только двѣ фамиліи и не-запомнила, что имъ предшествуетъ цѣлая официальная фраза. Наконецъ, посмотримъ на ея отношеніе къ завѣщанію. Она не имѣетъ никакихъ опредѣленныхъ средствъ, такъ какъ все имущество ея находилось въ рукахъ мужа, безотчетно имъ управлялось. Она видитъ, что мужъ умеръ, и ея положеніе можетъ стать тяжело. Какъ не поинтересоваться узнать, что онъ ей оставляетъ, какъ не задуматься надъ своею будущею матеріальною обстановкоя, если не сейчасъ по смерти мужа, то чрезъ недѣлю, чрезъ двѣ? Однако она ничего этого не дѣлаетъ. Предположимъ, что тягость утраты мужа была для нея такъ сильна, что она не могла заниматься дѣлами, что ей было не до того, что она забыла даже о такомъ важномъ документѣ, какъ завѣщаніе. Но вспомните обстановку ея дома послѣ смерти мужа: дѣтей нѣтъ, цѣлая дворня, разные приказчики, управляющіе, которые долго жили у Бѣляева, и каждый считалъ себя вправѣ на полученіе послѣ него извѣстной части; наконецъ Ремянникова, вся судьба которой зависитъ отъ этого завѣщанія, которая умоляетъ Мясникова на колѣняхъ не оставить ее, которая ждетъ съ нетерпѣніемъ рѣшенія своей судьбы и до того взволнована неизвѣстностью, что даже заболѣваетъ. Развѣ Бѣляева, такъ любившая мужа, такъ охранявшая его память, не понимала, что надо успокоить окружающихъ, смягчить ихъ ропотъ? Развѣ, ухаживая за больною, она не понимала, что своимъ молчаніемъ она только длитъ ея болѣзнь, только вызываетъ упреки памяти покойнаго. Вся дворня смотритъ ей въ глаза, и бѣдная Ремянникова лежитъ больная, а она молчитъ. Какъ не возстановить доброй памяти о мужѣ, какъ не сказать: „не плачьте, не скорбите, вы не забыты, вамъ оставлено, я помню, завѣщаніе есть!“. Вѣдь это было бы лучшимъ лекарствомъ для Ремянниковой! Но ничего этого не было сдѣлано. Когда же найдено завѣщаніе? Въ 40-й день — какъ говоритъ Бѣляева: до тѣхъ поръ Бѣляева о немъ не помнитъ, потому что

не занимается никакими дѣлами — согласенъ; но что значитъ найденная у нея при обыскѣ довѣренность на имя Мясникова на полное управленіе ея имѣніемъ, помѣченная сентябремъ? Сороковой день былъ въ половинѣ октября, а довѣренность помѣчена сентябремъ, слѣдовательно выдана вскорѣ послѣ смерти мужа, въ то время, когда ей было такъ тяжело, когда спутника ея жизни только-что унесли отъ нея изъ дому навсегда. Изъ довѣренности видно, что она считала возможнымъ немедлено послѣ этого говорить о дѣлахъ съ Мясниковыми и даже составлять довѣренность на управленіе всѣмъ имѣніемъ ея мужа. Да и почему она знаетъ, что все состояніе ея, что она можетъ имъ распоряжаться? Значитъ, выдавая довѣренность, она вспомнила о завѣщаніи, вспомнила еще въ сентябрѣ. Но если вспомнила, то отчего не посмотрѣла?

Перехожу далѣе къ роли, которую должно было играть завѣщаніе. Вы знаете характеръ дѣлъ Бѣляева и Мясниковыхъ, вы слышали изъ показаній обвиняемыхъ, что ими въ день смерти Бѣляева были взяты изъ кабинета его счеты, книги и бумаги, потому что тутъ были и ихъ счеты, и имъ хотѣлось знать, въ какомъ положеніи ихъ дѣла. Бѣляеву они, конечно, были лучше извѣстны; онъ зналъ, что его дѣла съ дѣлами Мясниковыхъ крайне перепутаны, и онъ одинъ умѣлъ и могъ бы ихъ распутать. Но онъ оставляетъ завѣщаніе своей женѣ, гдѣ не упоминаетъ о томъ, какія именно эти дѣла. Развѣ онъ не понимаетъ, что послѣ смерти его Мясниковы явятся прежде всего за отчетами по ихъ имуществу, и бѣдная женщина не будетъ знать, что̀ объяснить, на какіе документы сослаться, такъ какъ она ничего не знала о дѣлахъ мужа, у нея не было къ нимъ никакого руководящаго ключа? Быть можетъ онъ надѣялся, что Мясниковы поступятъ съ нею добросовѣстно не обидятъ ее; но можно было съ вѣроятностію разсчитывать на фактическую, вполнѣ добросовѣстную ошибку. Мясниковы могли случайно присвоить себѣ такого рода капиталы, которые имъ не принадлежали; да и едва ли Бѣляевъ могъ разсчитывать, что въ отношеніи раз-

счетовъ жена его не будетъ нисколько обижена. Ужъ если Мясниковы его, своего воспитателя, стараго слугу, въ извѣстномъ письмѣ, поздравляя съ днемъ ангела, все таки упрекаютъ въ томъ, что будто онъ частію растратилъ ихъ деньги, частію присвоилъ ихъ себѣ, то они, конечно, не особенно поцеремонятся со вдовою его, требуя отъ нея полнаго разсчета. Бѣляева говоритъ, что дѣла мужа были небольшія, что капиталъ былъ маленькій, и что ей въ собственность по завѣщанію осталось очень и очень немного. Пусть это будетъ правда; допустимъ, что было такъ; но Мясниковыми была ей предъявлена росписка въ 272,000 руб., и Бѣляевъ, зная небольшіе размѣры завѣщаемаго состоянія долженъ былъ знать, что если жена его будетъ утверждена въ правахъ наслѣдства, то росписка эта послужитъ основаніемъ къ такому иску со стороны Мясниковыхъ, который поглотитъ не только завѣщанное имущество, но и часть состоянія самой Бѣляевой? Какъ же онъ, зная, что капиталы его скудны, что все остальное принадлежитъ женѣ; какъ же онъ, любя свою жену, называя ее своимъ другомъ, оставляетъ въ ея пользу такое наслѣдство, по которому, если она его приметъ, она ничего не получитъ, но съ нея будетъ еще взыскана значительная сумма? И сумма эта взыскана, такъ какъ извѣстно, что Бѣляева передала все—и свое имущество, и оставшееся послѣ мужа, за 392,000 руб. взявъ съ Мясниковыхъ условіе въ платежѣ 120,000 р. и росписку въ 273,000 р. Изъ обзора стоимости заводовъ, приведеннаго мною, однако видно, что каждый заводъ стоилъ 102,000 р., такъ что Бѣляева лишалась заводовъ на 204,000 руб. за то только, что мужъ назначилъ ее своею наслѣдницею. Являясь наслѣдницей послѣ мужа по закону только въ $^1/_4$ части, Бѣляева была бы въ лучшемъ положеніи, чѣмъ наслѣдуя по завѣщанію во всемъ имуществѣ. Не могъ же не понимать Бѣляевъ, что такого рода завѣщаніемъ онъ грабитъ свою жену, лишаетъ ее собственнаго ея имущества. Правда, она могла не принять имущества по завѣщанію, отказаться отъ него; на то ея добрая воля; закона

нѣтъ, который бы обязывалъ ее наслѣдовать непремѣнно; но тогда онъ долженъ былъ предупредить ее, сказать, что такіе-то и такіе-то долги лежатъ на его имуществѣ, что они превышаютъ его состояніе. Но онъ этого не дѣлаетъ, онъ говоритъ убитой горемъ женщинѣ: „спрячь эту бумагу“, не объясняя, какъ великъ его капиталъ, и когда капиталъ этотъ обнаруживается, у нея отнимаютъ ея собственное, кровное достояніе. Этотъ поступокъ вовсе не соотвѣтствуетъ характеру Бѣляева, онъ не только не объясняется любовью къ женѣ, но является скорѣе обдуманною и хитрою интригою противъ ея состоянія.

Перехожу къ содержанію завѣщанія. Оно было прочитано здѣсь, и въ немъ, прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то, что многія его несущественныя части чрезвычайно подробно и ясно написаны, даже красивымъ слогомъ; но затѣмъ все остальное написано крайне сжато, туманно; такъ начало завѣщанія слѣдующее: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Единосущной и Живоначальной Троицы“. Бѣляевъ писалъ много дѣловыхъ бумагъ и зналъ, что достаточно написать что нибудь одно: или „во имя Отца и т. д.“, или „во имя св. Троицы“, вмѣстѣ же эти выраженія излишни, особенно въ завѣщаніи, которое составляется больнымъ человѣкомъ, на скорую руку. Очевидно, что завѣщаніе въ началѣ писано широкою кистью, что выраженій не жалѣли, такъ какъ затѣмъ идетъ цѣлый періодъ о тѣхъ причинахъ, по которымъ составляется завѣщаніе. Тутъ и чувство особенной слабости здоровья, разсужденіе о томъ, какъ Богу угодно будетъ отозвать его, Бѣляева, отъ жизни. Въ сущности все это совершенно излишне. Потомъ въ краткомъ завѣщаніи дважды повторено, что такова покойнаго Бѣляева послѣдняя воля. Самое же существо завѣщанія очень кратко и очень неопредѣленно. Такимъ образомъ человѣкъ, который велъ множество дѣлъ, писалъ массу дѣловыхъ бумагъ, въ такой важной бумагѣ, какъ завѣщаніе, распространяется о предметахъ несущественныхъ и въ то же время объ имуществѣ говоритъ весь-

ма туманно. Посмотримъ на самый языкъ. Бѣляевъ владѣлъ языкомъ хорошо, мы слышали здѣсь характеристическое письмо Бѣляева къ какому-то Алоизію Матвѣевичу, очевидно лицу весьма высокопоставленному, котораго онъ весьма благодаритъ за то содѣйствіе, которое тотъ оказалъ опекѣ Мясниковыхъ, и объясняетъ, что билеты, предоставленные Мясниковымъ на сумму 10.000 р., они оставляютъ въ пользу евангелической школы. Письмо это написано очень умно, съ большимъ достоинствомъ и тактомъ; письмо это, указывающее на подарокъ, сдѣланный въ пользу извѣстнаго учрежденія за содѣйствіе тѣхъ лицъ, интересы которыхъ связаны съ этимъ учрежденіемъ, написано такъ ловко, осторожно, деликатно, что очевидно человѣкъ, писавшій его, привычный и умный и знаетъ цѣну и значеніе каждаго слова, и этотъ человѣкъ, писавшій собственноручно отношенія въ сенатъ, употребляетъ такое выраженіе „всю мою недвижимую и движимую собственность, все имущество мое оставляю женѣ моей въ полную собственность„ и тотчасъ же далѣе называетъ это „даромъ". Еще далѣе оказываются слова: „друга моего прошу"; но развѣ такой дѣловой человѣкъ, какъ Бѣляевъ, можетъ допустить подобную неопредѣленность въ выраженіяхъ? Можно догадаться, что онъ проситъ жену, но удостовѣрить этого положительно, по словамъ завѣщанія, нельзя. И это-то пишетъ Бѣляевъ, который, по словамъ Ивановой, даже за частнымъ обѣдомъ выражался такъ оффиціально, что „она, жена моя, оставила все состояніе свое мнѣ; и т. д., я ей, женѣ моей„. Завѣщаніе переписано Целебровскимъ. Почему имъ? Почему оно не написано самимъ Бѣляевымъ? Тутъ можно допустить только одно предположеніе—что Бѣляевъ былъ такъ слабъ, чувствовалъ себя такъ дурно, что не могъ писать бумагъ и послалъ за Целебровскимъ, съ тѣмъ, чтобы тотъ немедленно переписалъ завѣщаніе. Но гдѣ же указаніе на такое состояніе Бѣляева? Выписывалъ ли онъ жену изъ Ораніенбаума? являлась ли жена къ нему, чтобъ окружить его своими попеченіями? Нѣтъ, ни разу онъ такъ дурно себя

не чувствовалъ. Онъ страдалъ, бывалъ слабъ, но скоро поправился. Быть можетъ, ему вообще было тяжело; писать самому? Я согласенъ быть можетъ было тяжело; но мы имѣемъ отъ 20-го іюня 1858 года собственноручное длинное отношеніе его въ Сенатъ. Подобную бумагу легче всего было отдать переписать; между тѣмъ, она написана имъ самимъ. Наконецъ, мы имѣемъ дневникъ и исходящую тетрадь, доведенные до 14-го сентября, гдѣ за очень уже недолгое время до смерти онъ отмѣчалъ малѣйшіе расходы свои, и по дѣламъ Мясниковыхъ. Но если человѣкъ записываетъ собственноручно расходы, если онъ пишетъ отношеніе въ Сенатъ съ перечисленіемъ залоговъ, почти на листѣ кругомъ, неужели онъ не чувствовалъ въ себѣ достаточно силы, чтобы самому написать завѣщаніе, которое должно навсегда обезпечить и оградить его любимую жену? Намъ скажутъ, что онъ могъ это сдѣлать, но не находилъ этого нужнымъ; въ такомъ случаѣ это былъ бы человѣкъ крайне не дѣловой, а извѣстно, что Бѣляевъ былъ не таковъ. Онъ не могъ не знать, что по завѣщанію, написанному отъ начала до конца рукою завѣщателя, споръ о подлогѣ очень труденъ, почти невозможенъ, тогда какъ если оно только подписано, то опроверженіе его, сомнѣніе въ подлинности подписи всегда возможно, что и доказывается настоящимъ дѣломъ. Онъ долженъ знать, что есть наслѣдники Мартьянова и сынъ его, человѣкъ безпутный, растративній 30,000 на его заводѣ. Эти люди; законные наслѣдники Бѣляева, услыхавъ о смерти его, тотчасъ же слетятся въ Петербургъ, а такъ какъ это было время старыхъ порядковъ судопроизводства, когда разъ начатое дѣло тянулось цѣлые годы, то безъ сомнѣнія, аргонавты, о которыхъ я говорилъ, мелкіе ходатаи, научатъ ихъ завести споръ о подлогѣ, и бѣдную Бѣляеву будутъ таскать по судамъ. Не лучше ли было переписать самому? Остается одно предположеніе—что Бѣляевъ завѣщанія этого не написалъ самъ вслѣдствіе того, что чувствовалъ себя крайне нездоровымъ и не могъ писать вообще. Но при этомъ является слѣдующій во-

просъ: завѣщаніе подписано тремя лицами и переписано четвертымъ. Всѣ они писали различными чернилами, что показываетъ, что писали они неодновременно. Надо слѣдовательно, допустить, что Бѣляевъ далъ Целебровскому переписать завѣщаніе въ тяжелую минуту, когда чувствовалъ сильныя страданія. Онъ призвалъ Целебровскаго и продиктовалъ ему свою послѣднюю волю (хотя надобно замѣтить, что у него были другія, болѣе близкія лица, напримѣръ Шмелевъ, которыя были всегда подъ рукою). Продиктовавъ завѣщаніе, онъ оставилъ его у себя, не подписывая немедленно и не призывая немедленно свидѣтелей, а подписалъ впослѣдствіи, также, какъ и предъявилъ завѣщаніе свидѣтелямъ. Но если онъ подписывалъ послѣ, то нужно доказать, что все время послѣ того, какъ завѣщаніе было составлено, онъ находился въ такомъ состояніи, что не могъ писать самъ ничего, а могъ только подписывать свою фамилію. А между тѣмъ извѣстно, что онъ не только писалъ самъ, но даже ѣздилъ на торги. Притомъ, если ему не трудно было диктовать, то, понятно, не трудно было подписывать и свой полный титулъ, по обыкновенію, котораго онъ такъ строго держался. Есть, однако, другое предположеніе. Чувствуя себя очень дурно, Бѣляевъ призвалъ Целебровскаго и свидѣтелей одновременно, хотя это и опровергается различіемъ въ цвѣтѣ чернилъ. Въ числѣ свидѣтелей былъ и докторъ Отто. Если Бѣляевъ не могъ подписать полнаго званія, значитъ онъ былъ страшно слабъ, его одолѣлъ жестокій припадокъ, руки его тряслись. Развѣ докторъ Отто не могъ отклонить его отъ всякихъ занятій въ эти тяжелыя минуты, развѣ не могъ успокоить его, увѣривъ, что онъ останется живымъ, что это только припадокъ, что онъ можетъ подписать завѣщаніе послѣ, когда почувствуетъ себя лучше? А это совершилось скоро, такъ какъ затѣмъ Бѣляевъ пишетъ длинныя письма, ѣздитъ на торги и въ концѣ августа 1858 года еще на столько здоровъ, что ходитъ по комнатамъ. Развѣ онъ не могъ много разъ уничтожить это завѣщаніе и написать вновь все соб-

ственноручно? не могъ развѣ сдѣлать этого въ здоровыя минуты? Посмотримъ, наконецъ, на самихъ свидѣтелей. Бѣляевъ оставляетъ все имущество своей женѣ, не назначая душеприкащика и не обозначая имущества. Кто же подписывается на завѣщаніи? Люди, знакомые съ его торговыми дѣлами? Нѣтъ. Сицилинскій, старикъ, выживающій изъ ума, и докторъ Отто, некомерческій человѣкъ, тогда какъ у Бѣляева были такіе знакомые, какъ, напримѣръ, Бенардаки, Каншинъ. Почему онъ не поставилъ состоянія жены своей подъ защиту этихъ громкихъ откупныхъ именъ? Почему онъ не пригласилъ подписаться на завѣщаніи этихъ лицъ, знающихъ дѣла, имѣющихъ вѣсъ, значеніе въ обществѣ, людей, которые могли бы оградить его жену отъ всякихъ дальнѣйшихъ имущественныхъ нападеній? Ничего подобнаго не сдѣлано? Эти друзья остаются въ сторонѣ, а призываются люди, которые случились подъ рукой. Скажутъ, завѣщаніе составилось на скорую руку. Предположимъ такъ: но завѣщаніе составлено 10-го мая, а 21-го написана росписка, которая, очевидно, измѣняла положеніе дѣла, измѣняла вопросъ о состояніи Бѣляева. По выдачѣ этой росписки, развѣ ему не должно было придти въ голову, что нужно перемѣнить завѣщаніе, что нужно написать новое? Посмотримъ поближе на этотъ документъ. Что мы видимъ? Во-первыхъ, имѣетъ ли онъ общій характеръ всѣхъ завѣщаній лицъ купеческаго сословія? Былъ ли въ немъ отказъ на церковь? Бѣляевъ былъ человѣкъ добрый: вспомнилъ ли онъ, умирая, своихъ родныхъ, одѣлилъ ли онъ ихъ? Нѣтъ. Одной Ремянниковой только оставлена маленькая сумма. А этотъ двоюродный братъ, ходившій безъ саноговъ? а Мартьянова, которая не имѣла денегъ на покупку лѣкарства и не могла выходить на воздухъ, потому что было „студено?“ Все это Бѣляевъ, конечно, зналъ. Развѣ у него не возникло, въ послѣднія минуты, желанія, хотя чѣмъ-нибудь надѣлить ихъ, избавить ихъ отъ нищеты,—у него, раздававшаго деньги своимъ конторщикамъ и прислугѣ? Между тѣмъ, этого нѣтъ. Нѣтъ отказа на поминовеніе; нѣтъ никакихъ

жертвъ въ монастыри и церкви; нѣтъ благотворительныхъ дѣлъ, которыя характеризуютъ почти всякое завѣщаніе въ купеческомъ быту. Затѣмъ я не могу не указать еще на одну особенность этого завѣщанія, именно на то, что на ряду съ нимъ идутъ найденные у Бѣляева обрывки почтовой бумаги, на которыхъ рукой Бѣляева написано—на одномъ, что: „сіе духовное завѣщаніе составлено Фр. К. В. Бѣл.“, на другомъ—„ей же, женѣ моей“, и т. д. Очевидно, что эти клочки относятся къ завѣщанію. Одинъ есть проектъ свидѣтельской подписи, другой же — пунктовъ предположеннаго завѣщанія. Неужели тотъ, который собственноручно составлялъ черновой проектъ завѣщанія, не могъ переписать подлиннаго документа? Эти клочки указываютъ, что Бѣляевъ дѣйствительно хотѣлъ оставить имущество своей женѣ, но не оставилъ. Почему же? Я полагаю, это разъяснится слѣдующимъ образомъ; въ этомъ отношеніи я обращусь къ вашей житейской опытности, къ тому знанію практической жизни, которымъ лучше всего разъясняются подобные вопросы. Вы знаете, какого рода суевѣрные предразсудки существуютъ и не въ одномъ только купечествѣ, но и у множества богатыхъ людей, которые умираютъ безъ завѣщанія потому, что выраженіе послѣдней воли считается, какъ бы, предвѣстіемъ смерти, потому что человѣкъ, составившій завѣщаніе, считаетъ уже матеріальные разсчеты съ жизнью окончеными и думаетъ, что на немъ лежитъ уже печать смерти. Вы знаете, что этотъ предразсудокъ сильно распространенъ, особенно въ купеческомъ быту, и вотъ почему мы видимъ Бѣляева, дѣлающаго проекты завѣщанія, приготовленія къ нему на клочкахъ бумаги и не рѣшающагося написать полное завѣщаніе. Онъ часто страдалъ, но ему затѣмъ становилось легче, а послѣднее время приглашенъ былъ докторъ Тильманъ, опытный врачъ. Онъ могъ думать, что здоровье его поправится, что онъ успѣетъ написать завтра, послѣ завтра; но завтра нагрянула смерть — и завѣщанія нѣтъ. Мнѣ скажутъ, что завѣщаніе подписано свидѣтелями, что они его ви-

дѣли. Но все это было бы такъ, еслибъ подложность завѣщанія не подкрѣплялась еще нѣкоторыми доводами, о которыхъ я буду имѣть честь говорить. Повидимому, изъ производства дѣла, здѣсь установилось, у нѣкоторыхъ участвовавшихъ лицъ и, быть можетъ, у васъ, гг. присяжные, не совсѣмъ правильное пониманіе того, что хотятъ сказать обвинительный актъ и обвиненіе — указаніемъ на то, что свидѣтели подписали послѣ смерти; ихъ вовсе не думаютъ обвинять въ какомъ-либо преступленіи. Напротивъ, я признаю, что Сицилинскій и Отто были прекрасные люди. Но что же изъ этого? Сицилинскій былъ старъ, забывчивъ и дряхлъ, а Отто— домашній врачъ, старый другъ дома. Они слышали, что о завѣщаніи Бѣляевъ говорилъ не разъ, говорилъ что все имущество оставитъ своей женѣ. У нихъ составилось нравственное убѣжденіе въ томъ, что имущество должно было перейти Бѣляевой; затѣмъ къ нимъ являются и говорятъ; „посмотрите, завѣщаніе нашлось, но покойный не успѣлъ пригласить свидѣтелей; вы видите его подпись; вы знаете, что все имущество должно слѣдовать Бѣляевой; вы знаете, какъ любилъ ее покойный. Неужели вы не захотите сохранить тишину и благолѣпіе этого дома? Неужели вы допустите, что придутъ какіе-то наслѣдники, будутъ тягаться, говорить, что завѣщанія не написано даже—а вотъ оно тутъ передъ вами—и будутъ бѣдную женщину таскать по судамъ? Неужели вы откажетесь оказать такую услугу памяти покойнаго?“ И вотъ человѣкъ, не понимающій вполнѣ хорошо, что онъ дѣлаетъ юридически неправильную, незаконную вещь, увѣренный, что завѣщаніе должно было остаться, добрый и привязанный къ памяти покойнаго, даетъ свою подпись. Разъ явилась подпись священника, надо еще подпись свидѣтеля. Къ кому же лучше обратиться, какъ не къ старому другу дома, постоянному доктору Бѣляевыхъ, котораго даже личный интересъ связанъ съ сохраненіемъ имущества за Бѣляевой? Тотъ, быть можетъ, спроситъ священника, нѣсколько колеблясь исполнить просимое: „батюшка! вы это завѣщаніе подписали?“ „Да,

подписалъ", отвѣтитъ тотъ и тѣмъ разсѣетъ сомнѣніе доктора, потому что онъ, Сицилинскій, человѣкъ добрый, по словамъ его вдовы, даже „святой". Проситъ удостовѣрить завѣщаніе развѣ Бѣляева, которая заинтересована въ немъ? Нѣтъ, нисколько. Просятъ Мясниковы! Мясниковы хотятъ оградить интересы бѣдной женщины, которая убита горемъ и попала въ затруднительное положеніе. Потомъ, быть можетъ, они, эти свидѣтели, и узнаютъ, что завѣщаніе фальшиво; но, подписавъ его, они сдѣлались участниками въ его составленіи, и сознаться въ томъ, что завѣщаніе подписано послѣ смерти, когда оно считается подложнымъ, уже невозможно, потому что это есть дѣяніе нехорошее, содѣйствіе преступленію, хотя и не сознательное, и на уста ихъ невольнымъ образомъ налагается печать молчанія. Это единственно возможное толкованіе, не опорочивающее памяти свидѣтелей и совершенно естественное. Нѣтъ сомнѣнія, что Сицилинскій не могъ быть подкупленъ деньгами; но затѣмъ, когда эти люди сдѣлали подпись, имъ могли оказываться разныя одолженія и этимъ еще болѣе закрѣплять ихъ молчаніе. Иногда эти благодѣянія или одолженія дѣлались широкою рукою. Мы знаемъ, что сынъ Сицилинскаго, женатый на сестрѣ одного изъ показывавшихъ здѣсь свидѣтелей, шелъ къ Мясниковымъ, какъ въ свой собственный карманъ. Были ли имъ выдаваемы документы Мясникову—мы не знаемъ; но знаемъ, что онъ не имѣлъ похвальной привычки платить долги, что должно было быть извѣстно Мясникову: мало того, что онъ шелъ „взять у Мясникова": его сестра и мужъ его сестры, точно также обращались къ Мясниковымъ и получали вспомоществованіе. И такъ, всему этому семейству благотворили Мясниковы, конечно пустяками, потому что эти сотни рублей, выдаваемыя Мясниковыми, въ сущности, гроши въ сравненіи съ ихъ богатствомъ; но съ точки зрѣнія семейства Сицилинскаго члены этого семейства по отношенію къ Мясниковымъ являлись въ положеніи людей, которые должны были быть имъ благодарны. Мнѣ скажутъ, что все это предположенія, что я не при-

вожу прямыхъ доказательствъ, что мои соображенія почерпываются изъ обстановки окружающей жизни, а не изъ фактовъ дѣла. Это, быть можетъ, и будетъ справедливо; но соображенія именно оттуда и должны быть взяты, откуда я ихъ беру: только жизнь съ ея разнообразными явленіями, только бытовая обстановка можетъ и должна служить тою палитрою, съ которой можна черпать краски для обрисованія извѣстнаго преступленія. Никакія другія теоретическія, отвлеченныя соображенія этого сдѣлать не могутъ.

Но если это все одни предположенія, то имѣются и нѣкоторыя другія, болѣе твердыя данныя: это — въ экспертизѣ. Это есть нѣчто болѣе прочное. Мы видѣли людей спеціалистовъ въ огромномъ числѣ. Чуть ли не весь Петербургъ былъ лишенъ на нѣсколько дней калиграфіи, и, конечно, эти люди должны указать намъ болѣе или менѣе точныя данныя. Намъ говорили, что въ экспертизѣ по настоящему дѣлу — противорѣчія. Эксперты распадались на четыре группы: первая изъ этихъ группъ въ 1868 г. признала, что подпись на завѣщаніи, повидимому, Бѣляева, и нѣтъ основанія въ ней сомнѣваться, кромѣ буквы ѣ; вторая группа нашла подпись сомнительною; третья группа, въ гражданскомъ судѣ, признала, что нѣтъ основанія утверждать, чтобъ это не была подпись Бѣляева; четвертая группа, на слѣдствіи 1870 года, положительно утверждала, что это не подпись Бѣляева, что она дурно скопирована, что это плохое подражаніе. Но здѣсь всѣ эксперты сведены вмѣстѣ, и я думаю, что шансы обвиненія и защиты были равны, такъ какъ мною было вызвано 9 экспертовъ, защитою 7; но на судъ одинъ изъ моихъ не явился, и остались 8 и 7, почти равные голоса. Къ какому же выводу пришли эти люди? Они признали, что подпись Бѣляева является при первомъ взглядѣ похожею, т. е. имѣетъ свойства, которыя необходимы для того, чтобы человѣкъ, разсматривающій ее простыми глазами, желькомъ, призналъ ее дѣйствительною; но, при внимательномъ разсмотрѣніи, буквы оказываются поставленными рѣже и написанными не такъ,

какъ писалъ обыкновенно Бѣляевъ, и, наконецъ, самая подпись является лишь искуснымъ подражаніемъ. При оцѣнкѣ этой подписи, они находятъ такія свойства, на которыя указывали прежніе эксперты, дававшіе заключенія противъ подложности завѣщанія, а именно, что буква ь написана не снизу вверхъ, какъ писалъ ее Бѣляевъ, а сверху внизъ, и затѣмъ, что подпись сдѣлана дрожащею рукою. То же самое говорили и первые эксперты, но прибавляли, что такъ какъ Карагановъ имѣетъ почеркъ твердый, то нельзя думать, чтобъ онъ могъ написать дрожащею рукою. Я думаю, что это заявленіе не заслуживаетъ никакого уваженія. Еслибъ они сказали противное, т. е., что Карагановъ писалъ дрожащею рукою, а подпись сдѣлана твердою, тогда я понялъ бы это; но что человѣкъ, у котораго почеркъ твердый, можетъ написать дрожащей рукой — это не подлежитъ сомнѣнію, и все зависитъ въ этомъ отношеніи отъ того, что вы признаете. Если вы признаете, что это подпись Бѣляева, то признаете, что здѣсь дрожала больная рука; если же вы признаете, что это не его подпись, то дрожала рука преступная. Такимъ образомъ эксперты прямо признали, что почеркъ въ подписи на завѣщаніи, не есть почеркъ Бѣляева, что это только искусное подражаніе, что онъ самъ такой подписи не могъ сдѣлать. Кто же сдѣлалъ ее? Экспертамъ предъявлялись записки одного изъ лицъ, находящихся здѣсь, и онѣ сказали: „Да, это лицо способно писать такимъ образомъ; да, это лицо имѣетъ такой почеркъ, который можно сдѣлать весьма похожимъ на почеркъ Бѣляева; это лицо могло подписаться подъ его руку“. Кто же это лицо? Къ этому мы теперь и обратимся.

Переходимъ ко второму вопросу: если это завѣщаніе подложно, то какимъ путемъ оно составилось? Путь этотъ начинается Карагановымъ и кончается Мясниковыми.

Переходя къ тому, чтобы прослѣдить путь, которымъ совершено завѣщаніе, я сказалъ вамъ, гг. присяжные, что въ началѣ пути стоитъ Карагановъ, кончается же этотъ путь

Мясниковыми. Поэтому намъ, прежде всего, слѣдуетъ обратиться къ самой личности Карагапова. Карагановъ, по моему мнѣнію, въ меньшемъ видѣ—тотъ же Бѣляевъ. Та же преданность своимъ хозяевамъ, вѣрность ихъ дѣламъ, стремленіе управлять этими дѣлами, сохраняя интересы хозяевъ, стремленіе всегда и во всемъ видѣть ихъ честными и правыми, повторяю— это тотъ же Бѣляевъ, безъ его ума, безъ его ловкости, и житейскія обстоятельства котораго сложились иначе. Мы знаемъ какъ личность эта создавалась, до тѣхъ поръ пока опа не попала на скамью подсудимыхъ. Еще мальчикомъ онъ поступилъ къ Мясниковымъ, служилъ довольно долго конторщикомъ и получалъ жалованья до 600 р. въ годъ. При такой обстановкѣ застаетъ его день смерти Бѣляева. Она поразила его паническимъ страхомъ: „Такой богатый человѣкъ, говоритъ онъ, и такъ внезапно скончался! Онъ всему дѣлу былъ воротило, всѣмъ заправлялъ". Долго ли продолжался этотъ страхъ, намъ неизвѣстно; но вскорѣ. изъ показаній свидѣтелей, мы уже знаемъ, что Карагановъ предлагаетъ паи по откупамъ, говоритъ, что у него есть небольшой капиталъ, даетъ въ займы тысячу и полторы. Вмѣстѣ съ тѣмъ положеніе его повидимому улучшается. Мы имѣемъ свѣдѣнія о томъ, что онъ является хорошо одѣтымъ, живетъ лучше и наконецъ въ немъ, въ этомъ необезпеченномъ прикащикѣ, является желаніе устроиться семейнымъ образомъ. Мы знаемъ далѣе, какъ онъ устроился; свадьба его нѣсколько оригинальна: онъ женился на оперной пѣвицѣ, бывшей въ дружескихъ отношеніяхъ съ А. Мясниковымъ. Онъ, прикащикъ Мясникова, сдѣлался мужемъ женщины, которая была въ близкихъ отношеніяхъ къ его хозяину, которая, слѣдовательно, по этому самому, стояла гораздо выше его въ отношеніи образованія, развитія и состоянія—на женщинѣ, къ которой онъ являлся съ мелкими порученіями и за приказаніями отъ того, кто ею обладалъ, кто сиживалъ въ первыхъ рядахъ креселъ, когда она пѣла. Онъ, вчерашній прикащикъ. сдѣлался мужемъ изящной хористки, которая еще не такъ

давно была близка къ его властелину! Свадьба происходитъ тихо, безъ всякой торжественности. Затѣмъ, немедленно послѣ свадьбы, Карагановъ съ женою уѣзжаютъ изъ Петербурга. Что̀ вызвало эту поѣздку—намъ неизвѣстно. Онъ былъ человѣкъ, служившій у Мясниковыхъ; почему они рѣшились отпустить его въ Казань — мы не знаемъ. Но, тѣмъ не менѣе, онъ уѣхалъ и увезъ довольно большія средства. Я могъ бы сослаться на то, что въ показаніи Караганова говорится о 10,000 руб., которыя онъ получилъ отъ Мясникова; но это не имѣетъ значенія, такъ какъ неизвѣстно, лично ли онъ получилъ ихъ, или въ приданое за женою. Но изъ тѣхъ записокъ, которыя были отобраны отъ старика Караганова, мы имѣемъ возможность заключить о его средствахъ Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ свадьбы, послѣ того какъ Карагановъ потерпѣлъ убытки и разоренія отъ пожаровъ и другихъ несчастныхъ случаевъ, послѣ того какъ хлѣбная и винная торговли ему не удались, онъ оставилъ записку, въ которой просилъ продать слѣдующія вещи: мѣха, шубы, серебро, бриллianты, всего на 30,000 р.; очевидно, что это были остатки прежняго его семейнаго величія. Такимъ образомъ, этотъ бѣдный прикащикъ женился на женщинѣ, стоявшей выше его по своему развитію и обладавшей хорошимъ приданымъ. Что затѣмъ дѣлаетъ Карагановъ — намъ мало извѣстно; но мы знаемъ, что въ 1865 г. онъ обращается съ письмомъ къ Мясникову, въ которомъ проситъ принять его на службу. Мясниковъ не даетъ рѣшительнаго отвѣта, но въ 1866 г. Карагановъ уже былъ у него на службѣ Защитникъ представилъ цѣлый рядъ писемъ Караганова, чрезвычайно характеристичныхъ. Эти письма чрезвычайно почтительны, внимательны и всѣ писаны Алекс. Мясникову. Въ этихъ письмахъ,Карагановъ очень подробно разсказываетъ о ходѣ торговыхъ операцій, и не только описываетъ настоящее положеніе дѣлъ, но собираетъ статистическія свѣдѣнія о видахъ на будущее и старается опредѣлить то направленіе дѣлъ, которое онѣ должны принять. Мы имѣемъ показаніе свидѣтеля Бѣляева, который говоритъ,

что Карагановъ велъ себя въ Ставрополѣ хорошо, служилъ честно, но вдругъ съ нимъ сдѣлалась какая-то перемѣна. Первый признакъ этой перемѣны, замѣчается въ немъ въ октябрѣ 1868 г. Мы знаемъ, что онъ былъ прикащикомъ Мясниковыхъ, такъ сказать, небольшой чиновникъ ихъ обширной администраціи, чиновникъ зависимый, имѣвшій опредѣленныя обязанности. Но вдругъ этотъ подчиненный чиновникъ начинаетъ вести себя несоотвѣтственно своему положенію. 10-го августа онъ выѣзжаетъ изъ Ставрополя и ѣдетъ неизвѣстно куда. Кошельковъ телеграфируетъ главному управляющему въ Ростовъ, въ Новочеркаскъ, чтобы дали знать, тамъ ли Карагановъ, наконецъ, сносятся съ Воронежемъ. Мало того, телеграфируютъ въ Петербургъ А. Мясникову о томъ, что Карагановъ выѣхалъ неизвѣстно куда. Скажутъ, быть можетъ, что это была поѣздка въ Козмодемьянскъ, о которой онъ просилъ прежде, но мы знаемъ его покорность хозяину, знаемъ, что въ теченіе двухъ лѣтъ Мясниковъ постоянно отказывалъ ему въ этой просьбѣ. Затѣмъ начинаютъ слѣдить за нимъ. Вы имѣли передъ собою цѣлый рядъ телеграммъ, въ которыхъ выражено ясно желаніе имѣть постоянно свѣдѣнія о мѣстѣ нахожденія Караганова. Телеграммы адресуются отъ Кошелькова ко всѣмъ управляющимъ отдѣльными складами. Наконецъ, для Караганова дѣлаются справки, конечно, на счетъ конторы, о такихъ дѣлахъ, которыя вовсе дѣлъ Мясниковыхъ не касаются, какъ, напр., о здоровьѣ отца Караганова. Какъ же ведетъ себя Карагановъ, столь тщательно оберегаемый и получающій 1.000 руб. жалованья? Мы имѣемъ весьма характеристичныя письма Цапина и Гудкова. Изъ нихъ видно, что въ концѣ 1868 г. и въ началѣ 1869 г. онъ ничего не дѣлаетъ, считается ревизоромъ; но вся его обязанность заключается только въ томъ, чтобы придти за жалованьемъ и взять спиртъ, какъ будто для пробы, который онъ и не возвращаетъ. Онъ пьетъ горькую чашу. Есть указаніе, что онъ напивался до того, что лѣзъ искать брата въ мельничномъ колесѣ; что въ парядѣ, болѣе чѣмъ въ лег-

комъ, ходилъ по улицамъ, такъ что семейные люди затворяли ставни; что онъ буйствовалъ, стрѣлялъ въ соложенныя крыши, ходилъ въ театръ, гдѣ платилъ за билеты палкою, и въ трактиръ, гдѣ билъ посуду и окна, говоря, что ему душно. Что же это за поведеніе? Знаетъ ли о немъ Мясниковъ? Да знаетъ, потому что знаетъ Кошельковъ, который не могъ не донести объ этомъ, который еще до августа 1868 г. писалъ Мясникову, что Карагановъ ведетъ себя неудовлетворительно, что онъ „за дѣла его, хозяина, съ нимъ не говорилъ“ Для чего же онъ держитъ при заводѣ человѣка, ничего не дѣлающаго или, лучше сказать, Богъ—знаетъ что дѣлающаго и получающаго тысячу рублей жалованья? Для чего узнаютъ о здоровьѣ его отца, слѣдятъ за нимъ изъ Ставрополя и Петербурга, желаютъ знать, куда поѣхалъ и не разрѣшаютъ ѣхать къ отцу? Для чего его удерживаютъ при заводѣ, когда онъ для Кошелькова становится даже невыносимымъ? Быть можетъ его держатъ изъ милости? Онъ давно служилъ, старый слуга; почему же не дать ему пристанища? вѣдь это не разоритъ. Такое толкованіе могло быть дано; но такъ ли ведетъ себя Карагановъ, какъ человѣкъ, который обязанъ своему хозяину своимъ пристанищемъ? Развѣ такой человѣкъ можетъ настойчиво требовать жалованья, требовать такимъ образомъ, что, по словамъ Гудкова, во избѣжаніе худшаго, онъ долженъ былъ удовлетворить его? Можетъ ли человѣкъ облагодѣтельствованный, позволить себѣ такого рода поступки, какіе позволялъ себѣ Карагановъ? Онъ зналъ же, что всякому благодѣянію есть мѣра, что его могутъ прогнать. Наконецъ, можно ли предполагать, чтобы благодѣянія Мясниковыхъ, у которыхъ были большія дѣла, которые сами были большими господами —простирались до такихъ мелочей, что, какъ вы знаете, Мясниковъ выкупалъ изъ ломбарда вещи для Караганова? Карагановъ постоянно писалъ Мясникову, извѣщая его о томъ, куда онъ ѣдетъ, и обращался за выдачей денегъ къ женѣ. Человѣкъ облагодѣтельствованный не рѣшится писать такимъ образомъ. Остается, слѣдовательно, третій выводъ: Карага-

новъ — безполезный, но опасный человѣкъ. Почему же онъ опасенъ? Мы знаемъ, какимъ образомъ поступалъ Карагановъ. какъ онъ себя велъ; мы имѣемъ возможность прослѣдить его душевное состояніе. Въ письмахъ 1868 года онъ выражаетъ просто желаніе повидаться поскорѣе съ отцемъ; но затѣмъ письма его начинаютъ принимать болѣе мрачный характеръ, и наконецъ, отъ 14-го декабря 1870 года, мы находимъ письмо, въ которомъ онъ шлетъ свою послѣднюю волю отцу, говоря, чтобы онъ сохранилъ эту духовную, такъ какъ впослѣдствіи она оправдаетъ ихъ обоихъ. Но что значитъ эта послѣдняя воля? Это не есть завѣщаніе, это не есть отказъ имущества, такъ какъ у него ничего не было. Это — крикъ больной души, желаніе покаяться, разсказать кому-нибудь близкому, дорогому то, что тяготитъ душу, но высказать не прямо, а намеками но то, что въ немъ происходитъ. Карагановъ пишетъ, что онъ не портилъ ни чьего здоровья, что онъ никому не продавалъ женщинъ, что онъ соблюдалъ хозяйскій интересъ правильно, свято, а если совершилъ какія-нибудь преступленія, то по молодости, неопытности и своимъ служебнымъ обязанностямъ. Что за намеки на то, что онъ никогда не торговалъ женщинами, не продавалъ ихъ? Почему онъ не говоритъ, что никогда не воровалъ, не поджигалъ, не дѣлалъ фальшивой монеты? Почему онъ говоритъ, что хозяйскіе интересы соблюдалъ—и вскользь прибавляетъ, что если совершилъ проступки, то по службѣ, слѣдовательно, по соблюденію хозяйскихъ интересовъ? Затѣмъ мы имѣемъ еще одно свѣдѣніе о Карагановѣ, которое вы слышали изъ обвинительнаго акта, а именно, что Карагановъ былъ крайне подозрителенъ, что онъ постоянно боялся чего-то, спалъ съ револьверомъ и, однажды, заставилъ горничную съѣсть коробку пудры, подозрѣвая, что это отрава. Если мы сведемъ все это вмѣстѣ, если представимъ себѣ Караганова, сначала бодрымъ, свѣжимъ, имѣющимъ цѣлую жизнь впереди, женившагося и взявшаго за женою довольно большое приданое, имѣвшаго свои собственныя дѣла и. наконецъ, управ-

ляющимъ Мясниковыхъ въ Ставрополѣ, и затѣмъ представимъ себѣ Караганова мрачнаго, разсѣяннаго, дѣлающаго скандалы, дерущагося на кулачкахъ съ мужиками, не платящаго долговъ, требующаго жалованья и не оказывающаго почтенія къ представителямъ хозяевъ, находящагося постоянно подъ гнетомъ какой-то одной мысли, пьющаго мертвую чашу и пользующагося при этомъ особеннымъ привилегированнымъ положеніемъ; наконецъ, Караганова, котораго преслѣдуетъ постоянная боязнь, Караганова, пишущаго свою послѣднюю волю, въ которой слышится вопль наболѣвшей души и разбитаго сердца; когда мы представимъ себѣ все это, то мы увидимъ, что есть страшная разница между Карагановымъ первымъ и Карагановымъ вторымъ. Когда же произошла эта перемѣна, этотъ переломъ? Мы знаемъ, что это случилось послѣ допроса въ Ставрополѣ, 20-го августа 1868 года. Онъ былъ допрошенъ о духовномъ завѣщаніи Бѣляева. Но о чемъ его спрашивали? Не подписалъ ли онъ духовное завѣщаніе? Онъ отвѣчалъ, что нѣтъ. Но почему же допросъ этотъ такъ на него подѣйствовалъ, почему онъ такъ упалъ духомъ? Потому что увидѣлъ что-то, что̀ смутно, въ отдаленномъ и даже доселѣ его смущало, вдругъ ожило, возникло вновь, стало предъ очами и вѣщаетъ недоброе. Онъ упалъ духомъ, затосковалъ, сталъ мрачнымъ, потерялъ почву подъ ногами и махнулъ на все рукою. Вотъ это-то поведеніе Караганова и вызвало два ряда дѣйствій относительно его. Съ одной стороны, такой человѣкъ не могъ оставаться на виду многолюднаго общества и не могъ быть около близкихъ людей, которые могли узнать отъ него истину, которымъ онъ могъ бы проболтаться. Поэтому его пріурочиваютъ къ одному мѣсту, запираютъ въ ограниченные предѣлы и, отдавая его на жертву бездѣйствію, даютъ ему возможность тошить свою тоску, свою думу, свой умъ въ водкѣ и спиртѣ. Съ другой стороны, надо было знать, что такое дѣлаетъ Карагановъ, какъ онъ себя держитъ. И вотъ о немъ ведется постоянная переписка. Требованія Караганова исполняются въ точности и съ быстро-

тою; для него дѣлается все: ему даютъ жалованье и полную свободу, ничего отъ него не требуя, лишь бы онъ жилъ на заводѣ и пилъ, сколько душѣ угодно,—и онъ пьетъ. Но вотъ, однажды, въ пьяномъ видѣ, онъ проговаривается проѣзжему купцу, разсказываетъ, что онъ лысаго, беззубаго старика, лакея Мясниковыхъ, такъ обчистилъ, что милліонъ отъ него отбилъ своимъ хозяевамъ и старику ни гроша не оставилъ—не съ чѣмъ было на тотъ свѣтъ проѣхать. Изъ нѣкоторыхъ заявленій защиты надо думать, что она будетъ стараться доказать вамъ, что проѣзжій купецъ и его прикащикъ были агенты сыскной полиціи, пріѣхавшіе съ цѣлью, разузнать отъ Караганова о настоящемъ дѣлѣ. Я не знаю, такъ ли это было, на самомъ дѣлѣ, и не стану отрицать этого, но скажу, что если это были агенты полиціи, то ихъ ловкости должно отдать честь открытія перваго повода къ возбужденію дѣла. Такъ или иначе, но до свѣдѣнія судебной власти дошло, что Карагановъ проговорился. Намъ, можетъ быть, скажутъ, что его подпоили; но мы имѣемъ свѣдѣнія, что онъ пилъ мертвую чашу за долго до этого, что въ 1869 году онъ уже дѣлалъ вещи, совершенно ни съ чѣмъ несообразныя. Затѣмъ Карагановъ, конечно, уже совершенно трезвый, допрошенный судебнымъ слѣдователемъ, повторилъ то, что было сказано въ бытность его на заводѣ. Сущность этого показанія онъ повторилъ здѣсь. Онъ говорилъ, что ему стыдно, что онъ сдѣлалъ нехорошее, постыдное дѣло, какъ онъ выразился, и еслибы онъ не сдѣлалъ, то не имѣлъ бы чести находиться здѣсь; въ присутствіи Мясниковыхъ ему неловко, больно. Онъ урывками, постепенно, послѣ долгихъ допросовъ, начинаетъ разсказывать, что онъ сдѣлалъ. А сдѣлалъ онъ вотъ что: онъ подписалъ принесенный ему листъ бумаги подписью „Козьма Бѣляевъ“. Сначала онъ говорилъ, что подписалъ одинъ разъ, но когда его стали распрашивать, не писалъ ли онъ прежде, не пробовалъ ли до этого, онъ сознался, что пробовалъ, писалъ нѣсколько разъ и наконецъ подписалъ. Что же это за бумага, для чего послу-

жила она? „Не знаю — говоритъ онъ — мнѣ не извѣстно; а казенный интересъ я соблюдалъ всегда и хозяевамъ былъ вѣренъ". Вотъ сущность его показанія. Въ немъ, въ краткихъ чертахъ, ясно выразилось, что онъ, по предложенію Мясникова, подписалъ листъ бумаги, и что учился дѣлать подпись; а затѣмъ въ цѣломъ рядѣ варіацій на эту тему постоянно звучитъ одно и то же, что онъ сохранялъ хозяйскій интересъ, что онъ имъ большія выгоды предоставилъ, что онъ несчастный человѣкъ, былъ молодъ, неопытенъ, и прочее. Но, гг. присяжные, посмотрите на Караганова перваго и сравните его съ тѣмъ, который даетъ передъ вами показанія. Изъ всѣхъ его объясненій ясно, что этотъ человѣкъ преданъ хозяевамъ, любитъ ихъ; недаромъ онъ сказалъ, что хозяева были Мясниковы, а Бѣляевъ только воротило. Онъ, до сихъ поръ, считаетъ его за лысаго лакея Мясниковыхъ и, до сихъ поръ, считаетъ Мясниковыхъ въ правѣ, поступить такъ, какъ они поступили. Онъ видитъ въ нихъ идеалъ хозяевъ, и здѣсь, отдавая себя на жертву, говоря твердо и ясно, что онъ подписалъ завѣщаніе, цѣлымъ рядомъ отступленій старается доказать, что онъ былъ вообще человѣкъ честный, старается не говорить ничего о Мясниковыхъ, не рѣшается упомянуть объ ихъ дальнѣйшемъ участіи въ преступленіи. Это показаніе Караганова достаточно объясняетъ, почему, несмотря на то, что онъ былъ безполезенъ, несмотря на то, что онъ пилъ постоянно, его призрѣваютъ на задонскомъ заводѣ. Онъ былъ безполезенъ, но опасенъ; онъ могъ проболтаться. Мнѣ скажутъ, что онъ могъ проболтаться и прежде, а между тѣмъ его отпускали. Прежде Карагановъ былъ молодой человѣкъ, только что связавшій свою судьбу съ женщиною, которую онъ любилъ; у него было состояніе, цѣлая будущность впереди, понятно, что тогда ему открывать, говорить что-нибудь о своемъ поступкѣ было опасно для него самого; даже дѣло еще тогда не возникало, т. е. дѣло было гражданское. Но когда въ 1868 году возникло дѣло уголовное, и онъ былъ допрошенъ, онъ уже былъ не тотъ.

Будущаго у него не было, и тогда оказалось нужнымъ держать его въ одномъ мѣстѣ, запереть его въ заколдованный кругъ, никуда не выпускать и поскорѣе поставить въ такое положеніе, чтобы показаніе его не имѣло никакого значенія. Пусть онъ пьетъ, пусть развивается его пагубная страсть: онъ крѣпокъ тѣломъ, много вынесетъ физически, слѣдовательно ни на чьей душѣ не будетъ лежать его физическая смерть, а между тѣмъ его разумъ померкнетъ, его умъ ослабнетъ: тогда его сознаніе потопетъ въ водкѣ, онъ потеряетъ образъ Божій, и можно будетъ возбудить сомнѣніе въ нормальности его умственнаго состоянія.—Онъ падаетъ нравственно, онъ гибнетъ, его надо удержать строгостью, отдать его отцу, и онъ можетъ быть спасенъ. Нѣтъ!,.. пусть гибнетъ, пусть падаетъ. Чѣмъ ниже онъ упадетъ, тѣмъ менѣе будетъ разницы между нимъ и скотомъ, тѣмъ менѣе будетъ онъ заслуживать довѣрія, тѣмъ болѣе будетъ онъ безопасенъ. Вотъ почему Карагановъ долженъ былъ оставаться на заводѣ. Мнѣ скажутъ: а письма, написанныя къ Мясникову? Вѣдь если онъ зналъ, что совершилъ преступленіе по желанію Мясникова, такъ онъ могъ обращаться съ нимъ небрежно, безъ уваженія, а, между тѣмъ, какъ почтительно онъ пишетъ. Да что же изъ того, что онъ зналъ, что по желанію Мясникова совершилъ преступленіе? Вѣдь съ минуты совершенія преступленія онъ связалъ себя тѣсною, преступною связью съ Мясниковыми; выдавая ихъ, онъ выдавалъ себя; онъ поставленъ въ магическій кругъ, очерченный ихъ общимъ преступленіемъ, но внутри круга все осталось по старому и отношенія не измѣнились: онъ былъ, попрежнему, подчиненный, прикащикъ, обязанный писать почтительныя письма, съ тою только разницею, что прежде онъ былъ честный прикащикъ честнаго хозяина, а теперь сталъ преступнымъ прикащикомъ преступнаго хозяина. Наконецъ, мы знаемъ, какимъ обыкновенно тономъ пишутся письма въ коммерческихъ сношеніяхъ; мы знаемъ, что вѣжливость въ нихъ часто внѣшняя, формальная; мы знаемъ, что человѣкъ

выше поставленный—Ив. Мясниковъ—письмо къ Бѣляеву, гдѣ онъ упрекаетъ его въ растратѣ денегъ, начинаетъ словами: „милый дяденька!“ и кончаетъ увѣреніями въ преданности и просьбою не сердиться. Очевидно, что такой стиль письма ничего не доказываетъ въ пользу добрыхъ, не натянутыхъ отношеній. И такъ, мы имѣемъ показаніе Карагапова, которое вы слышали на судѣ. Поведеніе подсудимаго въ связи съ его прежнимъ пьянствомъ побудило обвинительную власть произвести изслѣдованіе объ его умственномъ состояніи въ то время, когда онъ давалъ свои объясненія. Мы не хотѣли предстать передъ вами съ сознаніемъ, даннымъ человѣкомъ умалишеннымъ; мы хотѣли знать, что „трезвость“ этого сознанія, подкрѣпляется цѣлымъ рядомъ изслѣдованій и экспертизой; мы хотѣли предстать передъ вами, въ этомъ отношеніи, съ полною увѣренностью въ томъ, что сознаніе дано правильно. Вы слышали обстоятельную, твердую, строго научную экспертизу доктора Дюкова. Что́ же онъ сказалъ? „Этотъ человѣкъ притворяется—объяснилъ онъ—потому что я и докторъ Баталинъ наблюдали подсудимаго и нашли, что въ его дѣйствіяхъ нѣтъ ничего похожаго на сумасшествіе: сумасшедшій всегда вѣренъ самому себѣ, между тѣмъ какъ Карагановъ создастъ самъ свое состояніе духа и бываетъ веселъ, разговорчивъ, внимателенъ и даже играетъ на скрипкѣ, когда остается наединѣ съ докторомъ Баталинымъ“. Защита спрашивала, что если будетъ доказано, что Карагановъ не притворяется, что онъ дѣйствительно такъ разсѣянъ, что не понимаетъ того, что говорятъ—что это будетъ тогда?—„Тогда это состояніе ненормальное“, отвѣтилъ г. Дюковъ. Но на мой вопросъ: „не находитъ ли онъ третьяго исхода, не видитъ ли онъ въ этомъ постоянномъ повторе́ніи одного и того же: о казенномъ интересѣ, о пожарахъ и несчастіяхъ, отчасти забывчивости, а отчасти и желанія оправдать себя въ глазахъ суда?“—докторъ Дюковъ отвѣтилъ: „этотъ третій выводъ тоже возможенъ“. На немъ я и останавливаюсь. Говоря предъ вами о своемъ бытѣ, подъ вліяніемъ тяжелыхъ

воспоминаній, Карагановъ рѣзко и кратко говоритъ о преступленіи, но затѣмъ, весь отдаваясь желанію предстать предъ вами не окончательно же дурнымъ человѣкомъ и объяснить свой проступокъ, онъ постоянно приходитъ къ тому, что по неопытности сдѣлалъ онъ это дѣло, по молодости, а человѣкъ вообще былъ честный, оберегалъ хозяевъ. Пускай утверждаютъ, что теперь Карагановъ сумасшедшій, это не можетъ поколебать дѣйствительности его показанія. Важно не то даже, лишенъ ли онъ ума въ настоящее время, а важно то, что, давая свои показанія на предварительномъ слѣдствіи, онъ былъ въ здравомъ умѣ, о чемъ мы слышали письменное и устное заявленіе экспертовъ; важно то, что когда, на предварительномъ слѣдствіи, ему было предъявлено завѣщаніе, онъ показалъ, гдѣ была подпись, объяснивъ, что сдѣлалъ только подпись и больше ничего. И дѣйствительно, когда мы начинаемъ разсматривать завѣщаніе, то видимъ, что сначала написано разгонисто, потомъ сжато и опять разгонисто. Это доказываетъ, что текстъ подгонялся къ подписи. Наконецъ, если намъ станутъ говорить, что Карагановъ безуменъ въ настоящее время, то что же изъ этого? Кто допустилъ его сдѣлаться такимъ, кто заключилъ этого человѣка на бездѣйствующій заводъ въ Задонскихъ степяхъ, кто не давалъ ему работы, а давалъ водку и деньги въ изобиліи, кто лишилъ его свободныхъ свиданій съ родными, кто оставилъ его одного на жертву угрызеніямъ совѣсти, на жертву воспоминаніямъ о проданной любви, кто заставилъ его говорить съ отцомъ, который одинъ былъ ему близокъ, не на словахъ, а писать ему, кто заставилъ этого человѣка и здѣсь собирать послѣднія силы своего разбитаго сердца, чтобъ, погибая самому, защищать своихъ хозяевъ, кто виноватъ въ такомъ его душевномъ разстройствѣ, если оно дѣйствительно существуетъ, кто не оградилъ, не спасъ его отъ губительной страсти, когда къ тому имѣлись всѣ способы и средства? Если онъ находится здѣсь передъ вами безумный, то это только живое и наглядное свидѣтельство того, въ чемъ онъ

сознался. Онъ наглядный свидѣтель подложности завѣщанія, и не столько потому, что онъ говоритъ. сколько потому, въ какомъ положеніи онъ находится. И чѣмъ ближе это живое доказательство къ духовной смерти, тѣмъ громче и краснорѣчивѣе говоритъ оно о сдѣланномъ преступленіи. И чѣмъ больше силится онъ собрать свои скудныя душевныя силы, чтобы свидѣтельствовать о преданности хозяевамъ, тѣмъ виднѣе, какъ злоупотребляли этою преданностью, тѣмъ понятнѣе, отчего у Козьмы Бѣляева дрожала рука, когда онъ будто бы подписывалъ свое завѣщаніе.

Перехожу къ третьему вопросу.

Я сказалъ уже, что послѣ того, какъ я опредѣлю путь, какимъ составилось завѣщаніе, мнѣ нужно будетъ еще опредѣлить и самую виновность лицъ, которыя его составляли, нужно будетъ узнать. кто виновенъ въ составленіи завѣщанія духомъ, какъ виновенъ въ этомъ Карагановъ тѣломъ. Я сказалъ въ началѣ моей рѣчи, что не стану убѣждать васъ въ виновности или невинности лицъ, совершившихъ преступленіе, а только передамъ какъ по моему убѣжденію было дѣло.

Изъ всего высказаннаго мною можно вывести заключеніе, что завѣщаніе подложно. Остается вопросъ: кто совершилъ это преступленіе? Есть старинное правило. что преступленіе совершается обыкновенно тѣми, для кого оно представляется наиболѣе выгоднымъ. Кому же могла быть выгода въ составленіи этого духовнаго завѣщанія?

Прежде всего, конечно, Бѣляевой. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что ей было выгодно имѣть завѣщаніе въ свою пользу: я уже говорилъ о томъ, что. по самому умѣренному разсчету, у Бѣляева, послѣ его смерти, осталось на 400.000 имущества; кромѣ того, Бѣляева до того времени играла роль богатой женщины, владѣтельницы заводовъ, обладающей извѣстнымъ капиталомъ, гордой, съ которою какой-нибудь Красильниковъ не смѣлъ бы говорить. Ей, понятно, хотѣлось имѣть завѣщаніе въ свою пользу, чтобы избавить себя отъ необходимо-

сти, сойти съ первенствующаго мѣста и уступить его родственницамъ своего мужа. Мы имѣемъ нѣсколько сторонъ характера этой женщины, довольно ясно рисующихъ ее: мы знаемъ, что она не удостоивала родственницы своего мужа откровенностью по тому вопросу, разъясненіе котораго избавило бы ее отъ болѣзни, и не удостоивала Красильникова разговоромъ, несмотря на то, что онъ обращался къ ней по дѣлу, и мы знаемъ также изъ показаній Махаевой, что Бѣляева держала себя гордо и надменно. И эта женщина, которая держитъ себя гордо, которая является главой, хозяйкой въ домѣ, вдругъ должна сойти на второй планъ, уступить свое мѣсто, стушеваться, потерять окружающій ее штатъ и, вообще, умалиться въ своемъ величіи. Развѣ это легко, развѣ это не есть такая рана тщеславію, которую трудно перенести? Вотъ почему Бѣляева должна была желать, чтобы завѣщаніе это было составлено въ ея пользу.

Но могла ли сама она это сдѣлать? Конечно, нѣтъ. Какою вы видѣли женщину эту здѣсь, такою же, вѣроятно, была она и 14 лѣтъ тому назадъ. Вы видѣли, что она лицо, способное являться орудіемъ въ чужихъ рукахъ. Она не умѣла даже говорить здѣсь такъ, чтобы не путаться и не сбиваться; она не умѣла приготовиться къ объясненіямъ; она не умѣла избѣжать тѣхъ явныхъ противорѣчій, недомолвокъ, которыми такъ богато ея показаніе.

Очевидно, не она сдѣлала фальшивое завѣщаніе; да и дѣло такое вовсе, по народному выраженію, „не женскаго ума дѣло„. И такъ, кто же другой могъ совершить это преступленіе? Я постараюсь прослѣдить въ хронологическомъ порядкѣ ту цѣпь свѣдѣній, которую мы имѣемъ. Бѣляевъ умираетъ въ сентябрѣ 25-го числа, завѣщаніе написано отъ 10-го мая 1858 года; первымъ документомъ послѣ его смерти является та довѣренность, которая при обыскѣ найдена въ бумагахъ Бѣляевой и была составлена въ сентябрѣ 1858 года, слѣдовательно тотчасъ послѣ смерти мужа. Бѣляева отдаетъ, по этой довѣренности, въ безотчетное управленіе Мясниковымъ все

имѣніе мужа. Въ день смерти Бѣляева пріѣзжаетъ Ал. Мясниковъ—я ничего не говорю объ Иванѣ, потому что на это, на судебномъ слѣдствіи, не было указаній—и вывозитъ, въ узлахъ, книги и дѣла своего дяди. Какія это были книги и дѣла? Ихъ, Мясниковыхъ. Но знали ли они хорошо свои дѣла? Нѣтъ, они этого не знали. Гдѣ же онѣ лежали? Находились ли онѣ въ такомъ положеніи, что ихъ можно было отобрать отъ книгъ и дѣлъ Козьмы Васильевича? Одна свидѣтельница, кажется чуть ли не сама Бѣляева, показывала, что бумаги Бѣляева и бумаги подсудимыхъ лежали въ кабинетѣ на полу. Но между ними могли вѣдь быть и денежные документы. Гдѣ же эти документы лежали? Неужели у такого аккуратнаго человѣка, какимъ былъ Бѣляевъ, документы лежали на полу не запертыми и не было для нихъ никакого хранилища?

И такъ, всѣ бывшія въ кабинетѣ Бѣляева бумаги вывозятъ, захвативъ даже документъ, принадлежащій Махаевой. Въ день смерти Бѣляева должна была явиться полиція къ описи, но она не была. Была ли она дѣйствительно на другой день—это трудно сказать. Предъ вами были допрошены лица, участвовавшія въ составленіи акта описи, и лица эти показали, что на другой день смерти Бѣляева былъ составленъ полицейскій актъ и подписанъ квартальнымъ надзирателемъ Соколовымъ.

Въ актѣ этомъ значилось, что въ имуществѣ Бѣляева произведенъ осмотръ и оно запечатано, причемъ найдено 326 р. золота и нѣсколько серебряныхъ монетъ; но затѣмъ одинъ изъ нихъ показалъ, что этотъ актъ писался имъ въ конторѣ, подъ диктовку квартальнаго надзирателя, и, что на мѣстѣ осмотра онъ не былъ, не было при этомъ также и понятыхъ. Квартальный же надзиратель сказалъ, что никакого акта онъ не подписывалъ и вовсе не былъ въ домѣ Бѣляева. И такъ, актъ этотъ составленъ неизвѣстно кѣмъ, въ конторѣ квартала, и подписанъ кѣмъ-то за Соколова. Такъ ли было въ дѣйствительности—рѣшить въ виду такихъ показа-

ній трудно; но вѣрно одно, что настоящей описи произведено не было и полиція не явилась своевременно въ домъ покойнаго; вѣрно также и то, что какія-то печати кѣмъ то наложены были на пустые шкафы и жирандоли. Затѣмъ, 16-го октября, предъявляется въ гражданскую палату, для засвидѣтельствованія, завѣщаніе. Засвидѣтельствовано оно 6-го ноября, а 22-го декабря между Мясниковыми и Бѣляевой заключается договоръ или условіе, по которому Бѣляева отдаетъ Мясниковымъ все принадлежащее ей имущество, какъ доставшееся по завѣщанію, такъ и свое собственное, взамѣнъ сохранной росписки въ 272,000, выданной мужемъ ея Мясниковымъ, и 120,000 р., которые они обѣщали выплачивать по 12,000 въ годъ, въ теченіе 10-ти лѣтъ. Такимъ образомъ все имущество передано Мясниковымъ за 392,653 р., включая туда и заводы, одни стоившіе 200,000 р., не считая другаго имущества, принадлежавшаго Бѣляевой.

Затѣмъ изъ дѣла извѣстно, что Бѣляева заявляла въ казенную палату и управу благочинія о томъ, что ей была предъявлена сохранная росписка еще до засвидѣтельствованія завѣщанія, но уже послѣ того, какъ оно открылось, и что эту росписку она скрѣпила своей собственной подписью. Потомъ, также, намъ извѣстно дѣло по опекѣ Шишкина. Вотъ въ хронологическомъ порядкѣ тѣ событія, на которыя я считаю нужнымъ указать вамъ. Мы признали, что сама Бѣляева не могла составлять духовнаго завѣщанія. Кому же, помимо ея, могъ быть интересъ въ этомъ? Здѣсь опять приходится обратиться къ дѣламъ Мясниковыхъ; но прежде поищемъ, нѣтъ ли въ чемъ нибудь указанія на возможность этого обращенія? Указанія эти существуютъ: ихъ даетъ сама Бѣляева своей жалобой въ управу благочинія и заявленіемъ въ казенную палату, въ которомъ она говоритъ, что ею заплачено по сохранной росписке, которой она не видала и о которой раньше того она ничего не слыхала; отъ нея взяли имущество, приносящее огромный доходъ, а ей ничего не даютъ. Слѣдовательно, кто же получилъ выгоды отъ завѣщанія? Получи-

ли ихъ Мясниковы. Обратимся опять ко времени смерти Бѣляева. Онъ умеръ въ 1858 году; передъ вами былъ его дневникъ и счеты, изъ которыхъ вы могли усмотрѣть, что дѣла Бѣляева и Мясниковыхъ были тѣсно переплетены между собою. Я готовъ допустить, что Мясниковы, согласно заявленію защиты, участвовали негласно въ предпріятіяхъ Бѣляева, что вообще все дѣло основывалось на взаимномъ довѣріи и что дѣла Бѣляева частью принадлежали и Мясниковымъ. Этимъ устраняется противорѣчіе о капиталѣ въ 600,000 руб. и тѣ указанія, которыя даютъ поводъ думать, что въ сущности капиталъ простирался до $1^1/_2$ милліона рублей.

Какъ Мясниковы имѣли участіе въ дѣлахъ Бѣляева, такъ точно и Бѣляевъ, съ своей стороны, негласно участвовалъ въ предпріятіяхъ и дѣлахъ покойнаго Ивана Федоровича Мясникова. Одинъ участвовалъ въ предпріятіяхъ своимъ основнымъ капиталомъ, другой отчасти капиталомъ, отчасти своимъ умѣніемъ дѣлать обороты и выгодно помѣщать капиталы. Капиталы эти, соединенные вмѣстѣ, скопленные общимъ трудомъ, составляютъ такую силу, которая заставляла говорить о богатствѣ Мясникова. Но были ли между Мясниковыми и Бѣляевымъ заключены какія-либо условія, по которымъ бы, въ данную минуту, можно было немедленно отдѣлить капиталъ одного отъ капитала другаго? Я полагаю, что нѣтъ. Доказательство тому я вижу, между прочимъ, въ томъ, что когда Мясниковы были приглашены Бѣляевымъ участвовать въ паяхъ на рыбныя ловли, онъ обратился въ коммисію съ заявленіемъ о томъ, что принимаетъ Александра и Ивана Мясниковыхъ къ участію въ Самосдѣльско-Образцовской рыбной ловлѣ на равныхъ правахъ и что контрактъ будетъ доставленъ, — впослѣдствіи же никакого контракта не доставилъ. Итакъ, вы видите, что въ такомъ большомъ предпріятіи права Мясниковыхъ ничѣмъ не были ограждены. Что могли сказать Мясниковы? Мы участвуемъ въ предпріятіи въ $^2/_3$. Почему? спросили бы ихъ наслѣдники. Да Бѣляевъ заявилъ объ этомъ. Но имъ отвѣтили бы, что на основаніи 27 § кондицій, необхо-

димо, чтобы между ними былъ заключенъ договоръ, а его нѣтъ. Мясниковы сказали бы, что они основывались на взаимномъ довѣріи. Да, вы могли довѣрять другъ-другу, а мы вамъ недовѣряемъ. Докажите ваши права формально, а пока должны признать, что мы его наслѣдники во всемъ предпріятіи. Тоже самое могло повториться и относительно другихъ дѣлъ Бѣляева. Бѣляевъ имѣлъ откупъ въ Херсонѣ и Николаевѣ. Я готовъ согласиться, что изъ 25 паевъ онъ владѣлъ $^1/_5$ частію, остальные 20 паевъ принадлежали Мясниковымъ. Это такъ, но въ объявленіи, поданномъ въ сенатъ, всѣ двадцать пять паевъ откупа оставлены за Бѣляевымъ. И такъ, когда явились бы наслѣдники и стали бы требовать эти откупа, что могли бы представить Мясниковы въ доказательство правъ своихъ? Разсчетныя книги Бѣлясва, гдѣ записывались разныя суммы? Но на это наслѣдники сказали бы, что коммерція требуетъ книгъ шнуровыхъ, но ихъ не было; былъ же какой-то истрепанный дневникъ. Можетъ быть онѣ и были, но въ настоящее время ихъ нѣтъ. Я указывалъ на дневникъ Бѣляева, но въ немъ находятся такія цифры, какъ напримѣръ: „4,000 взято у Ванюшки 4-го августа; затѣмъ, 2-го сентября, выдано задаточныхъ денегъ за Устюгъ 4,000, а 14 сентября опять выдано 4,000„. Что же это значитъ? Значитъ ли, что они участвовали вмѣстѣ въ коммерческихъ операціяхъ, и что же собственно означаетъ подобный расходъ, какъ 4,000—14-го сентября? Дневникомъ ничего нельзя доказать, развѣ только то, что нравственно наслѣдники обязаны были удовлетворить требованія Мясниковыхъ, но въ дѣлахъ коммерческихъ, такія нравственныя обязанности стоятъ на послѣднемъ планѣ; на первомъ же планѣ являются документы. Итакъ, вотъ въ какомъ положеніи были Мясниковы послѣ смерти Бѣляева.

Дѣла ихъ и Бѣляева были такъ спутаны вмѣстѣ и перемѣшаны, что трудно было различить, гдѣ кончаются одинѣ и начинаются другія. Между тѣмъ Бѣляевъ умеръ въ то время, когда Мясниковы вмѣстѣ съ Бѣляевымъ намѣревались

пуститься еще въ большія предпріятія и, между прочимъ, купить заводъ Берда. Я ссылаюсь на § 14, гдѣ сказано, что Бѣляевъ намѣренъ былъ участвовать въ $^2/_3$ завода (а эти $^2/_3$ составляли 1,800,000); я признаю, что у Бѣляева не было такой громадной суммы, слѣдовательно онъ участвовалъ въ предпріятіи вмѣстѣ съ Мясниковыми, но ихъ участіе, повидимому, опять предполагалось негласное. На это указывала вамъ въ своемъ заявленіи защита, что этотъ § былъ зачеркнутъ и надъ нимъ сдѣлана надпись. И такъ, вотъ въ какомъ положеніи застала ихъ смерть Бѣляева: обширныя предпріятія задумывались, откупа были разбросаны по всей Россіи, въ однихъ Мясниковы участвовали негласно, въ другихъ гласно. Далѣе вы слышали здѣсь характеристичное показаніе свидѣтеля Ненюкова, который, когда его спросили, почему онъ думаетъ, что Бѣляевъ не имѣлъ большихъ средствъ, отвѣчалъ, что Бѣляевъ слишкомъ раскидывался въ дѣлахъ. Что это значитъ? То, что въ коммерціи требуется извѣстная спеціализація занятій, и что въ коммерческомъ мірѣ не особенно довѣряется такому человѣку, который сразу пускается въ различныя отрасли промышленности и различныя предпріятія, требующія громадныхъ суммъ, между тѣмъ какъ всѣмъ извѣстно, что у него ихъ нѣтъ. Такой человѣкъ не можетъ имѣть большаго кредита. Поэтому Бѣляеву и Мясниковымъ надо было раздѣлиться оффиціальнымъ образомъ. Они и раздѣлились; въ сущности же, каждый изъ нихъ участвовалъ въ части другаго. Смерть Бѣляева послѣдовала въ 1858 году, то есть въ то время, когда были уже введены и вводились многія реформы, такъ, напримѣръ, тогда начиналась крестьянская реформа и впервые были приняты мѣры какъ вамъ было заявлено защитой, къ уничтоженію откупа, который доживалъ свои послѣдніе дни. Министерствомъ финансовъ, въ особой комиссіи, были выработаны новыя правила и было положено въ послѣднія шесть лѣтъ, сначала отдавать откупа на два года, потомъ на четыре. И такъ, повторяю, это былъ послѣдній моментъ существованія того учрежденія, въ которомъ

создавались такіе громадные капиталы, которое одно служило главнымъ источникомъ тѣхъ громадныхъ состояній, о которыхъ здѣсь не разъ упоминалось: Бенардаки, Кокорева и другихъ капиталистовъ. Понятно, какъ всѣ откупщики старались удержать за собою участіе въ откупахъ для того, чтобы въ послѣднее время добыть какъ можно больше; выжать изъ откуповъ все, что можно, посредствомъ дорогой продажи вина. Это-то легкое, ускользавшее, уничтожавшееся добываніе средствъ заставляло Мясниковыхъ стараться удержать за собою откупа на послѣднее время, и они дѣйствительно остались за ними на 1857—1858 годъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ наступила акціонерная пора. Вы помните конечно, какъ создавались акціонерныя общества, одно за другимъ, помните, какъ люди почтенные, солидные въ торговомъ отношеніи, совершенно теряли голову съ этими акціями, пускались въ еще болѣе азартную игру, чѣмъ въ послѣдствіи была биржевая желѣзно-дорожная игра. Словомъ, наступило то время, когда коммерческое дѣло должно было развиться на очень широкихъ основаніяхъ. Надо было собрать какъ можно больше капиталовъ, надо было удержаться въ обширныхъ предпріятіяхъ и затѣмъ играть свою широкую роль, а тутъ оказывается, что завѣщанія нѣтъ, возникнутъ споры, процессы, тяжбы, и когда же, когда всякій часъ дорогъ, всякій рубль цѣненъ. Тутъ являются неизвѣстныя лица, какіято мѣщане изъ Сарапуля, которые, во первыхъ, отберутъ половину состоянія у Бѣляевой, во вторыхъ, заставятъ Мясниковыхъ отказаться отъ участія во многихъ откупахъ, лишиться возможности имѣть на будущее время лишніе капиталы, а главное, заставятъ Мясниковыхъ, имѣвшихъ большіе обороты, войти въ безконечное число процессовъ, которые будутъ тянуться годы, такъ какъ гласные суды еще не вводились. Что же оставалось дѣлать Мясниковымъ? Сдѣлаться наслѣдниками. Но какъ? Оставалось сдѣлать завѣщаніе, но сдѣлать его въ свою пользу неудобно, такъ какъ тогда придется назначить большія выдачи вдовѣ и другимъ лицамъ, а тутъ каждая копѣйка дорога, между тѣмъ какъ извѣстно изъ дѣла, что въ

концѣ августа Мясниковы не могли выплатить 36,000, и Бѣляевъ писалъ имъ, что если они не вышлютъ этихъ денегъ, то на честное имя Мясниковыхъ въ коммерческомъ отношеніи ляжетъ черное пятно. Вообще, для нихъ неудобно сдѣлать завѣщаніе на свое имя, это будетъ даже подозрительно; слѣдовательно, остается сдѣлать его на имя вдовы Бѣляева. Но какъ сдѣлать: съ ея вѣдома? Конечно, безъ вѣдома ея неудобно. Для того надо явиться къ ней и сказать, что вотъ все имущество остается въ пользу родственниковъ ея мужа, а они, ея племянники, не желаютъ, чтобъ ее обижали, и что поэтому, такъ какъ покойный всегда желалъ оставить все ей, то самое лучшее, что она можетъ сдѣлать, это—положиться на нихъ, что завѣщаніе будетъ готово. Правда, Бѣляевой могло показаться это подозрительнымъ; но вы слышали, что Мясниковы взяли всѣ бумаги изъ кабинета Бѣляева, и потому они могли сказать, что въ этихъ дѣлахъ и бумагахъ, взятыхъ ими, нашелся документъ, по которому надо получить имъ: это сохранная росписка въ 272,000 рублей сереб. Вы слышали гг. присяжные засѣдатели, что по разсчету Бѣляева, онъ состоялъ должнымъ Мясниковымъ въ маѣ мѣсяцѣ 91,000 р., что затѣмъ изъ отступныхъ денегъ съ его счета надо было списать 84,000 р., слѣдовательно, за нимъ, по самому неблагопріятному для него разсчету, оставалось только 7,000 руб. ко дню смерти, слѣдовательно, сохранная росписка въ 272.000 руб. была давно погашена. Она была выдана по разсчетамъ Бѣляева съ Мясниковыми, въ теченіе 1857 и 58 годовъ затѣмъ, чтобы регулировать счеты предъ отъѣздомъ П. К. Мясникова въ Астрахань. Вмѣстѣ съ тѣмъ, рядомъ съ нею росли другіе разсчеты, по которымъ, какъ я доказывалъ вамъ вчера документами. уже Мясниковы становились мало по малу должниками Бѣляева, такъ что росписка погасилась и была, по всѣмъ вѣроятіямъ, возвращена Бѣляеву, который ее сберегъ, по своей аккуратности, какъ основаніе для будущаго отчета. Она-то и была вывезена изъ его дома, вмѣстѣ съ прочими документами, въ день его смерти. Эта то росписка и

явилась средствомъ для того, чтобы заставить Бѣляеву принять завѣщаніе. Они могли сказать ей: „у насъ есть роспись; да Богъ знаетъ, можетъ быть еще съ наслѣдниками придется вести процессъ, а вы слышали разговоръ о ней, знаете, что она была выдана. Поручитесь, а когда будетъ завѣщаніе, заплатите намъ, и дѣло будетъ окончено къ общему удовольствію. Вы получите капиталъ, а мы—принадлежащій намъ долгъ„. И вотъ, до представленія Александромъ Мясниковымъ духовнаго завѣщанія въ палату, Бѣляева дѣлаетъ надпись на росписк'ѣ. Но спрашивается: знала ли она, какъ велико состояніе ея мужа? Нѣтъ, потому что, давая довѣренность Мясниковымъ, вскорѣ послѣ смерти мужа, на управленіе всѣмъ имѣніемъ, она отдала въ управленіе такое имущество, по которому всѣ книги и документы находились въ ихъ рукахъ. Когда завѣщаніе уже утверждено, тогда отступать поздно; тогда ей сказано, что имущества всего на 392,000 р., что цифра эта точная, что больше этого нѣтъ имущества. Что могла отвѣтить на это Бѣляева? Развѣ то, что она не заплатитъ, потому что завѣщаніе подложное. Но ей скажутъ на это: да вы сами согласились на это, сдѣлали все, чтобы ввести правосудіе въ обманъ. Такимъ то образомъ совершается сдѣлка о передачѣ всего имѣнія, какъ самой Бѣляевой, такъ и ея мужа, за сохранную росписку и за 120,000 рублей. И Бѣляева, согласившись на завѣщаніе, отрѣзывала себѣ путь къ отступленію и не могла, не губя и не роняя себя, обличить дѣйствій Мясниковыхъ. Я забылъ еще сказать, какъ я смотрю на участіе Целебровскаго, въ дѣлѣ завѣщанія. Онъ подписалъ завѣщаніе послѣ смерти Бѣляева; но онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ подвергнуться отвѣтственности; онъ былъ болѣе всѣхъ гарантированъ. При разности чернилъ въ подписяхъ онъ могъ всегда сказать; „да! Бѣляевъ просилъ меня переписать завѣщаніе и я исполнилъ его просьбу; но завѣщанія онъ въ то время не подписалъ, оставилъ его у себя, и что сталось съ нимъ потомъ—не знаю. Можетъ быть, оно и было подписано послѣ смерти". Притомъ, молчаніе Целебровскаго можно было

пріобрѣсти. Онъ служилъ у Бѣляева за весьма небольшое жалованье и употреблялся для выполненія разныхъ щекотливыхъ порученій, а черезъ полтора года послѣ смерти Бѣляева, въ то время, когда онъ самъ умиралъ въ сумасшедшемъ домѣ, у него оказалось 20,000 капитала.

Затѣмъ, снова обращаясь къ разсчетамъ Бѣляева и Мясниковыхъ, прокуроръ указалъ, что эти разсчеты и общность предпріятій Мясниковыхъ и Бѣляева заставляли, первыхъ, настойчиво желать удержать въ своихъ рукахъ его предпріятія и дѣла и тѣмъ устранить грозившее умаленіе ихъ дѣлъ и оборотовъ. Средствомъ для этого была сдѣлка съ Бѣляевой о передачѣ ею всѣхъ дѣлъ мужа Мясниковымъ, вслѣдствіе находившейся у нихъ росписки. Основаніемъ для этой сдѣлки послужило подложное завѣщаніе.

Такимъ образомъ, гг. присяжные, продолжаетъ прокуроръ, я изложилъ передъ вами тотъ путь, которымъ, по моему мнѣнію, составилось завѣщаніе. Мнѣ могутъ сказать, что это одни только предположенія. Да, предположенія, но которыя основаны на экспертизѣ и на показаніяхъ Караганова. Мнѣ могутъ сказать: хорошо, вы говорите, что преступленіе это совершено Мясниковыми; но если они преступники, то укажите на свойственное преступнику стремленіе, скрывать слѣды совершеннаго имъ преступленія, стараться устроить такъ, чтобы не было возбуждено вопроса о преслѣдованіи.

Эти дѣйствія, клонящіяся къ сокрытію слѣдовъ преступленія, существовали и со стороны Мясниковыхъ. Мы знаемъ, что они предпринимали неоднократныя попытки, къ прекращенію дѣла мирокъ, и что эти попытки усилились, при возникновеніи дѣла въ 1868 и 1870 годахъ. Въ дѣлѣ есть, наконецъ, и свидѣтель противъ нихъ—свидѣтель, который старается теперь, скрыть слѣды совершеннаго ими преступленія. Это—Бѣляева. Противъ воли, косвенно, уклончиво,—но она свидѣтельствовала противъ Мясниковыхъ. Въ 1864 году возникло дѣло по опекѣ Шишкина. Шишкинъ, 14-ти-лѣтній мальчикъ, нѣжно любимый внукъ Бѣляевой, состоялъ подъ опекою у нея. Ивана Мясни-

кова и Отто, и въ домѣ Бѣляевой жилъ. Мясниковъ и Отто потребовали отъ дворянской опеки устраненія Бѣляевой. Чѣмъ это было вызвано—мы не знаемъ; но очевидно, что это было сдѣлано по желанію Мясникова, такъ какъ Отто считалъ нужнымъ извиняться въ томъ предъ Бѣляевою, написавъ ей письмо, гдѣ написалъ, что сдѣлалъ это, чтобы избѣжать какихъ-то извѣстныхъ ей слуховъ объ отравленіи. Это, вмѣстѣ съ неплатежемъ Бѣляевой денегъ, раздражило ее. А тутъ подоспѣлъ еще уходъ Шишкина тайно изъ ея дома къ дядямъ. Я излагалъ предъ вами, гг. присяжные, подробно ту переписку, которая предшествовала этому уходу и которою онъ сопровождался. Сначала письмо Шишкина въ опеку о томъ, что онъ желаетъ исполнить священную волю отца и остаться у бабушки, такъ какъ дяди его не знаютъ и не любятъ; потомъ письмо его къ Бѣляевой изъ дома дядей, съ указаніемъ на то, что такъ какъ она его возстановляла противъ нихъ, а они его любятъ и даютъ ему „настоящее“ направленіе, то онъ не можетъ вернуться къ ней; а въ серединѣ между этими письмами письмо Бѣлясвой къ предводителю дворянства, съ присовокупленіемъ найденныхъ ею, въ комнатѣ ушедшаго отъ нея внука, записокъ, въ которыхъ неизвѣстный руководитель совѣтуетъ мальчику, сказать своей бабушкѣ, что онъ бросаетъ ея собачій домъ, что она каналья, которая хочетъ его обокрасть, что она мужичка, и т. д., и наконецъ письмо нѣкоего Рицдони, почтеннаго наставника юношества, который, сознаваясь, что по просьбѣ Мясникова подговаривалъ Шишкина уйти отъ Бѣляевой и для этого писалъ ему эти записки про бабушку, жалуется, что Мясниковъ, по уходѣ Шишкина отъ Бѣлясвой, не исполнилъ своего обѣщанія „особенно поблагодарить“ его. Эти письма характеризуютъ ту недостойную игру, жертвой которой былъ мальчикъ, едва вступавшій въ отроческіе годы. Для насъ онѣ важны. Онѣ достаточно объясняютъ, почему въ 1865 и даже въ 1866 году Бѣляева столь дурно отзывалась о Мясниковыхъ; почему она считала возможнымъ говорить, что они ее обманули, ограбили. Эти

слова ея повторялъ повсюду Чевакинскій, который, въ 1865 году, писалъ Ижболдину жалобу на Мясниковыхъ въ коммисію прошеній и просилъ только у Ижболдина записи о томъ, что тотъ не станетъ преслѣдовать Бѣляеву, а въ 1868 году, послѣ того, какъ Бѣляева примирилась съ Мясниковыми, сдѣлался ихъ ходатаемъ и просилъ Герасимова, не показывать у слѣдователя то, что отъ него, Чевакинскаго, слышалъ.

Разбирая подробно показанія Чевакинскаго, Шимановскаго и Герасимова, г. прокуроръ, очертивъ личности этихъ свидѣтелей, изъ сопоставленія ихъ показаній съ объясненіями Бѣляевой, вывелъ, что цѣлымъ рядомъ заявленій Чевакинскаго, попытками сдѣлокъ съ Ижболдинымъ для совокупнаго преслѣдованія Мясниковыхъ, Бѣляева, косвеннымъ образомъ явилась обвинительницею ихъ, но обвинительницею осторожною, въ рукахъ Чевакинскаго, который хранилъ у себя, по его собственнымъ словамъ, завѣщаніе и тѣмъ держалъ обѣ стороны въ своихъ рукахъ. Ко времени ссоры Бѣляевой съ Мясниковыми, относится желаніе ея, даже не жалѣя себя, подъ вліяніемъ гнѣва и оскорбленій, открыть все по этому дѣлу, на что указываютъ письма ея къ Мясниковымъ, найденныя въ ея бумагахъ, гдѣ она грозитъ, открыть все „со дня смерти ея мужа“ и представить это на судъ Государя. Натянутыя и даже враждебныя отношенія продолжались между ними до 1868 года. Но въ этомъ году состоялось, при посредствѣ денежныхъ обязательствъ, примиреніе Бѣляевой съ Мясниковыми, а вслѣдъ затѣмъ возникло слѣдствіе. Общая опасность тѣсно соединила Бѣляеву съ Мясниковыми, и вчерашніе враги стали сегодняшними друзьями. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. прокуроръ указалъ на постепенный ходъ сдѣлокъ о примиреніи, предлагавшихся Мясниковыми. Онъ указалъ, между прочимъ, на то, что еще въ 1861 году, Гонинъ посылался въ Сарапулъ къ Мартьяновой съ предложеніемъ примиренія за 20 или 25 тысячъ, что подтверждено Дѣдюхинымъ и священникомъ Домрачовымъ. Затѣмъ, въ 1862 году, А. Мясниковъ предлагалъ Ижболдину 4 или 5 тысячъ, но когда возникло слѣдствіе, то онъ призы-

валъ въ мѣсто своего служенія свидѣтеля Борзаковскаго и опять предлагалъ окончить дѣло съ Ижболдинымъ. При этомъ повѣренный его, нѣкто Контевъ, называлъ и сумму примиренія: 100—150 тысячъ.

Такимъ образомъ, гг. присяжные, продолжалъ прокуроръ, обвиненіе мое окончено. Я старался, не увлекаясь, спокойно и сжато, изложить предъ вами всѣ обстоятельства дѣла и всю его обстановку; я старался употребить всѣ усилія моей памяти, чтобы возстановить предъ вами все то, что происходило здѣсь въ теченіе 5-ти дней, и всѣ тѣ данныя, которыя почерпнуты мною изъ письменныхъ документовъ. Если же я опустилъ что либо, то дополнитъ это ваша память, или лучше сказать, ваша совѣсть, на которой отпечатлѣлись, безъ сомнѣнія, всѣ черты, всѣ оттѣнки этого дѣла. Мнѣ остается распредѣлить отвѣтственность между подсудимыми.

Я обвиняю Александра Мясникова въ томъ, что онъ задумалъ составить подложное завѣщаніе и привелъ это намѣреніе въ исполненіе. Ни въ общественномъ его положеніи, ни въ его богатствѣ, ни въ его образованіи не нахожу я никакихъ обстоятельствъ, по которымъ можно бы говорить о какомъ-либо снисхожденіи къ нему: онъ виновенъ—и только виновенъ. Обращаясь къ Ивану Мясникову, я по совѣсти долженъ заявить, что во всемъ дѣлѣ нѣтъ указаній на его непосредственное участіе въ преступленіи; это не значитъ, однако, чтобы онъ не участвовалъ въ немъ косвенно. Нѣтъ сомнѣнія, что Александръ Мясниковъ не могъ бы рѣшиться составить подложное завѣщаніе, не имѣя на то предварительнаго, быть можетъ, молчаливаго согласія со стороны брата, онъ не могъ бы дѣйствовать съ сохранной роспиской, не зная, что скажетъ на это братъ, онъ не могъ составить завѣщанія, не бывъ напередъ увѣренъ въ томъ, что братъ его приметъ завѣщанное имущество, что при этомъ не выйдетъ недоразумѣній. Ему надлежало быть увѣреннымъ, что Иванъ Мясниковъ будетъ смотрѣть сквозь пальцы, въ то время, когда онъ станетъ дѣйствовать. Иванъ Мясниковъ зналъ хорошо, какое пре-

ступленіе подготовляется и не остановилъ брата, не предупредилъ, своимъ вліяніемъ, содѣяніе преступленія, не напугалъ своими угрозами. Лица, которыя такъ дѣйствуютъ, по закону считаются менѣе виновными, чѣмъ тѣ, которыя совершили преступленіе непосредственно; они считаются попустителями преступленія, но виновность ихъ имѣетъ значеніе уже потому, что много преступленій не совершилось бы, если бы люди честные приходили на помощь колеблющимся и удерживали ихъ. Поэтому я обвиняю Ивана Мясникова въ попустительствѣ. Караганова я обвиняю въ томъ, что онъ, послѣ подготовительныхъ занятій, подписалъ бумагу, зная, что дѣлается это для духовнаго завѣщанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не могу не замѣтить, что Карагановъ былъ орудіемъ въ рукахъ другихъ, болѣе умственно и матеріально сильныхъ лицъ, что онъ находился подъ давленіемъ своей привязанности къ хозяевамъ, и что жизнь его разбита навсегда и непоправимо. Я прошу васъ, поэтому, признать его заслуживающимъ полнаго снисхожденія; равнымъ образомъ прошу признать заслуживающимъ снисхожденія и Ив. Мясникова. Взглянувъ на него, близкаго ко гробу, и разбитаго параличемъ, вы, гг. присяжные, поймете—подъ вліяніемъ какого чувства я рѣшаюсь обратиться къ вамъ съ этой просьбой. Излишне говорить вамъ, гг. присяжные, что приговоръ вашъ будетъ имѣть огромное значеніе. Дѣло это возбудило цѣлую массу толковъ. Общественное мнѣніе клонилось то въ ту, то въ другую сторону, и судомъ общественнаго мнѣнія дѣло это было нѣсколько разъ, и самымъ противоположнымъ способомъ, разрѣшаемо. Но судъ общественаго мнѣнія не есть судъ правильный, не есть судъ свободный отъ увлеченій; общественное мнѣніе бываетъ часто слѣпо, оно увлекается, бываетъ пристрастно и — или жестоко не по винѣ, или милостиво не по заслугамъ. Поэтому приговоры общественнаго мнѣнія, по этому дѣлу, не могутъ и не должны имѣть значенія для васъ. Есть другой, высшій судъ, — судъ общественной совѣсти. Это — вашъ судъ, гг. присяжные.

«Мы переносимъ теперь дѣло Мясниковыхъ изъ суда об-

щественнаго мнѣнія на судъ общественной совѣсти, которая не позволитъ вамъ не признать виновности подсудимыхъ, если они дѣйствительно виноваты, и не допуститъ васъ, каково бы ни было общественное мнѣніе по этому дѣлу, уклониться отъ оправданія ихъ, если вы находите ихъ невиновными. Произнося этотъ приговоръ, вы снимите съ нихъ то ярмо подозрѣній, обвиненій и слуховъ, которые надъ ними тяготѣютъ. Если же вы произнесете приговоръ обвинительный, если согласитесь съ доводами обвинительной власти и проникнитесь ея убѣжденіемъ, то изъ него будетъ видно, что передъ судомъ, по судебнымъ уставамъ, нѣтъ богатыхъ и бѣдныхъ, нѣтъ сильныхъ и слабыхъ, а всѣ равны, всѣ одинаково отвѣтственны. Вы докажете тогда, на сколько справедливо можно примѣнить къ людямъ, стоящимъ передъ вами, евангельскія слова, что „нѣсть эллинъ и іудей“.

Докторъ правъ Лохвицкій. Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели! Я являюсь предъ вами повѣреннымъ гражданскихъ истцовъ, т. е. представителемъ тѣхъ лицъ, которыя были законными наслѣдниками Бѣляева, и которыя подложнымъ завѣщаніемъ, составленнымъ братьями Мясниковыми, лишены своего имущества. Я полагаю, гг. присяжные засѣдатели, что защита еще можетъ быть основана на сомнѣніи, потому что и по закону всякое сомнѣніе всегда разрѣшается въ пользу подсудимаго; но обвиненіе, непремѣнно, чтобы быть добросовѣстнымъ, не иначе можетъ быть ведено, какъ съ глубокимъ убѣжденіемъ и вполнѣ добросовѣстнымъ разсмотрѣніемъ дѣла. Я пришелъ къ этому глубокому убѣжденію и остаюсь при немъ, несмотря на то, что, какъ вы видѣли во время судебнаго слѣдствія, мы были лишены свидѣтельства жены и отца Караганова; послѣдній пріѣхалъ издалека и здѣсь, послѣ предваренія суда о правѣ отказаться отъ показанія, сказалъ, что желаетъ дать показаніе, а затѣмъ черезъ два часа отказался. Несмотря на все это, я считаю настоящее дѣло весьма простымъ. Виновность подсудимыхъ, по моему мнѣнію, очевидна; но чтобы доказать эту очевидность, нужно

прежде условиться въ одномъ: настоящее дѣло весьма сложное; здѣсь было прочитано множество документовъ, вы выслушали многихъ свидѣтей; изъ числа свидѣтелей были нѣкоторые въ пользу обвиненія, нѣкоторые въ пользу защиты; но намъ надо условиться относительно того, что не всякое показаніе имѣетъ значеніе въ отношеніи къ существу самаго дѣла. Въ настоящемъ дѣлѣ встрѣчается много такихъ показаній, на которыя, по моему мнѣнію, не слѣдуетъ обращать вниманія. Надо только узнать сущность дѣла, въ чемъ заключаются главные обвинительные пункты. Если мы сознаемъ это, то намъ не нужно никакихъ свидѣтелей. Я полагаю, что въ процессѣ обвиненія, какъ въ битвѣ, всегда есть извѣстный пунктъ, тотъ узелъ, который рѣшаетъ все сраженіе. Этотъ узелъ, въ данномъ дѣлѣ, весь заключается въ показаніяхъ Бѣляевой и самаго Александра Мясникова, слѣдовательно, наше обвиненіе зиждется не на такихъ свидѣтеляхъ, которыхъ защита можетъ отвести.

Я нахожу этотъ существенный пунктъ въ показаніи Бѣляевой относительно того, какъ явилось завѣщаніе. Я, гг. присяжные засѣдатели, обращаю особенное вниманіе на прежнее показаніе Бѣляевой, которое вы слышали въ обвинительномъ актѣ, и которое дано 5-го февраля 1871 года. Я позволю себѣ еще разъ вамъ прочесть его. Она говоритъ въ немъ: „при допросѣ 1-го августа 1868 года, я утверждала, что предъявленное мнѣ тогда духовное завѣщаніе мужа мое-го есть то самое, которое было вручено мнѣ мужемъ моимъ; но нынѣ этого положительно утверждать не могу, ибо, какъ при полученіи отъ мужа, такъ и при передачѣ завѣщанія Александру Мясникову для засвидѣтельствованія, я духовнаго завѣщанія не читала и въ него не всматривалась". Вотъ ея показаніе на предварительномъ слѣдствіи. На судебномъ слѣдствіи, при васъ, она говоритъ другое. Она говоритъ: „я читала завѣщаніе не все, читала только начало и конецъ"; а когда мы ее спросили: почему такое разнорѣчіе? Она отвѣчала: оттого, что я была въ волненіи, когда призвали меня

къ судебному слѣдователю". Гг. присяжные засѣдатели, гласный судъ имѣетъ именно то огромное значеніе, что при письменномъ производствѣ всегда нужно было основываться на свидѣтельскихъ показаніяхъ, а при гласномъ—на свидѣтельствѣ самыхъ лицъ. Всегда видно, что за лицо, какъ говоритъ, каковъ видъ этого лица. Я васъ теперь спрашиваю: могло-ли случиться, чтобы Бѣляева, какъ трепетная лань, у судебнаго слѣдователя была запугана, не знала, что говорить, а между тѣмъ давала длинное показаніе? Положимъ, что она испугалась въ первый разъ; но она была спрошена три раза, и въ послѣдній разъ въ мартѣ 1871 года. Чѣмъ объясняетъ она нѣкоторыя разнорѣчія? Она говоритъ, что разнорѣчія нѣтъ, положительно подтверждаетъ, что только взглянула на завѣщаніе, но не читала его, и положила, какъ кажется, на окошко; до 40-го дня не видала его и отдала Мясникову такъ, не читавши. Вы видѣли, гг. присяжные засѣдатели, что если гдѣ можно сконфузиться, особенно женщинѣ, то скорѣе здѣсь, на судѣ, при этомъ грозномъ ареопагѣ, при видѣ васъ, которыхъ одно слово можетъ рѣшить судьбу человѣка. Здѣсь можетъ найти страхъ больше, чѣмъ въ кабинетѣ судебнаго слѣдователя. Но когда ее спрашивали, отчего произошелъ такой страхъ, она отвѣчала, что къ ней звонили часто, отчего ея нервы разстроились... Я просилъ позволенія прочесть часть ея показанія для того, чтобы вы видѣли, почему она тогда такъ говорила, а теперь иначе, чтобы вамъ доказать, что съ ея стороны была и тогда ложь, и теперь ложь, потому что завѣщанія не было. На судебномъ слѣдствіи она была призвана, какъ обвиняемая въ соучастіи; впослѣдствіи она была устранена, какъ обвиняемая, сколько мнѣ извѣстно, на томъ основаніи, что давность прошла для нея, и потому она явилась предъ вами какъ свидѣтельница. Вотъ разница въ ея положеніи. Могла ли она, зная, что завѣщаніе подложно, у судебнаго слѣдователя говорить, какъ здѣсь. Она Мясниковыхъ дѣйствительно любитъ; это ея племянники, они вмѣстѣ дѣлали дѣло; тѣмъ не менѣе каждому своя шку-

ра дороже. Она давала такое показаніе, положительно не обвиняя Мясниковыхъ, чтобы имѣть открытую дверь для своего выхода. Намъ предстоитъ съ вами запереть эту дверь. Она не знала, что завѣщаніе подложно, думала, что у судебнаго слѣдователя экспертизой будетъ доказано, что оно подложно: слѣдовательно, когда оно подложно — а сама она говоритъ, что отдала его Мясникову—значитъ не только знала о подлогѣ, но она и составила, потому что Мясниковъ, въ случаѣ крайности, могъ сказать: „можетъ быть завѣщаніе подложно, да мнѣ Катерина Васильевна дала. О томъ, что завѣщаніе подложно—очень сожалѣю, тѣмъ болѣе, что отъ этого дѣла мы потерпѣли одни только убытки по предпріятіямъ, полученнымъ взамѣнъ сохранной росписки". Вотъ она и выпутывается, показывая, что на завѣщаніе только взглянула, даже не читала, и такимъ образомъ не можетъ утверждать, это ли самое завѣщаніе отдала она въ 40-й день послѣ смерти мужа, тоже не читая его. Какимъ образомъ женщина 50 лѣтъ, получивъ завѣщаніе отъ мужа, только взяла его, удостовѣрясь по первому взгляду, что это должно быть завѣщаніе, и затѣмъ, не читая, положила? 40 дней оно у нея лежитъ; наконецъ она призываетъ Мясникова, чтобъ представить завѣщаніе къ утвержденію. Но мужъ ей не говорилъ, что это завѣщаніе; онъ просто сказалъ: „вотъ бумага, сохрани ее". Можетъ быть, это завѣщаніе не мужа, а другаго, и она все-таки этой бумаги не прочла, а повѣренный ея, Мясниковъ, принимаетъ на себя дѣло, тоже не читая завѣщанія. Мы его спрашиваемъ: читали ли вы? „Нѣтъ, не помню". Какъ же браться утверждать завѣщаніе, не читавъ его? Я думаю, изъ одного этого вы видите, что тѣ, которые выдумали это, просто смѣются надъ нами; но я думаю, что мы будемъ поумнѣе тѣхъ, которые полагаютъ, что мы повѣримъ такимъ глупостямъ, чтобъ женщина, 40 дней не развертывая завѣщанія, отдала повѣренному, а тотъ, не посмотрѣвъ, взялъ для засвидѣтельствованія. Да гдѣ же это такъ бываетъ на свѣтѣ? Она говоритъ, что была въ великомъ горѣ. Положимъ,

что въ первые дни; но всякое горе проходитъ. Нисколько не оскорбляя ея чувствъ, я думаю, что она не была въ такомъ горѣ, которое свойственно слишкомъ молодымъ натурамъ. Она, какъ видно изъ показаній свидѣтелей, присутствовала при опечатываніи кабинета мужа. Можно часто быть обманутымъ собственными глазами, слухомъ; но логика не можетъ обмануть. А въ этомъ-то показаніи логика и обнаруживаетъ ложь. Если вы не взяли завѣщанія, то, значитъ, вамъ не могли его дать, а если вы взяли завѣщаніе, значитъ прочитали его. Теперь она знаетъ, что давность прошла, и она показываетъ другое: „Да, я читала его; но, давая прежнее показаніе, я была напугана“. Вы видѣли и слышали, какъ она здѣсь отвѣчала, могли убѣдиться, что у ней есть достаточно самообладанія и энергіи. Такимъ образомъ выводъ мой таковъ, что первое показаніе ея ложь, и второе — тоже ложь. Изъ этого ясно, что завѣщанія не было, и что Александръ Мясниковъ привезъ ей завѣщаніе сфабрикованное, затѣмъ поѣхалъ, чтобы представить его къ утвержденію, а вся эта исторія выдумана только для прикрытія. Мнѣ кажется, что если вы сознаете это — а это такъ просто, ясно, логично — тогда весь вопросъ разрѣшается. Вотъ кульминаціонный пунктъ дѣла: завѣщаніе подложно.

Затѣмъ — кто сдѣлалъ подложное завѣщаніе, кто его подписалъ, какіе тутъ были мотивы? Все это, по мнѣнію моему, второстепенные вопросы. Для насъ достаточно знать, что Мясниковъ составилъ завѣщаніе или самъ, или черезъ другихъ, а насчетъ мотивовъ, если тутъ, можетъ быть, и были причины, которыя смягчаютъ вину, то его дѣло представить ихъ, а не наша обязанность розыскивать ихъ. Тѣмъ не менѣе, я приступлю къ разбору такихъ фактовъ, которые указываютъ, что были серьезные мотивы; наконецъ, укажу на другіе факты, которые имѣютъ уже положительное значеніе, которые служатъ важнымъ подкрѣпленіемъ къ тому, что завѣщаніе дѣйствительно подложное.

Въ первый день послѣ смерти Бѣляева, кабинетъ его не

былъ опечатанъ. Мясниковы не сознаются, что они обчистили кабинетъ: они говорятъ, что только взяли собственныя дѣла, дѣйствительно находившіяся въ распоряженіи Бѣляева. Они обращаются къ Бѣляевой за позволеніемъ взять дѣло, и она даетъ это разрѣшеніе. Затѣмъ является полиція и накладываетъ печати. Еслибъ было завѣщаніе, то печатей не накладывали бы: наслѣдники налицо. Какимъ же образомъ Мясниковы се не спросили, нѣтъ ли у нея завѣщанія? Далѣе мы видимъ, что о существованіи завѣщанія въ теченіе нѣсколькихъ недѣль никто не говорилъ. Между тѣмъ, тогда къ Бѣляевой адресовались и полиція и всѣ имѣвшія дѣла съ ея мужемъ, на что есть несомнѣнныя данныя. Не говоря о массѣ свидѣтельскихъ показаній, удостовѣряющихъ, что не было завѣщанія, напримѣръ, показанія Китаева, Махлевой и проч., вообще ни изъ чего не видно, чтобъ въ теченіе нѣсколькихъ дней проглянуло, что есть завѣщаніе. Вдругъ, черезъ нѣсколько дней заговорили, что есть завѣщаніе. Вотъ цѣлый рядъ фактовъ. Что намъ за дѣло, что кто-нибудь изъ свидѣтелей сказалъ ложь! Намъ достаточно двухъ или трехъ, которые говорили, что знали, что не было завѣщанія и о немъ вдругъ заговорили. Переходя къ другимъ фактамъ, мы находимъ прежде всего сознаніе Караганова. Г. прокуроръ подробно разбиралъ положеніе Караганова, и жизнь его, и отношенія къ Мясниковымъ. Карагановъ сказалъ, что онъ подписалъ завѣщаніе. Его показаніе весьма вѣрно доказываетъ его прямоту, искренность. Наконецъ, мы должны обратить вниманіе на манеру, которая должна была быть употреблена Мясниковымъ при составленіи фальшиваго завѣщанія. Есть, господа, старое правило, которому слѣдовали римляне, выражающееся въ формулѣ: Divide et impera — раздѣляй и повелѣвай. Мясниковъ дѣйствовалъ на основаніи этого правила. Здѣсь идетъ дѣло не о подлогѣ топорной работы: здѣсь дѣло очень тонкое, люди были тонкіе, и, можетъ быть, за плечами ихъ стояли люди несравненно болѣе тонкіе, которые говорили, какъ надо дѣйствовать. Поэтому, напримѣръ, мы не видимъ ничего подобнаго тому, чтобъ

всѣ вмѣстѣ собрались и подписали. Невозможно себѣ представить, чтобъ свидѣтели, какъ Сицилинскій и Отто, участвовали въ такомъ дѣлѣ. Какъ ни близокъ Карагановъ, но и его боялись, что онъ можетъ выдать; поэтому онъ просто дѣлалъ какую-то подпись, а для чего—не можетъ сказать. Довольно трудно найти преступника, когда преступленіе сложное. Одинъ человѣкъ сдѣлалъ подпись безъ всякаго текста; Целебровскій пишетъ текстъ, но онъ можетъ послѣ сказать, что писалъ только текстъ, и кто послѣ сдѣлалъ подпись, онъ не зналъ. Затѣмъ къ свидѣтелямъ обращаются съ текстомъ и подписью, и, какъ г. прокуроръ развивалъ, Сицилинскій и Отто, хотя могли быть, и вѣрно были, люди почтенные, однако, они могли дать свои подписи, зная, что Бѣляевъ хотѣлъ отдать все состояніе женѣ.

Изъ обвинительнаго акта вы знаете, что одному изъ свидѣтелей, Отто, говорятъ, что на завѣщаніи формальности какой-то недостаетъ. Вы встрѣтите немало людей, которые считаютъ подпись свидѣтелей на завѣщаніи одною формальностью, тѣмъ болѣе, что постановленіе о необходимости свидѣтеля на завѣщаніи, признано далеко не во всѣхъ другихъ законодательствахъ, а потому могутъ и найтись люди, которыхъ нетрудно склонить къ подписи завѣщанія по смерти завѣщателя. Изо всего видно, что составитель завѣщанія принялъ свои мѣры. По закону, лица, которыя подписываются свидѣтелями, призываются въ гражданскую палату для того, чтобы утвердить, что дѣйствительно завѣщатель былъ въ здравомъ умѣ и вручилъ лично завѣщаніе для подписанія. Здѣсь видна предосторожность тонкая: на завѣщаніи написаны всѣ требуемыя закономъ формальности, которыя совершаются въ палатѣ или въ окружномъ судѣ. Это, мнѣ кажется, сдѣлано съ разсчетомъ. Еслибъ такого свидѣтеля, какъ Отто, спросили: „при жизни ли Бѣляева подписали вы завѣщаніе?“ Отто могъ бы сказать: „нѣтъ, послѣ смерти“,—и все бы рухнуло.

Затѣмъ я не могу пропустить нѣкоторыхъ изъ свидѣтельскихъ показаній, которыя даны здѣсь, на судѣ. Я буду го-

ворить о тѣхъ, которыя только даны противъ гражданскихъ истцовъ. Эти показанія были направлены къ тому, чтобы поколебать въ вашихъ глазахъ вѣру въ правоту и честность гражданскихъ истцовъ. Но мнѣ кажется, что вы не попадетесь на эту удочку. Дѣло въ томъ, что еслибъ истцы дѣйствовали не только неблаговидно, но даже преступно, то въ этомъ они будутъ виновны предъ закономъ, но отъ этого завѣщаніе подложное не сдѣлается настоящимъ. Но я утверждаю, что вовсе не видно, чтобъ они дѣйствовали противозаконно. Ижболдинъ, какъ извѣстно, пріѣхавъ изъ Сарапула, услышалъ, что имѣніе завѣщано людямъ могущественнымъ, богатымъ. Онъ поневолѣ бросается куда попало, напримѣръ къ камердинеру Китаеву; тотъ, другой говорятъ ему объ этомъ дѣлѣ. Развѣ призвать свидѣтеля можно прежде, чѣмъ склонять его не для ложнаго показанія, а чтобы онъ былъ такъ добръ—явился, когда позовутъ? Германъ, между прочимъ, когда узнаетъ, что какая-то женщина живетъ въ домѣ, гдѣ онъ жилъ, и что она говорила что-то о фальшивомъ завѣщаніи Бѣляева, тогда уже обращается къ ней, чтобы она позволила признать ее свидѣтельницей. Это торопливость, неумѣлость, если хотите; но тутъ нѣтъ ничего преступнаго. Изъ того, что Ижболдинъ далъ довѣренность какому то еврею за двѣ тысячи рублей на половину наслѣдства, видно только, что онъ находился въ весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ, а человѣку въ такихъ обстоятельствахъ двѣ тысячи рублей дороже, чѣмъ послѣ изъ 500,000 двѣсти пятьдесятъ тысячъ. Я думаю, гг. присяжные засѣдатели, что на васъ произвелъ нѣкоторое впечатлѣніе въ этомъ отношеніи свидѣтель Шевелевъ, который два раза сюда являлся. Онъ былъ вызванъ потому, что написалъ Ижболдину письмо, такъ какъ служилъ въ конторѣ Мясникова. Здѣсь онъ говорилъ, что будто его подкупили, чтобы онъ написалъ письмо, и за это ему дали денегъ. Шевелевъ дѣйствительно могъ написать чего не зналъ; но то, что онъ написалъ, оправдывается показаніями другихъ свидѣтелей. Чѣмъ объяснить это дѣйствіе? На его показаніе

я обращаю ваше серьозное вниманіе. Чѣмъ свидѣтель гарантируетъ васъ? Присягой, вѣрою, совѣстью, отвѣтственностью передъ закономъ и страшнымъ судомъ. Кто такой Шевелевъ? Бывшій отставной поручикъ, служилъ въ коммунѣ, приговоренъ къ смертной казни, а потомъ версальскимъ судомъ—къ депортаціи. Вамъ извѣстно, что такое коммуна. Разбой, какого міръ не видалъ! Это было даже не крайнее либеральное движеніе, а разграбленіе. Въ Парижѣ выступали на сцену всѣ сатанинскіе элементы, всѣ противообщественныя силы, которыя задумали воспользоваться разстроеннымъ положеніемъ Франціи, чтобы все поставить на карту,—на какой то воровской вабанкъ. Пашъ Шевелевъ не послѣдній человѣкъ въ этомъ движеніи противъ религіи, собственности и общественнаго порядка. По выраженію одного государственнаго человѣка, еслибъ коммуна не была подавлена такъ скоро, въ самомъ началѣ, и еслибъ ее накрыть колпакомъ и оставить въ покоѣ, то черезъ годъ члены ея, какъ свиньи, другъ друга переѣли бы.—Но обращаюсь опять къ Шевелеву. Станете ли вы вѣрить совѣсти его, когда онъ самъ сказалъ насчетъ совѣсти, что цѣль оправдываетъ средства? Онъ, между прочимъ, знакомъ съ Нечаевымъ; а намъ извѣстна теорія Нечаева на счетъ совѣсти. Такимъ образомъ, совѣсть его ничего не гарантируетъ. Есть еще страхъ отвѣтственности. Но у него такъ много грѣховъ передъ закономъ, что едва ли есть серьозная опасность дать лживое показаніе. Отвѣтственность передъ страшнымъ судомъ? Не думаю, чтобы защита сказала, что Шевелевъ такихъ убѣжденій, что можетъ остановиться передъ этою отвѣтственностью. Укажу еще одну причину къ недовѣрію. Есть ложь капитальная въ его показаніи. Онъ говоритъ, что далъ письмо въ октябрѣ, а 4-го апрѣля не могъ дать. Вспомните, какой это день—день покушенія на жизнь Государя Императора. Его спросилъ г. прокуроръ: „При чемъ же тутъ 4-е апрѣля? Чѣмъ оно помѣшало написать письмо?„ Онъ отвѣчалъ: „Это былъ день овацій; я ходилъ на площадь“. Этотъ то Шевелевъ, который былъ въ

коммунѣ, ходилъ на площадь! (Въ публикѣ смѣхъ. Предсѣдатель останавливаетъ ее). Зачѣмъ онъ теперь измѣнилъ показаніе? Помните, онъ сказалъ тогда, что подписалъ бумагу, которая лжива, чтобъ достать денегъ. Я его спросилъ: какое теперь ваше положеніе? Онъ понялъ намекъ, что его положеніе, можетъ быть, такое же теперь, и отвѣчалъ: „Я герметически закупоренъ въ ожиданіи чего-нибудь". Кто знастъ, отъ кого ему больше ожидать? Безъ сомнѣнія, отъ Мясниковыхъ. Но я думаю, что эта причина дѣйствительно ничтожная; а вотъ что важно: это человѣкъ противообщественный. Что для него судъ, судьи, вы—народъ, осужденный къ истребленію. Онъ пріѣхалъ и насмѣялся надъ нами: они ожидали меня, предполагали, какое я буду давать показаніе, какихъ лицъ изобличу; такъ вотъ же вамъ: нѣтъ, неправда, не знаю ничего. Онъ не сказалъ, что ему далъ деньги Ижболдинъ, а сказалъ, что ему далъ деньги Сысоевъ, человѣкъ довольно извѣстный многимъ изъ насъ, приказный стряпчій. Сысоевъ положительно сказалъ, что не давалъ ему денегъ. Затѣмъ Шевелевъ сказалъ, что послѣ того пріѣзжалъ и деньги отдалъ. Отчего же онъ не потребовалъ письма? Да они обѣщали. Онъ отдалъ деньги?! Ужъ это совершенно не по теоріи. Еслибъ онъ хотѣлъ уничтожить письмо, то онъ могъ бы отовсюду написать, что заявленіе написано имъ подъ диктовку, ложно, и потребовать письмо. Вотъ каковъ этотъ человѣкъ, который могъ занять васъ нѣкоторое время! Эти лица заставляютъ чувствовать вмѣстѣ и содраганіе и смѣхъ, когда глядишь на нихъ; но это впечатлѣніе любопытства, и я не думаю, чтобъ оно оставило въ васъ серьозные слѣды. Я опускаю показанія другихъ свидѣтелей на слѣдующемъ основаніи: я сказалъ, что положу въ основаніе обвиненія вѣроятность и сознаніе, и при этомъ всѣ показанія свидѣтелей, всѣ обстоятельства дѣла являются очень простыми. Если какое показаніе подходитъ къ этой рамкѣ, значитъ оно вѣрно; защита станетъ утверждать, что нѣтъ, оно не вѣрно; пускай оно отпадаетъ, а сердцевина все таки остается.

Мнѣ остается вамъ сказать еще нѣсколько словъ объ исторіи этого преступленія и его открытіи. Вы можете себѣ представить, что преступленіе содѣяно людьми тонкими, такъ что роли хорошо раздѣлены. Откуда же вдругъ являются слухи? Какимъ образомъ это могло произойти, когда даже роли систематически раздѣлены? Здѣсь я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній, заимствованныхъ отъ одного историка, весьма замѣтнаго, какъ психолога. Фактъ почти всѣмъ извѣстный: если вы потрудитесь припомнить, то нѣтъ такого событія, въ особенности переворота, какъ бы онъ ни былъ тайно задуманъ, чтобъ о немъ не говорилъ народъ за два дня. Мнѣ разсказывалъ старый кавказскій генералъ, когда бывало назначатъ экспедицію въ строжайшей тайнѣ, всѣ начальники молчатъ, а за два дня кашевары знаютъ уже, что будетъ экспедиція. Я представлю примѣръ изъ послѣдней исторіи Франціи. Когда Карлъ X задумалъ отставить либеральныхъ министровъ и произвести перемѣны въ духѣ ретроградномъ, онъ никому не говорилъ объ этомъ до минуты отставки министровъ; но за три дня уже весь Парижъ говорилъ объ этомъ. Чѣмъ объяснить такое явленіе? Человѣкъ, у котораго есть рѣшимость на большое дѣло, какъ бы онъ ни былъ сосредоточенъ, можетъ и не сказать никому, но всѣ какъ-то чувствуютъ, что у него что то особенное на умѣ: не въ обыкновенное время завтракаетъ, не на тѣ предметы обращаетъ вниманіе, задумавшись какъ нибудь броситъ взглядъ на оружіе, швырнетъ книгою. Изъ мимолетныхъ явленій и выносятъ окружающіе такое впечатлѣніе: что-то задумано. Вглядѣвшись въ личность, опредѣляютъ, въ какомъ духѣ она должна дѣйствовать. Точно то же видно въ явленіяхъ частной жизни. Не было завѣщанія, Что же начинаютъ дѣлать? Очищать кабинетъ. Целебровскій ходитъ; Карагановъ призывается. Вотъ и пошли слухи, какъ объяснилъ одинъ умершій свидѣтель— Шмелевъ. Въ Мясниковѣ проглядываетъ рѣшимость во всемъ,— и вдругъ является завѣщаніе. Тогда всѣ говорятъ: „вотъ что затѣвалось„. Все было сдѣлано тонко, никто не говорилъ; но

изъ ходовъ, переходовъ, шептанья и замиранья выходило, что нѣчто затѣвается. Такимъ образомъ становится понятнымъ, почему вдругъ заговорили о подложности завѣщанія. Послѣ могли быть прикрасы, чудовищныя даже; но мы видимъ, что вездѣ—и въ домѣ Бѣляева, и въ домѣ Мясниковыхъ—говорятъ объ этомъ. Вы знаете, что Китаевъ слышалъ, Іонинъ слышалъ объ этомъ; наконецъ слухъ проникъ и въ Витебскую губернію, гдѣ одинъ изъ Мясниковыхъ имѣетъ заводъ. Что-то пронеслось въ самомъ воздухѣ. Изъ обвинительнаго акта видно, какъ Обольянинова, бывшая въ связи съ А. Мясниковымъ...

Предс. Г. повѣренный гражданскихъ истцовъ, прошу васъ не ссылаться на то, что не было предметомъ судебнаго слѣдствія.

Г. Лохвицкій Я ссылаюсь на обвинительный актъ....

Предс. Обвинительный актъ подлежитъ провѣркѣ на слѣдствіи; здѣсь же жена Караганова отказалась дать показаніе.

Г. Лохвицкій. Оставляю это. И такъ, вотъ какъ возникъ слухъ. Послѣ прибавлено многое другое, что вѣроятно, не существовало; но вы знаете поговорку: „даютъ взаймы только богатымъ“. Разъ установилось, что преступленіе сдѣлалъ Мясниковъ, могли затѣмъ и прибавлять. Такова исторія открытія фальшиваго завѣщанія. Само собою должно было сдѣлаться такъ, что, когда пріѣхалъ Мясниковъ онъ засталъ эти слухи; затѣмъ явился Ижболдинъ; прислуга ему разсказала, указывала на того, другаго, третьяго. Начинается дѣло. Впрочемъ, до формальнаго слѣдствія прошло почти 10 лѣтъ; но слухи были собраны, и оказались достаточныя основанія, съ прибавкою открытыхъ слѣдствіемъ обстоятельствъ, къ преданію Мясниковыхъ суду.

Обращая вниманіе на мотивы, по которымъ дѣйствовалъ Мясниковъ, я уже объяснилъ, гг. присяжные засѣдатели, что, конечно, весьма хорошая вещь знать мотивы всего; но собственно для обвиненія, особенно со стороны гражданскихъ истцовъ, этого не нужно. Какое намъ дѣло до того, чѣмъ руководствовались Мясниковы? Вы слышали, что защита со-

бираетъ какія-то цифры. Конечно, она хочетъ показать, что у Бѣляева было очень мало состоянія, такъ что не стоило дѣлать подложнаго завѣщанія. Припомните одну такого рода фразу Александра Мясникова, на вопросъ о подложности сохранной росписки въ 272,000 руб. Онъ отвѣчалъ, что Мясниковы не дошли еще до того, чтобы дѣлать подлогъ за 272,000 рублей. Этой гордости, конечно, нельзя назвать римскою, потому что онъ не говорилъ, чтобы Мясниковы вообще были неспособны къ подлогу: изъ его словъ только выходитъ, что 272,000 рублей, сравнительно съ ихъ капиталомъ, не такая значительная сумма, чтобы изъ-за нея стоило сдѣлать подлогъ. Слѣдовательно, можно думать, что вопросъ не въ этомъ: они могли вѣдь и ошибиться въ цифрѣ. Какое намъ дѣло до того, что у нихъ было на умѣ. Достаточно знать, что они сдѣлали преступленіе въ здравомъ разсудкѣ, такъ что, повторяю, если мотивы, которые я указалъ, не понравятся, вы можете ихъ отбросить. Г. прокуроръ указывалъ на общія дѣла Бѣляева съ Мясниковыми. Я признаю вѣроятность всего этого. но думаю, что такъ далеко не нужно заходить, чтобы не оставить хвостовъ, за которые могла бы схватиться защита, чтобы отвлечь ваше вниманіе отъ кульминаціоннаго пункта, доказывая, будто все дѣло въ разсчетахъ. Вопросъ въ томъ: былъ ли интересъ? Былъ. Какой? Во-первыхъ, въ тѣхъ 272.000, цифрѣ весьма почтенной. Есть нѣкоторыя основанія думать, что эта росписка подложная. Положимъ, однако, что не подложная.

Можно сдѣлать много предположеній насчетъ этой росписки. Можетъ быть, Бѣляевъ уплатилъ по ней и получилъ ее обратно, а Мясниковъ опять взялъ въ числѣ бумагъ, которыя перетащилъ изъ кабинета Бѣляева. Но дѣло въ томъ, что Бѣляева сознавала, когда дѣлала поручительную надпись, что росписка незаконная. Въ прочитанномъ здѣсь прошеніи ея въ управу благочинія сказано, что росписка юридически неправильная и такая, которая не подлежитъ исполненію. Я усматриваю изъ словъ одного защитника, что защита хочетъ пред-

ставить, что прошеніе писала не она, а одинъ изъ повѣренныхъ, который и написалъ тѣ слова. Но дѣло въ томъ, что когда писалось это прошеніе, росписки уже не существовало. Въ прошеніи сказано, что Мясниковъ показалъ ее Бѣляевой, потомъ изорвалъ. Почему повѣренный могъ написать, что Мясниковъ показалъ какую-то невѣдомую росписку, которая по формѣ и содержанію незаконна? Потому что она ему сообщила содержаніе росписки. И такъ, у Мясниковыхъ были росписки, которыя могли ничего не значить; если онѣ были подложныя—тѣмъ хуже. Я не останавливаюсь на этомъ предположеніи и перехожу къ тому обстоятельству, что Мясниковъ сообщилъ, что говорилъ Бѣляевой о сохранной роспискѣ еще при жизни ея мужа. Но тутъ Бѣляева осадила его, сказавъ, что ничего подобнаго не слышала. Сверхъ того я полагаю, что еслибъ явились другіе наслѣдники, то Мясниковы не получили бы ничего по сохранной роспискѣ, такъ какъ она не соотвѣтствовала требованіямъ закона; къ тому же, такъ какъ они забрали всѣ бумаги изъ кабинета Бѣляева, то могли сказать, что они взяли и эту росписку оттуда. И такъ, 272,000 рублей! Вотъ что составляетъ первый мотивъ. Весьма вѣроятно, что были и другія побужденія, напримѣръ: участіе Мясниковыхъ съ Бѣляевымъ въ откупахъ. Сверхъ того, они вѣдь забрали бумаги Бѣляева. Въ числѣ бумагъ могли быть многія важныя для нихъ, изъ которыхъ они могли извлечь серьозную пользу, если только эти бумаги касались исковыхъ дѣлъ. Наконецъ, развѣ не могли наслѣдники заявить, что въ числѣ бумагъ взяты и такія-то цѣнности? Это одно, не говоря объ откупахъ и сохранной роспискѣ, составляло весьма солидный интересъ, который могли преслѣдовать Мясниковы въ этомъ преступленіи.

Теперь, гг. присяжные засѣдатели, я позволю себѣ представить вамъ, на основаніи того, что я сказалъ, картину того, какъ двигалось это преступленіе. Я сказалъ, что логика доказываетъ, что завѣщанія не было. Мясниковы вывезли изъ кабинета Бѣляева всѣ бумаги къ себѣ; можетъ быть нашли

тутъ сохранную росписку, и имъ пришло въ голову второй разъ получить деньги по этой роспискѣ; можетъ быть у нихъ была росписка, по которой они, конечно, желали получить деньги. Вотъ они составляютъ завѣщаніе. Посмотримъ, какъ они дѣйствовали, когда умеръ Бѣляевъ. Онъ былъ купецъ; жена его, по происхожденію дворянка, родственница Мясниковымъ. Въ ихъ жилахъ течетъ дворянская кровь по матери— родной сестрѣ Бѣляевой. Извѣстно, что дворянки, въ особенности вышедшія замужъ за купцовъ, любятъ охранять свое дворянское достоинство. Бѣляева особенно любила Мясниковыхъ, а родни мужа, напримѣръ его сестру, даже на глаза не пускала. Поэтому, хотя бы у ней были 4 милліона, она ихъ отдала бы скорѣе Мясниковымъ, а не Мартьяновой, у которой нѣтъ башмаковъ! Это довольно общая черта. Вотъ Мясниковъ и говоритъ ей: „Вмѣсто того, чтобы имѣніе досталось Богъ знаетъ кому, передайте его намъ“. У нея дѣтей нѣтъ; она соглашается довольно легко, чтобъ имѣніе осталось въ дворянскомъ родѣ. Здѣсь Бѣляева сказала вамъ, что не считала сохранной росписки юридически законною, но по долгу чести хотѣла заплатить по ней деньги, даже изъ своего имѣнія. Не думаю, чтобъ дѣло могло заходить такъ далеко, чтобы она рѣшилась поступиться своимъ имѣніемъ. Тогда еще Бѣляева не узнала, каково состояніе, оставленное мужемъ. Почему она узнала, что росписка не уплачена или, что состояніе Бѣляева таково, что осталось довольно для уплаты? Платить изъ своего имѣнія этотъ долгъ — это уже черезчуръ сильно! Посмотримъ теперь, какъ дѣйствовалъ Мясниковъ. Онъ, по его словамъ, получаетъ завѣщаніе для представленія къ утвержденію и требуетъ, чтобы Бѣляева подписалась на роспискѣ поручительницею, потому что онъ могъ думать, когда будетъ утверждено завѣщаніе, что она ничего не дастъ и еще будетъ искать съ нихъ за то, что они шарили въ кабинетѣ ея мужа. Когда поручительство на роспискѣ есть и завѣщаніе утверждено, онъ обращается къ Бѣляевой и предлагаетъ ей отдать имъ свое имѣніе: „вотъ сохранная росписка, еще да-

дымъ 120,000 р.; а вы отдайте намъ имѣніе; оно больше не стоитъ". Еще прошу васъ обратить вниманіе на то, что когда здѣсь говорилось о сохранной роспискѣ, обнаружилось, что она была выдана двумъ братьямъ, Александру и Ивану Мясниковымъ, что въ поручительной надписи Бѣляевой было сказано не то, что она поручилась послѣ смерти мужа, а употреблено выраженіе: „росписка выдана съ участіемъ въ томъ моимъ". Александръ Мясниковъ, какъ видно изъ ея показанія, когда она передала ему все состояніе, эту росписку разорвалъ, потому что она съиграла свою роль, ее оставлять на свѣтѣ не слѣдовало; нельзя было ни хранить у себя, ни отдать въ руки Бѣляевой, чтобъ она, при ссорѣ, не показала кому-нибудь этой росписки. Такъ я понимаю тотъ путь, которымъ двигалось преступленіе. Оно, какъ мнѣ кажется, доказано до очевидности, осуществилось, было обдумано хладнокровно, не безъ искусства, но разсчитано на прежніе судебные порядки. Полководецъ, составившій этотъ планъ, привыкъ сражаться при прежнихъ судебныхъ порядкахъ, и тогда онъ непремѣнно выигралъ сраженіе, и въ искѣ отказали бы. Дѣйствительно, девять лѣтъ не назначалось слѣдствія, и только съ открытіемъ настоящихъ судебныхъ установленій, оно могло быть начато. Такъ какъ я предъявляю искъ къ обоимъ братьямъ Мясниковымъ, обвиняю ихъ обоихъ то я долженъ замѣтить, что до сихъ поръ я говорилъ объ одномъ Александрѣ Мясниковѣ. Но не только по моей обязанности, въ силу той довѣренности, которую я имѣю въ интересахъ довѣрителей, но и по совѣсти, я долженъ преслѣдовать обоихъ братьевъ. Я думаю, что было бы несправедливо, еслибъ человѣкъ болѣе искусный ускользалъ отъ отвѣтственности и оставался виновнымъ только менѣе искусный. Иванъ Мясниковъ, по моему мнѣнію, виновенъ даже болѣе.

Росписка написана на имя обоихъ, и даже Бѣляева говоритъ, что должна была выдать, до ввода во владѣніе, довѣренность на управленіе имѣніемъ тому изъ братьевъ, кого они выберутъ по взаимному соглашенію. Слѣдовательно, Иванъ

Мясниковъ не игралъ пассивной роли. Изъ письма баронессы Притвицъ, его сестры, видно, что въ семейныхъ разсчетахъ онъ, какъ будто главное лицо. Къ нему, напримѣръ, обращались съ вопросомъ: „Почему не доставляетъ Бѣляевъ, который былъ попечителемъ, денегъ"? Я опять употребляю логическій пріемъ, который употребилъ сначала. Ивана Мясникова, не смотря на то, что я говорилъ, вы можете не признать виновнымъ въ томъ случаѣ, если признаете, что Александръ Мясниковъ былъ героемъ въ преступленіи, выдумалъ его и совершилъ, принимая всю отвѣтственность на себя, и что брата онъ такъ холилъ, лелѣялъ, чтобъ ничего не дохнуло на него. Но такой выводъ весьма далекъ отъ истины. Если бы вы пришли къ заключенію, что Иванъ Мясниковъ такъ неразвитъ, что изъ всего окружающаго не могъ понять, что совершается преступленіе, то вы должны оправдать его; если же вы составили себѣ о немъ другое мнѣніе, то должны придти къ заключенію, что въ настоящемъ преступленіи одинъ—рука, а другой—голова.

Въ заключеніе, гг. присяжные засѣдатели, послѣ того, что говорилъ г. прокуроръ, мнѣ остается прибавить только одно: что защита васъ будетъ отвлекать въ лѣсъ цифръ, разсчетовъ, различныхъ свидѣтельскихъ показаній, не имѣющихъ существеннаго значенія; на какомъ-нибудь отдѣльномъ пунктѣ защита легко можетъ одержать побѣду. Но я бы просилъ объ одномъ: не увлекаться этимъ; съ прямой дороги не нужно сходить. Если только вы приняли то убѣжденіе, которое я развилъ, что логика доказываетъ, что завѣщаніе поддѣлано Мясниковыми, а не кѣмъ другимъ, тогда защита, если желаетъ сражаться серьозно, должна нападать на этотъ пунктъ. На немъ-то долженъ быть разрѣшенъ вопросъ.

Повѣр. гражд. истц. прис. повѣр. Остряковъ. Къ тому, гг. присяжные засѣдатели, что было сказано г. прокуроромъ и моимъ товарищемъ по защитѣ, мнѣ остается прибавить слишкомъ немного. Но прежде чѣмъ я приступлю къ своимъ объясненіямъ, я считаю долгомъ оговориться.

Въ качествѣ представителя гражданскаго иска, я не считаю себя въ правѣ обвинять кого-нибудь изъ подсудимыхъ. Дѣло идетъ о фальшивости духовнаго завѣщанія. Это главный и существенный вопросъ, и мои объясненія будутъ ограничиваться лишь однимъ этимъ предметомъ. Законъ, какъ по уголовному, такъ и по гражданскому судопроизводству, устанавливаетъ извѣстные пріемы для изслѣдованія подлинности заподозрѣннаго акта. Конечно, гг. присяжные засѣдатели, вы рѣшите дѣло по внутреннему убѣжденію, по внушенію вашей совѣсти. Но мнѣ кажется, что не безполезно имѣть въ виду и тѣ указанія, которыя дѣлаетъ законъ въ этомъ отношеніи, и прослѣдить тѣ факты, которые представляются въ дѣлѣ. Законъ прежде всего, при заподозрѣніи извѣстнаго акта въ подложности, предписываетъ освидѣтельствованіе его. Подъ словомъ „освидѣтельствованіе", разумѣется обозрѣніе внѣшнихъ его признаковъ. Изъ предъявленнаго вамъ духовнаго завѣщанія вы могли усмотрѣть, что оно написано менѣе чѣмъ на одной страницѣ, что начинается оно довольно сжато, середина его написана разгонисто. Затѣмъ слѣдуетъ подпись переписчика Целебровскаго. Послѣ этого слѣдуютъ очень сжато слова: „что такова моя послѣдняя воля, въ томъ собственноручно подписуюсь", и за тѣмъ слѣдуетъ подпись: „Козьма Бѣляевъ". Съ перваго взгляда на это духовное завѣщаніе, невольно рождается вопросъ: какая причина побудила переписчика Целебровскаго писать то сжато, то разгонисто. Что была за причина, что послѣднія слова завѣщанія „что такова моя послѣдняя воля" и проч. приписаны къ самой подписи „Козьма Бѣляевъ"? Эта послѣдняя приписка по закону вовсе не требуется, болѣе чѣмъ не требуется: она, въ смыслѣ гражданскомъ, даетъ даже основательный поводъ къ спору о неформальности духовнаго завѣщанія, ибо эта приписка не оговорена переписчикомъ Целебровскимъ. Между тѣмъ, вы, гг. присяжные засѣдатели, видѣли, что самъ Бѣляевъ не только не лѣнился, но даже любилъ писать и писалъ много. Вы слышали изъ показаній свидѣ-

телей, что онъ писалъ по 40 писемъ въ день, что онъ не лѣнился даже надписывать адресы на конвертахъ. Тѣ бумаги, которыя лежатъ на столѣ вещественныхъ доказательствъ и которыя исходили отъ него, всѣ исписаны: его рукою. Кромѣ того, вы видѣли также тутъ клочекъ бумаги, на которомъ его рукою написано „что сіе духовное завѣщаніе дѣйствительно составлено: фр. куп. Козьм. Вас. Бѣляевъ“. Вы видите изъ этого, что завѣщатель думалъ составить завѣщаніе и даже собственною рукою написалъ ту форму, по которой должно было подписаться подъ завѣщаніемъ свидѣтелямъ. Вотъ что показываетъ прямо внѣшній обзоръ завѣщанія. Заключеніе изъ этого вы можете составить себѣ сами. Затѣмъ при изслѣдованіи подлинности заподозрѣннаго акта, законъ поставляетъ въ обязанность повѣрку его съ содержаніемъ другихъ документовъ. Въ этомъ отношеніи весьма для насъ важенъ тотъ лоскутокъ бумаги, на который преимущественно указываютъ защитники подсудимыхъ. На этомъ лоскуткѣ бумаги, написано собственною рукою Бѣляева: „ей же женѣ моей предоставляю“ и т. д. Если вы сравните этотъ лоскутокъ бумаги съ текстомъ завѣщанія, подлежащаго вашему разсмотрѣнію, то вы увидите, что этотъ образецъ, который былъ составленъ Бѣляевымъ, не соотвѣтствуетъ редакціи завѣщанія. Бѣляевъ думалъ написать завѣщаніе не такъ, какъ оно на самомъ дѣлѣ написано. Я допускаю, какъ возможное, и то предположеніе, что завѣщатель, быть можетъ, составилъ завѣщаніе по тому образцу, который написанъ на этомъ клочкѣ бумаги, но что впослѣдствіи оно было уничтожено, и послѣ его смерти не осталось никакого завѣщанія. Это предположеніе становится тѣмъ вѣроятнѣе, что въ вашемъ виду то обстоятельство, на которое указывали защитники подсудимыхъ на судебномъ слѣдствіи, именно, что въ послѣднее время завѣщатель находился уже въ болѣе или менѣе холодныхъ отношеніяхъ къ Мясниковымъ и ему не могло быть неизвѣстнымъ, что отъ Бѣляевой имѣніе перейдетъ къ ея племянникамъ Мясниковымъ. И вотъ почему то завѣщаніе,

которое было составлено самимъ Бѣляевымъ, было, быть можетъ, имъ самимъ и уничтожено. Далѣе, законъ для изслѣдованія подлинности заподозрѣннаго акта указываетъ на допросъ свидѣтелей, на которыхъ или въ актѣ указано, или на которыхъ ссылаются стороны. Допросить тѣхъ свидѣтелей, которые подписались на завѣщаніи, подлежащемъ вашему разсмотрѣнію, въ настоящее время нѣтъ возможности; они умерли. Что касается до другихъ свидѣтелей, то изъ многихъ показаній вы могли убѣдиться, что въ день похоронъ завѣщателя сама Бѣляева и нѣкоторые изъ участвовавшихъ на похоронахъ говорили, что завѣщанія нѣтъ; оно открылось впослѣдствіи. Повторять въ подробности выслушанныя здѣсь показанія я считаю излишнимъ, потому что они изложены прокурорскимъ надзоромъ. Я укажу лишь на показаніе Караганова, являющагося, въ этомъ отношеніи, какъ-бы свидѣтелемъ по дѣлу. Не буду повторять того, что сказано о личности Караганова, о степени достовѣрности его показанія. Я только прибавлю, что въ то время, когда на судебномъ слѣдствіи возбуждено было нѣкоторое сомнѣніе въ состояніи умственныхъ способностей Караганова, когда экспертъ-спеціалистъ Дюковъ давалъ свое заключеніе, то на вопросъ, къ какому роду умопомѣшательства можно причислить умственное состояніе Караганова, онъ отвѣчалъ, что въ наукѣ еще не существуетъ такого вида помѣшательства, которое приписываютъ Караганову. Затѣмъ законъ предписываетъ сличеніе почерковъ и подписей на заподозрѣнномъ актѣ съ почеркомъ и подписью на другихъ несомнѣнныхъ актахъ. Сличеніе почерка производилось на судѣ 16-ю экспертами. Всѣ они подпись на духовномъ завѣщаніи единогласно признали подложною, сдѣланною искусною, но не смѣлою рукою. Нельзя не обратить вниманія еще на другаго рода экспертовъ, нами выслушанныхъ, на показанія тѣхъ лицъ, которыя или служили у Бѣляева, или были съ нимъ знакомы и знали его почеркъ, и которыя удостовѣрили: одни, что подпись на завѣщаніи не схожа съ несомнѣнною подписью Бѣляева, другіе — что она

схожа, но что представляется странною. Вотъ существо того, что говорятъ свидѣтельства, добытыя на судебномъ слѣдствіи. Повторяю: какое заключеніе изъ это сдѣлать— это зависитъ отъ васъ.

„Я бы могъ кончить на этомъ свои объясненія, если бы мнѣ не предстояла надобность дополнить нѣкоторыя замѣчанія, сдѣланныя прокурорскимъ надзоромъ, относительно состоянія, принадлежавшаго покойному Бѣляеву. На этотъ вопросъ обращала вниманіе ваше и защита. По этому предмету я долженъ сказать слѣдующее: представитель гражданскаго иска въ этомъ отношеніи поставленъ въ самое затруднительное положеніе. Можно говорить свободно, когда дѣло идетъ о какомъ-нибудь принципѣ. Но когда дѣло идетъ объ имуществѣ, когда нужно доказать цифру извѣстнаго состоянія, тогда единственное точное понятіе объ этомъ предметѣ можетъ быть основано лишь на книгахъ и документахъ, на счетахъ и т. п. Что такіе книги и документы велись у покойнаго Бѣляева, то это несомнѣнно. При тѣхъ предпріятіяхъ, которыя онъ велъ, при той аккуратности, которою онъ отличался, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что онъ книги велъ. Но этихъ книгъ послѣ смерти его не оказалось. Въ этомъ отношеніи г-жа Бѣляева дала самое категорическое показаніе, но не здѣсь, на судѣ, а въ томъ показаніи, которое она дала въ оффиціальномъ отзывѣ казенной палатѣ и которое было прочитано передъ вами во время судебнаго слѣдствія. Въ этомъ показаніи сказано, что всѣ книги, всѣ документы, всѣ пакеты, все было тотчасъ, послѣ смерти Бѣляева, изъ кабинета его вывезено Александромъ Мясниковымъ. Тѣмъ не менѣе изъ тѣхъ дѣловыхъ бумагъ, которыя отобраны отъ Мясниковыхъ, изъ тѣхъ свѣдѣній, которыя собраны по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ, защита старалась опредѣлить количество имущества Бѣляева. Я не считаю возможнымъ, ни доказать опредѣлительно, изъ этихъ данныхъ, подробности имущества покойнаго Бѣляева, ни обременять васъ подробнымъ цифирнымъ разсмотрѣніемъ всего того,

что имѣется въ дѣлѣ. Позволю себѣ возобновить въ вашей памяти лишь слѣдующее:

1. Бѣляеву принадлежала аренда Самосдѣльскихъ и Образцовскихъ рыбныхъ промысловъ. Защита объясняетъ, что въ этомъ имуществѣ ему принадлежала только треть, а двѣ трети Мясниковымъ, какъ видно изъ донесенія ихъ коммиссіи рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ. Но при этомъ донесеніи также видно, что Бѣляевъ, на уступку Мясниковымъ двухъ третей, намѣренъ былъ совершить компанейскій договоръ, который однако не совершилъ, а потому, по закону, рыбные промыслы принадлежали ему въ цѣломъ составѣ. Что касается до цѣнности ихъ, то изъ прошенія Трощинскаго въ сенатъ видно, что по его показанію Мясниковы уступили ему промыслы за 899,000 р., и Мясниковы не только не доказывали преувеличенности этой цифры, но еще заявляли, что Трощинскій, спустя пять дней послѣ передачи ему промысловъ, уступилъ ихъ Бутовичу за 1.080,000 руб. Защита представила еще документъ, что Мясниковы, спустя уже четыре года по смерти Бѣляева, когда оставалось меньшее число лѣтъ для аренды, въ условіи съ Трощинскимъ, цѣнили промыслы въ 382,000 р.

2. Мною представлено въ окружной судъ удостовѣреніе 1-го департамента сената о томъ, что тамъ производится слѣдствіе о пропажѣ дѣла, заключавшаго въ себѣ подлинныя доношенія, при которыхъ Бѣляевъ представлялъ залоги, для того, чтобы имѣть право участвовать въ торгахъ на откупа въ 1858 г. Когда судебный слѣдователь потребовалъ къ себѣ это дѣло, то оно оказалось пропавшимъ.

3. Независимо-отъ того, Бѣляевъ имѣлъ мебельный магазинъ, проданный Иваномъ Мясниковымъ за 27,500 р., лѣсную торговлю, участіе въ золотыхъ пріискахъ и откупахъ. Г. прокуроръ далъ по этому предмету подробныя объясненія.

Вообще я долженъ замѣтить, что тѣ черновые счеты, на которые ссылается защита, не имѣютъ никакого значенія; они заключаютъ въ себѣ нѣкоторую отчетность по опекѣ

надъ состояніемъ Мясниковыхъ, которую имѣлъ Бѣляевъ, но онъ имѣлъ самъ общія дѣла съ Мясниковыми и независимое свое состояніе. Почему мы знаемъ, что по этимъ дѣламъ Мясниковы сами были должны Бѣляеву, а книгъ, имъ веденныхъ, и документовъ при дѣлѣ нѣтъ.

Затѣмъ слово дано было защитнику А. Мясникова.

Прис. пов. Арсеньевъ. Я долженъ, прежде всего, обратиться къ г. предсѣдателю съ просьбою, позволить мнѣ исправить одно заявленіе, сдѣланное первымъ повѣреннымъ гражданскихъ истцовъ. Хотя заявленіе это выходитъ изъ предѣловъ судебныхъ преній, такъ какъ касается предмета, который не былъ изслѣдованъ на судѣ, но въ виду равенства сторонъ, я считаю себя въ правѣ представить противъ него опроверженіе. Повѣренный гражданскаго истца утверждалъ, что слѣдствіе относительно Бѣляевой, прекращено по давности; между тѣмъ, сколько мнѣ извѣстно, слѣдствіе относительно Бѣляевой, прекращено судебною палатою по двумъ причинамъ: по давности и по недостаточности уликъ.

Предсѣд. Дѣйствительно, со стороны повѣреннаго гражданскаго истца, сколько я помню въ настоящее время, сдѣлано было заявленіе о томъ, что слѣдствіе въ отношеніи Бѣляевой прекращено за давностью, и подобное заявленіе, какъ совершенно правильно замѣтилъ защитникъ, выходило изъ предѣловъ судебныхъ преній, которыя должны ограничиваться только тѣмъ, что было разъяснено на судѣ. Затѣмъ въ имѣющемся при дѣлѣ опредѣленіи судебной палаты отъ 29-го ноября 1871 г. значится, что дѣло относительно Бѣляевой, привлеченной къ нему въ качествѣ обвиняемой, прекращено, но по какимъ причинамъ—на это указанія не имѣется. Слѣдовательно, заявленіе повѣреннаго гражданскаго истца о томъ, что слѣдствіе прекращено за давностью, никѣмъ въ этомъ опредѣленіи не удостовѣряется.

Г. Арсеньевъ. Я долженъ обратить вниманіе еще на одно заявленіе повѣреннаго гражданскихъ истцовъ. Въ дѣлѣ подобномъ настоящему, и безъ того запутанному и трудному, мы

должны избѣгать всего, что напрасно усложняетъ дѣло, и я никогда не позволилъ бы себѣ говорить о тѣхъ личныхъ взглядахъ и чувствахъ, съ которыми я взялся за защиту А. Мясникова, еслибы повѣренный гражданскихъ истцовъ не началъ свою рѣчь съ того, что защитѣ позволительно приниматься за дѣло, когда есть сомнѣніе, но обвиненіе—а повѣренный гражданскихъ истцовъ держалъ себя все время какъ обвинитель—должно быть принято только съ полнымъ убѣжденіемъ. Я смотрю совершенно иначе на этотъ вопросъ; но, не вдаваясь въ подробный разборъ его, я постараюсь только передать вамъ, гг. присяжные, мое убѣжденіе въ правотѣ этого дѣла, и если мнѣ это удастся, то задача моя будетъ исполнена. Я весьма благодаренъ г. представителю обвинительной власти за то, что онъ, по возможности, упростилъ дѣло, устранивъ бездну подробностей, вовсе не ведущихъ къ раскрытію истины. Еслибы пренія вращались въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ происходило судебное слѣдствіе; то, и безъ того утомительныя и продолжительныя, они сдѣлались бы безконечными. Я буду держаться совершенно той же системы, которая принята обвинительною властью, и постараюсь устранить всю массу разнообразныхъ и разнорѣчивыхъ свѣдѣній, не имѣющихъ ровно никакого значенія для настоящаго дѣла; я буду касаться ея лишь на столько, на сколько къ тому меня вынуждаетъ рѣчь перваго повѣреннаго гражданскихъ истцовъ. Если бы я хотѣлъ держаться другой системы защиты, еслибы вообще у защитника, сознающаго свое достоинство, могло быть когда нибудь желаніе—по выраженію одного изъ моихъ противниковъ—поддѣвать васъ на удочку, гг. присяжные засѣдатели, то, конечно, мнѣ выгоднѣе бы было говорить о томъ, что не идетъ прямо къ дѣлу, потому что въ этой массѣ ненужныхъ данныхъ есть свидѣтельства болѣе благопріятныя для защиты, чѣмъ для обвиненія; но я согласенъ идти тѣмъ путемъ, который указанъ г. прокуроромъ. Прежде всего надо замѣтить, что оба противника мои впадаютъ въ одно противорѣчіе съ самими собою: они гово-

рятъ, что нужно забыть обо всѣхъ тѣхъ свидѣтеляхъ, показанія которыхъ очевидно невѣрны и вызваны своекорыстными побужденіями, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ тотъ, такъ и другой, чрезвычайно много говорятъ объ одномъ изъ этихъ показаній, или, лучше сказать, объ одной изъ личностей, дававшихъ эти показанія, а именно о Шевелевѣ. Вы, конечно, замѣтили въ этихъ объясненіяхъ, какое-то странное противорѣчіе. Одно изъ двухъ: или Шевелевъ вовсе не заслуживаетъ вниманія—и въ такомъ случаѣ его надо оставить въ сторонѣ; или же показаніе его имѣетъ существенное значеніе—и въ такомъ случаѣ необходимо дать себѣ отчетъ, въ чемъ это значеніе заключается. И дѣйствительно, если я сказалъ въ началѣ своей рѣчи, что мы должны быть благодарны обвиненію за упрощеніе дѣла, то я долженъ оговориться и прибавить, что мы должны быть еще болѣе благодарны за это Шевелеву. Не будь его объясненій, которыя такъ ясно и рельефно обрисовали характеръ цѣлой категоріи свидѣтельскихъ показаній, намъ говорили бы очень много о показаніяхъ Крапсильникова, Штеммера и другихъ, которыхъ я даже и называть не стану. Вотъ почему, гг. присяжные, мои противники такъ горячо стараются унизить передъ вами личность Шевелева; вотъ почему г. прокуроръ сравниваетъ его съ Ноздревымъ, а повѣренный гражданскаго истца возбуждаетъ интересный вопросъ о томъ, религіозенъ ли Шевелевъ, вѣритъ ли онъ въ прислугу, и выводитъ на сцену коммуну и ея разбойническіе планы. Я, конечно, не беру на себя защиту Шевелева; человѣкъ, способный сдѣлать то, что сдѣлалъ Шевелевъ осенью 1866 г., защищаемъ быть не можетъ; я не могу только не указать, на одну особенность его показаній, повлекшую за собою, можно сказать, цѣлый рядъ разоблаченій. Еслибъ онъ показывалъ одинъ, еслибы не былъ спрошенъ никто болѣе, тогда вы могли бы отнестись къ нему съ большимъ или меньшимъ недовѣріемъ, но послѣ Шевелева былъ спрошенъ свидѣтель Ижболдинъ. Я не стану напоминать сущности показанія этого свидѣтеля, ни перечислять тѣхъ про-

тиворѣчій, въ которыя онъ впалъ, даже съ своимъ повѣреннымъ Сысоевымъ; но я напомню его смущеніе, тонъ его объясненій, совершенно отличный отъ тона, въ которомъ онъ давалъ свое показаніе. Слѣдовательно, показаніе Шевелова драгоцѣнно въ томъ отношеніи, что оно раскрыло весьма важную часть дѣла. Если бы, напримѣръ, мы имѣли одно только показаніе Исаева, оно могло бы намъ казаться черезчуръ страннымъ; человѣкъ почтенныхъ лѣтъ, занимавшій должность слѣдственнаго пристава, является къ судебному слѣдователю, потомъ приноситъ присягу передъ судомъ, и два раза сознается въ томъ, что написалъ за деньги письмо, въ которомъ нѣтъ ни одного слова правды. Между тѣмъ, въ связи съ показаніемъ Шевелева, показаніе Исаева пріобрѣтаетъ весьма большое значеніе. Вы помните содержаніе того письма, за которое Шевелевъ получилъ награду въ настоящемъ, и награду въ будущемъ, т. е. условіе, которое онъ заключилъ съ Ижболдинымъ. Въ письмѣ этомъ Шевелевъ говорилъ, что Мясниковъ просилъ его подписаться на завѣщаніи. Представляется ли это письмо отдѣльно стоящимъ въ этомъ дѣлѣ? Нѣтъ, объ этомъ же показывалъ Матвѣевъ, а по словамъ Ижболдина, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, слышалъ отъ Кемпе, что и его просили подписаться на завѣщаніи; затѣмъ письмо Исаева опять касается того же вопроса, говоритъ объ офицерѣ, пріѣзжавшемъ просить Исаева подписаться на завѣщаніи Бѣляева. Такимъ образомъ мы видимъ цѣлый рядъ показаній, направленныхъ къ тому, чтобы показать, что Мясниковы обращались ко всѣмъ и каждому съ просьбою подписаться на завѣщаніи, и только тогда, когда Шевелевъ далъ свое показаніе и когда вы послѣ него выслушали Ижболдина, сдѣлалось невозможнымъ опираться на эти показанія—они пали съ тѣмъ, чтобы никогда не подниматься

Конечно, гг. присяжные, самое правое дѣло можно вести неправыми средствами; я не могу не признать этого, и центръ тяжести защиты долженъ лежать не въ этихъ показаніяхъ, съ которыми я сейчасъ и разстанусь, но нельзя не сознать-

ся, что если кто нибудь приступаетъ къ дѣлу съ увѣренностію въ томъ, что на его сторонѣ законъ, истина и справедливость, то въ большой части случаевъ онъ къ такимъ средствамъ прибѣгать не станетъ, въ особенности тогда, когда предъ нимъ открывается полная свобода и широкое поле для изслѣдованія истины. Еслибъ Ижболдинъ прибѣгалъ къ неправымъ средствамъ въ то время, когда дѣйствовали въ судахъ старые порядки, когда трудно было выиграть дѣло при извѣстныхъ условіяхъ, тогда, не оправдывая его, можно бы было понять его образъ дѣйствій; но припомните, когда онъ сталъ прибѣгать къ письмамъ Шевелева, Исаева и другимъ подобнымъ средствамъ: въ концѣ 1866 г., когда въ Петербургѣ были введены въ дѣйствіе судебные уставы, и когда отъ него зависѣло, нѣсколько раньше подать ту жалобу прокурору, которая въ 1868 г., послужила исходною точкою для начатія предварительнаго слѣдствія. Когда вы имѣете передъ собою лицо, идущее такимъ путемъ, въ такое время, тогда, конечно, должно закрасться нѣкоторое сомнѣніе въ правотѣ самаго дѣла, и по средствамъ, можно составить себѣ нѣкоторое понятіе о цѣли. Вотъ почему, мои противники, съ такимъ необыкновеннымъ усердіемъ разбирали передъ вами показаніе Шевелева.

Я перехожу теперь къ тремъ вопросамъ, которые поставовлены обвинительною властью, но буду разбирать ихъ въ нѣсколько измѣненномъ порядкѣ: обвинительная власть говорила сначала о подложности завѣщанія, потомъ перешла къ участію, которое принималъ въ этомъ дѣлѣ Карагановъ, и, наконецъ, поставивъ вопросъ о томъ, кто имѣлъ выгоду въ составленіи завѣщанія, рѣшила этотъ вопросъ противъ Мясниковыхъ. Я поставлю второй вопросъ на мѣсто перваго—и начну съ показанія Караганова, потому что оно только одно имѣетъ значеніе прямой улики, одно только можетъ поселить въ васъ предположеніе о подложности завѣщанія не путемъ догадокъ и болѣе или менѣе произвольныхъ соображеній, а путемъ факта, который былъ передъ вами засвидѣтельство-

ванъ. Затѣмъ я перейду къ подложности завѣщанія вообще, ко всѣмъ тѣмъ соображеніямъ, которыя представлены вамъ по этому предмету, и наконецъ къ третьему, самому главному вопросу—о томъ, кто имѣлъ интересъ въ составленіи завѣщанія, причемъ я вполнѣ согласенъ съ обвинительною властью и не согласенъ съ однимъ изъ представителей гражданскихъ истцовъ въ томъ, что вопросъ о состояніи Бѣляева имѣетъ существенное значеніе въ настоящемъ дѣлѣ. Вотъ краткая программа, которую я счелъ нужнымъ изложить передъ вами.

Обвинительная власть, какъ вы могли замѣтить, придаетъ весьма большое значеніе показанію Караганова, данному на предварительномъ слѣдствіи и здѣсь на судѣ, передъ вами. Для того чтобы опредѣлить значеніе этого показанія, намъ нужно изслѣдовать его съ двухъ различныхъ сторонъ: намъ нужно разсмотрѣть внутреннее его содержаніе и затѣмъ, обратить вниманіе на человѣка, дающаго это показаніе, какъ въ тотъ моментъ, когда онъ является передъ вами, такъ и въ продолженіе всей его предъидущей жизни, игравшей такую большую роль въ рѣчи г. прокурора. Въ показаніи Караганова, взятомъ независимо отъ его личности, конечно нѣтъ ничего точнаго, твердаго, яснаго; для того чтобъ извлечь изъ него что нибудь, имѣющее опредѣленный смыслъ, необходимо произвести надъ нимъ цѣлый рядъ предварительныхъ операцій, устранить все лишнее и съ большимъ трудомъ возстановить факты, идущіе къ дѣлу. Подсудимый Карагановъ показывалъ передъ вами, что въ день смерти Бѣляева, по предложенію А. Мясникова, въ его кабинетѣ, онъ написалъ нѣсколько разъ, на бѣлыхъ листахъ, слова „Козьма Бѣляевъ“. Спрошенный затѣмъ, зналъ ли онъ, для чего это дѣлается, Карагановъ давалъ сбивчивые, противорѣчивые отвѣты, и то признавалъ, то не признавалъ отношенія этихъ подписей къ завѣщанію Бѣляева. Ему предъявили завѣщаніе, его спросили, на томъ ли листѣ онъ сдѣлалъ подпись, на которомъ она находится на завѣщаніи. Я полагаю, что болѣе правильнымъ

было бы сдѣлать то, чего не было сдѣлано. ни на судѣ, ни на предварительномъ слѣдствіи, а именно, предложить Караганову, показать мѣсто подписи на бѣломъ листѣ бумаги Карагановъ оворитъ: „да, кажется подпись была на этомъ мѣстѣ". Возможно ли, чтобы черезъ 14 лѣтъ человѣкъ, который не помнитъ на какомъ листѣ онъ подписался — на простомъ или гербовомъ, могъ припомнить и объяснить, вполнѣ правильно, то мѣсто, на которомъ стояла одна изъ его подписей, такъ какъ ихъ сдѣлано было нѣсколько. Далѣе, гдѣ же доказательства тому, что подпись Карагапова, сдѣланная имъ на бѣломъ листѣ бумаги, есть именно та самая, которую вы видѣли на завѣщаніи? Вы припомните, что одинъ изъ свидѣтелей, Красильниковъ, говорилъ, что было много документовъ съ подложными подписями Бѣляева. У васъ есть одинъ только поводъ предполагать, что подпись на завѣщаніи сдѣлана Карагаповымъ—это сличеніе почерка, мнѣніе экспертовъ, которые сказали, что Карагаповъ, по свойству своего почерка, могъ подписаться такъ, какъ подписано завѣщаніе. Но я думаю, вы не забыли тѣхъ пробныхъ подписей, которыя предъявлялись вамъ, и вѣроятно убѣдились, что ни одна изъ этихъ подписей никакого сходства съ подписью Бѣляева на завѣщаніи не имѣетъ; слѣдовательно, мнѣніе экспертовъ подрывается въ самомъ основаніи. Для того чтобы доказать вѣроятность того, что подпись на завѣщаніи сдѣлана Карагановымъ, нужно доказать, по крайней мѣрѣ, что онъ способенъ сдѣлать подобную подпись, а этого доказано совершенно не было. Наконецъ, на какомъ основаніи, Мясниковъ обращается съ просьбою сдѣлать фальшивую подпись, именно къ Караганову? Развѣ онъ слылъ уже за человѣка, умѣющаго подписываться подъ чужую руку? Но я думаю, что такого человѣка, ни на одну минуту не оставили бы ни въ одной конторѣ, потому что онъ представлялся бы крайне опаснымъ. Не странно ли затѣмъ, что въ самый день смерти Бѣляева, въ то время, когда не было еще никакого основанія предполагать, что завѣщанія не осталось; въ то время,

когда сама Бѣляева, если и допустить, что Мясниковы тотчасъ же спросили ее о существованіи завѣщанія, не могла дать имъ объ этомъ удовлетворительнаго отвѣта; когда она могла думать, что завѣщаніе хранится въ томъ или другомъ присутственномъ мѣстѣ, или отдано на сохраненіе тому или другому частному лицу, что въ это время Мясниковъ прямо приступаетъ къ составленію фальшиваго завѣщанія и безъ всякой предосторожности, безъ всякихъ предварительныхъ мѣръ, предлагаетъ Караганову содѣйствовать ему въ такомъ преступленіи, которое можетъ быть вовсе не нужно, но одно приготовленіе къ которому ставитъ уже хозяина въ зависимость отъ подчиненнаго? И какъ же объяснить себѣ, что человѣкъ, никогда не дѣлавшій подложныхъ подписей, никогда не готовившійся къ этому дѣлу — человѣкъ, личность котораго устраняетъ всякое невыгодное для него предположеніе, тотчасъ же соглашается на преступное предложеніе и черезъ нѣсколько минутъ дѣлаетъ подпись на предложенномъ ему листѣ бумаги, подпись на столько похожую, что на ней можно было остановиться для достиженія цѣли? Вотъ, гг. присяжные, то, что бросается въ глаза по поводу самаго показанія Караганова, по поводу тѣхъ немногихъ словъ его, которыя имѣютъ прямое, непосредственное отношеніе къ дѣлу. Но само собою разумѣется, что гораздо важнѣе всего этого, представляются соображенія, относящіяся къ личности подсудимаго. Прежде всего, вамъ предстоитъ опредѣлить, кто передъ вами показываетъ: человѣкъ, пользующійся вполнѣ, всѣми умственными способностями, сознающій каждое свое слово, отдающій себѣ отчетъ не только въ своихъ теперешнихъ дѣйствіяхъ, но и въ томъ, что онъ дѣлалъ 14 лѣтъ тому назадъ; человѣкъ, свободный отъ вліянія ложныхъ представленій, или же человѣкъ, способности котораго находятся въ состояніи не вполнѣ нормальномъ? Когда вы себѣ поставите этотъ вопросъ, то вы, безъ сомнѣнія, увидите, что того третьяго вывода, о которомъ говорилъ г. прокуроръ при допросѣ г. Дюкова и о ко-

торомъ онъ упомянулъ въ своей рѣчи, здѣсь быть не можетъ. Вопросъ допускаетъ только два разрѣшенія: или Карагановъ притворяется, или онъ находится въ непормальномъ состояніи. Тотъ третій выводъ, о которомъ упомянулъ г. прокуроръ, не имѣетъ самостоятельнаго значенія; онъ вполнѣ совпадаетъ съ разрѣшеніемъ вопроса въ смыслѣ притворства. Какъ въ самомъ дѣлѣ формулированъ этотъ выводъ? „Нельзя ли предположить, что показанія, которыя давалъ Карагановъ, объясняются, съ одной стороны, забывчивостію, съ другой стороны, желаніемъ оправдать себя, показать, что онъ былъ всегда вѣрнымъ слугой своихъ хозяевъ“? Но вѣдь это есть ничто иное, какъ притворство. Когда человѣкъ имѣетъ извѣстную цѣль, къ которой онъ подгоняетъ свои показанія, когда онъ для достиженія ея не отвѣчаетъ на одни вопросы, отвѣчаетъ безсмысленно на другіе, тогда онъ притворяется. Прежде чѣмъ пойти далѣе, я долженъ предостеречь васъ, гг. присяжные, по поводу однаго обстоятельства. Вопросъ о притворствѣ Караганова долженъ быть разрѣшенъ, только на основаніи всего того, что вы слышали и видѣли на судѣ; если даже экспертиза, въ этомъ отношеніи, не можетъ имѣть для васъ окончательнаго значенія обязательной силы, потому что эта экспертиза не полная, данная однимъ лицомъ, которое предварительно за Караганомъ не наблюдало, то еще менѣе можетъ имѣть значеніе мнѣніе одного лица, какъ бы авторитетно оно ни было. Поэтому я долженъ напомнить вамъ, что хотя Караганову въ теченіе судебнаго засѣданія и было говорено; „вы очень хорошо понимаете смыслъ вопросовъ, вамъ предлагаемыхъ, и отвѣтовъ, которые вы на нихъ даете“; но тѣмъ не менѣе личное мнѣніе, выразившееся въ этихъ словахъ, должно оставаться для васъ только личнымъ мнѣніемъ, не разрѣшающимъ вопроса, и для васъ вовсе не обязательнымъ. Затѣмъ, когда вы приступите къ вопросу о притворствѣ, вы спросите себя: какой интересъ имѣетъ Карагановъ притворяться? кто мѣшалъ Караганову, если онъ и дѣйствительно виновенъ, сказать передъ вами на судѣ, что онъ

никогда не подписывался за Бѣляева? Вѣдь противъ Караганова, по этому поводу, нѣтъ никакихъ доказательствъ, никакихъ уликъ Правда, были какіе-то слухи, что Карагановъ въ этомъ сознавался, что онъ съ кѣмъ-то совѣтывался, но эти слухи заключались въ показаніяхъ свидѣтелей, которые уже отклонены обвинительною властью и даже повѣренными гражданскихъ истцовъ, и къ которымъ возвращаться нечего. Слѣдовательно, остается только признаніе Караганова. Не будь этого признанія, не было бы и основаній къ его обвиненію. Когда человѣкъ поставленъ такимъ образомъ, что вмѣсто того, чтобы играть трудную роль человѣка, находящагося въ ненормальномъ состояніи, вмѣсто того чтобъ въ теченіе пятидневнаго засѣданія носить на себѣ маску, не гораздо ли проще сказать: „нѣтъ, я не виновенъ“? Слѣдовательно, нѣтъ для Караганова основанія притворяться, а если основанія нѣтъ, то мы уже близко подошли къ этому выводу. что душевное состояніе Караганова не вполнѣ нормально. Г. экспертъ Дюковъ отвѣтилъ на мой вопросъ, что готовъ признать состояніе Караганова ненормальнымъ, если только предположить, что онъ не притворяется; но г. Дюковъ поспѣшилъ оговориться, что изъ этого нисколько не слѣдуетъ, чтобъ онъ былъ помѣшанъ, такъ какъ для признанія помѣшательства, необходимо подъискать такую форму болѣзни, которой соотвѣтствовало бы состояніе подсудимаго, необходимо, чтобъ вся группа припадковъ, характеризующихъ состояніе Караганова, положительно совпадала съ группою припадковъ и признаковъ, характеризующихъ извѣстную форму помѣшательства. Быть можетъ, это необходимо для эксперта, дающаго свое заключеніе съ точки зрѣнія науки; но если спеціалистами признано, хотя условно, ненормальное состояніе Караганова, то намъ нѣтъ надобности подъискивать форму болѣзни, которая бы вполнѣ соотвѣтствовала его состоянію; намъ совершенно достаточно сказать: этотъ человѣкъ не то, что каждый изъ насъ, этотъ человѣкъ не пользуется въ такой степени на-

мятью, соображеніемъ, разсудкомъ, какъ каждый изъ насъ; поэтому мы не имѣемъ права вѣрить ему такъ, какъ вѣрили бы другому, при тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ. Я не стану напоминать вамъ самую форму показанія Караганова; вы, конечно, давно убѣдились, что въ этой формѣ заключается главное основаніе для предположенія, что Карагановъ не притворяется. Карагановъ вовсе не постоянно говоритъ несообразныя рѣчи: когда рѣчь идетъ не о немъ, когда разсматриваются такія доказательства, которыя никакого отношенія къ нему не имѣютъ, онъ молчитъ, онъ не навязывается вашему вниманію, не старается безпрестанно доказывать, что находится въ ненормальномъ состояніи; но каждый разъ, когда дѣло касается его лично, когда къ нему обращаются съ вопросомъ, потокъ несвязныхъ словъ, всегда направленныхъ въ одну и ту же сторону, носящихъ одинъ и тотъ же колоритъ, тотчасъ же прорывается и идетъ по своей, давно пробитой колеѣ. Намъ говорятъ, что онъ не всегда такъ держитъ себя, что въ присутствіи постороннихъ лицъ онъ говоритъ безсвязно, произноситъ отрывочныя слова, обращается къ однимъ и тѣмъ же предметамъ; но когда онъ остается наединѣ съ человѣкомъ, съумѣвшимъ снискать его довѣріе, онъ является совсѣмъ другимъ, онъ веселъ, играетъ на скрипкѣ и т. д. Я бы далъ этому значеніе, если бы Карагановъ былъ подвергнутъ правильному освидѣтельствованію, если бы его наблюдалъ врачъ-спеціалистъ, имѣющій право на названіе психіатра, если бы помѣщенъ былъ,— какъ и была рѣчь объ этомъ, но къ сожалѣнію этого не было сдѣлано,—на испытаніе въ какое-нибудь заведеніе для душевно-больныхъ. Я замѣчу, по этому поводу, что вообще обязанности защиты начинаются, или, лучше сказать, права ея возникаютъ слишкомъ поздно; она призывается къ участію въ дѣлѣ за нѣсколько недѣль до судебнаго засѣданія, въ то время, когда уже невозможно настаивать на испытаніи. Все, что могли бы сдѣлать, это—вызвать еще нѣсколько экспертовъ; но припомните, что мы никогда не слыхали и не видали, какъ держитъ себя

Карагановъ, поэтому поведеніе его на судѣ для насъ было новостью и мы едва ли могли что-нибудь сдѣлать раньше. Какъ бы то ни было, показаніе д-ра Баталина не будетъ имѣть въ вашихъ глазахъ рѣшительнаго значенія, и вы не признаете, что Карагановъ притворяется только потому, что въ присутствіи д-ра Баталина онъ велъ себя такъ, а въ присутствіи д-ровъ Шульца или Дюкова — иначе. Еслибъ Карагановъ притворялся обдуманно, то онъ хорошо понялъ бы, что лицо, посылаемое для постояннаго за нимъ наблюденія, есть именно то, которое всего важнѣе ввести въ обманъ; онъ хорошо понялъ бы, что вести себя такъ въ присутствіи этого лица и иначе въ присутствіи другихъ, есть самое вѣрное средство раскрыть обманъ и дать противъ себя всѣ орудія, всѣ средства къ раскрытію истины. И такъ, если допустить, что въ присутствіи д-ра Баталина Карагановъ былъ веселъ и спокоенъ, то и съ этой точки зрѣнія его притворство не доказано и должно быть отвергнуто. Вамъ говорятъ далѣе: „Положимъ, Карагановъ находится не въ нормальномъ состояніи; но кто же виноватъ въ этомъ? съ которыхъ поръ явилось это ненормальное состояніе?“ Вамъ говорятъ, что до 1868 года, до того времени, когда началось первое предварительное слѣдствіе по настоящему дѣлу, Карагановъ ничѣмъ не отличался отъ всѣхъ другихъ, что только послѣ этого роковаго момента въ его жизни онъ начинаетъ измѣняться, дѣлается страннымъ, буйнымъ, пьетъ горькую чашу и такимъ образомъ падаетъ все ниже и ниже, до самаго заарестованія. Когда, гг. присяжные засѣдатели, дѣло идетъ о столь важномъ, существенномъ вопросѣ, тогда слѣдовало бы относиться нѣсколько осторожнѣе къ фактамъ самаго дѣла. Гдѣ доказательства тому, что переломъ въ Карагановѣ произошелъ только послѣ 1868 г.? Я полагаю, что никто не можетъ указать тому другихъ основаній, кромѣ показанія Алексѣя Бѣляева, который замѣтилъ, что когда Карагановъ былъ на Подгорномъ заводѣ, въ 1867 году, то находился въ нормальномъ состояніи, а въ 1869 году возвратился туда уже въ состояніи ненормальномъ. Но вы

вѣроятно не забыли, что есть два письма, съ полною ясностью доказывающія, что этотъ переломъ — если только былъ переломъ, если болѣзнь не подготовлялась постепенно—совершился гораздо раньше: есть письмо отъ Добрынина изъ Ставрополя, относящееся къ марту 1868 года, въ которомъ Добрынинъ пишетъ, что здоровье Караганова плохо, что у него бываютъ припадки сильной меланхоліи, и при этомъ прибавляетъ очень характеристическую фразу: у него въ головѣ не все дома. Затѣмъ въ іюнѣ того же года, за мѣсяцъ до начатія въ С.-Петербургѣ перваго предварительнаго слѣдствія, Кошельковъ пишетъ А. Мясникову, что если взысканіе не произведетъ должнаго впечатлѣнія на Караганова, то значитъ у него голова не совсѣмъ здорова. Слѣдовательно, и у Кошелькова является предположеніе, что Карагановъ въ ненормальномъ состояніи; стало быть, нельзя утверждать, что переломъ совершился только во время перваго предварительнаго слѣдствія. За тѣмъ вамъ говорятъ—и это еще важнѣе—что Караганова спаивали; противъ Мясниковыхъ взводится такимъ образомъ обвиненіе, которое я считаю равносильнымъ и даже болѣе тяжкимъ, чѣмъ обвиненіе въ подлогѣ: ихъ обвиняютъ въ томъ, что они систематически спаивали Караганова, человѣка, пожертвовавшаго имъ всю жизнь, пострадавшаго для нихъ, спаивали его систематически, для того, чтобы довести до состоянія безчувствія, заставить забыть все то, что опасно для нихъ. Такое обвиненіе, конечно, можетъ быть представлено передъ вами не иначе, какъ на основаніи какихъ-нибудь неоспоримыхъ доказательствъ; гдѣ же, между тѣмъ, хотя одно такое доказательство? Можетъ быть обвинительная власть сошлется на показанія свидѣтелей о томъ, что Караганову отпускалось вино сверхъ жалованья? Но развѣ она забыла показанія Жукова, что этотъ обычай существовалъ на всѣхъ заводахъ, что всѣмъ служащимъ отпускалась извѣстная порція вина; наконецъ, если даже Карагановъ и пользовался бы виномъ въ большихъ размѣрахъ противъ другихъ, то гдѣ же доказательства, что это дѣлалось по-распоряженію свыше? Если Карагановъ могъ

брать иногда лишнюю порцію спирта, подъ предлогомъ производства пробы, то это объясняется вообще тою угодливостью, съ которой относились къ Карагапову, по извѣстнымъ причинамъ, вслѣдствіе его женитьбы, другіе служащіе у Мясниковыхъ. Слѣдовательно это обвиненіе ничѣмъ не доказано; а если оно ничемъ не доказано, то я не могу не пожалѣть, что оно предстало предъ вами въ особенности въ той формѣ, въ которой оно было высказано.

Затѣмъ необходимо прослѣдить жизнь Караганова съ того времени, когда онъ будто бы совершилъ преступленіе, и до того, когда былъ арестованъ. Но здѣсь мы встрѣчаемся съ изложеніемъ фактовъ, далеко неточнымъ, не соотвѣтствующимъ настоящему положенію дѣла. Вамъ говорятъ, что Карагановъ вскорѣ послѣ подписанія завѣщанія, является человѣкомъ состоятельнымъ, предлагаетъ Гонину вступить въ паи; предлагаетъ ему извѣстную сумму въ займы и, наконецъ, женится на женщинѣ, гораздо выше его поставленной, на оперной пѣвицѣ, бывшей знакомой А. Мясникова. На чемъ же основано предположеніе о томъ, что Карагановъ разбогатѣлъ, прежде своей женитьбы? Оно основано только на показаніи Гонина; но я полагалъ, что показаніе Гонина отвергнуто обвинительною властью, причислено къ массѣ показаній ничего не стоющихъ, подлежащихъ устраненію. Я полагалъ, и, полагаю, что послѣ того, какъ намъ сдѣлалось извѣстно объ отношеніяхъ Гонина къ Пжболдину, о тѣхъ векселяхъ, которые были выданы за полтора мѣсяца до начатія перваго предварительнаго слѣдствія, лучше было бы не ссылаться на этого свидѣтеля. И такъ, оставаясь послѣдовательнымъ, я имѣю право устранить Гонина. Затѣмъ вамъ указываютъ на то, что мелкій прикащикъ женится на женщинѣ развитой и высокопоставленной. Но развѣ это можно сказать о Карагановой? Вамъ не предъявлялись ея письма, но я полагаю, никто не станетъ отвергать, что это письма безграмотныя. Когда ей нужно было написать письмо болѣе сложное, она обращалась, какъ извѣстно, къ помощи постороннихъ лицъ и просила написать

свидѣтеля Иванова за нее письмо къ А. Мясникову. Наконецъ, гг. присяжные засѣдатели, неужели вамъ неизвѣстно, что когда совершается бракъ этого рода, то, большею частію, избирается лицо нѣсколько ниже стоящее въ соціальномъ положеніи, чѣмъ та женщина, которую хотятъ выдать за него? Очень не трудно понять, что, въ подобныхъ случаяхъ, не всякій согласится принять на себя извѣстную роль и что, поэтому, приходится обращаться къ лицу, которое по своему общественному положенію, готово купить шагъ впередъ хотя бы такою цѣною. Въ большей части подобныхъ случаевъ, бываетъ гораздо болѣе сильное отсутствіе равенства, между женихомъ и невѣстою, нежели то, какое было въ данномъ случаѣ, или, лучше сказать, въ данномъ случаѣ я этой разницы, почти не вижу. Я думаю, что Карагановъ легко могъ жениться по любви, по привязанности, на что есть даже намеки въ дѣлѣ. Во всякомъ случаѣ г-жа Обольянинова не стояла настолько выше Караганова, чтобы онъ могъ перешагнуть пропасть, лежавшую между ними, не иначе какъ съ помощію человѣка, заинтересованнаго въ его молчаніи, какимъ представляютъ вамъ А. Мясникова. Затѣмъ, гг. присяжные засѣдатели, какъ дѣйствуетъ Карагановъ въ отношеніи къ Мясникову? такъ ли, говоря словами прокурора, какъ преступный прикащикъ въ отношеніи къ преступному хозяину? Намъ говорятъ, что если Мясниковъ позволилъ сначала Караганову удалиться изъ Петербурга и жить гдѣ и какъ хочетъ, то это объясняется только тѣмъ, что Карагановъ въ то время былъ молодъ, полонъ жизни, надеждъ, что слѣдовательно его интересъ совпадалъ съ интересомъ Мясниковыхъ, что онъ долженъ былъ молчать, какъ для нихъ, такъ и для себя; но что затѣмъ, когда онъ обѣднѣлъ, когда онъ потерялъ почти все свое состояніе и принужденъ былъ обратиться къ Мясникову съ просьбою о помощи, тогда онъ сдѣлался опасенъ, тогда малѣйшаго повода достаточно было, для того, чтобы онъ разсказалъ истину, и тогда-то слѣдовало устроить надъ нимъ самый бдительный надзоръ. Встанемъ на минуту на эту точку

зрѣнія и посмотримъ, какъ долженъ поступать хозяинъ, поставившій себя въ такія отношенія къ служащему, въ которыя поставилъ себя Мясниковъ, къ Караганову. Я понимаю, что почтительность, съ которою прикащикъ привыкъ относиться къ своему хозяину, можетъ давать тонъ его письмамъ, даже и въ этомъ случаѣ; но я убѣжденъ, что въ перепискѣ, продолжавшейся нѣсколько лѣтъ, и притомъ не съ однимъ только хозяиномъ, но и съ такими лицами, съ которыми Караганову стѣсняться было нечего, какъ напримѣръ съ отцомъ, что въ этой перепискѣ непремѣнно прокралась, прозвучала бы какая-нибудь нота, указывающая, что добровольное повиновеніе продолжается только до поры до времени, напоминающая, что слуга имѣетъ власть надъ своимъ господиномъ, и можетъ заставить его подчиниться своимъ требованіямъ. Гдѣ же во всей этой массѣ писемъ, написанныхъ Карагановымъ Мясникову и къ отцу и отцомъ Карагановымъ къ сыну—гдѣ же въ нихъ хотя одинъ намекъ на существованіе подобныхъ отношеній между Карагановымъ и Мясниковыми? Обвинительная власть, сознавая отсутствіе подобныхъ намековъ, указываетъ вамъ на то, что Карагановъ просилъ Мясникова выкупить его вещи. Какое, въ самомъ дѣлѣ, громадное одолженіе! Да, конечно, еслибы Мясниковъ самъ пошелъ въ ломбардъ, ждалъ очереди, чтобы выкупить вещи Караганова, тогда можно было бы удивляться, какимъ образомъ человѣкъ богатый, съ извѣстнымъ положеніемъ въ обществѣ, можетъ оказывать своему прикащику подобныя услуги; но вѣдь просьба Караганова имѣла только тотъ смыслъ, чтобы Мясниковъ далъ одному изъ своихъ конторщиковъ нѣсколько десятковъ или сотенъ рублей въ счетъ жалованья Караганова, для выкупа его вещей. Въ письмахъ Караганова, мы имѣемъ прямыя указанія на то, что эти вещи выкупались именно въ счетъ его жалованья. Затѣмъ у Караганова есть задушевное желаніе быть переведеннымъ въ Козьмодемьянскъ, желаніе, высказываемое упорно, постоянно. Какъ же въ такихъ случаяхъ дѣйствуетъ тотъ, кто боится своего подчиненнаго? Найдется

ли въ хозяинѣ преступномъ, какъ назвалъ г. прокуроръ Мясникова, достаточно рѣшимости, чтобъ постоянно, систематически отказывать преступному прикащику въ его неотступной просьбѣ и довести его наконецъ до того, что въ іюнѣ 1870 г., Карагановъ пишетъ отцу о намѣреніи своемъ, оставить службу у гг. Мясниковыхъ? Вамъ хотѣли дать понять, что Мясниковы боялись возвращенія Караганова въ Козьмодемьянскъ, боялись той обстановки, въ которую онъ будетъ тамъ поставленъ, того вліянія, которое будетъ имѣть на него отецъ; но я думаю, что гораздо опаснѣе ожесточать, озлоблять человѣка, отказать ему въ томъ, чего онъ хочетъ, опаснѣе доводить его до крайности, подъ гнетомъ которой онъ можетъ открыто возстать противъ своего хозяина. Кромѣ того у отца Караганова есть другое желаніе, весьма скромное, исполненіе котораго возможно безъ всякаго почти убытка для Мясниковыхъ. Отецъ Караганова, въ теченіе всего 1870 года, пишетъ сыну: „Похлопочи, чтобъ А. К. Мясниковъ оказалъ намъ благодѣяніе. Не будетъ ли ихъ милости, дать тебѣ довѣренность, на совершеніе купчей крѣпости“, (на мѣсто, которое было когда-то запродано Караганову)? Замѣтьте выраженія этихъ писемъ, безъ сомнѣнія, искреннія, потому что они обращены къ сыну, а не къ Мясниковымъ. Итакъ, Мясниковымъ стоило только выдать купчую крѣпость, или другой владѣтельный актъ на маленькій клочокъ земли, конечно, не имѣющій для нихъ большой цѣнности; между тѣмъ, мы знаемъ, что просьба эта остается, безъ исполненія и безъ отвѣта, въ теченіе всего 1870 года. Такъ ли поступилъ бы преступный хозяинъ? Посмотримъ, далѣе, на всю переписку Караганова съ Мясниковымъ. Можно ли предположить, чтобъ въ продолженіе 4 — 5 лѣтъ, при неисполненіи Мясниковыми многихъ просьбъ Караганова, гдѣ-нибудь, въ письмахъ его, не проскользнула нота худо скрытаго раздраженія или угрозы? Г. прокуроръ сослался на письмо Н. Мясникова къ Бѣляеву, написанное подъ вліяніемъ не совсѣмъ пріятныхъ чувствъ, и, между тѣмъ, очень вѣжливое. Да, это совершенно справедли-

во—оно вѣжливо по формѣ, но, между тѣмъ, въ немъ ясно звучитъ извѣстное раздраженіе и заключается настоятельное требованіе исполнить то, на что, по мнѣнію Мясникова, онъ имѣетъ право. Почему же этой ноты, обозначающейся весьма рѣзко въ приведенномъ письмѣ, вовсе нѣтъ ни въ одномъ изъ писемъ Караганова? Я представилъ семнадцать писемъ А. К. Мясникова. Въ дѣлѣ есть ихъ еще нѣсколько; наконецъ, есть письма Караганова къ отцу, но ни въ одномъ изъ этихъ писемъ онъ не возмущается, не протестуетъ, а вездѣ всегда относится къ хозяину съ полной покорностью и почтительностью, безъ всякаго оттѣнка злобы или гнѣва. Намъ говорятъ, Карагановъ имѣлъ непосредственныя сношенія съ Мясниковымъ. Да; но въ чемъ они заключались? Въ дѣловыхъ отношеніяхъ, въ бумагахъ, которыя самъ г. прокуроръ признаетъ написанными весьма дѣльно, основательно. Г. прокуроръ говоритъ, что страшное было положеніе Караганова на заводѣ: человѣкъ ничего не дѣлаетъ, не приноситъ никакой пользы и получаетъ довольно значительное жалованье; не можетъ быть, чтобъ его держали изъ милости, потому что кого держатъ изъ милости, тотъ не станетъ безобразничать, наводить страхъ на окрестность, не станетъ стрѣлять подъ окнами управляющаго, бить стекла и т. п. Но, вопервыхъ, извѣстны ли были всѣ дѣйствія Караганова Мясникову? Кто доносилъ на него? Никто. Кошельковъ не хотѣлъ вмѣшиваться, Жуковъ боялся говорить объ этомъ и только однажды рѣшился сказать Мясникову, на вопросъ его, что Карагановъ не способенъ занять мѣсто на Кавказѣ. Поступки Караганова оставались скрытыми отъ Мясникова; почему — это мы уже знаемъ. Что же Мясникову было извѣстно о Карагановѣ? Онъ зналъ Караганова по письмамъ, которыя тотъ писалъ ему, а въ этихъ письмахъ Карагановъ является исполнительнымъ чиновникомъ, довольно проницательнымъ ревизоромъ и человѣкомъ драгоцѣннымъ для собиранія дѣловыхъ свѣдѣній о цѣнахъ и т. п.; даже въ то время, когда Карагановъ представляется, по словамъ свидѣтелей, напиваю-

щимся до потери сознанія, онъ занимается дѣлами, исправно исполняетъ свои обязанности, и это доходитъ до свѣдѣнія Мясникова, между тѣмъ какъ пьянство Караганова остается ему неизвѣстнымъ. Что же могъ думать Мясниковъ? Конечно, что Карагановъ служитъ какъ слѣдуетъ и вполнѣ достоинъ той тысячи рублей, которая ему отпускалась. Это жалованье не было особенно велико, и если, напримѣръ, Алексѣй Бѣляевъ получалъ меньше, то онъ и занималъ должность сравнительно низшую. Если Карагановъ получалъ квартирныя и разъѣздныя деньги, то лишь во время дѣловыхъ путешествій; обыкновенно же онъ получаетъ съ самаго поступленія на службу въ 1866 г. одно и то же жалованье. Онъ требуетъ прибавки; но, какъ мы знаемъ изъ показаній Жукова, требованіе его не удовлетворялось, и до самаго конца онъ получалъ только 1,000 руб. Слѣдовательно, съ какой стороны мы ни подойдемъ къ положенію Караганова, мы вездѣ находимъ положеніе это вполнѣ соотвѣтствующимъ тому, въ какомъ находятся обыкновенно служащіе у богатаго человѣка. Наконецъ, можно ли придавать полную вѣру отзывамъ о буйствѣ и странностяхъ Караганова? Несомнѣнно то, что онъ пилъ; несомнѣнно, что у него была бѣлая горячка, припадки которой часто повторялись и подъ вліяніемъ которой, онъ производилъ поступки довольно безчинные. Но чтобъ онъ ходилъ въ театръ и платилъ палкой за билетъ — это фактъ подлежащій большому сомнѣнію. Объ этомъ пишетъ одинъ изъ ростовскихъ агентовъ Мясникова, въ то время, когда Карагановъ былъ присланъ въ Ростовъ на ревизію, и когда могли желать отъ него поскорѣе отдѣлаться. Такимъ образомъ все письмо, можетъ быть, имѣло цѣлью лишь отозваніе Караганова изъ Ростова. Такимъ образомъ, приближаясь къ 1870 году, мы застаемъ Караганова на заводѣ въ положеніи вполнѣ нормальномъ, и если за нимъ слѣдили, какъ говоритъ г. прокуроръ, то слѣдили только въ тотъ очень короткій промежутокъ времени, когда Мясниковъ долженъ былъ знать о мѣстѣ нахожденія Караганова для того,

чтобъ въ случаѣ надобности немедленно представить его къ слѣдствію. Еслибъ Мясниковъ въ это время потерялъ Караганова изъ вида, и еслибъ слѣдователь обратился къ нему съ вопросомъ о Карагановѣ, то отсутствіе свѣдѣній объ этомъ въ конторѣ Мясникова послужило бы основаніемъ къ подозрѣнію, что Мясниковы Караганова скрываютъ. Вотъ весьма естественное объясненіе того, что въ періодъ времени, когда производилось первое слѣдствіе, о Карагановѣ сообщались свѣдѣнія въ центральную контору, а иногда оттуда передавались А. Мясникову; но, какъ только предварительное слѣдствіе окончилось, Карагановымъ перестали заниматься. Говорятъ, что его не отпускали изъ завода. Это несправедливо; это опровергается фактами. Если вы припомните показанія Жукова и письма Караганова, написанныя въ концѣ 1869 г. изъ Воронежа, то вы убѣдитесь, что Карагановъ разъѣзжаетъ по дѣламъ завода и своимъ собственнымъ, живетъ то въ Тамбовѣ, то въ Воронежѣ. Если могли опасаться, что онъ проговорится отцу, то почему же не боялись, что онъ проговорится въ Тамбовѣ, гдѣ жили его родные? Наконецъ, развѣ нельзя было ожидать, что въ одинъ прекрасный день, Карагановъ, уѣхавъ изъ завода безъ всякаго распоряженія, соскучится постояннымъ неисполненіемъ его просьбы и явится въ Козьмодемьянскъ, притомъ озлобленный противъ тѣхъ, которые такъ долго мѣшали осуществленію его завѣтной мечты? Прежде чѣмъ разстаться съ Карагановымъ, я долженъ остановиться на одномъ эпизодѣ, оцѣнка котораго должна быть совсѣмъ не та, какая сдѣлана представителемъ прокурорскаго надзора. Мы, дѣйствительно, видимъ спаиваніе Караганова, но не то, о которомъ говорено было въ обвинительной рѣчи. Мы знаемъ, что въ теченіи послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ пребыванія Караганова на заводѣ, въ этой мѣстности появляется, сначала одно лицо, потомъ другое, никому не извѣстныя, Богъ знаетъ для чего прибывшія туда. Говорятъ, что они пріѣхали торговать заводъ: но они исчезаютъ, какъ только Карагановъ былъ арестованъ. Одинъ

изъ нихъ, извѣстный подъ именемъ Виктора Ивановича Кононова, проводитъ все время только съ Карагановымъ, какъ показываетъ Жуковъ; они вмѣстѣ ходятъ по кабакамъ, трактирамъ и вмѣстѣ пьянствуютъ. Это продолжается, систематически, полтора мѣсяца, и послѣдствіемъ этого являются два свидѣтеля, показанія которыхъ даютъ поводъ къ начатію слѣдствія, показанія о томъ, что Карагановъ проговорился, сознался. Посмотримъ на эти показанія. Странно, во первыхъ, какимъ образомъ Кунаковскій и Киселевъ, которые, какъ они объяснили, никому не разсказывали о слышанномъ, какимъ образомъ они являются свидѣтелями. Невольно рождается предположеніе, что они не случайно присутствовали при разговорѣ Караганова съ Кононовымъ, что нужно было быть кому-нибудь свидѣтелемъ этого разговора. Во вторыхъ, соотвѣтствуютъ ли ихъ показанія личности Караганова? Личность его выяснилась такъ, какъ рѣдко выясняется личность подсудимаго; рѣдко мы имѣемъ такую массу неопровержимыхъ разнообразныхъ свѣдѣній, какая у насъ есть о Карагановѣ. Карагановъ — человѣкъ деликатный, не позволяющій себѣ рѣзкихъ выраженій; всѣ его письма дышатъ спокойствіемъ, чувствительностью; въ нихъ не встрѣчается ничего циническаго, ничего грубаго. И вотъ этотъ-то человѣкъ, говоря о Бѣляевѣ, котораго онъ ставитъ очень высоко, котораго онъ считалъ главнымъ воротилой всѣхъ Мясниковыхъ дѣлъ, говоритъ, что „обработалъ лысаго, беззубаго старика, бывшаго лакея Мясниковыхъ, и не оставилъ ему ни копѣйки на извощика, чтобы проѣхать на тотъ свѣтъ“ — выраженія, можетъ быть употребительныя, въ извѣстной сферѣ, но вовсе не сооотвѣтствующія натурѣ Караганова и его способу выраженій на словахъ и на письмѣ. Обвиненіе говоритъ, что, быть можетъ, лица, проживавшія полтора мѣсяца на заводѣ, были агенты сыскной полиціи, и если это были они, то дѣйствія ихъ приноситъ имъ честь, такъ какъ они способствовали открытію преступленія. Я совершенно расхожусь съ г. прокуроромъ во взглядахъ на честь сыскной по-

лиціи. Я вполнѣ признаю необходимость сыскной полиціи, но я полагаю, что агенты ея должны дѣйствовать средствами честными. Если они узнаютъ, напримѣръ, что такой-то человѣкъ сказалъ такія-то слова, заключающія въ себѣ указанія на преступленіе, они имѣютъ полное право устроить такъ, чтобъ онъ повторилъ эти слова въ ихъ присутствіи; но систематически вызывать человѣка на эти слова, систематически спаивать его, я полагаю, они права не имѣютъ. Я вовсе не знаю, дѣйствовали ли, въ данномъ случаѣ, агенты сыскной полиціи. Быть можетъ, это были лица, дѣйствовавшія изъ частнаго интереса. Г. прокуроръ самъ замѣтилъ, что въ настоящемъ дѣлѣ многія частныя лица принимали на себя разслѣдованіе разныхъ обстоятельствъ, или изъ усердія, или изъ личныхъ видовъ. Намъ хотѣлось разъяснить этотъ вопросъ, весьма интересный для дѣла. Мы просили о вызовѣ четырехъ агентовъ сыскной полиціи, изъ которыхъ о двухъ носился слухъ, что это именно лица, работавшія въ Воронежской губерніи. Намъ было въ этомъ отказано и предоставлено пригласить ихъ отъ себя, въ засѣданіе суда; но этого сдѣлано не было, потому что такое приглашеніе не могло имѣть никакихъ послѣдствій. Итакъ, я скорѣе склоняюсь къ мысли, что это были частныя лица, потому что не допускаю, чтобы агенты сыскной полиціи могли вести себя такъ, какъ велъ себя Кононовъ въ Задонскомъ уѣздѣ. Между тѣмъ, дѣятельность Кононова могла имѣть весьма серьезныя послѣдствія. Если обратиться къ человѣку, нравственныя силы котораго потрясены продолжительнымъ пьянствомъ или другимъ какимъ-нибудь несчастіемъ, быть можетъ несчастною супружескою жизнью, если дѣйствовать съ извѣстнымъ искусствомъ на его больную струну, если постоянно говорить съ нимъ о его усердіи къ службѣ, о тѣхъ милліонахъ, которые онъ доставилъ своимъ хозяевамъ, его можно довести до того, что онъ взведетъ на себя, съ цѣлью похвастаться, небывалое преступленіе, совершенное въ пользу хозяевъ, и, взведя его на себя однажды, самъ начнетъ вѣрить въ его существова-

ніе. Мысль, однажды попавъ въ голову человѣка, растроеннаго физически и умственно, продолжаетъ работать и можетъ окрѣпнуть такъ, что наконецъ, вложенная извнѣ, она можетъ привести человѣка къ полному убѣжденію, что онъ сдѣлалъ извѣстное дѣло и будетъ твердить каждому; что это справедливо. Вотъ мнѣ кажется, ключъ къ объясненію поведенія Караганова въ Задонскомъ уѣздѣ. Карагановъ давно уже зналъ, что его подозрѣваютъ или обвиняютъ въ составленіи завѣщанія Бѣляева. Ему говорили объ этомъ, въ 1865 г., когда онъ служилъ у Красильникова, говорили Ижболдинъ, Матвѣевъ и, по всей вѣроятности, самъ Красильниковъ, требуя отъ него сознанія; ему говорили, что невозможно, чтобы онъ не принималъ никаго участія въ этомъ дѣлѣ. Онъ постоянно отрицалъ это, или молчалъ. Затѣмъ проходитъ нѣсколько лѣтъ; его способности ослабѣваютъ; онъ не имѣетъ болѣе той силы сопротивленія, какою обладалъ прежде; старая мысль, заброшенная вновь въ голову его тѣмъ лицомъ, съ которымъ онъ проводилъ время въ 1870 г., развивается, укрѣпляется и доходитъ до степени несомнѣннаго убѣжденія. Вотъ почему я позволю себѣ утверждать, что показаніе Караганова не имѣетъ никакого существеннаго значенія и недостаточно для того, чтобы послужить основаніемъ даже къ предположенію о фальшивости завѣщанія. Покончивъ, такимъ образомъ съ показаніемъ Караганова, я считаю себя въ правѣ перейти къ другому существенному вопросу—о подложности завѣщанія, и разсмотрѣть тѣ второстепенныя, мелкія соображенія, съ помощью которыхъ обвинительная власть старается доказать, что завѣщаніе не могло быть подписано Бѣляевымъ.

(*Засѣданіе было прервано на пять минутъ*).

Послѣ перерыва засѣданія, г. защитникъ снова беретъ слово. Прежде чѣмъ перейти ко второй части моей рѣчи, говоритъ онъ, я долженъ нѣсколько дополнить первую часть. Я забылъ напомнить вамъ, гг. присяжные, о двухъ письмахъ, которыя имѣютъ весьма существенное значеніе въ настоя-

щемъ дѣлѣ: о письмѣ Караганова къ отцу, въ 1866 г., въ которомъ онъ говоритъ, что виновенъ въ какихъ-то неизвѣстныхъ ему самому проступкахъ, и потомъ о письмѣ отца Караганова къ сыну, въ январѣ 1869 г., гдѣ онъ пишетъ, чтобы сынъ сообщилъ ему свѣдѣнія о дѣлѣ по наслѣдству Бѣляева, въ которомъ его такъ безвинно считаютъ участникомъ. Если сопоставить эти письма съ такъ называемымъ завѣщаніемъ Караганова, на которое ссылался г. прокуроръ, то завѣщаніе это теряетъ тотъ смыслъ, который ему придается. Въ концѣ его сказано, что Карагановъ винитъ себя въ нѣкоторыхъ неосмотрительныхъ проступкахъ молодости, которые отчасти извѣстны отцу его. Къ числу этихъ проступковъ не можетъ принадлежать подписаніе завѣщанія отъ имени Бѣляева, такъ какъ въ этомъ, по словамъ отца Караганова, его безвинно подозрѣваютъ.

Затѣмъ, гг. присяжные, мнѣ слѣдуетъ обратиться къ вопросу о завѣщаніи. Противники мои, разбирая завѣщаніе со всѣхъ сторонъ, стараются доказать недѣйствительность его, какъ по внѣшней формѣ, такъ и по содержанію. Прежде всего говорятъ: вѣроятно ли, чтобы человѣкъ такой аккуратный, такой дѣловой, какъ Бѣляевъ, писавшій собственноручно самыя пустыя донесенія, подписывавшій конверты, чтобы этотъ человѣкъ могъ, вопервыхъ, не написать самъ своего духовнаго завѣщанія, и во-вторыхъ, подписаться просто „Козьма Бѣляевъ“? Вѣроятно ли, чтобъ человѣкъ, пишущій ясно, съ достоинствомъ, могъ написать завѣщаніе такъ неудачно, такъ темно, не полно во всемъ, что касается существа, и такъ многорѣчиво во всемъ, что касается формы? Мнѣ кажется, что здѣсь, съ перваго же раза, мы вступаемъ на почву чрезвычайно тонкую. Когда мы догадываемся о дѣйствіяхъ извѣстнаго лица, по общему характеру его, то мы всегда находимся въ опасности впасть въ заблужденіе. Нѣтъ человѣка, который дѣйствовалъ бы всегда подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же правилъ; нѣтъ человѣка аккуратнаго, который не допускалъ бы иногда медленности, и т. д. Есть

справедливая русская пословица, которая говоритъ, что „на всякаго мудреца довольно простоты“. Нѣтъ человѣка, за котораго мы могли бы поручиться, что при извѣстныхъ условіяхъ онъ будетъ дѣйствовать такъ, а не иначе. Слѣдовательно, если мы говоримъ, что завѣщаніе недѣйствительно, потому что не писано собственноручно Бѣляевымъ, потому что написано неясно и неточно, то мы утверждаемъ такое обстоятельство, которое не можетъ быть доказано и весьма легко можетъ не существовать на самомъ дѣлѣ. Литературно-образованный человѣкъ, привыкшій владѣть перомъ, при извѣстныхъ условіяхъ можетъ написать несвязное письмо, или прибѣгнуть къ посторонней помощи, къ чужому перу. Мы знаемъ, что Бѣляевъ не всегда писалъ самъ, мы знаемъ, что не только доношенія въ Опеку, но и письма, напримѣръ письмо къ Алоизію Матвѣевичу, были писаны не его рукою: слѣдовательно, общаго правила, въ силу котораго можно было бы сказать, что онъ всегда писалъ самъ, не можетъ быть установлено. Но еслибъ это и было такъ, то можно ли утверждать, что человѣкъ больной, страданія котораго выражаются въ мучительныхъ пароксизмахъ, не могъ одинъ разъ нарушить свою обыкновенную привычку и прибѣгнуть къ чужой помощи, чтобы написать хотя бы и важный документъ? Если обвинительная власть прибѣгаетъ ко всякаго рода догадкамъ, то мнѣ кажется, и мнѣ позволительно будетъ прибѣгнуть къ одному, очень простому предположенію: Бѣляевъ почувствовалъ болѣе сильный пароксизмъ своей болѣзни, онъ чувствовалъ, что не въ состояніи писать, и вмѣстѣ съ тѣмъ боялся послѣдней минуты. Онъ призвалъ Целебровскаго—быть можетъ даже не призвалъ; быть можетъ Целебровскій былъ у него, такъ какъ несомнѣнно, что Целебровскій былъ постояннымъ адвокатомъ Мясниковыхъ, дѣлами которыхъ завѣдывалъ Бѣляевъ, и сверхъ того занимался разными дѣлами самого Бѣляева, какъ видно изъ черновыхъ прошеній и дневника,—онъ могъ быть въ ту минуту подъ рукою, когда съ Бѣляевымъ сдѣлалось дурно. Говорятъ: зачѣмъ онъ не обратился къ конторщику, а къ

Целебровскому? Но главный конторщикъ, Шмелевъ, не могъ быть переписчикомъ завѣщанія, потому что въ немъ была назначена выдача въ пользу Шмелева; притомъ Целебровскій былъ юристъ и могъ знать, какъ составляется завѣщаніе. Намъ скажутъ, что Бѣляевъ былъ самъ дѣловой человѣкъ; да, это такъ, но онъ, конечно, не былъ юристомъ. Припомните, напримѣръ, что въ 1845 году онъ посылалъ къ Нв. Фед. Мясникову проектъ росписки, опредѣляющій порядокъ представленія Бѣлявымъ отчетовъ, не только при жизни, но и послѣ смерти Нв. Фед. Мясникова. Я полагаю, что не только юристъ, но и всякій человѣкъ, имѣющій нѣкоторое понятіе о нашихъ законахъ, понялъ бы, что такая росписка не обязательна, что никто не можетъ стѣснять своихъ наслѣдниковъ въ требованіи отчетовъ отъ бывшаго управляющаго наслѣдственнымъ имуществомъ. Что Бѣляевъ не былъ юристомъ, мы имѣемъ тому еще и другое доказательство, уже прямо относящее къ вопросу о завѣщаніи; мы имѣемъ обрывокъ, написанный карандашемъ и сохранившійся въ бумагахъ А. Мясникова, (хотя въ настоящее время и играющій роль улики противъ него)—обрывокъ, на которомъ рукою Бѣляева написано, что „сія моя послѣдняя воля“ и т. д. Понятно, что это человѣкъ опытный продиктовалъ Бѣляеву, какъ слѣдуетъ подписаться на завѣщаніи. Какъ бы то ни было, Бѣляевъ обращался съ просьбою къ Целебровскому, тотъ пишетъ завѣщаніе, и если предположить, что Бѣляевъ былъ боленъ, ему не время было разсматривать, правильно ли и изящно ли пишетъ Целебровскій; онъ проситъ только, написать такъ, чтобы все состояніе перешло къ женѣ. Целебровскій, съ нѣкоторыми замашками, свойственными старымъ адвокатамъ, пишетъ дѣйствительно не совсѣмъ хорошо и просто текстъ завѣщанія. Далѣе указываютъ на то, что Бѣляевъ непремѣнно бы подписался подъ завѣщаніемъ полнымъ своимъ званіемъ, но не говоря уже о томъ, что ему могла помѣшать болѣзнь, самъ г. прокуроръ замѣчаетъ совершенно справедливо, что когда въ текстѣ оффиціальнаго документа

есть полное означеніе званія лица, тогда повторепіе того же въ подписи является излишнимъ; между тѣмъ въ завѣщаніи именно сказано „фридрихсгамскій первостатейный купецъ„ и т. д. Кромѣ этого, Бѣляевъ могъ разсчитывать, что то же самое подробное обозначеніе его званія будетъ сдѣлано въ свидѣтельскихъ подписяхъ; это дѣйствительно и случилось. Вотъ почему онъ могъ подписать завѣщаніе словами „Козьма Бѣляевъ"; но еще болѣе простое объясненіе этого обстоятельства заключается въ томъ, что онъ былъ боленъ, что ему трудно было написать болѣе двухъ словъ.

Гребованія, съ которыми мои противники относятся къ внутреннему содержанію завѣщанія, кажутся мнѣ еще болѣе неосновательными. Говорятъ, напр., что Бѣляевъ, какъ человѣкъ богомольный, не могъ не оставить чего нибудь на поминовеніе души, на церкви и монастыри, что онъ не могъ забыть родныхъ, которыхъ такъ нѣжно любилъ, не могъ удѣлить Ремянниковой такую малую долю своего имущества, не могъ вовсе лишить наслѣдства другую сестру, Мартьянову, бѣдственное положеніе которой такъ краснорѣчиво описано въ обвинительной рѣчи. Но опять таки мы входимъ здѣсь въ область такихъ предположеній, которыя ни къ чему опредѣленному привести не могутъ. Кто можетъ сказать про самаго близкаго своего пріятеля, какъ онъ въ данную минуту распорядится своимъ имуществомъ? Кто можетъ усомниться въ завѣщаніи только потому, что въ немъ ничего не оставлено человѣку, которому по чьимъ-нибудь соображеніямъ слѣдовало бы что нибудь оставить? У каждаго изъ насъ свой взглядъ, свои убѣжденія, постоянно измѣняющіяся: сегодня я могу быть расположенъ къ одному родственнику и ему завѣщать свое имущество, завтра расположеніе мое измѣняется и я не оставлю ему ничего; поэтому удивляться, что въ завѣщаніи Бѣляева мало оставлено одной сестрѣ и ничего не оставлено другой, совершенно невозможно. Наконецъ, гдѣ основанія предполагать, что Бѣляевъ долженъ былъ оставить что нибудь Мартьяновой, гдѣ указанія на то, что между Мартьяновою и

Бѣляевымъ существовали, въ моментъ смерти послѣдняго, братскія отношенія? Еслибы такія отношенія существовали, то неужели Мартьянова или ея наслѣдники не могли бы отыскать въ ея бумагахъ хотя бы одно письмо Бѣляева, когда они отыскали и представили важныя развѣ только для защиты письма Мартьяновой къ Бѣляевой и Ремянниковой, не дошедшій по адресу. Не очевидно ли, что Бѣляевъ вовсе не писалъ Мартьяновой? Въ исходящемъ журналѣ Бѣляева мы не видимъ никакого указанія на выдачи пособія Мартьяновой; наконецъ изъ показанія Ремянниковой мы знаемъ, что Бѣляевъ при жизни былъ въ весьма дурныхъ отношеніяхъ съ сестрою и ея сыномъ. Что же касается до бѣдности Мартьяновой, то я попрошу васъ только припомнить, что эта бѣдность описывается ею въ письмѣ 1861 г., а въ 1858 г., не задолго до смерти Бѣляева, мы не знаемъ, въ какомъ положеніи находилась тогда Мартьянова, и не только не знаемъ этого мы, но не зналъ этого, вѣроятно, и самъ Бѣляевъ. Такимъ образомъ, всѣ соображенія, касающіяся этихъ недомолвокъ въ засѣданіи, должны быть устранены. Далѣе говорятъ, что если Бѣляевъ сдѣлалъ такое завѣщаніе въ моментъ болѣзни, то почему онъ не воспользовался первымъ свободнымъ промежуткомъ, первой свободной минутой, чтобы написать новое завѣщаніе? На это есть одна очень простая причина. Г. прокуроръ упомянулъ о суевѣріи, съ которымъ весьма многіе въ нашемъ обществѣ смотрятъ на завѣщаніе, въ особенности въ купеческомъ быту. Въ минуту опасности, въ моментъ сильнѣйшей боли Бѣляевъ могъ преодолѣть это чувство, которое до тѣхъ поръ мѣшало ему, вопреки высказываемой неоднократно волѣ, составить завѣщаніе въ пользу жены; но затѣмъ въ здоровыя минуты опять могли возобновиться грустныя мысли о смерти, сопряженныя съ составленіемъ завѣщанія, и могли помѣшать ему перемѣнить изложеніе его послѣдней воли. Наконецъ, когда подписались свидѣтели? Всѣ подписи сдѣланы разными чернилами: поэтому говорятъ—надо предполагать, что онѣ сдѣланы въ разное время. Но я про-

шу васъ обратить вниманіе на то, какъ шатки выводы, основанные на цвѣтѣ чернилъ; прошу васъ припомнить, что на одной страницѣ расходной книги Бѣляева, которая была вамъ предъявлена, въ очень короткій промежутокъ времени, встрѣчаются отмѣтки, сдѣланныя совершенно различными чернилами. Различіе въ цвѣтѣ чернилъ можетъ зависѣть и отъ пера, и отъ подбавки воды въ чернила, и отъ того, что въ кабинетѣ Бѣляева было нѣсколько чернильницъ; наконецъ, Целебровскій могъ писать въ конторѣ, Сицилинскій—подписалъ завѣщаніе въ кабинетѣ Бѣляева нѣсколько раньше Отто, и т. д. Однимъ словомъ тутъ является весьма широкій просторъ для самыхъ разнообразныхъ предположеній, столь шаткихъ, что ни на одномъ изъ нихъ нельзя остановиться и которыя ни къ чему привести насъ не могутъ. Намъ говорятъ далѣе: если Отто присутствовалъ при составленіи завѣщанія, зачѣмъ онъ не успокоилъ Бѣляева, сказавъ ему, что нѣтъ причины спѣшить, что проживетъ еще долго? Но если даже и предположить, что Отто былъ именно въ ту минуту у Бѣлясва, то развѣ онъ не зналъ, что болѣзнь опасна, что Бѣляевъ можетъ умереть со дня на день? Кромѣ того Отто могъ совершенно не знать, какое преимущество имѣетъ завѣщаніе, написанное собственноручно; слѣдовательно, убѣждать Бѣляева, чтобы онъ перемѣнилъ завѣщаніе, или отложилъ составленіе его до другаго времени, не было для Отто никакого основанія. Намъ говорятъ, что если Бѣляевъ считалъ себя въ эту минуту опасно больнымъ, то ему прежде всего слѣдовало послать за женою. Но гдѣ же доказательство, что она была тогда въ Ораніенбаумѣ? Завѣщаніе писано 10-го мая, а у насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ, когда именно Бѣляева переѣхала на дачу; есть, напротивъ, полное основаніе думать, что по случаю болѣзни Бѣляева, поѣздка на дачу была отложена и совершилась позже, такъ что 10-го мая Бѣляева еще была въ Петербургѣ. Наконецъ, насъ спрашиваютъ: неужели Бѣляевъ могъ оставить такое неопредѣленное, такое темное завѣщаніе? неужели онъ не могъ сказать,

какія у него дѣла, въ чьихъ рукахъ его капиталы, на кого онъ имѣетъ претензіи? Вѣдь онъ поставилъ жену свою въ какой-то лабиринтъ, изъ котораго невозможно было ей выдти. Не говоря уже о томъ, что завѣщаніе, написанное въ общихъ словахъ—явленіе весьма обыкновенное, я приведу только два существенныя соображенія по этому поводу. Бѣляевъ былъ человѣкъ, бросавшійся слишкомъ поспѣшно на разныя предпріятія и, слѣдовательно, хорошо знавшій, что составъ его имущества колеблется, измѣняется, что перечислять въ завѣщаніи имущество, которое ему принадлежало въ тотъ день, значило подать поводъ къ недорозумѣніямъ, дать основаніе думать, что онъ не хотѣлъ оставить своей женѣ имущества, имъ впослѣдствіи пріобрѣтеннаго. Однимъ словомъ, человѣку торговому, постоянно производившему съ своимъ состояніемъ разные обороты, всего естественнѣе было составить завѣщаніе въ общихъ выраженіяхъ. Это предположеніе находитъ весьма важное подкрѣпленіе въ томъ отрывкѣ изъ завѣщанія, написанномъ собственноручно Бѣляевымъ, гдѣ сказано: „ей же, женѣ моей, передаю всѣ права мои по обязательствамъ съ казною и частными лицами“ и т. д.— выраженія самыя общія, неопредѣленныя; нѣтъ никакихъ указаній на то, какіе у Бѣляева контракты, съ какими частными лицами они заключены, какія у него или на немъ долговыя обязательства. Слѣдовательно, завѣщаніе 10-го мая соотвѣтствуетъ вполнѣ той формѣ, въ которой начато собственноручное его завѣщаніе.

Наконецъ, гг. присяжные засѣдатели, я перехожу къ тому вопросу, который я считаю однимъ изъ самыхъ важныхъ —къ вопросу о свидѣтельскихъ подписяхъ. Прежде всего нельзя не удивиться тому, что на завѣщаніи, которое считаютъ подложнымъ, подписываются такія лица, честности которыхъ отдается полная справедливость обвинительною властью. Обыкновенно, когда дѣлается подложное завѣщаніе, ищутъ свидѣтелей снисходительныхъ, не очень строго относящихся къ требованіямъ закона, чести и справедливости, обыкновенно

прибѣгаютъ къ извѣстнаго рода людямъ, которые промышляютъ фальшивыми свидѣтельскими показаніями или подписями. Если такихъ людей нѣтъ подъ рукою, обращаются къ людямъ маленькимъ, ничтожнымъ, которымъ достаточно дать незначительную сумму денегъ, чтобы заставить ихъ молчать. Но чтобы для этого обращались къ лицамъ, подобнымъ Сицилинскому и Отто, высокая нравственность которыхъ признается всѣми, это представляется черезъ-чуръ страннымъ. Этотъ фактъ, неслыханный въ судебныхъ лѣтописяхъ, стараются объяснить, говоря, что свидѣтели сдѣлали подпись по добротѣ, по благодушію, не зная, что завѣщаніе подложно; притомъ ихъ ловко подвели, заставили ихъ подписаться очень обстоятельно и подробно, такъ что когда они явились въ гражданскую палату, имъ оставалось только подтвердить, что дѣйствительно они подписались на завѣщаніи. Говорятъ также, что будто бы въ нашемъ обществѣ существуетъ такое мнѣніе, что подписаться свидѣтелемъ на завѣщаніи можно и послѣ смерти завѣщателя, если только есть убѣжденіе, что завѣщаніе дѣйствительно подписано имъ самимъ. Но я не вижу, на чемъ основываются эти предположенія; я не понимаю, какимъ образомъ люди образованные, понимающіе законъ, или по крайней мѣрѣ требованія обыкновенной справедливости, могутъ думать, что свидѣтельская подпись, требуемая закономъ — не что иное, какъ пустая формальность, и что въ этой подписи позволительно говорить неправду. Напротивъ, всякій знаетъ, что завѣщаніе, подписанное завѣщателемъ и не подписанное свидѣтелями, равняется нулю; могъ ли не знать этого Сицилинскій, священникъ, духовный отецъ, которому въ теченіе его 70 тилѣтней жизни пришлось подписать, быть можетъ, болѣе 50-ти завѣщаній, могъ ли не знать этого Отто, докторъ, одно изъ тѣхъ лицъ, къ которымъ всего чаще обращаются съ просьбою подписаться свидѣтелемъ на завѣщаніи? Гг. присяжные! Что это за лица, о которыхъ говорятъ, что они согласились подписаться на завѣщаніи, зная, что завѣщаніе недѣйствительно? Были ли эти люди безнравственны, или по крайней мѣрѣ

легкомысленны, готовые согласиться на всякую услугу? Нѣтъ, здѣсь были дѣланы вопросы, дававшіе свидѣтелямъ возможность отвѣчать въ этомъ смыслѣ; но на каждый такой вопросъ они отвѣчали совершенно не такъ, какъ отъ нихъ ожидали. Напр., спрашивали свидѣтеля графа Клейнмихеля относительно Сицилинскаго: это человѣкъ былъ добрый? Онъ отвѣчалъ: строгій. Спрашивали свидѣтеля Слѣпцова относительно доктора Отто: онъ готовъ былъ оказать всякому услугу? Онъ отвѣчалъ: смотря по тому, какого рода была услуга. Всѣ показанія свидѣтелей клонятся къ тому, что Сицилинскій и Отто не были добрыми малыми въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, готовыми для компаніи сдѣлать и не совсѣмъ хорошую вещь; это люди, понимающіе значеніе чести и нравственности, люди, которые никогда не согласились бы сдѣлать лживый проступокъ, зная, что послѣ этого имъ по меньшей мѣрѣ придется передъ судомъ показать неправду. Неужели вы думаете, что Сицилинскій, прожившій болѣе 70-ти лѣтъ, бывшій въ званіи священника 50 лѣтъ, не зналъ, что ему придется пойти въ гражданскую палату и сказать, что, подписывая завѣщаніе, онъ видѣлъ завѣщателя и нашелъ его въ здравомъ умѣ и твердой памяти? Неужели Отто, человѣкъ также не молодыхъ лѣтъ, докторъ, никогда не подписывалъ завѣщаній и не зналъ, какую обязанность налагаетъ свидѣтельская подпись на того, кто ее сдѣлалъ? Говорятъ, что форма для свидѣтельскихъ подписей въ настоящемъ случаѣ не безъ цѣли была избрана весьма подробная; но я полагаю, что это предположеніе совершенно ошибочно. Если дѣйствительно было намѣреніе воспользоваться легкомысліемъ свидѣтелей, то достигнуть этого было гораздо легче, давъ имъ форму подписи по возможности короткую, неопредѣленную, а потомъ, когда они уже ее сдѣлали, сказать имъ: „теперь вы связаны; вы должны сказать, что видѣли завѣщателя и подписали при его жизни, потому что иначе вы подвергаетесь большой опасности“. Имъ же, напротивъ, предлагаютъ такую подпись, что они ни на минуту не могутъ сомнѣваться въ

томъ, что пишутъ неправду. И такъ, признать, что Сицилинскій и Отто подписались на завѣщаніи послѣ смерти Бѣляева, значило бы навсегда запятнать и опорочить ихъ память, потому что нельзя легкомысленно относиться къ подобнымъ вещамъ, нельзя утверждать, что люди, завѣдомо сдѣлавшіе ложную подпись, все-таки могли быть людьми честными. Еслибъ Сицилинскій и Отто подписали завѣщаніе послѣ смерти Бѣляева, не обдумавъ значенія этого поступка, то они поняли бы его въ присутствіи палаты и постарались бы его загладить. Не забудьте при этомъ, что нѣтъ закона, который назначилъ бы наказаніе человѣку, подписавшему завѣщаніе послѣ смерти завѣщателя, если онъ, придя въ палату, сознается въ своей ошибкѣ. Слѣдовательно, если Сицилинскій и Отто, вызванные въ палату, подтверждали, что видѣли завѣщателя при его жизни и по его личной просьбѣ подписали завѣщаніе, а безъ этого оно и небыло бы утверждено, то они поступили вполнѣ сознательно и закрѣпили то дѣйствіе, которое совершили, подписываясь на завѣщаніи. Всякое предположеніе о томъ, что они подписались послѣ смерти Бѣляева, равносильно предположенію, что они оба, рекомендованные намъ за людей высокой честности, были люди вполнѣ безнравственные. Намекаютъ, впрочемъ, и на то, что одинъ изъ этихъ добрыхъ людей, подписавшихъ завѣщаніе только изъ благодушія, изъ услужливости, былъ, однако, настолько практиченъ, что получилъ вознагражденіе за свою услугу: говорятъ, что все многочисленное семейство Сицилинскаго пользовалось пособіями отъ Мясниковыхъ. Значитъ Сицилинскій сказалъ своему семейству, тѣмъ лицамъ, которыя должны были болѣе всего уважать его: „вотъ, мои дѣти, я на старости лѣтъ сдѣлалъ нехорошее дѣло, но оно дастъ вамъ возможность, когда хотите, придти къ Мясниковымъ и потребовать отъ нихъ 100—150 рублей„. Можно ли рѣшиться на такія предположенія, когда дѣло идетъ о чести людей, не запятнанныхъ въ продолженіе всей ихъ жизни? Сицилинскій получалъ одолженія при жизни Бѣляева; что же удивительнаго, что его дѣти

получали отъ Мясниковыхъ незначительныя суммы, въ родѣ ста или полутораста рублей. Это вполнѣ нормально, и если свидѣтель Жоховъ былъ выставленъ для того, чтобы показать объ этомъ во время засѣданія, то это доказываетъ только, какъ важно для обвинительной власти поколебать вѣру въ нравственность Сицилинскаго и Отто, и какъ мало у ней для того основаній. Здѣсь, гг. присяжные, слабая сторона обвиненія, и вмѣстѣ съ тѣмъ сильная сторона защиты, которую вы не можете обойти иначе какъ признавъ, что Сицилинскій и Отто были люди безъ чести, безъ совѣсти.

Прежде чѣмъ идти далѣе, я долженъ упомянуть объ одномъ доказательствѣ, которое играетъ нѣкоторую роль въ рѣчахъ моихъ противниковъ, о той экспертизѣ, которая была вами выслушана. Я считаю себя тѣмъ болѣе въ правѣ выразить свой взглядъ на экспертизу, какъ на доказательство, не имѣющее никакого существеннаго значенія, что недавно еще, когда дѣло о завѣщаніи Бѣляева производилось въ гражданскомъ судѣ, я высказалъ то же самое мнѣніе, хотя экспертиза въ то время склонялась въ пользу дѣйствительности завѣщанія. Я понимаю значеніе экспертизы тамъ, гдѣ требуются спеціальныя познанія, гдѣ ни одинъ изъ насъ, людей, обладающихъ общимъ образованіемъ, не можетъ сказать утвердительно, какъ слѣдуетъ смотрѣть на дѣло. Но когда экспертиза касается предметовъ, доступныхъ почти каждому изъ насъ, когда она касается вопросовъ, которые этимъ путемъ разрѣшены быть не могутъ, то я полагаю, что значеніе ея самое ограниченное. Я полагаю, что при сличеніи почерковъ, очень часто, совершенно противъ воли и незамѣтно для самихъ гг. экспертовъ, играетъ роль та обстановка, при которой приходится давать заключеніе, и вотъ почему въ настоящемъ дѣлѣ такъ часто измѣнялись воззрѣнія экспертовъ. Вотъ почему тѣ самыя лица, которыя при предшествовавшихъ изслѣдованіяхъ приходили къ одному убѣжденію, теперь приходятъ къ противному; а другія, оставшіяся вѣрными своему взгляду, прежде взглядъ этотъ мотивировали такъ, а теперь мотивируютъ его иначе. Не

доказываетъ ли это съ одной стороны, что характеръ экспертизы соотвѣтствуетъ характеру того момента, въ который она производится—повторяю, противъ воли гг. экспертовъ—а съ другой стороны, что она вся съ начала до конца построена на самыхъ шаткихъ основаніяхъ. Я не стану припоминать вамъ всѣхъ тѣхъ противорѣчій въ разныхъ экспертизахъ по настоящему дѣлу, которыя были мною своевременно указаны; припомню только одно: когда производилось сличеніе почерковъ на предварительномъ слѣдствіи въ прошедшемъ году, гг. эксперты, изъ которыхъ многіе явились сюда, показали, что поддѣлка есть, но весьма грубая, плохая, и тѣ же самые эксперты въ одинъ голосъ въ настоящемъ засѣданіи объявили, что поддѣлка должна быть признана очень искусною, и слѣдовательно стали въ разрѣзъ съ тѣмъ мнѣніемъ, которое было высказано ими ранѣе. Наконецъ, припомните показаніе эксперта Иванова, изъ котораго видно, что хотя отвѣты и даны экспертами единогласно, но что одинъ и тотъ же выводъ построенъ разными экспертами на различныхъ основаніяхъ. Какія же основанія имѣлись въ настоящее время для признанія подписи сомнительною? Эксперты объяснили, что одно изъ этихъ основаній — большая крупность буквъ въ подписи на завѣщаніи. Обстоятельство это было только разъ замѣчено при прежнихъ экспертизахъ, и притомъ только тѣми экспертами, которые признали, что подпись похожа. Затѣмъ эксперты указали на нѣкоторую нетвердость почерка. Эта нетвердость опять-таки была признана тою же первою экспертизою, которая высказалась въ пользу подлинности завѣщанія. Притомъ, нетвердость почерка или раздѣльность каждой черты, о которой говорили передъ нами эксперты, развѣ не можетъ быть болѣзненнымъ состояніемъ Бѣляева? Когда человѣкъ пишетъ твердою, здоровою рукою, онъ пишетъ большею частью связно, пишетъ свою фамилію обыкновенно однимъ розмахомъ пера; но когда онъ пишетъ среди испытываемой имъ сильной боли, то нѣтъ ничего удивительнаго, что каждая буква имъ пишется отдѣльно, такъ какъ каждая черта, каждое движеніе

стоятъ ему чрезвычайныхъ усилій. Подпись, которую считаютъ сдѣланною человѣкомъ больнымъ, скорѣе тогда была бы сомнительною, если бы была сдѣлана твердою рукою. Сверхъ того во время производства дѣла очень большую роль въ отзывахъ экспертовъ играли разные вопросы, которые на судѣ совершенно устранены. Тѣ эксперты, которые признавали подпись сомнительною, говорили въ подтвержденіе своего мнѣнія, что Бѣляевъ подписывался безъ росчерка съ буквою ъ, или съ росчеркомъ, но безъ буквы ъ; въ завѣщаніи же имѣются и росчеркъ и буква ъ. Это играло громадную роль при первыхъ экспертизахъ. Теперь же, когда доказано, что есть несомнѣнныя подписи Бѣляева такія же, какъ на завѣщаніи, естественно, это обстоятельство теряетъ значеніе. То же самое слѣдуетъ сказать и о точкѣ, которую Бѣляевъ будто бы всегда ставилъ послѣ своей фамиліи. Теперь утверждаютъ только, что подпись Бѣляева безъ точки и съ росчеркомъ при ъ — исключеніе изъ общаго правила. Этого не отвергаю и я; но какъ вы думаете, гг. присяжные засѣдатели, что обыкновенно берется въ основаніе подписи, которую хотятъ поддѣлать — общее правило или исключеніе? Я полагаю, что никто не усомнится въ томъ, что берется за образецъ подпись обыкновенная, чаще всего встрѣчающаяся, а когда при этомъ имѣется еще секретъ, столь легко угадываемый, какъ точка, то каждый поддѣлыватель непремѣнно поставилъ бы эту точку. Я обращу ваше вниманіе еще на одно весьма важное обстоятельство: въ глазахъ обвинительной власти весьма большую роль играютъ всѣ тѣ внѣшнія особенности завѣщанія, выставляемыя на видъ и экспертами, которыя должны убѣдить васъ въ фальшивости завѣщанія. Но гдѣ находилось завѣщаніе во время производства дѣла? Хранилось ли оно въ такомъ мѣстѣ, откуда Мясниковы или Бѣляева, при всемъ своемъ желаніи, не могли добыть его и уничтожить? Нѣтъ. Завѣщаніе весьма часто возвращалось въ руки г-жи Бѣляевой, даже послѣ того, какъ производилось первое слѣдствіе по настоящему дѣлу. Чего стоило бы человѣку, сознающему свою преступность, истребить

завѣщаніе и вмѣстѣ съ нимъ матеріальное доказательствъ преступленія? Троекратное представленіе завѣщанія къ дѣлу, въ послѣдній разъ въ 1870 году, является, по моему мнѣнію, гораздо болѣе важнымъ, чѣмъ та шаткая, смутная экспертиза, на которую ссылается передъ вами обвинительная власть. Затѣмъ, вамъ представляется со стороны обвиненія цѣлый рядъ соображеній, касающихся способа появленія завѣщанія на свѣтъ, какъ оно было передано Бѣляевымъ своей женѣ, какъ было принято ею и представлено къ засвидѣтельствованію. Вотъ тѣ вопросы, которые обсуждаются повѣреннымъ гражданскаго истца и представителемъ обвинительной власти съ весьма большою подробностью. Прежде чѣмъ перейти къ этому, я долженъ возвратиться нѣсколько назадъ и показать оборотную сторону вопроса о подложности завѣщанія. Вамъ представлялись, гг. присяжные, разные доводы, говорящіе въ пользу подложности завѣщанія. Я уже указывалъ вамъ на личность свидѣтелей, подписавшихся на завѣщаніи, какъ на аргументъ въ пользу дѣйствительности завѣщанія; но посмотримъ, въ самомъ завѣщаніи нѣтъ ли еще указаній на то, что оно не подложно. Во первыхъ, на чемъ преимущественно основываютъ мои противники свой споръ о подлогѣ? На томъ, что Бѣляевъ въ маѣ мѣсяцѣ былъ человѣкомъ довольно крѣпкимъ, ѣздилъ на торги, писалъ разныя бумаги и, слѣдовательно, долженъ былъ написать завѣщаніе самъ. Но представьте себѣ, что завѣщаніе было бы помѣчено 23-мъ сентября, днемъ предшествовавшимъ смерти Бѣляева. Тогда всѣ эти соображенія пали бы безвозвратно. Самые ярые ревнители аккуратности Бѣляева должны были сознаться, что Бѣляевъ наканунѣ смерти былъ на столько слабъ, что не могъ написать завѣщанія самъ и не могъ даже подписать его съ полнымъ означеніемъ своего званія; но этого нѣтъ: на завѣщаніи выставлено 10-е мая. Кто составляетъ подложный документъ, и въ особенности такъ обдуманно, такъ тонко, какъ составлено въ данномъ случаѣ завѣщаніе, по словамъ повѣреннаго граждан-

скаго истца, тотъ не могъ обойти такого простаго вопроса. Почему же именно выбрано 10-е мая? Что за странность! Вѣдь такимъ образомъ составитель завѣщанія добровольно окружаетъ себя опасностями, даетъ не только поводъ утверждать, что въ этотъ день Бѣляевъ былъ здоровъ, но и возможность доказать, что онъ не былъ дома, возможность сличать подпись Бѣляева на завѣщаніи съ почеркомъ его въ дневникѣ того же числа, словомъ — безъ всякой надобности усложняетъ задачу и задрудняетъ успѣхъ задуманнаго дѣла. Что могло помѣшать помѣтить завѣщаніе 23-мъ сентября? Мы знаемъ, что Целебровскій былъ въ это время въ Петербургѣ, Отто лечилъ больнаго, а Сицилинскій приходилъ къ нему въ самый день смерти. Стало быть подписи ихъ могли быть отнесены къ этому числу. Наконецъ, если подпись была сдѣлана Карагановымъ на бѣломъ листѣ бумаги и нужно было подгонять текстъ къ этой подписи, то не проще ли было призвать Караганова и приказать ему сдѣлать еще подпись, и Карагановъ еще съ большею ловкостью, тотчасъ бы сдѣлалъ новую подпись, быть можетъ еще лучшую, чѣмъ первая. Что же было стѣсняться съ Карагановымъ? Разъ заручившись помощью его, можно было написать завѣщаніе совершенно спокойно, на досугѣ, не торопясь, со всѣми подробностями и формальностями, и, быть можетъ, Карагановъ изловчился бы такъ, что подписалъ бы полнымъ титуломъ Бѣляева, если уже съ перваго раза онъ дошелъ до такой степени совершенства. Прежде чѣмъ покончить съ завѣщаніемъ, я долженъ указать одинъ несомнѣнный фактъ, имѣющійся въ дѣлѣ—намѣреніе Бѣляева сдѣлать завѣщаніе. Фактъ этотъ не оспаривается даже и обвиненіемъ; но, тѣмъ не менѣе, я считаю долгомъ напомнить тѣ указанія, которыя мы имѣемъ по этому предмету. Во первыхъ, это доказывается обрывкомъ, написаннымъ рукою Бѣляева и найденнымъ при обыскѣ у Мясникова, а во вторыхъ, показаніями свидѣтельницы Сицилинской, которая говоритъ, что въ присутствіи ея шла рѣчь о какомъ то лицѣ, умершемъ безъ завѣщанія, и Бѣляевъ ска-

залъ, что съ нимъ этого не случится. Что разговоръ этотъ былъ, въ этомъ, конечно, нельзя сомнѣваться. Думаю, что Сицилинская, женщина пожилая и почтенная, произвела на васъ такое впечатлѣніе, что вы не заподозрите ее въ желаніи показывать фальшиво для того, чтобы прибавить одинъ слабый доводъ ко всѣмъ другимъ основаніямъ защиты. Затѣмъ вы слышали показаніе свидѣтельницы Ивановой. Если бы оно было обдумано, подготовлено, какъ на то намекали, то оно, конечно, было бы дано иначе. Если бы Иванова сговорилась съ Бѣляевой, то она, разумѣется, не сказала бы, что слыхала, будто Бѣляевою сдѣлано было завѣщаніе въ пользу мужа, между тѣмъ какъ Бѣляева объяснила уже по выслушаніи показанія Ивановой, что она такого завѣщанія никогда не составляла. Говорятъ еще, какъ могла Иванова слышать подобный разговоръ въ 1857 или 1858 г. по поводу смерти Громовой, когда Громова умерла въ 1856 г.: но неужели разговоръ объ отсутствіи завѣщанія можетъ идти только сейчасъ послѣ смерти извѣстнаго лица? Быть можетъ, была какая нибудь тяжба, какія нибудь семейныя несогласія, и по этому поводу возникъ разговоръ о завѣщаніи. Слѣдовательно, одно изъ двухъ—или завѣщаніе Бѣляева въ то время было составлено, или же выражалось такое твердое намѣреніе его составить, отъ котораго до исполненія одинъ лишь шагъ, задерживавшійся, можетъ быть, боязнью смерти, но совершившійся наконецъ подъ вліяніемъ болѣзненныхъ припадковъ, заставлявшихъ Бѣляева опасаться внезапной кончины. Г. повѣренный гражданскаго истца, съ помощью историческихъ фактовъ, результатовъ и своихъ собственныхъ разговоровъ съ кавказскимъ генераломъ, утверждаетъ, что совершенію всякаго событія предшествуетъ смутный говоръ, и что такой говоръ предшествовалъ появленію завѣщанія; но здѣсь повѣренный гражданскаго истца снова возвращается къ той массѣ показаній, которыя мы откинули уже по общему согласію. Гдѣ же доказательства тѣхъ слуховъ и толковъ, на которые ссылается г. повѣренный. Нѣтъ ни одного добросовѣстнаго свидѣтеля, за-

служивающаго довѣрія, который бы говорилъ объ этомъ. Г. повѣренный гражданскихъ истцовъ сослался только на свидѣтеля Китаева, того самаго, всѣ показанія котораго исполнены противорѣчій и который объяснялъ ихъ невнимательностью своею у судебнаго слѣдователя. Слухъ о подложности завѣщанія могъ появиться среди дворни, недовольной тѣмъ, что въ завѣщаніи ей не было ничего оставлено, и вслѣдствіе этого заподозрившей его подлинность; но это было уже послѣ открытія самаго завѣщанія. Слухъ распространился, когда Красильниковъ поѣхалъ къ Ракѣеву заявить о подложности завѣщанія. Замѣчу мимоходомъ, что Красильниковъ старался набросить тѣнь на Сицилинскаго; но вы также слышали, что показалъ по этому поводу Ракѣевъ. Пущенный такимъ образомъ слухъ, конечно, тотчасъ былъ подхваченъ. Какъ извѣстно, въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего общества весьма рады подхватить всякую скандальную исторію, и въ особенности такую, гдѣ замѣшана богатая фамилія Мясниковыхъ; но о появленіи завѣщанія, повторяю, никакихъ слуховъ, никакихъ толковъ не было.

Г. повѣренный гражданскаго истца говоритъ, что въ первое время послѣ смерти Бѣляева сама Бѣляева говорила и другія лица тоже показывали, что завѣщанія нѣтъ. Въ этомъ отношеніи онъ основывается опять на тѣхъ же показаніяхъ устраненныхъ свидѣтелей, и вотъ является на сцену забытый нами Штеммеръ, который отыскиваетъ свидѣтельницу Синцову въ Измайловскомъ полку и тащитъ ее противъ воли давать показаніе, Штеммеръ, который не признаетъ на судѣ своихъ собственныхъ писемъ, Штеммеръ, который ѣздилъ уговаривать Авдотью Кемпе пойти по этому дѣлу въ свидѣтельницы и показать, что ея сынъ, служившій когда-то у Мясниковыхъ, слышалъ о подложности завѣщанія. Вотъ кто долженъ появиться на сцену, если захотятъ доказать, что Бѣляева, Целебровскій и Отто говорили, что завѣщанія нѣтъ. Я полагаю, что можно совершенно спокойно устранить такихъ свидѣтелей и никогда болѣе не возвращаться къ нимъ.

Затѣмъ перехожу къ разбору показанія, Бѣляевой, показанія, конечно, весьма существеннаго въ настоящемъ дѣлѣ. Прежде всего я не могу не замѣтить разницы въ отношеніяхъ къ Бѣляевой обвинительной власти и повѣреннаго гражданскаго истца. Обвинительная власть признаетъ возможнымъ совершенно откинуть показаніе, данное Бѣляевою въ 1871 году, на второмъ слѣдствіи, показаніе, данное Бѣляевою, по ея словамъ, подъ вліяніемъ испуга. Повѣренный гражданскаго истца опирается въ особенности именно на это показаніе Бѣляевой и останавливается на вопросѣ, можно ли вѣрить испугу г-жи Бѣляевой? Не знаю, трепетная ли лань Бѣляева, но во всякомъ случаѣ знаю, что она боязливая женщина. На это есть два указанія: во первыхъ свидѣтель Погожевъ показалъ, что она боялась не только дѣла о завѣщаніи, но и всякихъ пустяковъ; во вторыхъ ея образъ дѣйствій въ вашемъ присутствіи подтверждаетъ это. На вопросъ прокурора, въ началѣ засѣданія, когда она была очень смущена, она даже отвѣчала, что ее никогда не вызывали къ судебному слѣдователю, тогда какъ чрезъ нѣсколько времени подробно объяснила, когда давала показаніе и какъ давала его. Говорятъ, что предъ вами, предъ торжественнымъ судомъ вашимъ, она должна была болѣе смутиться, чѣмъ у судебнаго слѣдователя; но самъ повѣренный гражданскаго истца напоминаетъ вамъ, что она теперь освобождена отъ обвиненія, а тогда она могла ожидать привлеченія къ дѣлу и потомъ дѣйствительно была привлечена къ нему въ качествѣ обвиняемой. Затѣмъ былъ ли для Бѣляевой внѣшній поводъ къ испугу? Полагаю, что былъ. Г. повѣренный гражданскаго истца передалъ слова Бѣляевой такимъ образомъ, будто бы безпрестанные звонки разстраивали ея нервы; но это перетолкованіе словъ ея не заставитъ васъ забыть истиннаго ихъ смысла. Дѣло въ томъ, что надъ домомъ Бѣляевой висѣла туча, замѣтная для нея самой. Было замѣчено, что агенты сыскной полиціи слишкомъ искусны, чтобъ прямо идти въ домъ, звонить и открыто наводить свои справки. Но есть различные пріемы дѣйствій, соотвѣтствующіе раз-

нымъ обстоятельствамъ. Пока свѣдѣнія собирались, нужно было дѣйствовать осторожно; но когда дѣло вступило въ новый періодъ, когда Карагановъ былъ привезенъ въ Петербургъ и далъ свое показаніе, тогда можно было дѣйствовать рѣшительнѣе, чтобъ повліять на впечатлительную личность. Я не счелъ бы себя въ правѣ говорить о такихъ догадкахъ, еслибъ не неожиданно явившееся показаніе свидѣтеля Петрова, вызваннаго обвинительною властью и отвѣчавшаго на ея вопросы, а не на вопросы защиты. Хотя Петровъ и не призналъ, что Ижболдинъ подкупалъ его, но здѣсь, на судѣ, онъ передалъ такія обстоятельства, которыя легко могутъ дать поводъ предположить, что можетъ быть онъ въ пьяномъ видѣ разсказывалъ, что его подкупили. Этотъ разсказъ могъ дойти до Бѣляевой; она могла подумать, что окружена опасностями, что вся прислуга готова измѣнить ей, и, конечно, могла испугаться. Прежде чѣмъ пойду далѣе, я обращу ваше вниманіе на одно обстоятельство, которое въ моихъ глазахъ имѣетъ весьма важное значеніе и какъ нельзя болѣе содѣйствуетъ объясненію неопредѣленности и противорѣчій, замѣчаемыхъ въ показаніяхъ Бѣляевой. Источникъ ихъ заключается въ событіяхъ 1865 и 1866 годовъ, о которыхъ такъ много говорилъ г. прокуроръ. Въ это время она поссорилась съ Мясниковыми. Поводомъ къ ссорѣ были два дѣла: споры по условію 22-го декабря 1858 года и споръ по опекѣ Шишкина. Въ это время она подаетъ въ управу благочинія прошеніе, въ которомъ отзывается о Мясниковыхъ весьма дурно. Отсюда враждебное расположеніе, которое поддерживается повѣреннымъ Бѣляевой Чевакинскимъ. Онъ вездѣ говоритъ, что сомнѣвается въ подлинности завѣщанія; онъ ограждаетъ безопаспость своей довѣрительницы ранѣе, чѣмъ кто-нибудь угрожаетъ этой безопасности; онъ готовъ взять росписку отъ Ижболдина, что тотъ ее преслѣдовать не будетъ; онъ хочетъ заключить условіе съ Ижболдинымъ и быть двадцатымъ или тридцатымъ повѣреннымъ Ижболдина по этому дѣлу. Послѣ такого эпизода понятно, что Бѣляева на слѣдствіи могла быть поставлена въ несовсѣмъ

ловкое положеніе. Она сожалѣла о томъ, что увлеклась враждебнымъ расположеніемъ къ Мясниковымъ, и этимъ можно объяснить нѣкоторую неопредѣленность ея отвѣтовъ. Но еще важнѣе другое объясненіе, какъ нельзя болѣе простое, вытекающее изъ самаго положенія дѣла. Бѣляева спрошена, въ первый разъ черезъ 10 лѣтъ послѣ составленія завѣщанія, затѣмъ, почти черезъ 14 лѣтъ, явилась свидѣтельницею на судѣ; она женщина далеко не молодая. О чемъ же ее спрашиваютъ? О такихъ вещахъ, которыя большая часть изъ насъ, людей еще не старыхъ, забываетъ весьма скоро и весьма легко. Представьте себѣ, что вамъ передаютъ какую нибудь бумагу и просятъ ее спрятать; проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ, и вы ее возвращаете; потомъ черезъ нѣсколько лѣтъ васъ спрашиваютъ, въ какомъ помѣщеніи вашей квартиры вы ее хранили? Я думаю, что въ девяти случаяхъ изъ десяти, никто не будетъ въ состояніи дать положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ, за исключеніемъ развѣ тѣхъ лицъ, которыя заранѣе приготовились дать отвѣтъ на всякій вопросъ, которыя, сознавая себя виновными, приняли заранѣе мѣры, чтобъ не говорить ни одного слова, которое могло бы повредить имъ, и не умалчивать о томъ, что можетъ послужить въ ихъ пользу. Слѣдовательно, когда Бѣляеву спрашиваютъ, куда вы положили завѣщаніе, неужели вы будете удивляться, что она отвѣчаетъ: „не помню?“ Неужели вы заподозрите, изъ-за этого, правдивость ея отвѣтовъ? Затѣмъ ее спрашиваютъ: прочли ли вы завѣщаніе? Разъ она говоритъ, что только просмотрѣла его, разъ—что не дочитала, разъ—что пробѣжала начало и конецъ. Неужели къ этому можно придираться. Неужели можно требовать, чтобъ Бѣляева, черезъ 14 лѣтъ, помнила всѣ подробности тяжелой для нея минуты, когда она узнала, какъ близокъ конецъ любимаго ею мужа? Будь она участница въ преступленіи, будь завѣщаніе фальшивое, она бы нашлась, дала бы опредѣленный отвѣтъ, и потому неопредѣленность показанія, ни въ какомъ случаѣ, противъ нея обращена быть не можетъ. Что она показала на второмъ предварительномъ

слѣдствіи? Есть ли тутъ такое громадное разнорѣчіе, та открытая дверь, о которой говорилъ повѣренный гражданскаго истца? Она сказала: „Да, я передала завѣщаніе Мясникову, но то ли самое, которое онъ привезъ назадъ, не знаю". Нельзя же предполагать, что завѣщаніе въ ея пользу было обращено въ другое завѣщаніе тоже въ ея пользу. Если подложно то завѣщаніе, которое ей привезъ Мясниковъ, подложно и то, которое она передала Мясникову, и никакая открытая, въ этомъ смыслѣ, дверь ей не поможетъ. Затѣмъ васъ спрашивали, какъ могла Бѣлаева обратить вниманіе не на то, что ей оставлено, а на подписи свидѣтелей? Но развѣ она сказала, что обратила вниманіе на подписи? Она сказала только, что прочла ихъ. Когда человѣкъ убитъ горемъ, онъ обращаетъ вниманіе на то, что первое попадется ему на глаза, а не на то, что для него важнѣе. Если бы она подготовлялась къ показанію заранѣе, то не сказала бы, что Спицынскій и Отто подписались на завѣщаніи однимъ только своимъ именемъ. Вѣдь завѣщаніе было у ней въ рукахъ въ теченіе 10-ти лѣтъ; неужели она не могла изучить его достаточно, чтобы помнить, какъ оно было подписано, и не отвѣчать разнорѣчиво въ вашемъ присутствіи? Вся совокупность отвѣтовъ Бѣляевой показываетъ, что она отвѣчала неопредѣленно подъ вліяніемъ весьма понятнаго смущенія. Намъ говорятъ, что она давала раздражительнымъ тономъ отвѣты—„да", „нѣтъ". Но можно ли оставаться хладнокровнымъ, когда лицо, не уполномоченное къ тому закономъ, прежде начала допроса, проситъ о записькѣ въ протоколъ ея показаній, на случай возбужденія вопроса о лжесвидѣтельствѣ? Еслибы это сдѣлалъ г. прокуроръ—и тогда Бѣляева не могла бы остаться къ этому равнодушной; но если это дѣлаетъ лицо, имѣющее только гражданскій интересъ въ дѣлѣ, то является не только смутное состояніе безпокойства, но и весьма понятное раздраженіе, и если это раздраженіе слышалось въ отвѣтахъ Бѣляевой повѣренному гражданскихъ истцовъ, то это совершенно естественно. Затѣмъ г. прокуроръ опять задается цѣлымъ рядомъ вопросовъ: отчего

не было того, отчего не было другаго, отчего то или другое было сдѣлано такъ или иначе? Посмотримъ, могутъ ли насъ привести къ чему-нидудь подобные вопросы. Г. прокуроръ говоритъ: „странное дѣло, зачѣмъ Бѣляевъ передалъ завѣщаніе на сохраненіе женѣ, зачѣмъ не сдѣлалъ этого раньше, зачѣмъ не внесъ завѣщанія въ какое-нибудь присутственное мѣсто, не передалъ его для храненія какому-нибудь должностному или частному лицу? Но опять повторяю, можно ли требовать, такимъ образомъ, отчета отъ человѣка, зачѣмъ онъ поступилъ такъ, а не иначе? Каждый человѣкъ можетъ поступать различно, хуже или лучше, осторожнѣе или неосторожнѣе. Если онъ избираетъ средство, которое кажется намъ менѣе цѣлесообразнымъ, неужели изъ этого можно выводить, что онъ вовсе того или другаго не сдѣлалъ? Бѣляевъ могъ раньше не передавать завѣщанія женѣ, потому что считалъ возможнымъ его измѣнить и думалъ, когда соберется съ силами, написать другое завѣщаніе; затѣмъ, увидѣвъ, что здоровье его все больше и больше разстраивается, онъ могъ рѣшиться оставить завѣщаніе какъ оно есть, и передаетъ его женѣ. Что же тутъ удивительнаго? Бездна завѣщаній пропадаетъ, можетъ быть, отъ непринятія завѣщателями предосторожностей, но какъ бы то ни было, завѣщанія далеко не всегда вносятся для храненія въ присутственное мѣсто; притомъ, этотъ обрядъ особенно полезенъ только тогда, когда исполненъ лично завѣщателемъ, а въ послѣднія недѣли передъ смертью, Бѣляевъ, какъ извѣстно, не выѣзжалъ. Бѣляевъ передалъ завѣщаніе женѣ потому, что ему хотѣлось, чтобы во избѣжаніе заботъ, оно заблаговременно было въ рукахъ ея. Онъ не говоритъ ей, что это за бумага. Но вѣдь передача какой-нибудь бумаги въ торжественную минуту жизни достаточна, чтобы обратить на нее вниманіе получающаго. Еще спрашиваютъ: зачѣмъ онъ не сказалъ женѣ, что именно оставилъ ей? Но къ чему было такое перечисленіе? Естественно ли ожидать такого разговора между мужемъ и женой, которые другъ друга любятъ, если притомъ не имѣютъ дѣтей и жена, сама по себѣ, достаточно обезпечена.

Понятно, что человѣкъ нѣжный, какимъ былъ Бѣляевъ, какимъ онъ является въ своихъ письмахъ и былъ выставленъ прокуроромъ, понятно, что такой человѣкъ избѣгаетъ подобнаго разговора. Г. прокуроръ идетъ далѣе; онъ говоритъ: почему Бѣляева не спросила мужа, сколько и что онъ ей оставилъ? Такой вопросъ совершенно не мыслимъ при той обстановкѣ, которая господствовала въ семействѣ Бѣляевыхъ, тѣмъ болѣе, что для Бѣляевой вопросъ: сколько оставилъ ей мужъ? не былъ вопросомъ жизни или смерти; она женщина не бѣдная, имѣла свои винокуренные заводы и прекрасныя дома и знала, что послѣ смерти мужа останется во всякомъ случаѣ въ хорошемъ матеріальномъ положеніи. Вотъ, всѣ эти соображенія и несомнѣнное горе Бѣляевой, въ которомъ только повѣренному гражданскаго истца угодно было сомнѣваться, показываютъ ясно, почему и въ первое время послѣ смерти Бѣляева, она не торопилась раскрыть завѣщаніе и не тотчасъ приняла мѣры къ его засвидѣтельствованію. Говорятъ, что она держала его 40 дней въ безгласности. Нѣтъ, *она* такъ показала; но это одна изъ неточностей, которыя составляютъ главный признакъ искренности. Она представила завѣщаніе къ засвидѣтельствованію на 23-й день. Бѣляевъ умеръ 24-го сентября, а завѣщаніе внесено въ палату 16-го октября. Говорятъ, зачѣмъ она не успокоила несчастную заболѣвшую Ремянникову, не сказала тотчасъ, что ей оставлено 4,000 р.? Но что такое 4,000 руб. для женщины старой, одинокой, которая привыкла къ хорошей матеріальной обстановкѣ? Для нея гораздо важнѣе было знать, оставитъ ли ее свояченица у себя на прежнемъ положеніи. Можетъ быть она сначала въ этомъ сомнѣвалась и просила помощи Мясникова? Но что показывала здѣсь на судѣ Бѣляева? Она показала, что успокаивала Ремянникову, обѣщала ей, не оставлять ее. Затѣмъ уже безразлично, когда она сказала ей, что именно ей завѣщано. Слѣдовательно, предположеніе, что̀ болѣзнь Ремянниковой зависѣла отъ неопредѣленности ея положенія, совершенно не выдерживаетъ критики. Затѣмъ, г. прокуроръ говоритъ

о негодованіи Шмелева, который считалъ себя въ правѣ думать, что ему что-нибудь оставлено, и удивлялся, какъ же этого въ завѣщаніи нѣтъ. Но гдѣ доказательства, что о негодованіи его было извѣстно Бѣляевой? Притомъ, о негодованіи Шмелева намъ извѣстно изъ источника очень подозрительнаго. Однимъ словомъ, какъ ни посмотрѣть на дѣло, совершенно понятно, что Бѣляева могла, первые дни послѣ смерти мужа, не говорить о завѣщаніи, не представлять его къ явкѣ. Но говорятъ, есть довѣренность, которою Бѣляева еще въ сентябрѣ уполномочила Мясниковыхъ вести всѣ свои дѣла. Но, во-первыхъ, въ этой довѣренности нѣтъ ничего о завѣщаніи, и во-вторыхъ, она написана неизвѣстно кѣмъ, неизвѣстно по чьему приказанію; можетъ быть, по распоряженію Мясникова, или другаго лица, можетъ быть, управляющаго конторою. Такая довѣренность на всякій случай была приготовлена; но, дѣло въ томъ, что она никогда не была выдаваема, слѣдовательно выводъ, что въ концѣ сентября Бѣляева хотѣла распоряжаться дѣлами и дать ходъ завѣщанію, ни на чемъ не основанъ. Во всякомъ случаѣ, эта довѣренность не говоритъ ничего, ни въ пользу, ни противъ подлинности завѣщанія. Наконецъ, остается еще одно, кажется, послѣднее соображеніе, касающееся завѣщанія. Говорятъ,—какъ можно допустить, чтобы Бѣляевъ, любившій свою жену, оставилъ завѣщаніе, которое могло только поставить ее въ затрудненіе? Можно ли допустить, что Бѣляевъ, зная что у него есть деньги, оставилъ женѣ состояніе, обремененное долгами, чуть ли не свыше стоимости его? Этотъ вопросъ болѣе относится къ послѣднему вопросу—о величинѣ состоянія Бѣляева; но допустимъ, что мы уже доказали, что состояніе было небольшое, обремененное долгами. Не забудьте, что Бѣляевъ составилъ завѣщаніе 10-го мая, въ то время, когда не зналъ, какой оборотъ примутъ его дѣла, и могъ думать, что въ моментъ его смерти положеніе ихъ будетъ весьма благопріятно. Онъ могъ надѣяться, что проживетъ еще долго, такъ какъ его болѣзнь принадлежала къ числу тѣхъ, которыя могутъ и бы-

стро окончиться, и продолжаться очень долго. Наконецъ, Бѣляева и, на самомъ дѣлѣ, получила по условію, 22-го декабря, независимо отъ всѣхъ ея собственныхъ имѣній, 120,000 р. капитала, т. е. разницу между сохранною росписью и цѣнностью, уступленнаго Мясниковымъ имѣнія Бѣляева. Сверхъ того, Бѣляева получила въ свою пользу такое имущество ея мужа, которое не было уступлено Мясниковымъ по условію 22-го декабря. На это есть одно указаніе: какъ видно изъ свѣдѣній, доставленныхъ олонецкою казенною палатой, Бѣляева послѣ смерти мужа и окончанія разсчетовъ по олонецкому откупу, получила половину оставшейся суммы за вино, именно 9,000 рублей, а другая половина пошла Красильникову. Можетъ быть она получила и другія суммы; вѣдь по условію 22-го декабря, къ Мясниковымъ перешли только одни предпріятія Бѣляева, а у него, какъ видно изъ счета 16-го сентября 1857 г., были должники, которые, можетъ быть, заплатили Бѣляевой. И такъ, составленіе такого завѣщанія съ любовью Бѣляева къ женѣ, неподлежащею никакому сомнѣнію, нисколько въ противорѣчіи не находится.

Прежде чѣмъ продолжать рѣчь, я просилъ бы, на основаніи состоявшагося вчера опредѣленія суда, предъявить счеты гг. присяжнымъ засѣдателямъ. *(Счеты предъявляются).* Обращаюсь теперь къ самому существенному вопросу: не имѣлъ ли кто нибудь, и кто именно, интереса составить подложное завѣщаніе? Этотъ вопросъ находится въ тѣсной связи съ вопросомъ о состояніи Бѣляева. Я долженъ просить извиненія, что буду утруждать васъ цифрами, но это необходимо для разъясненія дѣла. Въ этомъ отношеніи существуетъ нѣкоторое разногласіе между моими противниками. Прокуроръ и, отчасти, одинъ изъ повѣренныхъ гражданскаго истца придаютъ значеніе этому вопросу; они понимаютъ, что въ такомъ дѣлѣ, какъ настоящее, нельзя обойти вопроса: былъ ли какой нибудь интересъ составить подложное завѣщаніе, что нельзя относиться свысока къ вопросу, какъ велико было состояніе Бѣляева? Другой повѣренный гражданскаго истца настойчиво

указывать, что этотъ вопросъ не имѣетъ значенія, даже возражалъ противъ единственнаго средства, которое мы имѣемъ, чтобы познакомить васъ съ этой сторопой дѣла, именно противъ предъявленія счетовъ. Полагаю, что всѣ заранѣе поняли, какъ важенъ этотъ вопросъ въ настоящемъ дѣлѣ. Прежде всего я долженъ заявить, что вполнѣ согласенъ съ той характеристикой Бѣляева, которую сдѣлалъ г. прокуроръ. Онъ отнесся къ личности Бѣляева съ уваженіемъ, и мнѣ кажется, иначе отнестись къ ней нельзя. Бѣляевъ, дѣйствительно, принадлежалъ къ числу тѣхъ усердныхъ и ревностныхъ слугъ, которые интересы своихъ хозяевъ ставятъ выше своихъ собственныхъ. Послѣ этой характеристики, мнѣ кажется, я могу только, вкратцѣ, указать на тотъ прискорбный вопросъ, который былъ сдѣланъ одному изъ свидѣтелей повѣреннымъ гражданскихъ истцовъ. Онъ спросилъ, вчера, одного изъ свидѣтелей: такъ вы полагаете, еслибы Бѣляевъ захотѣлъ употребить во зло довѣріе Пв. Ф. Мясникова, то могъ ли онъ обогатиться? Я полагаю, что этотъ вопросъ не можетъ возникнуть въ настоящемъ дѣлѣ, потому, что какъ обвинительная власть, такъ и защита вполнѣ признаютъ, что о неправильномъ происхожденіи состоянія Бѣляева не можетъ быть рѣчи. Затѣмъ, намъ надобно условиться насчетъ того, что слѣдуетъ понимать подъ именемъ большихъ капиталистовъ и малыхъ и въ какой степени слѣдуетъ, при этомъ, руководствоваться показаніями свидѣтелей. Г. прокуроръ по этому поводу высказалъ теорію, съ которою едва ли можно согласиться. Онъ полагаетъ, что послѣ 1858 года, понятія общества о большомъ и маломъ капиталахъ измѣнились, сообразно съ измѣнившимся распредѣленіемъ собственности въ разныхъ рукахъ. По мнѣнію г. прокурора, при существованіи откуповъ, при возможности быстраго, почти внезапнаго обогащенія, понятіе о большихъ капиталахъ, 14 лѣтъ тому назадъ, было другое, чѣмъ теперь. Тогда большимъ капиталистомъ считался тотъ, который, подобно Воронину, Кокореву, Бенардаки — откупнымъ царькамъ — располагалъ громадными средствами, милліо-

кимъ же тотъ, который, подобно Бѣляеву, какъ понимаетъ обвинительная власть, обладалъ капиталомъ въ 400,000—600,000 р. Замѣчу мимоходомъ, что здѣсь, въ первый разъ, настоящее дѣло является низведеннымъ хотя до чего нибудь подходящаго къ его настоящему значенію. Не говоря уже о слухахъ и о заявленіяхъ гражданскихъ истцовъ, цѣнившихъ состояніе Бѣляева въ нѣсколько милліоновъ, даже запрещеніе по настоящему дѣлу, при предварительномъ слѣдствіи, было наложено въ суммѣ 1,300,000 р. Теперь уже капиталъ Бѣляева опредѣляютъ совершенно иначе, но всетаки остается еще весьма много сдѣлать, чтобъ возстановить истину. И такъ, я возвращаюсь къ вопросу о состояніи Бѣляева и говорю, что если теперь не существуетъ откупа, то существуютъ другія, незнакомыя прежде, средства такого же быстраго, внезапнаго обогащенія, не всегда соотвѣтствующаго труду и силамъ, для того употребленнымъ: если прежде были откупа,—теперь есть концессіи: если прежде былъ торгъ виномъ,—въ настоящее время есть постройка желѣзныхъ дорогъ; если тогда слыли за большихъ капиталистовъ Воронинъ или Каншинъ, то въ настоящее время такими же капиталистами слывутъ Поляковъ и многіе другіе, которыхъ не зачѣмъ называть. Относительное значеніе понятій о большомъ и маломъ капиталѣ не измѣнилось. Затѣмъ спрашивается: въ какой степени мы можемъ руководствоваться, при опредѣленіи состоянія Бѣляева, показаніями свидѣтелей? Это, по моему мнѣнію, зависитъ оттого, что они показываютъ. Нѣкоторые изъ нихъ говорятъ, что считали Бѣляева за человѣка богатаго, считали его капиталъ въ 300,000, 400,000, даже въ 500,000 руб. На этомъ они останавливаются, не даютъ точныхъ свѣдѣній о его дѣлахъ и предпріятіяхъ. Такимъ показаніямъ можно давать вѣру относительно ихъ добросовѣстности, но серьезныхъ выводовъ изъ нихъ дѣлать нельзя. Гораздо большее значеніе имѣютъ тѣ свидѣтели, которые опредѣляютъ съ точностью дѣла умершаго, и знаютъ даже, на чемъ онъ имѣлъ барышъ, на чемъ убытокъ. Къ первой категоріи свидѣтелей

принадлежитъ Гротенъ, Молво, Перозіо, ко второй—Бенардаки и Неплюковъ. Затѣмъ, я расхожусь съ обвинительною властью по одному предмету: обвинительная власть настаиваетъ на различіи между оффиціальными документами и неоффиціальными бумагами, которыя имѣются въ настоящемъ дѣлѣ. Обвинительная власть говоритъ, что нужно руководствоваться отношеніемъ оберъ-прокурора 1-го департамента сената, свѣдѣніями, полученными изъ сената, изъ казенныхъ палатъ и т. п.; а что счеты Бѣляева, его росписки, домовая расходная тетрадь не имѣютъ существеннаго значенія. Въ этомъ отношеніи, я стою на точкѣ зрѣнія совершенно противоположной. Представимъ себѣ, напримѣръ, что, руководствуясь одними оффиціальными свѣдѣніями, мы опредѣлили бы участіе Бѣляева въ херсонскомъ откупѣ въ 25-ти паяхъ. Послѣ нѣкоторыхъ данныхъ, представленныхъ защитою вчера, обвинительная власть признала херсонскій откупъ почти непринадлежащимъ Бѣляеву, т. е. принадлежащимъ ему только въ пяти паяхъ, которыми онъ почти не пользовался. Руководствуясь одними оффиціальными документами, мы пришли бы, слѣдовательно, къ фальшивому заключенію о состояніи Бѣляева. Поэтому, чтобы составить правильное заключеніе, нѣтъ другаго средства, какъ обратиться къ пренебрегаемымъ обвинительною властію, а по моему мнѣнію, очень важнымъ домашнимъ росписямъ и счетамъ. Притомъ, такъ ли они не важны, какъ кажется съ перваго взгляда? Если извѣстное торговое лицо ведетъ книги по строгимъ правиламъ бухгалтеріи, тогда частныя его записки особаго значенія не имѣютъ. Но развѣ Бѣляевъ велъ торговыя книги? Развѣ есть другія основанія доказывать величину его состоянія, основанія болѣе точныя, чѣмъ, напримѣръ, отчетъ Бѣляева предъ Мясниковыми? Правда, свидѣтель Красильниковъ перечислялъ подробно всѣ книги Бѣляева, но вѣдь Красильниковъ одинъ изъ устраненныхъ свидѣтелей. Что касается Китаева, то, несмотря на пристрастіе его въ ту же самую сторону, какъ Красильниковъ, онъ на предварительномъ слѣдствіи показалъ, что въ

конторѣ книгъ не велось. Лучшимъ доказательствомъ, что ихъ не было, служитъ исходящая тетрадь, въ которой записывается росписка въ 272,000 р. И такъ, я думаю, что записки и счеты Бѣляева имѣютъ важное значеніе, потому что всѣ писаны собственноручно; я не предполагаю, чтобы могло быть оспорено значеніе этого доказательства.

Предпославъ эти предварительныя соображенія, я перейду къ разсмотрѣнію вопроса о состояніи Бѣляева. Оно заключалось главнымъ образомъ въ откупахъ. По поводу откуповъ много было говорено вчера мною самимъ и противною сторою; поэтому я ограничусь немногими замѣчаніями. Обвинительная власть продолжаетъ утверждать, что вологодскій откупъ представлялъ большую цѣнность, что если 20,000 руб. дано за послѣдніе 4 мѣсяца, значитъ, онъ приносилъ 60,000 въ годъ. Обвинительная власть, кажется, не такъ поняла вчерашнее мое заявленіе. Я не утверждалъ, чтобы откупщикъ, въ послѣдніе четыре мѣсяца, пускалъ вино въ продажу по возвышенной цѣнѣ; я говорилъ только, что къ концу срока содержанія откупа, старый откупщикъ передавалъ новому всѣ свои заведенія, имущество и запасы, и вотъ почему въ концѣ срока содержанія, откупъ могъ быть уступленъ за сравнительно высокую цифру. Припомните объясненіе Красильникова о передачѣ олонецкихъ откуповъ въ концѣ 1858 г., въ этомъ ему вполнѣ можно вѣрить, потому что онъ показывалъ не въ пользу подсудимыхъ. Красильниковъ показалъ, что въ концѣ 1858 г. онъ былъ озабоченъ полученіемъ довѣренности отъ Бѣляевой и Мясниковыхъ, именно для окончанія этихъ важныхъ, въ откупномъ дѣлѣ, разсчетовъ. Слѣдовательно, 20,000 р., заплаченные за 4 послѣдніе мѣсяца, не могутъ служить мѣриломъ для дѣйствительной стоимости откупа. Изъ 10,000, полученныхъ въ задатокъ за Устюгъ, 4,000 пошли къ А. Мясникову; столько же, пропорціально $^2/_5$, должно было, вѣроятно, достаться Ив. Константиновичу, такъ что Бѣляевъ и здѣсь является имѣющимъ, на самомъ дѣлѣ, $^1/_5$ своего номинальнаго участія въ откупѣ. Я укажу еще, что

по его расходной тетради и по счетамъ значатся выданными Мясниковымъ, по вологодскимъ откупамъ, 53,000 р. Что касается херсонскаго откупа, то мнѣ кажется, что указанные мною вчера документы и соображенія, позволяютъ исключить изъ счета состоянія Бѣляева этотъ откупъ по двумъ причинамъ: во-1-хъ, Бѣляевъ взялъ этотъ откупъ по порученію Мясниковыхъ, и всѣ деньги, которыя получалъ съ него, передавалъ имъ почти безъ остатка; во-2-хъ, въ августѣ 1858 года, херсонскій откупъ былъ уже совсѣмъ переданъ и разсчеты по немъ почти покончены. Объ олонецкихъ откупахъ есть свѣдѣніе въ счетѣ Бѣляева отъ сентября 1858 г., гдѣ сказано, что имъ вложенъ въ нихъ капиталъ въ 29,000. Красильниковъ показалъ, что они стоили въ концѣ 1858 г. до 70,000 р. Я готовъ принять и эту цифру. Затѣмъ, говорили о доходахъ, которые Бѣляевъ получалъ отъ откупнаго дѣла: но есть имущества съ доходомъ постояннымъ, есть другія — съ временнымъ доходомъ: откупа принадлежатъ къ послѣдней категоріи, и доходы съ нихъ должны были для Бѣляева совершенно прекратиться въ 1858 г., не говоря уже о томъ, что откупа не всегда давали доходъ, а часто убытокъ. Изъ всего сказаннаго видно, что если даже принять цѣнность олонецкихъ откуповъ въ 70,000 р., если допустить негласное участіе Бѣляева въ откупѣ Земли Войска Донскаго, то все-таки вся цѣнность его участія въ откупныхъ дѣлахъ, къ концу 1858 года, составляла лишь съ небольшимъ 100,000 руб. Затѣмъ, мы знаемъ, что залоги, представленные по откупамъ, принадлежали не одному Бѣляеву. По вологодскомъ и херсонскомъ откупамъ часть залоговъ внесена была на счетъ Мясниковыхъ, а по Олонецкой губерніи залогъ довѣренъ Бѣляеву его женою. Что касается до откуповъ на срокъ 1859—1863 г., то общая цифра представленныхъ Бѣляевымъ залоговъ составляла сначала 109,000 р., а потомъ понизилась до 71,000 р., въ число которыхъ входилъ и домъ Бѣляевой. Но что же дастъ право, причислить эту сумму къ активному капиталу Бѣляева? Сплошь и рядомъ въ залогъ по откупамъ

представлялись чужія цѣнности. Вы слышали вчера, что билеты коммисіи погашенія долговъ на сумму 140,000 р., которые явились въ числѣ залоговъ Бѣляева и которые Бѣляева розыскивала во время ссоры съ Мясниковыми, на самомъ дѣлѣ были возвращены Бѣляевымъ А. Мясникову; что когда ставропольскій откупъ былъ переданъ отъ Бѣляева Мясникову, то залоги представленные Бѣляевымъ, но принадлежавшіе Валохову и Андрееву, на сумму почти до 300,000 р., были возвращены двумъ послѣднимъ; что въ спискѣ залоговъ Бѣляева значится и 4 билета коммерческаго банка на сумму 700,000 руб., которые принадлежали одной изъ дѣвицъ Мясниковыхъ, и билетъ Пухова, принадлежавшій вдовѣ его и представленный Бѣляевымъ въ залогъ по вологодскимъ откупамъ. Вы знаете, съ другой стороны, что послѣ смерти П. Ф. Мясникова осталось до полутора милліона, въ билетахъ разныхъ кредитныхъ учрежденій. Не ясно ли, что при опредѣленіи состоянія Бѣляева залоги, представляемые имъ, въ соображеніе приниматься быть не могутъ. Затѣмъ, я перехожу къ рыбнымъ ловлямъ. Способъ исчисленія ихъ стоимости, превосходитъ всякое вѣроятіе. Говорятъ, что Мясниковы не имѣли формальнаго права на рыбныя ловли, составлявшія собственность Бѣляева. Это утверждаютъ на томъ основаніи, что хотя Бѣляевымъ было подано отношеніе о томъ, что $^2/_3$ рыбныхъ ловель онъ уступилъ Мясниковымъ, но контракта заключено не было. Но вѣдь въ дѣлѣ есть копія съ постановленія астраханской коммисіи о рыбныхъ ловляхъ, изъ котораго видно, что коммисія, по выслушаніи доношенія Бѣляева, признала Мясниковыхъ участниками въ $^2/_3$ предпріятія. Въ условіи 22-го декабря сказано, что рыбные промыслы передаются Мясниковымъ въ $^1/_3$. значитъ, остальныя двѣ трети имъ уже принадлежали. Еслибы Бѣляевъ, въ моментъ смерти, былъ собственникомъ рыбныхъ промысловъ, то они всѣ и были бы переданы Мясниковымъ по условію 22-го декабря. Если стать на точку зрѣнія г. прокурора, то какимъ же путемъ перешли въ собственность Мясниковыхъ остальные двѣ трети про-

мысловъ? А что они владѣли всею совокупностью промысловъ— это несомнѣнно. Затѣмъ г. прокуроръ совершаетъ другія операціи надъ рыбными ловлями: онъ цѣнитъ ихъ не потому, что онѣ стоили въ моментъ смерти Бѣляева, но по ихъ стоимости нѣсколько лѣтъ спустя. Неправильность этого пріема, я могу объяснить слѣдующимъ примѣромъ: представьте себѣ, что я строю фундаментъ дома, затѣмъ умираю; мои наслѣдники возводятъ на этомъ фундаментѣ 4-хъ этажный домъ. Неужели можно утверждать, что въ моментъ моей смерти эта постройка имѣла уже ту цѣнность, которую пріобрѣла по совершеніи окончаніи ея? Вотъ что, дѣйствительно, стоили рыбныя ловли въ моментъ смерти Бѣляева въ 1869 г.: во 1-хъ, отступнаго было заплачено Бѣляевымъ и обоими Мясниковыми 124,000, слѣдовательно, на долю Бѣляева приходилось не много болѣе 40,000; затѣмъ, на рыбныя ловли затрачено Бѣляевымъ 16,166 руб., въ первый разъ, и 25,000 р., во второй разъ, всего 41,166 руб. Присоединивъ къ этому $^1/_3$ залоговъ, т. е. 8,000 руб., мы увидимъ, что Бѣляевымъ было положено въ долю, съ небольшимъ, 90,000 руб., что и составляло цѣнность $^1/_3$ принадлежавшей Бѣляеву,— цѣнность, опредѣленную на основаніи обыкновенныхъ пріемовъ, употребляемыхъ при разрѣшеніи въ дѣлахъ гражданскихъ и въ практической жизни вопросовъ о стоимости имуществъ. Но г. прокуроръ въ настоящее время признаетъ возможнымъ отступить отъ всѣхъ принятыхъ и возможныхъ способовъ оцѣнки: онъ принимаетъ въ основаніе стоимость ловлей въ 1861 году, когда Мясниковыми былъ вложенъ въ нихъ большой капиталъ (въ 1866 г. 297,000), слѣдовательно, когда онѣ стараніями Мясниковыхъ пріобрѣли значительно большую цѣнность. Но если даже принимать въ соображеніе ихъ стоимость въ 1861 г., то и тогда ничѣмъ не доказано предположеніе, что онѣ стоили 899,000 руб. Говорятъ, что ловли были переданы Бутовичу Трощинскимъ за 1.030,000 руб. Но вѣдь эта передача не состоялась. Одновременно съ передачею рыбныхъ промысловъ, Мясниковы не внесли слѣдовавшей съ нихъ

арендной платы, рыбныя ловли были взяты въ казенное управленіе и наложено было запрещеніе на имѣніе Мясниковыхъ въ 624,000 р., т. е. соотвѣтственно количеству арендной платы, причитавшейся къ полученію до окончанія срока контракта, а не соотвѣственно стоимости промысловъ. Запрещеніе это, вслѣдствіе жалобы Мясниковыхъ, было снято, но рыбные промыслы оставались нѣсколько времени какъ бы безъ хозяина, неизвѣстно кто владѣлъ ими; Мясниковы перестали ими завѣдывать, Трощинскій не вступалъ во владѣніе; наконецъ, въ 1864 г. является повѣренный Трощинскаго и принимаетъ ихъ отъ Мясниковыхъ, причемъ все принятое имущество оцѣнено менѣе чѣмъ въ 400,000 руб. Свидѣтельствуетъ ли все это о значительной цѣнности рыбныхъ промысловъ? Рискуютъ ли потерять имущество, стоющее 900,000 р., изъ за невзноса арендной платы въ 24,000 руб. Оставляютъ ли такое имущество въ чужомъ владѣніи, въ продолженіи почти трехъ лѣтъ? Очевидно, что рыбныя ловли даже въ 1861, даже въ 1864 годахъ, послѣ всѣхъ затратъ, сдѣланныхъ Мясниковыми, не имѣли особенно большой цѣнности. Что же онѣ могли стоить въ 1855 г., въ самомъ началѣ дѣла? Слѣдовательно, кажется можно съ такою же математическою точностью, съ какою я опредѣлилъ цѣнность откуповъ въ 75—100 тыс., опредѣлить цѣнность рыбныхъ ловель въ 96—95 тыс. Затѣмъ, что еще остается? Откинемъ разныя фантастическія части состоянія Бѣляева. Намъ говорили объ его участи въ самыхъ разнообразныхъ предпріятіяхъ: въ покупкѣ завода Берда, въ учрежденіи газоваго общества и т. д.; но мы хорошо знаемъ, что въ моментъ его смерти ни одно изъ этихъ предпріятій не было въ ходу. Соглашеніе съ Бердомъ не состоялось еще при жизни Бѣляева, заводъ герцога Лейхтенбергскаго перешелъ къ другому лицу, газовое общество было учреждено послѣ смерти Бѣляева. По этому предпріятію Бѣляевъ потратилъ 4,000 р., но расходная тетрадь показываетъ, что онъ выдалъ ихъ Молво за счетъ Мясниковыхъ. Во всѣхъ предпріятіяхъ Бѣляевъ является компаньономъ Мясниковыхъ,

человѣкомъ, доставляющимъ опытность и трудъ, а Мясниковы людьми, дающими капиталъ. Не знаю, какъ можетъ доказать повѣренный гражданскихъ истцовъ свое мнѣніе, о принадлежности Бѣляеву долговъ Н. Ф. Мясникова. Для меня, какъ и для обвинительной власти, совершенно ясно, что эти долги составляли собственность Мясниковыхъ. Вы помните заявленіе свидѣтеля Гротена, что онъ покупалъ векселя по порученію Мясниковыхъ, получалъ на это деньги изъ ихъ капитала и, полученныя изъ конкурса деньги, передавалъ имъ. Но развѣ съ Гротеномъ дѣйствовали другія лица, которыя скупали претензіи на счетъ Мясниковыхъ и которыя значатся, вмѣстѣ съ Гротеномъ, въ собственноручныхъ запискахъ Бѣляева, представленныхъ мною въ дѣлѣ. Наконецъ, въ отчетѣ, представленномъ Мясниковымъ отъ Бѣляева, показано, въ ихъ активѣ, претензій на Н. Ф. Мясникова, на сумму 96,000 р. Эти соображенія, кажется, достаточно доказываютъ, что всѣ долговыя претензіи на Н. Ф. Мясникова, были пріобрѣтены Бѣляевымъ и другими лицами, по его порученію, за счетъ Мясниковыхъ. Прибавлю еще одно соображеніе. Въ той части условія 22-го декабря 1858 г., въ которой перечислены всѣ части имѣнія, перешедшаго отъ Бѣляевой къ Мясниковымъ, претензіи на Н. Ф. Мясникова вовсе не упомянуты, конечно, потому, что онѣ не входили въ составъ состоянія Бѣляева. Изъ болѣе реальныхъ частей его состоянія упомянуто, прежде всего, о золото-промывальной машинѣ. Этой машиной онъ, дѣйствительно, владѣлъ, но едва ли можно сказать, что она что нибудь стоила; на это нѣтъ никакихъ указаній. Есть замѣтка Бѣляевой, что машина стоитъ 20,000 р., но, вѣроятно, тутъ принята въ соображеніе цифра расходовъ, сдѣланныхъ на машину, которая, какъ видно изъ документовъ, дѣйствительно составляла около 20,000 руб. Бѣляева могла думать, что цѣнность машины опредѣляется количествомъ затратъ, на нее сдѣланныхъ. Но предпріятіе могло быть удачнымъ или неудачнымъ. Мы не знаемъ даже, была ли примѣнена къ дѣлу эта машина. Затѣмъ, у Бѣляева была лѣсная торговля, которая, какъ мы

знаемъ изъ показаній свидѣтелей, принесла ему большой убытокъ, Размѣры ея, въ 1859 году, были весьма невелики. Тѣ, никѣмъ не подписанныя и неизвѣстно кѣмъ писанныя, замѣтки, которыя вчера были вамъ прочитаны, сюда не относятся, а контракты, имѣющіеся въ дѣлѣ гражданской палаты, показываютъ, что цѣнность дачъ, купленныхъ Бѣляевымъ на срубъ, только немногимъ превышали 10,000 рублей. Изъ отчета капиталовъ Бѣляева на 17-е сентября 1857 года мы видимъ, что въ лѣсное дѣло имъ было вложено 14,000 руб. Затѣмъ, можно прямо перейти къ винокуреннымъ заводамъ. Въ нихъ, какъ видно изъ счета на 17-е сентября, вложенъ Бѣляевымъ капиталъ въ 50,000. Я долженъ предупредить васъ, что винокуренные заводы составляли собственность не Бѣляева, а Бѣляевой; можетъ быть, заводы были куплены на его деньги, можетъ быть, пущены въ оборотъ съ его помощью, но юридически они, во всякомъ случаѣ, принадлежали одной Бѣляевой, которая могла распорядиться ими и безъ завѣщанія мужа. Я долженъ, однако, остановиться на оцѣнкѣ этихъ заводовъ. Обвинительная власть цѣнитъ ихъ въ 200,000 р., основываясь на свѣдѣніяхъ, относящихся къ лѣту 1858 г. При этомъ принимаются въ соображеніе и залоги, которые я прошу устранить, потому что очень часто залоги не бываютъ собственностію того, кто ихъ представляетъ. Мы даже не знаемъ, состояли ли, въ данномъ случаѣ, залоги изъ денегъ или имѣній. Что касается до оборотнаго капитала, то количество его безпрестанно измѣнялось, и мы знаемъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что въ концѣ 1858 г. положеніе заводовъ было бѣдственное: управляющій ими долженъ былъ прибѣгать къ займамъ для продолженія винокуренія. Есть одно письмо, почти отчаянное, что если Бѣляева или Мясниковы не пришлютъ денегъ, то винокуреніе должно будетъ остановиться. Цѣнность винокуреннаго завода зависитъ отъ хода подрядовъ и поставокъ, отъ цѣнъ на хлѣбъ, отъ количества оборотнаго капитала. Такого капитала у Бѣляевой не было, и вотъ почему цѣна (100,000 р.), за которую она

передала заводы Мясниковымъ, не можетъ быть признана несоразмѣрно низкою. Я забылъ еще сказать о мебельномъ магазинѣ. Насчетъ его стоимости спорить не буду. Я готовъ оцѣнить его въ 30,000 р., потому, что мы имѣемъ свѣдѣнія, близко подходящія къ этой цифрѣ. И такъ, активъ состоянія Бѣляева, въ моментъ его смерти, простирался отъ 200 до 300,000 р. Теперь обратите вниманіе на пассивъ. Здѣсь мы встрѣчаемся со счетами или отчетами на 1-е сентября 1857 г. и 14-е мая 1858 г. Изъ отчета на 1-е сентября видно, что Бѣляевъ долженъ былъ къ этому числу Мясниковымъ 263,000 р. Этимъ дѣло однако не исчерпывается, потому что въ томъ же отчетѣ показано имъ, приготовленною для раздѣла, сумма 43,700 руб. и братьямъ сдѣлокъ (т. е. отступнаго) 22,500 р. Что эта послѣдняя сумма дѣйствительно слѣдовала братьямъ Мясниковымъ, доказывается тѣмъ, что потомъ, при разсчетѣ съ Александромъ и Иваномъ Константиновичами, Бѣляевъ дѣлитъ эту сумму пополамъ и ставитъ каждому изъ братьевъ на приходъ 11,250 руб. Отчетъ на 1-е сентября подтверждается собственноручною запискою Бѣляева отъ 16-го сентября, по которой сумма долговъ его, къ этому числу, составляетъ около 335,000 руб. Обвинительная власть допускаетъ, что Бѣляевъ, къ 1-му сентября 1857 г., былъ долженъ Мясниковымъ 263,000 р., соглашается даже положить эту сумму въ основу своего разсчета на май мѣсяцъ 1858 г. и выводитъ, что если Мясниковы и не были должны Бѣляеву къ 14-му маю тѣхъ 272,000 р., которые показаны въ отчетѣ 14-го мая, то во всякомъ случаѣ долгъ Бѣляева Мясниковымъ не превышалъ 90,000 р. Затѣмъ обвинительная власть совершаетъ рядъ произвольныхъ выкладокъ, изъ которыхъ оказывается, что въ моментъ смерти Бѣляева онъ долженъ былъ Мясниковымъ только самую незначительную сумму, нѣсколько тысячъ рублей. При этомъ насъ поражаетъ, прежде всего, слѣдующая странность. 14-го мая Бѣляевъ представляетъ счетъ, по которому слѣдуетъ ему съ Мясниковыхъ 22,500 р. Исправивъ этотъ счетъ по той системѣ, которую

допускаетъ обвинительная власть, оказывается, что Бѣляеву слѣдовало заплатить Мясниковымъ 91,378 руб.; вдругъ, черезъ семь дней, выдается Бѣляевымъ росписка на 272,000 руб., по имени сохранная, но въ сущности долговая. Какъ объяснить это? Тутъ, очевидно, простая ошибка. Весьма можетъ быть, что обвинительная власть не могла замѣтить эту ошибку; она не имѣла къ тому тѣхъ средствъ, которыя мы имѣемъ, не слышала объясненій, которыя даны намъ нашими довѣрителями въ томъ, что когда въ августѣ 1857 года Иванъ Мясниковъ возразилъ противъ отчета Бѣляева, то это возраженіе не осталось безъ послѣдствій, возникли несогласія между Бѣляевымъ и Мясниковымъ, и когда 17-го мая Бѣляевъ представилъ новый отчетъ, который оказался невѣрнымъ, то Мясниковыми была сдѣлана повѣрка, послѣдствіемъ которой была выдана сохранная росписка въ 272,000 р., т. е. признаніе со стороны Бѣляева, что онъ долженъ Мясниковымъ эту сумму. Намъ говорятъ, что когда Иванъ Мясниковъ уѣзжалъ въ Астрахань, то онъ хотѣлъ успокоиться. Да, но въ чемъ? Онъ хотѣлъ документа на тотъ капиталъ, который оставался въ рукахъ Бѣляева. Еще съ 1847 года, постоянно, оставалась значительная цифра за Бѣляевымъ, когда онъ занимался дѣлами П. Ф. Мясникова. Тогда это не возбуждало недоразумѣній; но когда они начались, когда Бѣляевъ, ослабленный болѣзнями и годами, сдѣлался менѣе аккуратнымъ и точнымъ въ своихъ отчетахъ, тогда явилась потребность обезпечить чѣмъ нибудь полученіе недоданной суммы. Ошибочность отчетовъ на 1-е сентября 1857 года и на 14-е мая 1858 года, доказывается счетами, имѣющимися въ дѣлѣ и вамъ предъявленными. Такимъ образомъ польза отъ золотыхъ пріисковъ опредѣлена въ отчетѣ на 1-е сентября въ 21,000 рублей, а изъ другаго счета и сдѣланной на немъ собственноручной надписи Бѣляева видно, что сверхъ этой суммы было получено и подлежало представленію отъ Бѣляева еще слишкомъ 125,000 руб. Есть другой подробный счетъ прибылей, полученныхъ по дѣламъ Мясниковыхъ. Я не буду приводить всѣхъ поправокъ, которыя сдѣ-

ланы въ немъ рукою Бѣляева. Изъ этого отчета видно, что сумма прихода, вмѣсто 2,273,775 р., показанной въ отчетѣ на 1-е сентября, составляетъ (включая и приведенную выше разницу по золотымъ пріискамъ), 2,417,743 руб., т. е. на 143,963 р. болѣе. Затѣмъ есть еще ошибка въ отчетѣ 1-го сентября, которая доказывается совершенно ясно тѣмъ, что въ отчетѣ показаны переданными А. К. Мясникову 233,119 руб., а изъ подробнаго разсчета съ А. К. Мясниковымъ, исправленнаго рукою Бѣляева, видно, что на самомъ дѣлѣ получено А. К. Мясниковымъ только 189,000 р. Понятное дѣло, что если прежде показано было, что получено А. К. Мясниковымъ 233,000 р., а на самомъ дѣлѣ получено имъ только 189,000 р., то разница должна быть поставлена на активъ Мясникова и пассивъ Бѣляева. Такая же ошибка допущена, во вредъ И. К. Мясникова, на сумму 11,250 р. Затѣмъ, гг. присяжные засѣдатели, есть еще одна неправильность, которую также легко исправить, а именно, въ отчетѣ о капиталѣ на 1-е сентября, показано остаткомъ на золотыхъ пріискахъ, 95,100 р., а въ другомъ счетѣ, тоже на 1-е сентября, эта сумма опредѣлена только въ 45,318 р. Разница между этими цифрами составляетъ 49,781 р. Если сличить всѣ выведенныя мною суммы и прибавить къ нимъ доходъ, показанный въ отчетѣ 14-го мая (105,808 руб.), то выйдетъ всего 618,281 руб., а если вычесть изъ этой цифры 70,162 р., внесенные Бѣляевымъ въ опеку, на счетъ Шишкина и 278,061 руб., израсходованные имъ по отчету на 14-е мая, то выйдетъ около 270,000 р., т. е. сумма, весьма близкая къ цифрѣ сохранной росписки. Разница между этими двумя цифрами, объясняется тѣмъ, что не всѣ расходы, сдѣланные Бѣляевымъ, были признаны Мясниковыми при повѣркѣ отчетовъ. И такъ, приведенныя мною соображенія и цифры, вполнѣ устраняютъ ту странность, которая неустранима при системѣ, принятой обвиненіемъ, и вполнѣ объясняютъ происхожденіе росписки въ 272,000 р. Бѣляевъ убѣдился, что сдѣлалъ ошибку въ счетахъ и, какъ человѣкъ добросовѣстный, загладилъ свою ошиб-

ку очень скоро, выдавъ Мясниковымъ сохранную росписку, какъ разъ, на ту цифру, которую въ ту минуту долженъ былъ имъ уплатить. Намъ говорятъ, что она была уплачена впослѣдствіи и возвращена Бѣляеву. Но какъ доказать это? Бѣляевъ, какъ признаютъ и наши противники, былъ человѣкъ аккуратный; можетъ ли быть, что получивъ обратно росписку, онъ оставилъ ее въ томъ же самомъ видѣ, не надорванною, безъ надписи объ уплатѣ, въ числѣ другихъ бумагъ? Столь же невозможно, чтобы уплативъ деньги, онъ оставилъ росписку въ рукахъ Мясниковыхъ. На чемъ же, затѣмъ, основано предположеніе о погашеніи сохранной росписки? Гдѣ основаніе предполагать, что Бѣляевъ разсчитался съ Мясниковыми послѣ 21-го мая? Отступное по рыбнымъ ловлямъ онъ уплатилъ по равнымъ частямъ съ Мясниковыми—это видно изъ расходной тетради. На какомъ основаніи Бѣляевъ передалъ Мясниковымъ ставропольскій откупъ — мы не знаемъ; есть поводъ думать, что онъ былъ переданъ безъ всякаго условія, такъ какъ былъ взятъ Бѣляевымъ съ самаго начала для Мясниковыхъ. Въ томъ счетѣ, который былъ сдѣланъ Бѣляевою, отобранъ у нея и находится при дѣлѣ, за Кавказъ показано 30,000 р.; слѣдовательно больше этой суммы Бѣляеву за передачу ставропольскаго откупа ни въ какомъ случаѣ не причиталось. И такъ, я считаю вполнѣ доказаннымъ, что когда Бѣляевъ умеръ — положеніе его дѣлъ было таково: съ одной стороны предпріятія, о которыхъ я говорилъ, на сумму не свыше 300,000 р., съ другой — долгъ въ 272,000 р. Разница между активомъ и пассивомъ, близко подходящая къ той суммѣ, за которую Мясниковы, не считая сохранной росписки, пріобрѣли отъ Бѣляевой, по условію 22-го декабря, предпріятія ея мужа. Можетъ быть насъ спросятъ: какимъ образомъ у человѣка, который слылъ капиталистомъ, могло оказаться, въ концѣ концевъ, состояніе, стоющее не болѣе 20,000 р. Но, во первыхъ, мы имѣемъ показаніе двухъ свидѣтелей, которые о Бѣляевѣ отзывались какъ о человѣкѣ, у котораго былъ капиталъ небольшой—свидѣтелей весьма компетентныхъ, Пенюкова и Бе-

нардаки. Оба сказали, что въ лучшее время у Бѣляева было состояніе—можетъ быть до 400,000 рублей; но онъ потерялъ, въ послѣднее время, громадныя, относительно, суммы на лѣсной торговлѣ и другихъ предпріятіяхъ. Есть еще другая причина, которая заставляетъ вѣрить, что у Бѣляева не было большаго состоянія, лично ему принадлежавшаго: въ концѣ жизни, онъ пріобрѣлъ на имя жены дома, на отдѣлку и постройку которыхъ онъ издержалъ, какъ видно изъ имѣющихся въ дѣлѣ счетовъ, весьма значительныя суммы: въ одномъ изъ домовъ есть зала въ два свѣта и, вообще, домъ отдѣланъ весьма роскошно. На имя жены были куплены, также, винокуренные заводы. Можно ли, послѣ того, удивляться, что у Бѣляева, въ концѣ жизни, не оказалось большихъ денегъ. Наконецъ, Бѣляевъ обладалъ тѣмъ, что, само по себѣ, составляетъ капиталъ: онъ обладалъ духомъ предпріимчивости, онъ не терялъ бодрости, несмотря на неудачи, и если терпѣлъ убытокъ въ одномъ дѣлѣ, тотчасъ же хватался за другое, съ помощью капитала Мясниковыхъ и своей опытности въ дѣлахъ; онъ хотѣлъ предпринять и, можетъ быть, совершилъ бы весьма удачно, громадныя компанейскія дѣла. Его состояніе колебалось, какъ состояніе всякаго коммерческаго человѣка, основанное на неслишкомъ твердыхъ и незыблемыхъ основаніяхъ. Вотъ мой взглядъ на состояніе Бѣляева, доказанный съ гораздо большею точностью, чѣмъ предположеніе противной стороны. Въ какой степени вѣроятно, чтобъ милліонеры, подобные Мясниковымъ, могли совершить подлогъ для пріобрѣтенія такого состоянія? Вѣдь для того, чтобъ признать, что преступленіе совершилось, надо, чтобъ былъ достаточный къ тому интересъ. Этотъ интересъ, когда рѣчь идетъ о матеріальной выгодѣ, конечно, не одинъ и тотъ же для человѣка бѣднаго, не обезпеченнаго, и для человѣка вполнѣ обезпеченнаго, богатаго. Александръ Константиновичъ и Иванъ Константиновичъ Мясниковы, въ 1858 году, только что начинали жизнь молодыми людьми, при самыхъ блестящихъ условіяхъ: Александру было 26 лѣтъ, Ивану около 25 лѣтъ,

Иванъ Мясниковъ собирался жениться. У каждаго изъ нихъ по милліону состоянія. Припомните свѣдѣнія дворянской опеки, которыя я приводилъ сегодня утромъ; припомните, что уже въ 1857 г., на долю каждаго изъ братьевъ приходилось по 800,000 руб. Затѣмъ умираетъ человѣкъ близкій къ нимъ, съ которымъ они связаны самыми разнообразными связями, у котораго было 20, 30 тысячъ состоянія— и они совершаютъ подложное завѣщаніе, какъ говорятъ мои противники, обдуманно, хладнокровно, а по моему мнѣнію—если стать на точку зрѣнія противной стороны,—безъ соблюденія какихъ бы то ни было правилъ осторожности—эта вещь слишкомъ невѣроятная или, лучше сказать, невозможная. Обвинительная власть хорошо понимаетъ, что нужно, какъ нибудь, объяснить эту странность и представляетъ вамъ слѣдующее предположеніе: Мясниковы были связаны съ Бѣляевымъ общностью интересовъ—у нихъ были дѣла общія,—такъ, что если Бѣляевъ умеръ, не оставивъ завѣщанія, то имъ было бы весьма трудно разсчитываться съ наслѣдниками, доказать, что имъ принадлежитъ извѣстная доля въ дѣлахъ Бѣляева. Кромѣ того, время горячее: возникаютъ новыя предпріятія, откупа доживаютъ свой вѣкъ; нужно воспользоваться обстоятельствами, нельзя этого сдѣлать иначе, какъ присвоивъ себѣ состояніе Бѣляева. Справедливо ли все это? Представимъ себѣ, что Мясниковы не пріобрѣли бы состоянія Бѣляева: чтобы они чрезъ то потеряли? Во-первыхъ, самъ г. прокуроръ говоритъ, что Мясниковы перевезли къ себѣ свои бумаги; слѣдовательно, они имѣли всѣ средства доказать, что имъ принадлежитъ извѣстная доля состоянія Бѣляева. Неужели, еслибъ они явились въ гражданскій судъ со счетами, собственноручною тетрадью Бѣляева, черновымъ условіемъ, съ расходною книжкою и свидѣтельскими показаніями Каншина и другихъ лицъ, они не могли бы добиться на судѣ признанія своего права? Въ самомъ неблагопріятномъ случаѣ, чего они бы лишились? 8—10 тысячъ на вологодскихъ откупахъ, да, можетъ быть, чего нибудь на херсонскихъ, хотя послѣдніе, какъ мы знаемъ, еще при жизни

Бѣляева перешли въ собственность къ Каншину. Затѣмъ, ставропольскій откупъ былъ въ ихъ рукахъ, Земли Войска Донскаго—тоже; былъ ли Бѣляевъ въ этихъ откупахъ негласнымъ компаньономъ—это все равно, потому что оффиціально онъ въ нихъ участія не принималъ. Въ рыбныхъ ловляхъ Мясниковымъ принадлежали, правда, только двѣ трети; но, развѣ имъ трудно было бы, пріобрѣсти остальную треть отъ законныхъ наслѣдниковъ Бѣляева? Кто эти наслѣдники? Та же Бѣляева, Ремянникова, одинокая и бездѣтная женщина, наконецъ, Мартьянова, бѣдная сарапульская мѣщанка. Съ кѣмъ легче вести разговоры—съ человѣкомъ, который самъ обезпеченъ, который можетъ совѣтоваться съ лучшими адвокатами и имѣетъ всѣ средства, вести дѣло въ судахъ и въ старое время, или съ бѣдною женщиною, приславшею въ Петербургъ повѣреннаго, который, за двѣ тысячи рублей, уступаетъ половину наслѣдства? Конечно, съ Мясниковымъ легче было бы сойтись, чѣмъ съ Бѣляевою, которая, какъ мы знаемъ, не сразу подписала условіе 22-го декабря, а послѣ долгихъ переговоровъ, въ которыхъ участвовали Гротенъ и Богуславскій. Затѣмъ, является другое объясненіе со стороны повѣреннаго гражданскихъ истцовъ: сохранная росписка, не формальная, которую Бѣляева признавала юридически недѣйствительною, другими наслѣдниками могла быть отвергнута, а Бѣляевой была принята. Но гдѣ доказательства, что сохранная росписка была недѣйствительна? Бѣляева отвѣчала не такъ, какъ говорилъ г. повѣренный; вы, конечно, поняли ея отвѣтъ иначе. Ее спрашивали: какъ вы признавали сохранную росписку для себя обязательною: юридически или нравственно? Она сказала: нравственно. Развѣ изъ этого слѣдуетъ, что она признавала ее юридически недѣйствительною? Она вовсе не входила въ разсмотрѣніе этого вопроса и признавала росписку для себя обязательною потому, что она подписана ея покойнымъ мужемъ. Наконецъ, положимъ, что росписка, какъ сохранная росписка, была недѣйствительна. Въ чемъ же заключается ея недѣйствительность? Можетъ быть,

не обозначенъ былъ родъ денегъ, взятыхъ на сохраненіе, или она была не вся написана Бѣляевымъ собственноручно? Но вѣдь это не лишало бы росписку силы долговаго документа, и существованіе долга весьма легко могло быть доказано, съ помощію счетовъ, вамъ извѣстныхъ. Вѣдь это доказано и теперь, по прошествіи 14-ти лѣтъ; неужели нельзя было сдѣлать этого въ 1858 году? Еслибъ завѣщанія не оказалось, пріѣхала бы Мартьянова и стала бы дѣлить съ Бѣляевою и Ремянниковою наслѣдство. Узнать, что Бѣляевъ былъ компаньономъ Мясниковыхъ въ херсонскомъ и вологодскомъ откупахъ и т. д., имъ, конечно, было бы не трудно, точно также, какъ и одной Бѣляевой; слѣдовательно, увозъ Мясниковымъ бумагъ, не обезоруживалъ ни Бѣляеву, ни другихъ наслѣдниковъ. Затѣмъ, возникаетъ еще вопросъ. Бѣляева, по словамъ обвинительной власти и по словамъ гражданскаго истца, знала, что завѣщаніе подложно. Мысль о составленіи фальшиваго завѣщанія на имя Бѣляевой, по предположенію обвинительной власти, явилась въ концѣ сентября или въ началѣ октября; затѣмъ, 16-го октября, оно представлено къ утвержденію, въ концѣ октября или въ началѣ ноября утверждено, а 22-го октября 1858 года, заключено условіе между Бѣляевой и Мясниковыми, которому предшествовали довольно длинные переговоры, въ ту минуту, когда, по предположенію обвинительной власти, Мясниковы совершили подлогъ. Какое ручательство они имѣли въ томъ, что онъ имъ удастся, что они достигнутъ своей цѣли, что за рискъ, сопряженный съ этимъ предпріятіемъ, они хотя что нибудь получатъ? Какое они имѣли ручательство въ томъ, что Бѣляева, получивъ завѣщаніе, передастъ имъ все состояніе своего мужа? Не только человѣкъ богатый, даже человѣкъ бѣдный, считающій большимъ для себя пріобрѣтеніемъ сумму въ 20,000 руб., и тотъ не поступилъ бы такимъ образомъ, и тотъ не рискнулъ бы совершить преступленіе, всѣми плодами котораго свободно и безпрепятственно можетъ воспользоваться другое лицо. Это такое предположеніе, котораго ни на минуту нельзя допустить.

Сознавая его слабость, г. повѣренный гражданскаго истца прибѣгаетъ къ самымъ рискованнымъ догадкамъ. Онъ говоритъ, что Бѣляева проникнута идеею дворянской гордости до такой степени, что готова, лучше отдать все милліонерамъ Мясниковымъ, чѣмъ какой-нибудь мѣщанкѣ. Не думаю, чтобъ Бѣляева была проникнута такими чувствами; припомните, что она не только вышла замужъ за купца, но жила и живетъ вмѣстѣ съ своею свояченицей, мѣщанкой Ремянниковой, слѣдовательно она вовсе не гнушается мѣщанской родней. Какъ бы ни было велико ея отвращеніе къ мѣщанкѣ Мартьяновой, оно, конечно, не простиралось до того, чтобъ сдѣлаться участницей въ подлогѣ и даромъ отдать состояніе, пріобрѣтенное путемъ подлога, людямъ, вовсе въ немъ не нуждающимся. Затѣмъ еще странность: Бѣляева знаетъ о подлогѣ, знаетъ, что Мясниковы въ ея рукахъ, но, несмотря на это, она не только, 22-го декабря 1858 года, отдаетъ имъ по дешевой цѣнѣ все состояніе, полученное ею послѣ мужа, но даже уступаетъ имъ за 100,000 р. собственныя свои винокуренные заводы, стоющіе по разсчету, сдѣланному черезъ нѣсколько времени ею самою, 400,000, а по разсчетамъ г. прокурора, 200,000 р. Это превосходитъ всякое вѣроятіе! На самомъ дѣлѣ все объясняется весьма просто: Бѣляева знала, что состояніе ея мужа, за вычетомъ долговъ, составляетъ незначительную сумму, и что, за отсутствіемъ оборотнаго капитала для винокуренныхъ заводовъ, она совершитъ сдѣлку не безвыгодную, уступивъ ихъ Мясниковымъ за 100,000 рублей.

Затѣмъ, гг. присяжные, я перейду къ послѣдней части обвинительной рѣчи. Въ ней г. прокуроръ указываетъ на тѣ отношенія, которыя существовали впослѣдствіи между Мясниковыми и Бѣляевой, и въ нихъ отыскиваетъ доказательства въ пользу того, что Мясниковы совершили подлогъ вмѣстѣ съ Бѣляевою. Прежде всего я не могу не замѣтить, что я понимаю необходимость, съ точки зрѣнія обвинительной власти, доказывать существованіе враждебныхъ отношеній между Бѣляевой и Мясниковыми въ 1864—66 годахъ; но я желалъ бы

знать, какое отношеніе имѣютъ къ дѣлу записки на французскомъ языкѣ, оскорбительныя для Бѣляевой? Утверждаетъ ли обвинительная власть, что онѣ написаны съ вѣдома Мясниковыхъ? Тутъ является на сцену Рицпопи, который, сначала, считалъ возможнымъ дѣйствовать противъ Бѣляевой, потомъ явился съ жалобой, что Иванъ Константиновичъ Мясниковъ обидѣлъ его и не далъ ему обѣщаннаго вознагражденія. Не думаю, чтобъ можно было такому человѣку вѣрить. Но еслибы и можно было ему вѣрить, то какое отношеніе имѣетъ это обстоятельство къ обвиненію Мясниковыхъ въ подлогѣ? Я просилъ бы васъ отрѣшиться отъ впечатлѣнія, которое могли произвести на васъ эти записки. Никто не утверждаетъ, чтобъ Мясниковы знали объ отвратительныхъ совѣтахъ, которые давалъ Шишкину Рицпопи. И такъ, это обстоятельство должно быть оставлено совершенно въ сторонѣ. Несогласія между Мясниковыми и Бѣляевой несомнѣнно были. Опека надъ Шишкинымъ была первымъ яблокомъ раздора; затѣмъ, возникаютъ споры по условію 22-го декабря 1858 года, и Бѣляева, въ январѣ 1865 года, предъявляетъ къ Мясниковымъ искъ. Подъ вліяніемъ раздраженія Бѣляевой противъ Мясниковыхъ и того искусства, съ которымъ оно поддерживалось повѣренными Бѣляевой, является отзывъ ея въ казенную палату, въ маѣ 1865 года, гдѣ говорится о какой-то невѣдомой ей сохранной росписке. Къ этому же времени относятся черновыя письма къ Мясниковымъ, съ упреками и сильными выраженіями—письма, которыя вовсе не были отправлены по назначенію, и редакція которыхъ принадлежала не Бѣляевой, а ея слишкомъ усердному повѣренному. О завѣщаніи, впрочемъ, въ этихъ письмахъ ничего не говорится, и всѣ упреки и угрозы, которыми они наполнены, относятся, очевидно, къ факту увоза Мясниковыми бумагъ Бѣляева. Затѣмъ является Чевакинскій, который, конечно, болѣе заботится о своихъ интересахъ, чѣмъ о выгодѣ своей довѣрительницы, вступаетъ въ соглашеніе съ ея противниками, хочетъ заключить съ ними условіе, дѣйствуетъ такъ, что еслибъ ему пришлось объяснить свои по-

ступки передъ вами, можетъ быть вы отнеслись бы къ нему очень строго; но теперь рѣчь идетъ не о немъ, и участіе Бѣляевой въ его дѣйствіяхъ, или даже знаніе ея о нихъ, ни чѣмъ не доказано. Что касается до мирныхъ переговоровъ, то ихъ, кажется, всего правильнѣе было бы отнести къ тѣмъ частямъ дѣла, которыя устранены изъ области судебныхъ преній. Но по поводу показанія Борзаковскаго, г. прокуроръ сдѣлалъ замѣчаніе, которое не можетъ быть оставлено безъ отвѣта. Вамъ говорили, что Борзаковскій былъ запугиваемъ, что ему назначено было свиданіе въ III отдѣленіи, съ тонкимъ разсчетомъ, что это произведетъ на него извѣстнаго рода впечатлѣніе. Не говоря уже о свидѣтелѣ Коптевѣ, который опровергаетъ показаніе Борзаковскаго, въ самомъ показаніи его заключается нѣчто крайне невѣроятное. Переговоры въ III-мъ отдѣленіи, по его словамъ, происходили уже послѣ начала втораго слѣдствія. Неужели же никто изъ адвокатовъ, къ которымъ Мясниковы, конечно, обращались, не объяснилъ имъ, что послѣ начатія уголовнаго дѣла, примиреніе невозможно? Неужели можно допустить, что во время втораго слѣдствія, все еще продолжались мирные переговоры? Но еслибъ они и были, все таки нѣтъ никакого основанія обвинять Мясникова въ запугиваніи Борзаковскаго, и такимъ образомъ къ тяжелому обвиненію, тяготѣющему надъ Мясниковымъ, прибавлять еще одно, въ нравственномъ отношеніи весьма серьозное. Во первыхъ, я долженъ заявить, что Мясниковъ занималъ должность адъютанта начальника штаба корпуса жандармовъ, слѣдовательно находился въ личныхъ отношеніяхъ къ непосредственному своему начальнику, принималъ просителей, докладывалъ о нихъ, передавалъ записки, прошенія, исполнялъ нѣкоторыя порученія; между этою дѣятельностью, чисто личною, и дѣятельностью агента, чиновника III-го отдѣленія, нѣтъ ничего общаго. Наконецъ, можно ли допустить, чтобъ Борзаковскій, ходатай по дѣламъ стараго времени, совѣтникъ управы благочинія, могъ испугаться призыва въ III-е отдѣленіе для свиданія съ Мясниковымъ? Вѣдь онъ зналъ, что Мясниковъ толь-

ко адъютантъ генерала Мезенцова, что его вліяніе не могло простираться до того, чтобъ противъ Борзаковскаго были приняты какія-нибудь насильственныя, или даже, просто, нравственно-принудительныя мѣры. Можно ли послѣ этого говорить о запугиваніи? Можно ли думать, чтобъ человѣкъ, искушенный въ житейскихъ дѣлахъ, хоть на одну минуту сконфузился только потому, что его призывалъ въ III-е отдѣленіе, для объясненія по частному дѣлу, адъютантъ генерала Мезенцова? Вы, конечно, не замедлите отбросить въ сторону такое предположеніе. Затѣмъ, гг. присяжные засѣдатели, остаются еще мирные переговоры съ Гонинымъ. Это тотъ свидѣтель, который имѣетъ знаменитую тяжбу съ Ижболдинымъ о векселяхъ. Если свидѣтель Дедюхинъ подтвердилъ это показаніе, и то не вполнѣ, потому что онъ не знаетъ, какіе именно велись переговоры, то свидѣтель Столбовъ совершенно опровергнулъ его, свидѣтель Домрачевъ также. Полагаю, что можно послѣ этого не говорить больше о показаніи Гонина.

Мнѣ кажется, гг. присяжные засѣдатели, что за исключеніемъ пробѣловъ, неизбѣжныхъ въ столь обширномъ дѣлѣ, я исполнилъ свою задачу, отвѣтивъ на всѣ существенные пункты обвиненія. Затѣмъ мнѣ остается свести все сказанное мною въ одно цѣлое, и представить вамъ общую картину, которую представляетъ настоящее дѣло. Что мы видимъ съ одной и съ другой стороны? Наслѣдникъ по закону, лишившійся наслѣдства вслѣдствіе завѣщанія и признающій его подложнымъ, можетъ отстаивать свои права иногда даже съ излишнею горячностью, не разбирая средствъ, во имя нарушенной справедливости; но въ настоящемъ дѣлѣ мы видимъ передъ собою людей совершенно постороннихъ, которые покупаютъ претензію еще при жизни Мартьяновой, совершаютъ съ ней условія, посылаютъ къ Мартьяновой деньги, стараются, чтобъ она не пріѣзжала въ Петербургъ, пишутъ для нея завѣщаніе, однимъ словомъ, относятся къ дѣлу съ точки зрѣнія чисто-коммерческой. Съ другой стороны является женщина, которая живетъ съ мужемъ 25 лѣтъ въ величайшемъ согласіи и любви, которой мужъ постоянно хотѣлъ оставить все свое состояніе;

за этою женщиною мы видимъ людей, всего болѣе, послѣ Бѣляевой, близкихъ къ ея мужу—людей, дѣду которыхъ Бѣляевъ обязанъ почти всѣмъ своимъ состояніемъ. Я думаю, на судѣ обнаружилось съ достаточною ясностью, что подкупа въ настоящемъ дѣлѣ не было и нѣтъ, со стороны Мясниковыхъ. Мы не видимъ ни одного свидѣтеля въ ихъ пользу, который могъ бы внушать сомнѣніе. Намъ говорятъ о Шевелевѣ, что онъ надѣется, когда-то, что-то, получить отъ Мясниковыхъ, тогда какъ у него въ рукахъ условіе на 2.000 руб., заключенное съ Ижболдиными. Затѣмъ, мы видимъ, что завѣщаніе, называемое подложнымъ, касается состоянія крайне ограниченнаго, а обвиняются въ составленіи его милліонеры, которые, притомъ, не знали и не могли знать, достанется ли имъ завѣщанное имѣніе. Во всемъ этомъ такая невозможность, такая неправда, которую вы, безъ сомнѣнія, уже оцѣнили. Васъ приглашаютъ, вашимъ приговоромъ, доказать, что передъ вашимъ судомъ всѣ равны—сильные и слабые, богатые и бѣдные. Кто сомнѣвается въ этомъ? Мы видимъ достаточно примѣровъ, что, со времени введенія судебныхъ установленій, ни богатство, ни общественное положеніе не составляютъ гарантіи безопасности виновныхъ. Я думаю, что въ процессѣ столь важномъ, вызвавшемъ такъ много толковъ въ обществѣ, никакія утилитарныя, практическія соображенія не могутъ и не должны имѣть мѣста. Передъ вашимъ судомъ, дѣйствительно, всѣ равны, но только во имя справедливости. Если чувство справедливости, и простой здравый смыслъ покажутъ вамъ, что не только нѣтъ, но и не могло быть преступленія, что не было дѣйствій, которыя обыкновенно совершаются преступниками послѣ преступленія, не было попытокъ затемнить истину съ той стороны, которую до сихъ поръ обвиняли, что не отъ нея шли противозаконныя попытки исказить истину — то я надѣюсь, что вы постановите вашъ приговоръ не во имя равенства предъ закономъ, а во имя справедливости, требующей, чтобъ каждому было воздано должное.

По окончаніи этой рѣчи, засѣданіе было прервано до слѣдующаго утра.

VI.

(Засѣданіе 22-го февраля).

По открытіи засѣданія слово дано было защитнику И. Мясникова.

Прис. пов. Языковъ. Гг. судьи и гг. присяжные засѣдатели. Въ одномъ изъ многочисленныхъ томовъ производства, которымъ вы были заняты въ теченіе пяти дней, находится одна депеша, посланная отъ Бѣляева Ивану Мясникову, съ извѣстіемъ о томъ, что дѣдъ его скончался. Депеша относится къ 1855 г. Когда получена была депеша Иваномъ Мясниковымъ, онъ находился въ Смоленскѣ, младшій братъ его, Александръ Мясниковъ—въ Севастополѣ. И тому и другому въ то время былъ 21 годъ; между ними въ лѣтахъ разницы всего 11 мѣсяцевъ. Конечно, извѣстіе это произвело громадный переворотъ во всей ихъ жизни. Они изъ бѣдныхъ армейскихъ офицеровъ, жившихъ на маленькомъ жалованьѣ и получавшихъ скудный пенсіонъ отъ дѣда ихъ Ив. Фед. Мясникова, сдѣлались, вдругъ, обладателями огромнаго состоянія, заключавшагося въ значительномъ капиталѣ, въ дѣлахъ и предпріятіяхъ всякаго рода и золотыхъ пріискахъ. Получивъ это извѣстіе, они оставили на время службу и пріѣхали сюда, въ Петербургъ, для того, чтобы принять свое наслѣдство, для того, чтобы познакомиться съ состояніемъ, доставшимся имъ отъ умершаго ихъ дѣда. Какъ намъ извѣстно изъ тѣхъ дѣлъ дворянской опеки, ко-

торыя здѣсь были прочитаны, капиталъ ихъ и малолѣтнихъ ихъ сестеръ былъ слишкомъ въ 2 милліона; со всѣми дѣлами и предпріятіями состояніе это доходило до 4-хъ милліоновъ. Конечно, когда человѣку, въ 21 годъ, попадаетъ, въ первый разъ, въ руки такое огромное количество денегъ, то трудно предположить, чтобы онъ сейчасъ занялся дѣлами. Такъ случилось и съ И. К. Мясниковымъ. Столичная жизнь представляла слишкомъ много искушеній. Пошли расходы на устройство квартиры и роскошной обстановки, покупку лошадей, серебра и проч. Въ первый же годъ и восемь мѣсяцевъ, затрачивается на долю Ивана Константиновича громадная цифра—180,000 руб. Правда, что изъ этихъ 180,000 руб., 80,000 р. показаны здѣсь въ отчетѣ, относящимися исключительно до дѣловыхъ затратъ. Въ то время, когда, такимъ образомъ, пользовались жизнью и удобствами богатства братья, кто же занимается ихъ дѣлами? Дѣла ихъ шли своимъ обычнымъ теченіемъ, въ нихъ не было и не должно было быть никакой остановки.

Занимался ими человѣкъ знакомый со всѣми тонкостями откупнаго дѣла, державшій въ рукахъ своихъ всѣ нити этого сложнаго дѣла, который и послѣ смерти И. Ф. Мясникова продолжалъ наблюдать за правильнымъ ихъ ходомъ. Этотъ человѣкъ былъ Козьма Васильевичъ Бѣляевъ, приходившійся дядею братьевъ Мясниковыхъ. Какъ для Ив. Фед. онъ былъ довѣреннымъ, управляющимъ всѣми дѣлами, такъ и для внуковъ его, и своихъ племянниковъ, онъ оставался управляющимъ всѣмъ ихъ имѣніемъ, дѣйствовавшимъ вполнѣ самостоятельно, пользуясь полнымъ ихъ довѣріемъ.

Нужно сказать, что Бѣляевъ былъ дядя Мясниковымъ по своей женѣ. Отецъ Ив. и Ал. Мясниковыхъ, Константинъ Мясниковъ, и Козьма Васильевичъ Бѣляевъ, были женаты на родныхъ сестрахъ, дворянкахъ Поповыхъ.

Эти отношенія полнаго взаимнаго довѣрія, между покойнымъ Бѣляевымъ и гг. Мясниковыми, продолжались не особенно долго, а именно до конца 1857 года. Съ этого вре-

мени со стороны гг. Мясниковыхъ начинаются требованія, обращенныя къ г. Бѣляеву, о сдачѣ имъ отчетовъ для повѣрки. На это есть у насъ указаніе въ письмѣ отъ 30-го августа 1857 г.; въ немъ, между прочимъ, содержится это требованіе. Въ этомъ письмѣ, разумѣется, сперва идутъ обычныя привѣтствія племянниковъ дядѣ; начинается письмо поздравленіемъ съ днемъ ангела, разговоромъ, не имѣющимъ прямаго отношенія къ дѣлу, но заключается оно категорическимъ требованіемъ отчетовъ. Заявляется требованіе сестеръ, точно также, объ отчетѣ и, наконецъ, упоминается о томъ, что тѣ цифры капитала ихъ, которыя были указаны при словесномъ объясненіи Козьмы Васильевича, не совершенно соотвѣтствуютъ тѣмъ ожиданіямъ, которыя они считали себя въ правѣ имѣть. Письмо это, подписанное подсудимымъ Пв. Мясниковымъ, имѣетъ то отношеніе къ дѣлу, что стоитъ въ непосредственной связи съ однимъ изъ счетовъ, на которые защита имѣетъ право ссылаться. Это, собственно говоря, не счетъ, а отчетъ покойнаго Бѣляева, написанный имъ по 1-е сентября 1857 г. Въ этомъ, отчетѣ покойный Бѣляевъ изчисляетъ всѣ доходы и расходы, которые онъ имѣлъ по дѣламъ братьевъ, со дня смерти ихъ дѣда. Отчетъ этотъ былъ прочитанъ предъ вами. Вы слышали, что однихъ расходовъ по дѣламъ, такъ называемымъ, тяжебнымъ Мясниковыхъ, Бѣляевъ насчиталъ до 260,000 р. Въ концѣ этого отчета, писаннаго отъ начала до конца рукою Бѣляева и спору, относительно подлинности его, не подлежащаго. насъ интересуетъ цифра 260,000 р. Бѣляеву, по собственному сознанію. надлежало уплатить эту сумму наслѣдникамъ Мясниковымъ. Деньги эти, слѣдовательно, находились въ его распоряженіи. Этотъ отчетъ гг. Мясниковыми былъ только поверхностно разсмотрѣнъ: онъ не подвергался никакой провѣркѣ въ то время. Мясниковы не потребовали немедленной выдачи этой суммы (260,000 р.), достаточно того, что они были у дяди Козьмы Васильевича. Такъ прошло время до мая мѣсяца слѣдующаго 1858 года. Но тогда Мясниковымъ понадобились наличныя деньги, они потребовали де-

негъ, т. е. свои 260,000 р., у дяди, но у него наличныхъ денегъ въ этой суммѣ не оказалось. Разумѣется, послѣдовало охлажденіе въ отношеніяхъ племянниковъ и дяди, а вслѣдъ за симъ, строжайшая провѣрка 1-го отчета по 1-е сентября 1857 г. и требованіе 2-го отчета. Тогда Бѣляевымъ былъ представленъ отчетъ по 14-е мая, имѣющій, такимъ образомъ, непосредственное отношеніе къ отчету сентября 1857 г. Тщательная провѣрка обоихъ отчетовъ: по 1-е сентября 1857 г. и 14-е мая 1858 г., привела къ начету на Бѣляева, равнявшемуся 272,000 р., а затѣмъ была выдана и та сохранная росписка, которая предъявлена была, впослѣдствіи, Мясниковыми и уплачена изъ наслѣдства Бѣляевой. Защита, неоднократно, ссылалась на счеты Бѣляева, помѣщающіеся въ дѣлѣ, и полагаетъ, что вы, гг. присяжные засѣдатели, считаете доказаннымъ, что въ отчетѣ отъ 9-го сентября 1857 г. Бѣляевымъ, относительно доходовъ по дѣламъ Мясниковыхъ, были оставлены значительные пробѣлы и были показаны нѣкоторые чрезмѣрные расходы, каковъ, напримѣръ, былъ показанъ расходъ на полицію въ 5.000 р. и т. п. Не показано въ доходъ 125,000 р. по золотымъ пріискамъ, 11,000 р. по откупнымъ дѣламъ и проч. Само собою разумѣется, нѣтъ основанія высказывать, что сохранная росписка эта выдана была Бѣляевымъ за золото, данное ему на сохраненіе Мясниковыми. Причины появленія этой сохранной росписки, нужно искать именно въ отчетахъ Бѣляева. Что такая росписка дѣйствительно существовала—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; вы знаете, что о ней упоминается въ журналѣ исходящемъ, писанномъ рукою Бѣляева. Строчки, въ которыхъ значится записная росписка, были подвергнуты экспертизѣ, и эксперты признали ихъ несомнѣнную подлинность. О подлинности ея не возбуждаетъ даже вопроса г. прокуроръ; что же касается его предположенія о томъ, что она была погашена до кончины покойнаго Бѣляева, то, конечно, я не стану вдаваться въ цифирное разъясненіе этого обстоятельства, которое представлено было моимъ товарищемъ по защитѣ. Также наглядно и осязатель-

но, по моему мнѣнію, доказано было предъ вами, вчера, что не только тѣхъ миоическихъ милліоновъ, о которыхъ на судебномъ слѣдствіи шла рѣчь, не было у Бѣляева, но не было и тѣхъ пяти или шести сотенъ тысячъ, на которыя уже гораздо скромнѣе указывалъ г. прокуроръ. Я, съ своей стороны, относительно состоянія покойнаго Бѣляева укажу вамъ только на одинъ документъ, который самъ по себѣ, по моему мнѣнію, самымъ достовѣрнымъ образомъ опредѣляетъ его приблизительное состояніе, разумѣется не копѣйка въ копѣйку, не цифра въ цифру, но чрезвычайно близко и, относительно, точно. Я говорю о счетѣ 17-го сентября 1857 г., писанномъ рукою самаго Бѣляева, на которомъ значится самое подробное наименованіе всѣхъ его дѣлъ; тутъ говорится о заводахъ, откупахъ, лѣсной торговлѣ и о прочихъ дѣлахъ и опредѣлена цѣнность каждаго изъ предпріятій. Счетъ этотъ признается и самой обвинительной властью, какъ это видно изъ сказаннаго г. прокуроромъ вчера въ началѣ его обвинительной рѣчи, когда онъ говорилъ о наличномъ капиталѣ Бѣляева. Въ этомъ счетѣ значится наличнаго капитала 120,000 р.; сложивъ всѣ цифры, упомянутыя въ этомъ счетѣ, вы получите сумму въ 400,000 р.; но сопоставивъ эту сумму съ тоже признаннымъ подлиннымъ счетомъ, писаннымъ рукою же Бѣляева, въ которомъ значится, что у него долговъ на 16-е сентября 1857 года, которые ему надлежало уплатить, состояло 292,000 р., сверхъ оставшихся по раздѣлу и, слѣдовательно, также подлежащихъ платежу, 43,000 рублей, вы получите, слѣдовательно, сумму, которая равняется 60,000 или 70,000 рублямъ сер. чистаго капитала, который былъ у Бѣляева въ сентябрѣ 1857 г. Прибавьте сюда тѣ расходы и траты, которые несъ онъ впослѣдствіи, въ теченіе конца 1857 и начала 1858 гг., и вы признаете тогда правильность состоянія Бѣляева, представленнаго вамъ моимъ товарищемъ по защитѣ, присяжнымъ повѣреннымъ Арсеньевымъ.

Г. прокуроръ заявляетъ предположеніе, что сохранная ро-

списка хотя и выдана была Бѣляевымъ, но имъ была уплачена въ 1858 г. Но изъ чего выводитъ онъ это заключеніе? 21-го мая росписка эта выдана была Бѣляевымъ—фактъ несомнѣнный. Какимъ же образомъ она могла быть погашена въ іюнѣ или въ іюлѣ? Развѣ г. прокуроръ можетъ указать на дѣла или предпріятія, которыя бы въ этомъ промежуткѣ времени принесли Бѣляеву огромный капиталъ? Напротивъ, мы знаемъ, что въ этотъ промежутокъ времени, у Бѣляева были затраты, и затраты значительныя. Мы знаемъ и то, что состояніе Бѣляева, въ то время, не позволяло ему брать нѣкоторыхъ хорошихъ большихъ дѣлъ. Шли, дѣйствительно, въ то время, переговоры объ устройствѣ различныхъ предпріятій, такъ напримѣръ, о покупкѣ чугуно-литейнаго завода Берда, объ устройствѣ общества газоваго освѣщенія и проч., но все это были одни переговоры, не получившіе осуществленія. Кромѣ того, мы слышали изъ показаній свидѣтелей, что эти переговоры шли въ виду предположенія о составленіи Бѣляевымъ компаніи, въ которой должны были принимать участіе многія и многія лица, и въ числѣ этихъ лицъ и Мясниковы. Во всякомъ случаѣ, строить предположенія о богатствѣ человѣка на основаніи тѣхъ предпріятій, которыя имъ затѣвались, по моему мнѣнію, значитъ, приходить къ заключеніямъ, построеннымъ на невѣрныхъ основаніяхъ, такъ какъ между осуществленіемъ предпріятій и желаніемъ ихъ осуществить—громадное различіе, потому что тутъ, прежде всего, является вопросъ: на счетъ какихъ капиталовъ затѣвается предпріятіе? Если, съ одной стороны, и правда, что Бѣляевъ желалъ осуществить еще и другое предпріятіе—учрежденіе новаго газоваго общества, то съ другой стороны, изъ полученной нами оффиціальной справки изъ газоваго общества, видно, что Бѣляевъ учредителемъ этого общества никогда не былъ. Правда, мы слышали показаніе свидѣтеля Перозіо, что онъ считалъ Бѣляева за человѣка, имѣющаго большой капиталъ. Но, когда мы Перозіо спросили, какимъ образомъ онъ пришелъ къ этому заключенію, то услышали, что о состояніи Бѣляева ему

говорилъ свидѣтель Тепловъ. Свидѣтель Тепловъ былъ лично здѣсь, на судѣ, и разсказалъ намъ, что въ самую цвѣтущую пору дѣлъ Бѣляева, по его, Теплова, взгляду, онъ могъ имѣть не болѣе 400,000 р., что затѣмъ онъ потерялъ много на разныхъ предпріятіяхъ, на которыя, неразборчиво и съ большимъ рискомъ, бросался, что онъ, конечно, не былъ бѣденъ, но и не богатъ. Тоже слышали мы изъ прочтеннаго показанія Бенардаки; а Ненюковъ, близкій человѣкъ покойному, часто бывавшій у него, со словъ самого Бѣляева опредѣлилъ состояніе его, за послѣднее время жизни, тысячъ во 100 и разсказывалъ, что у него иногда Бѣляевъ бралъ взаймы по двѣ или по три тысячи рублей. Цифры эти самымъ краснорѣчивымъ образомъ указываютъ на мнимое богатство Бѣляева. Но самымъ вѣрнымъ, самымъ неотразимымъ доказательствомъ того, что Бѣляевъ не былъ такъ богатъ, какъ то доказываютъ г. прокуроръ и гг. повѣренные гражданскихъ истцовъ, служитъ письмо, писанное Бѣляевымъ 3 августа 1858 г. къ А. К. Мясникову. Въ этомъ письмѣ Бѣляевъ какъ бы умоляетъ—по крайней мѣрѣ, онъ проситъ ихъ крайне настойчиво, крайне убѣдительно—о томъ, чтобы были присланы ему необходимыя для одного дѣла 20,000 объясняя, что эти деньги необходимы, что, въ случаѣ невзноса ихъ, на имя его и Мясниковыхъ ляжетъ пятно. При этомъ онъ объясняетъ, что у него денегъ нѣтъ и что ихъ ему достать неоткуда. Деньги были даны А. К. Мясниковымъ, какъ это видно изъ расходной книги Бѣляева, въ которой значится эта сумма записанною на приходѣ. Что касается до того участія Бѣляева въ дѣлахъ П. Ф. Мясникова, о которомъ говоритъ г. прокуроръ, то въ свое время защита указывала и сопоставляла передъ вами справки изъ дѣлъ покойнаго П. Ф. Мясникова и, надѣюсь, убѣдила васъ въ томъ, что хотя Бѣляевъ участвовалъ въ откупахъ П. Ф. Мясникова, но въ 1858 г. уже участія этого быть не могло, за истеченіемъ откупнаго трехлѣтія. П. Ф. Мясниковъ умеръ въ 1855 г., а почти всѣ откупа его относились къ періодамъ 1853 и 1854 годовъ.

Теперь вы познакомились, гг. присяжные засѣдатели, съ состояніемъ Бѣляева. Конечно, вы можете знать его лишь приблизительно, но этого достаточно, чтобъ видѣть здѣсь отсутствіе милліоновъ.

Конечно, покойный, по нашимъ понятіямъ, былъ человѣкъ не бѣдный, состояніе свое онъ создалъ трудами, въ теченіе продолжительной дѣятельности, обдѣлывая свои маленькія дѣла подъ прикрытіемъ большихъ предпріятій и затѣй своего патрона И. Ф. Мясникова. Нужно имѣть въ виду, при оцѣнкѣ состоянія Бѣляева, имущество жены его: онъ женился не на бѣдной—жена его получила приданное въ 200,000 р. ассигн. У нея, затѣмъ, были два прекрасные дома въ Петербургѣ, и на одинъ изъ этихъ домовъ Бѣляевъ затратилъ значительный капиталъ, какъ это видно изъ тѣхъ счетовъ, которые сохранились въ его бумагахъ. Наконецъ, у нея были два винокуренные завода, оцѣненные, вмѣстѣ, тысячъ во сто. Все это, конечно, изобличаетъ въ Бѣляевѣ человѣка не бѣднаго; но гдѣ же тотъ богачъ, котораго желаютъ видѣть гражданскіе истцы? Дѣйствительно, Бѣляевъ былъ человѣкъ видимо предпріимчивый и дѣятельный; но характеръ его самостоятельной дѣятельности имѣетъ видъ лихорадочный, ненормальный. Онъ бросается на множество предпріятій, но при очевидномъ неимѣніи достаточныхъ собственныхъ средствъ, находя эти средства единственно въ капиталахъ Мясниковыхъ. Мы знаемъ, что со смертью И. Ф. Мясникова, въ распоряженіи его остается огромный наслѣдственный капиталъ, и планы различныхъ предпріятій быстро возникаютъ, одинъ за другимъ, но предпріятія кончаются ничѣмъ, за исключеніемъ только тѣхъ, въ которыхъ принимаютъ участіе Мясниковы.

Смерть Бѣляева послѣдовала въ сентябрѣ 1858 г. Въ то время, когда возбудилось предварительное слѣдствіе, въ 1868 году, о смерти Бѣляева было много толковъ, подозрительныхъ и совершенно неосновательныхъ. Всѣмъ этимъ слухамъ положилъ конецъ докторъ Тильманъ, разъяснившій болѣзнь Бѣляева. Во время судебнаго слѣдствія, вы сами слышали по-

казанія доктора Тильмана; онъ объяснилъ, что Бѣляевъ умеръ мучительною смертью и умеръ скоропостижно. Въ этой болѣзни, которою страдалъ Бѣляевъ, особенно заслуживаютъ вашего вниманія, періодичность и жестокость ея припадковъ, которые иногда длились до четверти и получаса. Прежде рѣдкіе, эти припадки, къ концу жизни, повторялись все чаще и чаще, такъ что можно съ полнымъ основаніемъ предположить, что они происходили уже въ маѣ мѣсяцѣ, если отъ этой самой болѣзни послѣдовала смерть его въ сентябрѣ.

Послѣ Бѣляева остались наслѣдниками, кромѣ жены его Екатерины Васильевны, двѣ сестры: одна изъ нихъ—Ремянникова, которая постоянно жила въ его домѣ, другая была Мартьянова, Надежда Васильевна. Эта послѣдняя сестра была съ Бѣляевымъ въ полномъ разладѣ. На это есть документальныя данныя въ дѣлѣ, и намъ нѣтъ никакого повода сомнѣваться во всемъ томъ, что высказала свидѣтельница Ремянникова, по поводу причинъ этого разлада. Нѣтъ повода, говорю я, сомнѣваться и въ томъ, что племянникъ Бѣляева, сынъ Мартьяновой, также не пользовался расположеніемъ дяди: онъ совершилъ растрату на значительную сумму —тысячъ на 50, которыя долженъ былъ пополнить его дядя, Бѣляевъ. Мы знаемъ, что Мартьянова была женщина бѣдная; тѣмъ не менѣе, Бѣляевъ ей не помогалъ. На это есть у насъ слѣдующія доказательства: если бы Бѣляевымъ къ ней посылались деньги, то эти деньги были бы означены въ расходномъ журналѣ Бѣляева. Но объ этомъ въ журналѣ нѣтъ указаній. Другимъ доказательствомъ тому, что между домомъ Бѣляева и Мартьяновою не было сношеній, служитъ полнѣйшее невѣдѣніе въ Сарапулѣ, мѣстѣ жительства Мартьяновой, того, что происходитъ въ Петербургѣ, въ домѣ Бѣляева. Мы читали письма, въ которыхъ Надежда Васильевна прямо говоритъ своей сестрѣ Ремянниковой, что думала, что она уже умерла, что уже ея нѣтъ въ живыхъ, Эти письма представлены были къ дѣлу повѣреннымъ гражданскихъ истцовъ Имшенецкимъ и доказываютъ ясно, что между домомъ Бѣляе-

ва въ Петербургѣ и домомъ Мартьяновой въ Сарапулѣ не было никакихъ сношеній.

Когда вѣсть о смерти Бѣляева достигла Сарапуля, то, разумѣется, произвела тамъ сильное впечатлѣніе. Тамъ Бѣляевъ, конечно, слылъ страшнымъ богачемъ. Нужно взять ту среду, къ которой принадлежалъ покойный—родню Бѣляева въ Сарапулѣ, чтобы понять легко то преувеличенное представленіе, которое возъимѣли тамъ о богатствѣ Бѣляева. Прибавьте къ тому, что Бѣляевъ, въ теченіе долгихъ лѣтъ, распоряжался, дѣйствительно, громаднымъ имѣніемъ старика Мясникова, что блескъ Мясниковскаго богатства отражался на самомъ Бѣляевѣ. И вотъ, въ Мартьяновой является желаніе, отыскивать наслѣдство послѣ умершаго брата. Является тотчасъ и адвокатъ, это—Ижболдинъ, пышѣшній гражданскій истецъ. Я прошу васъ обратить особенное вниманіе на то порученіе, которое сначала дается Мартьяновою Ижболдину. На это есть указаніе: въ довѣренности говорится прямо относительно возможности, отыскать родовое имѣніе Бѣляева, говорится о томъ, что Бѣляевъ не былъ вправѣ дѣлать завѣщательныхъ распоряженій относительно родоваго имущества. Слѣдовательно, въ то время, въ Сарапулѣ, не было никакого слуха о томъ, что составлено было подложное завѣщаніе, и я не думаю, чтобы Мартьянова надѣялась, что она имѣетъ право, отыскивать все наслѣдство Бѣляева и, именно, то наслѣдство, которое по духовному завѣщанію осталось въ пользу жены Бѣляева; я не думаю, что она, зная о тѣхъ хорошихъ отношеніяхъ, о той взаимной любви, которыя связывали брата ея съ его женою, и узнавъ о томъ, что осталось духовное завѣщаніе, рѣшилась бы оспаривать это завѣщаніе въ подлогѣ. Правда, что узнавъ о смерти брата, у нея является желаніе отыскивать ея наслѣдство; но, выдавая по этому предмету довѣренность, она указываетъ, главнымъ образомъ, на розысканіе наслѣдства родоваго. Кромѣ довѣренности она выдаетъ Ижболдину и договоръ о вознагражденіи, на основаніи котораго наслѣдство дѣлится

по долямъ между нею и адвокатомъ, кромѣ расходовъ. По этому договору въ 1860 году Ижболдинъ заключилъ условіе съ Самуиломъ Боревскимъ. Напрасно г. прокуроръ утверждаетъ, что условіе это заключаетъ лишь договоръ о вознагражденіи Боревскаго, за веденіе имъ дѣла. Этотъ договоръ является не договоромъ о вознагражденіи, но есть просто уступка Ижболдинымъ, на основаніи довѣренности и условія, выданной ему отъ Мартьяновой, половины наслѣдственныхъ правъ... Половину эту Ижболдинъ оцѣнилъ въ 2,000 рублей, которые и получилъ отъ Боревскаго, росписавшись на актѣ, такъ что, въ настоящее время, гг. повѣренные гражданскихъ истцовъ, хотя и являются повѣренными Ижболдиныхъ и Пѣшехоновой, но, въ настоящее время, они защищаютъ еще и интересы Самуила Боревскаго, о существованіи котораго едва ли сами знали до настоящаго засѣданія, а которому, между тѣмъ, принадлежитъ неотъемлемое право на большую половину отыскиваемаго ими имущества. Мартьянова, чувствуя себя слабою и близкою къ смерти, передала Ижболдину свои права на веденіе иска по завѣщанію. Завѣщаніе не ею было писано; оно было прислано изъ Петербурга. Изъ прочитаннаго здѣсь письма мы видимъ, что она просила переслать ей завѣщаніе безъ засвидѣтельствованія нотаріальнаго. Такимъ образомъ этотъ процессъ перешелъ въ совершенно постороннія, чужія руки. Это завѣщаніе имѣетъ характеристическое, въ настоящемъ дѣлѣ, значеніе. Въ немъ никакихъ другихъ распоряженій нѣтъ, кромѣ уступки правъ на процессъ Ижболдиной и Пѣшехоновой. Завѣщаніе это представляетъ исключительный характеръ имущественнаго или адвокатскаго договора. Въ немъ помѣщены такія странныя выраженія, какъ, напримѣръ: „актъ сей не подлежитъ никакому спору, никакой отмѣнѣ“; далѣе—„отлынѣ, искъ долженъ считаться принадлежностью наслѣдниковъ“. На все это я обращу ваше вниманіе, гг. присяжные засѣдатели, въ виду замѣчанія, сдѣланнаго г. прокуроромъ во вчерашнемъ засѣданіи, относительно содержанія, заподозрѣннаго завѣщанія

Бѣляева, что оно представляется крайне, по его мнѣнію, неправдоподобнымъ по своему содержанію и потому, между прочимъ, что въ немъ говорится лишь о предоставленіи всего состоянія женѣ, безъ подробнаго поименованія имущества завѣщателя, и не дѣлается никакихъ обычныхъ завѣщательныхъ распоряженій. Но вотъ вамъ представляется другое завѣщаніе — завѣщаніе Мартьяновой — и это завѣщаніе, какъ вы видите, даже не носитъ на себѣ и признаковъ поименованія оставляемаго имущества; изъ него не видно, укрѣпляется ли за наслѣдниками процессъ и не дѣлается тамъ никакихъ обычныхъ завѣщательныхъ распоряженій.

А между тѣмъ, на основаніи этого завѣщанія, продолжается гражданскій искъ и основывается, отчасти, уголовное обвиненіе. И кто же, гг. присяжные, является передъ вами въ качествѣ гражданскаго истца по настоящему дѣлу? Является передъ вами не братъ, не сестра покойнаго Бѣляева и не сынъ, не племянникъ, не человѣкъ, состоящій въ какой-либо, вообще, хотя и отдаленной, степени родства къ умершему, а является совершенно посторонній ему человѣкъ, пріобрѣвшій чужую тяжбу въ собственность. Когда пріѣхалъ въ Петербургъ гражданскій истецъ, Ижболдина, то первымъ повѣреннымъ его сдѣлался чиновникъ Германъ. О чиновникѣ Германѣ вы слышали во время судебнаго слѣдствія, показаніе его было прочитано передъ вами. Германъ называетъ себя доносчикомъ, или доказчикомъ по этому дѣлу. Слѣдовательно, онъ былъ шпіономъ всѣхъ разнообразныхъ обвиненій, взведенныхъ на братьевъ Мясниковыхъ, породившихъ нескончаемые слухи и толки. Что же за человѣкъ былъ Германъ? Какого рода мѣры онъ принималъ для того, чтобы подкрѣпить фактическими данными тѣ обвиненія, которыя онъ взводитъ на Мясниковыхъ? Вы помните показаніе Исаева. Изъ этого показанія видно, каковы были тѣ средства, къ которымъ прибѣгалъ Германъ. Онъ уговаривалъ Исаева написать и подписать ложный на Мясниковыхъ доносъ. Если это показаніе взять, въ связи съ другими подобными, имѣющимися въ этомъ

дѣлѣ, то можно будетъ остановиться на соображеніяхъ, которыя укажутъ на тѣ средства, которыми пріобрѣтались — по крайней мѣрѣ, Германомъ—фактическія, противъ Мясниковыхъ, доказательства. Я, въ настоящее время, не буду останавливаться на такихъ эпизодахъ, каковъ, напримѣръ, въ настоящемъ дѣлѣ, допросъ свидѣтеля Шевелева—о немъ уже было довольно говорено—но не могу не обратить вашего вниманія на важность его значенія. Если такъ можно выразиться — онъ былъ послѣднею каплею, заставившей перелиться ведро, переполненное водою. Онъ, вообще, заставилъ усомниться въ вѣрности свидѣтельскихъ показаній, слышанныхъ въ этомъ дѣлѣ. Онъ указалъ на тѣ пріемы, къ которымъ прибѣгали гражданскіе истцы, при веденіи дѣла По заключенію прокурора, оказалось необходимымъ, отбросить цѣлую массу свидѣтельскихъ показаній, имѣющихся въ этомъ дѣлѣ, а между тѣмъ, эти свидѣтельскія показанія имѣли огромное значеніе при возникновеніи дѣла и при построеніи обвиненія. Вѣдь, гг. присяжные засѣдатели, если бы на многихъ свидѣтелей, прежде, смотрѣли такъ, какъ смотрятъ на нихъ теперь, то къ чему ихъ было включать въ обвинительный актъ? Я не стану ссылаться на каждаго изъ нихъ въ отдѣтельности, не стану входить въ подробности ихъ показаній, припомню только, какой длинный рядъ ихъ былъ записанъ въ обвинительный актъ и какъ невелико, теперь, число тѣхъ, на которыхъ считаетъ возможнымъ ссылаться прокуроръ, въ своей обвинительной рѣчи.

Я останаолюсь, теперь, на разборѣ духовнаго завѣщанія, оставленнаго Бѣляевымъ, и заподозрѣннаго въ подложности. Къ тому, что было сказано моимъ товарищемъ по защитѣ, г. Арсеньевымъ, мнѣ приходится прибавить немного. Прежде всего, я возражу на заявленіе одного изъ повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ, относительно внѣшняго осмотра этого акта. Повѣренный гражданскаго истца указывалъ на краткость содержанія завѣщанія, на заглавіе и на подпись его, и, наконецъ, на отсутствіе разныхъ завѣщательныхъ распоряженій, считая,

почему-то, послѣднія необходимыми, для признанія подлинности всякаго духовнаго завѣщанія. Относительно подписи, обращали ваше вниманіе на то, что это духовное завѣщаніе подписано, просто, именемъ и фамиліей завѣщателя, и изъ этого выводятъ заключеніе о сомнительности акта. Сомнѣніе тутъ вытекаетъ изъ того, что будто бы во всѣхъ подписяхъ Бѣляева, на дѣловыхъ бумагахъ, прописаны полное званіе, имя, отчество и фамилія его, и что, слѣдовательно, отсутствіе званія и отчества въ такихъ важныхъ документахъ, какъ завѣщаніе, даетъ поводъ подозрѣвать, что подпись эта сдѣлана не Бѣляевымъ. Но вы, конечно, примете въ соображеніе то обстоятельство, на которое я указывалъ во время судебнаго слѣдствія, и вспомните тѣ черты характера Бѣляева, на которыя указываютъ и обвинительная власть и повѣренные гражданскихъ истцовъ, а именно: аккуратность и привязанность его къ извѣстнымъ привычкамъ. Дѣйствительно, Бѣляевъ, въ большей части дѣловыхъ бумагъ, прописывалъ сполна свое званіе, имя, отчество и фамилію, но тѣ бумаги, которыя начинались словами: „я нижеподписавшійся, фридрихсгамскій первостатейный купецъ Козьма Васильевъ Бѣляевъ“, подписывалъ онъ просто „Козьма Бѣляевъ“. Такъ начинается и духовное завѣщаніе, такъ оно и подписано, и, слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ нельзя, въ краткости этой подписи, видѣть признакъ неподлинности акта. Что касается до содержанія этого духовнаго завѣщанія, то въ этомъ отношеніи, между прочимъ, указываютъ, какъ на признакъ для сомнѣнія, на совершенное отсутствіе въ немъ распоряженія въ пользу церквей, отсутствіе выдачъ благотворительныхъ. Говорятъ, что Бѣляевъ былъ человѣкъ благодушный, что онъ радѣлъ для церкви, и что умирая, не могъ не подумать о томъ, чтобы оставить что либо въ пользу церквей и бѣдныхъ на поминовеніе души. Такого рода признакъ нельзя не принять за слабый. Я припоминаю одно дѣло, въ которомъ духовное завѣщаніе оспаривалось на томъ, именно, основаніи, что въ немъ слишкомъ много дѣлалось распоряженій въ пользу церквей и богоугод-

ныхъ заведеній. Тогда обвиненіе говорило: „смотрите, слишкомъ много тутъ завѣщано въ пользу церквей, въ пользу богоугодныхъ заведеній: это изобличаетъ подложность завѣщанія“. И такъ, признакъ этотъ можно толковать и въ ту и въ другую сторону, и всегда онъ останется предположеніемъ, лишеннымъ серьознаго значенія. Другое обстоятельство, на которое указываетъ обвиненіе, заключается въ томъ, что будто бы тѣ лица, которыя должны были получить отъ Бѣляева наслѣдство, ничего не получили. Но затѣмъ, когда обвиненіе указываетъ на факты, очевиднымъ дѣлается, что кромѣ тѣхъ, которымъ по его завѣщанію оставлено наслѣдство, не кому было и оставлять. Кто же былъ, изъ живущихъ въ домѣ Бѣляева, близокъ къ нему? Жена, Режинникова, Шмелевъ, женатый на его воспитанницѣ. Всѣ они получили по завѣщанію. Намъ указываютъ на бѣдныхъ родственниковъ Бѣляева и говорятъ, что они ничего не получили; но кто же были эти бѣдные родственники? Ихъ имени не встрѣчается въ дѣлѣ. Одни были родственники—мать и сынъ; но отношенія ихъ къ Бѣляеву, при жизни его, уже извѣстны. Въ сущности, все сводится къ одному родственнику—Афонасію Бѣляеву, про котораго одинъ изъ свидѣтелей выразился, что онъ ходилъ безъ сапоговъ. Но ходилъ безъ сапоговъ онъ, можетъ быть, и при жизни Бѣляева. Почему, непремѣнно, онъ долженъ былъ получить наслѣдство? Развѣ видно изъ дѣла какое бы то ни было указаніе на то, что этотъ родственникъ покойнаго Бѣляева, пользовался, со стороны покойнаго, при жизни его, особеннымъ расположеніемъ. Онъ, я думаю, у Бѣляева дѣлалъ то же самое, что дѣлаетъ давно у Мясниковыхъ, жилъ въ конторѣ и занимался перепискою бумагъ. Затѣмъ, приводятся другія доказательства подложности завѣщанія. Указываютъ вамъ, по крайней мѣрѣ со стороны повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ, на показаніе Махаевой, которой, если вѣрить словамъ ея, самъ докторъ Отто говорилъ о томъ, что духовнаго завѣщанія Бѣляевымъ не оставлено. Но это показаніе не оправдываетъ вѣроятія, потому что оно

опровергается тѣмъ же свидѣтельствомъ доктора Отто, даннымъ имъ бывшему судебному слѣдователю Ермолинскому. Вы помните показаніе, которое далъ по этому поводу г. Ермолинскій. Что касается разсказа объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ похоронный обѣдъ, то, въ виду отказа обвиненія отъ всѣхъ, относящихся къ этому предмету, свидѣтельскихъ показаній, я упомяну лишь о показаніи Красильникова. Онъ передалъ, что будто бы слышалъ отъ Воронина, на похоронномъ обѣдѣ, что Бѣляева говорила ему о томъ, что завѣщанія не осталось. Но вы слышали показаніе Ненюкова: Ненюковъ объяснилъ, что на похоронномъ обѣдѣ онъ спрашивалъ у Воронина о духовномъ завѣщаніи, и тотъ отвѣчалъ, что ему ничего про завѣщаніе не извѣстно. Въ ряду другихъ доказательствъ, указываетъ г. прокуроръ, какъ на улику, между прочимъ, еще на довѣренность, выданную Бѣляевою А. Мясникову, найденную, будто бы, въ бумагахъ Бѣляева, которая изобличаетъ, по словамъ обвиненія, Бѣляеву и А. Мясникова, такъ какъ въ этой довѣренности, выданной тотчасъ послѣ смерти мужа на управленіе всѣми ея дѣлами, не упоминается о духовномъ завѣщаніи. Я не вижу, что обвиненіе могло бы почерпнуть для себя въ этомъ документѣ. Бумаги эти вовсе и не довѣренность: это черновой проектъ, неизвѣстно кѣмъ писанный, не подписанный и не засвидѣтельствованный. Бѣляева отозвалась, что не помнитъ, кѣмъ, къ чему и когда проектъ былъ составленъ. Наконецъ, однимъ изъ сильныхъ доказательствъ виновности Мясниковыхъ,была приведена экспертиза. На сколько экспертиза можетъ имѣть значеніе въ дѣлахъ сличенія почерковъ, объ этомъ довольно было высказано защитникомъ А. Мясникова. Я съ своей стороны, опять таки, обращу лишь ваше вниманіе на то, что по этому дѣлу произведены четыре экспертизы, и что всѣ онѣ противорѣчатъ одна другой. Первая экспертиза была совершенно въ пользу подлинности духовнаго завѣщанія; вторая высказала сомнѣніе противъ его подлинности; третья склонялась въ пользу подлинности завѣщанія, что и послужило основаніемъ

къ отказу въ искѣ Ижболдинымъ въ окружномъ судѣ и признанію подлинности завѣщанія въ порядкѣ гражданскомъ, и, наконецъ, четвертая состоялась совершенно противъ подсудимыхъ. И вотъ здѣсь передъ вами произошла пятая экспертиза, въ которой хотя и высказалось мнѣніе о сомнительности завѣщанія, но въ которой далеко нѣтъ полнаго и прямаго указанія на подложность его. Вспомните, только, какъ раздѣлились голоса экспертовъ, когда имъ были предлагаемы вопросы со стороны защиты. Въ сущности, каждый изъ нихъ высказывалъ то же, что на предварительномъ слѣдствіи и въ судѣ гражданскомъ. Вспомните мнѣніе эксперта Иванова, который совершенно такъ, какъ и въ гражданскомъ судѣ, подтвердилъ о сходствѣ многихъ буквъ на оспариваемомъ завѣщаніи и о несходствѣ нѣкоторыхъ, причемъ указалъ на то, что и въ несомнѣнныхъ подписяхъ Бѣляева замѣчается между нѣкоторыми буквами несходство. Прежде, много, также, указывали и толковали объ уликахъ, основанныхъ на самомъ почеркѣ Бѣляева, на манерѣ его подписываться, на росчеркѣ или на манерѣ писать букву ъ, и на обычаѣ, ставить точку послѣ подписи; но всѣ эти улики нашли себѣ опроверженіе во врѣмя судебнаго слѣдствія, и о нихъ уже теперь не упоминаютъ. Обвиненіе также находитъ поводъ къ сомнѣнію въ различіи, въ цвѣтѣ чернилъ, которыми было писано завѣщаніе и которыми были затѣмъ дѣлаемы подписи завѣщателя и свидѣтелей. Но вы согласитесь со мною, гг. присяжные засѣдатели, въ томъ, что различіе въ цвѣтѣ чернилъ, есть вещь до такой степени условная, что основывать на немъ положительный выводъ совершенно невозможно. Разныя чернильницы, разныя перья, большая или меньшая твердость почерка придаютъ чернилamъ различіе въ цвѣтѣ. Вотъ почему изъ этого обстоятельства нельзя выводить какого бы то ни было заключенія въ пользу одновременности или разновременности подписи.

Въ ряду главныхъ доказательствъ въ подлинности духовнаго завѣщанія Бѣляева, первое мѣсто занимаютъ свидѣтельскія

подписи, имѣющіяся на немъ. Защита обращаетъ вниманіе ваше на самый способъ выраженій, приведенныхъ въ свидѣтельскихъ подписяхъ, удостовѣряющихъ подлинность завѣщанія. Въ этихъ подписяхъ, свидѣтели не только удостовѣряютъ насъ, какъ пишется обыкновенно въ завѣщаніяхъ,—такъ, напримѣръ, и въ завѣщаніи Мартьяновой,—что подпись завѣщателя подлинна, что онъ былъ въ здравомъ умѣ и твердой памяти, но они удостовѣряютъ, что завѣщатель имъ лично предъявилъ завѣщаніе для подписанія. Говорить и предполагать, что люди ничѣмъ не опороченные, честность которыхъ ничѣмъ не заподозрѣна, ради дружбы и одолженія подписали подъ бумагой, серьознаго значенія которой, они не могли не сознавать, явную ложь, разумѣется, представляется невозможнымъ. Мнѣ кажется, гг. присяжные засѣдатели, что кромѣ этихъ осязательныхъ, такъ сказать, доказательствъ въ пользу того, что завѣщаніе это подлинно, что свидѣтели подписались при жизни и по просьбѣ Бѣляева, служитъ еще и соображеніе о томъ, что составляетъ собственно преступность въ подписаніи подложнаго завѣщанія. Эта преступность заключается въ извращеніи воли умершаго человѣка. Человѣкъ трудится, работаетъ, старается въ пользу любимаго имъ человѣка; ему пріятно знать, что жизнь его не пройдетъ безслѣдно, что оставивъ послѣ себя состояніе, онъ обезпечитъ близкихъ его сердцу. Слѣдовательно, тотъ, кто совершаетъ подложное духовное завѣщаніе, совершаетъ, разумѣется, преступленіе страшное: онъ обманываетъ волю умершаго лица, крадетъ у того, кто не можетъ ему сопротивляться, отнимаетъ состояніе у тѣхъ, для кого умершій трудился, кого онъ любилъ. Во всякомъ спорѣ о духовномъ завѣщаніи, существуетъ важный вопросъ—приведеніе въ ясность воли умершаго лица, такъ какъ она считается нарушенною преступленіемъ.

Какія же были отношенія Бѣляева къ женѣ? хотѣлъ ли онъ оставить ей состояніе? Кажется, мы не имѣемъ сомнѣній относительно той любви, которую питалъ къ женѣ покойный Бѣляевъ, и того желанія, которое онъ не разъ выражалъ,

чтобы состояніе его наслѣдовала жена его. Мы имѣемъ свидѣтельство Ивановой о томъ, что Бѣляевъ говорилъ при ней, по поводу смерти первой жены Громова безъ завѣщанія, что онъ оставитъ состояніе женѣ. Въ этомъ же смыслѣ показывала и Сицилинская.

Это обстоятельство доказывается и тѣмъ показаніемъ, которое дала предъ вами свидѣтельница Ремянникова. Не показала ли она, что когда отыскали завѣщаніе ея покойнаго брата, то она въ высказанной въ этомъ завѣщаніи волѣ, признала священную для нея волю умершаго брата, противъ которой она никогда не посмѣла бы спорить, такъ какъ она знаетъ, что братъ ея только и могъ оставить свое имѣніе любимой имъ женѣ, Екатеринѣ Васильевнѣ. Припомните, гг. присяжные засѣдатели, что Ремянникова — единственная наслѣдница покойнаго Бѣляева, что она сестра покойнаго, единственное лицо, могущее страдать въ данномъ случаѣ отъ преступленія, если преступленіе было совершено, а между тѣмъ она является первою защитницею подлинности заподозрѣннаго духовнаго завѣщанія.

Въ концѣ концевъ, г. прокуроръ обратился къ вамъ съ слѣдующимъ заявленіемъ. Онъ говорилъ вамъ: „въ такихъ дѣлахъ, какъ настоящее, нужно черпать изъ резервуара народной мудрости“, и при этомъ привелъ обычай, который почему-то, по мнѣнію его, существуетъ у насъ въ купеческомъ сословіи, относительно боязни смерти и относительно того, что вслѣдствіе этой боязни, въ купеческомъ, быту не охотно составляется завѣщаніе. Мнѣ кажется, что это замѣчаніе г. прокурора неправильно: малодушіе, страхъ смерти не въ характерѣ русскаго народа. Мнѣ кажется, что нѣтъ людей, которые бы относились болѣе равнодушно къ смерти, какъ люди русскіе, и если г. прокуроръ ссылается на литературу, то едва ли укажетъ онъ въ ней подтвержденіе своему мнѣнію. Наконецъ, тѣ свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о характерѣ Бѣляева, какъ о серьезномъ дѣловомъ человѣкѣ, не допускаютъ предположенія, чтобы онъ могъ задаваться столь малодушною

мыслью, что если составитъ завѣщаніе, то это послужитъ къ ускоренію его смерти. Что касается разсужденія прокурора о томъ, что Бѣляевъ умирая, не предупреждаетъ жену объ опасности, которой она подвергается, принимая его наслѣдство, заплатить и всѣ его долги, то, по мнѣнію моему, эти разсужденія не могутъ имѣть значенія. Во всякомъ случаѣ Бѣляевъ зналъ, что Бѣляевой придется платить изъ остающагося наслѣдственнаго имущества, цѣнность котораго превышала цифру обременявшаго его долга.

Это обстоятельство заставляетъ меня вспомнить о вопросѣ, предложенномъ Бѣляевой однимъ изъ повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ. Вопросъ этотъ былъ предложенъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: считали ли вы себя нравственно обязанной уплатить Мясниковымъ по сохранной росписке, которую они вамъ предъявили? Она отвѣтила: „да“, и мнѣ кажется, что она отвѣтила не въ томъ смыслѣ, въ какомъ это понимаетъ повѣренный гражданскаго истца. Мнѣ кажется, что не только женщинѣ, но вообще для всякаго, не знакомаго съ юридическими тонкостями, невозможно постигнуть того различія, которое, къ сожалѣнію можетъ быть допущено между нравственно и юридически обязательнымъ документомъ. Очевидно, г-жа Бѣлява поняла только одно, что есть долгъ ея мужа, долгъ ей извѣстный, который она и обязана заплатить, будетъ ли къ ней предъявлено взысканіе судебнымъ или не судебнымъ порядкомъ. Во всякомъ случаѣ она считаетъ себя обязанною заплатить долги мужа. Повѣренный гражданскихъ истцовъ заявилъ, что въ готовности уплатить долгъ видно со стороны ея какое-то особенное благодушіе, которое не возможно предположить не только въ ней, но и въ каждомъ вообще человѣкѣ. Я не могу согласиться съ подобнымъ заключеніемъ. Неужели повѣренный гражданскихъ истцовъ отрицаетъ даже существованіе возможности, чтобы кто-либо могъ заплатить долги за своего умершаго родственника или мужа единственно на основаніи нравственной обязанности? Встрѣчаются люди, которымъ память умершаго мужа или родствен-

ника настолько близка къ сердцу, что они платятъ долги покойнаго по чувству нравственнаго долга, ради памяти умершаго. Въ данномъ случаѣ нечего было и думать особенно: состоянія осталось достаточно, чтобы можно было уплатить долги безъ приплаты съ своей стороны. Намъ указываютъ на споры, происшедшіе между Мясниковыми и Бѣляевой относительно уплаты сохранной росписки. Но припомните, гг. присяжные засѣдатели, когда возникли эти споры, 6 или 7 лѣтъ спустя послѣ смерти Бѣляева и, какъ вы слышали, причиною ихъ были разсчеты, не покончепные между Мясниковыми и Бѣляевой, по которымъ производились уплаты. Впослѣдствіи споры эти были прекращены мировою сдѣлкою. Между уплатою долга по сохранной роспискѣ и духовнымъ завѣщаніемъ Бѣляева нѣтъ никакой связи.

Послѣ перерыва, г. Языковъ снова беретъ слово.

Гг. присяжные засѣдатели! Вы вчера слышали изъ устъ г. прокурора печальный разсказъ, который не могъ не произвести на васъ глубокаго впечатлѣнія. Разсказъ этотъ шелъ о подсудимомъ Карагановѣ. Передъ вами г. прокуроромъ была нарисована личность человѣка, всю жизнь котораго убиваетъ одно безконечное горе. Горе это, по мнѣнію обвиненія, породилось и питалось совершеннымъ имъ однажды преступленіемъ, горе это, какъ вы слышали, преслѣдуетъ его цѣлую жизнь, доводитъ его до пагубной страсти, до пьянства и, наконецъ, до умопомѣшательства. Я, разумѣется, ничего не имѣлъ бы возразить противъ разсказа г. прокурора, еслибы мотивы этого разсказа не были связаны съ обвиненіемъ, которое падаетъ въ равной степени на подсудимыхъ Мясниковыхъ. Обвиненіе это было высказано, мнѣ кажется, хотя и не прямо, но тѣмъ не менѣе въ такой прозрачной формѣ, что для меня, по крайней мѣрѣ, вполнѣ ясно, что здѣсь идетъ рѣчь объ опаиваніи Караганова, которое ставится въ вину подсудимымъ Мясниковымъ, систематически доведшимъ его до нынѣшняго состоянія. Вотъ противъ этого-то обвиненія я возстаю и возстаю всѣми силами души моей. Уже во всякомъ

случаѣ я не думаю, чтобы это обвиненіе хоть сколько-нибудь могло касаться И. К. Мясникова, такъ какъ достаточно вспомнить, что тѣ событія, на которыя указывалъ г. прокуроръ, относятся къ 1868 г., къ тому времени, когда Иванъ Константиновичъ Мясниковъ, уже 5 лѣтъ больной, не выходилъ изъ дому. Но кромѣ того, поэтически, въ высшей степени увлекательно изложенная передъ вами повѣсть страдаетъ еще тѣмъ недостаткомъ, что изъ нея выпущены многія обстоятельства жизни Караганова, которыя точно также могутъ быть причиною его настоящаго положенія, существованіе этихъ обстоятельствъ можетъ лишить обвинительную власть права взваливать вину за настоящее умственное состояніе Караганова на гг. Мясниковыхъ. Съ Карагановымъ въ жизни были несчастія, которыя могли на него произвести гнетущее, нравственно мучительное впечатлѣніе. За примѣромъ не далеко ходить. Вы мелькомъ видѣли жену его, которая отказалась отъ дачи показанія. Вы не видѣли передъ собою ни выраженія горя, ни печали на лицѣ этой женщины. Показанія вы ея не слыхали, она отъ него отказалась; но въ дѣлѣ встрѣчается нѣсколько указаній, по которымъ вы могли судить о свойствѣ отношеній между нею и мужемъ. Для характеристики этихъ отношеній нужно ли еще указывать на письма, имѣющіяся въ дѣлѣ, которыя единственно содержатъ просьбы о высылкѣ денегъ? Письма грубыя, рѣзкія. Нужно ли указывать вамъ на показаніе Жукова о томъ, что Карагановъ долгое время не жилъ съ женою и на показаніе другихъ лицъ, свидѣтельствующихъ о томъ же, чтобы придти къ заключенію, что именно въ этихъ обстоятельствахъ нужно искать причины горя и нравственнаго паденія Караганова. Несчастная семейная жизнь при тѣхъ душевныхъ качествахъ, при той добротѣ, честности, сердечности, которыя признаются за Карагановымъ, могли, конечно, привести его къ той мрачной задумчивости, къ пьянству, самозабвенія ради, къ горькому запою, невыносимой хандрѣ и умопомѣшательству. Обвинительная власть говорила вамъ, что Караганову водка от-

пускалась даромъ; но вы знаете, что кромѣ Караганова всѣ служившіе на заводѣ получали сверхъ жалованья извѣстное количество водки. Такъ было при старыхъ откупахъ и нынѣ такъ водится на заводахъ. Я не вижу также, чтобы за Карагановымъ былъ устроенъ тотъ надзоръ, о которомъ говоритъ обвинительная власть. Если преступленіе, о которомъ идетъ въ настоящее время рѣчь, совершилось, то оно совершилось въ 1857 г.; въ теченіе времени отъ 1857 года Карагановъ служилъ у разныхъ лицъ, велъ и самостоятельную торговлю, совершалъ далекія странствованія по всей Россіи и въ продолженіе всего этого времени развѣ Карагановъ не былъ въ своихъ дѣйствіяхъ свободенъ, развѣ за нимъ было учреждено наблюденіе. Никопецъ, въ той самой перепискѣ съ Александромъ Мясниковымъ, изъ которой прокуроръ заключаетъ о караулѣ, учрежденномъ надъ Карагановымъ, вы получаете другія, драгоцѣнныя для защиты свѣдѣнія. Какое мѣсто занималъ Карагановъ на заводѣ? Весьма незначительное, судя по долгой службѣ, проведенной у Мясниковыхъ. Гдѣ тѣ деньги, которыми покупалось его молчаніе? 1,000 р. въ годъ жалованья? Изъ писемъ, изъ росписокъ видно, что одна треть ихъ шла женѣ, другая отцу. Что оставалось Караганову? Вспомните содержаніе писемъ, отобранныхъ у Кошелькова, и вы увидите, что рѣчь въ нихъ идетъ о дѣлахъ, о разсчетахъ, затѣмъ иногда кстати скользнетъ слово и о Карагановѣ, да и то объ немъ очень рѣдко. Нужно имѣть въ виду, какимъ образомъ письма, изъ которыхъ мы беремъ эти свѣдѣнія, пріобщились къ дѣлу? Письма вѣдь выбраны изъ цѣлыхъ массъ и тюковъ писемъ и бумагъ, взятыхъ на обыскахъ у Кошелькова, отца Караганова и подсудимыхъ. Выбравъ изъ этой массы писемъ и бумагъ то, что нужно было для развитія собственной мысли, обвинительная власть легко могла создать какой-то надзоръ за Карагановымъ, котораго на самомъ дѣлѣ никогда не было. Гг. присяжные засѣдатели, если я старался на судебномъ слѣдствіи выяснить передъ вами личность Кононова, то я поступалъ не безъ на-

мѣренія. Мнѣ кажется весьма важнымъ уже одинъ тотъ фактъ, что пріѣзжаетъ никому невѣдомый прикащикъ въ село Подгорное, который знакомится сразу съ Карагановымъ, находится съ нимъ въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ, проводитъ время по трактирамъ и кабакамъ и затѣмъ ведетъ тотъ непосредственный разговоръ, о которомъ вы слышали изъ показаній Киселева и Кунаковскаго, и что такой-то важный свидѣтель вдругъ исчезаетъ, что его не вызываютъ на судъ, когда онъ знаетъ начало и конецъ разговора, а вызываютъ только тѣхъ, которые случайно слышали часть этого разговора, 2—3 слова, заключающія въ себѣ сознаніе Караганова. Мнѣ кажется, гг. присяжные, что если бы была какая-нибудь возможность найти Кононова, то онъ, конечно, былъ бы найденъ со стороны судебной, или слѣдственной власти. Изъ показаній Ашкарина и Жукова вы видѣли, что полтора мѣсяца, человѣкъ, который былъ, быть можетъ, агентомъ сыскной полиціи, совершенно свободно сходится съ Карагановымъ въ самыя пріятельскія отношенія, что никто не обращаетъ вниманія на ихъ разговоры. Мнѣ кажется, что это было бы немыслимо по отношенію къ человѣку, надъ которымъ учрежденъ непосредственный спеціальный надзоръ, о дѣйствіяхъ котораго должно доноситься по начальству. Я не касаюсь дѣйствій сыскной полиціи, не имѣю даже права заключить, что она была здѣсь; но допустивъ то предположеніе, которое высказано г. прокуроромъ, я съ своей стороны не могу не придти къ тому заключенію, что если было здѣсь спаиваніе, то было систематическое спаиваніе со стороны Кононова и что самое сознаніе Караганова, повторенное здѣсь свидѣтелями, было сознаніемъ пьянаго человѣка. Правда, оно подтверждено имъ и здѣсь на судѣ, но по этому поводу я прошу васъ припомнить справедливыя указанія защитника А. Мясникова, на то, какъ часто въ разстроенномъ организмѣ человѣка, мысль, забрасываемая въ его голову извнѣ и повторяемая въ теченіе цѣлыхъ годовъ, дѣлается какъ бы его собственною мыслью. Относительно состоянія умственныхъ спо-

собностей Караганова вы слышали заключеніе только одного эксперта-психіатра, который, какъ вы знаете, давалъ свои объясненія не на основаніи личныхъ наблюденій, а на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ ему другимъ полицейскимъ врачемъ. Защита, какъ вы знаете, просила въ ущербъ себѣ, о произведеніи болѣе полной, основательной экспертизы, но просьба ея не была удовлетворена; слѣдовательно у васъ во всякомъ случаѣ должно оставаться значительное сомнѣніе въ умственномъ состояніи Караганова. Затѣмъ въ заключительной части своей рѣчи обвиненіе, касаясь отвѣтственности каждаго изъ подсудимыхъ, перешло къ распредѣленію ихъ ролей въ настоящемъ дѣлѣ и здѣсь я долженъ, выйдя изъ общей части моей рѣчи, обратиться къ вопросу объ участіи Ив. Мясникова, которому спеціально и долженъ посвятить свою защиту. Кліентъ мой обвиняется въ попустительствѣ. Я васъ прошу гг. присяжные, припомнить тѣ законы, которые относятся къ опредѣленію попустительства. Попустителемъ называется тотъ, кто, имѣя власть или возможность предупредить преступленіе, съ намѣреніемъ или по крайней мѣрѣ завѣдомо допустилъ содѣяніе онаго. Слѣдовательно, попустителемъ признается тотъ, кто не принимаетъ ровно никакого участія въ самомъ преступленіи, но кому оно извѣстно ранѣе его совершенія. Г. прокуроръ допустилъ облегченіе, такъ сказать, въ обвиненіи Ив. Мясникова—облегченіе, за которое я, ради моего кліента, очень благодаренъ обвинительной власти. Облегченіе это заключается въ томъ, что обвиненіе отнимаетъ въ виновности моего кліента всякую корыстную сторону. Г. прокуроръ, допустивъ, что Иванъ Мясниковъ воспользовался хоть малою долею плодовъ преступленія, разумѣется формулировалъ бы свое обвиненіе иначе. Въ настоящее время г. прокуроръ обвиняетъ Ивана Мясникова въ томъ, что онъ не имѣлъ достаточно гражданскаго мужества, чтобы остановить руку преступника, и не дать совершиться преступному дѣянію. Но какъ бы ни формулировалось обвиненіе Ивана Мясникова, обвиненіе это будетъ все таки связано съ преступленіемъ, ко-

торое не могло совершиться и совершено не было. И вотъ почему, возвращаясь снова къ общей защитѣ, я говорю, что въ данномъ случаѣ преступленіе не могло быть совершено на томъ еще основаніи, что оно не могло принести обвиняемымъ никакой выгоды. Объ этомъ я считаю долгомъ говорить потому, что и обвинительная власть и гражданскіе истцы, основываясь на извѣстномъ правилѣ римскихъ юристовъ, доказывали передъ вами, что преступленіе совершено Мясниковыми потому, что принесло имъ выгоду. Если вы гг. присяжные засѣдатели, преодолѣвъ понятное утомленіе, хотя бы изъ чувства справедливаго состраданія внимали тѣмъ доказательствамъ, основаннымъ на сложныхъ разсчетахъ и вычисленіяхъ, которыя указывала намъ защита, то нѣтъ сомнѣнія, вы убѣдились въ справедливости доводовъ нашихъ; противъ нихъ можетъ быть будутъ спорить обвиненіе и повѣренные гражданскихъ истцовъ, но они не будутъ спорить противъ вѣрности тѣхъ документовъ, на которые ссылалась защита. Если же, повторяю я, вы внимательно слѣдили за разсчетами, то придете къ несомнѣнному убѣжденію въ отсутствіи выгодъ отъ преступленія для Мясниковыхъ. Вы придете къ тому убѣжденію, что обвиненіе находится въ безвыходномъ, безотрадномъ положеніи. Все дѣло это миражъ. Породили его милліоны въ туманѣ, къ которымъ стремились ходатаи-аргонавты. Взгляните внимательно на всѣ эти сцѣпленія самыхъ невозможныхъ обстоятельствъ, на эту путаницу соображеній. Развѣ все это можетъ считаться серьознымъ? Состояніе Бѣляева было не такое, чтобъ желаніе воспользоваться имъ могло подвинуть Мясниковыхъ на преступленіе. Обвинительная власть это сознаетъ, допуская другую причину преступленія. Дѣла Бѣляева были будто бы такъ тѣсно связаны съ Мясниковыми, что посторонніе наслѣдники, явившись, могли захватить съ состояніемъ Бѣляева и имущество Мясниковыхъ, заставивъ послѣднихъ понести громадные убытки. Но это предположеніе невѣрно. Умираетъ Бѣляевъ, управляющій Мясниковыхъ, милліонеровъ, капиталы которыхъ постоянно служили средствомъ,

основаніемъ для его предпріятій, а слѣдовательно, и доходовъ. Кто же остаются его наслѣдниками? Вдова его. Съ нею Мясниковы въ прекрасныхъ отношеніяхъ, которыя могутъ заставить ее принимать непосредственное участіе въ составленіи подложнаго завѣщанія; обвиненіе, направленное противъ нея, вслѣдствіе давности или вслѣдствіе какой-либо другой причины, прекращено. Другая наслѣдница, Ремянникова, сестра покойнаго, единственная законная наслѣдница. Она получаетъ по завѣщанію 4,000 рублей. Что же подкуплена она этими 4,000 рублей, или хорошія ея отношенія къ Мясниковымъ заставляютъ ее отказаться отъ наслѣдства? Отчего она молчитъ? Вѣдь если Бѣляева, по закону, должна была наслѣдовать отъ покойнаго мужа четвертую часть, то все остальное наслѣдство должна была получить Ремянникова. Итакъ, Мясниковы, Бѣляева, Ремянникова—лица, находящіяся въ дружественныхъ отношеніяхъ. Ремянникова имѣла право на половину, Бѣляева на 4 и 7-ю часть наслѣдства, остальное только могло принадлежать Мартьяновой. Но что она могла сдѣлать противъ своихъ сонаслѣдниковъ, стоящихъ заодно съ Мясниковыми? Всѣ бы ея требованія опровергнись ея же сонаслѣдниками. Къ чему же былъ нуженъ подлогъ, когда Мартьянова являлась вполнѣ безсильнымъ противникомъ. Гг. присяжные засѣдатели, вы согласились со мною, что предложеніе обвиненія въ этомъ случаѣ вполнѣ нелогично. Нельзя предположить, чтобы Мясниковы, чтобы Бѣляева, чтобы Ремянникова соединились ради тѣхъ интересовъ, которые вы видите въ этомъ дѣлѣ; нельзя предположить, чтобы ради этихъ интересовъ предпринялось бы исполненіе этого хитросплетеннаго плана, съ этимъ раздѣленіемъ труда, о которомъ говорилъ повѣренный гражданскихъ истцовъ, и которое ему дало поводъ привести здѣсь изреченія разныхъ французскихъ министерствъ и государственныхъ людей.

Я покончилъ, гг. присяжные засѣдатели, съ разсмотрѣніемъ всѣхъ тѣхъ обстоятельствъ дѣла, которыхъ не касался мой товарищъ по защитѣ. Всѣ эти мелкія обстоятельства, росказ-

ни и слухи разрослись и расползлись, какъ гибкія ползучія растенія, въ чащу непроходимую, и въ ней запуталась истина. Правосудіе въ этомъ дѣлѣ введено въ заблужденіе. Этому содѣйствовали многія причины. Правосудіе, конечно, преслѣдуетъ цѣли божественныя, но отправляется оно людьми и средствами обыденными, людскими. Если математическій инструментъ можетъ быть только точенъ до нѣкоторой степени, если физическіе инструменты подлежатъ порчѣ, то какъ же не портиться тому инструменту, который служитъ главнымъ средствомъ къ изслѣдованію истины въ судебномъ дѣлѣ? Я говорю о человѣческой памяти. Приходилось возстановлять истину чрезъ 14, чрезъ 15 лѣтъ. Не было ли это задачей, превышающей человѣческія средства и силы? Гг. присяжные засѣдатели, обратите свои взоры назадъ, за 15 лѣтъ. Въ нашей скоротечной русской жизни, 15 лѣтъ — то же полстолѣтіе. Взгляните на перемѣны, совершившіяся вокругъ васъ, въ нашемъ отечествѣ, за это время. Сколько учрежденій, казавшихся крѣпкими, уже рушились и почти забыты! Взгляните на самихъ себя: памятны вамъ могутъ быть только дни великаго горя и радости; но развѣ вы можете живо и полно представить себѣ все то, что происходило около и вокругъ васъ въ ту пору? Представьте себѣ, что васъ чрезъ 15 лѣтъ спросятъ объ обѣдѣ, на которомъ вы присутствовали въ какомъ нибудь мѣстѣ, въ кругу своихъ знакомыхъ, и вы будете обязаны отдать отчетъ о происходившемъ разговорѣ, о томъ, кто за обѣдомъ сидѣлъ, кто былъ возлѣ васъ, кто напротивъ? Возможно ли, чтобы вы вспомнили, куда вы въ ноябрѣ 1858 года положили бумагу, быть можетъ и очень важную, на столъ ли у васъ въ кабинетѣ, или въ ящикъ стола, и въ какой именно? Представьте вы себѣ, что объ этомъ обстоятельствѣ васъ будутъ спрашивать не въ дружескомъ разговорѣ, но подъ присягою, подъ напоминаніемъ той отвѣтственности, которой вы можете подлежать за лжесвидѣтельство, подъ перекрестнымъ допросомъ, причемъ дѣло, о которомъ васъ допрашиваютъ, близко касается вашихъ ин-

тересовъ, и тогда представьте себѣ ваше нравственное настроеніе, и вы поймете то положеніе, въ которомъ находилась при допросѣ свидѣтельница Бѣлясва. Припомните, что Бѣляевой въ настоящее время 64 года; припомните, что ее допрашивали отъ четверти перваго до четверти пятаго, и согласитесь съ тѣмъ, что нужно имѣть желѣзные нервы, чтобы при такомъ допросѣ отвѣчать настолько ясно, положительно и твердо, чтобъ отстранить всякій поводъ къ подозрѣнію въ неискренности. Имѣйте также въ виду, что это дѣло началось при другихъ условіяхъ жизни; оно досталось въ наслѣдство судебной реформѣ. Это имѣетъ значеніе. Мы русскіе мало дорожимъ своимъ прошедшимъ; на сколько справедливо это чувство — другой вопросъ, но я заявляю лишь фактъ. Мы охотно вѣримъ всему дурному, если оно относится къ прошлому, и вотъ, справедливо или несправедливо, достаточно, чтобы это дѣло хоть сколько нибудь близко касалось старыхъ судовъ, чтобы тотчасъ явилось подозрѣніе въ подкупахъ и всякихъ злоупотребленіяхъ. Если же мы всматриваемся въ ходъ настоящаго дѣла, то мы видимъ, что если и есть указаніе на подкупы, то уже никакъ не со стороны братьевъ Мясниковыхъ; напротивъ, мы видимъ, что въ этомъ дѣлѣ участвовало столько лицъ изъ числа аргонавтовъ, молчаніе которыхъ нѣсколькими тысячами давно могло быть куплено подсудимыми, но ими не были дѣлаемы и попытки къ тому. Не подъ вліяніемъ ли вражды къ старому времени почувствовалась потребность явить примѣръ въ противность прошлымъ правамъ? Богатство прежде, можетъ быть, избѣгало надлежащаго суда—мы казнимъ богатство. Люди сильные избѣгали наказанія за совершенное ими преступленіе—мы докажемъ, что люди сильные не избѣгнутъ болѣе наказанія. И вотъ является дѣло безъ образа, безъ вида, поставленное кое-какъ на подпорки, дѣло похожее на мѣдный колоссъ съ глиняными ногами: немудрено, если онъ рухнетъ.

Такъ судите же того несчастнаго-страдальца, защиту котораго я спеціально принялъ на себя. Онъ цѣлый годъ ждетъ

вашего суда, какъ великаго праздника; вы одни можете разрѣшить тѣ узы, которыя такъ давно положены на него. Но защита моя не была бы полна, еслибы я не коснулся еще разъ вопроса о подлинности духовнаго завѣщанія. Вспомните, что разрѣшивъ этотъ вопросъ, вы судите другихъ людей, людей здѣсь передъ вами не выслушанныхъ, въ судѣ не видѣнныхъ. Быть можетъ только здѣсь, на судебномъ слѣдствіи, впервые было поднято обвиненіе противъ памяти покойныхъ священника Сицилинскаго и доктора Отто, удостовѣрившихъ своею подписью подлинность духовнаго завѣщанія. У насъ существуетъ правило въ судѣ, что нѣтъ заочнаго рѣшенія, что никого не судятъ не выслушавъ его оправданія. Кто изъ васъ, положа руку на сердце, можетъ сказать, что одинъ изъ этихъ людей, будучи призванъ сюда на допросъ, не отвѣтилъ бы, такимъ образомъ, что навсегда бы закрылъ уста обвиненію, и что онъ не представилъ бы такихъ доказательствъ въ свое оправданіе, которыя бы, разумѣется, уничтожили всякое сомнѣніе въ подлинности завѣщанія? Что бы сказалъ старикъ Бѣляевъ, еслибы въ настоящее время онъ могъ видѣть, какъ толкуется его послѣдняя воля, еслибы онъ видѣлъ, что позоръ и раззореніе грозятъ его семейству, еслибы онъ видѣлъ внуковъ лица, котораго называлъ своимъ благодѣтелемъ, сидящими здѣсь на скамьѣ подсудимыхъ подъ бременемъ неслыханно тяжкаго обвиненія, еслибы онъ слышалъ, что къ деньгамъ, оставленнымъ имъ женщинѣ, которая была ему дороже всего на свѣтѣ, для которой онъ работалъ всю свою жизнь, протягиваютъ свои руки невѣдомые Самуилъ Боровскій и купецъ Ижболдинъ? Онъ съ ужасомъ отвернулся бы отъ этого зрѣлища. Мнѣ кажется, что желанія этихъ господъ вашимъ приговоромъ не будутъ удовлетворены. Я знаю на чьей сторонѣ нравственное чувство и что вамъ скажетъ ваша совѣсть!

Защитникъ Караганова г. Деттъ. Гг. присяжные засѣдатели! Все это многотомное дѣло, многія вещественныя доказательства, безчисленное количество разныхъ писемъ, раз-

счетовъ и самое судебное слѣдствіе,— все это весьма мало касается подсудимаго Амфилогія Караганова, защита котораго мнѣ поручена. Все обвиненіе Караганова основано не на документахъ или уликахъ, но единственно на собственномъ его сознаніи. Поэтому, я считаю моей первой обязанностью разобрать это собственное сознаніе и разсмотрѣть, на сколько оно дѣйствительно заслуживаетъ вѣроятія, потому что только въ томъ случаѣ вы можете основываться на его сознаніи, когда убѣдитесь въ полной его достовѣрности.

Разсматривая съ этой точки зрѣнія сознаніе Караганова, я долженъ, прежде всего, замѣтить, что всякое сознаніе можетъ быть признаваемо достовѣрнымъ въ такомъ только случаѣ, когда оно, во-первыхъ, совершенно согласно съ обстоятельствами дѣла, а во-вторыхъ, если оно дано въ полномъ сознаніи.

Я обращусь, прежде всего, къ тому вопросу: дано ли показаніе Карагановымъ въ полномъ сознаніи? Г. прокуроръ ссылался передъ вами на то, что Карагановъ допрашивался прежде на предварительномъ слѣдствіи, и уже тогда сознался. Но на предварительномъ слѣдствіи онъ допрашивался не одинъ, а три раза. Первые два раза Карагановъ совершенно отвергалъ участіе свое въ дѣлѣ подписанія духовнаго завѣщанія, и только въ третій разъ призналъ, что подписывалъ какую-то гербовую бумагу именемъ „Козьма Бѣляевъ“, но не знаетъ, какое сдѣлано впослѣдствіи употребленіе изъ этой бумаги.

Если обратиться къ первому показанію Караганова, данному имъ въ Ставрополѣ 20-го августа 1868 г., то окажется, что ему и должна быть дана наибольшая вѣра, такъ какъ показаніе это было отобрано отъ Караганова въ то время, когда онъ, если не вполнѣ, то, по крайней мѣрѣ, еще въ значительной степени обладалъ своими умственными способностями.

Вамъ, гг. присяжные засѣдатели, было указываемо гг. защитниками Мясниковыхъ, и вы могли убѣдиться, что Кара-

гановъ, путемъ неумѣреннаго употребленія спиртныхъ напитковъ, дошелъ до бѣлой горячки. Какое вліяніе имѣла бѣлая горячка, это вамъ объяснялъ г. экспертъ Дюковъ, именно, онъ сказалъ (и г. прокуроръ съ этимъ согласенъ), что Карагановъ въ значительной степени лишился памяти, и что этимъ объясняются его неосновательные отвѣты.

При такихъ обстоятельствахъ, когда экспертъ, призванный г. прокуроромъ, и самъ г. прокуроръ признаютъ, что память у Караганова, дѣйствительно, слишкомъ слаба, возможно ли полагаться на показанія его, данныя здѣсь передъ вами, а также и на предварительномъ слѣдствіи, послѣ того, какъ онъ подвергся бѣлой горячкѣ, т. е. на его послѣднее показаніе 9-го января 1871 года? Мы видимъ, что послѣднимъ, по крайней мѣрѣ, извѣстнымъ намъ признакомъ бѣлой горячки было то происшествіе, о которомъ разсказывалъ здѣсь свидѣтель Жуковъ, что Карагановъ ходилъ нагимъ по селу. Происшествіе это случилось, приблизительно, въ октябрѣ 1870 г., слѣдовательно, не задолго до отобранія у него послѣдняго показанія. Послѣ этого, такое же разстройство умственныхъ способностей Караганова проявилось, какъ видимъ изъ дѣла, въ духовномъ завѣщаніи его, прочитанномъ на судѣ, которое было приложено къ его письму къ отцу и было найдено при обыскѣ въ его квартирѣ. Если разсмотрѣть содержаніе этого духовнаго завѣщанія, то нельзя не придти къ убѣжденію въ томъ, что оно писано не въ полномъ разумѣ. Обратите вниманіе на вступительныя слова: „Будь я проклятъ отнынѣ и навсегда, будь я преданъ анаѳемѣ, пусть не увижу царствія небеснаго, если буду говорить неправду“. Затѣмъ, слѣдуютъ два пункта, въ которыхъ онъ описываетъ, довольно правильно, что̀ слѣдуетъ сдѣлать съ его незначительнымъ состояніемъ. Въ 5-мъ пунктѣ онъ начинаетъ говорить о себѣ, и тутъ уже впадаетъ въ тѣ признаки безпамятства, которые его особенно отличаютъ. Такъ онъ говоритъ много о томъ, что онъ въ своей жизни не дѣлалъ того-то, напримѣръ: ничьей жизни никакими ядами не портилъ, не сводничалъ,

женщинами не торговалъ и т. п. Въ духовномъ завѣщаніи всѣ подобныя объясненія не требуются, и пишущіе духовныя завѣщанія подобныхъ отрицательныхъ качествъ своихъ не выставляютъ; тѣ же люди, которые допускаютъ подобныя выраженія, доказываютъ этимъ, что они не вполнѣ обладаютъ умственными способностями.

Вы, гг. присяжные засѣдатели, вѣроятно, замѣтили, что Карагановъ говорилъ на судѣ преимущественно о такихъ вещахъ, которыя его наиболѣе трогаютъ. Не замѣтили ли вы во время допроса Караганова, что онъ постоянно впадалъ въ ненормальное состояніе, когда къ нему обращались съ вопросами, лично до него относящимися. Это, кажется, всего болѣе его раздражало: онъ постоянно старался выставлять свои хорошія качества и отрицать дурныя. Совершенно такого же рода разстройство замѣтно и въ приведенномъ мѣстѣ духовнаго завѣщанія.

Если духовное завѣщаніе Караганова, дѣйствительно, доказываетъ, что онъ, во время его написанія, находился не въ нормальномъ состояніи—а это было 14-го декабря 1870 г., т. е. немного менѣе, какъ за мѣсяцъ до того, какъ отъ него отобрано его послѣднее показаніе — то, я полагаю, что сдѣланное имъ въ этомъ показаніи сознаніе, не можетъ заслуживать никакого довѣрія, потому что, давая его, онъ былъ въ безсознательномъ состояніи, въ такомъ состояніи, которое самъ экспертъ призналъ состояніемъ безпамятства. Мнѣ могутъ возразить на это, что, дѣйствительно, Карагановъ могъ забыть разныя обстоятельства своей жизни, но что забыть о совершенномъ имъ преступленіи довольно трудно, что даже и въ такомъ состояніи, когда память его недостаточно сильна, онъ долженъ былъ непремѣнно помнить о томъ преступленіи, которое его грызло. Но гдѣ же доказательства того, чтобы преступленіе, если оно, дѣйствительно, совершено имъ, грызло его, было для него тягостно? Я, напротивъ того, нахожу въ дѣлѣ доказательства противнаго. Я обращаюсь къ письму, прочтенному здѣсь передъ вами,

которое онъ писалъ 8-го августа 1868 г. къ отцу своему изъ Ставрополя. Въ письмѣ этомъ говорится о томъ, что онъ, согласно разрѣшенію отца, готовился къ отъѣзду, какъ вдругъ была получена телеграмма отъ судебнаго слѣдователя съ предписаніемъ взять съ него подписку о невыѣздѣ. Далѣе онъ удивляется этому предписанію, говоря, что, кажется, у него и у отца нѣтъ никакихъ тяжебныхъ дѣлъ, и что впредь до полученія какой нибудь бумаги, касающейся этого предписанія, онъ остается въ неизвѣстности Изъ письма этого видно, что онъ, получивъ повѣстку отъ судебнаго слѣдователя; остается совершенно спокоенъ, и ему даже не является мысль, чтобы его можно было потребовать къ судебному слѣдователю за какое-либо преступленіе. Будь онъ человѣкъ, котораго гнететъ совершонное имъ преступленіе, или, по крайней мѣрѣ, еслибъ онъ сознавалъ за собою вину въ подписаніи фальшиваго завѣщанія, то, безъ всякаго сомнѣнія, получивъ повѣстку отъ судебнаго слѣдователя, онъ бы не такъ легко отнесся къ дѣлу. Вотъ это-то обстоятельство, гг. присяжные засѣдатели, заставляетъ меня сильно сомнѣваться въ правильности его собственнаго сознанія. Затѣмъ, сличая его сознаніе съ обстоятельствами дѣла, я тоже нахожу, что всѣ эти обстоятельства не только не подтверждаютъ, а, напротивъ того, опровергаютъ его. Я не стану входить въ подробный разборъ фактовъ, которые такъ хорошо и такъ ясно изложены гг. защитниками Мясниковыхъ, такъ какъ, дѣлая это, я взялъ бы на себя лишній трудъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, утомилъ бы ваше вниманіе совершенно излишними объясненіями. Если вы убѣдились въ томъ, что обстоятельства дѣла, дѣйствительно, не доказываютъ совершенія преступленія, то, слѣдовательно, и сознаніе Караганова не можетъ этого доказать, потому что оно не согласно съ обстоятельствами дѣла. Поэтому я и думаю, что если вы признаете Мясниковыхъ невиновными въ этомъ дѣлѣ, то, конечно, не можете осудить и Караганова. Однако же, этимъ я не могу ограничить своей защиты. Я, по необходимости,

долженъ предположить тотъ случай, что вы признаете Мясниковыхъ виновными, потому что даже тогда возникаетъ еще вопросъ: виноватъ ли Карагановъ? Но и тутъ, какъ я уже сказалъ, вамъ придется основываться только на его сознаніи. Конечно, въ этомъ случаѣ вы, гг. присяжные засѣдатели, основываясь на этомъ сознаніи, должны будете признать, что оно имъ дано не при отсутствіи умственныхъ способностей и не въ состояніи безпамятства, и потому будете придавать ему полную вѣру. Г. прокуроръ въ своей обвинительной рѣчи нѣсколько обрѣзалъ показаніе Караганова, потому что признаетъ одну часть его, а другой не признаетъ. Мнѣ кажется, что ужъ если принимать показаніе Караганова за достовѣрное, то слѣдуетъ принимать его вполнѣ. Въ показаніи своемъ Карагановъ положительно говоритъ, что онъ подписалъ бѣлый листъ бумаги именемъ Бѣляева, но въ то же время онъ говоритъ, что не зналъ, какое употребленіе Мясниковъ сдѣлалъ изъ этого листа бумаги. Такимъ образомъ, если признать всецѣло показаніе Караганова, то необходимо признать и то, что онъ, дѣйствительно, не зналъ какое употребленіе желалъ сдѣлать и сдѣлалъ Мясниковъ изъ его подписи.

Независимо отъ этого я представлю вамъ еще одно доказательство и одно соображеніе, убѣждающія въ томъ, что Карагановъ дѣйствительно не зналъ о томъ преступленіи, которое намѣревался совершить А. Мясниковъ. Доказательство это заключается въ показаніи Красильникова, который, отвѣчая на мой вопросъ, объяснилъ, что Матвѣевъ разсказывалъ ему, что когда А. Мясниковъ передавалъ ему, Матвѣеву, духовное завѣщаніе для того, чтобы онъ свезъ его въ гражданскую палату для засвидѣтельствованія, то вмѣстѣ съ тѣмъ поручалъ Матвѣеву не показывать этого завѣщанія, когда онъ будетъ въ конторѣ, Караганову. Стало быть, А. Мясниковъ, если повѣрить этому показанію, поручая Матвѣеву духовное завѣщаніе, опасался, чтобы Карагановъ не увидѣлъ своей подписи и не остановилъ дальнѣйшаго теченія дѣла. Опасеніе

это возможно, со стороны Мясникова, только въ томъ случаѣ, если онъ предполагалъ, что Карагановъ не знаетъ о томъ употребленіи, какое онъ сдѣлалъ изъ его подписи на бѣломъ листѣ бумаги. Вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣйствительно представляется невѣроятнымъ, чтобъ А. Мясниковъ сказалъ Караганову, для какой именно цѣли онъ желаетъ имѣть его подпись. Это невѣроятіе высказывается не мною первымъ: оно высказано, хотя и не прямо, прежде меня, если не ошибаюсь, г. прокуроромъ или гражданскимъ истцомъ, а именно: еслибъ А. Мясниковъ задумалъ составить духовное завѣщаніе, то онъ постарался бы не вводить въ свой секретъ постороннихъ и не давалъ бы одновременно и свидѣтелямъ подписать и переписчику переписать и Караганову руку поддѣлать, а напротивъ того, по всей вѣроятности, далъ подписать Караганову бѣлый листъ бумаги, а затѣмъ уже далъ переписать на этотъ листъ самое духовное завѣщаніе, которое, какъ говорятъ, пригонялось къ его подписи, и потомъ просилъ свидѣтелей его подписать. Сказать же Караганову, что на подписанномъ имъ листѣ онъ намѣренъ написать духовное завѣщаніе, было бы до такой степени откровенное объясненіе со стороны Мясникова, что оно одно уже могло бы уничтожить въ самомъ началѣ задуманное дѣло, обративъ вниманіе Караганова на незаконность его поступка. Такимъ образомъ мнѣ кажется, что утвержденіе г. прокурора, что Карагановъ зналъ о цѣли, для которой требовалась его подпись, не заслуживаетъ никакого уваженія, тѣмъ болѣе, что въ доказательство этого представлено имъ только одно обстоятельство, именно: г. прокуроръ видитъ доказательство его знанія въ томъ, что Карагановъ учился подписываться подъ руку Бѣляева, что онъ нѣсколько разъ пытался сдѣлать подпись: „Козьма Бѣляевъ“, и только послѣ нѣкоторыхъ усилій на одномъ листѣ достигъ до настоящаго почерка покойнаго. Изъ этого, мнѣ кажется, довольно трудно и даже невозможно вывести заключеніе о томъ, что Карагановъ зналъ о назначеніи той подписи, которую онъ воспроизводилъ.

Наконецъ, если вы, гг. присяжные засѣдатели, несмотря на всѣ мои доводы, признали, что Карагановъ зналъ о намѣреніи Мясникова, то и въ такомъ случаѣ дѣйствія его должны быть причислены къ приготовительнымъ дѣйствіямъ для составленія духовнаго завѣщанія. По закону приготовительными дѣйствіями называются тѣ, которыми доставляются средства для совершенія преступленія. Въ настоящемъ случаѣ, если Карагановъ подписывалъ бѣлый листъ бумаги, и зналъ, что на немъ впослѣдствіи напишется духовное завѣщаніе, то онъ этимъ доставлялъ средство А. Мясникову написать это духовное завѣщаніе; слѣдовательно, я нахожу, что дѣйствіе Караганова можно назвать только приготовительнымъ дѣйствіемъ, а вовсе не прямымъ участіемъ въ совершеніи преступленія.

Послѣ этого мнѣ оставалось бы только сказать нѣсколько словъ о самомъ Карагановѣ; но вы уже достаточно ознакомились съ его личностью изъ рѣчей г. прокурора, защитниковъ и гражданскихъ истцовъ, и потому я не считаю нужнымъ болѣе вдаваться въ подробности по этому поводу. Я вполнѣ согласенъ съ характеристичнымъ поясненіемъ г. прокурора, что Карагановъ въ маломъ видѣ представлялъ то же самое, что Бѣляевъ представлялъ въ большомъ для Мясниковыхъ. Та же преданность, то же честное управленіе дѣлами и заботливость объ имуществѣ своего хозяина характеризуютъ Караганова; но между нимъ и Бѣляевымъ есть одна отличительная черта, именно та, что Бѣляевъ былъ человѣкъ съ весьма твердымъ, рѣшительнымъ характеромъ, Карагановъ, напротивъ того, человѣкъ слабохарактерный, что явно проглядываетъ въ немъ здѣсь предъ вами. Эта слабохарактерность его подчиняла себѣ часто даже его собственную волю, и вотъ почему, служа своимъ хозяевамъ вѣрно и честно, онъ не могъ противостоять ихъ вліянію, и когда А. Мясниковъ предложилъ ему подписать бѣлый листъ именемъ Бѣляева, онъ считалъ своею обязанностью послушаться его, вовсе не входя въ разсужденіе о томъ, честно ли онъ поступаетъ,

дѣлая это: какъ господинъ велитъ, такъ онъ и дѣлаетъ. Конечно, гг. присяжные засѣдатели, я и не думаю обвинять или вообще приписывать совершеніе этого преступленія Мясниковымъ, а говорю только о томъ случаѣ, если вы признаете Караганова виновнымъ. Я не могу также приписывать гг. Мясниковымъ умышленнаго желанія развратить Караганова; я не вижу того, чтобы они старались опьяненіемъ довести его до потери сознанія, сдѣлать изъ него то, чѣмъ онъ является въ настоящее время предъ вами; я не рѣшаюсь бросать въ нихъ подобнымъ образомъ грязью, когда не имѣю достаточныхъ доказательствъ. Быть можетъ, у г. прокурора есть для этого какія-нибудь основанія; я же ихъ не имѣю. Затѣмъ мнѣ кажется, что тому пьянству, въ которое впалъ Карагановъ, не были причиной также и сыщики. Можетъ быть, дѣйствительно, когда-нибудь и сыщики его спаивали; но это было уже въ то время, когда онъ достаточно и самъ предавался пьянству. Я думаю, напротивъ, что вся жизнь его сложилась такъ, что было достаточно причинъ, которыя могли довести его до этого несчастнаго положенія. Онъ женился, какъ вы слышали, въ молодыхъ лѣтахъ, на Натальѣ Обольяниновой. Женщина эта, по образованію своему и по происхожденію, стояла не выше Караганова; но какъ вы уже знаете, она была оперной пѣвицей, была нѣкоторое время въ дружескихъ отношеніяхъ съ А. Мясниковымъ, привыкла къ лѣни и роскоши. Карагановъ женился по привязанности, онъ думалъ устроить свою жизнь счастливо; но тутъ онъ испыталъ совершенно противное тому, чего ожидалъ. Обольянинова не могла отстать отъ тѣхъ привычекъ, которыя такъ вкоренились въ ней во время ея прежней жизни: ее тянуло въ Петербургъ, она хотѣла снова жить въ роскоши и тратить деньги безъ счета. Карагановъ занимался дѣлами; но они уже приходили въ разстройство. Съ одной стороны жена, которая ему постоянно надоѣдала просьбами о возвращеніи въ Петербургъ, съ другой разстройство въ дѣлахъ, которое весьма сильно его тревожило — все это должно было непре-

мѣнно повліять на его характеръ. Сокрушенныя надежды, неисполненныя желанія, затѣмъ исчезновеніе брата, котораго онъ очень любилъ и о которомъ писалъ своему отцу, разлука со своимъ семействомъ, жизнь одинокая въ ставропольской конторѣ, наконецъ особенное положеніе, въ которомъ онъ находился вслѣдствіе того, что былъ мужемъ любовницы своего хозяина—все это, говорю я, могло повліять на его жизнь и довести его до пьянства.

Вотъ все, что я могъ сказать въ защиту Караганова; затѣмъ мнѣ только остается просить васъ, гг. присяжные засѣдатели, отнестись къ нему съ снисхожденіемъ въ случаѣ, если вы признаете за нимъ вообще какую-нибудь вину.

По выслушаніи репликъ, какъ обвиненія, такъ и защиты, предс. предложилъ подсудимымъ послѣднее слово.

Подс. А. Мясниковъ ничего не прибавилъ къ сказанному защитниками.

Подс. И. Мясниковъ. Я могу сказать только, что я не виновенъ.

Подс. Карагановъ Позвольте сказать. Я не скрываю себя. Я дѣйствительно былъ не здоровъ, мѣсяцъ лежалъ. Это было послѣ того, какъ я имѣлъ несчастія... пожары и проч. Я дѣйствительно былъ нездоровъ. Я не могу поправиться, и теперь нездоровъ еще.

Судъ удалился затѣмъ для постановленія вопросныхъ пунктовъ.

Черезъ часъ судъ вышелъ и прочелъ слѣдующіе вопросы:

1) Было ли составлено, въ августѣ или сентябрѣ 1858 *года, фальшивое, отъ имени фридрихсгамскаго купца Козьмы* Бѣляева духовное завѣщаніе, писанное отъ 10-го мая 1858 года, на которомъ подпись „Козьма Бѣляевъ“ была поддѣлана подъ руку Бѣляева другимъ лицомъ?

Если означенное духовное завѣщаніе было составлено, то:

2) *Виновенъ ли* подсудимый Александръ Мясниковъ въ томъ, что подговорилъ другихъ лицъ написать текстъ этого

завѣщанія, поддѣлать на немъ подъ руку умершаго Бѣлаева подпись „Козьма Бѣляевъ“ и подписаться подъ завѣщаніемъ свидѣтелями?

3) *Виновенъ ли* подсудимый Иванъ Мясниковъ въ томъ же преступленіи?

4) Если подсудимый Иванъ Мясниковъ не виновенъ по предыдущему вопросу, то *виновенъ ли* онъ въ томъ, что, *зная о намѣреніи другихъ лицъ составить фальшивое* отъ имени купца Бѣляева *завѣщаніе и имѣя возможность предупредить* приведеніе этого намѣренія въ исполненіе, *завѣдомо допустилъ* составленіе этого духовнаго завѣщанія?

5) *Согласился ли* подсудимый Амфилогій Карагановъ, по подговору другихъ лицъ, участвовать въ составленіи фальшиваго отъ имени купца Бѣляева завѣщанія и *поддѣлалъ ли* онъ съ этою цѣлью сдѣланную на семъ завѣщаніи подпись: „Козьма Бѣляевъ?“

6) Если подсудимый Карагановъ совершилъ указанныя въ предыдущемъ вопросѣ дѣйствія, *то находился ли* Карагановъ, совершая ихъ, въ состояніи съумасшествія?

Прис. повѣр. Дегтъ. Мнѣ кажется, что вопросъ относительно Караганова поставленъ не совершенно точно. Подс. Карагановъ обвиняется собственнымъ сознаніемъ въ томъ, что онъ подписалъ бумагу, съ знаніемъ о томъ, что эта бумага будетъ впослѣдствіи употреблена для составленія духовнаго завѣщанія. Слѣдовательно, мнѣ кажется, въ этомъ смыслѣ долженъ бы быть поставленъ и вопросъ о подс. Карагановѣ, съ раздѣленіемъ его на 2 п., причемъ 2-й п. долженъ имѣть такую форму: зналъ ли онъ, что подпись его будетъ употреблена при составленіи подл. завѣщанія?

Д-ръ пр. Лохвицкій. Я бы желалъ, чтобъ первый вопросъ былъ поставленъ такъ: подложно ли составлено такое-то завѣщаніе, или сдѣланы ли на немъ подписи свидѣтелей, послѣ смерти завѣщателя? съ тѣмъ, чтобы присяжнымъ было объявлено, что они могутъ отвѣчать на первую или вторую часть утвердительно, или отрицательно.

Г. Арсеньевъ. Я не возражаю, но нахожу, что о подписи свидѣтелей не должно быть упомянуто въ вопросѣ, такъ какъ это обстоятельство не было предметомъ разсмотрѣнія.

Судъ оставилъ ходатайства защитника Караганова и г. Лохвицкаго безъ послѣдствій. Послѣ резюме г. предсѣдательствовавшаго присяжные удалились въ совѣщательную комнату, изъ которой послѣ получасоваго совѣщанія, вынесли приговоръ, въ которомъ отвѣтили на первый вопросъ: „нѣтъ, не было". Прочіе вопросы остались безъ отвѣта.

Судъ, на основаніи 1-го пункта 771 ст. уст. угол. судопр., объявилъ подсудимыхъ по суду оправданными.